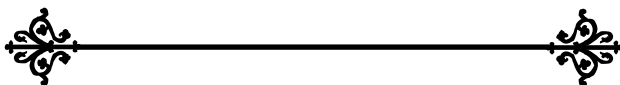

Ш. Д. ИНАЛ-ИПА

УБЫХИ

Историко-этнографические очерки

В. А. ЧИРИКБА

УБЫХСКИЕ ЭТЮДЫ

Сухум — 2015

УДК 391/395
ББК 63.5 (=602.3)–3
И 57

**Издание осуществлено при финансовой
поддержке ЗАО «АКВАФОН-GSM»**

Ш. Д. Инал-Ипа. Убыхи. Историко-этнографические очерки/ Ш. Д. Инал-Ипа. — Сухум, 2015 — 560 с.

ISBN 978-5-7164-0668-1

Монография доктора исторических наук, почетного члена Адыгской (Черкесской) Международной Академии Наук, профессора Шалвы Денисовича Инал-Ипа «Убыхи» представляет собой историко-этнографический труд, ставший результатом многолетних исследований. Данная работа затрагивает многие вопросы истории и культуры этого почти растворившегося на чужбине народа, некогда сыгравшего выдающуюся роль в политической истории Северо-Западного Кавказа XIX в. Книга представляет интерес для историков, этнографов и широкого круга читателей.

Выражаем благодарность Генеральному директору ЗАО «Аквафон-GSM» Алхасу Юрьевичу Аргун, а также всему руководству компании за финансовую и организационную помощь при подготовке и публикации данной монографии

Выражаем также большую благодарность Стелле Садзба за проделанную кропотливую работу.

Монография подготовлена к изданию М. К. Хотелашвили–Инал-Ипа
Технический редактор и макетирование — Стелла Садзба

ISBN 978-5-7164-0668-1

Убыхи © 2015 Ш. Д. Инал-Ипа.
Убыхские этюды © 2015 V. A. Chirikba.

*Посвящается памяти побежденных,
но непокоренных*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ	7
ПРЕДИСЛОВИЕ	14
ВВЕДЕНИЕ	17
Глава первая	
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ (КРАТКИЙ ОЧЕРК)	40
Глава вторая	
ЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ	
ИСТОРИИ УБЫХОВ	102
1. К изучению убыхского языка	102
2. Убыхская этнонимия	147
3. Топонимика	168
4. Из убыхской антропонимии	180
Глава третья	
ТЕРРИТОРИЯ И ЧИСЛЕННОСТЬ УБЫХОВ	189
1. Вопросы территориального распространения убыхов	189
2. Краткие сведения о численности убыхов	231
Глава четвертая	
ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ СТРОЕ УБЫХОВ	233
1. Об общественном строе	233
2. О социальной структуре	254
3. Об одном «межсловном» обычае (аталычество)	263
Глава пятая	
ВОЕННЫЙ БЫТ УБЫХОВ	270
1. Военизированный быт убыхов	270
2. Военные действия на суше	280

3. Борьба на море	294
4. Что такое аррархийская власть?	309
Глава шестая	
НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО БЫТА	317
Глава седьмая	
КОЕ-ЧТО О ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ УБЫХОВ.....	341
1. О религии	341
2. О фольклоре	353
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	368
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	386
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.	
Письма Ж. Дюмезиля к Ш. Д. Инал-Ипа	388
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.	
ЧИРИКБА В.А. УБЫХСКИЕ ЭТЮДЫ	394
1. РАССЕЛЕНИЕ УБЫХОВ НА КАВКАЗЕ И В ТУРЦИИ	
Убыхи на Кавказе	395
Языковая ситуация в Убыхии и в Турции	402
К вопросу об идентичности убыхов	405
Социальная структура традиционного убыхского общества и ее отголоски в современности	409
Убыхские села в Турции	411
2. СЛОВАРЬ УБЫХСКИХ ФАМИЛИЙ	447
3. АННОТИРОВАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	
ЛИТЕРАТУРЫ ОБ УБЫХСКОМ ЯЗЫКЕ,	
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ	489

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КНИГЕ «УБЫХИ»

История книги Шалвы Денисовича Инал-Ипа «Убыхи» оказалась не менее сложной, чем у недавно переизданной книги «Садзы». Работать над темой об убыхах он начал практически раньше, чем над работой о садзах. Еще во второй половине 1950-х гг. он ездил в Шапсугию, где посетил семью потомков убыхов Черен с надеждой, что сможет собрать кое-какие материалы об убыхах¹. В 1965 г. он вновь посетил это семейство и от этого времени сохранились фотографии и письма.

Первые исследовательские материалы об убыхах были представлены им в докладе на Туапсинской краеведческой географической конференции в 1964 г.² Под тем же названием, и в том же году, но в значительно дополненном виде доклад был прочитан на конференции в Баку.³ В 1967 г. Ш. Д. Инал-Ипа подготовил и послал в Москву в Институт истории АН СССР статью об этом народе для публикации в предполагавшемся сборнике, посвященном памяти А. В. Фадеева. К сожалению, по неизвестным мне причинам, статья не была опубликована (а, возможно, что и весь сборник), второй же экземпляр рукописи сгорел в АБИАЛИ во время грузино-абхазской войны 1992–1993 гг.

¹ Тогда же он попал на какое-то торжество, где ему подарили «древо жизни», около метра высотой, изготовленное в виде деревца из веток-палочек с густо подвешенными к каждой из них низкими с орешками фундука.

² Тезисы докладов. — Краснодар. 1967. С. 168–170.

³ Локализация племени убыхов и его некоторые этнические особенности. // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Тезисы докладов. — Баку. 1965. С. 200, 201.

В 1971 году вышел сборник Ш. Д. под названием «Страницы исторической этнографии абхазов», в который вошла большая статья под названием «Убыхи и их этно-культурные связи с абхазами». Как написал автор в примечании, в эту статью были включены материалы и из упоминавшихся выше доклада и статьи. К этому времени у Ш. Д. окончательно созрела идея написать большое монографическое исследование об убыхах. Эта идея стала постепенно воплощаться в жизнь. С перерывами, но к работе над монографией он возвращался на протяжении многих лет. Работая в архивах и с научной литературой, Ш. Д. собрал довольно обширный и немаловажный материал⁴. В начале 1990-х гг. книга «Убыхи. Историко-этнографические очерки» в основном была завершена. Однако, как видно, этому труду с самого начала была уготована непростая судьба.

В тяжелые дни грузино-абхазской войны, когда в соседнем доме из окон квартиры писателя Джумы Ахуба грузинские гвардейцы выбрасывали книги и разлетавшиеся по ветру листы рукописей, Ш. Д., видя такое варварство, решил перенести готовые работы, статьи, часть своего научного архива, важные для него письма и рабочие материалы⁵ из дома в кабинет в здании АБИИЯЛИ.

Ш. Д. казалось, что после двух погромов института, варвары более туда не придут. Кроме того, он ожидал прихода гвардейцев и в свой дом. В результате, «спасая» свои материалы он,

⁴ Интересно отметить, что, работая над своим знаменитым романом «Последний из ушедших», Баграт Васильевич Шинкуба ознаякомился с архивными и другими материалами, собранными Ш. Д., некоторые из которых оказались полезны для его эпического повествования о трагической судьбе убыхских махаджиров.

⁵ Среди этих материалов были и дневники, которые он вел во время участия в экспедиции Института истории и этнографии АН Гр. ССР 1945 г., работавшей на территории Чечено-Ингушетии, после высылки населения в 1944 г. Записи он вел латинским алфавитом, чтобы никто не смог бы их прочесть. Б. В. Шинкуба, который читал их, очень сетовал об их утрате.

в результате поджога института гвардейцами, остался без самых важных рукописей. Среди последних погибла очень ценная рукопись большой монографии, посвященной абхазской топонимике Западной Грузии. Другие два ее экземпляра перед войной были переданы для рецензирования известным ученым В. А. Никонову и Ш. В. Дзидзигури, но, как видно, они для нас потеряны. Сгорела также солидная по объему книга с уникальными неизданными материалами абхазского фольклора и этнографическими параллелями к ним. Погиб и последний вариант «Убыхов». Единственная рукопись, которую я попросила тогда оставить мне дома на три дня для прочтения, была книга «Садзы». Благодаря моей просьбе она сохранилась.

Шалва Денисович тяжело переживал потерю последнего и окончательного варианта книги «Убыхи», также, впрочем, как и других погибших его неопубликованных ценных монографий и статей. Но он не смирился с потерей «Убыхов» и решил попробовать восстановить, насколько это было возможно, погибший текст. В домашнем архиве Ш. Д. частично сохранились первые варианты книги, на основе которых он начал работу по восстановлению своего сгоревшего труда.

Он очень хотел завершить книгу, планировал, насколько было мыслимо, восстановить и частично восполнить утраченные страницы, используя материал из кое-каких сохранившихся черновиков и книг. Все последние месяцы он непрестанно работал над «Убыхами», но, к сожалению, завершить работу не успел.

В последние минуты своей жизни Ш. Д. попросил меня: «Может быть, ты сможешь собрать все оставшиеся дома материалы об убыхах, и хоть как-нибудь их издать».

Спустя год или два после его смерти, желая исполнить просьбу Ш. Д., я с большими сомнениями, неуверенная в своих силах, принялась за работу. Это была первая из его книг, за издание которой я взялась после его ухода из жизни. Мне пришлось тщательно перебрать отложенные им книги, которые он использовал в своей работе над «Убыхами».

Юрий Гудисович Аргун, и я постранично пересмотрели подчеркнутые им места в отложенных им книгах и брошюрах. В последующее время вдвоем с Юрием Гудисовичем мы внимательно прочли отмеченные страницы, записи на полях книг и некоторые собранные в папках материалы. С этого и началась моя работа.

В основу восстанавливаемой книги положены старые сохранившиеся в доме первоначальные варианты, хотя в них некоторых листов не доставало, отсутствовало и то, что он успел сделать в течение последних лет перед войной. Изучая записи Ш. Д., его рукописные наброски, выписки из литературы, постоянно обращаясь к папкам с некоторыми сохранившимися архивными материалами, я, наконец, как смогла, собрала книгу. Не мне судить, как это получилось. Конечно, понимаю, что в ней будут большие лакуны, особенно в исторической части, а также в разделе о топонимике, так как листов с убыхскими топонимами я так и не нашла. В связи с этим, пришлось ограничиться собранными Ш. Д. топонимическими названиями абхазского языкового корня, которых оказалось удивительно много на территории Убыхии.

Работать над восстановлением данного труда я начала во второй половине 90-х гг. и отчасти продолжила в первые годы XXI века. Книга фактически полностью написана Ш. Д., если не считать вставок из им же собранных материалов, которые я добавляла к рукописному тексту. И вот, наконец, вместо того, чтобы быть изданной в первую очередь, эта книга выходит только сейчас, после монографии «Антропонимия абхазов» и, переиздания книг «Вопросы этнокультурной истории абхазов» и «Садзы». За это время уже опубликованы несколько монографий, посвященных убыхам других авторов,⁶ в ряду которых книга Ш. Д. выходит теперь шестой.

⁶ **Ворошилов В. И.** История убыхов. — Майкоп. 2006. 371 с.; **Кумахов М. А.** Убыхи. // Адыгская (Черкесская) энциклопедия. — М. 2006. С. 473–531.; **Лавров Л. И.** Убыхи. Историко-этнографическая монография. — Санкт-Петербург. 2009. 29–228 с.; **Хафизова М. Г.** Убыхи.

В этом, конечно, моя вина, поскольку я очень долго не могла организовать ее издание. При всем том, уверена, что основные идеи Ш. Д. нашли отражение в его книге, а там, где мне пришлось самой восстанавливать материал, я указываю об этом в сносках. К сожалению, в книге не удалось избежать разночтений в приводимых антропонимах, этнонимах, топонимах и других названиях, поскольку в авторской рукописи они приведены во множестве вариантов.

Надеюсь, специалистам и широкому кругу читателей будет интересно ознакомиться с этим многострадальным трудом. Им предоставляется возможность оценить достоинства и недостатки «Убыхов» Шалвы Денисовича, учитывая при этом, в каких сложных условиях восстанавливалась эта книга.

При всем вышеизложенном хочется остановиться и сказать несколько слов и о том, что в данной книге нашли отражение расхождения автора данной монографии в вопросе об убыхо-садзских взаимоотношениях с таким выдающимся ученым, каким был Леонид Иванович Лавров, отстаивавший идею не абхазо-садзского, а убыхо-садзского этнического единства.

Здесь придется привести высказывание Ю. М. Ботякова, работавшего при консультативной помощи С. З. Кодзовой и П. И. Погорельского над текстом подготавливавшейся им монографии Л. Т. Лаврова к изданию. Оно было высказано им в его предисловии, в котором он почему-то решил коснуться вопроса расхождений между Л. И. Лавровым и Ш. Д. Инал-Ипа, представляющее для нас чрезвычайный интерес. В виду важности содержащихся в этой цитате оценок ученых, несмотря на большой объем текста, приведу его полностью:

«Не все научные взгляды Л. И. Лаврова, как и любого масштабно мыслящего яркого ученого, в полной мере разделялись в научном сообществе. Но полемизировать с ним было задачей непростой: столь характерная для него широта мысли всегда базировалась на надежном фундаменте скрупулезно проверен-

Ш. Д. Инал-Ипа в Шапсугии.
Слева сидит Харет Ибрагимовна Черен

ного материала. Достаточно вспомнить здесь видного абхазского ученого Ш. Д. Инал-Ипа, который в частности, не принимал утверждения своего оппонента Л. И. Лаврова об убыхо-садзском этническом единстве, отстаивая абхазские корни садзов. Здесь мы можем привести слова самого Шалвы Денисовича, сказанные им по поводу его монографии «Садзы»: «Не бывает исследований, не вызывающих никаких возражений и разногласий. Но есть вместе с тем объективные критики и рецензенты, которые, надо полагать, скажут свое слово, когда монография увидит свет» (Инал-Ипа Ш.Д., 1995, с. 8)⁷.

⁷ **Ботяков Ю. М.** Монография Л. И. Лаврова «Убыхи». К 70-летию создания. // Лавров Л. И. Убыхи. Историко-этнографическая монография. С-Пб. 2009. С. 25–26.

Мы же от себя можем добавить, что в этом серьезном споре двух ученых, помимо работы Ш. Д. Инал-Ипа, свое слово сказали сами садзы, их предания, фольклор и, главное, тот факт, что они разговаривают между собой на сохранившемся полноценном диалекте абхазского языка, в котором не просматриваются следы субстратного слоя убыхского. В этом отношении никаких сомнений не оставляют глубокие статьи В. А. Чирикба, не только о садзском, но и выделенном им ахчипсхувском диалекте абхазского языка, опубликованные в приложении к переизданным в 2014 году «Садзам». Таким образом, можно с уверенностью сказать, что монографии Ш. Д. Инал-Ипа «Садзы» и «Убыхи» вместе со статьями В. А. Чирикба дают однозначный ответ на давний научный спор двух ученых о характере садзско-убыхских и садзско-абхазских этнических взаимоотношений.

Здесь следует сказать о том, что в свое время Ш. Д. Инал-Ипа, подготовив монографию «Садзы» к печати, обратился к В. А. Чирикба, потому что считал необходимым подтверждать свои исследования материалом, собранным среди потомков абхазских махаджиров Турции. Следуя желанию автора, мы и в этот раз предложили В. А. Чирикба приложить к данному изданию свои материалы по убыхам, собранные во время последних экспедиций в Турцию. В. А. Чирикба любезно согласился, за что мы ему бесконечно благодарны.

М. К. Хотелашвили–Инал-Ипа

ПРЕДИСЛОВИЕ

Существует множество ярких описаний, определений, сравнений, связанных с легендарным Кавказом. Можно предложить ещё одно, пусть и не такое уж красочное и остроумное: наш край напоминает большой и древний дом. Его домочадцы с незапамятных времен живут в нём под одной крышей, а знают друг о друге очень мало. Я родился и вырос в непосредственной близости от Убыхии, а об этой соседней стране и её народе в продолжение всего детства не имел, можно сказать, никакого представления, хотя, правда, уже с измальства знаю абхазскую поговорку: «Унзырхазей, уара, Аублаа дутазшә?» («Ты, что, друг, так задержался, как будто сам Аублаа гостил у тебя»), то есть представитель самой высшей абхазской знати. Долго ещё не знал я и то, что слово «Аублаа» стало, после многих десятилетий со времени выселения убыхов и садзов, одним из абхазских названий убыхов. О существовании же «убыхов», как и об их самоотверженной борьбе за независимость, я впервые услышал в тридцатых годах в нашей Сухумской Абхазской Горской школе от замечательного своего учителя, в будущем известного историка Анатолия Всеволодовича Фадеева.

Но и это скоро почти полностью выветрилось из моей шальной детской головы. Только позднее, в конце тех же тридцатых, будучи студентом одного из московских вузов, мне довелось случайно прочитать коротенькую безымянную (подписанную инициалами Ж. С.) заметку «О последнем убыхе Хатажуке», содержание которой настолько потрясло меня, что осталось в памяти навсегда.

И мне хочется привести её здесь почти целиком: «Рассказ Ах. Цаликова «Последний из убыхов (Кавказская быль)» повествует о том, как убых Хатажук, лишённый возможности взять с собой при переселении в Турцию своего любимого коня, бросился на нём в море», решив покончить с жизнью вместе с ним: «Вороной красавец изогнулся, бросился в море и поплыл... поплыл вместе с всадником в открытый простор... туда, где на свободе ходили сердитые волны. Плыл, а потом скрылся в пучине морской навеки». Автором же самого рассказа был осетинский прозаик начала XX в. Ахмет Цаликов⁸.

Безумство и отвага свободолюбивого горца, его трагическая судьба вызвали во мне безмерное чувство жалости и сострадания к герою и к его неразлучному прекрасному коню, с одной стороны, и ненависть к насилию — с другой. Эти образы, глубоко запавшие в мою душу, долго не давали ей покоя и явились своеобразным толчком к моим исследовательским увлечениям оваянными боевой славой убыхами, и их непосредственными соседями, абхазами-садзами, разделившими с ними общую горькую судьбу⁹.

В 1864 году убыхи, как и другие горцы, были поголовно выселены в Турцию. Осталась здесь их осиротевшая земля с кладбищами предков, занятая вскоре колонистами, да их древняя, почти незатронутая исследованием история. Но кто теперь её напишет и как?!

Написать историю и описать этнографию народа, как известно, дело сложное даже при наличии необходимых «строительных» материалов, а тем более в условиях, подобных убыхским. В самом деле, что делать, если у народа, прошлое которого хотят восстановить, не было письменности, если его край архе-

⁸ **Цаликов Ацат.** *Последний из убыхов. Кавказская быль*//«Кавказские курорты». — Пятигорск. 1913, № 18, с. 4–5.

⁹ **Инал-Ипа Ш. Д.** *Садзы (Историко-этнографические очерки).* — М. 1995.

ологически почти не изучен, если крайне ограничены и другие источники, если с лица своей земли исчез и сам объект исследования, вынужденно покинув родину, забрав с собой за море доживающие свой век язык и предания, которые в какой-то степени могли бы помочь воссоздать картины былого, если разрушена вся уникальная самобытная культура — неповторимое связующее звено между двумя родственными племенными мирами, а носители этой культуры уже почти полностью ассимилированы и рассеяны по белу свету и скоро не останется из них ни одного.

В этих условиях исключительно важное значение приобретает выявление, собирание по крупницам и анализ любых материалов и сведений, относящихся к убыхам. Это позволит ученым в какой-то мере возместить утраченные страницы истории малочисленного, но великого духом, отважного, красивого народа и тем самым выполнить хотя бы отчасти свой долг перед потомками рассеянного по миру народа, перед научным кавказоведением, перед мировой наукой вообще.

ВВЕДЕНИЕ

Древние авторы Кавказ образно называли «Горой языков». И до сих пор он производит неизгладимое впечатление многочисленностью языков и наречий, а соответственно и разных народов, народностей и небольших этнических групп. В настоящее время здесь представлено около 40 кавказских языков, составляющих три группы: абхазо-адыгскую, нахско-дагестанскую и картвельскую. Эти народы — и малочисленные, и относительно большие — живут здесь и развиваются в течение веков и тысячелетий, находя в кавказских горах и ущельях приют и убежище. В настоящее время многочисленность и многоязычие сохранились и особенно характерны для Восточного Кавказа — Большой «Горы языков», а Северо-Западный Кавказ — теперь уже Малая «Гора языков», включавшая еще недавно в свой состав все языки и диалекты абхазо-убыхо-адыгской группы. Абхазская подгруппа включает абхазский язык с диалектами — бзыбским, садзским (представлен теперь только в Турции), абжуйским и абазинский язык с диалектами ашхарским и тапантским; черкесская подгруппа — адыгейский (нижнечеркесский, кяхский) и кабардино-черкесский языки с их диалектами — четыре диалекта адыгейского: темиргоевский (чемгуйский), абадзехский, бжедугский, шапсугский и четыре диалекта кабардинского: диалект Большой Кабарды, бесленеевский, кубанский, моздокский вместе с черкесским (или кубано-зеленчукскими говорами)¹⁰; наконец, особый убыхский язык, существовавший в районе от Сочи до р. Шахе. В области изучения убыхов наибольший интерес отечественных и зарубежных исследователей вызвал и до

¹⁰ *Климов Г. А. Введение в кавказское языкознание. — М. 1986. С. 30.*

сих пор вызывает, прежде всего, их язык. Об этом свидетельствует даже простой перечень посвящённых ему работ.

Так, если, как мы увидим ниже, заслуга открытия первой страницы историко-этнографического изучения убыхов принадлежит первому абхазскому ученому Соломону Темурковичу Званба, с его превосходными «Зимними походами убыхов на Абхазию», написанными в середине XIX века, то первые прочные подлинно научные основы лингвистического убыховедения были заложены известным русским кавказоведом Петром Карловичем Усларом, неопровержимо доказавшим, вопреки имевшим хождение разноречивым мнениям, бесспорную самостоятельность убыхского языка¹¹, что нисколько не противоречило им же впервые высказанной идее о промежуточном положении убыхского между родственными абхазским и адыгскими языками¹². Интересные мысли и наблюдения об убыхах и их языке содержатся также в усларовских «Черновых заметках о черкесском языке»¹³ и в другой его работе — «Чеченский язык»¹⁴.

Вместе с тем, П. К. Услар ещё тогда выражал свои опасения насчёт быстрой разгадки этого народа. «Может быть, — пророчески писал он, — около тридцатых годов XX в. можно ожидать разрешения вопроса, но не знаю, отыщется ли тогда кто-нибудь знающий по-убыхски, полагая, что многие племена этой группы покоятся на «кладбище народов»¹⁵.

В самом конце XIX в. в Турции над убыхским языком работал крупный датский лингвист Аге Майер Бенедиктсен, тетради

¹¹ **Услар П. К.** О языке убыхов. «Этнография Кавказа». Языкознание I. — Тифлис. 1887. С. 82 и др.

¹² **Его же.** «Этнография Кавказа». Языкознание. Абхазский язык. — Тифлис. 1887. С. 82 и др.

¹³ **Там же.**

¹⁴ **Услар П. К.** Чеченский язык. «Этнография Кавказа». Языкознание. II. — Тифлис. 1888.

¹⁵ **Его же.** «Абхазский язык». С. 82.

с записями которого в дальнейшем попали к Адольфу Михайловичу Дирру. Последний, долго работавший в Тифлисе еще в начале XX в., обратил внимание на убыхский язык. В 1913 году он выехал в Турцию по поручению Петербургской Академии наук для изучения убыхского языка. В течение месяца он работал среди переселенцев-убыхов в селе Кырк-Пынар. Результаты его работы были опубликованы в 1916 году¹⁶. Туда вошли грамматический очерк, тексты и убыхско-немецкий словарь. Ад. Дирр продолжал заниматься убыхским языком и позже¹⁷.

Большое внимание уделял убыхскому языку, вообще убыхам, известный русский кавказовед Анатолий Несторович Генко. Его, написанная ещё в 1928 году XX в., работа «О языке убыхов», — тоже одна из первых обращает на себя внимание с разных точек зрения, в особенности в плане абхазо-адыго-убыхского сравнительного языкознания¹⁸. Убыхи, некогда в прошлом представляли собой, считал тогда А. Н. Генко, значительный по численности западнокавказский народ, который, только впоследствии под влиянием абхазов и адыгов (и их языков) подвергся ассимиляции и сокращению ареала своего распространения. Северной границей абхазского языка А. Генко посчитал в то время Гагрский хребет и предполагал, что садзы были убыхского происхождения (с последующей сильной абхазизацией) и что, одним словом, скрещения, инфильтрации и другие этнические факторы привели к вытеснению убыхского языка абхазским и черкесским.

¹⁶ **А. Дирр.** *Die Stellung des Ubychischen in den nordwestkaukasischen Sprachen. — Aufsätze zur Kultur — und Sprachgeschichte... — München. 1916.*

¹⁷ **Его же.** *Die Sprache der Ubychen. //Caucasica. fasc. IV. — Leipzig. 1927; fasc. V. — Leipzig. 1928.*

¹⁸ **Генко А. Н.** *О языке убыхов. //Известия АН СССР, № 3. — Л. 1928. С. 231.*

«В середине XVII в., — писал тогда Л. Н. Генко, — джигетские садша, и теперь ещё именуемые по-абхазски садзуа, говорили на убыхском языке. Это служит блестящим подтверждением, естественно возникающему при взгляде на карту, относительно северной границы абхазского языка: она должна была проходить там, где природные условия провели резкую черту, именно в районе Гагрского хребта, разделяющего кавказское побережье Чёрного моря на две части — северную убыхо-(джигето) — черкесскую и южную — абхазо-мегрельскую. Иллюстрированный выше немногими примерами хаос, царящий в специальной литературе по этому вопросу, результат позднейшего сложного процесса скрещения различных этнических факторов, сталкивавшихся на побережье, приводившего к постепенному вытеснению убыхского языка, сужению сферы его распространения при параллельной этому процессу инфильтрации абхазских и черкесских слов в убыхскую речь»¹⁹.

На мой взгляд, некоторые из генковских основных положений (о северной границе абхазского языка по Гагрскому хребту, об убыхском происхождении садзов и др.) не соответствуют, как увидим ниже, исторической действительности, что нашло отражение и в его более поздних работах.

Из работ современных лингвистов следует выделить «Новое в изучении убыхского языка» Георгия Андреевича Климова²⁰ и его же «Кавказские языки». В первой из них он придерживается того мнения, что по своей грамматической структуре убыхский язык стоит ближе к абхазскому в то время, как по материалу, то есть по своему словарному составу, проявляет больше сходства с адыгскими языками²¹.

¹⁹ *Там же*. С. 240.

²⁰ *Климов Г. А. Новое в изучении убыхского языка // «Труды» Аб-НИИ. Т. XXX. — Сухуми. 1959; Его же. Кавказские языки. — М. 1965.*

²¹ *Его же. Новое в изучении убыхского языка. С. 241–242.*

Убыхи и их язык занимают, естественно, большое место в исследованиях одного из крупнейших современных адыгovedов Мухадина Абубекировича Кумахова, который считает, что «убыхский язык в целом стоит ближе к адыгской подгруппе, чем к абхазской»²².

Как было сказано, убыхами и убыхской филологией давно занимаются и зарубежные учёные, часть из которых уже была упомянута выше. Так, можно сказать, целую эпоху в убыховедении составили многочисленные образцовые труды одного из крупнейших современных французских филологов Жоржа Дюмезиля — «Язык убыхов»²³, «Сравнительный очерк языков Северо-Западного Кавказа»²⁴, «Убыхские рассказы. Выдержки из журнала «Азиатик» (1955) (в соавторстве с Айтек Намитоком). В следующие годы вышла ещё целая серия его работ в области убыховедения. В 60-х годах выходят «Анатолийские документы о языках и традициях Кавказа» (1960) и др. Считая свои ранние кавказоведческие публикации (1931 и 1932 гг.) устаревшими, Ж. Дюмезиль собирался, как он сообщал мне в письме, написать новое фундаментальное исследование по сравнительной грамматике убыхского языка, но не знаю, успел ли ныне покойный знаменитый учёный осуществить свой грандиозный замысел. Однако можно считать, что многое из грамматики убыхского языка вошло в его фундаментальный труд «Убыхский глагол»²⁵.

Большое значение имеют также «Убыхский язык» Юлиуса (Дьюла) фон Мессароша, изданный в Чикаго ещё в 1934 году и

²² **Кумахов М. А.** Словоизменение адыгских языков. — М. 1971. С. 329.

²³ **G. Dumezil.** *La langue des Oudykhs.* — Paris. 1931.

²⁴ **Его же.** *Etudes comparatives sur les langues caucasiennes du nord-ouest (morphologie).* — Paris. 1932.

²⁵ **G. Dumezil.** *Le verbe oubykh. Etudes descriptives et comparatives.* — Paris. 1975.

статьи норвежского учёного Ганса Фогта, особенно его «Словарь убыхского языка», опубликованный в 1963 году и др.

Здесь можно закончить этот беглый и далеко не полный обзор основных лингвистических работ, посвящённых убыхскому языку, тем более, что часть из них не раз ещё будет встречаться по ходу дальнейшего изложения.

Теперь представляю также краткий обзор историко-этнографических трудов по убыхам российских авторов, который, конечно же, должен начинаться с самых ранних и ценных сведений Георгия Васильевича Новицкого и, в особенности, барона Ивана Казимировича Аша, а также проф. Александра Давидовича Нордмана. Невозможно, пожалуй, переоценить значение для изучения истории и этнографии Западного Кавказа первой половины XIX в. известного труда барона Федора Федоровича Торнау²⁶, насыщенного ценнейшими фактическими материалами, полученными им в процессе непосредственного наблюдения за жизнью и бытом народов края. Автор этих блестяще написанных мемуаров, высокообразованный офицер царской армии в тридцатых годах XIX столетия, проведя в качестве военного разведчика (а затем и пленного), около трёх лет среди западнокавказских горцев — абазин, убыхов и черкесов, успел присмотреться к местным обычаям, изучить условия их хозяйственной и общественной жизни, этническую ситуацию и особенно политическое и военно-стратегическое положение страны. Он объездил всю Абхазию, побывал с кратким визитом и у убыхов, в районе Сочи, где посетил жившего на р. Сочи князя Аублаа (у него назван как Облагу, вслед за другим более ранним разведчиком, также приведшем важные сведения, бароном И. А. Ашем. Как видно, оба они общались с адыгоязычными убыхами, может быть даже одним и тем же информантом, о чем говорит название рода Аублаа, приведенное ими в адыгейской

²⁶ **Торнау Ф. Ф.** *Воспоминания кавказского офицера*//Русский вестник. Т. 53, № 10. 1864.

форме). Посетил Торнау и абхазского владельца Михаила Шервашидзе в с. Лыхны. Затем он в сопровождении опытных проводников перевалил через Главный хребет, попал в плен к горцам, а затем, освободившись из плена, снова появился на черноморских берегах, откуда возвратился в Россию²⁷.

Существует и другой содержательный источник подобного рода. Почти одновременно с Торнау, на Западном Кавказе, находился его «антипод», английский политический агент и резидент Джеймс Станислав Белл, который жил главным образом среди причерноморских черкесов-шапсугов и нутхайцев, частично убыхов и др.²⁸ В течение нескольких лет он проводил интенсивную работу по всестороннему изучению черкесо-убыхского края. Почти трёхлетнее пребывание и непосредственное общение с народом позволило ему собрать богатый материал

²⁷ Ф. Ф. Торнау в разведывательных целях в 1835 г. совершил путешествие из Абхазии на Сев. Кавказ и обратно по следующему маршруту: переправившись через р. Ингур около Анаклии, проехал через сёла Илори и Дранда, затем добравшись до р. Келасур и далее, посетил Сухумскую крепость, потом, перешедши Гумисту, доехал до Бомбор у р. Пшандры, посетил владельца в Лыхны, затем, повернув обратно, дошёл до с. Анухва, потом вышел к Гумисте, а оттуда к началу р. Чхалты и, круто повернув налево, вышел к истокам Бзыби, пересёк Главный хребет между истоком Бзыби и Б. Зеленчуком. От Зеленчука он прошёл на р. Кяфир через высокий гребень с древней церковью и вверх по Урупу вышел к абазинам — башилтаевцам, а с Урупа перешёл на Кубань в районе Баталпашина. Обратное же шёл по маршруту: Пятигорск — р. Кубань — верховья Урупа — на запад к бесленевским аулам на Лабе — аул Шегирей — Малая Лаба через перевал в бассейн р. Мзымты — с. Ахчипсоу — с. Аибга на р. Псоу и с. Чужгуча на р. Чужипсы — с. Чужи (на р. Хуады-псы) — с. Чуа (на р. Мце) — общество Саше на берегу моря — с. Сочипсы (владения кн. Облагу) — с. Арт-Куадж (где гостил у Арто) — мыс Адлер — долина Лиеш — Гечрипи — Цандрипи — Гагра — устье Бзыби — Бамбора — Лыхны — Сухум.

²⁸ Белл Дж. С. Указ. «Дневник пребывания в Черкессии...» Т. I. С. 348.

о хозяйственном и общественном быте местного населения, о его материальной и духовной культуре. Полученные им ценные сведения о жизни черкесов и убыхов первой половины XIX в. были изданы в 1840 году в Лондоне под названием «Дневник пребывания в Черкессии в течение 1837, 1838, 1939 гг.», причём книга вскоре же была переведена на французский и немецкий языки²⁹.

Вместе с Беллом в течение года в основном в тех же местах Западного Кавказа работал корреспондент лондонской газеты «Таймс» Дж. А. Лонгворт³⁰. Его книга «Год среди черкесов», вышедшая тоже в Лондоне в том же 1840 году, является как бы дополнением к дневникам его коллеги и посвящена в основном тем же вопросам и сюжетам, однако, непосредственно у убыхов он, кажется, не был. И всё-таки в результате столь длительного их пребывания если и не всегда среди убыхов, но большей частью рядом с ними, можно было надеяться, что конкретных историко-этнографических материалов по ним в описаниях как одного, так и другого автора, будет несколько больше. Было немало и других авторов, имена которых и их сведения не раз будут упомянуты в ходе дальнейшего изложения.

Одни авторы³¹ относили убыхов к адыгской этнической группе³², другие — к абхазам, а третьи считали их остатком не-

²⁹ Здесь она используется, как и сведения Дж. А. Лонгворта, в основном по выдержкам, которые вошли в сборник «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв.» / Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам Валентина Константиновича Гарданова. — Нальчик. 1974.

³⁰ Впервые он вместе с Беллом появился на берегах Причерноморья еще в 1836 году.

³¹ **Лавров Л. И.** Этнографический очерк убыхов // Уч. записки АДНИЯЛИ Т. VIII. — Майкоп. 1968.

³² Среди некоторых западноадыгейских групп распространено представление об адыгейском происхождении убыхов. «Убыхэ — это были шапсуги, результат разделения шапсугов», — сказал нам летом

когда сравнительно большого народа, подвергнувшегося в значительной части ассимиляции со стороны своих более сильных северо-западных и юго-восточных соседей — адыгов и абхазов.

Один из важных наших информаторов Леонтий Яковлевич Люлье вначале предположительно относил убыхов к аланам³³, позже отнес их к черкесам, но в своем труде при описании народов включил убыхов во второй раздел, посвященный абхазским племенам. отметив, что черкесы прибрежное население Убыхии называют Абадзе и лишь живущих «в верховьях речек к хребту — убыхами»³⁴. Л. Я. Люлье знал черкесский язык и является основным из наших лучших осведомителей по убыхам. Хотя он и отнес в свое время убыхов к черкесам, но потом, под влиянием сделанных Шегреном возражений, изменил свою первоначальную классификацию и в середине века уже писал, что убыхи имеют «свой особенный язык, не сходный ни с языком адыге, ни с абхазским. Это ныне язык черни, употребляемый преимущественно между простолюдинами, живущими в горных ущельях и у берега моря. Это наречие выходит из употребления и со временем исчезнет. Дворяне убыхские все говорят адыгским языком, но многие из них и из простолюдинов в этом крае, находясь по топографическому положению своему в соседстве к югу с абхазцами, говорят также свободно и на языке своих (южных) соседей»³⁵.

Высказывались также предположения, что убыхи представляют собой заброшенный каким-то чудом на Кавказ обломок

1962 года 82-летний шапсуг Хуцыку Нагучев из с. Агул Туапсинского района.

³³ **Люлье Л. Я.** *Общий взгляд на страны, занимаемые Черкесами (Адыге), Абхазцами (азега) и другими смежными с ними горскими народами.* — Краснодар. 1927. С. 14.

³⁴ **Там же.** С. 9.

³⁵ **Цит. по А. Н. Генко.** *О языке убыхов*//«Известия» АН СССР, № 3. Л., 1927. С. 231.

эллинистического мира и т.д. Словом, многие ими интересовались, многие о них писали и, как правило, все по-разному.

Так, не мог не заметить их и не посвятить им несколько сюжетов Фредерик Дюбуа де Монпере, швейцарский и французский учёный, путешествовавший по Кавказу в 1833 г. Он не имел возможности тщательно описать земли убыхов, так как свои наблюдения за морским берегом от Геленджика до Гагры ему пришлось вести со стороны моря, находясь на судне. Однако у него, — как он сообщает, — было много карт, к тому же он пользовался и услугами местных информаторов, помогавших ему в его стремлении «правильно уловить названия местностей и их взаимное расположение»³⁶. Племя убыхов (или убухов) Дюбуа помещает на морском берегу от р. Туапсе (по этому автору пограничной реки между убыхами и шапсугами) до селения Фатурка (как он отмечает, это Хаморка Шардена и Мотрея), на берегу р. Сега. «Им принадлежат две долины — Сепсе и Сучали, — пишет он и упоминает приморский убыхский аул Дзиаш между реками Сепсе (Шепси?) и Сочи (Сучали). Далее Дюбуа мимоходом замечает, что «убыхи одинаковы с шапсугами», однако при этом впадает в некоторое противоречие, так как, утверждая, с одной стороны, идентичность убыхов с шапсугами, с другой, включает земли убыхов в абхазскую Джихетию³⁷ **«Соча — самая многоводная река Джихетии»**³⁸, — пишет он.

³⁶ **Дюбуа Фр.** Путешествие вокруг Кавказа/Перевод Н. Данкевич-Пущиной. — Сухуми. 1937. С. 88.

³⁷ **Там же.** С. 89.

³⁸ Следует также заметить, что Фр. Дюбуа, говоря о том, что только начиная со страны, обитаемой убыхами и племенем Сочи, начинается возделывание винограда, допускает, вполне вероятно, случайное противопоставление убыхов и «племени Сочи». И вообще мы должны иметь в виду, что нам приходится иметь дело часто с неопределённостью, расплывчатостью многих социальных и этнических терминов, которыми пользовались в старой этнографической литературе по Кавказу. В ней приходится с осторожностью относиться

Из числа авторов, которые убыхов сближали с абхазской этнической группой, следует назвать в первую очередь ген. Николая Николаевича Раевского (с учётом его заблуждения в отношении этнической природы джигетов). В своём «Описании Черноморской береговой линии», составленном в 1839 году в результате непосредственных личных наблюдений, он отличает абхазов (азега) от племени джигетов, занимавших, по его определению, территорию так называемой Малой Абхазии — от Гагры до р. Хоста. Однако вместе с тем, следует отметить, что он к джигетам причислял общества Вардане, Саше и собственно Убых. Иными словами, по Н. Н. Раевскому, всё население, состоящее из трёх названных здесь обществ, относится к джигетам, то есть к одному из западноабхазских племён.

Большая заслуга в области историко-этнографического изучения убыхов принадлежит, как уже отмечено, первому абхазскому учёному-этнографу Соломону Темурковичу Званба (1809–1855) с его превосходными «Зимними походами убыхов на Абхазию». Эта статья имеет особое значение для изучения этнографического быта убыхов. Подполковник русской армии, сражаясь в ее составе против турецких войск, он сравнительно еще молодым погиб смертью храбрых во время Ингурского боя 25 декабря 1855 года. С. Званба свободно владел не только абхазским языком и его садзским диалектом, русским и француз-

и к определениям «народ», «племя» и т. д. Например, тот же Фр. Дюбуа насчитывает до пяти отдельных племён и народностей на узком отрезке пространства от северного Мамаи и до Гагры: шапсуги до аула Мамай; за ними вдоль морского берега следуют убыхи, только до селения Фагурка, подымаясь до гребня горной цепи, не опускаясь на другой склон; далее идёт племя саше, обитающее до мыса Зенги и до р. Камуишелар. Самостоятельным племенем он считает и Ардону (видимо Адлер), характеризующее как последнее черкесское племя, обитавшее на юго-востоке вдоль берега Чёрного моря, вплоть до Гагры, где оно граничило уже с абхазами (Фр. Дюбуа. Указ. соч. С. 88–90, 145).

ским языками, но, по всей вероятности, немного и убыхским, поскольку целый ряд лет служил приставом у садзов, находившихся с соседними убыхами в самых тесных отношениях, составляя как бы один народ. Его перу принадлежат четыре уникальные статьи, опубликованные одна за другой в середине XIX в. в выходившей в Тифлисе русской газете «Кавказ»³⁹. Все его статьи представляют большую ценность, но для нас особенно важна статья, посвященная убыхам, к которой мы будем не раз обращаться. По мнению известного русского учёного Марка Осиповича Косвена 1955 года, статья С. Званба «об убыхах осталась и по сие время единственной специальной статьёй об этом народе»⁴⁰.

Огромный материал содержит работа Теофила Лапинского, непосредственного участника многих событий, происходивших в 1857, 1858 и в 1859 годах на территориях, борющихся с наступлением царских войск горцев Западного Кавказа. Им был собран чрезвычайно важный материал пожалуй относящийся ко всем видам общественной, политической и военной жизни западно-кавказских горцев, в том числе и убыхов⁴¹. Название ра-

³⁹ Статьи С. Т. Званба изданы отдельной книгой: См: **Званба С. Т.** «Этнографические этюды»/Под редакцией и с исследованием **Г. А. Дзидзария**. — Сухуми. 1955. (В число этих небольших по объёму этнографических этюдов входят «Зимние походы убыхов на Абхазию» (1852). Остальные три этюда относятся к быту и религии абхазов: «Поцелуй за занавесом» (1853), «Обряд жертвоприношения св. Победоносцу Георгию, совершаемый ежегодно абхазцами» (1853) и «Абхазская мифология и религиозные поверья и обряды между жителями Абхазии» (1855).

⁴⁰ **Косвен М. О.** Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке //КЭС I. — М. 1955. С. 356.

⁴¹ **Теофил Лапинский (Тэффик-бей).** Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского, полковника и командира польского отряда в стране независимых кавказцев./Рукописный фонд АбНИИ, № 164. Перевод Н. Данкевич-Пуциной.

боты француза А. Фонвилля «Последний год войны Черкессии за независимость. 1863–1864. Из записок участника-иностранца», переизданной отдельной книгой в Краснодаре в 1927 году, говорит само за себя. Автор этой работы около года находился на Западном Кавказе, в основном среди убыхов и, как сказано в издательском предисловии к публикации, принимал участие в самих сражениях, а в его записках «беспристрастно описываются военные действия, положение страны, быт народа и трагедия его выселения в Турцию»⁴².

Путевые заметки А. Фонвилля хотя, быть может, несколько уступают воспоминаниям некоторых его коллег по перу в отношении более конкретного и полного отображения «быта народа», но, тем не менее, в целом представляют очень большую ценность для изучения убыхов и черкесов, поскольку принадлежат очевидцу и непосредственному участнику событий. Ценность его работы повышает приложенная к книге карта Черкессии с перечислением и локализацией черкесских и некоторых других народностей и родоплеменных групп по состоянию на 1860–1864 годы: Натухайцы, Шапсуги, Абадзехи, Бжедухи, Хатукай, Чемгуй, Егерукаевцы, Мамхяговцы, Махошевы, Бесленевцы, Убыхи, Джигеты, Ахчипсоу, Аибга, Псху, Абазинцы, Карачай.

Огромный фактический материал содержится и в известном обширном сочинении акад. Николая Федоровича Дубровина «История войны и владычества русских на Кавказе» (1871), в том числе в черкесской его части, также переизданной в 1927 году в виде отдельной книги под названием «Черкесы (Адыге)». Относительно достоинств и недостатков своей работы автор сам пишет так: «Всё достоинство труда принадлежит, по праву, тем авторам, исследования которых послужили мне источником для составления настоящего очерка. Не прибавляя от себя ничего нового, я свёл только в одно целое сведения, разбросан-

⁴² **Фонвилль А.** *Последний год войны в Черкессии за независимость.* — Краснодар. 1927. С. 4.

ные по различным архивам, журналам, газетам и отдельным сочинениям. В этом только и заключается вся моя заслуга. О недостатках очерка я не говорю — их много»⁴³. К этим словам добавить нечего, кроме того, что к изданию приложена ценная этнографическая Карта Черкессии 1830 года.

Важное значение для понимания изменения языковой и политической ситуации в Убыхии имеет свидетельство Григория Ивановича Филипсона о здешней разноплеменности и, если верить ему, то «Вся нынешняя земля убыхов принадлежала... абха-зам... что и весьма вероятно, потому что и в настоящее время... следы недавнего завоевания очень заметны в этом участке», но в чем они заключались он, к сожалению, не сообщил⁴⁴. Пишет он и о том, что «во всей земле убыхов чернь [повидимому покоренное население] знает язык асадзипсуа», который был распространён и по всей территории Садзена. Так, он же сообщает, что садзский «народ» говорит чистым абхазским языком, но имеет ещё особенное наречие (асадзипсуа), «непохожее ни на абхазский, ни на адэхэйский языки. Но мало-помалу это наречие забывается, им говорит иногда только «чернь» и то, как бы украдкой от чужих людей»⁴⁵. Видимо это тот же язык, который хакучи называли Н. М. Альбову как абзабзы. Выходит, что садзы и их язык ещё в совсем «недавнем» прошлом господствовали и на указанном отрезке территории до занятия её убыхами, подчинившими местное (садзское) население, или часть его, своему политическому влиянию. И, несмотря на то, каким бы ни был язык асадзипсуа, а старики шапсуги в 1930 году говорили Л. И. Лаврову, что непонятный язык абзабзы был ближе к абхазскому, приведённый факт говорит о недавнем однородном

⁴³ *Дубровин Н. Черкесы (Адыге). — Краснодар. 1927. С. 6.*

⁴⁴ *По всей видимости это были руины разгромленных бывших селений.*

⁴⁵ *Филипсон Г. И. Черкесы, казаки и адэхэ // Рукописный отдел Российской госбиблиотеки, фонд Д.А. Милютин, д. 169, № 18, л. 54.*

в языковом отношении населении, проживавшем по побережью до р. Шахе.

Имя Николая Михайловича Альбова, безусловно, также стоит рядом с именами лучших кавказоведов, особенно в области ботанико-географических и этнографических исследований Западного Кавказа. Но здесь мы ограничимся лишь одной выдержкой из его замечательной статьи, имеющей непосредственное отношение и к предмету нашего рассмотрения. «По словам хакучей, — писал он, — у убыхов было два языка — один общечеркесский, адыге, общераспространённый среди них и более всего употреблявшийся, а другой — свой собственный язык, которым они пользовались тогда, когда желали, чтобы их не поняли другие черкесы, например, находясь в плену. Этот последний язык носил у них название *абзабзы*... *Абзабзы* есть слово абхазского происхождения, состоящее из двух слов: *апс* и *абзы*, и значит оно в русском переводе «абхазский язык» (*апсуа* — абхазский, *абз* — язык). Таким образом, можно, кажется, теперь сказать с уверенностью, что убыхи говорили именно абхазским языком — вероятно, каким-либо особым наречием его, вроде того, какое существовало у других абхазских народцев, обитавших в горах Черноморского округа и Кубанской области (Медозюй, Садзен, Там и пр.)»⁴⁶. Ясно, что этот язык принадлежал к абхазо-язычной покоренной группе населения.

Однако альбовское утверждение о том, что «убыхи» говорили именно абхазским языком, является ошибочным, что связано, очевидно, отчасти и с тем, что в то время когда Н. М. Альбов проводил свои исследования, убыхов на Кавказе уже давно не было, а опирался он на слова адыгейцев — хакучей. Кроме того, он, как видно, не был знаком с работами П. К. Услара, бесспорно обосновавшего своеобразие убыхского языка, не являющегося,

⁴⁶ **Альбов Н. М.** Ботанико-географические исследования в Западном Закавказье в 1893 году// ЗКОРГО, кн. XVI. — Тифлис. 1894. С. 141–142.

следовательно, ни абхазским и ни адыгским, а самостоятельным языком. Однако, уникальные материалы и непосредственные наблюдения и выводы, принадлежащие такому высокоавторитетному автору, как Н. М. Альбов, заслуживают специального рассмотрения, и их не стоит сбрасывать со счетов.

Значительный по количеству и ценности материал содержится также в статьях и очерках таких исследователей, как Карл Федорович Сталь, Александр Николаевич Дьячков-Тарасов, Адольф Петрович Берже и многих других российских и зарубежных авторов второй половины XIX – начала XX вв., писавших немало о народах Западного Кавказа, в том числе частично и об убыхах.

Велики заслуги выдающегося кавказоведа Леонида Ивановича Лаврова, многолетняя и разносторонняя научная деятельность которого снискала ему широкую известность в нашей стране и за её пределами. Он является автором многочисленных работ по самым различным вопросам этнографии и истории едва ли не всех народов Северного Кавказа, включая и интересующий нас регион Северо-Западного Закавказья, автором этнографического очерка убыхов⁴⁷, неоднократно цитируемого ниже, первым исследователем и издателем эпиграфических памятников с территории Северного Кавказа, где в частности, впервые упоминается фамильное имя знаменитых убыхских Берзеков⁴⁸. Основные положения Л. И. Лаврова относительно абазин и убыхов изложены в его нижеприведенных тезисах:

«8. Нет основания считать протоабхазскими племенами са-нигов и первоначальных абазгов. Предками абхазов были, прежде всего, апсилы.

⁴⁷ **Лавров Л. И.** *Этнографический очерк убыхов* // Уч. записки АдНИИЯЛИ. Т. VIII. Этнография. — Майкоп, 1968.

⁴⁸ **Его же.** *Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. 2.* — М. 1968. С. 77.

9. Абазины, потомки абазгов, некогда были относительно крупным народом, говорившим, очевидно, по-убыхски. Перенос их древнего этнонима «абазг» на нынешних абхазов можно объяснить предположением, что начало Абхазскому царству XII в. [?] положила абазинская династия. Последующее вытеснение убыхского языка абхазским и адыгским привело к образованию нынешнего абазинского языка и ассимиляции значительной части абазин адыгейцами»⁴⁹.

Из работ известного абхазского историка Зураба Вианоровича Анчабадзе наибольший интерес представляет его монография, посвящённая вопросам истории средневековой Абхазии⁵⁰. Написана она на основе широкого использования важнейших исторических источников на грузинском, русском, армянском и других языках и существующей специальной литературы по предмету исследования. Заметное место в книге занимает научное доказательство автохтонности не только абхазского, но и других родственных народов Северо-Западного Кавказа и Северо-Западного Закавказья — абазинского, убыхского и черкесского.

Много работ написано видным ученым Георгием Алексеевичем Дзидзария, в основном по истории Абхазии XIX – начала XX веков. Хотя среди них нет специального исследования, посвященного убыхам, но в его трудах, изобилующих архивно-документальными и другими фактическими материалами, освещаются и некоторые вопросы, связанные с убыхами. В основном это относится к фундаментальной монографии «Махаджир-

⁴⁹ *Лавров Л. И. Проблемы этногенеза горских народов Кавказа// Тезисы докладов на сессии Отделения истории АН СССР и Ученом Совете Института Этнографии АН СССР. — М. 1974. С. 10–11.*

⁵⁰ *Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.) — Сухуми. 1959.*

ство...»⁵¹, насыщенной ценнейшими фактическими данными не только по истории трагической эмиграции абхазов в Турцию, но и убыхов, да и других кавказских горцев. Едва ли возможно обойтись без этого исследования, изучая вопросы сравнительно недавнего периода истории западно-кавказских народов и всего миграционного процесса, положившего конец существованию убыхов на их исконной родине.

Трудно представить себе этническую историю Северного Кавказа, написанную без учёта превосходных исследований Натальи Георгиевны Волковой, которая, широко привлекая первоисточники, в том числе редкие и малодоступные, проделала огромную работу в области разработки многих малоизученных вопросов, в частности, этнической терминологии и географической локализации этнонимов. К ним относятся её монографии «Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа»⁵² и «Этнический состав населения Северного Кавказа»⁵³, где охвачены племена и народы не только всего Северо-Западного Кавказа, но и Северо-Западного Закавказья: племена адыгейцев и убыхи. Об этих работах хочется особо сказать несколько слов не только из-за того, что они насыщены разнообразными фактическими материалами — литературными, архивными, полевыми и прочими, но и в связи с тем, что в них содержится много интересных и свежих мыслей, наблюдений и выводов, и потому еще, а вернее главным образом, что они имеют прямое отношение к предмету нашего очерка. Определяя цели и задачи своего первого в этом направлении труда, автор пишет: «В целом задача данного исследования — это воссоздание картины развития

⁵¹ *Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. — Сухуми. 1975.*

⁵² *Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. — М. 1973;*

⁵³ *Ее же. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX веков. — М. 1974.*

и изменения этнонимов Северного Кавказа на отдельных этапах исторической жизни народов этой территории. Однако эта общая задача распадается на несколько взаимосвязанных. Одна из них представляет собой попытку согласования северокавказских этнонимов, известных в первый половине XIX века, с этническими названиями предшествующих периодов. Ещё одна, не менее важная задача — это определение реального содержания исследуемых этнонимов, нередко менявшихся в различные исторические периоды»⁵⁴.

Выполняя в процессе своего исследования такие сложные научные задачи, Н. Г. Волкова сумела впервые воссоздать общую впечатляющую картину развития и изменения этнонимов на указанной территории, где веками живут рядом друг с другом десятки народов и этнических групп.

В первой главе книги трактуются вопросы, связанные с адыгской, абазинской и убыхской этнической терминологией. Материалы о собственно убыхах занимают в книге, к сожалению, скромное место, что связано с крайней ограниченностью сведений о них в источниках. С этого и начинается Н. Г. Волкова изложение своего исследования, подчёркивая, что до XIX века «имя *убыхи* встречается в письменных источниках крайне редко», а их самоназвание *пёх* (*бёк*) не зафиксировано ни в одном документе, если не считать предположения Вильгельма Томашека, Адольфа Дирра и Анатолия Генко об его возможном упоминании ещё у Анонима (V в.). Население челебиевского «вилайета» Садша в XVII в. говорило, по мнению раннего А. Генко, на убыхском языке. «Тем самым, — подтверждает эту мысль и Н. Г. Волкова, — имя *садша* следует связывать с убыхами»⁵⁵. Однако, как мне кажется, предварительно необходимо было условиться о тогдашних за-

⁵⁴ Там же. С. 4–5.

⁵⁵ Волкова Н. Г. Указ. соч. С. 62.

падных границах абхазского языка и равнозначности с убыхами этнонимов садз и садша с соча/саша⁵⁶ и др.

С XVIII века убыхи в литературных источниках уже упоминаются, но, пишет Н. Г. Волкова, «всегда в форме адыгского названия народа убых», с которым она связывает два пейсонелевских названия — *Onvech* и *Chachi*⁵⁷ (однако вряд ли один народ давался бы им в двух названиях). Убыхи зафиксированы также академиками Гюльденштедтом (*Oubouch*) и Палласом (*Ubouch*) в составе Большой Абазы. Итак, в русских источниках это имя, указывает она, впервые появляется только в 40-х гг. XVIII столетия⁵⁸.

В другой названной работе Н. Г. Волковой, посвящённой сложному этническому составу того же обширного региона, нашли своё освещение вопросы расселения почти всех северо-западно-кавказских народов, включая и закавказских убыхов и изменения их этнической территории на протяжении двух столетий: XVIII и XIX. Убыхи в ней, по той же вышеуказанной причине, занимают также небольшое место. Н. Г. Волковой приводятся источники от Палласа и Клапрота до Торнау и Берже, в которых содержатся те или иные сведения об этнической территории убыхов и их локализации. Отмечается, в частности, что в состав населения района современных Сочи — Хоста (общество Саше) к 30-м годам прошлого столетия входили «не только убыхи, но также абазины и адыге»⁵⁹, хотя это утверждение совершенно не учитывает абхазов-садзов как основной компонент

⁵⁶ Следует иметь в виду и возможность ошибок, так как Э. Челеби сам признаёт, что при наличии многих языков «в памяти остались только эти». (Э. Челеби. Книга путешествия. Выпуск 3. — М. 1983. С. 55.)

⁵⁷ *Peyssonel. Traite sur le commerce de la Mer Noire, t. 2. — Paris, 1787.*

⁵⁸ Волкова Н. Г. Указ. соч. С. 62–63.

⁵⁹ Её же. Этнический состав населения... С. 77–78.

населения данного района. Так, Ф. Торнау писал, что в обществе Саше основным населением были садзы, а убыхи и адыгейцы присутствовали лишь «отчасти»⁶⁰, а также любопытно и весьма категорическое утверждение Ф. Ф. Торнау, что убыхи живут «исключительно по р. Убых», нельзя считать вполне точным и бесспорным, о чём будет сказано ниже более подробно.

Наконец, необходимо также особо отметить содержательную и в высшей степени важную для нашей темы статью Юрия Дмитриевича Анчабадзе «Абаза»⁶¹. Она заслуживает большого внимания, что найдёт своё определённое отражение и в заключительной части настоящих очерков, где будет ещё сказано об идее Лаврова, Волковой и Анчабадзе относительно «абазской общности» народов, но, как ни странно, без абхазов, ядром которой были именно убыхи и некоторые западноабхазские группы⁶², об едином, в известном смысле, этническом и культурном массиве, населявшем данную территорию⁶³.

Заслуживает также внимание и специальная статья, в которой полностью отождествляются убыхи и садзские абхазы, опубликованная еще в 1981 году Георгием Зурабовичем Анчабадзе⁶⁴.

⁶⁰ **Торнау Ф. Ф.** Указ. соч. С. 114

⁶¹ **Анчабадзе Ю. Д.** Абаза (К этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа) // *Кавказский этнографический сборник. VIII.* — М. 1984. С. 141.

⁶² **Там же.** С. 144.

⁶³ **Там же.**

⁶⁴ **Анчабадзе Г. З.** Сведения Евлия Челеби об убыхах-садзах // *Сборник докладов I-й Всесоюзной научной конференции молодых востоковедов.* — Тбилиси. 1981. С. 28–36.)

Небольшую, почти позабытую статью, представляющую историографический интерес, посвятил убыхам и садзам, которых считал уже вымершими, Симон Петрович Басария.⁶⁵

Итак, с тех пор, как граф Ян Потоцкий в 1798 году едва ли не впервые упоминает убыхов, как «языческий народ, отличающийся от черкесов и абазинцев»⁶⁶, прошло почти 200 лет, но до сих пор по ним не опубликовано, если не считать лавровского очерка 1968 года, ни одного обобщающего труда. Настоящая работа представляет собой попытку монографического изучения убыхского народа. Идея создания такого историко-этнографического очерка возникла у меня, как сказано, давно. Прошло много лет, в течение которых собирались материалы, в том числе архивные. Появились и мои первые по теме, публикации и доклады: на первой Туапсинской краеведческой конференции 1964 года, а затем, тот же доклад, в значительно дополненном виде, был прочитан и на Бакинской сессии, посвящённой итогам археологических и этнографических исследований 1964 года⁶⁷. Собранные материалы легли в основу довольно большой статьи «Убыхи и их этнокультурные связи с абхазами», опубликованной в моем сборнике 1971 г.⁶⁸ В переработанном и дополненном виде эта статья частично вошла и в состав данного ис-

⁶⁵ **Басария С. П.** Вымершие народы. Убыхи и Садзуа//Газ. «Кавказский край». 1909, 27 сентября.

⁶⁶ Сб. «Адыги...» С. 226.

⁶⁷ **Инал-Ипа Ш. Д.** Локализация племени убыхов и некоторые его этнические особенности//Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. — Баку. 1965. (В 1967 году была написана и статья «Об этнических особенностях убыхов» в 1,5 п./л. и послана в Москву в Институт истории АН СССР, для предполагавшегося сборника, посвящавшегося памяти А. В. Фадеева. О дальнейшей судьбе статьи ничего не известно. (Прим. М. К. Хотелашвили–Инал-Ипа.)

⁶⁸ **Ш. Д. Инал-Ипа.** Страницы исторической этнографии абхазов. — Сухуми. 1971. С. 257–310.

следования⁶⁹. Использована и рукопись работы о всесторонне и неразрывно связанных с убыхами садзах.

Убыхская проблема нашла своё отражение и в художественной литературе. Один небольшой пример был указан выше. Здесь же следует сказать о другом более серьезном факте художественного воплощения этой проблемы, мимо которого нельзя пройти, говоря о последнем этапе убыхской трагической эпопеи. Выдающимся абхазским писателем, поэтом и учёным Багратором Васильевичем Шинкуба написан исторический роман из жизни убыхов под названием «Последний из ушедших» (М. 1976), переведённый на десятки европейских и восточных языков. Он создан на основе большого фактического материала. Читатель получает яркое представление об общественно-политической и бытовой жизни убыхского «орлиного гнезда», о том, как убыхи поголовно были согнаны с насиженных мест и о том как глубоко несчастливо сложилась их судьба на чужбине. Это поистине полный драматизма рассказ главного героя романа, столетнего Зауркана Золака — последнего из ушедших убыхов, о его народе, потерявшем родину. А тот, кто теряет родину, как гласит абхазская пословица — теряет все.

⁶⁹ Монография «Убыхи» писалась очень давно но, к сожалению, последний ее вариант вместе со многими собранными и относящимися к нему новыми материалами сгорел, как и многие другие работы во время сожжения Института, во время войны в октябре 1992 года. Всю работу пришлось восстанавливать по сохранившимся листам старых вариантов труда и отдельным записям, очевидно, что в нее не вошли новые и ценные материалы, находившиеся в институте. (Прим. М. К. Хотелашвили–Инал-Ипа).

Глава первая

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

(Краткий очерк)

В среде народов, которые объединяются в абхазо-адыгскую группу, убыхи занимают особое место по ряду своих актуальных признаков. Поэтому всестороннее изучение того положения, которое им принадлежит в кругу родственных племён, имеет важное значение, в частности, для исследования сложной проблемы этногенеза и этнической истории народов Северо-Западного Кавказа.

Однако, к сожалению, ввиду крайней ограниченности исторических источников, особенно по античному и средневековому времени, не говоря о более ранних периодах, наши представления о прошлом убыхского народа неизбежно будут весьма ущербными. Источники фактически молчат об убыхах, о чем уже сказано выше, вплоть до XVIII в.

Вся история убыхов неразрывно связана с географическим положением их этнической территории, находящейся в течение веков и тысячелетий между двумя великими естественными рубежами — Чёрным морем и Главным Кавказским хребтом с одной стороны, а также между двумя родственными племенными мирами — абхазским с юго-востока и адыгским с северо-запада с другой. Эти два постоянных важнейших фактора — геогра-

фический и этнический — определяли основные особенности социально-экономической, политической и этнокультурной истории «промежуточного» народа убыхов. И когда говорят в сокращённом виде об абхазо-адыгской общности, то обычно всегда имеют в виду не только собственно абхазов и собственно адыгов с их подразделениями, но обязательно и собственно убыхов с их подразделениями. Это относится и к проблеме древних малоазийско-западнокавказских этнокультурных связей (вероятно, эту группу все-таки следовало бы называть абхазо-убыхо-адыгской).

Известная гипотеза о родстве горских народов Западного Кавказа — абхазского, убыхского и адыгских — с хаттами, хотя и остаётся пока гипотезой, но как вполне возможная находит себе всё новых и новых сторонников не только среди языковедов, но и представителей других специальностей. Носители хаттских языков и, по всей видимости, родственных им абхазо-убыхо-адыгских, по мнению большинства учёных, некогда были распространены не только в центральной и северо-восточной Анатолии, но населяли и территории Юго-Восточного и Восточного Причерноморья, а переселение с юга на север, если даже и имело место, то происходило до III тыс. до н.э.⁷⁰ Внутри же этого обширного и сравнительно однородного этнического массива, протянувшегося от Понтийских гор до Прикубанья, рано стали возникать локальные особенности, связанные не только с внутренним развитием, но и с проникновением иноплеменных групп, приведшим в дальнейшем к образованию в разных местах ареала «дочерних» этнических общностей, сохранявших в ряде случаев существенные черты былых теснейших генетических и культурных связей.

⁷⁰ *Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. — Ереван. 1968. С. 12, 24, 25, 241; Бжания В. В. Древнейшая культура Абхазии. — Москва. 1966. С. 28; Меликишвили Г. А. Возникновение хеттского царства и проблемы древнейшего населения Закавказья и Малой Азии //ВДИ 1965, № 1, с. 23.*

Так, древнейший религиозно-мифологический образ под именем «уашхо», был знаком некоторым вымершим аборигенам Северо-Восточной Малой Азии ещё за тысячи лет до н. э., и сегодня не совсем забыт в кругу абхазо-адыгских и осетинского народов. Этот уже очень стёртый образ представляет интерес как с точки зрения общего абхазо-убыхо-адыгского культурного наследия, так и в связи с гипотезой о малоазийско-кавказских этногенетических взаимоотношениях.

Хаттский термин «уашхо» у убыхов, как и у самих хаттов, означал «бог».

В частности, Ю. Мессарош, который не сомневался в родстве абхазо-адыгских языков, особенно, убыхского с хаттским писал о том, что национальный бог убыхов *uašx'a* поразительным образом сохранил в себе с дохристианских тысячелетий до настоящего времени имя хаттского бога *ua-as-ha*: «Если сравнить вымерший ныне убыхский язык с древнеанатолийским (хаттским) языком, — писал он — получим заслуживающие внимания доказательства теснейшей генетической связи обоих языков. В особенности грамматический строй этих языков так близок, что вряд ли можно сомневаться в теснейшей связи обоих языков»⁷¹.

Георгий Александрович Меликишвили в своих исследованиях также не раз ссылается на общность протохеттского *wašhasu* «черкесского» *waš*x'ā* как на один из важных факторов, подтверждающих предположение о генетическом родстве между языками названных народов — мёртвым хаттским и живыми западно-кавказскими языками⁷². Однако не все исследователи согласны с таким заключением о божестве Уашхо⁷³.

⁷¹ Мессарош Юлиус фон. *Убыхский язык*. — Чикаго. 1934.

⁷² Меликишвили Г. А. *К истории древней Грузии*. — Тбилиси. 1959. С. 122.

⁷³ Например Г. Климов и др. Подробно этот вопрос рассматривался мною в работе «Вопросы этнокультурной истории абхазов» — Сухуми. 1976. С. 148–162.

Как бы то ни было, убыхи, их язык и культура всегда будут занимать важное место и при дальнейших исследованиях этой большой и интересной проблемы.

Прямого и бесспорного упоминания собственно убыхов, как отмечено выше, в античных исторических источниках мы не находим. Поэтому приходится обращаться к косвенным свидетельствам, то есть к описаниям тех племён Кавказского Причерноморья — гениохов, ахейцев, зигов (зихи, зилхи) и других, — в многоплеменной состав которых, по всей вероятности, входили и предки убыхов, как и их соседей. Среди этих племён в первую очередь следует назвать знаменитых гениохов⁷⁴.

Античные «гениохи», по-видимому, — собирательное название, включавшее целый ряд более мелких этнических групп, локализовавшихся в различных пунктах восточного побережья Чёрного моря, в том числе на территории Абхазии и Убыхии. Автор IV в. до н. э. Псевдо-Скилак считает народ гениохов «разнородным»⁷⁵, подчёркивая тем самым условность и объёмность названия «гениохи» («иниохи»). Плиний же (I в. н. э.) говорит всего лишь о многочисленности племен этого народа: «племена гениохов под разными названиями»; «Славные племена колхов, гениохов, абасгов», — указывает автор IV в. Псевдо-Орфей⁷⁶, а Псевдо-Арриан (V в. н. э.) прямо пишет: «Народ же гениохов — смешанный».

Сведения о гениохах как о причерноморском кавказском племени и страшных морских пиратах встречаются и у ряда

⁷⁴ **Инал-Ипа Ш. Д.** *Вопросы этнокультурной истории абхазов.* С. 182. Мною была написана монография «Гениохи», в основу которой были положены разделы из плановых институтских тем 1971–1973 годов — «Апсилы» и «Абазги», дополненные материалами работ ряда учёных, касавшихся данной темы. Монографии сгорели во время поджога института в 1992 г. вместе с другими монографиями и статьями.

⁷⁵ **См. ниже.**

⁷⁶ **Латышев В. В.** *Указ. соч.* //ВДИ 1948, № 3, с. 268.

других древних авторов. При этом они часто упоминаются вместе с ахейцами, с которыми, вероятно, находились в близком генетическом родстве.

Так, например, Диодор Сицилийский, автор I в. до н. э., опираясь на современника событий, сообщает о борьбе боспорского царя Евмела (конец IV в. до н. э.) не только с пиратством тавров, но и гениохов с ахейцами⁷⁷ (к сожалению, это одно из самых ранних свидетельств о гениохах не фигурирует ни в каких работах, касающихся этого племени). Очень важен и фрагмент из «Политии фасиан», восходящей к Аристотелю, свидетельствующий о том, что г. Фасис был основан на земле гениохов.

Страбон, автор конца I в. до н. э. и начала I в. н. э., описывая население побережий Азовского и Чёрного морей, упоминает и гениохов, за которыми находится Колхида. Он пишет, что за областью синдов на юге «идёт вдоль моря побережье ахеев, зигхов и гениохов», причём порядок расселения племён за Синдикой и Горгиппией, данный в § 12 книги XI страбоновской «Географии» (ахейцы, зиги, гениохи), повторен без всякого нарушения и в § 13, но в обратном направлении, то есть с юго-востока на северо-запад (гениохи, зиги, ахейцы)⁷⁸.

По свидетельству Страбона на рубеже второго и первого века до н. э. у гениохов было четыре царя. Эти «четыре царя», вероятно, соответствовали основным этническим делениям внутри гениохов, которые, по Страбону, населяли Черноморское побережье «в тысячу стадиев», в непосредственной близости от «Великого Питиунта».

Страбон также сообщает о необычайном многоязычии Кавказа⁷⁹, о наличии множества затерявшихся в диких ущельях

⁷⁷ **Струве В. В.** Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. — Ленинград. 1968. С. 188 (см. и **Ш. Д. Инал-Ипа.** Вопросы этнокультурной истории абхазов. С. 185).

⁷⁸ **Латышев В. В.** Указ. соч.// ВДИ 1948, № 3, с. 298.

⁷⁹ Впрочем, уже Геродот отмечал, что в кавказских горах живёт множество различных народов.

родоплеменных групп и мелких народностей. Диоскуриада, помещаемая им южнее Питиунта, служила торговым центром для многих народов. По Страбону «в этот город собирается 70 народностей (согласно другим, которые вовсе не заботятся о действительности, даже 300). Все они говорят на разных языках, так как живут врозь и замкнуто...»⁸⁰.

Вопрос о гениохах, которых отождествляли с абхазами (Д. И. Гулиа и др.), санигами (И. А. Орбели и др.), сванами (Г. А. Меликишвили и др.), лазо-чанами (М. П. Инадзе), чанами (Б. Гигинейшвили, Н. Ю. Ломоури), которых считали профессиональными возчиками (Н. И. Квезерели-Копадзе) или христианами, уничтоженными императором-язычником Диоклетианом (М. А. Селезнёв) и так далее, не получил ещё своего окончательного разрешения.

В пользу близости гениохов с предками убыхов и абхазов говорит засвидетельствованная археологами общность материальной культуры на всей территории исторической Гениохии, совпадающей с расселением древнеабхазско-убыхских племён или их предков. З. В. Анчабадзе отождествляет их с абхазским племенем санигов, теснейшим образом связанных с убыхами. Древнеабхазской этнической принадлежности гениохов придерживается и Ю. Н. Воронов, взявший эпиграфом своей статьи слова Д. И. Гулиа «...предками нынешних абхазов являются гениохи...», пределы же распространения гениохов, по его мнению, до рубежа нашей эры охватывали территорию от современного Сочинского района до р. Фасиса (Риони)⁸¹.

Об ахейцах, также неразрывно связанных с западнокавказскими гениохами, оставили нам некоторые сведения автор IV в. до н. э. Псевдо Скилак Кариандский, помещавший их между

⁸⁰ *Страбон. География.* — М. 1964. С. 472.

⁸¹ *Воронов Ю. В. Материальная культура гениохских племён в IV–I вв. до н. э. // Сборник работ молодых учёных-историков Абхазии.* — Сухуми. 1974. С. 74, 84.

торетами и гениохами⁸² и историк П. в. н. э. Аппиан в своих «Митридатовых войнах». Отмечает участие в этих войнах ахейцев вместе с гениохами и Диодор Сицилийский. Страбон рассказывает, что ахейцы жили севернее колхов и, что понтийский царь Митридат еще до участия ахейцев в его войнах с Римом, напав на них в 79 г. до н. э., потерял при этом две трети своего войска в сражениях, а также от мороза и засад⁸³.

Таким образом, в античную эпоху предки убухов (или, вернее, одни из их предков), как и их ближайших соседей, вероятно, входили в сложный конгломерат местных родственных племен, объединяемых собирательным этническим термином «гениохи». Ко второму же веку н. э. в Колхиде впервые упоминаются отдельные этническо-политические объединения лазов, апсилов, абазгов⁸⁴, санигов, зигов и др. Это были самоуправляющиеся области — «царства» с собственными «царями» во главе, находившиеся с этого времени в слабой зависимости от Рима.

Ценные сведения о них оставил нам римский наместник Каппадокии (центральная область Малой Азии) Флавий Арриан, в 134 г. совершивший объезд побережья Чёрного моря вплоть до Себастополиса (совр. Сухум). В своём отчёте императору Адриану, перечисляя причерноморские племена с юго-востока на северо-запад, Арриан пишет: «С макронами и гениохами граничат зидриты, они подвластны Фарасману. Рядом с зидритами — лазы, царём у лазов — Маласса, получивший свою власть от тебя. За лазами следуют апсилы; у них царь Юлиан, получивший царство от твоего отца. С апсилами граничат абаски, у аба-

⁸² **Латышев В. В.** ВДИ 1947, № 3, с. 241–242.

⁸³ **Аппиан.** Митридатовы войны // ВДИ 1948, № 1, с. 283.

⁸⁴ Если не считать с упоминанием абазгов автором III в. до н.э. Ликофроном, которое, как достоверное, фигурирует в словаре по раннесредневековой истории Восточной Европы из латинских и византийских источников, изданном в ФРГ в 1980 году. (*Glossar zur frühmittelalterlichen Geschichte im östlichen Europa. Serie B.* — Wiesbaden. 1980. S. 303.)

сков царь Ресмаг; этот также получил свою власть от тебя. Рядом с абасками — саниги, в земле которых лежит Себастополь; царь санигов Спадаг получил царство от тебя»⁸⁵. Далее он говорит и о царе зилхов (зихов) Стахемфаке, так же получившим власть от императора Адриана⁸⁶. В этом широко известном перечне народов побережья Арриана, убыхи или какие-нибудь более или менее достоверные предки их не упоминаются, отсутствуют они и у Анонима V века. По-видимому, предки убыхов в то время на побережье не проживали. Здесь сложилось несколько «царств» с правителями местного происхождения, среди имён которых исключением является лишь римское имя «царя» апсиров — Юлиан⁸⁷. Территория этих «царств», как по Арриану во II в., так и в V в. по Анониму (Псевдо-Арриан), распространялась до реки Ахеунт (по-видимому, современная р. Шахе или Сочи.). В какой-то период, падающий на время от II до V вв., по данным Анонима V в., абазги заняли земли санигов, своих северных соседей, вплоть до реки с характерным названием Абаск, которую ещё во II веке отметил Арриан как реку первую после города Нитики (Гагра или Цандрипш?). Этой рекой может быть или Хашупса или Псоу. Возможно, саниги были вытеснены или, скорее, абазги распространили к северу своё политическое влияние и этническое название⁸⁸. Надо полагать, что менялся не столько

⁸⁵ ВДИ 1948, № 1, с. 270.

⁸⁶ Там же. С. 271.

⁸⁷ Имя Спадаг (как считают исследователи, сарматского происхождения), почти в точности совпадает со старобахским дворянским мужским именем Спадакуа, имевшим распространение в основном именно в северо-западных районах Абхазии, непосредственно примыкавших к убыхским территориям.

⁸⁸ Большой интерес представляет мраморный фрагмент надгробия из Цандрипшского храма с частью последнего слова несохранившейся надписи — «...АЗГИАС», что, несомненно, является окончанием слова Абазгиас, т. е. «Абазгский». (Хрушкова Л. Г. Цандрипш. — Сухуми. 1985. С. 47.) Видимо, это надгробие принадлежало какому-то

этнический (племенной) состав населения, сколько политические границы зависимых от Рима «царств», о чём говорят не только гидронимы Абаск и Ахеунт, но и неизменность общей территории этих образований, простиравшейся до р. Ахеунта как во II, так и в V веках н. э., т. е. в продолжение свыше 300 лет.

Согласно древним авторам, эти «царства», как о них пишут в современной литературе, представляли собой политические единицы, сформировавшиеся на базе традиционных местных этнических образований — лазов, апсилов, абазгов, санигов, зихов, занимавших прибрежную территорию от устья р. Апсар (совр. Чорох) до р. Ахеунт. Однако убыхи не упоминаются ни у Арриана, ни у Анонима. Арриан свой «объезд Евксинского понта» завершил в Севастополисе, не доходя до известной нам по поздним источникам, убыхской области (а это километров двести) при том, что в поле его зрения попали только приморские племена. Возникновение же в непосредственной близости от убыхских земель государственных образований санигов, абазгов, зилхов (зихов) в виде особых полузависимых от Римской империи «царств» со своими местными царями во главе, не могло не оказать своё определённое влияние на соседнюю Убыхию и её социально-политическое и культурное развитие. Не исключается, как можно предположить, даже её вхождение (целиком или частично) в то или иное родственное этнополитическое образование.

Более или менее вероятно отождествление убыхов с племенем брухов раннесредневекового времени, на что впервые обратил внимание ещё Дж. Белл, затем В. Томашек, а позже и Ад. Дирр. Племя брухов византийский историк середины VI в. Прокопий Кессарийский локализует между абазгами и аланами, то есть в горной местности⁸⁹, в то время как по берегу Понта Эвк-

видному деятелю, возможно даже одному из первых царей Абазгии генеалогического списка абхазских царей.

⁸⁹ *Прокопий из Кесарии. Война с готами.* — М. 1950. С. 383.

синского, по его словам, «утвердились зехи». Имя брухов ясно слышится уже в названии реки Брухонта, которую упоминает Аноним в V в., хотя он тут же делает оговорку, что она «ныне называется Мизигом»⁹⁰. В последней многие исследователи видят современную *р. Мзымту*. «Мсым» «мзым» и «та» — локативный абхазский суффикс (ср. и с названием племени мисимиян.). В то же время, не меньший интерес представляет и название одной из линии пограничных с лазами крепостей мисимиан — Бухлоон (видимо, совр. село *Пахулан*, расположенное в предгорьях правобережья р. Ингури), находившейся на территории мисимиян⁹¹ на границе с лазами.

Вообще же убыхская история тесно связана с санигами, а «сан-иги» — с древнеабхазским родоплеменным названием Цан-ба — главнейшей садзской фамилией (в народе ещё недавно называвшейся «царским» родом), от которой происходит и географическое название Цан-д-рыпш⁹² или Сандрыпш, то есть «область» или «община» цанов (санов)⁹³ (ср. и местность Сандаришха в предгорьях того же района⁹⁴) и речку Цанык, правый приток Мацесты, и там же местность Цанык (Цан-ныха), то есть святилище цанов между Мацестой и Сочи, а также и гору Цандышха в тех же местах.

⁹⁰ ВДИ 1984, № 4, с. 231

⁹¹ **Агафий Миринейский.** О царствовании Юстиниана. М.—Л. 1953. С. 87.

⁹² Цандрыпш — населённый пункт, политический и один из религиозных центров региона с известным Цандрыпшским храмом первой половины VI века, руины которого у самого побережья сохранились до наших дней и из которого, происходит деталь надгробия со словом «Абазгиас».

⁹³ **Бгажба Х. С.** Бзыбский диалект абхазского языка. — Тбилиси. 1964. С. 283.

⁹⁴ **Дзидзария Г. А. Ф. Ф.** Торнау и его кавказские материалы. С. 109.

Саниги, — пишет Игорь Михайлович Дьяконов, возражая Г. А. Меликишвили, — являются, по всей вероятности, племенем абхазо-адыгского происхождения⁹⁵.

З. В. Анчабадзе, как и автор этих строк, также придерживается мнения о санигском происхождении садзов — это далёкие предки садзских абхазов⁹⁶.

Саниги Арриана и Псевдо-Арриана локализуются вблизи тех мест, где, начиная с позднесредневекового времени отмечают садзов (джиков грузинских источников), что, как считал З. В. Анчабадзе, прямо наводит на мысль об этническом родстве санигов и садзов.

С конца VIII в., после так называемого «византийского периода» в истории Кавказского побережья, и до конца X века, вероятно, Убыхия, как и страна санигов, входила в Абхазское царство в качестве органической его части⁹⁷.

В середине же X в. византийский император Константин Порфирогенет писал, что «Побережье от пределов Зихии, то есть от реки Никопсиса, составляет страну Авастию — вплоть до крепости Сотириуполя. Она простирается на 300 миль»⁹⁸, то есть все это пространство входило в пределы Абхазского царства.

В XI–XIII вв. Санигия, или Джигетия, являлась одной из окраинных северо-западных областей объединённого феодально-монархического грузинского царства. С этого времени джики нередко упоминаются в грузинских источниках, как

⁹⁵ **Дьяконов И. М.** *Предыстория армянского народа*. С. 111, 122.

⁹⁶ **Анчабадзе З. В.** *Из истории средневековой Абхазии*. С. 206; **Его же.** *История и культура древней Абхазии*. — Москва. 1964. С. 169 — 176; **Инал-Ипа Ш. Д.** *Абхазы*. — Сухуми. 1965. С. 97.

⁹⁷ Так, например, абхазский царь X века Георгий III сослал в Джикетию, как в свою царскую вотчину, непокорного восточно-грузинского феодала Хахуа Аршидзе (ср. абх. Аршба).

⁹⁸ **Константин Багрянородный.** *Об управлении империей*. — М. 1989. С. 77.

правило, вместе и рядом с остальными абхазами, в основном, как участники различных военных операций. Вахушти писал, например, что в войсках грузинских царей, до распада царства, «абхазо-джики» всегда входили в западнотуркменские правобережные нападающие части войск. Можно с достаточной долей вероятности предполагать, что под джихами могли подразумеваться зачастую и предки убыхов.

Можно также предположить и то, что, начиная с XIII–XIV вв., не только «страна садзов», или Садзен, но тем более Убыхия, являлись полусамостоятельными по отношению к Абхазскому княжеству этнотерриториальными единицами, с которыми, однако, владетели Абхазии всегда поддерживали самые тесные связи и отношения.

Почти в то же время, т. е. в течение всего периода XIII–XV вв. появившиеся на территории побережья гегуэзцы, вели активную хищническую торговую деятельность, самым пагубным образом сказавшуюся на развитии народов Восточного Причерноморья. Бурно расцветшая работоторговля предопределила на сотни лет вперёд ход развития социально-политической и хозяйственной жизни местного общества. Наравне с тем, что отсюда вывозилось большое количество самшита и другой ценной древесины, мёда, воска, высококачественной пушнины, кож и шкур домашних и диких животных — леопардов, рысей, медведей, волков, куниц, лис и всякого другого зверья, вывозились в большом количестве самые здоровые и самые красивые молодые люди и дети. Охота за людьми превратилась здесь в обычный промысел, как это практиковалось и в античные времена. Главной целью набегов и войн стало не добывание скота, а угон пленных. Сотни лет продолжался этот торг людьми, которых выменивали на дорогую одежду, драгоценности, оружие и т. д. В надежде захватить как можно больше пленных, черноморские пираты появлялись не только у берегов Абхазии, Мегрелии и Гурии, но и вдалеке от этих областей, нападая на крымские и на южные берега Чёрного моря. Это были столетия, когда

тршработорговля приняла страшные размеры, а ею, поощряемые генуэзцами, главными потребителями живого товара, занимались все — и черкесы, и абхазы, и мегрелы, и грузины.

Убыхия, как и Садзен, несомненно, на протяжении веков хотя и нерегулярно, но всё же, временами вступала в политические и другие взаимоотношения — мирные и немирные с некоторыми западнотурецкими средневековыми княжествами — Сванетией, Мегрелией, Гурией и другими, хотя последние и находились на сравнительно далёком от неё расстоянии.

Не приходится сомневаться в том, что убыхи вместе с джигетами и другими абхазскими обществами нередко принимали активное участие и в междоусобной борьбе владетелей Гурии, Мегрелии и Имеретии, то как союзники, то как наемники одной из воюющих сторон. Например, Георгий III Дадияни, владетель Мегрелии во второй половине XVI в., в войне против своего брата Мамия «нанял войска абхазов, джиков и черкесов»⁹⁹ (под последними имеются в виду, скорее всего, убыхи). Таких примеров можно привести немало. Убыхия в то время непосредственно граничила с Абхазским княжеством, а это можно понять из сообщения «Картлис Цховреба»¹⁰⁰, что в то время «Абхазией и Джикетией владел Шарвашидзе».

Несомненно, наличествовали взаимоотношения различного характера и со своими непосредственными северо-западными и северными родственными соседями — разными адыгскими и другими северокавказскими племенами. Надо думать, что они были постоянным фактором политической, социально-экономической и культурной жизни населения Убыхии. Постепенно завязывались, как видно, политические отношения и с Крымом.

⁹⁹ *Амичба Г. А. Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. — Тбилиси. 1988. С. 163.*

¹⁰⁰ *Там же. С. 112.*

С середины же XVI в. Убыхия, как и всё северо-восточное, восточное и юго-восточное Черноморское побережье, попадает в зависимость от султанской Турции. Господство турок не изменило к лучшему образ жизни местного населения. Работоторговля в XVII и XVIII веках принимает уже катастрофический для демографической ситуации края размах, еще более широкий, чем при генуэзцах. Под предводительством своих вождей, горцы продолжают совершать набеги на соседние и дальние области в целях захвата людей в плен. Местная знать богатела, многие из них состояли уже в родственных связях с турками, в гаремы которых продавали даже своих близких родственников. Судя по данным Челеби, ими посещаются теперь не только города Трапезунт и Синоп, но и Стамбул, в котором живет немало представителей «абаза», а также и Египет, в который ездили многие абхазы для найма в египетскую армию. Христианство в этот период приходит в упадок, верхушечные слои общества постепенно стали принимать ислам, хотя, как видно, поверхностно и лишь в меркантильных целях.

Известный турецкий учёный и путешественник XVII в. Эвлия Челеби в своей «Книге путешествия» значительное место уделяет описанию территории Восточного Причерноморья, вдоль берегов которого, он проплыл от начала до конца, высаживаясь на берег почти на каждой морской стоянке. Он встречался с местными людьми, торговал с ними, записывал из их уст разные сведения о народе «абаза», к которому причислял не только абхазов, но как видно и другое население до мыса Кутаси. К сожалению, у него приводится очень мало личных и фамильных имён, но в то же время много названий «благоустроенных, — как он пишет, — племён в стране Абаза». Под «племенами» он часто подразумевает феодальные владения, а также отдельные общества и сельские общины, но название близкозвучащее к имени убыхов, у него отсутствует.

Плывя с юго-востока на северо-запад, Э. Челеби упоминает 25 «племён» народа «абаза» — от р. Фаша (Риони) и до общества

Кутаси, которое локализуется им где-то значительно северозападнее современного Сочи.

Первым он называет самое большое абхазское племя Чач¹⁰¹ на правой стороне от р. Фаша, которые «между собой говорят также и по-мегрельски, так как вся противоположная сторона является «Мегрелистаном» (Чач или Чачба — абхазская древняя форма поздней фамилии владельцев Абхазии — Шервашидзе). У них автор отмечает большую пристань Лакба (вероятно, Сухум) в 300 милях от Трабзона. Затем он упоминает племя Арлан с пристанью Лачига, где-то в современной северозападной Абхазии. За ними племя Чанда («Цанда», поскольку звук «ц» Челеби передаёт как «ч»); это «настоящие абазы», — пишет он, — а их пристань называется Гагра. На западе от них племя Больших Чанда с гаванью Чанда (Цандрипш). Далее упоминается племя Кечи на р. Шипо (Псоу?). «Мы, — пишет путешественник, — гостили у этого племени в доме одного абазы по имени Жапшху в деревне Хафка» (хозяин зарезал им 10 овец, подал на стол «сазбаль», мясную похлёбку и пасте). На западе от них племя Арт (абх. Арыд) с двумя пристанями — Араклар (совр. Адлер) и Ливш (абх. **Лаиашә**), а северо-западнее в горах область *Садз*; сообщается также, что некий Сеидык Ахмед-ипа из этой области и что люди ее «свободно говорят на черкесском и абхазском языках» и пользуются пристанью Артлар (Адлер), где ведут оживлённую торговлю рабами и воском. Далее идёт племя Камыш (абх. Хамыш). «Камыш Мехмед-ага из свиты Мелека Ахмед-паши, — общается Челеби, — выходец из этого племени». И далее пишет: «Среди них есть абазы, приехавшие из Стамбула и из Египта; многие жители Стамбула, особенно квартала Топхане, были абазы, которые посылали своих детей на родину для воспитания по обычаям своего народа».

Немного далее находилась территория племени Соча. Вот почти полное челебиевское описание этого племени: «У них, —

¹⁰¹ *Выделения везде мои (Ш. И.).*

пишет Челеби, — есть бей и около 10000 пеших воинов, а конников у них мало». Есть и пристань с неизвестным ему названием. Здесь одну ночь путешественники гостили в с. Хавдака, где играли свадьбу. Там гостям преподнесли 100 подносов вареной баранины, фасолевый суп, медовый напиток, бузу, пасте, мясную похлёбку, подливки, а прислуживали сотни юношей. В этих областях совершенно нет торговых рядов, базаров, постоянных дворов, бань, лавок... Сёла, состоящие из сорока — пятидесяти домов, расположены почти на вершине гор. В их гавань один раз в год заходят суда со всех сторон и привозят порох, свинец, ружья, заряды, стрелы, луки, щиты, пики, другое военное снаряжение, грубую обувь, окантовку для сукна, бязь на рубашки и подкладку, железные орудия очага, котлы, железные цепи для подвешивания котлов над очагом, соль, мыло и др. В обмен хозяевам этих судов приводят невинных мальчиков, приносят масло, воск, мёд очищенный и в сотах, (шкурки) куниц... В этой области совершенно нет ни золотых, ни серебряных денег. Купля-продажа совершается меновой торговлей»¹⁰².

У следующего племени Джамба, как и в других местах, Э. Челеби принимал участие в торговле с местным населением. «Всю одежду, ковры, бурки и войлок, — рассказывает автор, — мы отдали им и взамен взяли девушек и юношей. Я, ничтожный, тоже взял одного юношу абхаза невольником».

Далее даётся описание племени Бузудук.

Обращает на себя внимание описание племени Усувиш с одноимённой крепостью. «Примечательно, — пишет Э. Челеби, — что (люди) этого племени абаза трупы своих беев чаще всего кладут в деревянную колоду, как в сундук. Прикрепив её к вершине высокого дерева между двумя ветвями, они оставляют её там, проделав отверстие у изголовья, чтобы покойнику был виден рай». Далее у него идут описания остальных племён абаза.

¹⁰² *Эвл. Челеби*. Указ. соч. С. 51.

Кончается челебиевский обзор жизни и быта народа абазы описанием племени ашагылы и его села Атма (видимо название происходит от дворянской фамилии Атмаа, проживавшей и в Абхазии), племени Соуксу и племени Кутаси, о котором сказано, в частности, следующее: «Охраняя скот по ночам, они до утра сторожат его с подобными львам овчарками. Таково положение во всех племенах абазы, так как все их дома стоят среди лесов и все боятся друг друга»¹⁰³.

Все племена, «у которых мы побывали», от местности Кутаси вплоть до р. Фаша, утверждает Челеби, живут на берегу Чёрного моря. «Много... — говорят две тысячи сёл и в горах... но в горы, — признаётся он, — я не ходил». Поэтому «племена абазы», проживающие в горах, автор в основном только перечисляет по их названиям, указывая лишь численный состав и наличие бея [т. е. князя] у каждого из них. Перечисляет он все 10 горных племён, в число которых не включает садзов, которых описывает в ряду прибрежных племён, [возможно в то время они жили между предгорьями побережья, но, не доходя до полосы гор Кавказского хребта]. Всего же, как сказано, племён абазы у него 25, располагавшихся в следующем порядке — прибрежные: чач, арлан, горные чанда, большие чанда, кечи, арт, садз, камыш, соча, джамба, бузудук, усувиш [может быть это Субаши (?), где находилась священная роща, в которой практиковали воздушные погребения, о чем писал Эв. Челеби], ашагылы, соуксу, кутаси. К горным же абазы он отнес следующие племена: пушерхи, ах-чепси, беслеб, меклис, вайпига, багрис, алакурейш, чимакуре, маджар, яйхарш¹⁰⁴.

Вместе с тем, в его перечень племён абазы не попало племя хиси (видимо хизи /хизе), о котором он упоминает в тексте

¹⁰³ Там же. С. 49–53.

¹⁰⁴ Там же. С. 54.

книги в связи с личностью Ипшир-паши. О нём он пишет как о добром человеке и называет его «абхазцем из племени хиси»¹⁰⁵.

Значение личного имени Жапшху (отмеченное Челеби и как имя одного мегрельского князя), у которого турки гостили в племени Кечи, остаётся неизвестным, но напоминает название горного племени пушерхи, проживавшего вблизи мегрелов, которое А. Н. Генко отождествляет с обществом или племенем Псху.

Как мы видели, в перечне Э. Челеби ряд названий написан правильно, и их языковая и этническая принадлежность не вызывает никаких сомнений, например, названия таких родоплеменных групп, как: чач, арлан, большие и малые чанды — цанды (от абх. «Цандба»), кечи (от Гечь, Гечьба), арт (от абх. Арыд, Арыдба), область Садз, Камыш (от абх. Хамыш), соча с сохранением абхазской формы окончания (Шача), ах-чепси (от абх. Ахчипсы). Остальные названия, как видно, записаны не всегда точно потому, что записывались по памяти, а, по-видимому, ещё и из-за трудности передачи сложной фонетики арабскими буквами; к ним относятся, например, такие названия племён, как: буздук, усувиш, ашагылы, кутаси, меклис, вайпига, алакурейш, чимакуре, маджар, яйхарш, которые возможно относятся к убыхской, а затем и к черкесской лексике.

В целом книга Э. Челеби представляет собой важный источник по вопросам истории и этнографии абхазо-убыхо-адыгских народов позднего средневековья. Из неё мы узнаём, в частности, об их основных хозяйственных занятиях — земледелие (возделывание проса, пшеницы и фасоли), скотоводство, в том числе козы, овцы и свиньи, охраняемые «подобными львам овчарками», пчеловодство, о довольно оживлённой торговле с турками у многочисленных пристаней, включая процветавшую на кавказских берегах торговлю красивыми мальчиками и девочками ростом от метра и выше, о пище и обычае, согласно которому юноши прислуживали гостям, религиозных верованиях (так на-

¹⁰⁵ Там же. С. 291.

зываемое, «воздушное погребение»), о социальном укладе жизни местного общества — наличие пока у каждого племени своего «боя», то есть князя — феодального правителя, окружённого большим количеством дворян. Очень ценными являются также содержащиеся в книге этно-топонимические названия, сведения по ономастике и многое другое.

В продолжение XVII–XIX веков политическое и экономическое положение народов Кавказа, особенно Западного, во многом определялось соперничеством и противостоянием двух великих держав — России и Турции, не менее десяти раз воевавших друг с другом. Постоянные русско-турецкие войны — это войны за господство на Чёрном море и в прилегающих районах суши. В частности, в результате русско-турецкой войны 1828–1829 гг., согласно Адрианопольскому трактату (Адрианополь — совр. Эдирне, Турция), устье Дуная с островами и всё Кавказское побережье Чёрного моря от устья р. Кубани до северной границы Аджарии, давно входившей в Турцию, а также крепости Ахалкалаки и Ахалцихе с прилегающими районами перешли к России.

Обрадованный результатами мирного договора, Николай I в рескрипте с поздравлением на имя графа Ивана Федоровича Паскевича написал следующее: «Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшее — усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных»¹⁰⁶. В этой фразе, как нельзя ярче отразились намерения русского правительства и лично самого императора. В ней высветилась концепция стратегии покорения Кавказа, диктующая самые жесткие методы, в которой нет места ни гибкости, ни дипломатичности, никакого уважения или хотя бы признания прав древнейших кавказских народов на их ис-

¹⁰⁶ **Щербатов.** Генерал-фельдмаршал граф Паскевич. Т. II. — СПб. 1891. С. 230. (Цит. По Г. А. Дзидзария. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. — Сухуми. 1975. С. 57.)

конные земли. Цели обозначены (предельно грубо) четко и ясно: покорить либо уничтожить. Реальные события последовавшего исторического периода подтвердили серьезность выбора подобной стратегии лишь с одним добавлением — или поголовное выселение. Однако, возвращаясь к Адрианопольскому трактату, отметим, что соглашения и договоры часто нарушались.

Император Николай I

При присоединении Абхазии к России в 1810 г. ни Убыхия, ни Джигетия примеру абхазского владетеля не последовали. Всю первую треть XIX века, они оставались в орбите воздействия турецкой агентуры, поддерживавшей туркофильско настроенные круги абхазского общества, возглавляемые бывшим владетелем Абхазии старшим сыном Келешбея — Асланбеем. Проявляя огромную волю и энергию, Асланбей неоднократно пытался вернуть себе законную власть. И, как правило, садзы с убыхами всегда оказывались в составе его отрядов, а сам он, после каждой неудачной попытки вернуть власть, скрывался то в Анапе у турецкого паши, то в самом Константинополе, но в основном в Садзене.

После окончания русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и заключения Адрианопольского трактата, некоторое время ни убыхи, ни джигеты на своей территории не имели непосредственных серьёзных столкновений с царизмом. Они начались там лишь с началом претворения в жизнь «плана

**Граф Иван Федорович
Паскевич**

да убыхи оказывали помощь садзам, упорно защищавшим свою территорию.

Убыхи, вскоре ставшие на Кавказе самыми грозными противниками русских, сумели распространить сильнейшее политическое влияние на шапсугов и на садзов, оказавшихся в то время отрезанными от остальной Абхазии. С этого времени начались непрестанные нападения садзов, вместе с убыхами, как на Гагру, так и на Пицунду то по суше, то с моря.

Впрочем, встретив ожесточенное сопротивление, «план Паскевича» застрял на Гагре, русские дальше на северо-запад не продвинулись и предпочли ограничиться обороной захваченных пунктов, теряя при этом массу людей, как в стычках, так и от болезней, особенно малярии, которая косила военные гарнизоны. Гагринское укрепление несколько раз было атаковано джигетами в союзе с убыхами, не забывавшими в то же время оказывать помощь абадзехам, шапсугам и натухайцам при их штурмах на вновь возведенные Георгиевско-Афипское и Алек-

Паскевича» под названием «Абхазская экспедиция», ставившей целью овладение побережьем, установление сухопутной связи Сухума с Анапой и покорение «буйных племён», в число которых включались адыги, убыхи и садзы с горными абхазами. Приведение плана Паскевича в жизнь было возложено на генерала Карла Федоровича Гессе. Непримири-
мое противостояние началось со времени сооружения Гагринского укрепления в 1830 г., ког-

сеевское укрепления. Так продолжалось до 1837 года, когда по приказу Николая I, посетившего побережье, помимо уже возведенных в 1836 году Геленджикского и Кабардинского фортов, началось сооружение цепи береговых укреплений, так называемой «Черноморской береговой линии». С этого времени и до конца их пребывания на Кавказе убыхи были одной из главных противоборствующих сил, играя фактически руководящую роль в борьбе за независимость племен не только Черноморского побережья, но временами и за хребтом.

Здесь нельзя не отметить чрезвычайно активную, провокаторскую роль, которую играли в 1830-е годы, помимо многочисленных турецких агентов, поляки, французы и английские эмиссары Эдмонд Спенсер, Дэвид Уркарт, Джеймс Белл, Дж. Лонгворт и многие другие, постоянно подстрекавшие горцев на продолжение войны с Россией. Это были, несомненно, военные разведчики, поставлявшие правительственным кругам Великобритании сведения о природных ресурсах края — полезных ископаемых, флоре и фауне, о народонаселении, о военном положении и т. д. С благословения английского правительства эти личности постоянно подстрекали горцев к продолжению борьбы с Россией, ложно обнадеживая тем, что вскоре великие державы вступят в войну с Россией и независимость кавказских горцев будет сохранена. Об этом говорит, обращенное фактически к английскому правительству последнее, заключительное 30-е письмо книги Э. Спенсера¹⁰⁷. При этом нельзя не отметить широкую и ценнейшую информацию о жизни, быте и общественном устройстве народов Северозападного Кавказа, содержащуюся в письмах, дневниках и других повествованиях указанных выше авторов, написанных в то же время, в откровенно

¹⁰⁷ *Spenser E. Travels in Circassia, Krim-Tartari. Vol. II. — London. 1839.*

враждебных тонах по отношению к России, давней, со времен Петра II, политической соперницы Англии.

Эд. Спенсер, выдававший себя за врача-генуэзца, жителя Константинополя, два раза посетил не только побережье, но при содействии графа М. С. Воронцова и глубины страны. Он непрестанно внушал горцам, что они независимы и должны отстаивать свою свободу, пресекая всякие поползновения на нее со стороны России. Впервые он появился здесь сразу после подписания Адрианопольского договора еще в 1830 году, приплыв тайно на контрабандном судне (по некоторым данным посещал он эти места и ранее). Во время второго посещения кавказского Причерноморья, ему удалось так втереться в доверие к первому новороссийскому губернатору по Южной России графу М. С. Воронцову, что он получил от последнего, даже «в любезнейшей манере», приглашение сопровождать его в морских экспедициях и объехал вместе с ним в 1836 году все побережье Кавказа и Крыма. При этом граф предоставил ему «возможность посетить все русские порты и поселения на берегу Крыма, Черкесии и Мингрелии».

Чрезвычайно важную и особую роль в этом отношении играл, как писали о нем, «дипломат по собственному желанию», впервые посетивший Кавказ в 1834 году — Дэвид Уркарт. Очарованный природой и людьми, он, наравне с лозунгом «Союз торговых интересов Великобритании в защиту своих прав», провозглашал и независимость «государства Черкесии», которую, как считал и Э. Спенсер, Англия должна была поддерживать в ее борьбе с Россией (а не вести, по его словам, предательскую политику постоянного обмана), что, несомненно, по его мнению, подняло бы ее авторитет. Д. Уркарту принадлежит текст «Декларации независимости Черкесии», которую он в июле 1836 г. опубликовал в Лондоне в своем журнале «Portfolio», с приложенной к ней картой Черкесии, как независимой страны. В переводе на

Дэвид Уркарт

турецкий язык многие представители горской знати носили с собой ее текст, хотя очень редкие из них могли бы ее прочесть.

Он же является автором и «военного флага черкесской конфедерации племен»¹⁰⁸. Флаг этот, исполненный в одном из гаремов Турции, был привезен на Кавказ Дж. Беллом, во время

¹⁰⁸ Вот его слова о нем: «Я считаю, что флаг Черкесии должен быть зеленым. Зеленый — это цвет, который обволакивает их горы, это цвет, который обозначает мусульманскую веру. На зеленом фоне я расположил скрещенные между собой стрелы и увенчал их россыпью звезд, которые ассоциируются с их свободой и одновременно воспевают величие небес. Язык этого флага доходит до самого сердца и поэтому понятен всем».

кратковременного посещения Черкесии летом 1836 г. Флаг был передан вместе с подложными грамотами будто бы от правительства Англии и от Египетского паши, которые он зачитал перед собранием представителей горцев, в основном натухайцев. Всем этим он расстроил планы горцев о примирении с Россией и настроил их против русских, призывая к продолжению войны. Как видно, чуть позже, подстрекаемые им горцы создали временное правительство — Конфедерацию кавказских горцев и послали в Константинополь трех представителей с просьбой о помощи против притязаний России, обращенной к турецкому правительству и европейским державам.¹⁰⁹

Д. Уркарт, ярый противник России, глубоко заинтересованный в продвижении Англии на Восток, в захвате рынков на Кавказе, в Турции и в Персии, а также и в перекрытии всех продвижений России в сторону Индии, вместе с тем был влюблен в население этого края. В Лондоне он создал даже «Черкесский комитет»¹¹⁰. Горцы настолько доверяли «Дауд-бею», что «уговаривали его стать их руководителем, вести их и в самоуправлении и в войне против русских», но он счел, что именно в Англии сможет наладить всемерную помощь черкесским народам, к которым причислял почти всех горцев Северо-Западного Кавказа. «Черкесы никогда не теряли веру в него, несмотря на то, что он потерпел неудачу в достижении своей цели». Так пишут о нем английские исследователи¹¹¹. В 1836 году, по его просьбе и благодаря ходатайству английского короля Вильгельма IV (с большим нежеланием министра иностранных дел Пальмер-

¹⁰⁹ В том году Дж. Белл впервые попал на Кавказское побережье, где была взята в плен его шхуна «Виксен» и не только с солью, но и с контрабандным оружием. Прожил он там тогда вместе с Дж. Лонгвортом около года.

¹¹⁰ «Черкесский комитет» существовал и в Стамбуле.

¹¹¹ **Robinson Gertrude.** *David Urquhart: some chapters in the life of a Victorian knight-errant of justice and liberty.* — Oxford. 1920. P. 54.

стона), он был назначен первым секретарем посольства Англии в Константинополе¹¹², где стал ярким туркофилом. Остерегаясь его неистово кипучей деятельности, связанной с Западным Кавказом и постоянными требованиями оказания помощи несчастным горцам, вызывавшей обострение отношений Англии с Россией, чего Англия хотела избежать, Д. Уркарата в марте 1837 г. отозвали. Отозвали как человека, который, как писали тогда из Министерства Иностранных дел лорду Понсонби, послу Англии в Турции и большому другу Д. Уркарта, — «подвергал опасности мир Европы». На этом и закончилась бурно и блестяще начатая дипломатическая карьера (в Албании и Турции) этого незаурядного молодого человека. Сам он считал, что причина его отстранения объяснялась следствием российского влияния в английском Кабинете министров в связи с конфискацией торгового судна Дж. Белла «Виксен», посланного к берегам Черкесии через его агентство, и в уступчивости лорда Палмерстона в споре с Россией по поводу компенсации его владельцам¹¹³.

Исключительно важную роль играл и разведчик Дж. Белл. Вновь прибыв на Кавказ в середине апреля 1837 года, он развернул очень активную деятельность против России, постоянно обещавший горцам военную и иную помощь со стороны Англии, Турции, Египта и других стран. Дж. Белл организовывал поставку оружия, пороха, артиллерийских орудий и т. п. из Англии, которые перезагружались в Турции в Самсуне на зафрах-

¹¹² *Там же.* Как пишет автор его биографии, он никогда не появлялся в нем, за исключением четырех раз, когда приходил к обеденному столу.

¹¹³ Кстати еще Эд. Спенсер разгадал лицемерную политику Англии по отношению к кавказским горцам, (возлагавшим большие надежды на ее помощь) и написал по этому поводу следующее: «Не выпьют ли они горькую чашу разочарования? Не изменятся ли их молитвы в проклятия? Не позвол этого справедливость! Не позвол этого человечность!». (Эд. Спенсер. Путешествия в Черкесию. — Майкоп. 1994. С. 136).

тованные местные суда и контрабандой доставлялись морским путем адыгам, убыхам, джигетам. Он всеми силами противодействовал налаживанию мирных отношений горцев с русским командованием, обманывая горцев подложными грамотами и другими документами, будто бы удостоверяющими вступление держав в войну с Россией за Кавказ. Скорее всего, ему и Д. Уркарту принадлежала идея отправления письма, а вероятно и помощь в составлении текста в адрес незадолго до этого вступившей на британский престол королеве Виктории.

Послание королеве Англии 1838 г.

Мы немало претерпели от беззаконий русских, но неправда, которую они возводят на нас, еще более оскорбительна ввиду того, что они утверждают везде, будто от одного моря до другого вся территория черкесских провинций им передана Высокой Портой... В ответ на заявления русских, ваши покорные слуги — черкесы торжественно заявляют, что никогда от начала Оттоманской державы она не завоевывала нас военной силой; никогда она не приходила нам на помощь в трудную минуту. И никогда мы не платили ей дань: наоборот, она забирала наших детей и продавала их как рабов на своих рынках. И если это так, то каким же образом Высокая Порта могла нас отдать России! Если они настолько дружны, то она могла бы ей уступить какую-нибудь из стран, находящихся под ее властью; но она не имела ни власти, ни права отдать нашу. Что же касается крепостей, которые построили русские, то они нам не приносят ни пользы, ни вреда... Мы надеемся, что Бог не допустит, чтобы мы были покорены ими... и с Его всемогущей помощью никогда не быть ими подчиненными... Если Оттоманское правительство не окажет нам помощи и не снабдит нас пушками, амуницией, солдатами, прочим военным снаряжением и деньгами, и если оно не

перестанет нас считать как прежде рабами, то мы ему не подчинимся и не признаем его верховенства [духовного] над нами; но если оно окажет нам помощь и защитит нас, то тогда мы подчинимся его имперским приказам... А если война нас ослабит, мы скорее уйдем в горы, нежели им сдадимся. Если же Вашему Величеству такой расклад не представляется приемлемым, то мы надеемся, что Ваше Величество и другие государства отдадут приказы, согласно которым мы будем продолжать существовать как свободное и независимое государство по примеру Персии, Афганистана и других горских государств. И после того, как Ваше Величество отдаст соответствующие приказы и распоряжения, мы будем решать какие следующие шаги нам предпринять. Если же можно будет договориться с Османским правительством, мы будем рассматривать это как особую честь и будем совершенно удовлетворены... По окончании войны мы возместим османскому правительству все издержки, которые оно понесет... Сефер-бей, наш министр, имеет распоряжение представить нашу скромную петицию Вашему Величеству и Османскому императору и мы поступим в соответствии с тем, что будет сделано и сказано им. Пусть Ваше Величество, persona которой наделена прекрасными качествами — мудростью и милосердием, соизволит принять это скромное послание от наших племен. Наша судьба зависит от высокой воли Вашего Величества».

В книге Дж. Белла, где опубликовано это письмо, снизу к нему идет его приписка: «К посланию были приложены подписи самых влиятельных вождей и старейшин всех провинций Черкессии»¹¹⁴. Послание представляет собой верх наивности и противоречивости. Белл и другие эмиссары поступали бесчеловечно, обманом дезинформируя горцев и уговаривая продолжать бесперспективную убийственную войну.

¹¹⁴ *Белл Дж. С. Указ. соч. С. 445–448. Перевод послания приведен с купюрами.*

Дж. Белл в некоторых случаях даже принимал личное участие в боевых действиях, как это, например, имело место во время нападения убыхов в 1839 г. на форт Навагинский, а также присутствовал и во время военных действий у р. Шахе. Его подрывная деятельность продолжалась почти три года, а в один из них Дж. Белл вновь стал работать одновременно с Дж. А. Лонгвортом, спецкором газеты «Таймс». Однако, к сожалению, до сих пор не собраны и не опубликованы материалы Д. Уркарта — его выступления, лекции в «Черкесском комитете», переписка, письма-обращения к горцам, в которых он предостерегал их от излишней доверчивости «вероломным европейцам», как он писал в 1854 году, статьи и эссе, публиковавшиеся в издаваемых им в его газете «Free press» и журнале «Portfolio». В этом отношении больше повезло материалам Э. Спенсера, Дж. С. Белла и Дж. А. Лонгворта, которые были опубликованы сразу после их возвращения в Англию и неоднократно переиздавались.

В 1837 году на мысе Адлер, названном вскоре Константиновским, отбитом у отчаянно сопротивлявшихся джигетов и оказавших им помощь убыхов, на правобережье р. Мдзымта было сооружено укрепление «Святого Духа». В этот период, когда русские войска под начальством барона Г. В. Розена и генерала А. М. Симборского заняли Адлер, убыхи и садзы соединились возобновлявшейся ежегодно взаимной присягой с обменом заложниками, и с тех пор, на какое-то время, всякая вражда между ними прекратилась, а людей, которые входили бы в тайные сношения с русскими, решено было штрафовать.

Убыхи понимали, что подходит очередь и их территориям. Военные действия перемещались теперь к северо-западу от подвластной русским Абхазии. Местом следующего форта было избрано устье р. Сочи, также представлявшее собой важный стратегический пункт. Захват плацдарма для сооружения укрепления был поручен генерал-майору А. М. Симборскому. Дезориентировка горцев в отношении места высадки десанта,

также как и в Адлере, с целью разобщения их сил, дала желаемый результат для русских войск. В итоге кровопролитных схваток и боев с применением жестокого артиллерийского обстрела со стороны задействованного военного российского флота и на суше, горцы были оттеснены, а селения сожжены. В итоге сопротивление горцев было сломлено и 23 апреля русские войска произвели закладку форта. Но убыхи несколько раз в мае и в октябре предпринимали серьезные нападения на это укрепление, стоившие больших жертв.

Таким образом, в 1838 году на мысе у устья реки Сочи, где в то время проживали уже не только садзы, но, по сведениям Ф. Ф. Торнау, отчасти убыхи и шапсуги¹¹⁵, и, несмотря на безмерно мужественное сопротивление населения, было сооружено теперь непосредственно на территории, в какой-то мере подвластной убыхам, первое русское укрепление под названием Александрия. Менее чем через год оно было переименовано в Навагинское, а затем в Даховский посад, в честь задействованного в боях за Сочи Даховского отряда.

Теперь перед российским военным командованием встал вопрос сооружения другого форта в таком месте, чтобы приморские владения убыхов замыкались с двух сторон русскими укреплениями. Таким пунктом должно было стать правое приустье реки Шахе, вернее в районе небольшой реки, протекавшей со стороны правобережья Шахе — Субаши, название которой часто переносилось на реку Шахе.

3 мая 1839 года русский десант под командованием Н. Н. Раевского был высажен на территории между реками Шахе и Субаши. Как писал Семен Эсадзе, теперь «...Раевский вносил русское оружие в землю убыхов». Отчаянные бои, которые велись убыхами и шапсугами, особенно в устье Шахе, где находилась

¹¹⁵ **Торнау Ф. Ф.** *Воспоминания кавказского офицера* //РВ 1864. Т. 53, № 10, с. 114.

священная роща¹¹⁶, не дали перевеса горцам. Тяжелый артобстрел с кораблей разрушил, как и везде, их мощные завалы и самоотверженная борьба к успеху не привела. Горцы понесли огромные потери. У р. Субаши, недалеко от р. Шахе было сооружено новое укрепление, получившее название форта Головинского.

Таким образом, в течение времени с 1830 по 1839 год русским десантам удалось сломить беспрецедентное сопротивление горцев во многих местах побережья, имевших определен-

ное стратегическое значение и возвести в них ряд укреплений, протянувшихся цепочкой вдоль всей Черноморской береговой линии, начиная от Новороссийска и далее: Геленджикское в 1836 г., Кабардинское в устье р. Добра в 1836 г., Новотроицкое в устье р. Пшад в 1837 г., Михайловское у устья р. Вулан в 1837 г., Вельяминовское у р. Туапсе в 1838 г., Тенгинское у устья р. Шапсуха в 1838 г., Новороссийское у устья р. Цемес в 1838 г., Раевское у р. Мескаге в 1839 г. и Лазаревское у устья р. Псеузапсе в 1839 г.

На территории садзов и убыхов первым было сооружено в 1837 г. укрепление «Св. Духа» в Адлере на мысе, названном Константиновским у устья реки Мдзымта, затем Навагинское близ устья р. Сочи в 1838 г. и в 1839 г. Головинское вблизи от

Николай Николаевич Раевский.
Начальник Черноморской
береговой линии (1837–1841 гг.)

¹¹⁶ Возможно, именно в ней совершались во времена Эвлия Челеби описанные им воздушные захоронения.

устья р. Шахе, а Гагринское, Пицундское и Бамборское были заложены еще в 1830 году. Действия эти вызывали взрывы негодования среди горцев, особенно в среде убыхов.

В скором времени разразившийся на побережье голод, вызванный страшной летней засухой, а также чрезвычайно суровой зимой 1839–1840 гг. и связанный с этим массовый падеж скота, сделали положение населения невыносимым. К этому надо добавить и крайнее недовольствие горцев пресечением контрабандной торговли с турками, торговыми людьми, подвоза продовольствия и боевого оружия. В феврале 1840 года поднялось всё население региона. Борьбу, как всегда в тот период, возглавил славившийся умом и беспредельной храбростью Хаджи-Берзек Дагомуков. За его голову ген. Н. Н. Раевский якобы обещал 1000 рублей серебром.

Черноморская линия была прорвана. 7 февраля пало укрепление Лазаревское, а 29 февраля и Вельяминовское. Настала очередь Головинского, но здесь горцев постигла неудача. После проигранного сражения убыхи и шапсуги направились в сторону Михайловского форта и 22 марта совершили несколько нападений на него, в результате которых погибла масса народа, особенно от взрыва порохового погреба, который был взорван пожертвовавшим собой рядовым гарнизона Архипом Осиповым. Форт пал, попав в руки горцев. Начальник Черноморской береговой линии, генерал Н. Н. Раевский, оправдываясь перед возмущенным и крайне раздраженным военным министром графом А. И. Чернышевым 12 апреля 1840 года, писал: «...Мы едва можем защитить Абхазию, пока убыхи в связи с джигетами. Из этого следует необходимость принудить последних к немедленной покорности, а потом соединёнными силами джигетов и Абхазии, поддерживаемыми нашими войсками, действовать решительно против убыхов»¹¹⁷. Из этих слов вытекает

¹¹⁷ **Фадеев А. В.** Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // «Исторический сборник» № 4. — Л. 1935. С. 149, со ссылкой на «Рапорт от 16 июля 1840 г. // ЦВИА ВУА д. № 6422, л. 1–5».

заклучение о том, что во многих военных мероприятиях убыхов принимали участие и садзы, но, как видно, в основном горное абхазское население Садзена: ахчипсы и др.

С этого времени начинается сильное давление на садзских князей со стороны абхазского дворянства во главе с владельцем Михаилом, который был воспитанником Берзеков. Убыхи были недовольны поведением приморских садзов, которые вскоре стали вести самостоятельную примиренческую политику в отношении русских. Это проявилось уже на съезде представителей горских народов Северо-Западного Кавказа, собравшихся в 1838 г. в местности Гечь. Убыхи во главе со знаменитым Хаджи Берзеком, возглавившим борьбу против русских, вместе с абхазским горным обществом ахчипсоу, почти всегда находившимся рядом с убыхами, стали угрожать приморским джигетам за отсутствие с их стороны действенного сопротивления русским войскам.

Первыми среди садзов русское подданство принимают цандрипшские князья Цанба, а затем склонность последовать им проявляют и другие княжеские роды. Возмущённый Хаджи Берзек решил наказать садзских князей. Цандрипш был разорён и опустошён, а от его населения были взяты заложники¹¹⁸. Осенью 1840 года Берзек появился в Гагре во главе отряда из убыхов и ахчипсоуцев в количестве 2500 человек. Одновременно он собирался совершить нападение и на другие области Абхазии, чему помешали разногласия в этом вопросе с князем Аубла и его сторонниками, не желавшими ее разорять.

Старания владельца Михаила не остались неизвестными убыхам. Когда в начале февраля 1841 г. начались переговоры адлерских князей с царской администрацией о принятии их в подданство России, Хаджи-Берзек решил наказать своего воспитанника и послал отряд в 1000 человек во главе со своим племянником Керантухом Берзеком вглубь Абхазии. Там они

¹¹⁸ Там же. С. 151.

напали на селение Отхара, принадлежавшее владельцу Михаилу и полностью разорили его. Но эта акция не остановила ход событий.

В начале мая все основные княжеские фамилии приморских садзов присягнули на верность русскому правительству и государю. В своем сообщении генерал Н. Р. Анреп писал «... главным виновником покорения джикетов был владелец Абхазии генерал-майор князь Михаил Шервашидзе... Он не щадил никаких издержек, чтобы склонить на нашу сторону самых значительных людей между джигетами»¹¹⁹. Однако, несмотря на то, что почти все приморские садзы (3000 дворов) присягнули на верность России, горные абхазские общества медовеев — ахчипсоу, айбга, цвиджа и др. (2000 дворов) в союзе с убыхами продолжали сопротивление.

Покорение приморских садзов нанесло чувствительный удар убыхам, так как в них они потеряли сильных союзников. В то же время действия садзов вызвали появление примиренческих настроений и среди убыхской знати, особенно после принятия 12 мая присяги князьями Аубла и Хамыш (по-видимому под влиянием близких им садзских князей). Последнее событие вызвало страшное негодование среди убыхского населения. С князей был взят даже штраф за сношения с русскими и их вынудили отказаться от присяги, однако, при встрече с русским командованием как Аубла, так и Хамыш, объявили, что независимо от всего случившегося они ни правительству, ни присяге не изменят. Но, несмотря на их заявление, в связи с разыгравшимися событиями, граница образованного Джигетского представительства дошла все-таки только до общества Хамыш.

После происшедших событий отношения убыхов с садзами обострились и совершенно расстроились. Хаджи-Берзек стал собирать большие силы для наказания последних, но на их границе ещё большие силы сосредоточили русские, что принудило

¹¹⁹ **Фадеев А. В.** Указ. соч. С.155

убыхов воздержаться от нападений. С этого времени и в среде высшего убыхского дворянства пошли разногласия, в результате которых убыхи вступили в переговоры с русским командованием в присутствии абхазского дворянства, как всегда, во главе с князем Михаилом. Перед убыхами было поставлено несколько условий: в 3-месячный срок принять решение о принятии российского подданства, прекратить действовать силой в отношении садзов, закрыть проходы через их земли для набегов на Абхазию и возвратить всех заложников из садзов, которых они уже давно держали у себя. Взамен убыхи получили обещание, что во всё это время и садзы, со своей стороны, не будут делать набегов на убыхские территории.

Убыхи полностью выполняли свои обещания в отношении садзов, однако, неприятельские действия в отношении русских войск продолжали, хотя ранее, ещё в мае, в тайных переговорах Берзеки давали слову князю Михаилу, что не будут «противиться покорности убыхов, если они на оную пойдут»¹²⁰. Завязавшиеся отношения с русским командованием завершаются принятием частью Берзеков, вместе с их подвластными, присяги верности императору и правительству. Постепенно шло, казалось бы, относительно мирное покорение убыхского народа. В это же время и другие общества Садзена, в особенности Цвиджа, также обратились с просьбой о принятии их в российское подданство.

На территории же Садзена было учреждено специальное приставство, которое возглавил, согласно решению российских властей, сначала младший брат владельца Михаила Александр, но вскоре, по неизвестным нам причинам, его заменили первым абхазским учёным, подполковником дворянином С. Т. Званба. На этой должности он находился до 1850 г. В начале 40-х годов он даже поехал с депутацией садзских князей в Петербург для представления их императору Николаю I. Князья получили тогда от императора денежные подарки и др. Эта акция свиде-

¹²⁰ Там же. С. 156.

тельству о том большом значении, какое придавало царское правительство садзам и Садзену в выполнении их военно-политических планов в отношении убухов.

Однако, сравнительно мирная ситуация внезапно переменялась. Это было связано как с успешными военными действиями Шамиля, так и со слухами о восстании в Гурии. Относительное затишье на Северном Кавказе, сменившееся новым подъёмом борьбы за независимость, отразилось на настроениях и причерноморских горцев.

Летом 1844 г. убухи стараются организовать всеобщее выступление против русских. Вновь активизируются прекращавшиеся годами нападения на укрепления и посты, а в 1846 г. ген. А. И. Будберг отметил появление и рост «враждебных настроений» даже среди садзов. Так продолжалось вплоть до Крымской войны, когда русские, бросив укрепления в 1854 г., ушли с кавказского побережья и не появлялись там три года.

Большой интерес представляет ответ горцев на сделанное вскоре после начала Крымской войны предложение французских и, главным образом, английских эмиссаров принять покровительство Англии, которое избавило бы их навсегда от России. Предложение не принесло желаемого и ожидаемого результата. В своём ответе горцы заявили, что в случае, если англичане или французы станут занимать их земли, то с ними они будут бороться с не меньшим ожесточением, чем с царскими войсками. Приехавшие эмиссары недооценили глубочайшего и неистребимого стремления кавказских горцев к полной свободе и независимости, которое руководило всеми их помыслами и действиями. Как писал Ад. П. Берже, «идея принять горцев под покровительство Европы или Англии и Франции не допустить России завладеть Кавказом так и осталась в проекте»¹²¹.

¹²¹ **Берже Ад. П.** Выселение горцев с Кавказа // «Русская старина». Т. XXXIII, 1882, январь. С. 174.

С возвращением русских, вновь разгорелась ожесточённая борьба, которую после ухода из политической жизни Хаджи Исмаила Берзека Старшего в 1844 г. (он умер позже, во время хаджа в 1846 г.) возглавлял его племянник Хаджи Берзек Младший — Керантух, но организовать единый фронт ему долго не удаётся, хотя за прошедшие годы убыхи почти восстановили своё влияние и среди садзов. Положение на Северо-Западном Кавказе сильно ухудшилось в связи с поражением и пленением 26 августа 1859 г. Шамиля. С Дагестаном и Чечнёй было покончено, и теперь все силы Россия могла сосредоточить на Западном Кавказе. Наступал последний и самый трагический период борьбы за независимость, в которой убыхи вели себя исключительно самоотверженно.

В связи с вышеизложенным, российскому военному командованию предстояло выработать новый план действий на Западном Кавказе. Для его покорения и завершения Кавказской войны правительству был предложен ряд планов и проектов. Один из них принадлежал атаману Черноморского Кавказского войска, генералу Г. И. Филипсону. Несогласный с продолжением активных военных действий, он доказывал, что «горское население западной половины Кавказа совершенно отлично от населения восточной» и, что там «вовсе не применим тот образ действий, который привёл к таким успешным результатам в Чечне и Дагестане». Г. И. Филипсон предлагал не военный, как ранее предлагали некоторые другие (И. Ф. Паскевич, Г. Х. Засс, Д. А. Милютин и др.), а мирный путь покорения: «...только занятием некоторых укреплённых пунктов, проложением дорог, рубкою просек, введением управления сообразно быту и нравам туземных племён, в духе гуманном...» и т. д. и т. п. Предложенные меры Г. И. Филипсон считал важными и в отношении будущего поведения в этой войне правительств Европы, особенно Англии. Они пресекали бы их попытки вмешательства в кавказские дела¹²². Однако этот план был отклонён. Мирные ме-

¹²² **Ачмиз К.** *Эхо Кавказской войны*//В кн. Семён Эсадзе. *Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны.* — Майкоп. 1993. С. 6.

тоды приведения горцев в российское подданство предлагались и ранее такими видными политическими и военными деятелями России, как М. Б. Барклай де Толли, адмирал Н. С. Мордвинов, будущий наместник Кавказа граф М. И. Воронцов, граф К. В. Несельроде и др. К сожалению, предпочтение было отдано плану чрезвычайно агрессивного и жестокого генерал-адъютанта графа Н. И. Евдокимова, назначенного Командующим войсками Кубанской области и казачьим атаманом. Суть

Император Александр II

предложений Н. И. Евдокимова заключалась в выселении горцев на равнины Кубани и Приазовья или в удалении их в Турцию, а все освобождающееся пространство на северной стороне между реками Белой и Лабой и весь восточный берег Чёрного моря заселить казачьими станицами. В этом плане главное предпочтение отдавалось всё-таки выселению горцев в Турцию, которое генерал Н. И. Евдокимов считал важнейшей государственной мерой, способной «окончить войну в кратчайший срок».

План Евдокимова был поддержан большинством высшего кавказского начальства во главе с Главнокомандующим Кавказской армией князем А. И. Барятинским. В ноябре 1860 года план был лично одобрен императором Александром II.

С этих пор на Западном Кавказе начались жесточайшие военные действия. Несмотря на отчаянное сопротивление горцев, войска ген. Евдокимова всё глубже внедрялись на территории непокорных племён.

Учитывая неблагоприятно сложившуюся, исключительно сложную внутреннюю и внешнюю обстановку, и «осознавая не-

достатки своей организации», горцы Северо-Западного Кавказа и Северо-Западного Закавказья решили объединиться, «распри позабыв» и создать единый, общий для всех центр управления. В связи с создавшимся положением набирал силу ислам, как объединительный фактор и как противодействующая сила российскому христианству.

В срочном порядке 13 июня 1861 года в долине р. Сочапста был созван съезд «выборных старшин» — представителей убыхов, шапсугов, садзов, абадзехов и др. Съезд проходил по инициативе убыхов и при их руководящем участии. Перед угрозой нависшей опасности договорились об «учреждении чрезвычайного союза» и необходимости стремиться к тому, чтобы «заменить расслабляющую усобицу сильной централизацией». Был учреждён меджлис из 15 человек, который нарекли «Великим и свободным собранием». Было решено провести целый ряд важных и неотложных мер с тем, чтобы «сохранять порядок внутренний, а отступающих от него наказывать». Были организованы 12 административных единиц-округов, в каждом из которых были определены муфтии и кади¹²³, а также старшины. Исполнение повелений меджлиса возложили на них. Специально были предусмотрены мероприятия и экономического характера. Для создания фонда обороны была введена налоговая система, в частности, по сбору доходов и распределению податей. В постройке здания для меджлиса и других учреждений участвовало всё народонаселение убыхов, приморские садзы, а также горные абхазские общества Ахчипсоу, Аибга и др. «Каждый двор был обязан привести две доски на возведение суда, молельни и кунахских»¹²⁴. Само здание меджлиса было выстроено в долине реки Псахе, недалеко от Дагомуковых селений Берзеков, где

¹²³ Высшие духовные лица у мусульман, облечённые правом выносить решения по религиозно-юридическим вопросам на основе шариата — свода исламских правовых нормативов.

¹²⁴ Отзыв Кутаисского генерал-губернатора от 30 июня 1862 г., № 735//ЦГВИА ф. 38, оп. 7, ч. 3, л. 23, 23 об.

**Хаджи Керантух
Берзек**

жил и Керантух Берзек. Видимо, именно по этой причине и стали русские называть сочинское место «сердцем убыхов», хотя наиболее густое убыхское население было сосредоточено в Вардане и вдоль реки Шахе. Тогда же была сделана попытка создания и регулярной армии путём введения воинской повинности — по пяти всадников с каждой сотни домов. В таком случае появлялась возможность при необходимости выставить до 15000 отборных всадников, а то и больше.

Проект убыхской реформы 1861 года, так называемой «Конституции»

при всех своих неизбежных упущениях¹²⁵, представляет собой, по мнению А. В. Фадеева, «Документ «чрезвычайной исторической ценности»¹²⁶. Дело шло, если бы все эти дерзновенные планы осуществились, к созданию нового разноплеменного государственного образования примерно от р. Бзыбь на юго-востоке и почти до устья Кубани на северо-западе, под властью военного предводителя. Одним из наиболее вероятных претендентов на эту роль был такой лидер, как Керантух Берзек¹²⁷, который у горцев того времени считался главным «предводителем военных партий» и первым из «двух главных деятелей в земле убых». На втором месте после Керантуха по своему влиянию стоял Измаил Баракай-ипа Дзиаш или Дзиапш.

¹²⁵ **Дзидзария Г. А.** *Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия*. С. 187.

¹²⁶ **Фадеев А. В.** *Указ. соч.* С. 175.

¹²⁷ По не совсем уточнённым данным, представители рода Берзек-ков встречались и среди некоторых других адыгских групп: шапсугов, абадзехов, темиргоевцев, бжедугов и др.

*Редкая фотография встречи абадзехов и убыхов
с Императором Александром II на реке Фарс в 1861 г.*

Но, несмотря на всё предпринятое, самые трезвые люди из сопротивлявшихся горцев не могли не видеть и не понимать обречённости своего положения. В связи с этим, в Тифлис к наместнику Кавказа, князю А. И. Барятинскому отправилась депутация во главе с Керантухом Берзеком. Абадзехов представлял Гассан Бидхев, а шапсугов Ислам Тхаушев. Делегацию сопровождал полк князя Мамата Лоова. Делегация отправилась с просьбой о принятии их всех в российское подданство, но с условием об отмене решения об их выселении с родных мест и др. В то время А. И. Барятинского в Тифлисе уже не было и их вместо него принял командующий армией генерал-адъютант князь Орбелиани, который подтвердил все предъявляемые к ним требования. Ничего толком не добившись ни в Тифлисе, ни в переговорах во время встречи с императором, состоявшейся 11 сентября в Тамани, лидеры горцев решили вновь встретиться с Александром II, когда он находился на р. Фарс для «обозрения вновь покорённых земель».

18 сентября 1861 г. во время повторно состоявшейся встречи с царём Хаджи Керентух Берзек просил «гуманнейшего, — как писал с иронией В. А. Фадеев, — из венценосцев XIX века» от имени убыхов и абадзехов принять их в подданство России. При этом он передал императору письменное обращение. В нем содержалась просьба сохранить неприкосновенность их земель, перестать строить на них крепости и не проводить дорог. На другой день последовал переданный им царский ультиматум: «Я даю месячный срок, — они должны решить: желают ли они переселиться на Кубань, где получают земли в вечное владение и сохраняют своё народное устройство и суд, или же пусть переселяются в Турцию»¹²⁸. Царское правительство хотело избавиться от горцев в этих краях, где через убыхов, садзов и приморских адыгов «осуществлялась контрабандная торговля и деятельность турецких, английских и польских эмиссаров»¹²⁹. Ответ царя возмутил горцев, и они продолжили сопротивление.

В то же время убыхи, как никто другой, оказывали помощь всем борющимся горцам, чего с настойчивостью требовали и от других. Так, весной 1862 года они особенно поддерживали дал-цебельдинских абхазов, отвлекавших на себя значительные силы царских войск¹³⁰ (с абхазами Дала и Цабала убыхи имели особо тесные связи). Однако, исключительно действенную помощь они оказывали абадзехам постоянно настаивая продолжать

¹²⁸ **Фадеев А. В.** Указ. соч. С. 173.

¹²⁹ **Там же.** С. 177.

¹³⁰ Так, например, 23 марта 1862 г. отряд под командованием ген. Шатилова с участием некоторых цебельдинских князей (прапорщиков Бабыша и Хрипса) предпринял наступление на Дал, где засели сторонники двух юных сыновей умершего перед этим известного дальского князя Баталбея Маршан. Подростки воевали наравне со взрослыми. Старший из братьев — 14-летний Астамур — был убит, а младший — 13-летний Ардашил — ранен, кроме того, вся кукуруза, гоми и сено в Дале подверглись уничтожению (ЦГВИА ф. 38, оп. 7, № 410, л. 10 (37), 12, 45).

борьбу с царскими войсками, хотя силы были несоизмеримо неравными.

Положение же садзов во всей этой сложной и тяжелой ситуации было не только нелёгким, как явствует из материалов, но и достаточно противоречивым, а иногда даже щекотливым. Как видно, они не всегда хотели безрассудно следовать убыхской непримиримой политике, но убыхи всеми силами стремились преодолеть их колебания, вывести из-под влияния абхазского владетеля Михаила, придерживавшегося прорусской ориентации, и накрепко, по словам А. В. Фадеева, «пристегнуть их к своей военно-политической колеснице».

Убыхи, еще летом 1862 года «в самых сильных выражениях, с угрозой непримиримой вражды, потребовали от джигетов немедленной высылки двух тысяч человек» для использования их против наступавших с северо-запада войск ген. Н. И. Евдокимова.¹³¹ Более того, была сделана даже «вооружённая попытка для принуждения джигетов к отправлению контингента, но сии последние уклонились и в этот раз, а князь Решид Геч просил русских сделать такое наступательное движение, которое позволило бы им отговориться окончательно, от угрожающего им самим опасности»¹³². Примечательно, что в одном из пунктов постановления «Чрезвычайного собрания», то есть убыхского меджлиса, вслед за «призывом к священной войне», говорилось о необходимости «принудить» к такому же содействию джигетов (садзов), которые, как заметил автор документа, «оказываются довольно холодными к общему делу», отказываясь, в частности, от помощи абадзехам. Садзы старались проводить такую осторожную и предусмотрительную политику в значительной мере под влиянием, как уже отмечалось, своего главного тогдашнего лидера — умного и предусмотрительного Решиды Гечба, нахо-

¹³¹ *Отзыв Кутаисского генерал-губернатора... л. 24, об., 25.*

¹³² *Там же.*

дившегося «в постоянных сношениях», с русскими и старавшегося, как видно, сохранить свой народ.

Так же, как и с садзами убыхи вели себя и по отношению к абадзехам, постоянно требуя от них продолжения военных действий, к которым, правда, и сами постоянно отправляли на помощь отряды воинов. Так, они, под начальством испытанных предводителей послали до 5-ти тысяч воинов убыхов и абхазов ахчипсувцев, которые «успешно поддерживали их воинственное настроение».

Вместе с тем, горцы не переставали ждать помощи со стороны некоторых западных держав, в первую очередь Англии. Это наивное ожидание поддерживали в них заморские эмиссары, многие из которых были провокаторами и советы которых ни к чему положительному не приводили. Наоборот, своими постоянными подстрекательскими действиями они неизбежно подводили горцев к губительному концу. В августе 1862 года горцы, понимая свое отчаянное положение, как видно, по совету Д. Уркарта решили вновь обратиться за помощью к Англии.

Было написано большое послание все к той же королеве Виктории. Была выделена и делегация для поездки в Стамбул, Лондон и Париж. Возглавлял ее Измаил-Баракай-ипа Дзиаш.

ОБРАЩЕНИЕ К АНГЛИЙСКОЙ КОРОЛЕВЕ

от 26 августа 1862 года

Черкесских делегатов от Союза Черкесских племен

Как известно Вашему величеству, с тех пор, как существует мир, ни один народ не пытался покорить нашу страну. Одна Россия под предлогом, что она получила нас по договору с Оттоманским правительством, много лет тому назад напала на нас с превосходящими силами и начала истребительную войну, продолжающуюся уже 40 лет и стоившую многих человеческих жизней.

Так как Османское правительство нашей страной никогда не владело, то оно и не имело никакого права уступать нас русским. Между нами и турками нет ничего общего, кроме веры, которая заставляет нас смотреть на султана, как на преемника нашего пророка.

Мы мирно жили в наших хижинах, унаследованных от наших предков и ревностно следили за соблюдением нашего закона, когда Россия перешла наши границы и пыталась нас покорить. Эти сведения не требуют доказательства, потому что такова захватническая система русской политики по отношению ко всем народам, которые уступают ей в могуществе.

Во время Крымской войны союзные державы обвинили нас в недостатке верности, за то, что мы не присоединились к ним во время их борьбы против нашего общего врага, это верно, но это не было виной нашего народа, а произошло от недостатка единства и энергии наших вождей.

Чтобы обмануть весь мир, Россия скрывает подлинные причины своих постоянных войн с нами. Она старается убедить цивилизованный мир, что ей приходится воевать с черкесами только потому, что это дикий, грубый и никем неуправляемый народ, который, предоставленный самому себе, разорит соседние земли русских подданных.

Мы пришли в эту страну, чтобы доказать, что эти сведения ложны и чтобы просить защиты вашего величества. Два года тому назад черкесы и абхазцы, желая вступить в семью конституционных народов, избрали род парламента, который и управляет нашим объединенным, насчитывающим около миллиона душ, народом.

Вследствие такого устройства не только наша страна управляется конституционно, но и обучающие нас народы, также как и те, которые приезжают к нам для торговли, не подвергаются никаким беспокойствам. Если же какой злой человек совершит беззаконие, то потерпевшему оказывается помощь, и он получает назад свою собственность, а преступник строго и справед-

ливо наказывается, если же имущество пропадет, тогда оно возмещается потерпевшему из общественного имущества.

Чтобы увеличить безопасность и благосостояние жителей, мы недавно издали много хорошо обдуманых законов, которые конституционными властями проводятся в жизнь во всех провинциях.

Завидуя реформам, проведенным в нашей стране, Россия старалась подавить наши нововведения. Она напала на нас, как сказано выше, с превосходящими силами, разорила некоторые местности, сожгла наши жилища и молельни, захватила наше имущество, убивала мужчин, захватывала в плен женщин, детей, коротко говоря, начала против нас разрушительную войну, жестокость которой не поддается описанию.

Наши начальники, которые предвидели ужасные последствия этого нападения и предстоящие бедствия для обеих сторон, решились для предотвращения обоюдного кровопролития на следующие мероприятия: они выбрали несколько уполномоченных, которых послали в Тифлис, чтобы прийти к соглашению с Россией. Наши требования были следующие: «Эти земли принадлежат нам» (смотри эту выписку из петиции, поданной Александру II). Вышеупомянутая докладная записка была представлена не только губернатору Тифлиса, но и самому царю, когда он туда прибыл. Но, несмотря на это, мы не добились справедливости и русский меч все еще не вложен в ножны. Их тирания не ограничилась тем, что они захватывали наш скот, сжигали наши жилища и молитвенные дома и совершали другие неслыханные жестокости, но для того, чтобы уморить нас голодом в горах они уничтожили наши жатвы в долинах и оккупировали нашу страну, они обращались с нами невыносимым, варварским образом, не имеющим примеров в истории войн. Доведенные до отчаяния, решили мы оказать последнее сопротивление нашим врагам со всей имеющейся у нас энергией, и война возобновилась восемь месяцев тому назад с новой силой и привела к жертвам в 25000 человеческих жизней с обеих сто-

рон и к ужасающим потерям имущества. В то время, как мы с одной стороны гнали наших врагов, а с другой пытались улучшить управление нашей страной, Россия стремилась завоевать нас при помощи грубой силы. На нейтральном Черном море она захватывает каждое судно, везущее хотя бы одного нашего соплеменника, так что мы не имеем ни пристанища на суше, ни возможности бежать и спастись морем. Но все же, мы предпочитаем умереть, чем подпасть под иго России. Если бы мы захотели переселиться и покинуть нашу Родину, которая веками защищалась нашими предками, проливавшими за нее кровь, то наша бедность помешала бы нам в этом; в самом деле, как могли бы мы увезти с собой наших жен и детей и вдов, сирот и беспомощных родственников, павших в этой войне? Такое предприятие разъединило бы переселенцев и навсегда изгладило имя черкесов с лица земли. Ввиду этих непреодолимых трудностей, мы единодушно решили представить наше дело каждой могущественной державе с искреннейшим убеждением, что они по заслугам заклеят плохое поведение нашего врага. Наши взоры особенно обращены на Ваше величество и на ваш народ, которому, как нам известно, свойственны свобода, справедливость и сочувствие к притесняемым на своей несчастной родине.

Поэтому мы просим Вашей защиты, в надежде, что Вы можете нам в нашем испытании. Для этой цели мы присланы сюда, как представители Черкесского и Абхазского народа, чтобы самым покорным образом положить к подножию Вашего трона нашу просьбу, в надежде, что Вы не позволите совершенно истребить народ в миллион душ,¹³³ состоящий из плоти и крови, как и все остальные люди. Вот это дело нам поручено

¹³³ Это относится только к черкесам, убыхам и абхазцам, но вместе с лезгинами и другими родственными народами они составляют четыре миллиона (Примечание М. К. Хотелашвили-Инал-Ипа).

**Делегаты в Лондоне — Хадеж Хайдан Гассан (Хушт)
и Кустар Оглы Исмаил (Куштан)**

изложить Вашему величеству черкесским и абхазским народами [здесь, наверное, имелись в виду садзы], которые не сомневаются, что Вы им окажете Вашу могущественную помощь для осуществления их желания, а именно: защитить свое имя, свою родину и честь и дать им возможность мирно и по закону управлять своей страной.

ХАДЕЖ ХАЙДАН ГАССАН (ХУШТ)
КУСТАР ОГЛЫ ИСМАИЛ (КУШТАН)¹³⁴

¹³⁴ Из книги на немецком языке «Тайны России или Ключ к познанию современной истории и политики (1863 год)». Это всё, что удалось найти среди материалов Ш. Д. по убыхам по поводу указанного послания. Ни автор, ни город, где была издана книга, не отмечены. (Примечание М. К. Хотелашвили–Инал-Ипа).

Однако, все просьбы о заступничестве не находили официального отклика, встречая глухую стену. Англия не желала портить отношения с Россией, и так державшиеся на шаткой основе. Все старания, приложенные Д. Уркாரтом, оказались тщетными. Делегация, возлагавшая на него большие надежды, не посетив уже и Парижа, вернулась на родину ни с чем.

1863 год заканчивался полным покорением всего Северного Кавказа, и военные действия должны были перенестись уже на южный склон Главного Кавказского хребта¹³⁵. Наступал последний этап в борьбе горцев за независимость, в котором убыхи вместе с горными абхазскими обществами ахчипсы и другими медовеевцами, проявляли особую самоотверженность. В январе 1864 г. генерал Н. И. Евдокимов представил Главнокомандующему и Наместнику Великому князю Михаилу Николаевичу Романову «выработанный им план военных действий с предложением как можно раньше совершить поход на южный склон Кавказского хребта. Великий князь вполне одобрил этот план»¹³⁶, и Даховский отряд генерала Василия Александровича Геймана, несмотря на схватки с отрядами убыхов и шапсугов, 20 февраля выступил в тяжелый поход. Преодолев Гойтхский перевал к вечеру 21 числа, войска спустились в долину Туапсе. Спустившись к морю, войска заняли бывший форт Вильяминовский, а 5 марта и бывший форт Лазарева, близко подойдя к границам Убыхии.

Что касается мнения о положении на Северном Кавказе и отчасти на побережье, то представляет интерес ответ наместника Кавказа и Главнокомандующего Великого князя Михаила Николаевича Романова, посланный 2 декабря 1863 г. графу Н. И. Евдокимову: «Донесения ваши об изъявлении абадзехами покорности, о занятии Пшады и Джубы, о поражении в вер-

¹³⁵ *Семен Эсадзе. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. — Майкоп. 1993. С. 95.*

¹³⁶ *Там же. С. 99.*

ховьях Туапсе убыхских скопищ, до глубины души меня порадовали... Северный склон Кавказа покорён... Близко время, когда и юго-западный скат будет очищен от дикого, враждебного нам народа, и недоступный доселе восточный берег Чёрного моря, приняв русское население, станет на самом деле берегом русским... Надеюсь, что минута эта скоро наступит, и мы повергнем к стопам Государя Императора весь Западный Кавказ, умиротворённый и покорный»¹³⁷.

Василий Александрович Гейман

Несмотря, ни на что, неумолимая история отбивала последние часы пребывания убыхов на их родине и связанных с ними в этой борьбе садзов. Находясь уже с войсками на побережье, командующий войсками генерал В. А. Гейман послал убыхам письмо, в котором говорилось следующее: «Вы очень хорошо знаете, что народы абадзехский и шапсугский безусловно покорились нашему оружию и свободно переселяются в Турцию; те же, кто пожелал, выходят к нам и получают землю на Лабее и Кубани. Теперь убыхи, вы остаетесь последними. Если хотите знать наши требования относительно вас, то вот они: немедленно выдать всех русских пленных; сейчас же, без обозначения срока; те, кто желают идти в Турцию, должны собраться табором на берегу моря к устьям Шахе, Вардане и Сочи; к этим пунктам могут приставать турецкие пароходы и кочермы, на которых вы

¹³⁷ Там же. С. 94, 95.

можете ехать в Турцию... Те же, кто хочет идти к нам, должны сейчас же выселяться на Кубань, где им будет отведена земля».

На другой же день в лагерь к Гейману подъехали на конях 15 убыхских старшин во главе с Эльбузом Берзеком просить три месяца для подготовки к выселению, а до тех пор не вводить войска в их землю. Гейман с некоторой издевкой говорил с ними, ни в чем им не уступая, и свой разговор закончил такими словами: «Уступок с моей стороны нет и не будет впереди». Убыхи поняли, что «участь их народа решена беспрекословно».

Как писал С. С. Эсадзе, «замечательно красивую картину представляло это пребывание почетных убыхов среди русского лагеря. Переговоры происходили на виду у всех. Офицеры и солдаты с напряженным вниманием наблюдали за представителями последнего непокоренного племени. В осанке, во взгляде каждого убыха проглядывало сознание полного достоинства; ни капли унижения или боязни. Было, однако, ясно, что такие минуты испытывают они в первый и последний раз в жизни. Видно было, что они задеты за самую слабую струнку — за самолюбие. Гордые и богатые, зашитые в галуны и серебро, убыхи вынуждены были признать себя бессильными».¹³⁸

Война подходила к самому концу, но нашлись силы, а точнее представители «военной партии» убыхов (их некоторые называли «молодежью»), которые решили продолжить войну и не дать русским войскам вторгнуться на территорию Убыхии, хотя сопротивление в этих условиях было уже бессмысленным. Соединившись с ахчипсувцами в количестве около тысячи человек, они 18 марта без предводителя (возглавлявший основные силы этой партии Керантух Берзек находился в то время в Абхазии и не был оповещен об их намерениях), вступили в бой на берегу р. Годлик. Несмотря на беспримерно мужественное поведение и отчаянное сопротивление, горцы потерпели сокрушительное поражение. Это было последнее сражение убыхов против про-

¹³⁸ Там же. С 103, 104.

двигавшихся в их земли врагов. 19 марта войска генерала Геймана вступили на землю Убыхии.

Вернувшийся из Абхазии Хаджи Керантух Берзек, разгневанный их поведением, уже никакими уговорами не мог собрать никакие отряды для сопротивления и был вынужден 24 марта встретиться с Гейманом. Керантух Берзек признал поражение в войне убыхов и просил определенного срока для подготовки населения для переселения: «Мы желаем оставить нашу родную землю — сказал он, — и хотим ехать в Турцию, нам нужно собрать имущество, продать скот». Можно представить с какой горечью он произносил эти слова. А на побережье моря уже находились толпы желающих выселиться в Турцию.

25 марта без боев Даховским отрядом был занят бывший форт Навагинский. До вступления на территорию Сочи генеральские войска полностью уничтожали по пути следования многочисленные и многолюдные селения.

6 мая 1864 года убыхи полностью прекратили сопротивление. Убыхия пала.

Вместе с ними прекратили сопротивление приморские сады и горное общество Ахчипсоу. Однако в течение нескольких дней шли бои с абхазским горным обществом Аибга. Аибговцы, как затем и псхувцы, с которых было начато усмирение горных абхазов — медовеевцев, оказали войскам отчаянное сопротивление. Четыре дня продолжались ожесточённые бои, в которых наибольшие потери понёс отряд генерала Шибалова. В эту бойню было вовлечено всё население, включая женщин. Так у И. Аверкиева приведён эпизод, когда «при занятии Аибги две девушки вышли с ружьями на плечах, готовые защищать своё пепелище»¹³⁹. 12 мая, сопротивление аибговцев было сломлено — окружённые со всех сторон, они вынуждены были сдаться. Из медовеевцев непокоренными оставались только псхувцы, но

¹³⁹ **Аверкиев И.** *С северо-восточного побережья Чёрного моря // Газ. «Кавказ», 1866, № 74.*

это уже не имело большого значения. Но и они через некоторое время уже после парада на Поляне Губаадвы, были покорены, однако в продолжение нескольких дней оказывали отчаянное, хотя и безнадежное сопротивление.

20 мая четыре колонны войск, брошенных на покорение горных абхазов, сошлись в центральном селении Ахчипсоу Губаадвы — будущей Красной Поляне, в центре которой стояла величественная гигантская пихта — священное дерево ахчипсоуцев. Из этого урочища в Петербург пришло донесение от Великого князя Михаила Николаевича Романова об «окончании Кавказской войны». 21 мая там состоялся торжественный молебен и победный парад. Кавказская война была завершена. Но именно в Псху была поставлена действительно последняя точка в страшной по своей жестокости войне.

Итак, вплоть до поголовного выселения в Турцию летом 1864 г., убыхи жили крайне напряжённой жизнью, обусловленной жесточайшей завоевательной политикой царизма, непрекращавшимися междоусобицей, набегами и пиратством; провокационными действиями султанской агентуры и происками западных держав, особенно Англии. Положение усугублялось также сложными взаимоотношениями с «Большой Абхазией», с её последним владельцем Михаилом Чачба (Шервашидзе) с одной стороны, и непримиримой позицией убыхских лидеров во главе с неукротимым родом Берзеков, с другой. Слабые попытки некоторых наиболее дальновидных лидеров проводить осторожную политику лавирования не увенчались успехом. И красивый мужественный народ, подталкиваемый на грань самоубийства внешними и внутренними врагами, завершил своё историческое существование непоправимой махаджирской трагедией, принесшей ему, как и другим переселенцам, неисчислимы страдания на чужбине и исчезновение с географической карты мира, как особой и в высшей степени оригинальной этнической общности.

В XIX веке, в условиях сложнейшей самоотверженной борьбы против захватнической войны царского самодержавия, убыхский народ, игравший ведущую роль в освободительном движении западнокавказских горцев, выдвинул немало видных военно-политических деятелей, которые не раз будут упоминаться в этих очерках.

Большим авторитетом и влиянием пользовались не только у себя на родине, но и за её пределами такие, например, знатные фамильные группы убыхов и садзов, как Берзек, Дишан, Дзиаш (Дзеиш), Дзепш, Зейвш, Хундж, Гечь, Аубла (Аублаа). Правда, представители этих родов, в том числе и самых знатных, невзирая на своё, казалось бы, высокое происхождение, выступали порой не только в роли «общественных деятелей», но одновременно не гнушались предводительствовать при варварских грабительских набегах, заниматься пленопродавством; устанавливать выгодные для себя связи с турецкими и русскими властями, зарабатывая на этом чины и извлекая большие барыши.

Среди них одним из наиболее крупных был богатейший сочинский князь Али-Ахмет Аубла, владевший обширными имениями, состоявшими из 700 подвластных ему дворов, охарактеризованный Ф. Ф. Торнау как «от Бзыби до Шахе самый значительный владетель». Он был настолько влиятельным, что убыхские дворяне, в том числе Берзеки, последовали в свое время его примеру в изъявлении покорности русскому правительству, хотя сам Аублаа и являлся противником Хаджи-Берзека¹⁴⁰.

Из знаменитого и неукротимого убыхского рода Берзек вышли многие военно-политические деятели. В то время широко известными были, например, такие его представители, как Сааткерей Адагва-ипа, который зимой 1823 года во главе тысячного отряда совершил поход на Абхазию. По свидетельству

¹⁴⁰ ЦГВИА ф. ВУА, д. 6422; Фадеев А. В. Мюридизм...//ВИ 1951, № 9.

С. Званба, вся эта партия была уничтожена абхазами, причём, «пал жертвой своего удалства» и сам её предводитель. У абхазов сохранилась и посвященная, как видно ему, убыхская в своей основе, героическая песнь. Известны были и имена Мату Берзек, Хапеш-уко-Эльбуз Берзек, Шеулех-уко-Алищук Берзек, Шеулех-уко-Эдик Берзек, Шеуей-уко-Мату Берзек¹⁴¹ и др.

Невозможно не сказать несколько слов о двух самых выдающихся представителях рода Берзеков второй трети XIX века. Первый — это Хаджи Берзек Дагумоко, или Адагуа-ипа Старший, называвший себя князем (хотя князей у убыхов так же, как у шапсугов, нутухайцев и абаздехов не было) и в семьдесят с лишним лет ходивший в походы. Недаром о нём писали «злой наш враг... устарелый в боях Хаджи-Берзек»¹⁴². Это наиболее видная фигура в политической жизни 20-х, 30-х и самого начала 40-х годов XIX века. Он был широко известен не только в своей стране, но и за её пределами, пользуясь огромным авторитетом и влиянием у абхазов и у черкесов. Это был тот Берзек, которого его современник англичанин Дж. Ст. Белл называл «Вашингтоном черкесов», и голова которого была оценена русским военным командованием в 1000 рублей серебром. Даже официальные царские историки вынуждены были признать, что этот «Берзек был храбрый, энергичный предводитель, человек большого ума и наш непримиримый враг». Именно он воспитал абхазского владетеля Михаила по строгим правилам горского этикета. В 1846 году Хаджи-Берзек скончался. Верховенство над убыхами передалось от дяди к племяннику — Керантуху Берзеку Младшему¹⁴³. Это был тоже суровый и чрезвычайно умный

¹⁴¹ Шурухуко-Тугуза Берзек, которого называли «заблудившимся рыцарем» и др.

¹⁴² ЦГВИА ф. 416, оп. 4, д. 12.

¹⁴³ Берзеки находились в самых тесных взаимоотношениях с последним владетелем Абхазии кн. Михаилом Шервашидзе, который был их воспитанником по обычаю аталычества. В одном документе

воин, совершавший смелые нападения и старавшийся объединить всех боровшихся против России. После встречи и беседы с ним, генерал Н. Р. Анреп охарактеризовал его как «человека замечательного».

Весьма примечательной личностью был и Измаил-Баракай-Ипа Дзиаш/Диапш (ср. с абхазской княжеской фамилией Дзи-апш-ипа). В то время писали, что он присвоил себе «роль дипломата» и исполнял её весьма удачно. В 1862 г. он возглавлял, о чем уже писалось, посольство от «непокорных горских племён Западного Кавказа», отправленное в Турцию, в Англию и Францию. Однако кроме Стамбула и Лондона они никуда больше попасть не смогли. С собой они везли, уже не в первый раз, письмо английской королеве Виктории «с просьбой о заступничестве против русского оружия».

Что же происходило в то время на побережье? Важную информацию о нюансах взаимоотношений горцев на завершающем этапе Кавказской войны удастся частично восстановить из рассказов махаджиров — потомков изгнанного населения. Говоря о некоторых итогах своей полевой работы в Турции в ноябре — декабре 1991 года, проф. В. А. Чирикба со слов махаджиров садзов пишет: «Убыхи постоянно угрожали садзам карательными акциями в том случае, если они примут русское правление. Результатом было то, что царское военное командование депортировало как убыхов, так и садзов в Турцию». Но если адыгам, «садзам, цвыджам и ахчипсам (как и другим абхазским племенам) удалось в значительной степени сохранить свой язык, культуру и самосознание», то убыхи утратили свой

первой половины XIX в. об этом говорится так: «Главный руководитель их Керентух Берзеков живёт постоянно в его доме. Князь Михаил... не только позволяет абхазцам снабжать продовольствием... убыхов, но и допускает обмен на кукурузу невольников и даже учредил в пользу убыхов особый налог (по 5 кошёлок с дымом), который взыскивается с жителей с крайней строгостью» (цит. по Н. Г. Волковой. Этнический состав... С. 79).

язык и этнически большей частью ассимилировались с более многочисленными адыгами, в окружении которых они оказались в Турции. Только сравнительно незначительная их часть сохраняет до сих пор уверенность в своем убыхском происхождении».

Таким образом, на основе изложенного можно отметить некоторые основные вехи и моменты истории завоевания Убыхии:

1829 г. — заключение Адрианопольского трактата, согласно одному из пунктов которого Турция уступала России права на Черноморское побережье Кавказа от Анапы до Поти, которым она в то время фактически не обладала. После заключения трактата в письме Николая I к командующему Отдельным Кавказским корпусом фельдмаршалу И. Ф. Паскевичу говорилось: «Кончив... одно славное дело, а в рассуждении польз гораздо важнейшее — усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных».

1829 г. — разработка плана И. Ф. Паскевича под названием «Абхазская экспедиция», проведение которой было возложено на ген. К.Ф. Гессе.

1830 г. — высадка 2000-го отряда ген. К. Ф. Гессе в Сухуме, Бамборе, Пицунде и Гагре.

С 1830 г. — военно-политическое руководство Убыхии в руках рода Берзек во главе с его лидером Хаджи Адагуа Исмаил Берзеком.

1837 г. — поездка Николая I на Кавказ и его приказ о начале сооружения ряда укреплений так называемой «Черноморской береговой линии».

1837–1839 гг. — начало вооружённых столкновений убыхов и садзов с царскими войсками непосредственно на своих территориях.

1837–1839 гг. — сооружение укреплений-фортов на мысе Адлер (укр. «Святого духа» 1837 г.), в устьях рек Пшада (Новотроицкое 1837 г.), Вулан (Михайловское 1837 г.), в устьях рек

Цемес (Новороссийск 1838 г.), у устья р. Шапсухо (Тенгинское 1838 г.), Сочи (Навагинское 1838 г.), на р. Туапсе (Вельяминовское, 1839 г.), Псезуапсе (Лазаревское, 1839 г.), Шахе (Головинское 1839 г.), между Анапой и Новороссийском на реке Мескаге (форт «Раевский», 1839 г.). Три из них — Головинское, Навагинское и «Святого духа» — непосредственно на территории убыхов и садзов.

1839 г. — голова Хаджи-Берзека — «Вашингтона черкесов» — оценена командованием царских войск в крупную сумму денег.

1839 г. 9–10 ноября — участие английского эmissара Дж. Ст. Белла в боях против форта Навагинского (в Сочи).

1839–1840 г. — сильная засуха, страшный голод и падёж скота из-за неурожая и суровой зимы, а также и вследствие того, что российские военные силы перерезали морские торговые пути.

1840 г. — Хаджи-Берзек во главе убыхо-шапсугского отряда нападает и захватывает форты: Лазарева 7 февраля, Вельяминовское 29 февраля и Михайловское 22 марта. Вместе с ахчипсоуцами угрожает приморским садзским общинам, принуждая их активизировать борьбу против общего врага, ведёт переговоры с псхувцами, отправляет посланников в Дал и Цебельду и т. д.

1840 г., лето-осень — восстание абхазских крестьян в Кодорском районе во главе с Измаилом Допуа, связанное с движением убыхов.

1840 г., осень — Хаджи-Берзек с 2500 убыхами и ахчипсоуцами появляется на берегах р. Бзыбь. Дальнейшему развитию событий помешали противоречия с Аублаа Ахметом и др. и поднять Абхазию против русских не удаётся.

1841 г., 15 февраля — нападение 1000-го отряда убыхов во главе с Керентухом Берзек на с. Отхара, а на обратном пути и на садзских князей.

1841 г., 9 мая — первая встреча убыхских делегатов во главе с Хаджи-Берзек с ген. Анрепом в присутствии Михаила Шер-

вашидзе, Каца Маан, Зосхана Маршан и других абхазских князей и дворян.

1841 г., 12 мая — присяга сочинского вождя князя Аублаа Ахмета и князя Зураба Хамыш на верность «престолу всероссийскому», вызвавшая возмущение убыхских делегатов.

1841 г., 20 мая — арест убыхами покоровившихся князей Аублаа Ахмета и Зураба Хамыша, задержание на некоторое время и самого Хаджи-Берзека за его колебания на переговорах.

1841 г. — конец июля, неудачное нападение убыхов на Навагинское укрепление.

1841 г. — 9, 10 и 11 октября, сражения русских войск в карательной экспедиции с убыхами и ахчипсоуцами на протяжении от р. Хосты до Сочи.

1842 г. — постепенный переход убыхской знати на сторону русского царизма, подписание 27 февраля «клятвенного обещания», за что каждому из покоровившихся Берзеков Николай I «пожаловал» различные чины, награды и денежные выплаты.

1844–1846 гг. — новый подъём освободительного движения, связанный с победами Шамиля; 88 сражений на «Береговой линии».

1844 г. — отречение Хаджи-Берзека от политической деятельности.

1846 г. — поездка Хаджи-Берзека в Мекку и смерть.

1846 г., июль — в течение 12 дней четырехтысячная партия убыхов и шапсугов осаждают Головинское укрепление (в устье р. Шахе).

1848 г. — появление на Кубани одного из лучших наибов Шамиля Мухаммед-Эмина.

1854 г. — эвакуация всех гарнизонов крепостей и фортов Черноморской береговой линии в связи с начавшейся Крымской войной.

1856 г. — окончание Крымской войны и конец трехлетнего затишья на кавказских берегах. Парижский мирный договор подтвердил право России на обладание спорными кавказскими

территориями, и царские войска вновь заняли всю Абхазию, идет процесс возвращения всех бывших завоеваний; убыхи с садзами ведут ожесточённую борьбу за Гагры.

1859 г., август — взятие Гуниба, пленение Шамиля; наступила очередь Западного Кавказа; горцы Северного Кавказа область за областью присягают на верность царизму. Сдался и Мохаммед-Эмин, находившийся среди абадзехов; началось крупномасштабное выселение натухайцев в Турцию.

1860 г. — разгром отложившегося «непокорного» населения района Псху.

1861 г., осень — прибытие в Тифлис убыхской депутации во главе с Керантухом-Берзеком и депутатов от абадзехов и шапсугов, которым было предложено немедленно «покориться».

1861 г. — с весны на территории черкесских племён стремительными темпами идет строительство казачьих станиц.

1861 г., 13 июня — исторический съезд «выборных старшин» от убыхов, абадзехов и абхазских горцев, учредивший меджлис под названием «Великого и свободного собрания» для проведения ряда административно-политических реформ (так наз. «Убыхская конституция»). Решение нового Военного правительства горцев объявить священную войну и всеобщую мобилизацию.

1861 г., 11 сентября — безрезультатная встреча горской делегации на Тамани с царем Александром II, а затем 18 сентября с ним же на реке Фарс. На просьбу возглавлявшего делегацию Керантуха-Берзека принять убыхов и другие народы северо-западного Кавказа в подданство России, предварительно выведя войска и казаков с их территории, царь ультимативно потребовал: «Даю месячный срок: или переселиться на Кубань, или — в Турцию».

1862 г., июнь — отправление посольства от черкесов и абхазов во главе с убыхом Измаилом Баракай-Ипа Дзиааш в Англию, Францию, Стамбул с обращением к английской королеве и к

другим европейским государствам с просьбой о заступничестве против русского оружия.

1862 г., октябрь — ноябрь — изгнание шапсугов из своей страны и их переселение в Турцию.

1863 г. — полное покорение населения Северного Кавказа.

1864 г., февраль — окружение убыхов плотным кольцом царских войск; 6 марта — полное прекращение их сопротивления и начало поголовного переселения в Турцию.

1864 г., 12 мая — подавлено четырехдневное упорное сопротивление западно-абхазского горского общества Аибга.

1864 г., 18 мая — вступление без боя территории общества Ахчипсоу.

1864 г., 21 мая — не дожидаясь покорения труднодоступного общества Псху, в центральном ахчипсоуском урочище Кбаада (Губаадвы) состоялось молебствие с окроплением знамён и военный парад в ознаменование покорения горцев и завершения Кавказской войны, который принимал Главнокомандующий, наместник Кавказа Великий князь Михаил Николаевич Романов.

1864 г., начало июля (5 июня?) — после трехдневного отчаянного сопротивления покорено последнее абхазское общество медовеев — Псху. Началось и их поголовное переселение в Турцию, лишь 107 семей перешло на Северный Кавказ.

Один из авторов «Очерков покорения Кавказа» после окончания войны честно признался: «Теперь, когда умолкли шум и азарт отчаянной борьбы, когда наша власть на Кавказе вполне упрочена, мы можем спокойно отдать дань удивления героизму и беззаветной отваге побежденного врага, честно защищавшего свою родину и свою свободу до полного истощения сил».

Как писал И. Клинген, убыхи «страстно любили свою родину, а им предлагали переселиться в равнины; еще вдвое более чем родину, они любили свободу, а враги уверяли их, что Россия отнимет у них их вольности. Предстояло или смириться, или погибнуть. Это был геройский народ; он предпочел погибнуть, а с ним вместе погибла и культура, которая копилась тысячи лет, а погибла в 30 лет»¹⁴⁴.

Так закончилась история убыхского народа на его родине и если на Западном Кавказе, по словам Л. Г. Лопатинского «от стройного прежнего и цельного народа остались небольшие клочки в виде этнографических островков и полосок», то от убыхов не осталось ничего кроме кладбищ и разоренных и сожженных сел».

С этого времени угасающая история непокоренного убыхского народа, потерявшего свой язык, но помнящего своё происхождение и этническую принадлежность, так или иначе продолжается за пределами его исторической родины, а это уже сюжет для другого специального исследования.

¹⁴⁴ **Клинген И.** Основы хозяйства в Сочинском округе. — С.-Петербург. 1897. С. 67.

Глава вторая

ЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ УБЫХОВ

К изучению убыхского языка

Язык — едва ли не решающий этнический признак. Для убыхов он был еще и главным отличительным показателем, отделявшим их от других народов, включая и близкородственные. Специфика традиционной культуры, которая также служит одним из важнейших этнических критериев, в данном случае не играла, пожалуй, определяющей роли, потому что она во всех своих основных проявлениях была почти общей у народов, среди которых веками жили убыхи. Об этом частично уже говорилось, но можно еще раз напомнить слова Н. Р. Анрепа, отметившего, что убыхи с абадзехами составляли в прошлом один народ. Примерно то же самое можно сказать об этнокультурных взаимоотношениях убыхов и с некоторыми другими, окружавшими их родственными племенами, например, с шапсугами с одной стороны и абхазами-садзами и абхазами-медовеевцами с другой.

Впервые сведения о двух разных языках, употреблявшихся на отрезке от Фаша (Риони) до Кутасси (прибл. Туапсе), появляются у турецкого путешественника Эвлия Челеби в 1641 году.

Позже в русской литературе указания на отличие убыхского языка от адыгских и от абхазского проскальзывают с конца XVIII в. В «Новом и полном словаре Российского государства...», несмотря на то, что племена Туби, Шаши и Убых, хотя и отнесены к областям Абхазии, но здесь же отмечено, что язык у них общий, но от южно-абхазского «приметно отличен»¹⁴⁵. Ян Потоцкий, путешествовавший по Кавказу в 1798 г., также пишет об убыхах как об особом народе («Обыхи (Obykhy)... народ, отличающийся от «черкесов и абазинцев»¹⁴⁶). В частности, П. К. Услар с сожалением отмечает, что графу Потоцкому, обратившему «внимание будущих исследователей» на убыхский язык, «самому не удалось узнать ни одного убыхского слова»¹⁴⁷.

Вскоре, в 1808 г., имел возможность убедиться в отличии убыхского от соседних языков и Г.Ю. Клапрот, сообщивший о Туби и убыхах, как о племенах, говорящих «на одном из наречий абазинского языка». Под наречием абазинского языка, по-видимому, в данном случае следует понимать убыхский язык¹⁴⁸.

Интересовавшийся убыхским языком Л. Я. Люлье, в свою очередь отмечал, что «убыхи говорят особым языком, не имеющим сходства ни с черкесским, ни с абхазским», но, как заключил П. К. Услар, «Люлье приготовлен не был к отчетливым лингвистическим исследованиям, в силу чего считал убыхский язык не имеющим «решительно никаких соотношений ни с адыгским, ни даже с которым-либо из кавказских языков»... Отзыв его... основан был на положительно ему известном фак-

¹⁴⁵ «Новый и полный словарь Российского государства...» Ч. I. А–Д. 1782. С. 2–4.

¹⁴⁶ **Потоцкий Ян.** Путешествие в Астраханские и Кавказские степи // АБКИЕА С. 226.

¹⁴⁷ **Услар П. К.** О языке убыхов. С. 77.

¹⁴⁸ **Клапрот Г. Ю.** Путешествие по Кавказу // АБКИЕА С. 238.

те, что ни адыги, ни абхазы, ни даже какие-либо другие кавказские горцы не понимают убыхов»¹⁴⁹.

В середине 1830-х годов Ф. Ф. Торнау, в отношении этнической ситуации региона нижнего течения р. Сочи отметил, что в обществе Саша основным населением являются садзы и лишь отчасти убыхи и шапсуги и еще, что сочинцы «не суть чистые абазины»¹⁵⁰, а «смесь трех сопредельных племен — абхазского, убыхского и черкесского, языками которых и говорят»¹⁵¹. В своем обзоре горских племен, он сообщает в отношении убыхов следующее: «находится еще в горах народ, имеющий собственный язык свой: это убыхи...»¹⁵².

¹⁴⁹ **Услар П. К.** О лингвистических трудах Г. Каменева // Газ. «Кавказ». 1868. № 113.

¹⁵⁰ У Ф. Ф. Торнау, как и у многих других авторов того времени, термины абазины, абазинцы и абхазы взаимозаменяемы и имеют одно значение. Следует вспомнить **Л. Я. Люлье**, отметившего ошибку Ф. Дюбуа, неправомочно разделявшего Абазинцев (Abadzes) и Абхазцев (Abhazes) и пояснившего, что «...слова Абазия (Abadze) и Абхазия (Abhaze) есть название одной и той же страны: первое, произносимое по-черкесски, а второе — по-грузински» (**Люлье Л. Я.** Указ. соч. С. 11). И П. К. Услар писал, что есть «...одно общее, действительно туземное название — абаз, которое в разных местах и у разных народов, является в виде: абадза, абсне, абазги, абхазы, абезы и пр. Корень есть бз, в котором усматривается соотношение со словом, означающем воду; с черкесским псы, с убыхским бзы, наконец, с паси, фаси, фазис, которое греки открыли на Кавказе в недоступную для истории эпоху, и которое удержалось до нашего времени. Это отступление я счел необходимым для разъяснения вопроса..., что абаз и абхазы (абсне)... простые видоизменения одного и того же названия». (**Услар П. К.** О языке убыхов. С. 78, 79.)

¹⁵¹ **Торнау Ф. Ф.** Воспоминания кавказского офицера // «Русский вестник» — Санкт-Петербург. 1864. Т. 53. С. 56, 114, 118.

¹⁵² **Он же.** Краткий обзор горских племен, живущих за Кубанью и вдоль восточного берега Черного моря от устья Кубани до устья Ингура. (составлено 1 февраля 1839 г. // ЦГВИА ВУА д. 18571, л. 2.

К концу 1830-х годов сведения о трех народах Восточного Причерноморья (до р. Ингур) со своими самостоятельными языками, куда входил и убыхский, находим у английского эмиссара Дж. С. Белла. Как пишет П. К. Услар, «Белл жил и посреди убыхов, но, к сожалению, он не имел ни времени, ни охоты... заняться языком их»¹⁵³.

Значительно позже в 1853 году в свет вышла работа К. Н. Карлгофа, где он характеризует убыхов как «...племя совершенно особое, имеющее свой язык, не подходящий ни к одному из Кавказских наречий», и, что они «говорят кроме своего природного и на Черкесском языке»¹⁵⁴.

В конце 1850-х годов, почти накануне выселения, Ад. Берже писал, что «...теперь уже все убыхские дворяне говорят адыгским языком, но многие из них и из черни, находясь в соседстве с абхазами, свободно говорят и на языке последних»¹⁵⁵. Хотя он ничего не говорит о «природном» языке их, но ясно, что на нем говорила не только чернь, но и дворянство.

Таким образом, сомнений в самостоятельности и самобытности убыхского языка к середине XIX в. уже не было, требовалось лишь научное обоснование этого факта, построенное на серьезных исследованиях. В то же время исследователь, решившийся взять на себя эту задачу, должен был быть энтузиастом с глубоким пониманием специфики кавказских языков и обладавшим в то же время тонкой интуицией лингвиста и этнографа. И такой человек нашелся. Это был выдающийся ученый исследователь XIX века Петр Карлович Услар. Именно ему в 1858 г. царь Александр II поручил написание истории Кавказа. Однако К. Услар, убежденный в том, что «дельное изучение какого-либо народа без знания языка его немыслимо», взялся

¹⁵³ Услар П. К. Указ. соч. С. 77.

¹⁵⁴ Карлгоф К. Указ соч. Т. XVI, ч. 10. 1853. С. 17.

¹⁵⁵ Берже Ад. Краткий обзор горских племен Кавказа // «Кавказский календарь». — Тифлис. 1958. С. 23.

за выполнение этой грандиозной задачи, прежде всего с изучения кавказских языков, понимая невозможность отрыва языка от истории и культуры народов. Начав с абхазского, как самого сложного из известных тогда ему кавказских языков, П. К. Услар намеревался перейти затем к изучению убыхского языка. Начинать пришлось фактически с чистого листа, впрочем, как и все другие его исследования в этом направлении. Ознакомившись с абхазским, он вплотную подошел к «порогу» изучения убыхского языка.

Во времена П. К. Услара еще не были известны записи Э. Челеби. Зафиксированные им образцы языков стали достоянием науки гораздо позже. Язык же абаз-садзов (садша) у Челеби отличается от абхазского, а после работ А. К. Генко¹⁵⁶, а затем и Р. Блейхштейнера, все исследователи признали в нем язык убыхов¹⁵⁷. Что касается языка абаз, то, благодаря исследованиям доктора Лейденского университета В. А. Чирикба, проводившихся в Турции в 1991 г. в 16-ти селениях садзов, была установлена его принадлежность садзскому диалекту абхазского языка¹⁵⁸. Ниже даются для ознакомления читателя выдержки из книги Эвлия Челеби с образцами языков абаз и абаз-садзов.

Странный и удивительный язык абаз

Ак — 1; уба — 2; ихпа — 3; бшба — 4; хуба — 5; фба — 6; бзба — 7; аба — 8; жба — 9; жуба — 10; ак жуба — 11; уба жуба — 12; ваи (с долгим «и») — иди сюда; учи — уходи; утви (с долгим «и») — са-

¹⁵⁶ **Генко А. К.** О языке убыхов // *Изв-я АН СССР. Серия VII.* — Ленинград. 1928. С. 236 — 238.

¹⁵⁷ **Bleichsteiner. R.** *Die Kaukasischen Sprachproben in Evlja Celebi's Sejahat-name. Die Sprache der Satscha-Abazen* // *Caucasica XI.* — Leipzig. 1934. P. 303–321.

¹⁵⁸ **Чирикба В. А.** Расселение абхазов в Турции // *Приложение к кн. Инал-Ипа Ш. Д. Садзы* — Москва. 1995. С. 261, 262

дись; арпыш — мальчик; счаб — уйду; апхус — женщина; счом — не иду; узу мчозуи арпыш — почему не идешь, парень?; // сира издрвей — не знаю; ура йудырва — ты что знаешь?; всхадж киси — душа моя, глаз мой; сира издрвах — то, что я знаю; сира сызыхт — мне хватает; арс изухвазуй — почему так говоришь?; вео бозве — ты что, бредишь?; исхвазуй — что я говорю?; сира издрам — я не знаю; ура йухар уа — сказанное тобой; ура йудруа — ты знаешь; ака ура укагуб — но, ты спятил; анчаги йоуйги адлш — ради бога и его созданий; аки сыздрым анчернеш — ей богу, ничего не знаю; усквауроуй — не мучай меня, сжался; сира акр устхун — говорю чепуху; анчваиныш апш амла епш-рай — клянусь, абаза, я голоден; счаб паста йу фара — пойду поем пасте.

Язык абаза-садзов

За — 1; тока — 2; шке — 3; пли — 4; ату — 5; фун — 6; ипли — 7; уга — 8; ипги — 9; жу — 10; за жу — 11; тока жу — 12; сха — хлеб; га — мясо; бзи — вода; фа — сыр; чевах — простокваша; ха — груша; мсуд — виноград; лхмк — инжир; эсху — каштан; лка — каменная соль; вика — иди сюда; утс — садись; удето — встань; умка — не уходи; сикох — иду; сбрикн — куда идешь?; свушскг-слух — дело есть, иду; сфага екчо вика — пойдем домой; скену свке — мы идем домой; срход — что с вами?; хош год ашгд — мы съели свинью; аркамд жеху — свинья была жирная?; вечиле шк-ног — мы идем воровать; нала шке гда — куда ушли?

Вместе с тем Э. Челеби вспоминал, что «кроме этих языков есть еще много других, но в памяти остались только эти, с которыми ознакомился, когда общался с ними во время торговых дел»¹⁵⁹. Э. Челеби, называя садзов горным племенем, при этом помещает их почему-то среди описания племен приморских. Таким образом, получается, что садзы все-таки не приморские

¹⁵⁹ *Эвлия Челеби*. Указ. соч. С. 54, 55.

жители. Вполне вероятно, что запись свою Э. Челеби делал со слов давно переселившегося к побережью убыха, успевшего прижиться среди местного населения, причисляя себя уже к абаза-садзам. О таких переселениях писал позже и С. Т. Званба: «...как убыхи, так и садзы часто переселялись на земли друг друга»¹⁶⁰. Подобное явление, надо полагать, имело место и в более ранние периоды. Вместе с тем, следует не забывать и о том, что Челеби писал свое сочинение по истечении десятков лет после самого путешествия, и мог ошибаться¹⁶¹.

Что же касается языка садзов в записях Челеби, то в его рассказах есть еще некоторые интересные моменты. Пожалуй, стоит привести абзац из 2-го тома его книги, отведенный садзу Сейди Ахмед-паше, мальчиком выкраденного в садзских горах, проданного в Египет и затем попавшего в Турцию: «Он сам так рассказывал о себе, — пишет Челеби, — между абхазами и черкесами живет народ, называемый «садзы». Они знают как черкесский, так и абхазский языки. Это отважные, смелые разбойные люди. По большей части они смешаны и связаны с абхазами. Даже своеобразие их выговора показывает, что они ведут происхождение от этого народа». Чуть далее Челеби вновь повторя-

¹⁶⁰ **Званба С. Т.** *Абхазские этнографические этюды.* — Сухуми. 1982. С. 8.

¹⁶¹ **Путуридзе Г. В.** *Примечания к гл. III в кн.: Эвл. Челеби. С. 301.* Переводчик главы и ее комментатор Г. В. Путуридзе считает, что «правильное прочтение приведенных записей представляет значительные трудности, так как арабскими буквами невозможно точно передать звуковой состав приводимых им слов. Переводчик уверен в несомненном наличии ошибок, как самого автора, так и издательских работников. Отметил он также, что «предлагаемая в издании реконструкция слов и фраз неизвестного и чужого для Эвлия Челеби языка неполна и позволяет увидеть лишь «характерные особенности их турецкого произношения». (*Там же.* С. 303). Однако Г. В. Путуридзе не учел, что у Эвлия мать и ее брат, покровительствовавший Эвлию, были абхазами и он мог слышать эту речь и у себя дома.

ет: «Сейди же со своим абхазским говором отвечает...» и т. д.¹⁶². Что же в данном случае означает определение «абхазский»? Здесь или ошибка переводчика или, возможно, самого Эвлия Челеби. В таком случае язык убыхов он приписал абаза-садзам, а садзский диалект абхазского, под названием просто «языка абаза» — вообще всем абхазам.

Затем одна из наиболее ранних по времени запись слов «абаза» принадлежит путешествовавшему в 1815–1819 гг. Минаю Медичи (Минас Бжишкян)¹⁶³. Границу абаза он довел теперь до самой Анапы. В его кратком словаре языка абаза небольшая часть слов, по устному сообщению В. А. Чирикба, оказалась принадлежащей словарному фонду садзского диалекта абхазского языка, а другая — непонятна и может относиться частично к убыхскому или какому-либо другому языку, что выяснится, возможно, дальнейшими исследованиями. Возможно, это и есть упоминаемый некоторыми авторами язык асадзипсуа. Из зафиксированных Минаем Медичи слов лишь некоторые доступны пониманию современного абхаза — остальные либо неправильно записаны, либо вообще не относятся ни к садзскому и ни к какому другому диалекту абхазского языка. Не вызывает сомнения принадлежность к абхазскому языку следующих числительных: ага — один, юба — два, ихба — три, шибба — четыре, хыба — пять, фуба — шесть, бечба — семь, саба — восемь, зоба — девять». Остальные названия чисел, совершенно не соответствуют абхазским числительным и непонятно, к какому языку они относятся («чейга — десять, зогео — двадцать, золата — тридцать, гурушги — сорок»). Но не относятся они и к убыхскому языку.

Из другой приводимой им лексики можно отметить как более или менее абхазского облика следующие слова: ант'ча —

¹⁶² Челеби Э. Указ. соч. С. 229, 230.

¹⁶³ Меликсет-Беков Л. М. *Pontica Transcaucasica Ethnica* // СЭ 1950, № 2.

бог, ла — глаз, таран — солнце, муйз — луна, набнаһ — весна, а из остальных («оорак — отец; аншонһр — мать; абав — мальчик; эфа — девочка; ашэй — брат, аһкшэй — сестра; коо — сердце; якка — голова; лоомба — ухо; этша — рот; аэт,с — звезда, миэзт шэх — день; пакаһ — ночь; коолбээ — вечер; бкһнэ'һ — лето; бжака — осень; кээн — зима; теэсһээкоо — год; теэсһээ — смерть») некоторые с большой натяжкой можно сопоставить с абхазскими словами, остальные вовсе не поддаются определению и может быть принадлежат другому, возможно, промежуточному вымершему языку между садским диалектом и убыхским языком, так как слово «анча» (ант'сһа — бог) знакомо, кроме абхазов, включая садзов также, абазинам и убыхам¹⁶⁴. Приведенный словарь мало что давал для изучения убыхского языка, да и не мог дать.

Но и этот материал остался неизвестным П. К. Услару. Ученый располагал лишь списком Дж. С. Белла, состоявшим из 44-х слов, причем в этот список «в виде образцов различия» по выражению П. К. Услара, вошли слова трех языков: убыхского, адыгейского и абхазского, при этом наибольшее количество абхазских слов принадлежало садзскому диалекту абхазского языка¹⁶⁵. Дж. Белл отметил при этом, что язык азра, т. е. абхазский, «все (т. е. убыхи) здесь понимают, а также и язык адыге».

¹⁶⁴ *Инал-Ипа Ш. Д. Садзы. Историко-этнографические очерки.* — Москва. 1995.

¹⁶⁵ *Чирикба В. А. Грамматика садзского диалекта абхазского языка (готовится к печати). Глава I.*

**Словари трёх языков, на которых говорят
на черкесском берегу¹⁶⁶**

MOTS FRANÇAIS	AZRA, parle de la frontiere mingrelienne au Hamisch	ABAZA, parle du Hamisch a Vardan.	ADIGHE, parle de Vardane au Kúban.
Ami (Друг)	Hansûp	Reinlia	Siblagha
Arbre (Дерево)	Atzla	Wûne	Tchirghi
Brebis (Овца)	Wassa	Peye	Mehli
Chat (Кошка)	Agute	Yetû	Ketu
Cheval (Лошадь)	Atche	Tche	Chu
Chevre (Коза)	Aidjma	Wûkû	Pcheni
Chien (Собака)	Alla	Uwû	Kha
Dieu (Бог)	Answû	Wûba	Ta
Eau (Вода)	Adze	Pze	Psu
Enfant (Ребенок)	Aitchun	Mûzû	Savo
Ennemi (Враг)	Tisaga	Rebaka	Haram
Esclave (Раб)	Agrûa	Kadyera	Pchilt
Etoile (Звезда)	Aiefa	Azwû	Zawû
Femme (Женщина)	Pkhûz	Pkheûsch	Chûz
Feu (Огонь)	Amptcha	Midje	Mazkwa
Fille (Девочка)	Asepkha	Repkha	Psasu
Fille (jeune) (Девушка)	Abhûspa	Pkhadug	Psasu
Fils (Сын)	Sepû	Rewha	Savo
Forêt (Лес)	Atwû	Amzako	Mazu

¹⁶⁶ **Bell James Stanislav.** *Journal d'une residence en Circassie, pendant les annees 1837, 1838 et 1839, ouvrage traduit d'anglais augmente.* — Paris, Arthus Bertrand. 1841. P. 358, 359.

Frère (Брат)	Zeischa	Rejekha	Chisch
Grêle (Град)	Agh	Pechi	Skhi
Homme (Человек)	Ulrûs	Tint	Tsifu
Jour (День)	Amcha	Tschwokha	Mafu
Lune (Луна)	Amza	Atehka	Mazwu
Maïs (Кукуруза)	Allagwita	Naterf	Naterf
Maison (Дом)	Aûvne	Twia	Une
Mari (Муж)	Apus	Kwûbje	Tlu
Mer (Море)	Amachina	Uische	Khu
Mère (Мать)	Lana	Rûne	Nan ou yan
Montagne (гора)	Abena	Amzako	Huskha
Neige (Снег)	Assû	Zwûdzû	Wusu
Noble (Дворянин)	Ambista	Voïschka	Vork
Nuit (Ночь)	Woka	Chwû	Tscheschi
Orage (Гроза)	Amishke	Zonda	Ozban
Pere (Отец)	Yaba	Rep	Tat
Pluie (Дождь)	Akuneit	Akwû	Kûschku
Prince (Князь)	Akh	Khe	Pché
Propriétaire, home libre (tokav) (Собственник, свободный чел.)	Anekhûa	Wagusche	Thfokwatl
Riviere (Река)	Abza	Adukwa	Pchiz
Soeur (Сестра)	Zausca	Rejekha	Chupkhû
Soleil (Солнце)	Amira	Andegha	Tugu
Terre (pays) (Земля, страна)	Anûif	Aïdza	Jatu
Vache (Корова)	Aûz	Guma	Tchemi
Vent (Ветер)	Abchû	Tûpza	Djul

В 1861 г. П. К. Услар крайне заинтересованный языком убыхов и стремясь, наконец, приступить к занятиям, никак не мог найти человека, хорошо его знающего. Показательна история поисков ученым компетентного информатора. Первый из них, джигетский князь, уверял, что прекрасно знает убыхский, но его убыхский оказался адыгейским языком. В другой раз П. Услару попался адыг, тоже заявивший, что знает убыхский язык, но когда продиктовал якобы известные ему слова, часть из них оказались абхазскими. Третий «информатор» — бродяга — за убыхский выдавал смесь нескольких кавказских языков.

**Барон
Петр Карлович Услар**

Три раза потерпев фиаско, исследователю, наконец, удалось найти информатора в лице природного убыха. Им оказался 15-летний сын убыхского дворянина Хаджи Дагомукко Берзека. Мальчик воспитывался в семье дворянина Сулеймана Хаджимукова, проживавшего недалеко от расположения Нижнеабдзехского отряда на р. Белой, в котором служил в то время П. К. Услар. Шесть дней занимался он с этим подростком. Пользуясь услугами адыгского переводчика, он часами расспрашивал терпеливого маленького горца о его языке. Однако продуктивные занятия были прерваны в связи с бегством Берзека к появившемуся поблизости отряду убыхов с абдзехами. Несмотря на короткий срок занятий, П. К. Услару удалось собрать очень важный материал, в основном, касавшийся морфологии. Им был составлен и небольшой убыхско-русский словарь из 75 слов. Сам он свой первый в истории грамматический очерк

убыхского языка сравнивал с вагнеровским «человечком», «которому совестно показаться на свет Божий»¹⁶⁷.

Ознакомившись с убыхским, П. К. Услар писал: «Абхазский язык мне был несколько известен; об адыгском я не имел никакого понятия, но уже и то, крайне небольшое, что узнал я об убыхском языке, вполне убедило меня в близком родстве его с абхазским, хотя и встречаются в нем явления несходные»¹⁶⁸. «Система убыхских спряжений, — отметил он, — одинакова с абхазской и адыгской»¹⁶⁹, а присутствие в нем падежных флексий, каковых нет в абхазском, и отсутствие родов, существенно отличает убыхский от абхазского»¹⁷⁰.

Имея уже достаточно твердое представление об убыхском языке, он теперь имел возможность, в доступной ему в то время степени, охарактеризовать словарный состав и грамматический строй «агонирующего», «промежуточного» по его словам, убыхского языка, между абхазскими и адыгскими языками. Он указывал, что лексика его включает в себя множество слегка лишь переименованных абхазских и адыгских слов и что убыхский счет также представляет собой странную смесь адыгского с абхазским. Судя же по лексике, можно было бы и вовсе отрицать существование отдельного убыхского языка, но, самостоятельность убыхского, как отмечает Услар, «обнаруживается при самом поверхностном даже обзоре грамматических форм его»¹⁷¹.

П. К. Услар повторил Дж. Белла (так как сам на восточных берегах Черного моря еще не бывал), указав, что в 30-х годах XIX в. по берегу Черного моря, от Анапы до Мегрелии, проживали три народа, говорившие на трех различных языках: адыге

¹⁶⁷ Услар П. К. О лингвистических трудах Г. Каменева // «Кавказ» 1868, № 113.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Услар П. К. О языке убыхов. С. 96.

¹⁷⁰ Там же. С. 86.

¹⁷¹ Там же. С. 82.

(черкесы) — от р. Кубани до Бу (Буу), абазы (убыхи)¹⁷² — между Бу и рекой Хамыш и азры (абхазы) — от Хамыша до границы с Мегрелией. При этом Услар написал: «Таким образом, три языка восточного берега Черного моря, названные Беллом — адыге, абазы и азры — следует называть: адыге, убых и абхаз»¹⁷³. Не сомневаясь в родстве этих народов, он в то же время подчеркивал, что они очень далеко разошлись друг от друга: «язык абхазский, убыхский и адыгский составляют одно семейство, но взаимная разница между ними более значительна, чем, например, между русским и португальским». Соответственно этому он возражал тем авторам, которые утверждали, что «убыхи суть адыгское племя...», напоминая при этом, что «убыхи, в виде народа, особого от адыгов и абхазцев известны были уже в 1797 году графу Потоцкому»¹⁷⁴.

П. К. Услар теперь уже на научной основе первым пришел к выводу о родстве между собой западно-кавказских языков. Он писал: «Убыхская грамматика представляет много родственного с грамматиками языков абхазского и адыгского, взаимное родство двух последних, о котором догадывались Гюльденштедт и Георг Розен, подтверждается при сравнении их с языком убыхским, промежуточным между ними»¹⁷⁵. В работе о чеченском языке он отмечает: «Для меня явственно очертились три группы кавказских языков — западно-кавказская, восточно-кавказская и грузинская»¹⁷⁶. Кроме того, им допускается также возможность существования и связующих нитей между ними. Услар почти предвосхитил современную нам научную классификацию кавказских языков (у него не хватает лишь под-

¹⁷² У Эвл. Челеби, как известно, убыхский язык назван языком «абазы-садов», а абхазский — «язык абазы».

¹⁷³ Услар П. К. Указ соч. С. 77, 79.

¹⁷⁴ Его же. Чеченский язык. — Тифлис. 1888. С. 14.

¹⁷⁵ Его же. О языке убыхов. С. 82.

¹⁷⁶ Его же. О лингвистических трудах Г. Каменева.

разделения выделяемого им восточно-кавказского языкового единства на дагестанскую и вайнахскую группы).

Высказав мнение о генетической общности кавказских языков и о родстве их носителей, Услар использует выражение «самостоятельное семейство языков кавказских». Так, в 1864 году он писал Ад. Берже: «Теперь уже утвердительно можно сказать, что к великим семействам языков старого света: индоевропейскому, семитскому, кушитскому (коптский, эфиопский) и урало-алтайскому, должно присоединить еще совершенно самостоятельное семейство языков кавказских, так как все эти языки, при изумительном разнообразии представляют глубокие родственные черты (без армянского и осетинского)»¹⁷⁷.

Труд П. К. Услара не потерял своего значения и до сегодняшнего дня — его очерком было положено начало научному изучению грамматики загадочного языка, загадочного народа. Работа П. Услара при всей ее краткости и незавершенности исключительно ценна, особенно тем, что проводилась почти на родине убыхов, когда язык их еще не столь сильно подвергся влиянию тех, в окружении которых он оказался в изгнании. К сожалению, работой П. Услара замыкается первый период накопления научного мира с убыхским языком, что было свя-

¹⁷⁷ Цит. по Чикобава А. «Услар и вопросы научного изучения горских иберийско-кавказских языков» // *Иберийское языкознание*. VII. — Тбилиси. 1955. С. 465. Однако ныне большая часть современных ученых-лингвистов не признает родство картвельских языков ни с абхазо-адыгскими ни с дагестанскими. Г. Деетерс уже в начале 1960-х годов пришел к выводу, что «древнейшие лексические сходжения между северо-кавказскими и картвельскими языками...не следствие генетического родства, а объясняются северо-кавказским субстратом в картвельских языках» и считал, что если и можно привести 50 сравнений между южно-кавказскими с одной стороны и западно- и восточно-кавказскими языками с другой, то они остаются пока гипотезой, так как звуковое соответствие (сходство) между ними не найдено. (Deeters G. *Die Kaukasische Sprachen. Handbuch der Orientalistik*. D. VII. — Leiden/Köln. 1963. S. 41.)

зано с почти поголовным исходом интереснейшего народа со своей исторической родины. В этой области лингвистической науки образовался полный вакуум. Он продолжался практически почти до конца XIX века.

К XX веку наступил новый этап — вновь вспыхнул интерес к этому уникальному языку, для его изучения исследователи стали теперь ездить в Турцию, в места расселения убыхов-махаджиров.

На пороге XX в., в 1898 г. в Турции, с целью изучения убыхского языка, три недели находился датский ученый лингвист Аге Майер Бенедиктсен, переписывавшийся с известным русским кавказоведом Львом Григорьевичем Лопатинским¹⁷⁸, изучавшим кавказские языки (в основном, кабардинский). Непосредственно из Турции он выслал Л. Г. Лопатинскому свою рукопись, возможно копию, заключавшую в себе, по словам П. Н. Черняева, «ценнейший документированный» и «значительный лексический и грамматический материал»¹⁷⁹. Л. Г. Лопатинский, имея на руках эту рукопись, по свидетельству П. Н. Черняева, «частично подверг» её «обработке». Подлинник рукописи Л. Г. Лопатинский в 1913 году передал немецкому кавказоведу лингвисту Адольфу Дирру. Ад. Дирр пользовался ею при написании своих работ, делая ссылки на А. Бенедиктсена в соответствующих местах. По его словам, материал А. Бенедиктсена был сосредоточен в нескольких тетрадях и содержал заметки с краткими списками слов, текстов и нескольких страниц с за-

¹⁷⁸ Лопатинский Лев Григорьевич, доктор философии Лейпцигского университета, профессор Казанского Университета, один из активных участников издания «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа», а затем и главный его редактор. Занимал и должность инспектора Кавказского учебного округа.

¹⁷⁹ Черняев П. Как изучал П. К. Услар язык убыхов//Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института. Т. I. — Ростов-на-Дону. 1928. С. 225.

писями грамматических заметок о местоимениях¹⁸⁰. Однако рукопись в дальнейшем исчезла и нигде в Германии, куда выехал Ад. Дирр, обнаружена не была. До сих пор, насколько я знаю, многочисленные попытки найти ее не увенчались успехом. В то же время трудно предположить, что Л. Г. Лопатинский, передавая А. Дирру рукопись А. Бенедиктсена, не снял с нее копии. В связи с этим, представляет интерес примечание П. Н. Черняева. Он писал, что рукопись этого «не вполне обработанного труда кавказского лингвиста хранится в Баку у его вдовы»¹⁸¹. Речь здесь, видимо, идет не только о работе самого Л. Г. Лопатинского, но и о копии рукописи А. Бенедиктсена. Важно то, что в 1928 г. было известно, где находятся эти материалы и у кого. Сам Л. Г. Лопатинский во время меньшевистских этнических «чисток» в 1919 году уехал в Баку, где и прожил до дня своей смерти, наступившей в 1922 г. Работал он в то время профессором Бакинского университета. Его научный архив после смерти жены, вероятно, попал в архив Университета, или возможно, какого-нибудь другого высшего учебного заведения, где он возможно тоже работал и читал лекции.

Через 15 лет после А. Бенедиктсена, в 1913 г. по поручению Петербургской Академии Наук в Турцию поехал, имея уже на руках рукопись А. Бенедиктсена, давно работавший на Кавказе (в Тифлисе с 1900 до 1913 г.) Адольф Дирр, чтобы, по его словам, «спасти от убыхского то, что ещё можно было спасти»¹⁸². В течение месяца он находился среди переселенцев-убыхов в с. Кырк-Пынар, собственно в тех же местах, где работал и А. Бе-

¹⁸⁰ *Dirr Adolf. Die sprache der Ubychen //Sonderdruck aus Caucasic fasc. 4. Und 5. — Leipzig. 1928. S. 2. По-видимому, раз он писал о том, что содержали его тетради, в то время тетрадией уже не было и только он, как видно знал, что с ними приключилось.*

¹⁸¹ *Черняев П. Указ. соч. С. 225.*

¹⁸² *Странны при этом слова Ад. Дирра, приведенные им в работе 1928 года о том, что он отказался тогда от поручения Академии наук России.*

недиктсен. Главными информаторами Адольфа Дирра были Исхак Чоуш и Камил Бег.

Как пишет Ад. Дирр, зимой 1913–1914 гг. он написал работу о языке убыхов для СМОМПКа и послал её в Тифлис уже из Мюнхена, куда в 1913 году был приглашён работать в Музей Народоведения еще до выезда в Турцию. Это была первая часть рукописи с грамматическим наброском. Однако, как он пишет, начавшаяся мировая война прервала издание работы, готовой уже наполовину, а вторая часть рукописи исчезла. К счастью, как он пишет, у него «сохранились тексты и глоссарий (толковый словарь)».

В Мюнхене в 1916 г. он опубликовал на немецком языке статью «О положении убыхского среди северо-западно-кавказских языков»¹⁸³, а в 1918 вышла в свет и другая его статья, посвященная в основном самоназванию убыхов¹⁸⁴. Затем к 1927 году, обобщив все свои материалы, он опубликовал их в Лейпциге в 1927 и 1928 годах в журнале «Caucasica» в № IV и V под названием «Язык убыхов»¹⁸⁵. В том же 1928 году, Ад. Дирр издал их одной книгой. (Историю изучения им убыхского языка с обнародованием материалов и с изложением причин столь длительной задержки, Дирр опубликовал в журнале «Caucasica»¹⁸⁶). В эту ценную работу вошли грамматический очерк, тексты и, фактически первый убыхско-немецкий словарь, в который вошли почти 1500 слов, включая и слова, приведенные в словаре

¹⁸³ **Dirr Ad.** *Die Stellung des Ubychischen in den nordwestkaukasischen Sprachen//«Ansätze zur Kultur — und Sprachgeschichte».* — München. 1916.

¹⁸⁴ **Его же.** *Über den Namen «Ubychen»//Orientalische Studien Fritz Hommel gewidmet. II.* 1918. (Восточные этюды, посвященные Фрицу Хоммелю.)

¹⁸⁵ **Его же.** *Die Sprache der Ubychen // Caucasica. Face. IV.* — Leipzig. 1927; *face. V.* — Leipzig. 1928.

¹⁸⁶ **Его же.** *Zeitschrift für die Erforschung der Sprachen und Kulturen des Kaukasus//Caucasica. Fasc. 4.* — Leipzig. 1928. P. 66 – 67.

статьи П. Услара и, несомненно, из материалов А. Бенедиктсена. Однако Ад. Дирр называет свою работу эскизом и пишет, что «отдаёт себе отчёт в том», что она требует последователя и «кто сможет, пусть сделает лучше» (*Faciant meliora potentes!*). Он считал, что «всё надо делать по-новому», но сомневался в том, что такую работу можно будет завершить, так как убыхский был вымирающим языком, о чём говорили ещё П. Услар и А. Бенедиксен.

Несколько позже, но в том же, 1928 г. выходит в свет и работа А. Н. Генко, также сыгравшая немалую роль в изучении убыхского языка¹⁸⁷.

В 1930 г. в Турции работал среди убыхов венгерский ученый-лингвист Юлиус (Дьюла) Месарош¹⁸⁸. Убыхский язык обратил на себя его внимание в связи с интересами ученого в области изучения древнего хаттского языка. Между этими языками ученый надеялся обнаружить генетические связи. В 1934 г. он публикует свою монографию, в которой в свою очередь, дал описание фонетики и грамматики убыхского языка. К работе был приложен убыхско-немецкий словарь, и, что очень важно, среди текстов он привел и 92 убыхские пословицы.

Но еще до издания труда Ю. Месароша стали выходить работы молодого лингвиста Жоржа Дюмезиля. И с того времени вся дальнейшая история изучения убыхского языка неразрывно связана с именем этого крупнейшего французского исследователя, ученого широчайшего профиля, внесшего неоценимый вклад в изучение убыхского языка. В круг лингвистических интересов Ж. Дюмезиля этот язык был вовлечён с ранней поры его научной деятельности — с конца 1920-х годов.

В 1931 году в Париже была опубликована первая монография Жоржа Дюмезиля, внесшая большой научный вклад в из-

¹⁸⁷ **Генко А. Н.** О языке убыхов. 1928. С. 227–242

¹⁸⁸ **Mészáros J.** *Die Päkhy — Sprache // Studies in Ancient Oriental Civilization. № 9. — Budapest-Chicago. 1934.*

Жорж Дюмезиль

учение убухского языка¹⁸⁹. В ней он дал наиболее глубокий для того времени обзор фонетических и грамматических его особенностей. В следующем же году увидела свет и вторая его работа, посвященная всем северо-западным языкам Кавказа.¹⁹⁰

Около полстолетия Ж. Дюмезиль систематически занимался изучением кавказской филологии — языков и фольклора турецких убухов, черкесов и абхазов. Главным его источником были живые носители этих языков —

люди, которые одинаково хорошо владели двумя и даже всеми тремя языками, как своим родным — убухским, абхазским и черкесским. И таких информаторов ему посчастливилось найти несколько человек.

Так, в течение 10 лет он публиковал убухские тексты «двуязычников», т. е. одинаково хорошо владевших как убухским, так и черкесским языками. Этими «двуязычниками» являлись два убуха — один по имени Ильяс, с которым Дюмезиль начал работать еще в 30-х годах, а другой — Тевфик Есенч. Последнему особенно многим обязан не только профессор Ж. Дюмезиль, но и норвежский профессор Ганс Фогт, также внесший очень ценный вклад в эту область лингвистики.

Проверочное редактирование убухских текстов Ж. Дюмезилем проводилось при помощи двух черкесов, для которых черкесский язык являлся родным. Первого Дюмезиль посещал

¹⁸⁹ *Dumezil G. La langue des Oubykhs. — Paris. 1931.*

¹⁹⁰ *Его же. Etudes comparatives sur les Langues caucasienne du Nord-Duest. Morphologie. — Paris. 1932.*

в течение 3-х лет два раза в неделю, а второй — четыре года был его постоянным сотрудником. Кроме того, к своим последним публикациям фольклорных текстов на убыхском языке автор приложил две черкесские версии — темиргоевские в изложении Кубе Шабана и кабардинские — в изложении Андемира Ашкина. «Благодаря этим версиям, — пишет он, — для сравнения убыхского языка с двумя разновидностями родственного ему языка в настоящее время имеется обильный и разнообразный материал, в котором различия заметны так же четко, как и соответствия»¹⁹¹.

Затем ученый перешел к другому языку этой группы — абхазскому. «Над изучением этого языка, — писал он, — я работаю вместе с Зюлькюфом Хас вот уже 10 лет»¹⁹². Дюмезиль считал, однако, что для сравнения убыхского языка с абхазским, обстоятельства не были столь благоприятными: в двух деревнях — Хаджи Осман Кёй и Хаджи Якуб Кёй — проживало достаточное количество убыхов — около 30 человек, которые могли разговаривать на своем языке, но они были двуязычны, так как свободно знали и черкесский язык, как и в других местах, по той причине, что жили там, в окружении адыгов. Следовательно, их двуязычие носило тот же характер, как и у Тевфика Есенча: убыхский и черкесский.

Но, указывает он, так было не всегда. «Еще дедушка Тевфика по материнской линии, Ибрагим, говорил по-убыхски и по-абхазски, но не по-черкесски. Однако среда в этих двух деревнях была в основном чисто черкесская, и период жизни двух поколений оказался достаточным, чтобы исчез вспомогательный язык [абхазский], ставший ненужным»¹⁹³. Так было по его словам и в других местах.

¹⁹¹ *Dumézil G. Documents Anatoliens sur les Langues et les Traditions du Caucase. V. Nouvelles études Abkhaz. — Paris. 1967. P. 2.*

¹⁹² *Там же.*

¹⁹³ *Там же.*

Тевфик Есенч

Только в 1958 году на южном берегу озера Сапанджа, где Дюмезиль начал свои исследования еще в 30-м году, он смог встретить одну женщину, владевшую абхазским и убыхским языками, и даже двух людей, говоривших одинаково хорошо на трех языках — абхазском, убыхском и на одном из западно-черкесских диалектов. Но один из них, по имени Чызамыгва Хюсен-бей из Кыркпынара, которого Дюмезиль знал с 1930 года, умер. Ханума Хандан из Машукие, знавшая два языка, в 1960 году помогла ему перевести

на убыхский язык сотни пословиц из книги Д. Гулиа и два абхазских текста из предыдущих публикаций (впрочем, замечает он, ее убыхский язык не был вполне безупречным). Большое содействие французскому лингвисту оказал владеющий тремя языками Хаджи Хусейн из Курт-Кёя, входящего в большую деревню Янык у Кыркпинара. «Он перевел многие тексты Зюлькюфа на такой убыхский язык, в котором Тевфику пришлось мало что изменить»¹⁹⁴. Дюмезиль работал с Хаджи Хусейном два летних периода и восхищался им, как и Тевфиком, тем, как из его уст свободно лились соответствующие убыхские и черкесские эквиваленты времен, превербов, частиц и аффиксов абхазского глагола, или же в обратном порядке — абхазские эквиваленты оборотов и форм, свойственных убыхскому языку, но смерть Хаджи положила конец этому плодотворному сотрудничеству.

Наконец в окрестностях Стамбула пожилая женщина, знающая три языка, по имени Ханума Азиз, убыхка по происхо-

¹⁹⁴ Там же. С. 3.

ждению, согласилась быть информатором Дюмезиля. Но она говорила не на том абхазском диалекте, которым пользовался исследователь, а на другом, являвшемся ее основным языком, к тому же, она недостаточно хорошо владела убыхским и черкесским языками. Дюмезиль пишет, что ее абхазский диалект принадлежал к диалекту, различающему две серии шипящих губных звуков. «В ее понимании фонемы, которые меня так затрудняли при изучении убыхского языка (s^o , z^o , \check{s}^o , \check{z}^o), совершенно идентичны, как это кажется и мне. Я не надеюсь найти других двуязычных людей»¹⁹⁵.

С 1961 года Дюмезиль работал в Стамбуле. Туда он часто приглашал Зюлькюфа и Тевфика Есенча, причем последний переводил на убыхский язык абхазские тексты, которые предварительно были продиктованы исследователю Зюлькюфом Хас. «Не имея дословного перевода, — пишет Дюмезиль, — я, тем не менее, получил все оттенки содержания оригинала»¹⁹⁶.

Свою книгу «Абхазские этюды» автор рассматривал как значительный труд в серии предварительных работ, которые он считал необходимым завершить, прежде чем начать работу над грамматикой убыхского языка, которую стремился изучить в сравнении с грамматиками родственных языков — абхазского и черкесского в двух его разновидностях: адыгейского (западно-черкесского) и кабардинского (восточно-черкесского). В письме, полученном от него мною, Ж. Дюмезиль сообщал, что предстоящие фундаментальные исследования по убыхской грамматике, в которой будет несравненно больше фактического материала и меньше ошибок, должны будут заменить собой ранние и, как он писал, устаревшие, с его точки зрения, работы — «Язык убыхов» (1931 год) и «Сравнительный очерк языков северо-западного Кавказа» (1932 г.).

¹⁹⁵ Там же. С. 3.

¹⁹⁶ Там же.

Книга «Абхазские этюды» начинается с общего описания говора основного информатора автора по абхазскому языку Зюлькюфа Хаса. Это был сорокалетний абхазец, родом из деревни Узунджорман, вилайета Сакарья (р-н Адапазары), служивший в то время в муниципалитете Стамбула. Он сообщил Дюмезилу, что говорит на бзыбском диалекте, и это подтверждалось некоторыми чертами фонетического и морфологического характера его языка. «Впрочем, он полагает, — пишет автор, — что в абхазском языке, собственно говоря, нет диалектов; по его мнению, есть лишь люди, которые говорят правильно, — это и есть бзыбский диалект, а другие говорят на диалекте бозук или каба, т.е. на испорченном или народном языке»¹⁹⁷.

После предисловия, из которого заимствуются в основном эти сведения, и краткого грамматического очерка абхазского языка на 35 страницах, в книге даны одиннадцать текстов на двух, трех или четырех языках — абхазском, убыхском, адыгейском и кабардинском, а также в переводе на французский язык. Только текст № 11 дан на одном абхазском языке, так как он очень близок к ранее опубликованному автором рассказу на черкесском и убыхском языках.

Оригиналы этих текстов, за редким исключением, абхазские. К ним приложены версии на убыхском, западно-черкесском и восточно-черкесском языках. А когда оригиналом является убыхский текст (№ 3), то к нему автор дает абхазский и черкесский варианты. После всех вариантов идут примечания.

В авторских комментариях к текстам можно почерпнуть некоторые, правда, не очень значительные по объёму, но ценные сведения о прошлом и настоящем убыхов, в частности и об их этнографическом быте. Некоторые стороны этого быта подверглись все-таки не столь радикальным изменениям, несмотря на столетие с лишним со дня выселения и исключительно неблаго-

¹⁹⁷ Там же. С. 4.

приятные условия для сохранения и развития их национальной культуры¹⁹⁸.

Из изложенного видно, что языки, традиции и мифология убыхо-абхазо-черкесских народов являлись предметом пристального внимания не только крупных отечественных, но и выдающихся зарубежных ученых. Это и работы норвежского лингвиста Г. Фогта, издавшего на французском языке «Словарь убыхского языка», неоднократно цитируемый в этой работе и др., а, главным образом, прекрасные исследования ныне покойного Ж. Дюмезиля, многочисленные труды которого составили целую эпоху в убыховедении. К великому сожалению, осталась без завершения его новая сравнительная «Грамматика убыхского языка», о которой он сообщал мне. Однако, очень многое, что должно было войти в нее, содержит опубликованный им в 1975 году, один из самых последних фундаментальных его трудов в области убыховедения — «Убыхский глагол»¹⁹⁹.

Итак, убыхский язык в территориальном отношении был распространен на стыке двух сравнительно больших языковых групп, по-видимому, примерно в одинаковой удаленности от центров формирования как черкесского, так и абхазского языков. Именно между ними, в особых географических условиях «вырос» и сформировался хотя и родственный им, но особый убыхский язык, чем и объясняется его промежуточность и ар-

¹⁹⁸ Читая «Абхазские этюды», поражаешься тому, насколько мало изменился язык турецких абхазов старшего поколения. Достаточно сказать, что во всех одиннадцати абхазских текстах общим объемом свыше 30 печатных страниц лишь единичные слова и термины могут быть непонятными современному читателю — абхазу из Абхазии. Это свидетельствует, о необычайной живучести и консервативности языковых форм, которые нелегко поддаются радикальным изменениям даже в неблагоприятных условиях и сохраняются в течение многих десятков лет.

¹⁹⁹ **Dumézil G.** *Le verb oubykh. Etudes descriptives et comparatives. Avec la collaboration de Tevfik Esenç.* — Paris. 1975.

хаичность. Ни один из указанных выше языков не сумел полностью его ассимилировать и хотя каждый в той или иной мере, несомненно, оказывал на него постоянное воздействие — язык этот сохранил все свои основные показатели самостоятельности вплоть до времени почти полного его исчезновения.

Положение, выдвинутое и обоснованное свыше полутора столетий тому назад великим русским кавказоведом П. К. Усларом, что убыхский язык является самостоятельным языком, занимающим промежуточное положение среди родственных абхазо-адыгских языков, выдержало испытание временем и остается незыблемым. Однако, как указывает М. А. Кумахов, «положение о промежуточном характере убыхского языка не решает вопроса о его соотношении с другими абхазо-адыгскими языками»²⁰⁰ и, что по вопросу этого соотношения у специалистов нет полного совпадения взглядов: одни ученые считают, что убыхский стоит ближе к абхазской, другие — к адыгской подгруппе языков.

В 1959 г. известный лингвист кавказовед Г. А. Климов писал об особом своеобразии убыхского языка, состоящем в том, что он по своей грамматической структуре и фонетической системе стоял, кажется, ближе к абхазскому, по основному же словарному фонду — к адыгским языкам²⁰¹. В дальнейшем, к последнему он добавляет: «Необходимо отметить сильное влияние на убыхский словарь со стороны адыгейской лексики, вследствие чего несколько затруднено выделение собственно убыхского материала»²⁰². В позднейшей же своей работе пишет следующее: «Результаты внутригруппового взаимодействия... особенно отчетливо сказались на убыхском и абазинском, в течение

²⁰⁰ **Кумахов М. А.** Словоизменение адыгских языков. — Москва. 1971. С. 329.

²⁰¹ **Климов Г. А.** Новое в изучении убыхского языка//Труды АбНИИЯЛИ XXX. — Сухуми. 1959. С. 241, 242.

²⁰² **Его же.** Кавказские языки. — Москва. 1965. С. 34.

длительного времени контактирующих с адыгскими». И здесь же констатирует — «к сожалению качественная и количественная сторона воздействия последних на убыхский остаются неизученными». Правда, не от себя непосредственно, а ссылаясь на М. А. Кумахова и А. К. Шагирова, в осторожной и неуверенной форме Г. А. Климов написал, что «убыхский язык, в целом, по-видимому, скорее примыкает к адыгским языкам»²⁰³.

М. А. Кумахов является одним из главных представителей точки зрения о большей близости убыхского к адыгским языкам. «Существует мнение, — пишет он, — что убыхский язык стоит ближе к абхазской подгруппе, чем к адыгской. Между тем анализ материала убыхского языка не подтверждает этого положения. В области фонологии обнаруживаются явления, объединяющие убыхский язык более тесно с абхазской подгруппой, чем с адыгской. Однако по своей морфологической структуре убыхский язык в целом стоит ближе к адыгской подгруппе, чем к абхазской. Убыхский и адыгские языки объединяются не только наличием многих типологических и генетических тождественных черт (отсутствующих в абхазском и абазинском языках), но и общностью негативных признаков, среди которых важнейшее место занимает грамматическая категория классов, пронизывающая морфологию абхазской подгруппы»²⁰⁴.

Итак, убыхский язык, по своему вокализму стоит ближе к абхазскому, а по консонантизму находится в промежуточном положении между абхазской и адыгской группами, но значительно ближе к абхазской. В фонетическом отношении он относится к сложнейшим языкам мира, здесь исключительно раз-

²⁰³ *Его же. Введение в кавказское языкознание. — Москва. 1986. С. 32, 33; (в связи с этим см. Кумахов М. А. Теория генеалогического древа и вопросы дифференциации западно-кавказских языков // ВЯ 1973, № 6; Шагиров А. К. Материальные и структурные общности лексики абхазо-адыгских языков. — Москва. 1982. С. 3.)*

²⁰⁴ *Кумахов М. А. Указ. соч. С. 329. .*

вита система согласных звуков: из 82 фонем у него, как и в абхазо-абазинском всего 2 гласные — а и ы (в адыгских их 3 — а, э, ы). Если же говорить о согласных, то за убыхским идут абхазские диалекты, их там от 69 до 71 и выше (в адыгских же от 50 до 60 в зависимости от диалекта).

Что же касается морфологии, то еще П. К. Услар, обратил внимание на специфический абхазский артикль «а», присутствующий и в убыхском языке. Однако явление это, из-за исключительно короткого времени изучения языка, им не было в полной мере исследовано, о чём писал ещё Ад. Дирр. В связи с этим следует отметить высказывания З. Ю. Кумаховой о рассмотренных П. К. Усларом некоторых морфологических особенностях убыхского языка: «Не все высказывания П. К. Услара, — пишет она, — относительно строя убыхского языка, — подтвердились..., например, его замечания по поводу... аффикса определенности»²⁰⁵ («а»). Однако в данном случае важным представляется противопоставление значения этого аффикса в убыхском и абазинском, с одной стороны, и в абхазском — с другой. В современном состоянии абхазского языка этот артикль, потеряв значение показателя определенности, приобрел значение показателя общей формы. Однако, что следует отметить, явление это, как видно, позднего порядка.

В абхазских старинных выражениях и в фольклорных текстах (пословицы, поговорки и др.) еще встречаются слова, в которых он, сохраняя древнее значение, продолжает исполнять роль показателя определенности, а форма без «а» — функцию неопределенной формы. Встречается такое явление и в наиболее близком к абхазскому, ашхарском диалекте абазинского

²⁰⁵ **Кумахова З. Ю.** К изучению лексики убыхского языка. *Убыхско-немецкий словарь* А. Дирра /Рецензия//Ученые записки АдНИИЯЛИ. Том V. Языкознание. — Майкоп. 1966. С. 220. (Подробнее об этом см. **М. А. Кумахов.** «Убыхский язык» в Приложении к тому IV — *Иберийско-кавказские языки* //Языки народов СССР. Т. IV — Москва. 1967. С. 694, 695).

языка. Этому явлению была посвящена кандидатская диссертация абхазского лингвиста Т. Х. Халбад²⁰⁶.

При этом важно то, что в прошлом и в абхазских диалектах как в убыхском и в абазинских языках первоначально артикль «а» исполнял одну и ту же функцию, сохраненную в полной мере только убыхским и абазинским языками — значение определенности при его присутствии и неопределенности с нулевой морфемой.

Что касается лексики, то, по определению В. И. Абаева она «имеет репутацию самого неустойчивого элемента языка», так как «нигде в языке так не распространено заимствование, как в лексике»²⁰⁷, а абхазо-убыхские лексические встречи, можно сказать, пока почти не изучены.

М. А. Кумахов, отмечает «значительный процент в убыхской лексике адыгских заимствований... Сильное влияние оказал на лексику убыхского языка и турецкий. Тюркизмы в убыхском, — как он пишет, — делятся на ранние и поздние. Отметил он, что в убыхском «...немало арабизмов и фарсизмов, относящихся к различным областям лексики»²⁰⁸, но при этом только о заимствованиях из абхазского у него ничего не сказано. Поэтому здесь приводится первый опыт работы, проведенной в этом направлении абхазским лингвистом В. А. Чирикба.

Исследуя лексический материал по «Словарю убыхского языка» Г. Фогта²⁰⁹, В. А. Чирикба удалось установить факт заимствований и из абхазской лексики, в первую очередь «из речи садзских абхазов, которые населяли зону самого интенсивного

²⁰⁶ *Халбад Т. Х. Выражение категории определенности в абхазо-адыгских языках. — Тбилиси. 1975.*

²⁰⁷ *Абаев В. И. О языковом субстрате // Доклады и сообщения института языкознания. АН СССР. № 9. 1956. С. 64.*

²⁰⁸ *Кумахов М. А. Убыхский язык. Приложение к IV тому — Иберийско-кавказские языки. — Москва. 1967. С. 703.*

²⁰⁹ *С учетом исправлений Ж. Дюмезиля.*

контакта абхазской речи с убыхской и адыгейской». На втором месте стоят заимствования из бзыпского диалекта.

Сами заимствования включают такие тематические группы как:

хозяйственно-бытовые реалии — «корабль», «весло», «доска», «планка», «бочка», «книга», «пядь», «ложка», «соломенный тюфяк», «бурдюк», «ключ»;

названия животных и птиц — «собака», «порода маленькой собаки», «буйволенок», «вид птицы», «жаворонок», «воробей», «орел, гриф»;

названия природных реалий (растений и др.) — «равнина, открытое поле», «лес», «мушмула», «однолетняя плеть» (ползучего растения), «побег виноградной лозы», «капуста», «мята»;

названия частей тела — «мизинец», «почки», «прядь волос»;

названия таких понятий как «бог», «звезда», «маленький ребенок», «раб», «оспа», а также «игра», «характер, нрав», «беспорядок»;

прилагательные — «левый», «красивый» (последнее лишь в некоторых именах собственных);

глаголы — «плавать», «катить», «целовать», «верить», «завидовать», «бранить», «оскорблять»²¹⁰.

Вместе с тем, В. Чирикба отмечает, что хотя вопрос важен и не изучен, но «уже сейчас можно констатировать, что заимствований из убыхского языка в абхазо-абазинскую подгруппу «должно быть несравненно меньше, чем абхазизмов в убыхском»²¹¹, хотя убыхский язык, развивавшийся под воздействием адыгского и абхазского языков, сам в свою очередь также, вероятно, оказывал на них определенное влияние, особенно на сад-

²¹⁰ **Чирикба В. А.** Абхазские лексические заимствования в убыхском языке // Проблемы лексики и грамматики языков народов Карачаево-Черкессии. — Черкеск. 1986. С. 121, 122.

²¹¹ **Там же.** С. 122.

зский (джигетский) диалект абхазского языка, так как с носителями этого диалекта убыхи находились в ближайшем родстве и теснейших взаимосвязях в течение веков. Так, по свидетельству автора статьи «Абхазцы (Азегга)», все селения, прилегавшие к реке Бзыпь, говорили «испорченным абхазским языком, в котором чрезвычайно много встречалось слов убыхского и джигетского языков»²¹². Удивляет только то, как мог автор выделить эти слова, не зная ни того, ни другого языка, или кто был его информатором?

Что же касается безоговорочного утверждения Л. И. Лаврова о том, что в XIX веке убыхский язык удерживался в быту только в верхней (собственно) Убыхии, в то время как в Вардане его вытеснил адыгейский, а в Саше джигетский язык и, что «именно здесь сохранялся убыхский язык, которого не знало адыго- и абазиноязычное население прибрежной Убыхии»²¹³, — нуждается, видимо, в корректировке.

По всей видимости, свой язык знало большинство, если не всё население Убыхии. Нигде никто не пишет о том, что убыхи не знали свой язык, почти везде проскальзывает утверждение о том, что «кроме своего природного» убыхи владели и другими языками, (а значит, владели и своим). Об употреблении этого языка и в дворянской среде свидетельствует прекрасное знание его юным Берзеком, с которым работал П. К. Услар.

Но язык этот явно становился домашним — языком внутреннего общения и употребления, по крайней мере, в дворянской среде (и надо думать в первую очередь в приморской Убыхии). Иначе он не сохранялся бы в течение стольких лет уже в Турции и Сирии, в крайне неблагоприятных для него условиях. Как пишет Ж. Дюмезиль, уже в Турции дворяне по собственному желанию заставляли своих детей говорить по-черкесски, запрещая

²¹² *Абхазцы (Азегга) // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. — Тифлис. 1872. С. 13, 14.*

²¹³ *Лавров Л. И. Указ. соч. С. 6, 8.*

пользоваться своим убыхским. Это сообщение свидетельствует о том, что и в дворянских убыхских семьях знали свой язык ещё и в Турции. В конце концов, только в немногих местах свободные люди недворянского происхождения продолжали говорить между собой на родном языке и лишь в необходимых случаях прибегали к черкесскому или абхазскому языкам²¹⁴.

Если бы не трагическая судьба народа, то, возможно, мы и сейчас имели бы, хотя и ограниченное, но определенное количество убыхов, говоривших еще на своем родном языке. К тому же следует учитывать, что время глубокой замкнутости уходило в прошлое, контакты расширялись и в столкновении языков, побеждал язык менее сложный, особенно с менее выраженной сложностью консонантизма. Скорее всего, именно по этой причине убыхи чаще переходили на адыгейский язык, чем на абхазский, гораздо более близкий к убыхскому по сложности консонантизма²¹⁵. Однако в целом мы можем констатировать практически свободное владение многими убыхами и абхазским языком, который они, будучи в массе своей трехязычными, знали, в общем, не хуже, чем адыгейский. В письме к автору этих строк проф. Ж. Дюмезиль писал в 1964 году: «Сто лет тому назад, после эмиграции, большинство убыхов, которые поселились около Маньяс, были трехязычными и знали абхазский язык лучше, чем шапсугский. В Турции они потеряли связи с абхазскими переселенцами, поселившимися вдали от них, и их дети уже были только двуязычны», т. е. говорили на своем убыхском и на адыгейском языках, а в связи с урбанизацией многие стали тогда переходить сначала на один адыгейский, а затем на

²¹⁴ *Dumézil G. Documents anatoliens sur les langues et les traditions der Coucase. III. — Paris. 1965. P. 21.*

²¹⁵ *Бодуэн де Куртенэ. О смешанном характере всех языков//Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Том 1. 1963. С. 366, 367. Собственно, такое же явление наблюдалось и по той же причине в юго-восточной Абхазии, где несложный в этом отношении мегрельский язык побеждал абхазский.*

турецкий. В 1986 г. Г. А. Климов писал, что «Почти вымерший убыхский язык... представлен в настоящее время минимальным числом говорящих в Сирии и отчасти в Турции»²¹⁶.

В 1988 году, на пологом берегу озера Сапанджа между гг. Измит и Адапазары в сел. Янык, жил 99-летний убых Кадыр Кеце, знавший ещё свой родной язык. И в соседнем селе в дворянской семье Зеки Хунджа тоже говорили тогда на убыхском²¹⁷. Как обстоит дело в настоящее время неизвестно. Остался ли хоть один убых, помнящий свой язык, или убыхский уже полностью находится на кладбище языков?

Имея в виду несчастную судьбу убыхов и запутанность их проблемы, П. К. Услар, о чем уже отмечалось выше, выражал свои сомнения насчет быстрой разгадки этого племени: «может быть, — писал он, — около тридцатых годов XX в. можно ожидать разрешения вопроса, но не знаю, отыщется ли тогда кто-нибудь знающий по-убыхски»²¹⁸. Услар полагал, что уже в его время многие прикубанские и причерноморские черкесские племена покоятся на «кладбище народов», ибо сохранились лишь жалкие их остатки. Очевидно, что при этом он имел в виду и грядущую недалекую судьбу убыхов и их языка. Такого же мнения придерживались и Аге Бенедиктсен, и Адольф Дирр.

Но, как мы видим, они несколько ошибались, убыхский язык дожил почти до 3-го тысячелетия. Я уверен, что, если после работ Ж. Дюмезиля и Г. Фогта поиски убыхов продолжались бы во всех местах их расселения такими же энтузиастами, какими оказались эти ученые, мы имели бы еще немало трудов, посвященных этому уникальному языку, а может быть и некоторые

²¹⁶ **Климов Г. А.** Введение в кавказское языкознание. — Москва. 1986. С. 30.

²¹⁷ См. об этом статью посетившего старика К. Кеце **Мукба А.** Убыхи Хаджи-Османа //Газ. «Хасэ». — Нальчик. 1994, № 5 (28), 27 апреля.

²¹⁸ **Услар П. К.** О языке убыхов. С. 82.

дополнительные прояснения к истории их прошлой жизни, судьбы и культуры.

Необходимо остановиться несколько и на некоем языке, обратившем на себя внимание нескольких наблюдательных авторов. Так Г. И. Филипсон писал, что «По всей земле убыхов, чернь знает язык асадзипсуа», о котором повторяет, говоря и о садзах: «Этот народ, — пишет он, — говорящий чистым абхазским языком, имеет еще особенное наречие — асадзипсуа, не похожее ни на абхазский, ни на адхейский язык. Мало-помалу оно приходит к забвению; им иногда говорит чернь, и то, как бы украдкой от чужих людей»²¹⁹.

Чуть позже, во второй половине 1840-х годов и К. Ф. Сталь отметил, что у «убыхов в простонародье есть еще свой язык, но он день ото дня исчезает». Здесь речь, видимо, идет о том же языке асадзипсуа²²⁰.

Интересное сведение записал, предположительно о том же языке и Н. М. Альбов: «По словам хакучей, у убыхов было два языка — один общечеркесский, адыге..., а другой — свой собственный язык, которым они пользовались тогда, когда желали, чтобы их не понимали другие черкесы, например — находясь в плену. Этот последний язык носил у них название абзабзы»²²¹. Не может быть сомнения, что речь во всех этих случаях идет об одном и том же языке асадзипсуа. Л. И. Лаврову в 1930 г. удалось установить ошибку, допущенную Н. Альбовым. Дело в том, что загадочный язык называли так не сами убыхи, а их соседи

²¹⁹ **Филипсон Г. И.** Черкесы, казаки и адхейцы // *Рукоп. фонд Российской Гос. библиотеки. Фонд Д. А. Милютин, д. 169, № 81, л. 54.*

²²⁰ **Сталь К. Ф.** Этнографический очерк черкесского народа // *«Кавказский сборник». Т. XXI. 1900. С. 114.*

²²¹ **Альбов Н. М.** Ботанико-географические исследования в Западном Закавказье в 1893 г. // *ЗКОРГО. Кн. XVI. — Тифлис. С. 142.*

шапсуги²²². Вместе с тем, важным представляется то, что шапсуги хотя и говорили, что язык этот, несмотря на то, что не был понятен ни черкесам, ни абхазам, но все же ближе стоял к абхазскому²²³. То, что язык шапсуги называли абзабзы неудивительно, так как убыхов все адыги считали абзами, но не они себя. Свой же язык убыхи называли твахыбза (тәахыбза)²²⁴, от самоназвания твахы, туахы (тәахы) и бза — язык, о чем писали Ад. Дирр и Г. Фогт.

З. В. Анчабадзе считал, что асадзипсуа был одним из самостоятельных языков абхазо-адыгской группы²²⁵, однако сам термин «асадзипсуа» свидетельствует о том, что садзы и убыхи говорили еще на каком-то «садзско-абхазском» наречии, о чем говорит само название языка. В то же время исследователь, учитывая слова Г. Филипсона: «...разноплеменность и следы недавнего завоевания очень заметны в этом участке»²²⁶, допускает возможность сравнительно недавней ассимиляции садзов — жителей части побережья, переселившимися с гор убыхами; или, что сам убыхский язык генетически восходит к одному из ближайших к садзскому, абхазских наречий, получившему в этом районе постепенное преобладание, став в итоге самостоятельным языком. Из всех этих предположений наиболее вероятным является, по-видимому, первое. Но, вполне возможно, что здесь везде речь идет об одном из тайных языков, имевшем распространение как среди садзов, а позже, скорее всего, и среди смешавшихся с ними, уже спустившихся с гор приморских убыхов.

²²² **Лавров Л. И.** Из поездки в Черноморскую Шапсугию...//СЭ 1936, № 4–5, с. 130, 131.

²²³ **Там же.**

²²⁴ **Фогт Г. С.** 195.

²²⁵ **Анчабадзе З. В.** История и культура древней Абхазии. — Москва. 1964. С. 174.

²²⁶ **Филипсон Г. И.** Указ. соч. л. 54.

При всем вышеизложенном удивительно, что до сего времени, даже после выхода работ П. К. Услара, Г. А. Климова, М. А. Кумахова, А. К. Шагирова, А. Дирра, Ж. Дюмезиля, Г. Фогта и других ученых, некоторые исследователи продолжают выдвигать разные версии принадлежности убыхского и садзского языков. Они (хотя их и меньшинство) считают, что и убыхи, и садзы говорили на особом садзском языке, но тогда, где сложился самостоятельный убыхский язык? Другие — наоборот, утверждают, что садзы с глубокой древности говорили на убыхском как и вообще все абазги (в отрыве от абхазов). Но это надо доказать лингвистически на данных обоих языков, в целом изучив основной словарный фонд и грамматический их строй. Что касается, например, лексики, то, как говорил В. И. Абаев, тема «субстрат и лексика» представляет свои трудности. Дело в том, что лексика имеет репутацию, как уже отмечалось выше, самого неустойчивого элемента языка. Действительно, нигде в языке так не распространено заимствование, как в лексике. Отсюда известное недоверие к ней «при решении генетических вопросов, в том числе и вопросов субстрата. Однако, это недоверие законно только до тех пор, пока мы подходим к лексике не дифференцированно», но, если же, изучить исторические судьбы различных слоев лексики языков, то можно убедиться, что «в ней есть некоторые весьма устойчивые элементы, которые по своей стойкости могут соперничать с самыми стойкими элементами фонетики и морфологии. Сюда относятся основные местоимения, числительные, «употребительнейшие глаголы, названия частей тела, повседневных явлений природы, термины родства, основные социальные термины», «обозначения пола, возраста, величины, цвета — все эти древнейшие, фундаментальные разделы лексики, образующие основной лексический фонд языка, живут тысячелетиями и мало подвержены заимствованию»²²⁷.

²²⁷ **Абаев В. И.** О языковом субстрате // Доклады и сообщения института языкознания АН СССР. 1956. № 9. С. 56, 57, 64, 65; *Его же.*

При этом, важным свидетельством является и прекрасно сохранившийся в Турции садзский диалект абхазского языка, изучаемый В. А. Чирикба²²⁸. Результаты работы, проведенной им в Турции среди садзов привели его к следующему выводу: «В садзском не прослеживается каких-либо явных следов убыхского (или адыгского) субстрата, вопреки мнению некоторых историков»²²⁹.

Л. И. Лавров еще в 1955 г. считал и остался при том же мнении и позже, что «лингвистическая граница между черкесами и абазинами в первой половине XVI в. проходила недалеко от устья Кубани. В первой половине XVII в. эта граница отступила к району нынешнего Туапсе, а в XIX в. она проходила уже около нынешнего Сочи», и, как он думал, происходило «не вытеснение абазин черкесами, а вытеснение абазинского языка черкесским языком»²³⁰.

Л. И. Лавров так объясняет это положение: «Абазины, потомки абазгов, некогда были относительно крупным народом, говорившим, очевидно, по-убыхски. Перенос их древнего этнонима «абаза» на нынешних абхазов можно объяснить предположением, что начало Абхазскому царству XII в. (?) положила абазинская династия. Последующее вытеснение убыхского язы-

История языка и история народа // Вопросы теории истории языка. 1956. С. 47, 48, 49, 57, 64, 65.

²²⁸ **Чирикба В. А.** Расселение абхазов в Турции. С. 260–277. См. приложение к книге Ш. Д. Инал-Ипа. Садзы. — Москва. 1995; О языке см: Chirikba V. A. Sadz, an Abkhaz dialect in Turkey//Linguistic Studies in the Non-Slavic Languages of the Commonwealth of Independent States and the Baltic Republics. 8. Chicago. Linguistic Society. — Chicago. 1996. (Вставка М. К. Хотелашвили–Инал-Ипа).

²²⁹ **Его же.** Расселение... Приложение к книге Ш. Д. Инал-Ипа. Садзы. С. 276.

²³⁰ **Лавров Л. И.** Абазины. (Историко-этнографический очерк) //Труды Института Этнографии. Новая серия. Т. XXVI. Кавказский этнографический сборник. — Москва. I. 1955. С. 9.

ка абхазским и адыгским привело к образованию нынешнего абазинского языка и ассимиляции значительной части абазин адыгейцами?»²³¹ Но так ли все это происходило? Навряд ли.

Как видим, в своих работах Л. И. Лавров, а за ним и некоторые другие авторы объясняют образование даже Абхазского царства экспансией абазгов-убыхов, которые стали переходить на абхазский язык, поддавшись более высокой культуре апсильов, совсем «небольшой этнической общности» по сравнению с предполагаемым ими обширным абазгским миром.

Станным казалось Л. И. Лаврову и то, что Абхазское царство, если оно основано абхазами, называлось абхазским, а не по имени основавшего его народа, который именует себя «апсуа». Он даже писал, отрывая абхазов от близкородственной среды, что «нет оснований считать протоабхазскими племенами санигов и первоначальных абазгов. Предками абхазов были, прежде всего, апсилы» — утверждал он ²³². Но ведь мы не знаем, как сами абхазы-апсуа называли свое царство — источники от абхазов не сохранились, но в этом отношении важное значение имеет термин «апсха»²³³, то есть «царь апсуа», «царь абхазов», который все исследователи почему-то игнорируют. И потом, разве в истории редки случаи, когда самоназвание не ложилось в основу названий государств, даваемых им другими народами. Однако самым важным является в этом отношении свидетель-

²³¹ **Его же.** Проблема этногенеза горских народов Кавказа // Тезисы докладов на сессии отделения истории АН СССР и Ученом совете Института Этнографии АН СССР. — Москва. 1974. С. 11.

²³² **Там же.** С.10.

²³³ **Инал-Ипа Ш. Д.** О содержании термина «Апсха» — царь Абхазии (доклад, прочитанный на сессии АбНИИ 1960 г.) // Труды АбНИИЯЛИ. Т. XXXIII–XXXIV. Сухуми. 1963. С. 163–178; **Его же.** «Апсха» (к политической и этнической истории Абхазского царства) // В сб.: **Инал-Ипа Ш. Д.** Страницы исторической этнографии абхазов. — Сухуми. 1971. С. 212–256; **Его же.** Вопросы этнокультурной истории абхазов. — Сухуми. 1976. С. 407–409.

ство армянской географии VII в. «Ашхарацуйц», где по берегу Черного моря указывается существование страны «Псин» (Псинун, «Ашхарацуйца»). Несомненно, в этом названии мы имеем армянскую форму абхазского «Апсны» («прибрежной страны «Аваза»), в которой ясно звучит самоназвание абхазов. Далее там сказано, что в этой стране живут Апсилы и Абазги, и что их городом является «Севастовполик» и т. д.²³⁴. И в данном случае не подлежит сомнению, что в основе этнонимов и абаз, и апсил присутствует единый корень, что отмечали многие ученые и о чем уже было сказано выше.

Историк В. Ф. Бутба, которому принадлежит данное открытие, так комментирует это место: «Существование Псинун-Апсны, как названия страны абазгов и апсилов говорит об определенной консолидации этих племен и тенденции к возникновению единого этнического самосознания в отражаемую исследуемым фрагментом источника эпоху». Просограф комментируемого текста относят даже к эпохе византийского императора Льва (457–474 гг.), к которой исследователи относят интересующий нас фрагмент²³⁵.

В то же время сам Л. И. Лавров по Черноморскому побережью отмечал топонимический слой, связываемый им с абазинским, а не с убыхским языком. Вместе с тем, в абазинском языке должны просматриваться субстратные элементы убыхского языка, так как «какие-то качества родного языка в фонетике, лексике, семантике, типологии удерживаются помимо воли и сознания говорящих, и продолжают «просвечивать» сквозь наложившуюся оболочку новой речи. В результате восприятия, чужой язык приобретает «особый своеобразный характер, отличный от того, какой он имел в исходной среде»²³⁶.

²³⁴ Бутба В. Ф. Упоминается ли Питиунт в «Ашхарацуйце»//Труды АГУ. Т. V. — Сухуми. 1987. С. 98–100.

²³⁵ Там же.

²³⁶ Абаев В. И. О языковом субстрате. С. 56, 57, 64, 65.

А так как и убыхский и абазинский являются самостоятельными языками, то в абазинском неизбежно должны «просвечиваться» элементы фонетики, морфологии или хотя бы следы основного словарного фонда убыхского языка.

Вместе с тем хочется отметить, что хотя В. И. Лавров, Е. П. Алексеева, Н. Г. Волкова и некоторые другие учёные и краеведы считают, что абазы, часть которых составляли будущие абазины и убыхи, были северо-западными соседями абхазов, многие черты абазинского языка не подтверждают это положение. Ещё Н. Ф. Яковлев считал абазин потомками абхазов, а их язык относил к абхазской подгруппе языков Кавказа, отмечая при этом, что «абазинское или восточно-абхазское наречие... ближе к кодорскому абжуйскому»²³⁷. Последнее его положение было подтверждено и дальнейшими работами лингвистов. Будущие абазины переходили хребет со всей территории Абхазии, как и с территории северо-западнее от нее. В этом отношении исключительно важным является обнаружение сохранившегося в Турции садзского диалекта лингвистом В. А. Чирикба²³⁸. Если убыхский язык был субстратным, то он неизбежно должен был проявиться во многих элементах грамматического строя и основного словарного фонда садзского и абазинского языков, что на самом деле не наблюдается.

Л. И. Лавров упрекал меня в том, что я, «противореча существующим источникам, объявил причерноморских абазин абхазами и при этом ссыался на то, что их нередко называли джигетами и садзами в то время, как абазины, обитавшие на северных склонах Кавказского хребта, «никогда... не называли

²³⁷ Яковлев Н. Ф. Языки и народы Кавказа. — Тифлис. 1930. С. 13.

²³⁸ В. А. Чирикба почти подготовлена монография, посвященная садзскому диалекту абхазского языка. Краткое изложение основного положения его среди родственных абхазо-абазинских языков, дано в приложении к книге Ш. Д. Инал-Ипа «Садзы». (Вставка М. К. Хотелашвили-Инал-Ипа.)

себя ни джигетами, ни садзами»²³⁹. Как он пишет далее, «аргумент этот не убедителен так как, во-первых, причерноморские абазины называли себя не «апсуа», а «абаза». Однако, где взяты им такие сведения Л. И. Лавров не указывает. В середине 30-х гг. XIX века Ф. Ф. Торнау писал: «От Саше до устья Ингура морской берег занят абазинами, называющими себя «абсасца»», т. е. абхазами.²⁴⁰ О том же писал и А. Н. Дьячков-Тарасов, называя Садзен «Малой Абхазией»: «джигеты (садзуа, садзен) говорили, — писал он, — тем же абхазским языком причисляя себя к племени азег», т. е. к абхазам²⁴¹. Все жители селений садзов в Турции и ныне называют себя общим названием апсуа — т. е. абхазы и лишь частично как племенное, а-халтцыс.²⁴²

«Во-вторых, — продолжает Л. И. Лавров, — «садзен» или «садзуа» — это чисто локальное наименование, не относившееся к абхазам».

Здесь же в действительности нужно иметь в виду — к остальным абхазам! Но кто с этим спорит? Бзыпцы тоже не называют себя абжуйцами, так же, как и наоборот.

²³⁹ Здесь он делает ссылку на мою статью «Убыхи и их этнокультурные связи с абхазами // *Инал-Ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов.* — Сухуми. 1971. С. 281. Цитаты взяты из его работ: *Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа* — Ленинград. 1978. С. 44 и *его же. О происхождении абазин*// *Археология и этнография Карачаево-Черкесии.* — Черкесск. 1979. С. 76.

²⁴⁰ В 1845 году, путешествовавший по Абхазии немецкий писатель Фридрих Боденштедт констатировал, что «жители Абхазии и Джигетии сами себя называют апсуа, а свою общую страну, — Апсне» т. е. Апсны. (*Боденштедт Фридрих. По Большой и Малой Абхазии. О Черкесии. Перевод М. Кривенко. Предисловие, комментарии и послесловие Д. Чачхалия.* — Москва. 2002. С. 127. (Материал включён М. К. Хотелашвили–Инал-Ипа.)

²⁴¹ *Дьячков-Тарасов А. Н. Гагры и их окрестности. С. 42.*

²⁴² *Чирикба В. А. Расселение абхазов в Турции* // *См. кн. Садзы. С. 271.*

«В-третьих, — пишет он далее, — термином «джигеты» или «джикеты» никто, в том числе и садзы (причерноморские абазинны), никогда себя не называли. Напомню, — пишет Л. Лавров, — что «джигетами» называли садзов только русские, заимствовавшие и неточно понявшие грузинское слово «джикети», которое означает «Страна джиков». А джиками грузинские источники называли абазин»²⁴³.

Что можно сказать в отношении последнего тезиса? Название «джики» получило распространение впервые не от грузин, а от убыхов, которые садзов называли «джыхы»²⁴⁴. Вполне возможно, что этот этноним был воспринят от убыхов сванами, контактировавшими с ними, а от последних распространился и среди грузин.

В этой же статье Л. И. Лавров заявляет «...есть основание считать, что убыхский язык в прошлом был распространен шире той территории, на которой его застал XIX век, причем им некогда пользовались причерноморские абазинны»..., сужение же «границ его распространения на абазинской территории в последние века дает основание предполагать, что убыхский язык, прежде бытовал на более широкой площади и являлся языком древних абазгов».

И в других своих работах Л. И. Лавров вновь повторяет: «Собранные материалы, заставили пересмотреть господствовавшее представление о том, что абазинны будто бы являются отколовшейся частью абхазского народа. Оказалось, что предки абазин были издавна особым и довольно многочисленным народом, обитавшим северо-западнее абхазов, и, что некоторые адыгейские «племена» являются абазинами, сменившими свой язык на адыгейский. Дальнейшие поиски привели к выводу, что

²⁴³ **Лавров Л. И.** Проблемы этногенеза кавказских горцев // *Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа*. — Л. 1978. С. 44.

²⁴⁴ **Vogt. H.** *Dictionnaire de la langue Oubykh*. — Oslo. 1963. P. 63, 64, 86, 231. Материал у него дается со ссылкой на А. Дирра.

абазины — это потомки племени абазгов, известного на Черноморском побережье Кавказа с начала нашей эры, что они играли крупную роль в политической жизни Западного Кавказа, в средние века в частности, их феодалы положили начало династии абхазско-грузинских царей VIII в. и династии кабардинских князей XV в.»²⁴⁵.

Итак, Л. И. Лавров абазгов считал протоубыхским племенем. Начиная со статьи А. Н. Генко, написанной в 1928 году, где он пишет, что «в середине XVII в. джигетские садша (садзы) и теперь еще именуемые по-абхазски садзуа, говорили на убыхском языке»²⁴⁶, часть ученых, с завидным упорством используя его давнее заключение, продолжают линию, направленную фактически на отрыв близко-родственных народов одного корня друг от друга. При этом источники нередко интерпретируются пристрастно и выводы не соответствуют первоисточнику. Здесь хочется напомнить часть цитаты, приведенной Н. Г. Волковой из работы А. Н. Генко 1934 года (опубликована лишь в 1955 году) и полную фразу А. Н. Генко, в которой дается объяснение причин расхождения абхазо-абазинских наречий. К сожалению, у Н. Г. Волковой дается только часть его фразы, вырванной из контекста, без начала, что придаёт ей совершенно иной смысл: «Вся группа абазоязычных (?) племён, по мнению исследователя [А. Н. Генко], составляла в языковом отношении довольно единый коллектив, взаимопонимание, в пределах которого в прошлом было гораздо более достижимо, чем в настоящее время»²⁴⁷.

А вот его полная фраза с началом, имеющим важное значение: «...почти полная оторванность абазин от Абхазии служит

²⁴⁵ **Лавров Л. И.** Историко-этнографические очерки Кавказа. — Л. 1978. С. 41–47. **Его же.** Этнография Кавказа. — Ленинград. 1982. С. 69.

²⁴⁶ **Генко А. Н.** О языке убыхов. — М. С. 239–240.

²⁴⁷ **Волкова Н. Г.** Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. — М. 1973. С. 54

достаточно хорошим объяснением тех особенностей абазинского языка, которые дают основание... противопоставлять абазинские наречия и говоры в качестве самостоятельного языка, всей остальной массе абхазских наречий, с которыми они в отдаленном прошлом составляли единый в языковом отношении коллектив, взаимопонимание, в пределах которого, было гораздо легче достижимо, чем в настоящее время»²⁴⁸.

Итак, мы видим, что в состав группы «абаза» часть ученых не включает абхазов, а ведь у А. Н. Генко говорится только об абхазах и абазинах, а не об «абазоязычных» (?) племенах. В то же время представляет интерес тот факт, что Н. В. Новицкий в записке 1830 г. язык абазин называет «азегазским» т. е. абхазским, а это означает, что и абазин Северного Кавказа также как и всех абхазов называли словом «азега» [ср. с названием «зиги» и с названием абхазов у адыгских народов], как об этом названии чуть позже писал Дж. Белл и другие авторы. Вот выдержка из описания Н. В. Новицкого: «Общества Кизилбеков [Казбек у автора], Шегерай, Баракай и Башилбай говорят Азегазским языком... Кабардинцы и Бесленеевцы называют их вообще Абадзе или Абадзинцами» и далее добавляет: «Медозюи, немногочисленное племя, живущее близ снежного хребта гор Кавказских, говорящие одним языком с Азега и одного происхождения»²⁴⁹. Этим странным словом называли абхазов чуть позже и другие авторы, в том числе и Н. Н. Раевский, о чем говорят некоторые выдержки из его «Обозрения Восточного берега...»: «Надобно знать, что прежде все пространство от р. Хамыш... до границ Мингрелии принадлежало князьям Шервашидзе. Оно населе-

²⁴⁸ **Генко А. Н.** Абазинский язык. — М. 1955. С. 7; **Его же.** Фонетические взаимоотношения абхазского и абазинского языков // *Труды АБНИИЯЛИ* Том XXVIII. — 1957. Сухуми. С. 177, 188, 224 и др.

²⁴⁹ **Новицкий Н. В.** Топографическое описание северной покатости Кавказского хребта от крепости Анапы до истоков р. Кубань // «Кубанские областные ведомости», 1884, № 38.

но одноплеменным народом, называющим себя «азега», а у нас известным под именем абхазцев». И еще: «В начале марта нынешнего года [1839] собралось в долине Мзымта (Артокуадж) до 2 тысяч независимых азега. Под предводительством... дворянина Керандука они... напали враспloh на д. Чайдар (Отхара)». После нападения на д. Чайдар «между азега, принадлежащими князю Шервашидзе, и независимыми сильная вражда.., а князь Михаил послал галеру с вооруженными людьми к берегам независимых азега»²⁵⁰

В то же время следует отметить, что еще во второй половине XIX в. некоторые из наиболее осведомленных авторов, например, М. Р. Завадский, рассматривали «народы абхазского племени» в совокупности, включая сюда собственно абхазов, садзов (джигетов), дал-цебельдинцев и других абхазских горцев, а также северокавказских абазин, причем все эти народы, если говорить его же словами, «жили частью в стране между отрогами Главного хребта и Черным морем от Гагры до реки Галидзга и далее... частью в Майкопском и, главным образом, в Баталпашинском (совр. Г. Черкесск) уездах Кубанской области»²⁵¹

Итак, что же можно сказать, завершая этот раздел о связях убыхского и абазинского языков? Ведь такого профиля работы, насколько мне известно, еще не проводились, а писать, что «убыхский язык абазгов» был поглощен абхазским, до проведения глубоких лингвистических исследований, считаю, по меньшей мере, преждевременным. В то же время никто не объясняет, каким образом язык апсилов, минуя бзыпцев, так повлиял на языки многочисленных по сравнению с ними народов, живших далее последних.

²⁵⁰ **Раевский Н. Н.** «Обозрение Восточного берега Черного моря»// *Архив Раевских. Т.2. СПб. 1908.*

²⁵¹ **Завадский М. Р.** Предисловие к кн. П. К. Услара «Абхазский язык», с. X.

К. В. Ломтатидзе, посвятившая специальные монографии диалектам абазинского языка, нигде не заметила убыхского субстрата²⁵². Вот часть ее вступления к статье «Абазинский язык»: «...Абазинский язык вместе с абхазским составляют одну языковую единицу в строго лингвистическом смысле; их объединяет общность основ фонетической системы, грамматического строя и основного словарного фонда»²⁵³.

Этой теме следует дополнительно посвятить специальные работы, что и будет, вероятно, сделано лингвистами в ближайшем будущем.

2. Этнонимия убыхов

Общее самоназвание народа возникает на основе довольно высокого социально-экономического, политического и этнического развития. Известно, например, что шумеры, около 3000 г. до н. э. создавшие на юге современного Ирака едва ли не первые в истории человечества города-государства, не имели общего самоназвания, что в гомеровское время, то есть в начале I тысячелетия до н. э. единого обозначения для всех греков также еще не было и т. п.

Вместе с тем этническое содержание терминов может изменяться. В частности, пришельцы, навязав побежденному аборигенному населению свой язык, сами могут принять название древнего населения завоеванной страны. Наименование одного народа «может переноситься на другой народ и одним и тем же именем в разные эпохи могут обозначаться разные наро-

²⁵² **Ломтатидзе К. В.** Тапантский диалект абхазского языка с текстами. — Тбилиси. 1944. (на груз. яз. с русским резюме); **Ее же.** Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов с текстами. — Тбилиси. 1954 (на груз. яз. с русским резюме).

²⁵³ **Ее же.** Абазинский язык //Иберийско-кавказские языки. Языки народов СССР. Т. IV. — М. 1967. С. 123.

ды»²⁵⁴. Ярким примером этого может служить «история термина «хатты», оставшегося от древнейшего населения Центральной Малой Азии, но закрепившегося позже за пришельцами-победителями, подлинного имени которых мы не знаем, условно называя их хеттами-неситами. Более близким примером может служить название сванов у народов Северного Кавказа, у карачаевцев и балкарцев — эбзе²⁵⁵. По-видимому, это та бывшая этническая общность, следы которой усматриваются в субстратном слое сванского языка²⁵⁶.

В то же время этническая общность, как правило, имеет несколько названий, среди которых превалируют этнические обозначения, данные ей соседним населением, а самоназвание народа, как его название со стороны, принятое в основном соседями, распространено сравнительно редко.

Непосредственно же этнонимы коренных народов Западного Кавказа неразрывно связаны с местной этнической и прочей номенклатурой, в чем нас убеждают и убыхские лексические материалы, хотя они, включая и сам термин «убых», очень трудно поддаются объяснению.

Сама история изучения названий и самоназваний народа убыхов сравнительно небольшая. Самое раннее их самоназвание было зафиксировано, о чем уже писалось выше, П. К. Усларом в виде эндоэтнонима «пиох», а название убыхи, данное со стороны, стали связывать с этнонимом «брухи» (такую мысль высказал еще в конце 1830-х гг. Дж. Белл). Впервые в научных кругах этой темы коснулся в своей энциклопедической статье

²⁵⁴ Шанидзе А. Язык и письмо кавказских албанцев//Вестник отделения общественных наук. № 1. — Тбилиси. 1960. С. 168.

²⁵⁵ Русско-Карачаево-Балкарский словарь/Под ред. Суюнчева Х. И. и Урусбиева И. Х. — М. 1965. С. 562; Карачаево-Балкарско-Русский словарь/Под ред. Тенишева Э. Р. и Суюнчева Х. И. — М. 1989. С. 769.

²⁵⁶ Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. — М. 1973. С. 92.

о раннесредневековом племени «брухов» VI века, чешский учёный В. Томашек²⁵⁷. В ней он провозгласил идею о связи этого этнонима с названием племени убыхов. О брухах он пишет как о «кавказской горской народности», жившей к северу от абазгов между Аланами и Зихами (у Прокопия же сказано так: «За пределами абазгов до Кавказского хребта живут брухи, находясь между абасгов и аланов»). «Возможно, — заключает В. Томашек, — что это истинное имя нынешних Убухов или Быхов (Bych), живших между абхазами и черкесами...». Вместе с тем, он вспоминает и о реке Брухонт, явно связанной с этнонимом брухи, фигурирующей у Анонима V в. в его «Перипле Понта» (Лондонского кодекса). Упоминает В. Томашек и старые названия, как он считает, именно этой реки — Боргис и Буркас, предположив, что форма Брухонт является именительным падежом гидронима Буркас. Эти реки упоминаются более ранними авторами, почти ровесниками — Клавдием Птолемеем (90–160 гг.)²⁵⁸ и Флавием Аррианом (95–175 гг.)²⁵⁹. Первым из них р. Бурка, протекавшую между городом Амписалидой и местом под названием Инантия (видимо, это Лдзаа со святилищем богини Ананы), которое он помещает приблизительно недалеко от тех мест, где комментаторы Латышевского свода локализуют современную р. Лиашипста²⁶⁰ (видимо это район Лиаш у реки Мдзымта). И Арриан локализует реку Боргис, между реками Абаском и Нессисом, т. е. в тех местах, где протекает река Мдзымта. Однако

²⁵⁷ **Tomasek W.** Βροῦχοι // *Art. de la Reale Encyclopädie de Pauly-Wissowa*. III. 1899. Col. 898–899.

²⁵⁸ **Арриан.** *Объезд Эвксинского Понта*. 27 (18 Н) // ВДИ 1948, № 1, с. 271; **Птолемей.** *Географическое руководство*. V. 8, 8 // ВДИ 1948, № 2, с. 245.

²⁵⁹ **Птолемей.** *Географическое руководство*. V. 8, 8 // ВДИ 1948, № 2, с. 245.

²⁶⁰ **Псевдо-Арриан.** *Объезд Эвксинского Понта*. 56 (15) // ВДИ 1948, № 4, с. 231.

В. Томашек почему-то не называет более позднее название реки Брухонт, которую по свидетельству Анонима, в его время, т. е. в V веке называли уже Мизигом.

Затем проходит целое тысячелетие до времени, когда вновь всплывают многочисленные этнонимы Восточного Причерноморья. Этим мы обязаны, упоминавшемуся уже турецкому автору XVII века Эвлия Челеби, в 1641 году проплывавшему и обозревавшему восточные берега Черного моря. Он называет 25 «благоустроенных» племен абаза на отрезке от р. Фаша (Риони) до племени Кутаси.

Советский кавказовед, известный лингвист А. Н. Генко проделал работу по отождествлению этнонимов Челеби с известными названиями племен, населявших в XIX веке этот регион Черноморского побережья, с прилегающими горными районами. В статье он также высказал свое убеждение, в том, что Брухи являются предками убыхов, приведя и мнение Дж. Белла, также видевшего в убыхах далеких потомков брухов. Однако, пытаясь найти и не найдя соответствие среди обозначений племен у Челеби, близких по звучанию к названию убыхов, А. Н. Генко остановился на горном племени Вайпига (Wajpigha). Ученый увидел в нем сложный термин, состоящий из двух этнонимов waj/waja — по его мнению, «названия племени Гуае и Pigha», в котором увидел национально-убыхское пёх²⁶¹, то есть самоназвание, зафиксированное П. К. Усларом. Однако, как кажется, это искусственное построение. Вместе с тем, он затронул и вопрос этнической принадлежности племени садзов, назвав его этнонимом садша²⁶², однако непонятно — касается оно общества Садз или общества Соча, которые у Челеби проходят как два самостоятельных племени или общества.

²⁶¹ *Генко А. Н. О языке убыхов//Известия АН СССР. Серия VII. — Л. 1928, с. 237.*

²⁶² *Там же. С. 229.*

В 1918 г. выходит статья Ад. Дирра, посвящённая этнониму убых²⁶³. Она была написана несколько лет спустя после пребывания в Турции в 1913 году, где ему, по его словам, удалось «довольно основательно изучить убыхский язык». Давая краткую справку по вопросу расселения брухов во времена Прокопия, а позже убыхов, он привлекает при этом и материалы по осетинам. Однако самое главное в его исследовании заключалось в обращении к вопросу о названии и самоназвании убыхов. Отметив, что название «убыхи» народ получил от соседей черкесов, он сопоставляет два самоназвания убыхов — данное в работе П. К. Услара — *rijox*, и услышанное им самим в Турции, в Кырк Пинаре *тəахə, tiəхə*²⁶⁴. (т^оахəə у Х. Фогта со ссылкой на Ад. Дирра, с. 195, 203) Разночтения между ними он объясняет ошибкой, допущенной П. К. Усларом, не сумевшим правильно распознать и воспроизвести звук *тə*, который звучит «для непривычного уха... как простой придыхательный согласный «р» (п абхазского произношения²⁶⁵). Это было первое правильно зафиксированное самоназвание убыхов, если не принимать во внимание статью «Краткое описание страны...», где автор ее приводит слово «Атвах», как самоназвание убыхов²⁶⁶. На самом деле, это абхазское название самой Убыхии, происходящее от самоназвания убыхов *туахы*, воспринятое и абхазами в качестве их названия, сохранившееся в их фольклоре и в семьях, помнящих свое происхождение из этой страны. Многие ученые, начиная с энциклопедической статьи В. Томашека (не считая Дж. Белла), как правило, связывают этноним убых с обозначением племени

²⁶³ Dirr Ad. *Über den Namen «Ubychen»//Orientalische Fritz Hammel gewidmet. II. 1918. S. 313–315.*

²⁶⁴ *Op. cit. S. 313.*

²⁶⁵ *Op. cit. S. 314, 315.*

²⁶⁶ *Краткое описание страны, лежащей к северу от реки Сочи-пта до вновь возведенного на Туапсе укрепления //«Кубанские областные ведомости». 1885, № 1.*

брухов. Как уже сказано в том же 1928 году мнение о брухах, как о предках убыхов высказал и А. Н. Генко ²⁶⁷.

На название этого племени, в пору его увлечений осетинским языком, обратил внимание и лингвист Г. Ф. Турчанинов. «Племя брухов (*bruchoi* с долгим *i*), — пишет он, — по-видимому, представляет собой тех же алан, располагавшихся по отношению к Авазгии (Абхазии), образно говоря, «на линии передней обороны». Мне это племенное название представляется образованным от осетинского — ирон бру (*vesp быру*) — «крепостная стена», «вал», «укрепление», «ограда», с соответственным суффиксом может быть иронским — *ыг*» того же значения, что в словах *хэисыг* — «щетиnistый» или *мæсыг* — «башня»²⁶⁸. «Если это так, — продолжает он, — то между аланами и авазгами (абхазами) не существовало никаких промежуточных племён»²⁶⁹. При этом Г. Ф. Турчанинов помещает брухов на территории «нынешней Балкарии и Карачая»²⁷⁰. Последнее мы встречаем и на картах в работе З. В. Анчабадзе 1959 года²⁷¹, а также и на двух картах Г. В. Цулая в его книге «Абхазия и абхазы в контексте истории Грузии», под названиями «Абхазское царство в VIII веке» и «Абхазское царство в начале IX века». В обеих его картах брухи помещены за Кавказским хребтом на северных склонах Кавказского хребта²⁷². В этой связи привлекают внимание

²⁶⁷ **Генко А. Н.** О языке убыхов. С. 229. (Здесь же им дана ссылка на Дж. Белла).

²⁶⁸ См. **Миллер Вс.** *Ossetica*. — Москва. 1904. С. 62, п. 7.

²⁶⁹ **Турчанинов Г. Ф.** Древнейшая IV в. н. э. осетинская (аланская) надпись греческого письма. — Орджоникидзе. 1960. С. 193, прим. 1.

²⁷⁰ Там же.

²⁷¹ **Анчабадзе З. В.** Из истории средневековой Абхазии. Карты на с. 19 и 63.

²⁷² **Цулая Г. В.** Абхазия и абхазы в контексте истории Грузии. (Домонгольский период.) Краткие очерки. — Москва. 1995.

и некоторые ранние карты, например, генерал-майора Хатова 1826 г., где убыхи так же указаны на северных склонах Кавказского хребта рядом с туби и др.

Своё мнение о неправильно передававшемся самоназвании убыхов высказал в 1965 г. и Дж. Дюмезиль. Учитывая сложность в фонетическом отношении эндоэтнонима *tʰəxə*, он посчитал, что у древних авторов начальный «бр», вероятно, неточно передавал лабиализованный звук «т»²⁷³.

Своё мнение о соответствии названия брухов с самоназванием туахы высказал в 1987 г. и французский учёный Ален Кристоль²⁷⁴. Он повторяет сведения Перипла Анонима Лондонского манускрипта параграфа 15 (в скобках указывает на его VI век., но с вопросительным знаком), согласно которым на Черноморском побережье упоминаются реки — Абаскос [связывается А. Кристолем с р. Абаском Перипла Арриана II века и то же в § 15 у Анонима] и р. Брухонт, с пояснением, что для последнего гидронима Аноним даёт и современное ему его название — Мизигос. В сноске к этому месту автор выдвигает предположение, согласно которому древняя территория убыхов возможно распространялась от реки Бзыпи на юго-востоке и до реки Мзымты на северо-западе. Река же Мзымта соответствует, — как он считает, — древнему названию реки Брухонт. Это поддерживается тем, что слово «Бзыпь» на убыхском языке означает, по его мнению, «Серая река». Там же он предлагает рассматривать Мзи/Мзы как одно из названий воды и реки в западно-кавказских языках и сближает его с убыхским «бзы» и абхазским «дзы». В продолжение же текста он выражает и свое желание видеть

²⁷³ **Dumezil Georges.** *Documents Anatoliens sur les Langues et les traditions du Caucase. III. Nouvelles etudes oubykh.* — Paris. 1965. P. 15.

²⁷⁴ **Christol Alain.** *Scythica. 2. Des sauterelles et des homes. 2. 1. Broukhou//Revue des Géorgiennes et Caucasiennes. № 3.* — Paris. 1987. — P. 218, 219. (Выражаю признательность Вячеславу Чирикба за предоставление статьи и её перевод.)

в брухах предков убыхов, однако, как он считает, этому противостоят некоторые фонетические препятствия: в греческом произношении слово означает кузнечика, вероятно, и саранчу. В византийское же время, в эпоху Прокопия, т. е. в первой половине VI в. это слово звучало уже несколько по иному, приближаясь фонетически ближе к *vrixos* (врухос), чем к *brukhos* (брухос). Это наименование может представлять собой либо перевод на греческий местного имени, возможно «данного им недружелюбными соседями», либо фонетическая адаптация какого-то местного «наименования с ироническим оттенком», или же «метафорическое обозначение горцев-грабителей», нападавших на прибрежные города и поселения и чья мобильность и опустошительные набеги напоминали нашествие саранчи. Если принять эти гипотезы, то следует отказаться, как он считает, от фонетического сближения брухов и туахы.²⁷⁵

²⁷⁵ Недавно в научной литературе высказана новая точка зрения на время первого появления самоназвания или названия племен убыхов. На страницах произведений ранних авторов, абхазский лингвист Б. Г. Джонуа обратил внимание на «Послания с Понта» Публия Овидия Насона. В послании IV, 10/21, относящемся к 14 г. н. э., к его другу поэту Альбинованну Педону (**Подосинов А. В.** Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. — Москва. 1985. С. 134.), помещено упоминание о «диких» и «свирепых» «пиакхах» (*Piacchen*) (**Джонуа Б. Г.** *Jndoarica* в Абхазии // Абхазоведение. Вып. 1. — Сухум. 2000. С. 119. Исследователи связывают этот этноним то со скифами, то с гетами, то просто с неким «понтийским племенем» (**Подосинов А. В.** Указ. соч. С. 231). Однако помещение его в одном ряду с гениохами и ахейцами, делает более правдоподобным, по предположению Б. Г. Джонуа, видеть в нём аллоэтноним убыхов, данный в форме близкой к их самоназванию — пёх, пёхи, пёкхи, пиакхи (**Джонуа Б. Г.** Указ. соч. С. 119), но этот этноним больше нигде в древней литературе не упомянут. По-видимому, автор учитывал при этом работу Юлиуса Мессароша, где он писал о том, что «пёкх» также было одним из обозначений убыхов, о чем пишет и Дж. Н. Коков (**Коков Дж. Н.** Из адыгской (черкесской) ономастики. — Нальчик. 1983. С. 289). (Материал включен М. К. Хотелашвили—Инал-Ипа.)

В связи с этим, как кажется, нельзя обойти вниманием название одного из укреплений мисимиан середины VI в., «расположенных у самых их границ с лазами, которое, – как сообщает Агафий Миринейский, – называют Бухлоон»²⁷⁶, а иногда и Буколус. Название дано в греческой передаче, но на мисимиянском языке, вероятнее всего, оно звучало как Бухлан, судя по многим другим примерам древней топонимики края (Багбаран, Шакуран, Баглан, Заадан, Балан и мн. др.). По-видимому, именно это название сохранилось в обозначении крепости и села у правого берега р. Ингури — Пахулан (*Пахалан*), но с заменой первой фонемы на «п_г». В связи с последним стоит привести и древние названия, которые находим к западу от горы Гуарап — ручья, озера и пастбища с «городком ацангуар» под названием Пёху, горы Пхъау под тем же почти названием **Пёх, Пёхь, Пёху**, а также перевала Пхъу²⁷⁷. Все эти места расположены на правом берегу верховьев *р. Адзгара* (верховья *р. Чхалта*), недалеко от Кавказского хребта, на территории той же исторической Мисиминии, в верхнем бассейне реки Кодор²⁷⁸.

²⁷⁶ **Агафий Миринейский.** О царствовании Юстиниана. Кн. третья. 15.

²⁷⁷ **Инал-Ипа Ш. Д.** Убыхи и их этнокультурные связи с абхазами. В кн.: **Инал-Ипа Ш. Д.** Страницы исторической этнографии абхазов. — Сухуми. 1971. С. 270. (См. и работу **Бжания Ц. Н.** Из истории хозяйства абхазов. Этнографические очерки. — Сухуми. 1962. С. 114, 115, 163, 164). Название перевала фигурирует и в абхазском фольклоре.

²⁷⁸ В связи же с тем, что племя садзов (у многих исследователей Садша), А. Н. Генко было признано принадлежащим убыхскому этническому миру, и особенно после выхода в свет работы Р. Блейхштейнера, где тот определил язык абаза-садзов (садша) как убыхский, следует обратить внимание и на другой, заслуживающий доверия источник. В том же VI веке, когда Прокопий упомянул племя брухов, вышел в свет и специальный грамматический труд – словарь Стефана Византийского «Этника» («Описание племен»). Одни из главнейших комментаторов свода В. В. Латышева пишут, что у Стефана Византийского «некоторые из приводимых им имён местностей и

К середине XVII в. Эвлиа Челеби, называя все «общества» племенами, почему-то не определил садзов, как племя, а назвал только их область, поместив ее между приморскими племенами арт и камыш (хамыш), видимо, в среднее течение р. Хоста. Судя же по тексту можно понять, что они не имели гаваней и значит, жили не вблизи побережья, о чем говорит фраза Челеби: «Так как племя арт обещает им безопасность, они привозят в гавань племени арт пленников, привозят воск и торгуют». Значит, они обитали где-то в горах, в некотором отдалении от моря, занимааясь «товарообменом и с северным соседом — черкесами» и

*племён до сих пор ещё не могут быть истолкованы с помощью других исторических или археологических данных», являясь единственными их упоминаниями и, что ценность многих извлечений из словаря Стефана «колоссальна». В то же время они отмечают и новейшие для своего времени исследования, установившие, что извлечения из «Описания племён» произведены несколькими эпитоматорами и при этом в различной манере». (ВДИ 1948, № 3, с. 312. К сожалению, в варианте, данном в ВДИ, название Сазои не фигурирует.) Как видно по приведённому ниже отрывку, существовало несколько вариантов «Описания», один из которых был включен в свод материалов, изданных С. Г. Каухчишвили. (**Георгика. Т. 3. Материалы по истории Грузии и Кавказа** (на греческом языке оригинала и грузинском), с переводом и объяснениями **С. Каухчишвили**. — Тбилиси. 1936. С. 283). В одном из вариантов словаря, наряду с санигами, как народом, живущим на побережье Понта, указываются и приморские Σαζοί (Сазои, видимо садзы). Грузинский учёный С. Г. Каухчишвили в своей книге приводит и мнение Л. Холстениуса, считавшего это место в тексте искаженным, но вряд ли этому ученому было известно местное название – садзы. Сам С. Г. Каухчишвили, соглашаясь с ним, в то же время предложил возможность видеть в этом обозначении этноним λαζοί. Но лазов Стефан уже упомянул выше и едва стал бы их повторять. Да и сам С. Г. Каухчишвили достаточно ясно сознавал, что вряд ли слово λαζοί могло попасть в это место в нарушение алфавитного порядка словаря да еще и во второй раз. Таким образом, судя по этому источнику народ Сазои вероятно садзoi/садзы, был известен уже в середине VI в. как прибрежный (Εθνὸς Παρά το Πόντω) [Материал, приведенный в данной сноске подготовлен и включен М. К. Хотелашвили–Инал-Ипа].*

также как и убыхи говорили и на абхазском, и на черкесском языках, как видно, владея и своим языком. Однако почему он поместил их среди перечня приморских племен? Что это, случайность или ошибка?

Следует лишний раз признать, что до сих пор не выяснено соотношение встречающихся в научной литературе двух названий Садша/Садзы, связываемые некоторыми учеными и с Соча²⁷⁹, хотя Челеби указывает на Соча, как на другое самостоятельное племя. В этом отношении ясности нет и до сегодняшнего дня, на что уже выше обращено внимание.

Этноним убыхи, видимо, имел вначале распространение в основном только среди северо-западных адыгов, а через них проник в русскую и мировую литературу. Впервые он упомянут в российском документе 40-х годов XVIII в. В нем в списке племен, отложившихся от Крыма, названы и убыхи²⁸⁰.

Затем этноним убыхи в форме *Onbech* встречается у французского консула в Крыму К. Пейсонеля, писавшего в 50-х годах XVIII в., а с последней его трети интересующее нас название этой этнической общности постепенно, все чаще и чаще находит себе место на страницах исторической литературы. В начале 1770-х годов на Кавказе побывал И.-А. Гюльденштедт, назвавший убыхов словом *Oubouch*, а затем мы находим его и у П. С. Палласа, опубликовавшего свои наблюдения 1793–1794 годов, в 1803 году. Они у него проходят в форме *Ubouch*.

Первое объяснение происхождения такого рода названий как убыхи имеется у штабс-капитана Г. В. Новицкого, согласно которому, большая часть жителей гор «называется по именам урочищ ими занимаемых, как например: Убыха от урочища

²⁷⁹ Волкова Н. Г. Этнонимы... С. 63.

²⁸⁰ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. Т. II. XVIII в. — М. 1957. С. 143.

Убыха»²⁸¹. Вскоре подобное объяснение находим и у И. Ф. Бларамберга. Большинство племен, пишет он, населяющих горные долины «называются по названию мест, где они ранее проживали, как, например, убыхи — по местечку под названием Убых»²⁸². Касается этого явления и автор статьи «Краткое описание страны...». Он пишет: «Аулы черкес получают большею частею свои названия от округов, к которым принадлежат, от рек, близ которых находятся или от почетных фамилий, пользующихся у них особенным влиянием, отчего и происходит некоторая сбивчивость в названиях, ибо часто одно и то же место имеет их два или три»²⁸³.

Сам термин «убыхи» допускает некоторые вариации: «уббух» и апцјохv (так записал его П. Услар от западно-черкесских племен); «убых», «убыхэ» (шапсуги), «убух» и «убых» (у Дюбуа), убух *wəbəx*, *áwəbəx* (Г. Фогт), где конечное х по предположению Л. И. Лаврова является адыгским показателем множественности²⁸⁴. Иного мнения в этом отношении придерживается Дж. Коков, считающий возможным предположить его «связь с адыгским аффиксом — х, имеющим локальное значение»²⁸⁵. Однако эта фонема, скорее всего, является органической частью как этнонима — самоназвания *туахы*, так и *убых*. Возможно, правильно то, что название убыхи происходит от названия Убых — горы, реки, местности, урочища. Следует отметить, что названия пле-

²⁸¹ **Новицкий Г. В.** Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом адехе // «Тифлисские областные ведомости», 1929, № 22; см. и ЦГВИА ВУА № 301, д. 414, л. 36.

²⁸² **Бларамберг И. Ф.** Указ. соч // АБКИЕА С. 360.

²⁸³ Краткое описание страны, лежащей к северу от реки Сочи-пта // «Кубанские областные ведомости». 1884, № 50.

²⁸⁴ **Лавров Л. И.** Из поездки в Черноморскую Шапсугию. — С. 132; Его же. Топонимические заметки // КЭС VII. 1980. С. 210.

²⁸⁵ **Коков Дж. Н.** Из адыгской (черкесской) ономастики. — Нальчик. 1983. С. 289.

мен и народов, имеющие топонимическое происхождение, не-редко встречаются в истории этнонимии²⁸⁶.

При всем том происхождение этнонима и значение слова убых до сих пор не прояснено. Этимологией термина занимался и Карл Боуда, посвятивший специальную статью по объяснению убыхских слов и терминов²⁸⁷.

Неясной остаётся основа термина убых, — что является корнем слова б/уб или бх/нх. В связи с первым предположением нетрудно вспомнить название (?) «*туби*», где отсутствует суффикс х, но фигурирует уб. Вряд ли туби представляли собой ответвление убыхского этнического массива, о чем говорят и их предания. Еще Ю. Клапрот племя туби считал равнозначным племени убыхов. («Туби или убыхи, говорящие на одном из наречий...»). Как видим, частица -уб- входит основным элементом и в слово туби (*т-уб* ср. *уб-ых*) и в название округа Вардане — Уб-ишь-хрипш (не эта ли частица входит и в название рода А-уб-лаа?)

В то же время корневой основой слова может быть и «*нх/бх*», как в известном усларовском самоназвании убыхов *апёх*, в названии убыхского селения *Пёх*, горы и реки *У-бых* и др. (этот элемент встречается и в ряде абхазских терминов, например, «*аҭхьа*» — вперед, впереди; в абхазской фамилии А-бух-ба; в слове «*аҭхьара*» — стоянка для ночлега и др.). Однако значение его пока не поддается определению.

Как ни странно, но топонимы, в близкой форме содержащие этот элемент, встречаются и на территории восточной Абхазии в верховьях бассейна реки Кодор, что уже отмечено выше.

²⁸⁶ Можно ограничиться лишь одним кавказским примером: название дагестанского народа рутулы, насчитывающего 7 тыс. человек, произошло от названия Рутул — наиболее крупного их селения и т. п.

²⁸⁷ **Bouda Ch.** *Etymologies Oubykh*//*Journal Asiatique CCXL VIII.* — Paris. 1960. К сожалению, работа его осталась для местных исследователей, в том числе и для меня, недоступной.

Встречается он, что еще более странно, и далее в названии пшавов и хевсур — *пх-овы*²⁸⁸. Внимание привлекает и название страны XIV в. до н. э., располагавшейся в районе современного Дивриги (на среднем Ефрате, южнее бывшего Ацци-Хайаса), упоминаемой в летописи хеттского царя Мурсили II — «*Паху-ва*»²⁸⁹, которое сопоставляется с самоназванием убыхов. (Имя же пахувца Мита, фигурирующее в другом хеттском документе, воспроизводит идентичные древнеабхазские имена — Мыта, Муты, Мута, Мыд (ср. с названием села убыхов, а прежде садзов — Мутыхуа/Мутыхуаса)

Интригующим является и ассирийское название одной из множества стран Наири, по представлению ассирийцев, самой северной (вблизи «Великого Верхнего моря») — «мелкой» стра-

²⁸⁸ Так, в древних ритуальных песнях грузинских горцев – пховцев (ответвление хевсур) наличествуют, обращающие на себя внимание такие выражения, как например: «даром не тратятся ведь стрелы наших абхазов» (применительно к себе), а в песне-плаче отца, ищущего погибших на охоте сыновей, есть вопрос: «Ахун-гора не видала ли ты их?». Там же встречается и название горы Ахунта. В то же время Е. Б. Вирсаладзе обратила внимание на очень интригующий факт: «...анализ текста в условиях его естественного мелического исполнения» у хевсур и сванов «выявил древнюю форму исполнения фрагментов эпоса об Амирани, показывающего, что эта стихотворная форма сохранена и в верхнерачинской героической песне... её изучение показывает тесную связь этой формы стихосложения с использованием ее в хороводе, как соревнования двух полухоров хоровода или же запевалы и хора». Здесь же автор дает следующее, очень важное, как кажется, примечание: «Интересно отметить, что подобное строение стиха является характерным для абхазского стихосложения и адыгских песен» (с. 208, 209). См. в кн. **Вирсаладзе Е. Б.** Грузинский охотничий миф и поэзия (гл. XI. Традиция исполнения охотничьего эпоса). — Москва. 1976. С. 197–211. Однако, слово абхазы и оронимы Ахун-гора и Ахунта в указателях книги почему-то отсутствуют. (Текст всей сноски включен М. К. Хотелашвили—Инал-Ипа)

²⁸⁹ **Меликишвили Г. А.** К изучению древней восточномалоазийской этнонимии //ВДИ 1962, № 1, с. 62, 63.

ны «Хабхи» (*Хапхи*). Это наименование тоже можно сопоставить с самоназванием убыхов, учитывая наличие значительного абхазо-адыгского слоя в топонимике тех мест²⁹⁰.

Что касается этнонима убыхов, происходящего от обозначения горной местности, говоря словами И. Бларамберга — «Местечка Убых» (на картах «Поляна Убых»), то у Л. И. Лаврова дано уточненное его местное название. Как он пишет, одно из урочищ Верхней Убыхии называлось «Убых дуэхэа», что означало «Поляна Убых»²⁹¹, но ссылки, откуда происходит это сведение, у него нет (вероятно, оно взято им из карт). Все это повторяется и другими авторами, то же находим и у Дж. Н. Кокова со ссылкой на Л. И. Лаврова, но с заменой в самом слове *поляна* третьей буквы «э» на «а» — «дуахэа»²⁹². Этого названия поляны нет ни в словаре адыгейского²⁹³, ни в словаре русско-кабардинского языка²⁹⁴. Оно, а вернее первая его часть, является принадлежностью абхазо-убыхского словарного фонда. Слово *доа*, *адоа* — *дуы* в убыхском означает «равнина, открытое поле — простор»²⁹⁵. В том же значении оно функционирует и в абхазском языке — *адаы*, *адуы* — «поляна, поле, простор».

В свое время Ад. Дирр заметил отмеченное совпадение, объяснив его заимствованием слова в убыхский из абхазско-

²⁹⁰ Г. А. Меликишвили предлагает свое прочтение наименования этого этнополитического образования как Килхи. (*Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. С. 184.*)

²⁹¹ *Лавров Л. И. Этнографический очерк убыхов//Ученые записки АДНИЯЛИ. Т. VIII. — Майкоп. С. 6.*

²⁹² *Коков Дж. Н. Адыгские этнонимы. — Нальчик. 1979. С. 39, 47, 48; Его же. Из адыгской (черкесской) ономастики. — Нальчик. 1983. С. 288, 289.*

²⁹³ *Русско-адыгейский словарь. — М. 1960. С. 190, 644, 745, 985.*

²⁹⁴ *Русско-кабардинский словарь. — М. 1985. С. 580, 180, 665, 910.*

²⁹⁵ *Vogt Н. Указ. соч. Р. 116 (606).*

го²⁹⁶. Впрочем, В. А. Чирикба считает, что в данном случае не исключается и генетическое родство²⁹⁷.

Если опираться на данные Л. И. Лаврова о самоназвании убыхов термином «дуыхъы», то можно считать, что убыхи сами себя называли словом близким по значению к слову «поляна», т. е. называли себя «полянами», а близлежащие народы дали им имя по названию реки, и, урочища Убых. (Правда, мы не знаем, как точно называли его сами убыхи). Этноним убыхи, несомненно, связан с названием не только реки Убых, но видимо и урочища и горы Убых²⁹⁸. В ее верховьях, как можно предполагать, жила одна часть из массы наиболее «чистых» в этническом отношении горных убыхов. Между тем, привлекает внимание и второе (по Л. И. Лаврову) название убыхов, имевшее, по его данным, хождение у адыгейцев — «*аптуэхәуэ*»²⁹⁹, причем он делает сноску на 72-ю страницу статьи Услара. Но у последнего в его работе на с. 72, такого слова нет. Вместо него в его словари-ке адыгейского языка на с. 72, как название убыхов стоит слово «*апчјохъv*»³⁰⁰. Вероятно, Л. И. Лавров где-то слышал или выписал слово «*аптуэхәуэ*», но по ошибке приписал его П. К. Услару. Со словом же «*апчјохъv*» сложности и у самого П. Услара. В копии его рукописи, приложенной к статье «О языке убыхов», на 2-м месте в 3-тней строке снизу сначала написано «*арјохъv* =», но все это вычеркнуто и далее написано «*апчјохъv* = Убыхи». Таким образом, получается, что у убыхов, существовал и такой этноним,

²⁹⁶ **Dirr A.** *Die Sprache der Ubychen //Caucasica. F. V. — Leipzig, 1928, s. 28.*

²⁹⁷ **Чирикба В. А.** *Абхазские лексические заимствования в убыхском языке //Проблемы лексики и грамматики языков народов Карачаево-Черкесии. — Черкесск. 1986. С. 115.*

²⁹⁸ См. карты Генерального штаба 1942 г. и другие.

²⁹⁹ **Лавров Л. И.** Указ. соч. С. 6.

³⁰⁰ **Услар П. К.** *Черновые заметки о черкесском языке//В кн. Абхазский язык. — Тифлис. 1887. С. 72.*

который в самом тексте статьи нигде не проходит. Ошибка ли это? Понять трудно.

Здесь, вероятно, уместно вновь напомнить, что Л. И. Лавров еще в 1936 г. в своей статье, подводившей итоги его экспедиции 1930 года в Причерноморскую Шапсугию, привел самоназвание убыхов в форме $d_o - \partial q$ ³⁰¹. По-видимому, повторение этого этнонима, мы имеем и в его статье 1968 года, но в переложении на русский язык — как «*дуюхэы*». К сожалению, уже и тогда в 1936 г. и позже он не сослался на источник своей информации, — откуда был взят им этот любопытный этноним³⁰².

Обращает на себя внимание близость приводимых им терминов — «*дуюхэы*» (у Дж. Н. Кокова, как отмечено выше, это «*дуахэы*») и «*аптуэхәуэ*». Оба этнонима, якобы их самоназвание и название содержат в своем составе фактически трудноразличимые лабиализованные фонемы «*ду*» (*də*) и «*ту*» (*tə*). Как кажется, в последних словах, проскальзывает, а вернее присутствует самоназвание убыхов, зафиксированное в русском источнике где-то около 40-х годов XIX века, еще задолго до выселения убыхов, но опубликованное позже, как название убыхов у абхазов — *туахы*³⁰³. Однако в указанной статье по ошибке название убыхов у абхазов (что было их самоназванием) — дано названием страны, о чем уже писалось выше. Правильное самоназвание убыхов, как уже известно, подтвердилось позже исследованиями Ад. Дирра 1913 г. (хотя, может быть, оно было зафиксировано еще Аге Бенедиктсеном). Абхазы-садзы, а от них и остальные абхазы заимствовали их самоназвание в качестве названия убыхов, а страну (может быть и просто как какой-то регион Убыхии), называли Атвах (Атәах), что сохранилось в фолькло-

³⁰¹ Лавров Л. И. Из поездки в черноморскую Шапсугию летом 1930 г. // СЭ, 1936, № 4–5, с. 132.

³⁰² Его же. Этнографический очерк... С. 6.

³⁰³ Краткое описание страны... 1884, № 50.

ре абхазов³⁰⁴. Со ссылкой на Ад. Дирра этноним туахы (toaxh) приводит в своем словаре и Г. Фогт³⁰⁵. Проходит оно и в текстах самого Г. Фогта. В то же время, как видно, уже в Турции у убыхов, под влиянием окружавшей их адыгской среды, закрепился в качестве самоназвания и этноним убых. Например, в приводимом им тексте рассказа «Обманутый обманщик» (VII на с. 52) этнонимы туахы и убых взаимозаменяемы³⁰⁶.

Странно, что Н. Г. Волкова название апчиохы приписала абхамам, возможно ошибочно, случайно. «...Благодаря трудам П. К. Услара, — пишет она, — можно установить, что абхазы называли убыхов *apčjox'v*, а черкесы — *уббух*») и делает это со ссылкой на работу Услара П. К. «Абхазский язык». В то же время отмечает, что Г. Фогт «помимо термина убых (аубых) указывает термин туахы, который, судя по источникам первой четверти прошлого столетия, был абхазским названием страны убыхов — Туахы»³⁰⁷. Однако, как мы уже знаем, во-первых, этноним убых как самоназвание, появился у самих убыхов, как видно, только в Турции, под влиянием окружавшего убыхов адыгского населения, а во-вторых, что тоже уже не раз было отмечено, названием страны убыхов у абхазов был термин Атвах, а туахы было эндоэтнонимом. Этноним этот был самоназванием убыхов, что и отметил в своем словаре на сс. 195, 203 и других Г. Фогт, опираясь на исследования Ад. Дирра.

В связи с самоназванием туахы привлекают внимание два слова. Первое из них это слово, означающее реку, приведенное в

³⁰⁴ **Гожба Р.** Предания убыхского народа//Ж. «Алашара», 1986, № 11, С. 109 (на абх. яз.)

³⁰⁵ **Vogt H.** Dictionnaire de la langue oubykh. – Oslo. 1963. p. 195 (№ 1932), p. 203, № 2052; **Dirr A.** Die Sprache der Ubychen//Caucasica. F. V. – Leipzig, 1928. S. 23;

³⁰⁶ **Vogt H. P.** 52, 203.

³⁰⁷ **Волкова Н. Г.** Этнонимы... С. 63.

словаре Г. Фогта — *tʰaxʰa*³⁰⁸. Если сравнить фонетическое оформление этого названия со словом река, которое дано П. К. Усларом, то намечается интересная закономерность. П. К. Услар, не сумевший точно передать лабиализованный звук «*m*», передал его как «*nj*». Этому термину тоахоа соответствует усларовское апјохое. В таком случае и самоназвание убыхов туахы (должно соответствовать усларовскому *njox*. Таким образом *tʰaxʰa* это *a-njox*ое, а *tʰaxə* — *anjox* (*njox*, *nёх*, *пахы*). По-видимому, в основе самоназвания можно предположить название и реки — т. е. убыхи это или «люди [бассейна] реки Убых» — или просто «люди реки».

Здесь вполне оправдано вспомнить сообщение Ф. Ф. Торнау того времени, когда убыхи и их соседи по-прежнему занимали свои исконные земли. Оно имеет такое важное значение, что есть смысл напомнить его еще раз. «Убыхи живут не по берегу моря, а в верстах 15 и более в ущельях и долинах параллельной цепи гор, исключительно по р. Убых (?), простирающейся верст на 40 и впадающей в Шахе»³⁰⁹. Значит связь этих слов не случайна. Главные поселения горных убыхов были расположены вдоль как самой реки, так и в относящихся к ее бассейну долин и ущелий, видимо, начиная с горы под названием Убых, отмеченной на некоторых картах XIX в. Однако, как мне известно, ни в одном топонимическом современном словаре нет этого названия ни как обозначения горы, ни как обозначения реки, где указывалось бы современное их название. В самой реке Убых возможно следует видеть реку Бзыч, протекающую в пространстве между реками Сочи и Шахе в верхнем и среднем их течении, однако исток ее находится далеко в стороне от горы Убых.

³⁰⁸ Vogt H. P. 195 (1933).

³⁰⁹ ЦГВИА ф. 90, оп. 1, д. 120, л. 2; (См. и: Н. Г. Волкова. Этнический состав населения Северного Кавказа. С. 78, 79).

Странно, что Л. И. Лавров, зная труды Ад. Дирра и Дж. Дюмезиля, о чем сам пишет еще в статье 1936 г.³¹⁰, сноска на их материалы не дает, а словарь Ад. Дирра как будто бы не использует, хотя читал его, а этноним *туахы* все же не приводит. Вместо него он дает, как уже отмечалось, «*дуыхаы*», заменяя *ту* на *ду* (*t^o* и *d^o*), так же, как и в случае со словом *поляна*, правда с оговоркой, что первая фонема «д» «представляет собой звонкий губной дрожащий звук».

Итак, сами себя убыхи называли «*туахы*», а по свидетельству Л. И. Лаврова «*дуыхаы*», явно одним и тем же словом, что могло означать или «*поляне*» или «*речные*». Из соседних племен, видимо, лишь абхазы именовали этот народ по их самоназванию «*туахы*», а саму Убыхию или ее какую-то часть — «*Атвах*» (*Атәах*), население же приморской части называли садзами, распространяя его иногда и далее на северо-запад. Уже в начале XX века название *туахы* среди абхазов редко кто помнил, и оно часто заменялось названием рода Аублаа, ближайших соседей убыхов со стороны абхазских племен. Что же касается названия убыхов по роду Агухоуа, то оно в то время, было, кажется, единственным сообщением Захара Шакирбай, жителя с. Багбаран Адольфу Дирру, у которого рядом с этим, якобы этнонимом, в скобках стоит приписка: «сомнительно»³¹¹. По всей вероятности, она была сделана им после неоднократного опроса многих жителей. Впрочем, впоследствии оно, как название убыхов у части абхазов, закрепилось. Агухоуа, редкая теперь крестьянская фамильная группа еще представлена одиночными дворами в составе населения двух селений Бзыпской Абхазии — Дурипша и Джирхвы.

³¹⁰ Лавров Л. И. Из поездки в Черноморскую Шапсугию. С. 130, 131.

³¹¹ Дирр А. М. Список имен, фамилий, названий народов и имен животных у абхазцев, мингрельцев и дагестанцев//СМОМПК Вып. 44. 1915. С. 11.

Дж. Н. Коков приводит и этноним «пёкх», которым, по его словам «тоже обозначают убыхов»³¹². Однако, кажется, кроме Ю. Месароша, название убыхов в такой форме никто больше не давал.

Шапсуги, как пишет, Дж. Н. Коков называли убыхов еще и словом «мыгу», а по П. К. Услару адыги же (возможно какое-то одно из племен) и термином «апчѣохы»³¹³.

Дж. С. Белл называл убыхов, а вероятнее всего, жителей нижней Убыхии термином «абаза» (на своей карте Убыхию он поместил высоко в горах и даже заходя за хребет).

Л. Я. Люлье, прекрасно знакомый с этнической ситуацией Черноморского побережья констатирует, что черкесы прибрежных убыхов «называют Абадзе; живущих же на верховьях речек к хребту — Убыхами», но под названием — «Абадзе-чиль», т. е. абазинские народы объединялись абадзехи, шапсуги и натухайцы. Вероятно, к этой группе народов, не имевших князей (именно по этой причине) причислялись видимо и убыхи. Имевших же княжеское управление Л. Я. Люлье называет азег, в число которых у него входят и садзы, и жители владетельской Абхазии, включая сюда и всех переселившихся на Северный Кавказ абазин³¹⁴.

Как считает П. К. Услар, «...приморские племена, в том числе и убыхи, слывут у адыгов, живущих за хребтом к востоку и далее за Кубанью, под именем абаза или абадза. Это объясняет, почему Белл назвал этим именем убыхов. Притом, как отмечено выше, убыхи называют все народы, говорящие на абхазских наречиях адзыге [адыге ср. с этнонимом зиги] — это название распространено также и между шапсугами, натхокоаджь и абадзех;

³¹² **Коков Дж. Н.** Из адыгской (черкесской) ономастики. С. 289.

³¹³ **Услар П. К.** Черновые заметки о черкесском языке. С. 72.

³¹⁴ **Люлье Л. Я.** Общий взгляд на страны, занимаемые Черкесами (Адыге), абхазцами (Азег), и др. С. 9, 10.

хотя неточно, но приближенно выражается оно через *adzreha* и, как я полагаю, записано у Белла в виде *azra*»³¹⁵.

Согласно Л. Я. Люлье, в число народов группы Абадза включали иногда бжедугов, мохошевцев и жанеевцев, хотя они и управлялись князьями и жили за хребтом. Л. Я. Люлье, как он пишет, пытался узнать причину, «но не мог получить удовлетворительного объяснения». Поэтому он сам объяснял это бывшим их пребыванием в различных пунктах морского побережья [явно задолго до Бзюкской битвы]: «Жанеевцы жили в долине Цемезь, бжедуги — в долине Туапсе» и Мохошевцы когда-то «тоже жили на южном склоне Кавказских гор»³¹⁶.

3. Топонимика

Топонимика района Большого Сочи и его окрестностей, да и вообще всей бывшей Убыхии все еще очень слабо изучена. Это объясняется не только причинами субъективного, но и объективного характера.

Во-первых, за много лет, прошедших после выселения коренных жителей, национальные географические названия подвергались или почти полному разрушению, и драгоценнейший «язык земли» переставал существовать, или же испытывал такие искусственные трансформации и видоизменения, что восстановить их прежний облик уже практически не представляется возможным.

Во-вторых, территория, о которой идет речь, представляет собой сложнейший этнокультурный уголок, где в течение веков сталкивались, оставляя свои следы несколько разных племен, языков, а возможно и культур, и разобраться во всей этой

³¹⁵ Услар П. К. О языке убыхов. С. 78.

³¹⁶ Люлье Л. Я. Указ. соч. С. 11.

амальгаме, да еще и при крайней ограниченности исторических источников, дело, разумеется, очень трудное.

В-третьих, в существующей научной литературе много противоречий, предостаточно и просто необоснованных мнений, гипотез и догадок, особенно по щепетильному вопросу об этнической принадлежности тех или иных топонимических фактов и «примирить» сторонников, скажем, убыхской, абазинской, абхазской и черкесской точек зрения, рассчитывающих на свою, подчас мнимую, непогрешимость, задача тоже почти невыполнимая.

В то же время, положение в этом отношении усугубляется еще и внутриубыхскими сложностями. Как уже было сказано выше, горские аулы чаще всего получают свои названия от долин и близлежащих рек, а также от почетных фамилий, отчего часто одно и то же место имеет два или три названия.

Оставляя поэтому в стороне историю этого вопроса, ограничимся лишь некоторыми общими краткими замечаниями, связанными, в частности, с теорией Л. И. Лаврова.

Отмечая факты параллельного существования названий местностей у северо-кавказских абазин и на Черноморском побережье в районе Сочи–Туапсе — фамилии абазинских князей Лоо и одноименной речки и местности северо-западнее Сочи; старое название абазинского селения Псыж-Дыдрыкьвай, также имеющее свою параллель в названии одной из речек между Сочи и Туапсе, и другие, Л. И. Лавров приходит к выводу, что «географическая номенклатура Адлерского, Лазаревского и Туапсинского районов Краснодарского края носит абазинские следы, причем при параллельном существовании одинаковых терминов среди северокавказских абазин и в упомянутых районах побережья, более древними оказываются вторые. Данные топонимики подтверждают, как и исторические предания, что северокавказские абазинцы некогда жили на Черноморском побережье северо-западнее Абхазии: предки шкаравцев обитали

примерно от Гагр до Адлера и Мацесты, а далее на северо-запад обитали предки тапантовцев»³¹⁷.

Однако мнение о таком широком распространении именно абазин на указанном участке Черноморского побережья Кавказа, по существу отрицающее автохтонность садзов, является сомнительным, как и утверждение о том, что в XIX в., «убыхский язык сохранился только в горах, а не на побережье»³¹⁸.

А в другой своей работе Л. И. Лавров полностью отождествляет джигетов (садзов) с абазинами. Например, он пишет: «Значительное смешение убыхского населения с соседними адыгейскими и абазинскими племенами не позволяет указывать точные границы этой территории»³¹⁹. Вслед за Л. И. Лавровым отождествлять садзов с абазинами стал целый ряд ученых и краеведов.

Подобные безоговорочные утверждения вызывают некоторые возражения. В самом деле, известно, что не только в XIX в., но и значительно ранее абазины в основном жили уже на Северном Кавказе, а следовательно, смешиваться в это время с убыхами никак не могли. Известно также, что абазинский народ делится на две группы — ашхарцев и тапанта, а общим их самоназванием в настоящее время является «абаза». Никогда они не называли себя ни «джигетами», ни «садзуа». Бесспорным, является также идентичность джигетов и садзуа. Последнее название, хорошо известное абхазам и теперь, обнимало собой население, как видно, примерно от Гагры до водораздела между рр. Сочи и Псахе, а может быть и далее, учитывая топонимику, захватывающую частично территорию Нижней Убыхии и далее, тогда как для обозначения абазин и занимаемой ими территории абхазы издавна употребляют другие специаль-

³¹⁷ **Лавров Л. И.** «Обезы» русских летописей. С. 163, 164.

³¹⁸ **Там же.** С. 166 (прим. 23).

³¹⁹ **Лавров Л. И.** Этнографический очерк убыхов // Уч. Зап. АдНИИЯЛИ. Том VIII. — Майкоп. 1968. С. 5.

ные термины — этноним «ашвуа» (ашәуа) и название страны «Ашвы» (Ашәы), локализуемое ими только на Северном Кавказе. Из этого вытекает, что абазины и садзуа (джигеты) — разные абхазоязычные племена, как по особенностям своего языка, так и по занимавшейся ими территории. Причем, как установлено специалистами, один из двух диалектов абазинского языка (ашхарский) стоит ближе к южно-абхазскому (абжуйскому) диалекту, да и в тапантском есть явные следы влияния картвельских языков³²⁰. К тому же абазины, следуя своим изустным преданиям, выводят себя или из Псху или из района Сухума (Соҭум), которым часто называют всю Абхазию.

Но все это, скорее всего, является результатом терминологической путаницы, явившейся отчасти следствием старой традиции слишком расширенного толкования этнического и территориального содержания термина «абаза», «абазины», «абазинцы». Так, например, Ф. Ф. Торнау называет все население от реки Сочипста до реки Ингур абазинцами. Подчеркнем еще раз, если бы район Гагра — Сочи населяли прежде только абазины, то ближайшие к ним абхазские племена называли бы эту территорию Ашвы, а не Садзуа (Садзен), а садзов пришлось бы нам тогда искать где-нибудь в другом месте. В жителях же Садзена (Джигетии), несомненно, надо видеть садзов. Следует также учесть топонимику Очамчирского и Гальского районов, где во множестве встречаются места, связываемые с абазинским миром (Кячь, Кечь, Речь, Клыч, Члоу, Сиды и многие другие), а эти факты Л. И. Лавров и его последователи не приводят³²¹. В этом отношении представляет интерес текст анонимного автора второй четверти XIX в., очерк которого был опубликован Е. Фелициным: «...страна, заключающаяся между главным

³²⁰ **Чирикба В. А.** Расселение абхазов в Турции (Приложение к кн.: *Инал-Ипа Ш. Д.* Садзы. С. 260, 262, 267, 271, 273, 276, 277.

³²¹ **Тхайцухов М. С.** Очерки истории Абхазии конца XVIII–XIX вв. — Сухум 1992. С. 124–155.

хребтом Кавказа, Черным морем, рекою Сочи и ограниченная с севера округом Туапсе, разделяется на две смежные полосы, отличающиеся одна от другой как физическим характером, так и населением. Первая состоящая из земель береговых, занята несколькими независимыми обществами, как **племена асад-зуа или сочи**, распространившимися из-за реки того же имени до округа Хизе...»³²².

Чтобы составить себе наглядное представление об общем характере географической номенклатуры междуречья Бзыбь — Сочи (в основном территория исторического Садзена, населенного садзами), мною была составлена топонимическая таблица, по полевым записям, а также картографическим и литературным источникам³²³. К сожалению, многие из приводимых названий искажены, не знавшими местных диалектов авторами, до неузнаваемости. Но немало и таких, которые зафиксированы по возможности точно и представляют большую ценность для изучения истории и этнографии края. Среди них выделяется значительная группа поддающихся расшифровке названий с абхазскими основами и оформленных локативным та (*та*) и другими абхазскими суффиксами («*ра*», «*ашта*», «*пишь*», «*апста*» и др.), что делает бесспорной их принадлежность к абхазо-садзской лексике. Таблица включает свыше 120 названий рек, гор, населенных пунктов и других местностей. Приводить их здесь не представляется возможным, да и особой надобности в этом нет, тем более, что многие примеры уже приводились выше, а интересующийся может с ними ознакомиться в указанной выше работе автора этих строк³²⁴. Обобщая же все эти материалы с точки зрения их этнической принадлежности, можно с полной

³²² «Кубанские областные ведомости», 1884, № 50.

³²³ **Инал-Ипа Ш. Д.** Убыхи и их этно-культурные связи с абхазами // **Инал-Ипа Ш. Д.** Страницы исторической этнографии абхазов. — Сухуми. 1971. С. 283–290.

³²⁴ **Там же.**

уверенностью утверждать, что местная топонимика представляет собой чисто абхазскую (точнее садзскую) без какой бы то ни было особой инородной примеси. Топонимика же северо-западнее является уже частично смешанной (садзско-убыхо-черкесской), включая и топонимику самого Большого Сочи, с названием которого связано и название абхазского княжеского рода, сохранившегося в Турции, а в Абхазии лишь в фольклор — Швача (Шэача), на названии которого хочется остановиться особо.

Сочи. Название известно в невероятно большом количестве вариантов. Последнее объясняется исключительно сложным в фонетическом отношении его звучанием. При этом название реки, общности проживающих там людей и селений, совпадают. Как только не записывалось это название людьми, для которых звуки, из которых состоит слово, являются совершенно чуждыми и неуловимыми: Соча (Челеби); Chacha Шаша (Пейсонель); Шочу-кале (Гюльденштедт); Сочук-кала (Географический месяцеслов 1771 г.); Сочук-кале (Новый и полный географический словарь 1788 г.); р. Саше (Клапрот), Саша (С. Броневский), Соцва (Л. Лавров), далее идет Сочи, Сшаче, Шача, Суча, Сучали, Соатше и т.д.

Город Сочи по-абхазски читается как Швача или Шуача (*Шэача* ср. с названием реки *Суча-ли*), что фактически засвидетельствовано уже и у Челеби, и у Гюльденштедта — Соча и Шочу-кале. Шапсуги называли его словом Шэаше или Шаче (Шаша, Шача)³²⁵. Эта местная форма лежит в основе и современного названия «Сочи». У некоторых дореволюционных авторов оно иногда выступало в виде «Сбча», но чаще как «Сочá». Последнее и ударением и оформлением фактически повторяет собой абхазское название города. К. И. Коченовский в своем справочнике о Сочи, изданном в 1913 году, пишет: «Во время борьбы

³²⁵ **Коков Дж. Н.** Из адыгской... с. 91, 92 со ссылкой на **Керашеву З. И.** Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. — Майкоп. 1957. С. 137.

русских с черкесами нашему Сочи, уже под именем Соча, пришлось играть особенно заметную роль»³²⁶. Один из старейших жителей Сочи доктор К. А. Гордон, живущий в этом городе с 1902 года, писал в своих рукописных воспоминаниях, что еще в начале текущего столетия многие сочинцы продолжали называть свое местечко «Сочá» или реже «Сóча».

Вполне вероятной является генетическая связь термина Сочи с абхазским языком. Кетеван Виссарионовна Ломтатидзе также считает этот топоним абхазским по происхождению³²⁷. Как мы видели, еще в начале XX века в некоторых источниках «Сочи» продолжает фигурировать в своей абхазской форме — Сочá, выступающей у абхазов в двух вариантах — Шуача (*Шәача*) и Хышвача (*Хышәача*), что в дословном переводе с абхазского означает «Трое + сочье» или бзыб. *Хышәача* — Головное Сочи»³²⁸.

К абхазскому происхождению топонима Сочи склоняет и вторая часть названия одноименной реки, у устья которой раскинулся современный город — Соча-пста (Шәачапста). Эту форму мы находим не только в ранней работе анонимного автора и в своих полевых материалах, но и у того же К. И. Коченовского, сторожила и знатока Сочи. Он пишет: «Река Сочи-пста», «лесистый берег «Соча-пста»³²⁹. «Соча-пста» встречается и на картах, и во многих литературных источниках, например, в статье «Краткое описание страны, лежащей к северу от реки Сочи-

³²⁶ **Коченовский К. И.** Сочи. Исторический очерк. Общее описание города. Окрестности города. — Петербург. 1913. С. 4.

³²⁷ **Ломтатидзе К. В.** Некоторые вопросы этнонимии и топонимики Абхазии в связи с работой Павле Ингороква «Георгий Мерчуле»//«Мнатоби», 1956, № 2, с. 133, 134 (на груз. яз.).

³²⁸ Некоторые объясняют название Сочи-Швача, как «место, где жили 100 ачбовцев». (*Шәача-шә* = *ча-шә* = *чаа шфык Ачаа ахьынхоз*).

³²⁹ **Коченовский К. И.** Указ. соч. С. 2.

пста», в статье Н. В.³³⁰, в «Лоции Черного моря 1851 г.»³³¹, на карте А. Менда и в др. Ни в убыхском, ни в адыгских языках, насколько мне известно, нет слова «апста» и, ни в указанном, и ни в каком другом значении оно в них не встречается. Следовательно, это абхазское слово, где «пс» (п̄с) — древнее абхазское название воды и реки³³², а «та» (т̄а) — абхазский локативный суффикс, вместе обозначают «место воды» или «место реки», т. е. ущелье.

Приведем примеры гидронимов с основой «а-пста» (п̄ста), некоторые из которых уже приводились выше, но вот более полное их представление:

Сочипсы или Сочап̄ста³³³ (от абх. *Шәачап̄ста*) — «ущелье р. Сочи» и сама река.

Багиап̄ста — (*Багиап̄ста*), речка или ущелье Баговых³³⁴. Находятся рядом с долиной Чмитокуадж (Шмитокуац) за р. Шахе. (Содержит и абхазский притяжательный префикс «и»). В основе лежит название рода Баг, в форме Багба распространенное во всех районах Абхазии, а в прошлом и в Садзене.

Мдапста (*Мдап̄ста*)³³⁵ — урочище, расположенное недалеко от Головинки, надо думать происходит от Мдавеи или названия рода Мдаа или Маад-ипа, сохранившегося в Турции.

Боапста (*Боап̄ста*) — речка Бу/Буу, у которой расположен аул Хизе.

³³⁰ **Н. В.** Утверждение наше в Абхазии //Кавказский сборник. Т. XIII. — Тифлис. 1889. С. 380, 389.

³³¹ Опубликована в 1851 в г. Николаеве в типографии Черноморского Гидрографического Депо. См в кн. **Шакербай Г. З.** Абхазские топонимы Большого Сочи. — Сухуми. 1978. С. 38.

³³² **Бгажба Х. С.** Бзыбский диалект абхазского языка. — Тбилиси. 1964. С. 253, 254.

³³³ Дорожная карта Кавказского края, составленная в 1842 г. при Генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса. Название встречается и на других картах.

³³⁴ Карта **Рябова**.

³³⁵ **Там же**.

Шлабистага³³⁶ — Видимо происходит от названия абхазского рода Шлаб/Шларба где «р» абхазский показатель множества — и абста/апста соединение которых, дало представленную форму. Эта местность находится на правом берегу р. Сочи-пта. К подобным наименованиям относятся такие названия как Мацеста, Хуаста/Хоста с усеченной формой пста, что встречается и на территории Абхазии (*Гумиста, Ахыста* и мн. др.).

Садзскими по происхождению являются и такие названия рек как Субашдзе³³⁷, Фагуркуадзе³³⁸, р. Джабдзе³³⁹, р. Веядзи³⁴⁰, где окончания «дзи» или «дзе» — искаженное «дзы» является абхазским словом — вода, река, также как и древнее «псы». Названия с этим словом объясняются как «река Субашицев», «река рода Фагуа» (представители этого рода и ныне живут в Турции) и т. д. (Надо иметь в виду, что многие русские авторы, имея, как правило, проводников и переводчиков из мегрелов и грузин писали названия в грузинской форме, заменяя окончания в основном на букву е, так же как и в Абхазии — Лыхны писали как Лыхне, а названия рек и местностей на Севадзе, Ачардзе, Алахадзе, Жоадзе и другие). Впрочем, такое явление, т. е. окончание топонимов и гидронимов на «е» встречается и у шапсугов.

Привлекает внимание и старинное название реки Дагомыс, зафиксированное Дж. Беллем — Трамепсе³⁴¹, что означает «река Трамowych», известного абхазо-абазинского рода. Здесь, как кажется, следует обратить внимание и на название местности и общества Вардане (*Вардан*), а видимо в прошлом и реки под

³³⁶ Карта А. И. Менда.

³³⁷ Краткое описание страны, лежащей к северу от р. Сочи-псты // «Кубанские областные ведомости». 1885. № 1.

³³⁸ Там же. 1884. № 50.

³³⁹ Там же.

³⁴⁰ Там же. 1885. № 1.

³⁴¹ Люлье Л. Я. Общий взгляд... С. 10 (примечание 1).

тем же названием, что было зафиксировано на карте Манганари. Как видно, старое название реки к середине XIX в. уже было фактически утеряно и сохранилось только в названии округа. Не говорит ли этот факт о переселении на Северный Кавказ именно отсюда рода абхазо-абазинских князей, считавшихся ответвлением рода Маршанов, носивших название Варданиж-влара³⁴². По соседству с ним, как отмечено, судя по старой топонимике, жили Трамовцы о чем говорит старое название р. Трамепсе и Лоовы (река и селение Лоо), там же находилось и селение Лоупе или Дзепш³⁴³. Последнее может быть в прошлом звучало как Дзапш, собственно так, как и название абхазского княжеского рода Дзиапш-ипа?

На территории Убыхии немало названий поселений и местностей с абхазским оформлением на «-рипш»:³⁴⁴

Чимтрипш³⁴⁵ — округ Вея или Гоя.

Хрипш, Убиш-Хрипш³⁴⁶ — второе название округа Вардане, по имени владельца.

Цыхрипш³⁴⁷ — округ и река (от фамилии Цыхча).

Топонимы — композиты с основной *а-шьха* «гора» в качестве второго члена:

Бзычиашьха³⁴⁸ — (другое название — Чура), с нее берет свое начало р. Сочи;

³⁴² **Лавров Л. И.** Классовое расслоение и племенное деление абазин в XVIII–XIX вв. // СЭ 1948, № 4, с. 173; **Его же.** Абазины // КЭС I. — Москва. 1955. С. 29.

³⁴³ См. **Лавров Л. И.** Этнографический очерк убыхов. С. 7.

³⁴⁴ **Бгажба Х. С.** Указ. соч. С. 258. Однако полностью этот формант не расшифрован.

³⁴⁵ Краткое описание страны...//«Кубанские областные ведомости», 1885, № 1.

³⁴⁶ **Там же.** 1885, № 1.

³⁴⁷ **Там же.** 1884, № 50.

³⁴⁸ **Там же.** 1885, № 1.

Уушьха — гора и приток р. Сочи;

Магишьха — гора Маговых (ср. с названием абхазского дворянского рода Магъ);

Цанбишьха — в некоторых источниках Цандишха — гора рода Цан, Цанба, Цандба;

Детляшьха³⁴⁹ (абх. *Датлишьха*) — т. е. «гора Датла»

Пшакишхо³⁵⁰ (абх. *Пшакуашьха*) — пастбище на горе Пшакуа, расположенное к северу от горы Куш.

Названия святилищ с абхазским словом аныха, ныха (абх. «святилище»):

Аублаарныха³⁵¹ — переводится только с абхазского языка, в котором означает «Святилище (рода) Аублаавцев». В названии сохранилась полная местная форма имени рода — Аублаа. Находилось в центральной части Старого Сочи (совр. Батарейка)³⁵².

Олинуха — правильное название Алоуныха, т. е. «святилище рода Алоу», у реки Лоо с храмом IX–X вв. типа церковью абхазской школы византийской архитектуры.

Цанык или вернее Цаных — т. е. «святилище рода Цан/Цанба. Местность у речки Цанык (правый приток Мацесты), юго-восточнее реки Сочи.

Помимо приведенных выше примеров на территории от реки Шахе и до Хосты можно найти немало названий, в которых явно звучит абхазский элемент:

³⁴⁹ *Шакирбай Г. З.* Указ. соч. с. 26. Взято из отчета действительного. Статского советника Краевского.

³⁵⁰ *Там же.* С. 17.

³⁵¹ *Там же.* С. 14.

³⁵² Встречается и в виде названия Аублаанырхта на карте Черноморского побережья 1838 г. (Вставка М. К. Хотелашвили–Инал-Ипа).

Шхангереипацвареху (абх. Шхангереипаца рхуы — *Шхангере-иҭацџа рхәы*)³⁵³ — переводится только с абхазского как «холм сыновей Шхангерей», название зафиксировано на картах между Сочи и Дагомысом, на территории общества Псаха³⁵⁴. В нем также присутствует абхазский притяжательный префикс «и».

Архышна-Аху (*Архышьна-хәы*) — локализуется на р. Сочи, в 5,5 верстах от ее устья³⁵⁵. Тоже переводится только с абхазского и означает «холм надочажной цепи». «*Архышьна*» — по-абхазски означает надочажную цепь, а «*аху*» — холм, горка, возвышенность), абазины же надочажную цепь называют словом «рахчина».

Арындзаа рцута (*Арынзаа-рцутџа*) — переводится тоже только с абхазского: «поселок [садзского княжеского рода] Арындзаа или Ариндзаа», к востоку от Сочи. Представители этого рода ныне живут только в Турции.

Бытха — абх. *Бытхәа*, т. е. «холм [рода] Бытовых», Бытба, но может означать и «камень Быты» (*Быт-ихахә*). То же название носят и следующие местности Абхазии — одна в с. Аацы Гудаутского района и вторая в Псху — Бытха.

Ареда — микрорайон г. Сочи (за вокзалом); название происходит от имени абхазского княжеского рода Аред (Арыд, Арыдба, Арыдаа), первоначальная основная резиденция этого рода была расположена на месте нынешнего Адлера, название которого также с ним связано.

Чухукт — в Лазаревском районе было село и река под таким названием (полная форма по-абхазски *Чухәыт*), где окончание является сокращенным абхазо-абазинским словом «кыт» «кыта» — село. Значит, термин означал село рода Чух. Род Чух и

³⁵³ **Бгажба Х. С.** Бзыбский диалект абхазского языка. С. 258, 259.

³⁵⁴ Карта **А. И. Менда**.

³⁵⁵ **К.** Обзор событий на Кавказе в 1851 году//«Кавказский сборник» Т. XX. — Тифлис. 1899. С. 32.

ныне проживает как в Шапсугии, так и в Абхазии в с. Мгудзырхуа Гудаутского района.

Наличие большого абхазоязычного слоя в топонимике центральной части Большого Сочи и его ближайших окрестностей, при полном отсутствии какой-либо иноязычной субстратной основы, объясняется, на мой взгляд, только тем, что абorigенами в этом секторе побережья были засвидетельствованные и в исторических источниках абхазоязычные племена, которым и принадлежит созданный ими в продолжение долгих веков здешний весьма выразительный «язык земли», а убыхи, обитавшие издревле в высокогорных местах верховьев Шахе — Сочи, и только частично в предгорной низменной зоне, лишь сравнительно недавно (самое позднее средневековье) спустились с гор и заняли приморские селения, подчинив себе местное население. И их политическое верховенство сохранялось здесь вплоть до 1864 года.

4. Из убыхской антропонимии

Как видно, убыхов с абхазами сближает и ономастика, и родоплеменной состав населения. У тех и у других встречается немало общих фамильных и личных имен местного происхождения. Таковы, например, фамилии Вардан (одно из убыхских обществ, как указывалось выше, называлось Вардан, Варданэ), Сомехо (абх. *Самахьуа*), Чизмаа и некоторые другие родовые имена с окончанием на -маа или -аа. В преданиях абхазов, например, в песне героини из поэмы И. Когониа «Абатаа Беслан» нередко упоминания об убыхских «бырзыках», «бырзыкской молодежи» (этноним бырзык ср. с названием древнего причерноморского племени бизеров). Шапсугские старики приписывают к убыхам и род Маршан (по убыхски он назывался Мершье Мершьене

или Мершь). Представители его в качестве одной из сильнейших абхазских княжеских фамилий встречались и в Абхазии, в основном в горных частях страны, например, на территориях верховьев и в среднем течении реки Кодор, на Бзыпи и Мдзымте в непосредственной близости от убыхов. Они господствовали в Цебельде и Дале, в Псху и Ахчипсоу, Аибге и Чужгуче, кажется и у Цвиджа, т. е. у всех медовеевцев. Господствовали они и у северокавказских абазин, где были известны под именем Марчан (интересно, что слово марчан у них означало и самостоятельное слово в значении — князь).

Дюбуа де Монпере между реками Сапсе (Шапси) и Соча (Сучали) упоминает приморский убыхский аул Дзиаш, по-видимому центр рода Дзиаш или Дзиапш, который может быть сопоставлен с абхазским княжеским родовым именем Дзиапш-ипа (селение Дзепш или Дзиаш упоминается у устья р. Лоо). Большую причерноморскую родоплеменную группу представляли Кяхе — ветвь шапсугского племени, доходившая до реки Шахе, составлявшую их границу с убыхами (ср. с абхазской крестьянской фамилией Кяхьба). На Шахе жили также хакучи (ср. с абхазским лично-родовым именем Хакуцв). Общими являются и многие мужские личные имена, причем, патронимическим показателем происхождения является «**ипа**» — «его сын» (хотя возможно, слово ипа является давним заимствованием убыхов из абхазского). Например, предводитель партии убыхов из более чем 1000 человек, совершивший нападение на Абхазию летом 1823 года, носил имя Сааткери Адагуа-ипа Берзек, то есть «Сааткери, сын Адагвы, из рода Берзеков». Здесь вполне возможно отразилось название патронимии Берзек — Адагуевцев.

Общими являются также имена Хатажук, Шоген (абх. Шогъан), Керантух (абх. Кенардук, Керандух), Едик (абх. Едыгъ, Едыгъа, Едгъы), Шеулех, Солох (абх. Соулах), Эльбуз (абх. Албуз), Хапеш, Мызауч (абх. Мзауч), Каламат, Азамат, Куаблых и другие, причем большинство общих имен являются местными.

Ж. Дюмезиль, занимаясь убыхскими текстами, приводит ряд убыхских личных и фамильных (родовых) имён. Вот что он пишет о своём соавторе профессоре Айтеке Намиток: «А. Намиток живёт в настоящее время в Турции, в имении своей жены, в с. Тепечик-кёй, вилайет Баликесир, километрах в 30 от нескольких селений, где ещё говорят по-убыхски. Г-жа Намиток, которая является турецкой писательницей Хайрие Мелек Ханум, убыхка по происхождению, принадлежит и по отцу и по матери к двум знатнейшим дворянским фамилиям — к фамилии Хундж (Xunj) и к фамилии Зейшв (Zeyso)... Нижеследующие тексты записаны от мухтара (старшины) села Хаджи — Османа, где родилась Хайрие Мелек Ханум». А вот, что он пишет об Есенче: «Его зовут Тевфик Есенч. Ему 41 год, он один из лучших знатоков языка, преданий и обычаев своего народа. Его детское имя Хуриб, и он знает имена своих предков по материнской линии до шестого поколения. Отец его матери назывался Папиж, отец последнего — Кукужв, отец последнего — Цику, отец его Хулеч, отец его — Пшьелии. Папиж был в числе тех, кто в 1864 году совершил драматическое выселение из Кавказа в Турцию под предводительством фамилии Хундж и их вассалов Циув. Они-то и основали селение Хаджи Осман-кёй»³⁵⁶.

В приведённом дюмезилевском перечне даны шесть убыхских мужских имён: Хуриб, Папиж, Кукужв, Цику, Хулеч, Пшьелии. Надо полагать, что автор записал их правильно, насколько это позволяла применяемая им транскрипция.

Весьма знаменательным является то, что информатор французского профессора знал имена своих предков именно и только по материнской (а не по отцовской) линии (до шестого поколения), а это, по-видимому, представляет собой отражение очень древней (матриархальной) традиции.

³⁵⁶ Дюмезиль Ж. и Намиток А. Убыхские рассказы. — Париж. 1955. С. 1.

В моих записях имеются имена и фамилии двух сочинских убыхов: Куше Щехурха и Хотха (ср. абх. Хатхәа), Самп (ср. абх. имя Сампал). К ним можно добавить имя Хатажук³⁵⁷.

Ниже приводится, к сожалению, очень небольшой алфавитный список имеющихся в моём распоряжении имён, записанных, по-видимому, не всегда точно. Кроме того, конечно, не все они являются оригинально-убыхскими. Значительная часть из них принадлежит черкесскому (Алхасоко, Мсоуст и др.), абхазскому (Керантух, Куаблыху, Сагъаса и др.) и, особенно, арабо-турецкому (Али, Ахмет, Хасан, Мухаммед и др.) ономастическому фонду, из которого в продолжение последних десятилетий обильно черпали убыхи свои как мужские, так и женские имена.

1. Адагуа (в абхазском означает «глухой»)
2. Азамат (Азамат)
3. Алецук или Амцук (абх. Алтцыку)
4. Али-бей
5. Алхасоко (абх. Алхас)
6. Амин-Герей (Амин-Гирей)
7. Ахмет
8. Баракай
9. Берекет (Берекъет)
10. Биарслан
11. Браккву (Баракку) (?)
12. Гужв (Гәажә)
13. Дечере
14. Джамбулат
15. Догомуко, Дагумоко (видимо от Адагуа) (Дагомуко отсюда и название рек Зап. и Вост. Дагомыс).
16. Есендж (Есенць)
17. Жвыде (Жәыде)

³⁵⁷ Вспомним, что эта работа начинается с описания трагической судьбы молодого убыха под этим именем.

18. Зейф
19. Иакуб (Иакуп)
20. Ильяс (абх. Алиас)
21. Измаил, Исмаил-бей
22. Иух
23. Каламат (Ѓаламат)
24. Керентух, Керендук (абх. Ѓьарантыху), Герендук, может быть, Генартук или Генатрук
25. Кесербий
26. Кеч (Ѓьеч, Ѓьач) сравни с садзской фамилией Ѓьач, Ѓьачба, Гечь, Ѓьечь.
27. Куаблыху (абх. Куаблыху)
28. Кукужв (ЃуЃужә)
29. Куще
30. Ѓыпажь (Ѓапажь)
31. Маго (ср. с абхазской дворянской фамилией Магь, Магьба)
32. Мату
33. Меджикв (Меҗьы҃ку)
34. Мисоуст (абх. Мсауст)
35. Муса (абх. Мыса, Муса)
36. Мухаммад
37. Мызауч (Мызауч, абх. Мзауч,)
38. Омер (абх. Омар)
39. Папиж (Папыжь)
40. Пшакаа (Пшьакаа)
41. Пшауныква (Пшьауны҃кәа)
42. Пшелий
43. Сааткери (Саатҗьери)
44. Сагьаса
45. Сенчер
46. Схапылха
47. Тарши (абх. Таршы)
48. Таши (абх. Ташы)

49. Тевфик
50. Тхыгуаз, Тугуз (Тхәыгуаз)
51. Уанчджа (Уанцџа),
52. Уанджа (Уанцџа)
53. Уачы
54. Фагу
55. Хаиквай (абх. Хәткәаӡ)
56. Хакуриа
57. Хамыта
58. Хапеш
59. Хасан, Хасан-бей
60. Хатажук (абх. Хәтажәыӡуа)
61. Хаиквай
62. Хәтӡуа
63. Хишвхуа (Хьышхуа)
64. Хотха (абх. Хәтхуа)
65. Хулеч
66. Хундж, Хунджа (Хунцџа)
67. Хуриб
68. Цику (Циӡу) (абх. Циаӡу)
69. Чиу (Чыу)
70. Швкумльа (Шәкумла?)
71. Швлыху (Шәлыху)
72. Швыкваасе (Шәыӡуаасе)
73. Шеулех (абх. Соулах, Саулах) (русское Солох)
74. Шоген (абх. Шоугъан)
75. Шурухуко
76. Эдик, Эдиг (абх. Эдгъы)
77. Эльбуз (абх. Албуз)³⁵⁸

³⁵⁸ В большинстве своём имена и фамилии даны по материалам стамбульского абхазского учёного и поэта Омара Бейгуа.

1. Мелек ханум — женское имя.
2. Мыркья (Мыркѡ) — женское имя
3. Хавва — женское имя
4. Хайрие — женское имя

4. Фамилии

1. Аринба — представлена теперь в основном только в Турции, очень редка в Абхазии.

2. Аткевя — в низовьях р. Шахе

3. Атмаа — (в Абхазии дворяне в с. Гуп Очамчирского р-на, считающие себя выходцами из Убыхии (ср. с селением Атмаа у Челеби)

4. Аублаа, Облагу, Аблагу — в Турции именуют себя только как Аубла/Аублаа (Облагу не знают)

5. Бабуко, Бабуково — Патронимия Берзек(г)ов

6. Берзек, Берзег, Барзек, Бэрзек, Барзаг, Бэрзэдж (Берзець)

7. Вардан³⁵⁹ — (абх. *Գարдан*), Юардан, Вардания

8. Гуая — вблизи форта Лазарева проходит то как племя, то как фамилия

9. Гуажба — (ср. абх. род Гэажэба). Представители его из бзыпского с. Хуап считают себя выходцами из Туахы, т. е. из Убыхии.

10. Дзиаа, Дзепш — у Лоупе (ср. абх. княжескую фамилию Дзапш-ипа, Дзиапш-ипа — *Զափշ-իփա*)

11. Диза, Дизаа — влиятельная, но не дворянская фамилия

10. Диде (Диде Хасан-Бей) — представитель нарождавшегося в Убыхии нового социального слоя богачей из вагышвей торговцев и пленопродавцов

11. Дишан (Дечен) — главенствующая фамилия в большом селении у устья р. Бзыч

³⁵⁹ П. Услар пишет — «Вордане» и считает, что это не фамилия, а «волость» или «коадж», а другая «область» — это «Саишѡ», у турок и русских называемое «Сочи» (Абхазский язык. С. 75).

12. Зейшв — знатная фамилия согласно Дюмезилю.
13. Кяхе — возможно, шапсугского происхождения, ср. абх. Кяхь, Кяхьбаа, Кяхьба
14. Мершье, Мершьене — абх. Маршьан, абаз. Марчан
15. Намиток
16. Пёх — фамилия и село у реки Псахе, в пределах большой общины Мутыхуаса.
17. Самп — (ср. абх. имя Сампҭал)
18. Самехо — ср. с названием вымершего рода абхазских преданий — Самахьуа.
19. Фагуа — жили на р. Западный Дагомыс
20. Ханешуко
21. Хапакх
22. Хундж (Хунц) — знатная фамилия по Ж. Дюмезилю
23. Чизамгва (по Ж. Дюмезилю) — то же, что и Чизма или Чизамогуа (дворянская фамилия)
24. Чизмаа (Чизма Омер) — ср. с абх. фам. Чизмаа и с абхазскими фамильными именами с окончаниями на -маа: Агумаа, Думаа, Атумаа, Козмаа, и др.
25. Шехурха
26. Шеулехуко
27. Эбжноу — фамилия и большое селение в верховьях р. Буу (ср. абхазскую фамилию Эбжноу в ряде сел Гудаутского района).

Перечень имён и фамилий, который, разумеется, приведёнными примерами далеко не исчерпывается, будет пополняться по мере дальнейшего собирания материалов и вообще изучения вопроса. Но даже такой ограниченный материал (который, к тому же, далеко не всегда, вероятно, зафиксированный точно) показывает, как много сходного между убыхской и абхазской антропонимией. Не меньше будет и убыхо-адыгских параллелей, хотя восстановление общего лексического фонда всех этих народов в области ономастики дело, наверное, не ближайшего будущего.

Обращает на себя внимание совпадение некоторых фамильных имён с названиями населённых пунктов. Например, фамильным именем Эбжноу называлось и селение в верховьях р. Буу, а самоназвание убыхов пёх являлось одновременно наименованием фамилии и сельской местности в пределах соседствующих с. Мутыхуаса — основной резиденции Берзеков Дагомуктовых на р. Сочипста. Фамильным же именем Дзепш называлось приморское селение, упоминаемое Дюбуа и др.

Последнее явление связано, вероятно, с широко распространённой древней традицией гентильного поселения: люди селились по родам, а территорию, которую они занимали, называли нередко по имени своего же рода, и в данном случае, по-видимому, все происходило так: существовал некогда убыхский род Пёх или Туахы, именем которого стали называть и место его обитания. Надо полагать, что в своё время он представлял собой большую и сильную общину или родоплеменную группу, поскольку название их рода (племени) превратилось и в самоназвание убыхского народа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТЕРРИТОРИЯ И ЧИСЛЕННОСТЬ УБЫХОВ

1. Вопросы территориального распространения убыхов

Одной из слабых сторон изучения прошлого народов населявших северо-западный Кавказ является их этногеография, включая этническую картографию и этническую демографию, то есть исследование их расселения в прошлом, определение их этнических границ (в целом и по частям), динамики их численности на различных этапах истории народа. Однако при этом следует отметить ограниченность и недостатки источников, которые представлены в большинстве своем описаниями авторов, имевших нередко смутное представление об особенностях местного населения.

Существуют разные принципы выделения этно-племенных территорий и установления этнических границ, основанные, в частности, на этническом самосознании населения, географии языка (включая историческую топонимику и названия родо-племенных групп), специфике народной культуры, религиозных верованиях, государственной принадлежности и др. Однако, в любом случае приходится считаться с неизбежными трудностями, связанными со значительной подвижностью эт-

нических границ, а также с далеко не всегда раздельным, а часто смешанным расселением, что полностью подтверждается и нашими конкретными материалами.

Если этнические границы, как правило, не совпадают ни с расовыми, ни с религиозными, то они совмещаются с языком, и с этнографическими особенностями соответствующих народов³⁶⁰. Однако, даже при этом дело осложняется тем, что соседствуют обычно очень близкие народы, в нашем случае — убыхи и черкесы с одной стороны, и убыхи и абхазы, с другой, которые неразрывно были связаны между собой по многим сходственным и даже тождественным чертам культуры и быта, частично вплоть до двуязычия каждой из групп.

Наиболее распространенная для группировки народов лингвистическая классификация имеет свои недостатки, так как в ее основе лежит лишь один из признаков народа — язык, что «не дает возможность учесть важные этнические процессы, одним из показателей которых является двуязычие»³⁶¹.

В подобных ситуациях не только язык, но и отдельные характерные элементы этнографической специфики могут выступать решающими признаками для выделения этнической территории.

В связи с очевидно быстрым изменением территории расселения убыхов в XVIII и XIX вв. (возможно, начавшимся еще в конце XVII в.), проследить этот процесс и рассматривать территорию убыхов было бы правомерно по данным источников в хронологическом порядке. Более ранние из них как будто дают основание предполагать присутствие убыхов не только в верховьях Шахе и Сочи, но и на Северном скате хребта, где их указывают в местности Туби.

³⁶⁰ Брук С. И., Козлов В. И., Левин М. Г. О предмете и задачах этнографии // СЭ 1963, № 1, с. 18.

³⁶¹ Там же.

Так, где же жили убухи? И где проходили их этнические границы?

Нелегко ответить на этот вопрос, а связано это не только с тем, что интересующие нас общности, в окружении которых жили убухи, как уже отмечено, и этнически, и территориально были настолько близки и взаимосвязаны, что «невооруженному» глазу с большим трудом удавалось заметить, где кончались пределы одной из них и начиналась территория другой. Ответ на этот вопрос осложняется и частыми изменениями мест проживания этих общностей в ходе истории, так как на этом отрезке региона наблюдалась большая мобильность населения, что было связано, в частности, с главным направлением «убухской агрессии».

В литературе до XVIII в. практически невозможно встретить не только данные о территории расселения, но и само название народа убухов. Существует лишь более или менее достоверная гипотеза А. Н. Генко, повторяемая затем и другими, согласно которой убухи сопоставляются с названием племени «вайяпига». Это племя было названо Эвлией Челеби в 1641 г. среди племен абаза на восточном берегу Черного моря, но, как он отмечает, было записано им по памяти. Горным обществом он называет садзов, но убухов вообще не упоминает. Термин, который был бы близок по звучанию к этнониму «убух» у Челеби отсутствует.

И позже достоверных сведений об убухах нет. Имя их всплывает в российском документе только в 40-х гг. XVIII века в списке «адыгских племен, отложившихся от Крыма», среди которых указаны и убухи³⁶². Однако, вряд ли это касалось убухов, живших в Закавказье, так как крымские завоевания никогда не распространялись на южные склоны западной части Кавказско-

³⁶² *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы... Т. II. XVIII в. — Москва, 1957. С. 143 (см. и кн. Н. Г. Волковой. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. — Москва. 1973. С. 63).*

го хребта. По этому документу можно судить лишь о том, что в то время какая-то, пусть и небольшая часть убыхов, проживала и за хребтом.

Пожалуй, одно из самых первых не просто упоминаний народа убыхов в российской литературе, но с указанием их приблизительной локализации, мы имеем в труде акад. И.-А. Гюльденштедта (1770–1773 гг.). Он пишет, что к древней Абхазии «принадлежат округа: Хирпиш, Чадши, Садсь и Аипга, кои у черкесов заключаются под общим именем Кушхаси, т.е. загорские»³⁶³. «Там повелевает паша, находящийся в крепости Сокум-кале»³⁶⁴, лежащей при Черном море. Обыкновенно он избирается из княжеского Абазинского рода Мудавия»³⁶⁵. А «Северо-западная Абхазия заключает в себя округа: Туби, Убух, Шапсих или Шапсо, Ахе и Кокуш (нижний или верхний Шапсо) при Хуадже и Сахи [Шахе] и при Кубанских реках, граничащих с Черкесскими округами Бжаною и Сатукаем. Турки поставили в крепости Шочукале»³⁶⁶, лежащей при Черном море, надзирателей над сими округами, кои, однако ж, мало оказывают им повиновения»³⁶⁷.

В «Географическом месяцеслове» на 1776 год, изданном в Петербурге при Императорской Академии наук отмечено, что «Сочук-кала»³⁶⁸ есть небольшое четырехугольною стеною огражденное местечко... подле которого хорошая гавань. Оно ныне главнейшее место в Абхазии, в котором турки имеют начальни-

³⁶³ *Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Из путешествия господина академика И.-А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 1771, 1772, 1773 гг.//Издание АН — СПб. 1809. С. 144.*

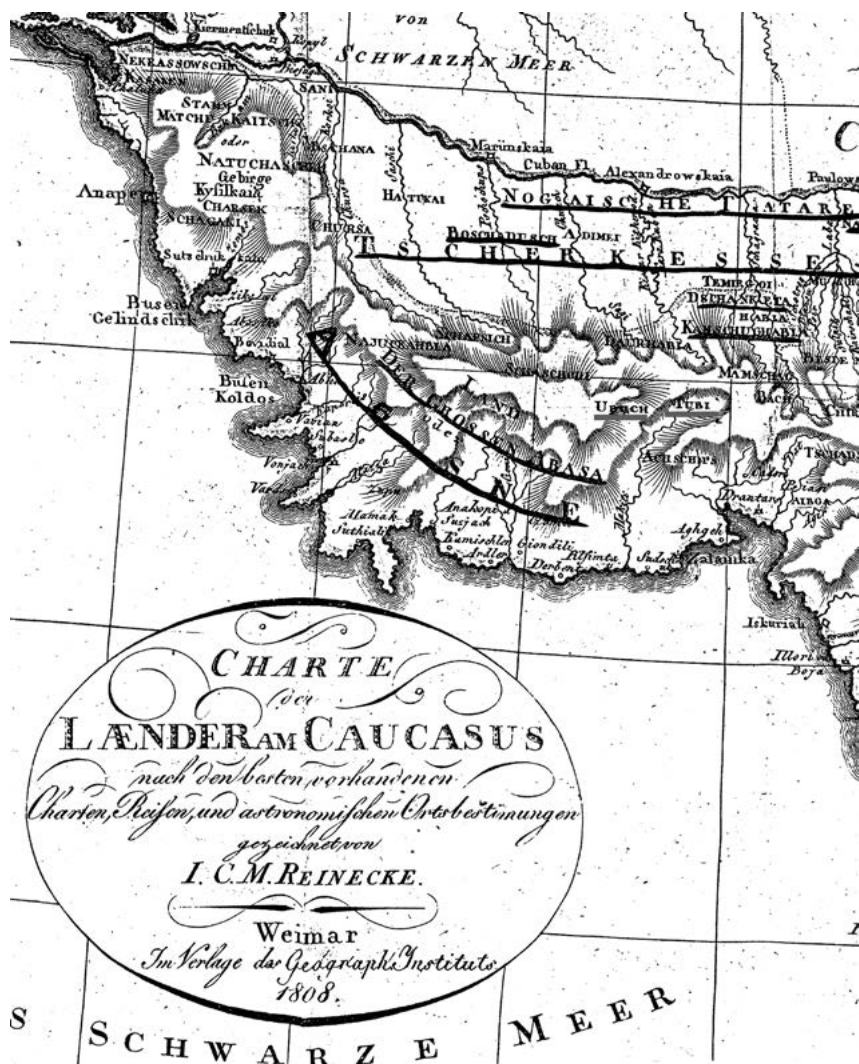
³⁶⁴ Сохум-кале.

³⁶⁵ По этому сведению становится ясным, что Садзен (Садзны) того времени входил в состав княжеской Абхазии.

³⁶⁶ *Гюльденштедт И.-А. Указ. соч. С. 144.*

³⁶⁷ Там же.

³⁶⁸ Крепость в районе совр. Сочи.

Фрагмент карты из Веймара 1808 года

ка... Сюда приезжают также для торговли и прочие абасинцы, особливо из уездов Шапсуха и Обуха из западного края Кавказских гор». Выходит, что в это время убыхов в районе Сочи пока не было.

Чуть позже местоположение этого народа появляется в «Новом и полном географическом словаре...». В этом лексиконе на северо-запад от абхазских «уездов» — Хирпс, Чаши, Садс, Аибга и Ахшипсе», которые, как там сказано, «полуденно западную часть Абхазии составляют», «следуют... уезды: Туби, Убух, Шаши и Шапсих, которые с черкесскими уездами Бжана и Гатукай граничат»³⁶⁹.

И в конце XVIII века в 1793–1794 гг. академик П.-С. Паллас, ознакомившись с Кавказом, написал об убыхах, как о народе, живущем у подножья гор к западу от абазы. Позже Л. Я. Люлье посчитал неправомерным смешение туби с убыхами и абадзе-хами, разъясняя, что «Туб есть название не племени, а местности, находящейся на верховьях абадзехской земли, населенной этими племенами. Убухи же в отношении Абадзехов живут за хребтом»³⁷⁰. Но надо учесть, что Л. Люлье ознакомился с ситуацией в этом регионе на несколько десятилетий позже П.-С. Палласа, а положение за этот период времени, как видно, уже изменилось. Кажется, к одному из ранних сведений можно отнести данные недатированного документа из материалов, собранных Археографической Комиссией Кавказа. В нем сказано что: «...на вершинах Белой и Шахе близ последних снеговых гор... живет племя убыхов, которое хотя и различествует много в языке, но в политическом и географическом отношениях должно быть причислено к Абадзе, живущим по Черному морю на реках

³⁶⁹ *Новый и полный географический словарь Российского государства или лексикон...* ч. I. (А-Д). — Москва, 1788. С. 2–4.

³⁷⁰ *Люлье Л. Я. Общий взгляд на страны, занимаемые черкесами (Адыге), Абхазцами (Азег) и с другими смежными с ними горскими народами // Черкессия. — Краснодар. 1927. С. 6.*

Саше, Субеше и Шахе», к натухайцам и шапсугам, которые живут «отчасти в смешении с натухайцами по Черному морю» и «к Абадзехам, живущим по реке Белой и впадающих в оную других речках»³⁷¹.

В 1798 г. совершивший путешествие на Кавказ Ян Потоцкий пишет об убыхах как об обитателях Северного Кавказа: «Обыхи (*Obykhy*), — пишет он, — проживающие к востоку (?) от балкарцев, представляют собой народ, отличающийся от черкесов и абазинцев»³⁷². (Здесь Я. Потоцким или переводчиком явно допущена механическая ошибка — запад заменен востоком).

К этой фразе Г.-Ю. Клапрот, сам позже ездивший на Кавказ (1807–1808 гг.), сделал следующее примечание: «Я думаю, что речь идет об убыхах (*Ouboukh*), которые вместе с туби (*Toubi*) населяют самые высокие и труднодоступные участки гор вблизи от истоков Шагваши и Пшаха до снежных гор в направлении Черного моря... Эти две народности говорят на одном из диалектов абазинского языка...»³⁷³. Таким образом, туби и убыхов (ср. т-уб-и с уб-ыхи) он считает одноязычными, а Л. Я. Люлье, хотя и позже, писал, как уже отмечено, что туби обозначает не отдельное племя, а только местность.

Почти то же самое Г.-Ю. Клапрот повторяет и в описании своего путешествия, с той лишь разницей, что название р. Пшах он заменил на Псах: «Туби или убыхи, говорящие на одном из наречий абазинского языка, живут в недоступных горах, в самых высоких местностях рек Шагваша (т. е. Белой) и Псах, вплоть до высоких снежных гор и Черного моря»³⁷⁴. Здесь совер-

³⁷¹ *Акты собранные Кавказскою Археографическою комиссиею. Том VII. Ч. II. — Тифлис. 1878. С. 904, 905.*

³⁷² *Потоцкий Ян. Путешествие в астраханские и кавказские степи // АБКИЕА С. 226.*

³⁷³ *Там же. С. 238.*

³⁷⁴ *Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии // АБКИЕА. С. 238.*

шенно ясно отмечено, что туби и убыхи фактически представляют собой один народ, говорящий на убыхском языке, который у него назван наречием абазинского языка. Из этих сведений становится ясным, что какая-то, скорее всего небольшая часть убыхов проживала и на северных склонах Кавказского хребта на территории, называемой Туби.

В середине первого десятилетия XIX в. Черноморское побережье посетил и феодосийский градоначальник Семен Михайлович Броневский. Описывая народности, населяющие Западный Кавказ в интересующей нас области, он выделяет Туби, Убыхов, Саша и Хуач (как видно хакучинцев). При этом и он вновь повторяет, что они «живут на вершинах реки Шад-гаше (Белой) в высоких горах», но причисляет их к северо-западной Абхазии. К старой же или Большой Абхазии, относит округа Хирпис (абх. Хрипс-куадж — цебельдинцы), Чаши, [как видно Псху], Садз, Аипга и Ахшипса³⁷⁵.

С 20-х годов XIX в. в литературе уже почти не встречаются указания на проживание убыхов на Северном Кавказе, но в более ранних документах и на картах можно усмотреть заслуживающие внимание сведения о нахождении убыхов и за хребтом. При этом следует помнить, что в этом регионе, на Северо-Западном Кавказе, была очень запутанная этническая ситуация. В этом отношении важное значение приобретают сохранные самими убыхами-махаджирами воспоминания о занимаемой

³⁷⁵ **Броневский Семен.** *Новейшие географические и исторические известия о Кавказе.* — Москва. 1823. (К ним же, по его мнению, принадлежат еще следующие колена: Арат-хважи, Баги, Ит(н)алкунпы, мадажви, Медовеи), Абзыпы или Псыпы. Как он пишет, восемь перечисленных им «колен» называются «горцами или горскими абхазами», составляя «многолюдную область», и добавляет: «те из них, которые ближе к морю, разбойничают в лодках... от греков называются ныне сии лодки мелексы, а от татар — чектармы». Это название «мелексы», почти повторяет греческое название лодок лазов — «монокси-лы», зафиксированное Эвл. Челеби (**Эвлия Челеби.** Указ. соч. С. 46).

Фрагмент карты ген. Хатова 1826 г.

ими территории на исторической родине. Жорж Дюмезиль с их слов пишет, что земли убыхов «границили с территориями всех сражавшихся народов: с шапсугами на северо-западе... с абадзехами на западе и севере, за горным хребтом; с абхазами на юге и по побережью и на продолжении их собственной территории, расположенной за горным хребтом»³⁷⁶, т. е. они помнили, что и за хребтом им принадлежала какая-то часть территории.

Посещавшие побережье по долгу службы, во время работы в Крыму Л. Я. Люлье и Тауш никаких сообщений об этнической ситуации на восточном побережье в ранний период не дают, хотя годами жили среди западно-кавказских горцев. Немец Тауш, не оставивший, как известно, вообще никаких записей, (по крайней мере, мы о них ничего не знаем), снабжал, однако своими знаниями (видимо, вместе с Л. Я. Люлье), русского разведчика Георгия Васильевича Новицкого, а возможно и других. Л. Я. Люлье же позже публиковал ценнейшие сведения о ситуации на Черноморском побережье, подробно освещая этническую чересполосицу.

Расширение круга авторов, затрагивавших в том или ином плане тему убыхов и их территории падает на 30-е годы XIX в. На Черноморское побережье едут не только путешественники, ученые и служащие, но в немалом количестве и военные разведчики с российской стороны, и эмиссары из Турции и западно-европейских стран. Именно от них мы имеем наиболее полные и часто достоверные сведения о народах Северо-Западного Кавказа, где затрагиваются и вопросы границ их этнических территорий³⁷⁷.

³⁷⁶ *Dumézil G. Documents Anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase. III. — Paris. 1965. P. 16.*

³⁷⁷ *Люлье Л. (с 1816 до 1850-х гг.), Новицкий Г. (1829, 1830 гг.), барон Аш И. (1830–1831 гг.), Бларамберг И. (1830, 1835, 1837, 1840 гг.), Дюбуа де Монпере (1833 г.), проф. Нордман А. (1835 г.), Торнау Ф. (1835, 1836, 1837, 1838 гг.) Сафонов С. (1836 г.), Кох К. (1836–1838 гг.),*

Л. Я. Люлье с 1816 и до 50-х годов, как уже сказано, во время исполнения служебных обязанностей, постоянно соприкасавшийся с горцами, прекрасно разбирался и в довольно ранней, и в более поздней этнической ситуации, хотя свои записи опубликовал только в 50-е годы. Его материалы, собиравшиеся годами непосредственно среди горцев, в среде которых он жил даже годами, имеют исключительную ценность. Так, например, от него мы узнаем, что в Вардане первоначально жили Басьхо³⁷⁸, называемые татарами «Алты-Кесек» т. е. «шестиродными». Л. Я. Люлье сообщает, что они первыми с этой территории совершили переход за хребет. Как видно, именно от них и идет название Вардан — (Вардане в адыг. и Юардан в абх. передаче). Это название сохранилось и за одной ветвью князей Маршан — абазинских князей Заурумовых, называвших себя Варданыжвлара³⁷⁹ (жвлара означает в абхазском и абазинском языках «народ», «общество»³⁸⁰). Очень интересно и замечание Л. Я. Люлье по поводу названия р. Дагомыс. Он пишет, что у Ф. Фонтонна она неправильно названа как Dagamza, т. е. уже убыхским словом, а у Белла — Трамепсе³⁸¹. Однако он сам здесь ошибается, так как Д. Белл записал сохраненное в какой-то среде, видимо самое старое название реки, означавшее «река Травов», известного абхазо-абазинского рода, жившего здесь до появления Адагуавцев. Вероятнее всего, последнее происходит от слова адагуа — по-абхазски означает «глухой». Ср. с именем Хаджи Адагуа-ипа Исмаил Берзека, т. е. «Хаджи сын [или потомок] глухого».

И это не случайно. Здесь вырисовывается интересная картина: проживание в непосредственном соседстве абхазско-аба-

Белл Дж. (1836, 1837–1839 гг.), **Юров А.** (1837–1839 гг.), **Уркварт Д.** (1835, 1836), **Лонгворт Дж.** (1837) и мн. др.

³⁷⁸ Люлье Л. Я. Общий взгляд на страны... С. 9.

³⁷⁹ Лавров Л. И. Абазины. С. 29.

³⁸⁰ Абазинско-русский словарь — Москва. 1967. С. 217.

³⁸¹ Люлье Л. Я. Указ. соч. С. 10.

зинских родов — трамовцев, лоовцев, и вардановцев, как видно, позже полностью переселившихся на Северный Кавказ или оказавшихся частично ассимилированными убыхами или оттесненными ими же к юго-востоку³⁸².

Л. Я. Люлье приводит и другое, не менее важное сообщение — абхазы называли садзами не только население Джигетии, но и убыхов, однако, как видно, только прибрежных, сохраняя также их названия³⁸³, но, к сожалению, эти названия он не привел. Согласно тому же источнику, черкесы (натухайцы и шапсуги) прибрежных жителей Убыхии называли абадзе, а собственно убыхами только жителей горных районов. Это также является хотя и косвенным, но существенным сообщением о том, что первоначально на побережье убыхов за исключением редких вкраплений не было, а адыги всех абхазцев, переселившихся на Северный Кавказ, называли «басхыг», а вместе с тем всех же говорящих на абхазских языках, включая абазин, словом абаза³⁸⁴.

Непосредственно о местах проживания убыхов Л. Я. Люлье писал, как видно, касаясь более поздней ситуации, как о территории, находящейся между землями натухайцев с одной стороны и джигетов с другой, причем, как отметил он, одни из них живут «в верховьях речек к хребту», а другие в долинах речек, прилегающих к морю: «а) Зюебзе, б) Лоу, или Лоупь, в) Ниге, г) Батхь, д) Дагомепсе, е) Психе или Мамай (все коллективно — урочище Вардане) ж) Саше или Сочи, з) Хамышь или Хоста (эти две — последние — урочище Саше)»³⁸⁵. Согласно же Генеральной карте первой четверти XIX в. на пространстве от Гагр до Сочинского сектора отмечены садзы.

³⁸² *Старк А.* На русской Ривьере // Санкт-Петербург. 1913. С. 15, 16.

³⁸³ *Люлье Л. Я.* Указ. соч. С. 9.

³⁸⁴ *Услар П. К.* Черновые заметки. С. 72.

³⁸⁵ *Люлье Л. Я.* Указ. соч. С. 9, 10.

В 1829 и затем в 1830 году материалы о западно-кавказских горцах собирал один из первых русских военных разведчиков на Кавказе штабс-капитан Георгий Васильевич Новицкий. И. Ф. Бларамберг считал, что именно Новицкому ученые и военные «обязаны топографическими и статистическими сведениями о черкесских народах». В своей статье 1829 г.³⁸⁶ Г. Новицкий действительно дает не только численность населения по племенам, но и другую информацию, представляющую значительный интерес. Эти сведения, по мнению И. Ф. Бларамберга, он получал от атташе коллегии иностранных дел, немца Тауша, прожившего почти десять лет среди черкесов и прекрасно знавшего их язык и нравы. Г. В. Новицкий дает довольно обширную информацию и о народонаселении, обитавшем на территории вплоть до Абхазии, хотя эти места он не проходил, а, как считает В. К. Гарданов, сведения об убыхах и других племенах, населявших южные скаты Кавказского хребта получал не только от Тауша, но и от Л. Я. Люлье³⁸⁷, причем именно в 1829 г.³⁸⁸, а не в 1830 г. (как думал Е. Фелицын — когда Г. В. Новицкий совершил тайный трехдневный переход Западного Кавказа в сопровождении шапсугского дворянина, старшины Бесленея Аббата³⁸⁹).

В состав адыгских народов Г. В. Новицкий включает и убыхов, а границу их указывает то по реке Зуебзе (Сюепсе по

³⁸⁶ **Новицкий Г. В.** Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адыхе // «Тифлиссские ведомости». 1829, № 22.

³⁸⁷ **Гарданов В. К.** Общественный строй адыгских народов. — М. 1967. С. 33, 34.

³⁸⁸ Однако надо учесть, как отметил Е. К. Гарданов, что особую помощь оказал ему Войсковой Старшина Черноморского войска, шапсуг по происхождению, Могукаров.

³⁸⁹ Топографическое описание северной покатости Кавказского хребта // Газ. «Кубанские областные ведомости» 1884, № 34, 36, 38, 40.

Н. Н. Раевскому), то по реке Шахе. Главные реки, — писал он, — «суть Зуебзе и Шахе, отделяющая Адехе от абазинцев».

Убыхов и Гуайе он считал принадлежащими к натухайскому племени и при этом написал, что «...они, проживя на берегу моря носят особенные названия», но какие это названия тоже не сообщил. В данном случае важно то, что он не пишет «проживая», а заменяет его словом «проживя» (то есть какое-то время), говорящим о сравнительно недавнем их появлении вблизи самого моря.

В том же 1830 году и подпоручик Гвардейского Генерального штаба барон Иван Казимирович Аш был послан в эти неизведанные края с целью сбора материалов для составления военно-статистического описания Абхазии. Находясь в этой экспедиции с февраля 1830 по март 1831 г. он, детально ознакомившись с этнической ситуацией северо-западной Абхазии, отметил, что «от Гагринского отрога к северо-западу... **до р. Соча обитает народ, называемый в Абхазии садзы, имеющий общее происхождение с абхазцами**»³⁹⁰ (*Выделено мной. — Ш. И.*).

Здесь же следует отметить, что именно ему принадлежит сообщение о владетельном князе Абхазии Келеш-бее, «силой оружия» покорившем джигетский (т. е. садзский) народ, до сел. Мамае (т.е. села на р. Псахе), который тянулся на 3 версты в сторону Сочи. Писал он и о политическом влиянии князя Келешбея, державшего в страхе побережье от Геленджика до Батума. Можно предполагать, что описываемые им события, произошли где-то в 80-х или в 90-х годах XVIII в. И. К. Аш опубликовал эти и другие интереснейшие сведения без указания своего авторства

³⁹⁰ **Аш И. К.** Сведения, составленные по расспросам о народах, населяющих пространство от монастыря Гагры до р. Сучали и береговой дороги на сем расстоянии // ЦГВИА ВУА Ф. 414, д. 301, л. 29, 4, 5, 13.

в 1831 году³⁹¹. Эти же события описаны и в другом документе, но по данным, явно взятым у того же барона И. К. Аша³⁹². Как видим по этим ранним сведениям, садзы распространялись до Мамая, а вернее, включая и его до водораздела между рр. Псахе и Дагомыса, а убыхи в этих местах еще не упоминаются.

В 1833 г. вдоль побережья Кавказа совершил путешествие ученый Фредерик Дюбуа де Монпере. К сожалению, к югу от Геленджика до Гагр наблюдения за морским берегом ему пришлось вести со стороны моря, находясь на судне, в связи с чем он не имел возможности тщательно ознакомиться с обстановкой на берегу. Однако, как он пишет, имел при себе много карт, а вместе с тем мог пользоваться и услугами информаторов, помогавших ему в его стремлении «правильно уловить названия местностей и их взаимное расположение».

Племя убыхов или убухов Фр. Дюбуа помещает на юго-востоке от реки Тапсе (Туапсе), и пишет, что оно населяет «морской берег только до селения Фагурка» (Хаморка Шардена и Мотрея) на берегу реки Сега (вероятно это р. Западный Дагомыс, так как именно на этой реке было расположено село Фагуа). Пишет он и о том, что убыхам принадлежали две долины Сиопсе и Сучали (Соча), но Дюбуа не пишет, что убыхи проживают там, а замечает лишь, что они им принадлежат. Вместе с тем, отмечая места и общества «Саша», **он называет реку Соча, как самую многоводную реку Джигетии**, а не Убыхии (там же в примечании дается название реки Скаrho из карты Главного штаба 1834 г. и еще одно ее название, видимо, из другой карты — как Ssountschali.), как и у Г.-Ю. Клапрота (1814 г.). К тому же, он от-

³⁹¹ *Его же. Опубликованная анонимно статья «Статистический взгляд на Абхазию — Краткие исторические сведения об Абхазии» // «Тифлисские ведомости». 1831, № 24–26.*

³⁹² *Подробное описание Абхазии. Составлено из лучших известий об Абхазии в 1834 году //Собрание отдельных поступлений Ленинградской публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина за 1928. № 554/1, 2, л. 4.*

мечает, что Саче «также как и убыхи» (а это означает, что они не убыхи), занимают небольшую часть побережья и населяют 2, 3 длинные долины». На территории племени Саша, пишет Дюбуа, «протекают три реки, в глубине которых пенятся Сега, Сиеопе и Саче или Соче». Из его данных следует, что река Соча была политической, а не этнической границей убыхов с садзами, территория которых, по Фр. Дюбуа же, распространялась до мыса Зенги³⁹³, уходящим в море низким острием³⁹⁴. Здесь важно еще раз отметить и то, что Фр. Дюбуа противопоставляет убыхов населению Сочи, называя последнее особым «племенем Сочи»³⁹⁵.

Особым, то есть отличным от убыхов племенем посчитал сочинцев и достаточно ранний автор Д. Зубарев³⁹⁶. Писавший в те же годы (1833–1835 гг.) о народах Черноморского побережья И. Ф. Бларамберг указывает на убыхов и Саше (Ouboukhs, Saches), как на обитателей южной части снеговых гор и долин до речки Гагрипш, а в то же время, чуть выше поместил убыхов рядом с Туби и абадзехами, включив их тем самым в число племен «занимающих северные склоны Кавказа»³⁹⁷, т. е. вновь повторяя наличие какой-то части убыхского населения и за хребтом.

Обращают на себя внимание его слова: **«Саше, которых называют также джигеты»**. К последним он относил «пшавов, ясхипсов, иналкупов, свадзвов, артаковцев и марьявов». Среди них не все подразделения поддаются идентификации с извест-

³⁹³ О мысе и селении Зенги см. у **Фр. Дюбуа** в переводе С. 90, 91 см. и **С. Сафонов**. Поездка к берегам Черного моря на корвете «Ифигения» в 1836 г. — Одесса, 1837. С. 29.

³⁹⁴ К востоку от укрепления Навагинского расположена гора Зенга или Хухуп // Лоция Черного моря. Город Николаев. В типографии черноморского депо 1851 г. С. 171. (В кн.: **Г. З. Шахербай**. Абхазские топонимы Большого Сочи. — Сухуми. 1978. С. 38, 89, 90).

³⁹⁵ **Дюбуа де Монпере**. Указ соч. С. 89.

³⁹⁶ **Зубарев Д.** О народонаселении за Кавказом//«Русский вестник», 1842, № 6.

³⁹⁷ **Бларамберг И. Ф.** Указ. соч.//АБКНЕС С. 355, 356.

ными из литературы подразделениями джигетов, в связи с чем, определить их территорию не представляется возможным, но, что важно, «племя» Саше и он объявляет джикетским.

Вместе с тем И. Ф. Бларамберг приводит очень важное свидетельство, касательно появления у убыхов института пиратства: «Убыхи, чепсуи и гусие, занимающие устья речек Пейсва, Шиаке и Зуазе, ...**научились у своих соседей абхазцев [т. е. садзов] заниматься пиратством**»³⁹⁸ (*Выделено мною. — Ш. И.*). Это весьма существенное сообщение, вновь свидетельствует о сравнительно недавнем появлении убыхов у морских берегов. Об этом же говорит и заимствование ими из абхазского языка таких слов, как «корабль», «весло», «плавать»³⁹⁹ (в море) и др. Здесь же можно вспомнить и приведенное выше замечание Г. В. Новицкого о том, что «...Убыхи и Гуайе... проживя, [но, не проживая!] на берегу моря...» и т. д.

В 1835 г. Западный Кавказ посещает проф. А. Д. Нордман. И он со своей стороны писал о джигетской **области, простиравшейся до самого Сочи** и разделявшейся на три основные округа: Цандрипш, Геч и Ясхрипш, причем «**округ Ясхрипш, во главе с садзским княжеским родом Аридба**» **распространялся, по его данным, до нижнего течения р. Соча**⁴⁰⁰.

К 1835 г. относится в основном деятельность на Западном Кавказе офицера-разведчика барона Федора Федоровича Торнау. Его сообщения также относятся к числу одних из самых главных и достоверных. По его сведениям, в середине 30-х годов XIX в. северо-восточный берег Черного моря был населен тремя различными этническими образованиями: от Анапы примерно до р. Шахе жили адыгейские племена натухайцев и шапсугов; между Шахе и р. Сочи (в основном в горах) территория убых-

³⁹⁸ Там же. С. 404.

³⁹⁹ Чирикба В. А. Абхазские лексические заимствования. С. 121.

⁴⁰⁰ Путешествие профессора Нордмана по Закавказскому краю // ЖМНП Ч. XX. — СПб. 1838. С. 414, 415.

Барон Федор
Федорович Торнау

ская, а от Сочи до Ингура была занята абазинами, называвшими себя «апсуа» (в том числе и — «асацзуа»)⁴⁰¹ (по терминологии Ф. Ф. Торнау названия абхазы, абазинны и абазинцы у него взаимозаменяемы, как и у многих других авторов того времени). Согласно ему же, садзы занимали Черноморское побережье от укрепления Гагры и, включая Саше, хотя население последнего, т. е. общества Саше и селения Сочи, говоря его словами, уже «не

суть чистые абазинны», так как там живут теперь представители трех сопредельных племен — «абхазского, убыхского и черкесского, языками которых и говорят»⁴⁰². Не случайно, должно быть, абхазы в этой цитате упоминаются первыми, так как он же сообщив, что общество Саше на р. Сочи, насчитывает до 10 тыс. жителей, добавляет — **в том числе только «отчасти черкесы и убыхы»**⁴⁰³ (Выделено мной — Ш. И.).

⁴⁰¹ Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера //РВ 1864, Т. 53, № 10, с. 56, 118 и др. О том же писал чуть позже и Фр. Бодеништедт: «Садзы называют себя апсуа, а свою страну Апсны» (Фр. Бодеништедт. «По Большой и Малой Абхазии. О Черкесии». Автор проекта, предисловия, послесловия и комментариев редактор Д. Чачхалиа. Перевод М. Кривенко — М. 2002. С. 127). (Вставка М. К. Хотелашвили-Инал-Ипа).

⁴⁰² Торнау Ф. Ф. Краткий обзор горских племен, живущих за Кубанью //ЦГВИА. ф. ВУА, д. 18571, л. 2.

⁴⁰³ Торнау Ф. Ф. Воспоминания... С. 114.

Таким образом, из этого сообщения следует вывод, что основным населением общества Саше в середине 30-х гг. продолжали быть садзские абхазы. Ф. Ф. Торнау же принадлежит и важное сообщение о локализации «чистых» убыхов: «Убыхи живут между верховьями рек Хоста и Шахе, в юго-западных отрогах Кавказа, но не по берегу моря, а верстах в 15 и более в ущельях и долинах параллельной цепи гор, исключительно по р. Убых⁴⁰⁴, простирающейся верст на «40 и впадающей в Шахе» (видимо, по ошибке, рекой Убых названа река Бзыч). «Убыхи ни в коем случае не подразделяются на Саше и Вардане; все эти названия принадлежат собственно местности, а не жителям». **Население здесь представляло собой смесь выходцев из адыгейцев и убыхов, но, вновь повторяет он, — «преимущественно абазинцев»⁴⁰⁵.** (Выделено мной — Ш. И.).

О том же писали и другие авторы. Так, например, барон Г.В. Розен, лично объездивший северо-западное побережье Кавказа, в своем отношении к военному министру графу В. М. Чернышеву от 26 июня 1837 г. писал, что «убыхи обитают в горах за р. Сочею»⁴⁰⁶, то есть не в низовьях этой реки, а в горных ее районах.

Заслуживают внимания и записи генерала Н. Н. Раевского. В своем «Описании Черноморской береговой линии», составленном в 1839 г. в результате непосредственных личных наблюдений, он, в основном, как и многие другие авторы, выделял убыхов в особое общество, располагавшееся по его данным в горах только по ущелью р. Шахе⁴⁰⁷. (упустив район бассейна верхнего и среднего течения реки Сочи). Таким образом, и по

⁴⁰⁴ ЦГВИА. Фонд 90. Оп. I. Д. 120. Л. 2 (цит. по Волковой Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа. С. 79.

⁴⁰⁵ ЦГВИА. Фонд 90, оп., I, д. 120. л. 2.

⁴⁰⁶ АКАК Том 8, ч. 2 — Тифлис. 1881. С. 875.

⁴⁰⁷ См. например, «Карту к описанию военных действий Даховского отряда на южном склоне Кавказских гор в 1864 г.» и «Военно-и-

Н. Н. Раевскому, основная территория убыхов в целом находилась в горах почти вплоть до Главного Кавказского хребта, отделявшего ее от бассейна р. Белой.

Вместе с тем, как ни странно, он причисляет общества Вардане, Саше и собственно Убых к Джигетам, то есть к народу, несомненно, абхазского происхождения. Иными словами, все население Убыхии состоящее по Н. Н. Раевскому из трех названных здесь обществ, относится им к джигетам, но при этом отличает от них абхазов (азега), занимавших, по его словам территорию, так называемой Малой Абхазии — от Гагры и в данном случае до р. Хоста.

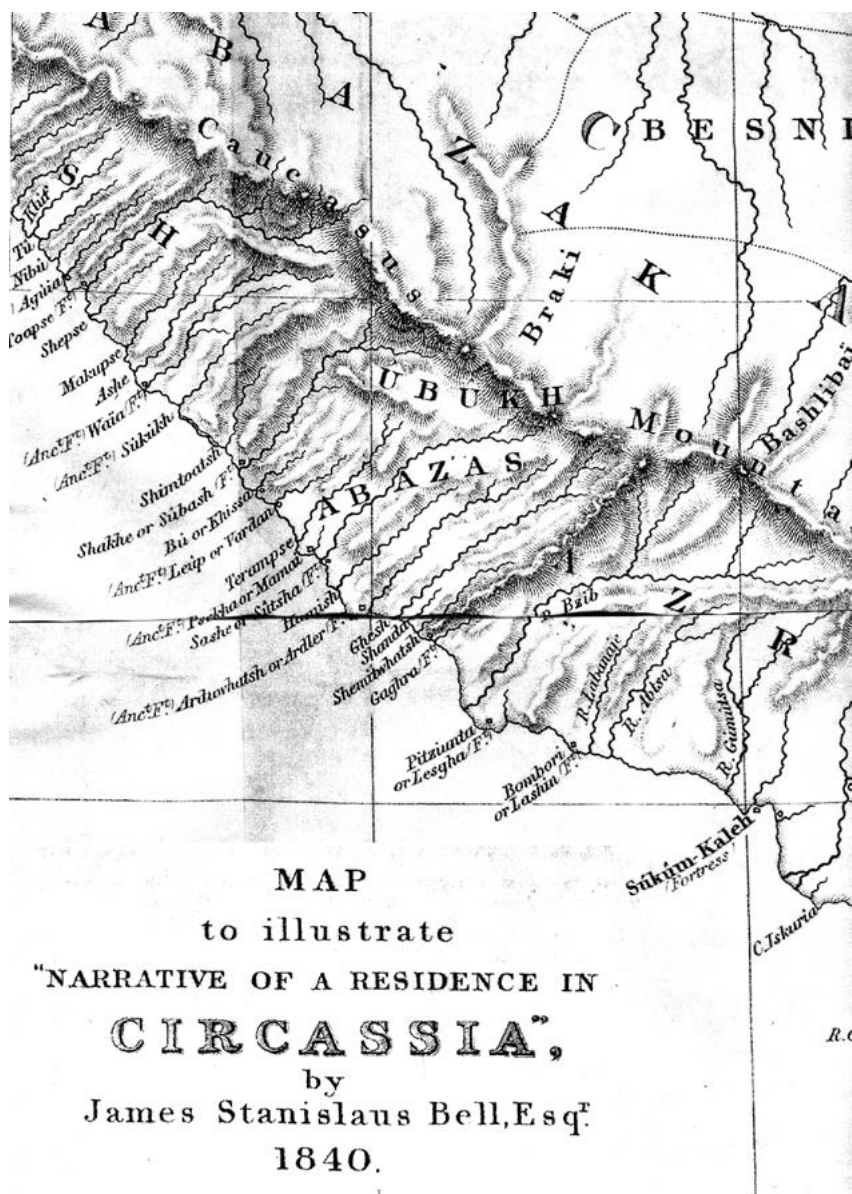
Судя же по ген. Г. И. Филипсону, территория убыхов началась от р. Буу и простиралась до общества Хамыш, причислявшееся им, видимо, в широком понимании, к «народу Адэхе». Однако, ниже он уточняет этническую ситуацию в Хамыше и хамышцев характеризует как **«ближайших к джикетам»** и состоящих **«из смеси адэхе с абхазским племенем»**⁴⁰⁸.

Английский резидент Джеймс Станислав Белл, около трех лет (1836, 1837–1839 гг.) проживший в основном среди причерноморских нутухайцев и шапсугов и лишь отчасти у убыхов, в приложенной к его дневникам карте, помещает от моря до Главного хребта два народа: один из них — в сторону Главного Кавказского хребта, но чуть заходя и за хребет, народность «Убух», т. е. убыхов, а в сторону моря — Абаза.

В его же записях на берегу Черного моря отмечены три народа: адыге от реки Кубани до р. Бу (Буу), абаза между Бу и Хамышом и азра (абхазы) — от Хамыша до границ Мегрелии. «Язык азра здесь все понимают, — пи-

сторическую карту Северного Кавказа», составленную **Е. Д. Фелицыным**.

⁴⁰⁸ **Филипсон Г. И.** Черкесы, казаки и адэхе // *Рукописный отдел Российской Государственной библиотеки. Фонд Милютин, д. 169. № 81, л. 38 об., 54.*

Карта Дж. С. Белла 1840 года

сал он, — а также и язык адыге», о чем писал и Ф. Ф. Торнау. То, что в приведенной цитате вновь на первом месте стоит пока «язык азра» является неслучайным, а служит, по-видимому, определенным выражением большего распространения в его время абхазского языка, чем черкесского.

Заслуживают внимания по рассматриваемой теме и сведения Соломона Темурковича Званба, служившего почти все 40-е годы приставом в Джигетии. Отмечая теснейшую связь убыхов с садзами, он замечает, что «они часто ездят друг к другу, а иногда выходцы из одного общества селятся на земле другого»⁴⁰⁹. Пишет он и о том, что границей между убыхами и садзами служило общество Хамыш, что владения садзов простирались до села Хамыш, лежавшего между реками Агура и **Хоста, называя при этом последнюю в числе «главных рек в земле джигетов»**⁴¹⁰. Это дает основание думать о Хосте, как о пограничной с Убыхией реке в политическом смысле, а протекала она по «земле джигетов», которая по логике вещей, продолжалась и далее, охватывая какую-то часть пространства и к северо-западу. Границей же она была, главным образом для Джигетского приставства.

Утверждение С. Т. Званба о том, что садзская земля простиралась до села Хамыш следует понимать и в том смысле, что основная «беспримесная» масса садзов действительно занимала территорию до р. Хамыш, а население между нею и Сочи к середине XIX в. было уже, как сказано, относительно смешанным — абхазо-садзско-убыхским, **но преобладающим, судя по всем данным, продолжало быть садзским, каким и оставалось до махаджирства.**

Однако в литературе можно встретить и другое мнение, по поводу юго-восточной границы распространения убыхов. Например, М. И. Венюков границы Убыхии отодвигал до

⁴⁰⁹ *Званба С. Т. Абхазские этнографические этюды. С. 5, 6.*

⁴¹⁰ *Там же.*

р. Мдзымты, и генерал Н. Р. Анреп, определяя ареал убыхов, писал: «Долины рек Шахе, Вардане, Сочи и до реки Мзы (возможно имел в виду Мацесту), включительно составляют землю убыхов, простирающуюся от Главного Кавказского хребта до моря. С северной стороны земля убыхов прилегает к пространству прежде обитаемому абадзехами, а ныне образующему горную пустыню у верховьев рек Большой и Малой Лабы»⁴¹¹.

Но данные генерала Н. Р. Анрепа противоречат наиболее достоверным сведениям, приведенных выше авторов, ни один из которых не доводил этническую территорию убыхов до р. Мзы, если под этим названием имеется в виду Мдзымта/Мзымта. Определенным образом он противоречит тогда и самому себе. В самом деле, если, как он утверждает, **«ближайшие к убыхам общества — Арид и Хамыш»**⁴¹² (выделено мною. — Ш. И.), **то выходит, что эти общества никак не являются убыхскими**, так как население на этом пространстве могло быть только садзским. Создается впечатление, что генерал смешивает этнолингвистическую территорию с областью временного политического преобладания убыхов.

Об этнической принадлежности хамышевцев ясно свидетельствует и сведение автора начала 40-х годов, проходящего под инициалами Н. В. Здесь приходится привести большую цитату полностью: «Хамышевские князья и дворяне объявили, что хотя **убыхами и взят с них штраф**, но они принесенной ими правительству присяге не изменят и во всем будут исполнять распоряжения начальства. **Этим прочным покорением джигетов**, которые на деле оказались весьма преданными нам, нанесен был убыхам сильный чувствительный удар и гордости их, а равно уверенность в своих силах, заметно ослабела, **так как в джигетах они лишились сильных союзников** и вдруг сдела-

⁴¹¹ Н. В. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе //КС Т. 14. — Тифлис. 1890. С. 310.

⁴¹² Там же.

лись нашими соседями; **по близким же связям, существовавшим между ними и джигетами**, у них невольно должна была распространиться та же склонность, что и у последних»⁴¹³ (*Выделено мной — Ш. И.*). Материал этот говорит сам за себя.

О политической же зависимости садзов от убыхов говорят многие факты, а политические или государственные границы или границы политической зависимости далеко не всегда, как мы знаем, совпадают с этническими. Вообще же большинство авторов пишет, что собственно убыхи «жили не на побережье, а в горах». В данном случае, как кажется, под рекой Мызы (Мзы) следует понимать, вероятно, реку Мца/Мацесту, так как Анреп сам пишет о завалах, устроенных убыхами «между этой рекой и рекою Бзугою». О том же можно прочесть и в материалах Актов Археографической Комиссии Кавказа: «Самые большие завалы видны были с моря при устье р. Мыца и на скалистых окончаниях или мысах между сею рекою и р. Бзугу»⁴¹⁴. Как кажется, последнее исключает возможность отождествления р. Мызы, с рекой Мзымтой.

Е. Е. Ковалевский писал об убыхах, как о народе, жившем «...между реками Псезуапсе и Саше» и, что «на берегу моря они составляли смешанные общества с шапсугами и абхазами, носившими разные наименования...»⁴¹⁵, но и он, как и выше указанные авторы, к сожалению, эти названия не привел.

Итак, налицо невероятно сложная чересполосица близких друг к другу этнических обществ, как на юго-востоке, так и в других местах. Особенно сложной и запутанной была этническая ситуация в местах соседства убыхов с адыгейскими племенами. Л. Я. Люлье, описывая народонаселение к югу от Анапы, отметил шапсугов и натухайцев, как племена, занимавшие вме-

⁴¹³ **Н. Р.** Указ соч. Том 13. Гл. XI, с. 396, 397.

⁴¹⁴ АКАК Т. IX, ч. I. — Тифлис. 1884. С. 515.

⁴¹⁵ **Ковалевский Е.** Очерки этнографии Кавказа // «Вестник Европы». 1867, № 3, с. 83.

сте все долины, примыкающие к морю до речки Бу/Буу (или Буапе или, как более раннее название, Боапста), отделявшей их от убыхов (однако на карте, приложенной к его статье, в качестве границы указана р. Шахе.). Пишет он и о том, что хотя шапсугов и натухайцев считают «отдельными народами, но, в сущности, они одноплеменны... говорят одним языком и вообще называют себя Агучипс»⁴¹⁶.

В одном достаточно раннем документе особо оговорено, что «между землями племен народа Адыге нельзя провести положительных пределов, потому что они живут до некоторой степени смешанно; в земле натухайцев есть пространства, населенные шапсугами и наоборот, натухайцы занимают некоторые земли у шапсугов, даже в земле убыхов есть целые ущелья, населенные натухайцами»⁴¹⁷. О том, что, и убыхи во многих местах северо-западного сектора жили попеременно с шапсугами и натухайцами, свидетельствуют многие источники. Так, например, Ф. Ф. Торнау, уточнивший места проживания убыхов, писал, что они помимо горных районов населяли и побережье, местами «смешанно с шапсугами»⁴¹⁸. Можно привести и другие примеры. В связи с этим представляет интерес сообщение, правда позднего автора, но имевшего доступ к материалам раннего времени — Семена Эсадзе. Он писал об убыхах, как о народе, населявшем «гористый и покрытый густыми лесами край от Черного моря до снегового хребта по рекам Псезуапсе, Аше,

⁴¹⁶ **Люлье Л. Я.** Указ. соч. С. 19.

⁴¹⁷ О племенах, населяющих северо-восточный берег Черного моря. Статья 1-я // ЦГВИА Груз. ССР. ф. 416, д. 7, л. 2. (Аракин).

⁴¹⁸ **Торнау Ф. Ф.** Краткий обзор горским племенам, живущим за Кубанью и вдоль восточного берега Черного моря, от устья Кубани до устья Ингура // ЦГВИА ВУА д. 18511, с. 11 об.

Шахе, Вардане, Дагомысу и Сочи»⁴¹⁹, собственно почти повторяя Е. Ковалевского.

В этом отношении представляет интерес убыхская песня, усвоенная гагринскими абхазами от пленных убыхов, приведенных в Гагры после военного столкновения с убыхами в местности Экирхан (совр. Лазаревское), где тогда жили и убыхи⁴²⁰. А в 6-ти верстах вверх по ущелью р. Кодеш (на российских картах-схемах боевых действий она названа как Субаши), находился убыхский аул под тем же названием Кодеш (Кодекс). Он в середине XIX в. был уничтожен войсками генерала Вагнера⁴²¹. Нет сомнения, что, и среди шапсугского и натухайского населения существовали убыхские аулы.

Заслуживает особого внимания этническая ситуация, сложившаяся, видимо, в течение довольно длительного времени и на стыке племен убыхов и абадзехов. Любопытны сведения Л. Я. Люлье об абадзехах, как о небольшом в прошлом племени, обитавшем, по мнению одних, на северном склоне Кавказского хребта в урочище Туб, находившемся в прошлые времена в составе земель абадзехов. По мнению же других информаторов, они занимали когда-то места в области убыхов, видимо где-то в верховьях междуречья рек Шахе и Сочи, в урочище под названием Мадзмей⁴²². Сами убыхи говорили, что большая часть абадзехов жила прежде вместе с ними на южной стороне гор в урочище, под названием Мадзмей. Генерал Н. Р. Анреп, видимо, неспроста подчеркивал особую близость убыхов и абадзехов, которые, говоря его словами, «некогда составляли один народ» и сохраняли между собой особые, традиционно «кровные связи». Перешедши же на северную покатость хребта «они распро-

⁴¹⁹ *Эсадзе Семен. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. — Майкоп. 1993. С. 18.*

⁴²⁰ *Ковач К. В. 101 абхазская народная песня. — Сухум. 1929. С. 13.*

⁴²¹ *Газ. «Кавказ», 1851, № 4, 16 января.*

⁴²² *Люлье Л. Я. О натухайцах, шапсугах и абадзехах. С. 17, 18.*

странились по долинам оной и заняли теперешний край их, который и убыхи и абхазцы тоже называют Мадзмей»⁴²³, что почти повторяет название племени Мамдз, проживавшее в прошлом в северо-западной части горной Абхазии.

В данном случае обращает на себя внимание не только слой топонимики, но и этнонимы, с которыми тесно связаны последние, и начинающиеся звуком «м». В большей части слов он дважды повторяется, причем в сочетании с з (дз), з, с, нередко взаимозаменяемыми.

Так, наименование общества мам/мамз/мзаа сохранилось в фамилиях махаджиров Турции — *Мам* и *Мамз*, *Мамз*. Со слов глубоких абхазских стариков известному лингвисту Х. С. Бгажба удалось записать фамилии, в прошлом населявшие в основном ущелья рек Бзыпи и Мдзымты: Ёгэаа (Тчшгуаа), Аираа, Нанба, Абатаа, Ацыраа (Аджираа), Абырзыкь, Адагуа (Адагэа, т. е. «глухой») и Аублаа,⁴²⁴ Все они вместе с лдзаавцами, (жившими в районе Пицунды), полностью переселились в Турцию.

В современной Северной Абхазии, в Гагрском районе имя племени сохранилось в названии горы *Мамдзышха/Мдзишха*, т. е. горы *Мамдзовых* или *Мдзышховых*. А в горах, в бассейне р. Бзыпь, в верховьях р. Геги до махаджирства существовало и селение Мдзаа, о котором упоминает биолог Н. М. Альбов⁴²⁵.

Почти такое же название, что отмечалось уже выше, носила местность в Верхней Убыхии — *Мазмеҕ* (*Мадзмей*) и в Абадзехии в верховьях бывшего расселения абадзехов, где один край назывался тем же именем *Мазмеҕ* (*Мадзмей*)⁴²⁶. Здесь мы имеем

⁴²³ **Там же.** С. 17, 18, а также ЦГВИА ф. 90, оп 1., д. 120, л. 17 об. (См. **Волкова Н. Г.** Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XIX века. — Москва. 1974. С. 79.)

⁴²⁴ **Бгажба Х. С.** Бзыбский диалект абхазского языка. С. 268

⁴²⁵ **Альбов Н. М.** Путешествие в Черноморских горах в 1894 г. // ЗКОИРГО Кн. XVIII. — Тифлис. 1898. С. 43.

⁴²⁶ **Люлье Л. Я.** О натухайцах, шапсугах и абадзехах. С. 17, 18.

ясно выраженное явление — произошла метатеза *Мамз/Мазм*, где вторая фонема «м» переместилась местом с «з» (дз). Фактически же это одно и то же слово. Название фигурирует и в фольклоре — мать героя Мардасоу была из Мамдзов, обитавших, согласно варианту предания, в Цандрипше и владевших всеми горами⁴²⁷.

Представляет интерес и название племени *мамхегов*, проживавших рядом с абадзехами, соседствуя с ними с северной стороны⁴²⁸.

В то же время можно допустить и вероятность неправильной записи названия, Мадзмей, сделанной Л. Я. Люлье из-за недостаточно точной передачи его информатором. Возможно, однако, что в адыгейской передаче оно звучало именно так.

Существует и другой вариант, видимо того же названия *Мамдз* — *Мзим/Мизим/Мзым/Мзим*, сохраненный в обозначении реки *Мзымта/Мзымта /Мизимта/Мизимта/Мзымта*, а у А. Нордмана даже *Метзышта* (Медзымта), где вероятно при наборе произошла ошибка — буква «м» в рукописи была принята за букву «ш». Как видим, у А. Нордмана этноним *Медзим* сохранен в обозначении реки⁴²⁹. Ясно выражено оно и в названии короткой речки — *Мзымна*⁴³⁰ (ныне ее название *Мзи*)⁴³¹. Оно звучит и

⁴²⁷ *Инал-Ипа Ш. Д.* Садзы. С. 237.

⁴²⁸ *Дьячков-Тарасов А. Н.* Мамхегу//ИКОРГО. Том XIV. — Тифлис. 1901, № 6, с. 241. Представляет также интерес и название современного поселка Мезмай, расположенного в тех же краях. (Шевченко Н. Ф. Информационный доклад о раскопках 2005 г. пос. Мезмай 4 октября 2005 г.//4-я Кубанская археологическая конференция — Адлер. (Включено М. К. Хотелашвили–Инал-Ипа).

⁴²⁹ *Нордман А. Д.* Путешествие профессора Нордмана по Закавказскому краю // ЖМНП 1838, № 11, с. 414.

⁴³⁰ *Martel E.-A.* La cote'D,azur Russe (Riviera du Caucase). — Paris.1903. P. 161.

⁴³¹ *Цхомария Б.* Озеро Кардывач. — Краснодар. 1962. С. 58.

в исконном наименовании озера Кардывач — Мзымт-Азмич⁴³² и в старом названии речки Азмыш, вероятно в прошлом *Мазмыш*, впадающей в указанное озеро *Мзымта*, *Мзыч*⁴³³, а также в усеченном виде и в названии озера *Мзи/Мзы/Мзы*, из которого вытекает речка *Мзымна*. В усеченном же виде сохранено название и в древнем источнике, у Псевдо-Арриана, автора V в. н. э.⁴³⁴. У него явно современная река Мдзымта названа *Мизиг*, а в позднее время название это можно сравнить с абхазской фамилией Мысыр-ипа и абазинским патронимическим — Мысылбай, а также с наименованием абхазского села в Бзыбской Абхазии — *Мысра/Мсра (Мюссера)* и названием местности и храма в Бзыбской Абхазии — *Мсыгхуа*⁴³⁵.

В связи с вышеприведенными материалами особый интерес представляет тот факт, что в восточной Абхазии в VI в. засвидетельствовано воинственное племя, отчаянно боровшееся с византийцами за свою независимость, под названием мисимиян⁴³⁶ (в греческой передаче встречается название и в усеченной форме как миссяне, но опять-таки в передаче византийцев). Абхазский лингвист Х. С. Бгажба считает, что «фонетически можно допустить, что этноним звучал и как мизимяне», а может быть и как мидзимияне⁴³⁷ и как миндимияне (в раннесредневековой литературе в восточной же Абхазии встречается название

⁴³² *Martel E.-A. P. 161. (См. и Альбов Н. М. Отчет о ботанических исследованиях в Абхазии в 1890 г. // ЗКОИРГО кн. XV, а также Динник Н. Я. Верховья Малой Лабы и Мзымты. — Тифлис. 1902. С. 54).*

⁴³³ *Martel E.-A. P. 161.*

⁴³⁴ *Аноним (Псевдо-Арриан). Обезд Эвксинского Понта //ВДИ № 4, с. 231.*

⁴³⁵ *Кацця А. К. Памятники архитектуры в долине Цкуара //Материалы по археологии Абхазии. — Тбилиси. 1967.*

⁴³⁶ *Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана. Кн. III, 15, 16.*

⁴³⁷ *Бгажба Х. С. Указ. соч. С. 269.*

пути и как Миндиммианского). Вполне вероятно, что наименование племени отложилось и в названии горы и речки в верховьях бассейна р. Кодор) в местах расселения мисимиян. На карте Кавказского края 1847 года правый приток р. Чхалта носит название — *Месибишта/Мсибишта*, где бшта/пшта означает ущелье.

Такое совпадение названий, как представляется, исключает фактор случайности. Здесь вновь можно напомнить и наименование одной из крепостей мисимиян, расположенных вдоль границы с Лазикой (видимо в самой юго-восточной части их территории) — Бухлоон (встречается и как Буколус, современное Пахулан,) и о горных Пёх, Пёху, Пьхьоу, Пхьяу (в русской передаче) — т. е. урочища, речки, озера и перевала на правобережье р. Адзгара (р. Чхалта), также находящихся в пределах территории бывшего расселения мисимиян.

Итак, если большинство поздних фиксаций названий дошло до нас в форме довольно близко звучащей к исходной, то этого мы не можем сказать в отношении точности передачи имени мисимиян, переданную нам византийцами. Вполне возможно в этом этнониме мы имеем несколько искаженную форму названия *мидзим* (*мзым*). Вместо фонемы з (дз), Агафий Миринейский мог писать «с», ориентируясь на полученное сведение, то ли письменное, то ли от непосредственного своего информанта.

О чем же говорят приведенные выше материалы? Х. С. Бражба предположил, что «с течением времени мисимияне, жители среднего и верхнего бассейна реки Кодор, могли переместиться в Северо-Западную Абхазию»⁴³⁸. Судя по словам Псевдо-Арриана: «от реки Абаска до реки *Брухонта* (ныне называемого *Мизигом*) 120 стадий»⁴³⁹ (соответствующим положению вещей в поздней топонимической номенклатуре IV–V вв. н. э.), можно предположить, что в то время мисимияне или их часть уже

⁴³⁸ Там же.

⁴³⁹ Псевдо-Арриан. *Объезд Эвксинского понта* //ВДИ 1948, № 4, С. 231.

жили и в бассейне реки *Мдзымта*. Очевидно, постепенное перемещение этого горного племени на северо-запад происходило уже в III–IV вв. н. э., а может быть началось и вскоре после Аррианова объезда Черноморского побережья в 134 г. н. э., отметившего в этих местах реку *Боргис*⁴⁴⁰, идентичную, по мнению В. Томашека, реке *Бурке* Птолемея (V. 8,8) и связываемую им с племенем *брухов*⁴⁴¹. Мысль же о перемещении племени мисимиян на северо-запад нуждается в дополнительной аргументации, однако, не исключается их крупное переселение и после битвы в Мисиминии с византийцами в 555 г., окончившейся взятием крепости мисимиан Тцахар и полным их разгромом.

Что же касается племени абадзехов, то вполне справедливо мнение Н. А. Каменева, считавшего их народом, формировавшимся из «горского казачества», т. е. из беглых различных адыгских и абазинских племен, численность которых, по словам Г.-Ю. Клапрота неизменно возрастала, в результате чего абадзехи стали одним из самых крупных адыгейских племен. В нем «произошло такое смешение разного населения, что настоящими абадзехами остались только знатные»⁴⁴². О том же писали касательно шапсугов. В этом большую роль сыграл, как отмечает Г. В. Новицкий, институт присяжных братьев. «Союз сей увеличивает народонаселение в горах. Всякий беглец, бродяга, преследуемый законами, находит вскоре убежище, преимущественно у Абадзехов, Шапсугов и Натухайцев, которые почти все составлены из подобных людей»⁴⁴³. Хотя эти авторы не упоминают убухов, но подобное явление наблюдалось, как видно, и в самой Убухии. Ф. Ф. Торнау писал, что «народонасе-

⁴⁴⁰ **Арриан.** *Объезд Эвксинского Понта* // ВДИ 1948, № 1, с. 271.

⁴⁴¹ ВДИ 1948, № 2, с. 250.

⁴⁴² **Гарданов В. К.** Указ. соч. С. 48.

⁴⁴³ **Новицкий Г. В.** *Географическо-статистическое обозрение земли, населённой народом Адехе* // Газ. «Тифлисские ведомости». 1829, № 24.

ление Убыхии неизменно возрастало за счет беглецов, уходивших к ним из других адыгских обществ. Причиной этого было не только значительное политическое влияние убыхов, но и неприступность убыхских поселений, располагавшихся высоко в горах»⁴⁴⁴. Многие бежали и от своих феодалов в целях обретения свободы в труднодоступных областях Убыхии.

В этом процессе и происходил переход части убыхского населения на адыгские языки. Так, например, ген. А. И. Будберг в свое время считал убыхским племенем общество гуайя, локализуя его в горной полосе окрестностей форта Лазарева⁴⁴⁵. То же мнение имел и Ф. А. Щербина в отношении хакучей: «...в двух местах по верховьям рр. Псекупса и Пишиша жило в небольшом количестве особое племя — хакучи, отрасль убыхов». Впрочем, существовало и другое мнение, согласно которому хакучи, ближайшие соседи убыхов — относили себя по происхождению к одному из абхазских племен, подвергшихся сильному черкесскому влиянию. К такому выводу пришел и Н. М. Альбов на основании расспросов самих хакучей⁴⁴⁶. Вероятно, хакучи дважды меняли свой язык.

Сведение о продвижении убыхов к морю, мы имеем и в публикации анонима, осуществленной Е. Д. Фелициным. По данным этой статьи, как мы уже знаем, селение Мытыхуа или Мутыхуаса на р. Сочи-пта, вместе с его знаменитой священной белolistкой, где в XIX в. проживали представители убыхского знатного рода Берзеков, в прошлом принадлежало садзам и лишь впоследствии было отнято у них убыхами и, как пишет автор, всего «тому назад лет сорок»⁴⁴⁷. Анонимный автор писал

⁴⁴⁴ **Волкова Н. Г.** *Этнический состав...* С. 79.

⁴⁴⁵ АКАК Том X. Ч. II. С. 682.

⁴⁴⁶ **Карташев Б., Карташева В.** *След на песках времени.* — Москва. 1969. С. 24.

⁴⁴⁷ *Краткое описание страны, лежащей к северу от реки Сочи-пта...* // «Кубанские областные ведомости». 1885, № 1; **Анчабадзе**

Карта Кавказа 1856 года von J.Grassl

статью, видимо, где-то в 30-х или 40-х годах о происходивших событиях в самом конце XVIII или в самом начале XIX века.

По вопросу о мирном или насильственном проникновении убухов на территорию прибрежных садзов с последующей их (садзов) частичной ассимиляцией при политическом верховенстве убухов, высказывались и другие авторы, главным из которых является Г. И. Филипсон. В его цитированной выше серьезной статье, написанной в 1854 году, впервые мы находим недвусмысленное указание на «недавнее завоевание», следы которого «очень заметны». Здесь явно имеется ввиду в основном приморская часть территории. Ссылаясь на Жана де Лукка, согласно которому земля абхазов простиралась от Мегрелии до Черкесии с двумя значительными реками в ней — Соча и Субаши или Шахе, он писал: «В таком случае вся нынешняя земля убухов принадлежала бы в то время абазам, что и весьма вероятно, потому, что и в настоящее время **разноплеменность** и следы недавнего завоевания очень заметны в этом участке». В доказательство этого он указывает на абхазо-убухский, этнически смешанный характер пограничного общества Хамыш, и на то, что «**во всей земле убухов, чернь знает язык асадзипсуа**»⁴⁴⁸, **впрочем, как и в самом Садзене** (*Выделено мною. — Ш. И.*). Это был, как уже отмечалось, какой-то особо своеобразный говор садзского диалекта абхазского языка, на котором говорило покоренное приморское население. По-видимому, это тот язык, который по свидетельству Н. М. Альбова, шапсуги называли «абзабзе», о котором писал Л. Я. Люлье и другие. А барон Аш, как мы уже знаем, отметил в 1830 году, что «джигетский народ обитает по берегу моря от монастыря Гагры до селения Мамая»⁴⁴⁹ (вернее, до водораздела с р. Дагомыс). Чуть позже и

Ю. Д. Абаза. С. 153.

⁴⁴⁸ Филипсон Г. И. Черкесы, казаки..., л. 54.

⁴⁴⁹ ЦГВИА ВУА ф. 414, д. 301, л. 4, 5, 13.

Дюбуа де Монпере указывает как границу селение Фагурка, т. е. отодвигая границу до р. Дагомыс.

По словам же Л. Я. Люлье, абхазы называли не только джигетов, но явно и приморских убыхов садзами, сохраняя также их старые названия (садзские, но какие?)⁴⁵⁰. Согласно тому же источнику, черкесы натухайцев, шапсугов и прибрежных убыхов называли абадзе, а собственно убыхами только жителей горных районов, а это также является существенным свидетельством того, что убыхов первоначально на побережье не было. Как уже отмечено выше, на карте Дж. Белла убыхи помещены вблизи Главного Каказского хребта даже заходя на северный его скат. Ту же картину мы видим и на других картах раннего времени.

По мнению Л. И. Лаврова, джигеты граничили и в XIX веке с черкесами по р. Сочи, а «чистые» убыхи сохранялись только в горах, но здесь следует отметить, что эта граница проходила в 15 верстах от устья реки Сочи. Этой же точки зрения придерживался З. В. Анчабадзе, у которого мы находим неоднократные указания на миграции убыхов с гор.

Фактически о том же говорило, как уже отмечалось, и свидетельство И. Ф. Бларамберга об убыхах, чепсуях и гусие, научившихся «у своих соседей абхазцев, заниматься пиратством»⁴⁵¹. Это говорит о том, что раньше этого морского «промысла» они не знали. Надо полагать, что на интересующей нас части побережья произошло смешение населения, ассимиляция и частичное вытеснение садзов на юго-восток, спустившимися с гор воинственными убыхами, о чем говорят факты топонимики и смешение убыхов на северо-западе с шапсугами и натухайцами.

Итак, в источниках, включая карты, иногда выделяется «Особое племя Сочи» (по Фр. Дюбуа), а «собственно убыхи», локализовались не на побережье, а сравнительно далеко в горах, страну которых по их самоназванию абхазы называли Атвах

⁴⁵⁰ Люлье Л. Я. Черкесия. — Краснодар. 1927. С. 9.

⁴⁵¹ Бларамберг И. Ф. Указ. соч. // АБКИЕА С. 404.

(Атэах). Убыхи в этом узком понимании представляли собой небольшой горский народ, проживавший в основном между истоками и по среднему течению р. Сочи и вдоль всей реки Шахе, в более же широком смысле, смешавшись с садзами, простирались на юго-восток до самой Хосты, а на северо-западе в смешении с шапсугами до общества Шмитокуадж, проживавшего на одноименной реке, а отдельными аулами и значительно далее.

Уже к концу первой трети XIX в. убыхи и садзы местами также жили впережку между собой почти как один народ. Ф. Ф. Торнау, не верит которому у нас нет оснований, подчеркивал, о чем уже не раз говорилось выше, смешанный характер населения Сочи (при значительном преобладании садзов) и связанное с этим трехязычие его жителей.

То, что, на территории центрального Сочи встречался топоним Аублаа-рныха, вторая часть которого является, бесспорно, абхазским словом со значением «святилище»⁴⁵², тоже говорит о том, что знаменитые сочинские Аублаа генетически восходили к коренной абхазской (садзской) родоплеменной группе. И, если Хамыш считались «старейшими среди абхазских князей», то Аублаа, как пишет Н. Г. Волкова, **«считалась самой влиятельной фамилией среди приморских абазин», а вернее, абхазов садзов**⁴⁵³.

Название рода Аублаа, как и многие абхазские фамильные имена (Агумаа, Атмаа, Думаа, Чизмаа и др.), оформленные абхазским суффиксом имен (людей) «аа», еще раз подтверждают абхазское происхождение данной группы (в полной форме сохранилось в названии небольшой горы, холма Аублаарныха).

⁴⁵² В целом анатомия термина Аублаа-рныха выглядит следующим образом: фамильно-родовое имя (Аублаа) + абхазский показатель множественности (р) + абхазское слово «святилище» (аныха), означает «Святилище рода Аублаа».

⁴⁵³ Волкова Н. Г. Указ. соч. С. 76.

Таким образом, в составе населения сочинского округа первой половины XIX в. были представлены в основном не ассимилированные садзы, а возможно, и частично ассимилированные, убыхи, шапсуги и прочие единичные этнические элементы, в том числе, в небольшом количестве и турки, что является доказательством непростой этнической ситуации на этой территории.

Обращает на себя внимание и отсутствие убыхского (или адыгейского) субстратного слоя в диалектах абхазского языка, в том числе садзском. В. А. Чирикба, обобщая материалы своей полевой работы среди турецких садзов осенью 1991 года и позже, писал: «В садзском не прослеживается каких-либо явных следов убыхского (или адыгского) субстрата, вопреки мнению некоторых историков, а анализ их фамилий показывает лишь незначительную убыхскую инфильтрацию, частично объясняемую ассимиляцией небольших групп убыхов как на Кавказе, так уже и на новой турецкой родине»⁴⁵⁴.

Итак, абхазо-убыхская политическая и лишь отчасти этническая граница к середине XIX в. пролегла по р. Хоста, в основном в горном ее течении, но абхазский этнический элемент в виде садзских родовых групп продолжал занимать междуречье Хоста — Сочи,⁴⁵⁵ а скорее всего до водораздела между реками Псахе и Дагомыс, где отмечается ряд приводившихся выше аб-

⁴⁵⁴ **Чирикба В. А.** Расселение абхазов в Турции // Приложение к кн. III. Д. Инал-Ипа «Садзы». — М. 1995. С. 276–277.

⁴⁵⁵ В литературе высказывалось мнение о том, что в первой половине XIX в. границы абхазской этнической территории доходили до Анапы. А. Л. Папаскири, комментируя высказывание В. И. Савинова, пишет о том, что последний не мог не знать абхазского языка, поскольку он пять лет прожил в городе Анапе (**Савинов В. И.** «Современник», 1848, № 7, с. 3). Однако, здесь видимо, какая-то механическая ошибка, а В. И. Савинов имел в виду не Анапу, где в XIX в. не могло быть абхазской этнической доминанты, а село Акапу близ Сухума, куда он был продан как военнопленный. Переписчик легко мог перепутать столь близкие по написанию слова — Анапа и Акапа (**Па-**

хазских топонимов и гидронимов, (на пста «ущелье», шьха — «гора», ныха — «святилище», «рыпш» и др.). В более же ранние периоды, когда, по-видимому, предки убыхов еще обитали в основном в нагорной части междуречья Шахе-Сочи, пределы распространения абхазского (точнее садзского) населения, а значит и языка, простирались и значительно дальше на северо-запад (как и в сторону гор), о чем, в частности, свидетельствуют остатки соответствующей топонимики и в этом регионе, приведенные выше.

Несколько сел убыхов в первой половине XIX в. были сосредоточены на р. Сочи, километрах в 15-ти от берега моря. Там, на правобережье этой реки находился один из главнейших их аулов — Мутыхуаса, расположенный на месте современного села Пластунка. На южной его окраине стояло огромное священное дерево — серебристый тополь (Белолистка), где убыхи устраивали свои собрания, в том числе прощание с родиной в марте 1864 года.

«Столичный» убыхский аул Апёхуа был расположен в долине р. Псахе (совр. Мамайка), впадающей в море в 5-ти километрах к северо-западу от устья Сочи (в основе этого термина лежит «пёх», а вероятнее «тёах» — от убыхского самоназвания убыхов). Это село почти сливалось с Мутыхуа. Возникает вопрос, почему село Апёхуа должно было называться убыхским. Если бы эта территория была традиционно убыхской, то обозначение его как селения убыхов не имело бы смысла. Такое название свидетельствует о том, что аул был основан в среде не убыхского населения на территории отнятой убыхами у садзов, как это имело место и с селением садзов на р. Сочи — Мутыхуа.

Таким образом, захват территории шел не только со стороны р. Шахе, но и со стороны р. Сочи, а также и Псахе. А аул Апёхуа возможно был одним из самых первых убыхских поселений, а может быть и первым среди неубыхского приморского населения юго-востока региона. Надо предполагать, что аналогич-

ный процесс шел и на северо-западе, где убыхи продвигались в основном вдоль р. Шахе и ее притоков. Эта территория была самой густонаселенной.

Напомнив еще раз свидетельство такого тонкого наблюдателя, как Ф. Ф. Торнау, который о ситуации, сложившейся к середине тридцатых годов прошлого столетия писал, что общество Саше на р. Соче имело до 10 тысяч жителей, и «в том числе» только «отчасти черкесы и убыхи»⁴⁵⁶, можно сделать вывод, что основную массу смешанного абхазо-убыхо-черкесского населения тогдашнего общества Сочи составляли абхазы, а точнее — садзские абхазы. Утверждение же С. Званба о том, что садзская земля простиралась до села Хамыш⁴⁵⁷, следует понимать, во-первых, в политическом смысле и, во-вторых, в том, что основная «беспримесная» масса садзов действительно занимала территорию до р. Хамыш (Хоста), а население междуречья Хоста-Сочи к середине XIX в. было уже, как сказано, отчасти смешанным — абхазско(садзско)-убыхо-адыгским.

Вообще многие авторы, в том числе и Н. Р. Анреп, пишут, что «собственно убыхи», которые характеризуются как отдельное и самое воинственное племя, жили не на побережье, а только в горах, сохраняя свои особые, традиционные и даже, говоря словами Анрепа, «кровные связи» с абадзехами, с которыми «некогда составляли один народ». Абадзехи же обитали по соседству за хребтом, против верховьев одного из притоков реки Лабы (по-абхазски Ерых).

⁴⁵⁶ **Торнау Ф. Ф.** Воспоминания кавказского офицера. С. 114.

⁴⁵⁷ «К северо-западу от Абхазии и Псху живет народ, который называет себя халцыс и известен у абхазцев под именем асадзкуа, а у грузин под именем джикет. Земля их называется у абхазцев Садзен. По берегу моря земля сего народа простирается до черкесского селения Хамыш, лежащего между реками Агура и Хоста. К северу земля джикетов простирается до самого снегового хребта». (С. Т. Званба. Абхазские этнографические этюды. С. 6.)

Еще одна немаловажная деталь. Н. Р. Анреп сообщает о сочинском князе Ахмете Аубла, имевшем 700 подвластных дворов. Но, как известно, убыхи, как и шапсуги, натухайцы и абадзехи, не имели князей: у них были только «дворянство и шляхотиджи»⁴⁵⁸. Высшая феодальная категория князей, к которым принадлежали и князья Аублаа, а впрочем, и князья Хамыш/Хамыш-хуа (вспомним и название местности в г. Сочи «княжеский сад»), а также о владениях князей Аредба в низовьях левобережья р. Сочи, была представлена в социальной структуре абхазского общества XIX в., а не убыхского. В свое время и Т. Лапинский писал: «...во всей Убыхии нет ни одной княжеской семьи»⁴⁵⁹.

По наиболее раннему сообщению 1831 г., касавшемуся положения, видимо, второй половины или конца XVIII века, И. К. Аш сообщал: **«джикетский народ, обитавший от монастыря Гагры до селения Мамая»**. Таким образом, в юго-восточной стороне убыхская территория проявляла тенденцию к расширению частично за счет смещения с садзами в результате агрессии, о чем можно понять из приведенного выше сообщения Г. И. Филипсона о следах завоевания, но чаще в виде постепенного проникновения в пределы традиционного проживания садзских групп и ассимиляции последних, но, как видно, не в лингвистическом отношении. То же самое, надо думать, происходило и на северо-западе.

Этнические территории, а, следовательно, и этнические границы изменяются в ходе исторического процесса, в зависимости от экспансии или миграции народов, их этнического развития, или, наоборот, этнической ассимиляции. В отличие от этнографических границ, обозначающих подразделения внутри одного и того же народа (например, шапсуги и натухайцы

⁴⁵⁸ *Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Фонд Д. А. Милютин, 169. л. 13, 81.*

⁴⁵⁹ *Лапинский Т. Горцы Кавказа... Рукописный фонд АбНИИ № 164, с. 103.*

и абадзехи в составе адыгейцев или садзы, ахчипсоу, бзыбцы, гумцы, абжуйцы и бывшие самурзаканцы в составе абхазского населения), этнические границы представляют собой рубежи между отдельными народами. Если эти народы являются близкими по языку и культуре, то проведение абсолютно точной этнической демаркации между ними почти невозможно из-за большой смешанности групп населения на пограничной полосе (иногда вплоть до семейного уровня)⁴⁶⁰.

Теперь можно подвести некоторые итоги. До XVIII в. источники молчат о локализации убыхов, но потом сведения постепенно нарастают. П. С. Паллас помещал убыхов у подножия гор на запад от абазов, Г.-Ю. Клапрот локализовал их, как и абадзехов, в горах в верховьях рек Белой и Псаха (до снеговых гор), Г. Н. Новицкий к юго-востоку от р. Зюебзе, И. К. Аш до р. Псаха (как видно, до водораздела с р. Дагомыс), по Ф. Ф. Торнау и А. Д. Нордману территория убыхов простиралась до р. Сочи на юго-востоке, К. Ф. Сталь — по рекам Шахе, Вардане, Сочи, Адзах, Ахучипсы; по Л. Я. Люлье собственно убыхи населяли верховья рек Зюебзе (Сюэпсе по Н. Н. Раевскому), Лоу, Бытхи, Дагомыса, Псахе (Мамай), Сочи и Хамыш (Хосты); А. П. Берже в убыхскую территорию включал собственно Убых (в 20-ти верстах от берега между верховьями Шахе и Хоста), Саше — от Хосты до Сочи и Вардане — от Сочи до Сюэпсы. Н. Г. Волкова, учитывая все эти источники, приходит к выводу, что в основном «убыхские поселения располагались высоко в горах», и что «Торнау прав, подчеркивая последнее обстоятельство»⁴⁶¹. Вместе с тем, следует обратить внимание и на сведения автора «Краткого описания...» о том, что сочинцы не являются убыхами, а относятся к «племени асадзуа или сочи (джигеты)»⁴⁶².

⁴⁶⁰ Кушнер (Кнышев) П. И. Этнические территории и этнические границы. — М. 1951. С. 15, 26, 27, 104.

⁴⁶¹ Волкова Н. Г. Этнический состав... С. 78, 79.

⁴⁶² «Кубанские областные ведомости», 1884 г. № 50

Итак, по совокупности данных, не подлежит сомнению, что в прошлом убухские поселения располагались главным образом в горах, а в более раннее время частично и на северных склонах Кавказского хребта. В середине XIX века они находились в окружении родственных между собой этно-племенных общностей тех же адыгейских (шапсуги, натухайцы, абадзехи) с северо-западной стороны и за хребтом и абхазских (садзы и др.) с юго-восточной стороны, но занимали уже и часть морского побережья.

В заключение подчеркнем еще раз, что этнические границы и территории часто меняются в ходе истории, что «этническая граница определяется не только и не столько употребляемым языком, сколько сложной спецификой всей жизни и быта народа, спецификой, слагающейся веками и отражающейся как в материальной, так и в духовной культуре»⁴⁶³. Подвижность политических границ содействует смешению этнических общностей, причем из нескольких возможных вариантов такого смешения в нашем случае доминирующим является смешение в полосе этнических границ⁴⁶⁴.

О численности убухов

Что же касается количества убухов, то оно точному определению не поддается. Как писал А. П. Берже, «Горцев никогда никто не считал, почему и точных статистических сведений о них не существовало». Согласно Ф. Ф. Торнау «по понятиям горцев считать людей было не только бесполезно, но даже грешно, по-

⁴⁶³ Кушнер П. И. Этническая граница и этническая (этнографическая) территория // КСИЭ 1949, вып. 6.

⁴⁶⁴ Козлов В. И. Этнос и территория // СЭ 1971, № 6, с. 98.

чему они, где можно было, сопротивлялись народной переписи или обманывали, не имея возможности сопротивляться»⁴⁶⁵. Имеющиеся сведения очень противоречивы, даже принадлежащие иногда одному и тому же автору. Все согласны только в том, что они поголовно были выселены в Турцию в 1864 году, если не считать случайно застрывших где-то одиночных групп (около 50 семейств). По одним данным, убыхов ушло на чужбину 25 или свыше 74 тыс. человек (А. П. Берже), по другим же около 45 тыс. (С. Довлет-Гирей). Истинное число убыхов, вынужденно покинувших родину, бросив все нажитое, составляет, по всей вероятности, не менее 45 тыс. человек. В Советской Исторической Энциклопедии указана уже слишком заниженная цифра — 25 тыс. человек⁴⁶⁶. По мнению Ж. Дюмезиля, опиравшегося на западные источники, за 34 года войны количество убыхов уменьшилось вдвое.

В условиях ужасной суматохи и давки несчастные люди, измученные и обездоленные, садились с трудом на иногда тонувшие от перегрузки людьми, турецкие корабли. Посадка проводилась в Туапсе, Сочи и других приморских пунктах. В пути и в самой Турции погибли от голода и болезней многие тысячи изнуренных переселенцев, особенно женщины, старики и дети. Наконец, они кое-как обосновались в районе Стамбула (но не в самой столице) и в других местах (Ж. Дюмезиль), позже расселились в разных районах страны, а частично и в Сирии.

В октябре 1993 года тогдашнему заместителю председателя Абхазской ассоциации по связям с соотечественниками за рубежом «Апсадгил» Анзору Мукба, при посредстве представителей абхазской диаспоры удалось посетить 99-летнего убыха в селе Хаджи-Осман Кадыра Кеца, который еще знал убыхский язык. Возможно, это был один из последних убыхов, помнящих

⁴⁶⁵ **Торнау Ф. Ф.** *Воспоминания Кавказского Офицера.* С. 69.

⁴⁶⁶ *СИЭ Том 14.* С. 643.

свой родной язык. Пообщавшись с ним, А. Мукба обратился к своим провожатым с вопросом о численности убыхов. В ответ он услышал, что их никто никогда не считал, также как и другие малочисленные народы в Турции, но по приблизительным подсчетам представителей кавказской диаспоры, их число не превышает нескольких тысяч. «Поистине, — пишет с горечью А. Мукба, повторяя народную мудрость, — потерявший Родину, теряет все. Убыхи потеряли Родину, затем язык, а сегодня мы свидетели почти полного их исчезновения»⁴⁶⁷.

Завершая эту главу, хочу подчеркнуть, что мне представляются весьма маловероятными часто заниженные, на мой взгляд, оценки численности убыхов — 4–6 тысяч и даже 25 тысяч человек⁴⁶⁸. Убыхи не могли бы играть чрезвычайно важной роли и в политическом процессе, и во всем театре военных действий на Северо-Западном Кавказе, как это было в действительности, если их численность не достигала бы сравнительно больших величин, достаточных для выставления значительных военных формирований. По моим оценкам, численность убыхского населения в XIX в. составляла не менее 50 тысяч человек.

⁴⁶⁷ **Мукба Анзор.** Убыхи Хаджи-Османа//Газ. «Хасэ», 1994, № 51 (28), 27 апреля.

⁴⁶⁸ **Лавров Л. И.** Этнографический очерк убыхов. //Уч. Зап. Ад НИИ-ИЯЛИ. Том VIII. — Майкоп. 1968. С. 6.

Глава четвертая

ВОПРОС ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ УБЫХСКОГО НАРОДА

1. Общественный строй убыхов

Широко известно лингвистическое и этническое многообразие Кавказа, сочетавшееся с не менее выраженным разнообразием социального строя и политического устройства, хотя все это было не так ярко выражено на Западном Кавказе по сравнению с Восточным, по крайней мере, в последнее тысячелетие. На Западном Кавказе оно было непосредственно связано и даже обусловлено в определенной степени пестротой естественно-географической среды (геологической, климатической и т. п.)⁴⁶⁹. Этническими и политическими границами в течение веков служили горные хребты, зачастую создававшие почти не-

⁴⁶⁹ См. об этом подробнее в статье Л. И. Лаврова *Роль естественно-географических факторов в истории народов Кавказа* // КЭС IX. — Москва. 1989. С. 5–9.

преодолимые преграды для проникновения во внутрь обжитых «островков» и для любых вторжений. Эти условия благоприятствовали слабому процессу исторического развития, приобретавшего специфические черты, среди которых наиболее важными были замедленное развитие общественных отношений, процесса классообразования и консолидации племен.

Убыхия не только не представляла исключение, но являла собой наиболее яркий пример вышеизложенного. Эта маленькая горная страна, всего около полутора тысяч кв. км, расположенная в основном на площади с исключительно сложным переплетением хребтов и их разнонаправленных отрогов, создавала труднодоступность подхода к местам основного расселения народа, рассредоточенного по долинам и склонам ущелий вдоль течения горных рек и речек.

Эта географическая среда предопределила условия замкнутости и относительной изоляции, способствовала сохранению не только уникального языка, с богатством его звуков (82), но и многих архаических черт общественного устройства. В то же время нельзя забывать, что убыхи всегда жили в непосредственном окружении черкесских и абхазских племен, что не могло не сказаться в определенной степени на их общественной и культурной жизни. Убыхи, как мы уже знаем, в основном занимали горную область среднего течения и верховий рек Шахе, Сочи и других рек вплоть до Главного хребта, отделявшего их от бассейна реки Белой и других речек, населенных главным образом абадзехами (убыхи называли их, согласно Услару, шиндишвё, хотя Л. Г. Лопатинский со слов Ад. Дирра говорил, что не убыхи так называли абадзехов, а абадзехи убыхов). Занимали убыхи также территорию, прилегавшую к прибрежной полосе, простираясь на 35 верст. Здесь в Причерноморье соседями убыхов были адыгейские племена, в основном шапсуги и натухайцы (натхокоадж), а к востоку и юго-востоку абхазские горные племена медовеевцев (ахчипсху, айбга и др.) и прибрежное абхазское племя садзуа, известное в литературе больше как джигеты или

джикеты, по имени, данному им убыхами⁴⁷⁰. В основе названия джигет лежит этноним «джыхы», которым по сведению Тевфика Есенча, убыхи называли садзов⁴⁷¹. Здесь можно вспомнить и слова И. Ф. Бларамберга о сочинцах: **саше «которых называют так же джикетами»** (*Выделено мной — Ш. И.*) и сведение автора «Краткого описания...» о независимом, по его словам, обществе «...племени асадзуа или сочи (по абхазски? — джигеты)...»⁴⁷² (*Выделено мной — Ш. И.*).

Таким образом, вся внешнеполитическая жизнь убыхов, отражавшаяся и на внутренней, на протяжении веков протекала между этими двумя этническими мирами — абхазским и адыгейским. В то же время географическое положение Убыхии, о котором здесь вновь пришлось напомнить, показывает, что эта маленькая страна, с населением, видимо, несколько свыше полсотни тысяч человек, находилась между более многочисленными по сравнению с убыхами народами с двумя различавшимися в социально-политическом отношении системами — «феодально-аристократической Абхазией», с одной стороны и с адыгейскими «демократическими» племенами («республиками») шапсугов, натухайцев и абадзехов — с другой.

Притом, что мы ничего не знаем о ранней истории убыхов, нельзя не учитывать и такого важного фактора в истории кавказского региона, как соседство в период раннего средневековья с такими государственными образованиями как Хазарский каганат и Абхазское царство, время существования которых ложится в почти одни хронологические рамки. Убыхи, как и соседившие с ними народы, несомненно, в течение трехсот лет

⁴⁷⁰ *Vogt H. P. 234.*

⁴⁷¹ Об этом говорится у Н. Фогта и в тексте XI, где называются языки *туахыбза* (0аѣъβζа) убыхский, *джыхыбза* (зхѣβζа), т. е. абхазско-садзский и *азгабза* (аѣгаβζа) абхазский, так как *азга* — это у него остальные абхазы (*Vogt H. XI, p. 63*).

⁴⁷² «Кубанские областные ведомости», 1884, № 50.

(VII–X вв.) находились под влиянием Хазарии — крупной разнплеменной полукочевой империи — первого феодального государственного образования в Восточной Европе, раскинувшегося на обширной территории к западу от Волги, охватывая пространства Придонья, Приазовья, большей части Крыма и всего Предкавказья.⁴⁷³

Тогда же Убыхия, конечно, испытывала влияние и Абхазского царства и, по-видимому, входила в его состав. Сама же Абхазия к XIX веку прошла уже большой путь социально-экономического и политического развития: территориально-племенные государственные образования (I–VII вв.), Абхазское царство (VIII–X вв.), а затем владетельское княжество вплоть до 1864 года, когда оно было упразднено российскими властями.

В политической и экономической жизни Абхазии большую роль играл класс феодалов, особую силу среди которых имели «удельные князья» одной фамилии с владетельской, не всегда признававшие центральную власть владетеля, часто соперничая с ней,⁴⁷⁴ не считая себя ниже ни в каком отношении.

Но, несмотря на вышеизложенное, благодаря географической изолированности, убыхи в продолжение долгого времени, отличались своей относительной этнической монолитностью (так как этнически совершенно «чистых», беспримесных наро-

⁴⁷³ *Плетнева С. А.* Хазары — Москва. 1976. С. 3 и др.

⁴⁷⁴ «Владетельская фамилия в Абхазии, — писал Г. И. Филипсон, — была из рода Чеч, которых грузины, а за ними и мы, называли Шервашидзе. Вероятно, возвышение этого рода произошло вследствие случайных переворотов в крае, потому что некоторые княжеские фамилии в Абхазии считали себя старше родом князей Чеч; таковы, например, князья Иналипа, Дзяпшипа, Маршани, Анчибадзе и др. Власть владетеля зависела исключительно от их собственного характера». (Филипсон Г. И. Указ. соч. // «Русский архив» 6. — 1883. — С. 302. К этому списку следует добавить садзских и самурзаканских князей, не говоря уже о нескольких крупных первостепенных дворянских фамилиях).

дов история не знает), однако это положение, как видно, более приложимо в последние столетия к собственно Убыхии, располагавшейся главным образом, в междуречье среднего течения рек Шахе и Сочи и в их верховьях.

Уже во времена Г.-Ю. Клапрота и других авторов среди «абазинских племен убухов» живут, кроме них самих и другие племена, причем адыгейский элемент, по всей вероятности, стал занимать наиболее значительное место в составе иноэтнического населения северо-западной Убыхии, за ними следуют садзы и вообще абхазы и в небольшом количестве представители других этносов. Каждая же из указанных двух превалирующих групп, в какой-то мере, несомненно, оказывала на убухов свое влияние, причем и эти группы не стояли на одинаковом уровне социального развития. Так, если у шапсугов и натухайцев, живших уже без князей и не имевших княжеского землевладения, сильны были демократические порядки и «антифеодалное движение добилось больших успехов»⁴⁷⁵, то у абадзехов в первой половине XIX в. известны уже довольно крупные феодалы — дворяне уорки⁴⁷⁶. В целом, однако, демократические традиции во всем этом регионе в значительной степени сохраняли еще свою силу после антифеодалной борьбы XVIII века.

Такое соседство и взаимодействие убухов с двумя социальными мирами — феодальным и демократическим — не могло не повлиять на сложение особенностей общественного строя убухского народа: на сохранение народовластия с одной стороны и в то же время на развитие отношений типа так называемого «горского феодализма» с другой.

Ответ на вопрос, существовал ли у убухов в XIX в. феодализм, может быть, как кажется, только положительным, но с оговорками, связанными со многими сохранявшимися черта-

⁴⁷⁵ *Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). — Москва, 1967. С. 48.*

⁴⁷⁶ *Там же.*

ми строя «военной демократии». В противном случае мы должны будем признать, что к указанному периоду убыхский народ находился еще на стадии ранних, доклассовых (дофеодальных) социальных отношений, то есть на переходной к классовому обществу ступени родового строя (первобытно-общинного). Но такая относительно низкая ступень социально-экономического развития уже была давно пройденным этапом для всех кавказских народов⁴⁷⁷. Исключения не составляли и убыхи. Поэтому речь должна идти не о том, достигли или нет убыхи феодального уровня в своем общественном развитии, — а в этом, в принципе, вряд ли возможны большие сомнения, тем более, что с многих сторон их окружали народы с феодальным общественным строем (различной, правда, степени развития), — а о том, какая форма феодализма существовала у них — и каковы были особенности убыхского феодализма по сравнению, скажем, с абхазским, кабардинским, черкесским и т. д., с представителями которых они имели непосредственные отношения. В то же время мы должны помнить, что при всех (порой значительных) различиях в области общественных отношений между абхазо-адыгскими народами, включая убыхов, в том числе между, так называемыми, демократическими (шапсуги, нутхайцы и абадзехи) и, так называемыми аристократическими (абхазы, кабардинцы, бжедуги, темиргоевцы, бесленеевцы, жанеевцы и другие) племенами как в сфере социальной жизни, так и в сфере народной культуры вообще, общего в целом было гораздо больше, чем различий и несходства⁴⁷⁸.

⁴⁷⁷ «...Всякая попытка найти на Кавказе народ, не доросший к XVIII–XIX вв. до феодализма, обречена на провал» — писал Л. И. Лавров в своих замечаниях на учебник С. А. Токарева «Этнография народов СССР»//СЭ № 6, 1958, с.126.

⁴⁷⁸ **Лавров Л. И.** Назревшие вопросы социальных отношений на докапиталистическом Кавказе // Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам полевых этнографических исследований в 1970 г. — Тбилиси. 1971. С. 59–61.

Если, говоря словами А. В. Фадеева, — в Приморском Дагестане, Кабарде, Осетии и у некоторых адыгских племен феодалные отношения были более развиты, то у дагестанских горцев, чеченцев и у части адыгов (*а также, — добавим мы от себя, — у убыхов и северо-западных абхазских горцев, так называемых медовеев — Ш. И.*), эти отношения были еще в значительной мере скрыты под покровом патриархально-общинных традиций и родовых пережитков⁴⁷⁹. А что касается вопроса зарождения у горцев еще в дореформенный период капиталистического уклада, то, по словам Л. И. Лаврова, «эта версия является совершенно несостоятельной, ибо только вовлечение Кавказа в сферу всероссийского капиталистического рынка в пореформенную эпоху сделало возможным проникновение капитализма в среду горцев Западного Кавказа».

В вышеупомянутом фундаментальном исследовании известного кавказоведа В. К. Гарданова «Общественный строй адыгских народов», к сожалению, не нашла сколько-нибудь достаточного отражения убыхская проблематика, которая заслуживала гораздо большего внимания в обширной монографии, посвященной социальным отношениям у адыгских народов, с которыми убыхи составляли во многих отношениях нечто единое целое. Тем не менее, ценнейшие и обильные материалы, которыми насыщена книга, точные авторские наблюдения и выводы имеют не только косвенное, но в целом ряде случаев и прямое отношение к истории развития общественных отношений Убыхии⁴⁸⁰.

⁴⁷⁹ **Фадеев А. В.** К вопросу об уровне экономического развития кавказских горцев к середине XIX в. // «Научные доклады высшей школы Исторические науки». Т. 1. — М. 1959. С. 70, 71.

⁴⁸⁰ В частности, в своем заключении **В. К. Гарданов** указывает, что в XVIII – первой половине XIX в. основными хозяйственными занятиями адыгских народов являлись земледелие (в горах) и скотоводство (на равнине) с преобладанием у части адыгов скотоводства. Некоторые отрасли домашней промышленности и ремесла достигли

«У всех адыгских племен, — пишет он, — ведущими и господствующими были феодальные отношения, нередко существовавшие и развивавшиеся под оболочкой различных первобытных и патриархально-родовых институтов и обычаев, что составляет важнейшую особенность «горского феодализма».

С точки зрения общественного развития Убыхия являлась типичной страной названного выше горского феодализма. В то же время в социально-экономическом и политическом отношениях она отличалась большей сохранностью ранних форм по сравнению, например, с более феодализированными Абхазией и Кабардой. Патриархальные традиции и обычаи играли в ней более заметную роль, чем у ее соседей. Характерную убыхскую пословицу, — «Делай сказанное стариками, кушай деланное молодыми», — следует понимать как одну из важнейших статей все еще действовавшего в народе старинного кодекса обычного права.

Что же касается различия между «демократическими» и «аристократическими» племенами, то оно «было не столь существенно и не затрагивало самих основ способа производства, социальной структуры общества» и тех и других племен. Общество делилось на два антагонистических класса — феодалов и крестьян, причем у «демократов» и после так называемого «общественного переворота» конца XVIII в. «крепостное право и феодальная эксплуатация (в основном иноплеменников, попавших некогда в плен к убыхам или купленных уже рабов) продолжали существовать почти так же, как и до «переворота» (см. ниже), продолжалась и классовая борьба, которая не утихла до самого времени переселения в Турцию. К. Ф. Сталь в середине XIX в. отметил в Убыхии борьбу несвободных классов, рабов и черни, состоявшей «отчасти из черкесов» и отчасти из

большого совершенства, а их продукция находила сбыт и на внешнем рынке, хотя все это не могло еще подорвать господство натурально-го хозяйства.

«абхазцев-убухов», т. е. как видно, в основном из оставшегося и покоренного убухами населения захваченных ими прибрежных областей. Так Т. Лапинский писал, что в Убухии «народную гущу составляли абазы или адыге»⁴⁸¹. Боролись против дворян и всяких хозяев, причем эта борьба носила, по словам К. Сталь, «упорный характер». Как он отмечает, эта борьба, начавшись еще в конце XVIII в., «продолжается и поныне»⁴⁸². В. Гарданов же привел убедительные доводы в пользу давно зародившегося у этих народов и развивавшегося острого социального кризиса, который, достигнув крайнего напряжения, вылился в крупное антифеодальное выступление еще в 30-х годах XVII века⁴⁸³. Продолжаясь и позже, кризис этот завершился Бзюкской битвой 1796 г. и хотя она окончилась поражением восставших, класс князей был полностью ликвидирован. Однако не был ликвидирован сам социальный строй общества — остались дворяне и богатые свободные с одной стороны и угнетенный класс рабов и так называемых «крепостных», а также и беднейшее крестьянство из свободных общинников, с другой.

В этом отношении представляет интерес продолжившееся и в Турции противостояние в среде убухских махаджиров. Как пишет Ж. Дюмезиль, борьба эта разгорелась там с особой силой. Узнав, что в Турции рабовладение запрещено, рабы упорно требовали своего освобождения. По прошествии нескольких лет после переселения, рабы, бывшие до этого (по словам, вероятно, их владетелей) преданными и покорными своим хозяевам дворянам и свободным, стали отказываться жить в рабстве, зная, что османским законодательством рабство запрещено. Однако хозяева и главы родов не признавали их претензий. После

⁴⁸¹ **Лапинский Т.** Горцы Кавказа... Рукописный фонд АБНИИ № 164, с. 98 а на странице 103 он говорит: «Абазы из Убухии...», что означает повидимому, абхазов садзов и др.

⁴⁸² **Сталь К. Ф.** Указ соч. С. 96, 97, 98.

⁴⁸³ **Гарданов В. К.** Указ. соч. С. 246

же того, как недалеко от озера Маньяс в Дайдине был схвачен врасплох один из руководителей освободительного движения и брошен в колодец, был убит один дворянин, а затем исчезли еще несколько человек из дворян. На совете, созванном в абхазской деревне Дерман Богаз, когда соглашение об отмене рабства было почти достигнуто, один из «ультра» убил главного примиренца, после чего, началась схватка, в которой погибло около двадцати человек. Рабы тогда обратились за помощью к правительству. В полученном ответе было объявлено, что рабство в Турции отменено, но каждый раб должен выкупиться, цена же выкупа была символической. Оскорбленные дворяне, потерпев крах, стали покидать свои села. Получая, вероятно, эти сведения в основном от представителей дворянства или старшин родовых групп, Дж. Дюмезиль заметил, что они об этих событиях вспоминали очень неохотно⁴⁸⁴.

Адыгский общественный строй указанного времени В. К. Гарданов характеризует как строй раннефеодального общества и еще раз подчеркивает, что «феодальные отношения у адыгов, часто маскировались отживающими родовыми институтами и учреждениями, и задача исследователя — вскрыть за архаической оболочкой глубинные социальные процессы принципиально иного характера»⁴⁸⁵.

Выводы В. К. Гарданова помогают нам лучше понять общественную жизнь и убыхского народа, так как между убыхами и адыгейцами много общего было не только в главных хозяйственных занятиях, но и в классовой структуре (феодалы и свободные с одной стороны и рабы и так называемые «крепостные» с другой) и в сохранении многих архаических форм, окутывавших феодальные отношения. У убыхов же пережитки патриархального родового строя оказались особенно живучими

⁴⁸⁴ *Georges Dumézil. Documents anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase. III. Nouvelles études oubykh. — Paris. 1965. p. 29.*

⁴⁸⁵ *Гарданов В. К. Указ. соч. С. 337–339.*

и наблюдались еще и к середине XIX века: сохраняла свою силу экзогамия, практиковалось похищение невест, в полную меру действовал обычай аталычества, усыновления иноплеменников и даже иностранцев, куначество, глубочайшее почитание старших, особенно мужчин и по словам Т. Лапинского — обычай кровной мести, который свирепствовал у убыхов до самых последних дней существования их на Кавказе. Так, он привел пример как у них в течение пяти дней с 12 по 17 октября 1859 года было убито 42 человека из двух враждовавших кланов и только вмешательство всего вооруженного населения их племени положило конец этой кровавой драме.

Но и при всей многочисленности общих черт общественного строя, объединяющих убыхов с близкими народами, одна особенность выделяла убыхов из всего круга родственных групп — это сохранение в малотрансформированном виде вплоть до середины XIX в., того общественного явления, которое принято называть военно-демократическим строем. Это явление было знакомо и другим народам абхазских и адыгских групп, но у воинственных и отважных убыхов оно, можно сказать, достигши своего апогея, не утихало. В связи, видимо, с этим у убыхов в то же время и сам феодализм отличался особым своеобразием, оставаясь длительное время на ранней стадии своего развития, когда война и военное дело, как это видно из описаний С. Т. Званба, Н. И. Карлгофа, К. Ф. Сталя, Т. Лапинского и других авторов, продолжали играть в их жизни исключительно важное значение.

Систематически совершались хорошо подготовленные военные походы как на довольно близкие (на абхазов и на соседей с северо-запада), так и на дальние расстояния — на племена Северного Кавказа и на казачьи станицы, а совместно с абхазами или сванами, а иногда и с осетинами, убыхи осуществляли нападения на Мингрелию и Имеретию для отбития скота, разнообразной добычи и захвата пленных. Более того, они не останавливались и перед захватом соседних территорий и

подчинением других племен. Так, убыхи, без сомнения, именно военным путем присоединили к себе часть садзских земель, распространив на них свое политическое верховенство вплоть до Хосты, а еще ранее, как видно, от земель расположенных к северо-западу от них, от р. Буу до реки Шахе, а, как видно, и несколько далее. Недаром у Т. Лапинского, читаем что «народную гущу» у убыхов «составляют абазы или адыге...»⁴⁸⁶, или, говоря словами К. Сталя, абхазо-убыхи и черкесы т. е. побежденные коренные насельники захваченных в основном причерноморских земель.

Имеющиеся описания, несмотря на всю их фрагментарность и ограниченность, рисуют нам в целом картину пусть и недоразвитых (полностью отсутствовали примеры закрепощения свободных крестьян, а прослойка крепостных, которых зачастую упоминали в литературе, по предположению Л. И. Лаврова, представляла собой рабов посаженных их хозяевами на землю), но в целом все же феодальных, а не каких-либо других отношений. Иначе и не могло быть, если учитывать, как уже отмечалось, общую историческую ситуацию, в которой приходилось жить убыхам в продолжение веков, включая и влияние как ближайших, так и более отдаленных и более развитых социальных систем.

По сведению Т. Лапинского и других авторов, население страны делилось по долинам рек, а вернее по ущельям, где состояло из суммы фамильных дворов, живших вдоль него, причем жили там представители разных фамилий, то есть главный принцип расселения большей частью был уже территориальный. Таких фамильных дворов по подсчетам Т. Лапинского по всей Убыхии насчитывалось в количестве 46-ти. В каждом таком дворе (фактически это был фамильный аул, состоящий из

⁴⁸⁶ **Лапинский Т.** Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. (Перевод **Н. Пуцвиной-Данкевич.** Рукописный фонд АбНИИ № 164, с. 48.

десятков семей), вместе с родителями жили все его сыновья неженатые и женатые вместе со своими семьями, незамужние дочери и рабы, также причислявшиеся к членам двора. Как посчитал Т. Лапинский, количество людей таких дворов в среднем составляло 25 душ. Исходя из этого, все население Убыхии он определил в 115 000 душ. Однако, среди них большую часть составляли рабы, так как он сам писал, что в Убыхии рабы по количеству душ занимают третье место (в другом месте он пишет о четвертой их части). Значит, по его расчетам самих убыхов было около 77 тысяч, что может быть и было довольно близкой цифрой к действительности.

Саму же Убыхию, писавшие о ней, представляли состоявшей в основном из трех областей: Верхней Убыхии, населенной большей частью беспримесными, более чистыми в этнографическом отношении убыхами, и состоявшей из двух частей Нижней. Нижняя, приморская часть Убыхии, подразделялась в основном на два территориальных, что подчеркивал еще Ф. Торнау, а не племенных участка, волости — Вардан (Вардане) и Сочи, причем Вардане в свою очередь, по Л. И. Лаврову, состояло из четырех обществ — Субешха, Хизе, самого Вардане и общества Псахе⁴⁸⁷, а общество Сочи из двух — самого Сочи и Хамыша.

Убыхия, в смысле общественного устройства, состояла из определенного числа независимых друг от друга территориальных сельских общин с одной или несколькими влиятельными фамилиями в них. Община, как правило, о чем уже писалось выше, состояла из населения, проживавшего вдоль реки (иногда нескольких) и часто носила название ее долины, или название главенствующей в ней фамилии, как правило, дворянской. Однако, встречались и такие, как например, Хизе, которые управлялись выборными старшинами из влиятельных авторитетных семей недворянского происхождения. Там где проживала влия-

⁴⁸⁷ *Лавров Л. И. Этнографический очерк убыхов. С. 7.*

тельная дворянская фамилия, должность, хотя и была тоже выборной, но уже, как правило, превратилась в наследственную, так как в старшины избирались лишь ее представители. Фамилию такого рода и носила вся община или ее главное село. Из последних стали более или менее известны следующие селения и общины, которые даны в алфавитном порядке:

Апёхуа — село, располагалось в верховьях р. Псахе. На северо-востоке оно почти соприкасалось с селением Мутыхуа;

Арлан/Арлана — как видно, общество и селение. На карте А. И. Менда отмечено недалеко от сел. Хунджа в верховьях близлежащих рек левобережья Сочипсты. Вероятно, находилось на левобережье верховьев р. Хокоча. Этот род, упоминавшийся Эвлией Челеби, как племя ныне сохранился в Абхазии, где его представители проживают в основном в сел. Лыхны;

Архышна-аху — село на реке Сочипста в 5,5 км от ее устья (означает на абх. «холм надочажной цепи» в абазинском языке надочажная цепь носит название рахчина;

Аублааркыта, у Ф. Ф. Торнау названо как Облаго куадж — аул сочинского князя Али Ахмета Аубла в Сочи. Находился на левобережье р. Сочипста и в 1,5 верстах от берега моря. В этом названии сохранилась полная абхазская форма фамилии — Аублаа, с двумя «аа» в конце;

Ахун — видимо, это ахуновцы (Ахунаа) обитавшие у горы Ахун (на карте А. И. Менда Охун). О существовании в прошлом этого рода говорит сохранившаяся у абхазов поговорка не совсем адекватная в переводе: «У Ахуновцев родился наследник, а они мол, люльку раздобыть не могут». Фамилия Хуновых сохранилась в Турции среди потомков махаджиров;

Бабуково — село в верховьях р. Шахе, у правого ее притока реки Бсюк, являлось поместьем дворян Берзеков. По устному сообщению М. К. Меретукова местность, где располагался Бабук-аул, называлось «Долиной Инала»;

Вардане — область, состоявшая по Л. И. Лаврову, из крупных обществ Субешх, Хизе, Вордане и Псахе. Охватывало общества

долин рек Хобзы, Лоо, Ниже, Легутей и Дагомыс. Название имело много разновидностей: Вардан (ср. одноименную абх. фамилию Юардан), Вардане, Вардане-Дзейш или Дзепш, Ордане, Чардан, Убыш-Хрипш (Хрипс — одно из престижнейших имен абхазской знати);

Вардан — аул в долине р. Вардан т. е. Западный Дагомыс или Фагуа (там жил согласно воспоминаниям А. Фонвилля, Измаил бей Дзейш, как видно глава этого дворянского рода и всей общины);

Дагомуков аул — на р. Пседаго (Восточный Дагомыс). Название, как видно, происходит от патронимии Берзеков — Адагуа;

Дагомуково — на реке Сочипста где-то рядом находилось местожительство Керентуха Берзек, племянника Хаджи Исмаила Берзека. Село располагалось на безымянных левых притоках р. Сочи. Недалеко от них на той же реке и в тех же местах, находилось селение и другого представителя этого рода — Джамбулата Берзека⁴⁸⁸.

Дзепш или Лоупе — село, находившееся в устье р. Лоо⁴⁸⁹.

Дишан/Дечен — большое селение с господствовавшей в ней дворянской фамилией Дишан (Дечен). Локализовалось в приустье р. Бзыч, у места впадения ее в р. Шахе;

Зенга — селение, локализуется к юго-востоку от укрепления Навагинского между невысокими горками Зенга или Хухуп с мысом Зенга и горкой Бытх⁴⁹⁰.

Иегош — название водораздельного хребта между бассейнами рр. Сочи и Мдзымта. Это же название носила речка, вытекающая из хребта Иегош и местность вдоль нее на левобережье течения р. Сочипста. Судя по сохранившейся в Турции фами-

⁴⁸⁸ **Лавров Л. И.** «Этнографический очерк...» С. 7.

⁴⁸⁹ **Там же.**

⁴⁹⁰ **Шакирбай Г. З.** Абхазские топонимы Большого Сочи. — Сухуми. 1978. С. 38. Взято с описи карт капитан-лейтенанта Е. Манганари 1834 и 1835 гг.

лии, влившейся и в кабардинский ономастикон (Иегож), можно связать местопребывание этого рода именно с этой местностью, находившейся на левом притоке р. Сочипста, речке Иегош;

Иналике — селения под общим названием Иналике располагались вдоль р. Шахе. «Аулища» эти, тянулись «широкой полосой» вниз по течению от места впадения в нее р. Бзугу», переходя в ущелья первой и второй безимянных речек»⁴⁹¹.

Кодеш/Кодес — аул в верховьях р. Кодеш (совр. р. «Матросская щель») в 6-ти верстах от форта Головинского, к северо-западу от р. Субешх. Был уничтожен войсками ген. Вагнера⁴⁹².

Легутей — группа небольших аулов объединявшихся названием речки Легутей;

Нышь — небольшой аул, носивший название ручья Нышь;

Лаупе или Лоо или Дзепш — один из самых крупных аулов. Располагался по долине р. Лоо или Лаупе;

Мытыхуа/Мутыхуаса или Пёх (совр. Пластунка) — большое село, отвоеванное у садзов где-то в конце XVIII или в самом начале XIX вв. Находилось на правом берегу р. Сочи, у впадения в нее р. Агуа, являлось местожительством знаменитого Хаджи Исмаила Дагумоко Берзек.

Нижи/Ниже — село, входившее в общество Вардане, располагалось на речке Нижи, протекавшей юго-восточнее р. Лоо;

Псаха — общество, состоявшее из селений на реке Псахе. В нем главенствовала дворянская фамилия Чизымогуа или Чизма (ср. с абх. фамилией Чизмаа);

Солох-аул — находился как на левом, так и на правом берегу р. Шахе, у впадения в нее р. Бзыгу (название Солох ср. с абхазским престижным именем Соулах). Там, чуть выше по течению

⁴⁹¹ Приложение к отчету действительного статского советника Краевского. К вопросу о колонизации Черноморской губернии. См. **Шакербай Г. З.** Абхазские топонимы... С.27.

⁴⁹² Газ. «Кавказ», 1851, № 4, 16 V.

реки на левобережье в местности «Три дуба», по словам старожил, в прошлом совершали воздушные захоронения⁴⁹³.

Соча — общество и село локализовалось по обоим берегам приустьевой части р. Сочипста, сравнительно недалеко от моря;

Субаши — общество и аулы. Его главное село находилось в 3-х км от устья р. Шахе. Старшины его избирались в 1840-х гг. из рода Аткевя, а позже из дворянского рода Берзек;

Уцкуа (Уцуа) — село располагалось в верховьях р. Хобзы или Джабзе (ср. с абх. фамилией Цкуа, представители которой живут в селах Звандрипш, Хуап и Джирхва Гудаутского района Абхазии);

Фагуа или Дзеш/Дзейш/Дзиапш — в названиях села присутствуют две фамилии. Село локализовалось на р. Дагомыс Западный (река называлась и Фагуркадзе и просто Фагуа). Протяженность селения определялось в 18 верст, а начиналось оно в 3-х верстах от моря. В названии Фагуркадзе (частицу дзе ср. с абх. обобщающим формантом «дз» в некоторых, в основном садзских фамилиях, например, Амчдза, что понимается как «все Амчбовцы», т. е. «весь род Амчба» и др.) В то же время абхазский формант дз мог обозначать и реку. Представители рода Фагуа до сих пор живут в Турции;

Хамыш — общество и главное селение под тем же названием на р. Хамыш (Хоста) называлось по имени господствовавшей в нем фамилии абхазских князей Хамыш;

Хачмиз — селом Хачмиз называлась группа аулов, находившихся в прошлом на территории под названием «Чебухадж» в верховьях р. Шахе⁴⁹⁴.

Хизе — общество, носившее название и Пшогия. Селения общества располагались по долинам рек Осакай, Ходжиепс,

⁴⁹³ *Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. — М. 1978. С. 228.*

⁴⁹⁴ *Шакербай Г. З. Указ. соч. С. 25.*

Беранда, Детляшха и Буу. На последней реке, как видно на его правом берегу, было сосредоточено наибольшее количество его населения;

Хизе — самый большой аул общества Хизе. Расположен был на правом берегу р. Боа-пста или Буу вблизи его устья. Вернее всего это село Кисса Дж. Белла;

Хунджа — село, а видимо, и общество, обозначенное на карте А. И. Менда. Носило, судя по данным Дюмезиля, имя привилегированной, дворянской убыхской фамилии Хундж. Располагалось несколько в стороне и от левого берега р. Сочипста и от берега моря, вероятно у истоков р. Хокоча;

Чизымогуа Мисоуста — община и село общества Псахе. Одно из двух центральных селений, носившее имя главенствующего в нем лица. Расположено было в междуречье рр. Псахе и Сочипста. Находилось на расстоянии нескольких верст от левого бережья р. Сочипста и в 3,5 верстах от ее устья;

Чизымогуа Ахмета — другое главное селение общества Псахе. Располагалось вдоль р. Псахе, вплоть до ее истоков;

Шлабистага/Шлабстага — село обозначено на карте А. И. Менда на правом берегу р. Сочипста. В основе названия лежит абх. фамилия Шлаб/Шларба, где «р» показатель множественности. В то же время, может быть, содержит и усеченную часть слова апста, т. е. могло означать «ущелье Шлабовцев или Шларбовцев»;

Шхангереипацвареху — название горы, а, судя по названию, вероятнее всего, и общества. Обозначено на картах восточного побережья моря 1838 и 1839 гг. Переводится только с абхазского языка, где Шхангереи/Шхангери является абхазским мужским именем, а все название означает «холм (поселение) сыновей Шхангерей»;

Ципт и Питлу — горные села, не поддающиеся локализации⁴⁹⁵.

⁴⁹⁵ Лавров Л. И. Этнографический очерк... С. 7.

Эбжноу — большое село, находившееся в верховьях р. Буу (ср. с абх. фамилией Эбжноу, проживающей в Гудаутском районе). На этой же реке упоминается влиятельная, но не дворянская фамилия Дизаа;

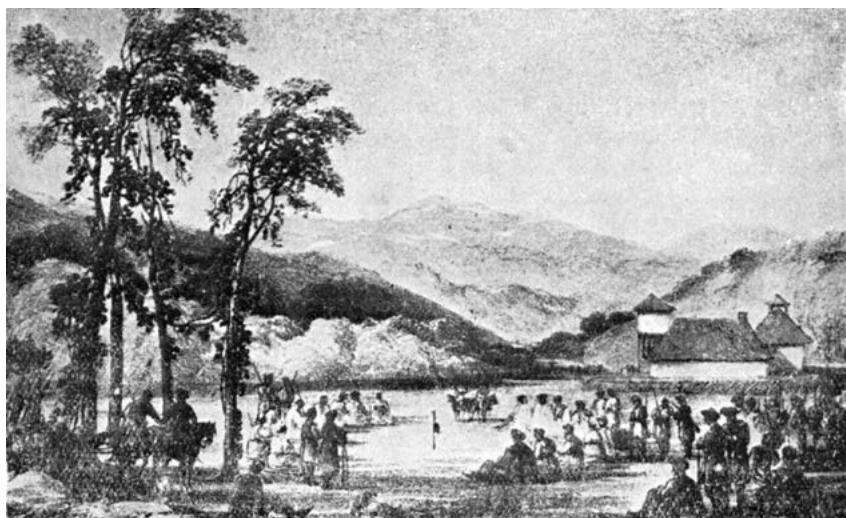
Экирхан — бывшее поселение убыхов (ныне Лазаревское). Название сохранилось в песне абхазов, воевавших там с убыхами. От побежденных и плененных ими убыхов абхазы усвоили их песню, назвав ее «Песней гагринцев»⁴⁹⁶.

В значительной степени сохранял еще свою силу убыхский патриархальный род, организация родственников, хотя и живших теперь рассеянно отдельными большими и малыми семьями. Одним из крупнейших таких родов являлся, как мы уже знаем, род Берзеков, состоявший, по Беллу, «из 400 благородных семейств». Однако кровнородственная организация уже давно не была господствующей формой организации общественной жизни. Она постепенно уступала свое место территориальным связям.

Чрезвычайно показательны слова Т. Лапинского, сказанные им касательно населения Восточных берегов Черного моря, включая в первую очередь убыхов. Как он пишет, вступая на эту землю «...не можешь понять, каким образом народ, у которого каждый ребенок носит оружие, не имеющий писанных законов, исполнительной власти, даже начальников и предводителя, может не только существовать, но еще противостоять долгие годы такому колоссу как Россия и сохранять свою независимость». И тут же продолжает, сам давая ответ на этот вопрос: «Причина этому — крепкая социальная организация народа, опирающаяся на национальные традиции и обычаи, которая не только охраняет личность и имущество каждого, но также делает трудным и почти невозможным все... попытки к покорению страны»⁴⁹⁷.

⁴⁹⁶ *Ковач К. В.* 101 абхазская народная песня. — Сухум. 1929. С. 2.

⁴⁹⁷ *Лапинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Глава 3.

Съезд в Гече в 1838 году. (Рис. Дж. Белла)

Так как же в действительности складывалась и функционировала в таком случае общественная жизнь убыхского общества? Некоторые ответы на эти вопросы, как кажется, дают сведения Т. Лапинского и француза А. Фонвилля.

По данным последнего «все аулы, расположенные в одной долине, составляли общину и обозначались названием долины. Жители выбирали одного из своей среды, обыкновенно самого старого, для обсуждения незначительных споров и повседневных дел, которых не стоило доводить до обсуждения на народных собраниях общины. Старшина этот в военное время заведывал контингентом небольших конфедераций, и нередко случалось, что простой старшина, подобного рода, имел, гораздо более влияния в стране, чем какой-нибудь князь. Значение обязанностей старшины определялось количеством соединенных аулов и зависело еще от личной храбрости и особенно [в последние годы] от набожности должностного лица; а если это был хаджи..., то значение его было весьма важное. Надобно, впрочем, заметить, что когда в долине был такой аул в котором

проживал князь [это видимо были все-таки дворяне, а не князья], то обыкновенно он избирался постоянно для управления делами, и в этом случае избирательная должность делалась почти наследственной»⁴⁹⁸. В соответствии с этим, высшей властью сельской территориальной общины являлись общие собрания свободных мужчин общины или группы общин, созывавшиеся по мере надобности у священных рощ, деревьев, а в последние годы и вблизи мечетей. Более же сложные дела разбирались в совете старейшин. Если же на повестке дня стояли важные вопросы о «положении дел в крае», такие, например, как вопросы войны и мира, то в таких случаях они выставлялись на обсуждение народным собраниям всех взрослых свободных мужчин, то есть в общеубухском масштабе. Одно из таких народных собраний и было описано присутствовавшим на нем А. Фонвиллем.

Эта, по его словам «национальная ассамблея» состоялась в 1864 г. Собралось тогда около 4000 человек, «в полном вооружении и верхами». Сойдя с лошадей и оставив их на привязи все прибывшие «образовали круг, в середине которого поместились начальники, сидя на соломенных связках. Водворилась тишина и заседание открылось». А. Фонвилль так описывает его: ораторы «сменяются, собрание волнуется, поднимаются разные вопросы, возбуждаются споры... Вдруг, как-бы по мановению жезла, снова восстанавливается мертвая тишина. Эта сцена повторяется несколько раз, и таким образом, мы были свидетелями, так сказать, натурального парламентаризма. Наконец, круг расстраивается... и все взоры обращаются в одну сторону, на дерево, по которому один член собрания вскарабкивается с необыкновенной поспешностью. Достигнув верхушки, он, начинает оттуда держать какую-то речь, которую, однако, все слушают с полным благоговением. Индивидуум этот... объявил постановления собрания, и нам сказали потом, что решения собрания не могут быть действительны и законны без этого обряда.

⁴⁹⁸ **Фонвилль А.** Указ. соч. С. 22.

Решено было призвать всех убыхов к оружию в самый короткий срок. Каждый аул обязан выставить одного экипированного воина и кормить его в продолжение всей компании». Когда вопросы войны и мира, имеющие всеобщее общественное значение, были решены, то собрание приступило к разбору частных дел. «Снова составилась круг и скоро несколько дел были обсуждены; большая их часть касалась воровства». Собранием выслушивались показания обвинявших, обвиняемых и свидетелей и только после этого выносился приговор. Последнее решение также объявлялось с дерева. Как пишет А. Фонвилль «Эти митинги представляют собой единственную власть в стране»⁴⁹⁹.

2. Социальная структура убыхского общества

Что же представляла собой социальная структура убыхского общества в XIX веке? С одной стороны общество состояло в основном из свободных крестьян — «вагъышвей» (земледельцев и скотоводов) и из «крепостных» и рабов, а с другой — из феодалов дворян «куашха».

Из всех социальных категорий убыхского общества — на самом низком положении, конечно же, находились рабы, приобретаемые войной и набегами, когда военнопленные или похищенные обращались в невольников. Но приобретались они и покупкой. Предназначались эти люди, как для продажи, так и для домашних услуг, пастушества, полевых работ, заготовки дров и некоторых других хозяйственных занятий. Обращает на себя внимание то, что у убыхов для рабов мужчин и женщин были разные названия. Рабыня у них называлась словом «*хьа-лайк*» (ср. с турецким словом «*алайк*» — рабыня и производными от него абхазскими словами «*ахулак*» — «несчастный», «обездоленный»), а для мужчин, по словам Дж. Белла существовало

⁴⁹⁹ Фонвилль А. Указ. соч. С. 12.

другое обозначение — «кадъера» (*kadyera*)⁵⁰⁰. По Услару же их называли словом «аккеры» (*akkeru*)⁵⁰¹, а у Ад. Дирра названием раба (а он всех несвободных называл крепостными) приводится слово близкое усларовскому — «геры» (*ger*)⁵⁰². Это один и тот же термин, но во втором случае проходит без аффикса «а» и с заменой звука «к» на «г». Близко к нему звучит и убыхское слово *agar*э (агъары) в значении раб, которое мы находим у Фогта⁵⁰³. Слово является заимствованием из абхазского⁵⁰⁴, так как у абхазов одним из названий раба, невольника было «агыруа» то есть мегрел, где этническая принадлежность превратилась в обозначение невольника, что было нередким явлением у многих народов. Зафиксированное же Ад. Дирром название раба и как «арап», было усвоено убыхами от турок и, возможно, уже в Турции, хотя и в Убыхии и вообще в Причерноморье нередко встречались рабы и из негров⁵⁰⁵.

Рабы согласно и Дж. Беллу, составляли значительную часть населения Убыхии, также как и в Джигетии, а в адыгейских обществах заметно меньшую. Он пишет, что начиная от Вордане к югу достояние человека расценивается согласно числу рабов, которыми он владеет, в то время как в других местах его исчисляют количеством быков и баранов. А Т. Лапинский писал, что по крайней мере, в середине XIX в., рабы составляли четвертую

⁵⁰⁰ **Bell J. S.** *Tagebuch seines Aufenthaltes in Cirkassien während der Jahre 1837, 1838 und 1839.* — Pforzheim. 1841. S. 768.

⁵⁰¹ **Услар П. К.** О языке убыхов. С. 85 и 101.

⁵⁰² **Dirr Ad.** *Die Sprache der Vbychen*//«Caucasica». V — Leipzig. 1928. S. 14.

⁵⁰³ **Vogt Hans.** *Dictionnaire de la langue oubykh.* — Oslo. 1963. P. 84, № 13.

⁵⁰⁴ **Чирикба В. А.** Абхазские лексические заимствования в убыхском языке //Проблемы лексики и грамматики языков народов Карачаево-Черкессии. — Черкесск. 1986. С. 122

⁵⁰⁵ **Невский П.** Кубанский край в 1864 году //Газ. «Кавказ», 1868, № 101, 102.

часть всего населения Убыхии, тогда как у абадзехов десятую, а у шапсугов едва ли эта цифра достигала двадцатой части. Однако здесь следует учитывать отрезок времени, разделяющий эти сведения. Положение за два десятилетия, т. е. с конца 30-х и до конца 50-х годов сильно изменилось во всех отношениях — и в политическом и в социальном плане, что несомненно оказывало влияние и на численность категорий и на положение населения того периода. Вряд ли можно сомневаться в сокращении размеров работорговли в связи с мерами, предпринимавшимися против нее русским командованием, вызвавшими, вероятно, большое скопление невольников, предназначавшихся для продажи — не стало рынков сбыта. А последнее, несомненно, повлекло за собой изменение и характера рабовладения.

Мы знаем лишь отчасти положение рабов и «крепостных» в более ранний период. Описания их взаимоотношений с владельцами, встречаются, у Дж. Белла, и некоторых других авторов. Так, обращает на себя внимание то, что основная масса «крепостных» и даже рабов, согласно подавляющему большинству источников, была вооружена, хотя и не тем оружием и не так, как их хозяева. В то же время привлекают внимание и описания некоторых авторов о взаимоотношениях в повседневном быту рабов и их владельцев. Согласно Дж. Беллу, рабы зачастую принимали пищу за общим столом со своим хозяином, если были женаты, то имели со своей семьей собственное жилище и часть поля, иногда владели и скотом, что продавать их можно было будто бы только с их согласия и только всей семьей, что ни один ребенок не продавался без согласия родителей, а в случае состоявшейся продажи пятая часть платы шла им, что они якобы имели право перехода к другому хозяину и т. д. Вместе с тем, на основании показаний Дж. Белла, а позже Т. Лапинского и других авторов, хозяин выбирал и покупал своему рабу жену, но только с его согласия, справлял за свой счет свадьбу по обычаю, а в случае смерти раба устраивал также за свой счет похороны, поминки т. п. Однако Л. И. Лавров считал, что право перехода

к другому владельцу и оказание хозяину внешних признаков почтения имели только «крепостные», относимые им к рабам, посаженным на землю. Все вышеизложенное было показателем сохранения патриархальных пережитков.

Исходя из приведенных данных, можно согласиться с Л. И. Лавровым, пришедшим к выводу, что «уровень развития рабства и крепостничества среди убыхов был крайне низок». Отметил он и то, что в литературных источниках об Убыхии не различаются рабы и крепостные, впрочем, так же как это наблюдалось и в среде самих убыхов.

Основную массу населения Убыхии представляло сословие свободных общинников — «уагышвей» (*уагъшэ*) или «вагъышвей»⁵⁰⁶, соответствовавших адыгским «*тфокъотлям*» и абхазским «*анхаю*» (в то же время у убыхов существовал якобы и другой термин в значении крестьянин — «*düsaqa*»⁵⁰⁷). Именно вагъыши были главными и непосредственными производителями — земледельцами, скотоводами и ремесленниками. Часть из них, не гнушавшаяся торговли, то есть представители свободного населения, в XIX веке выступала, благодаря ей, уже в качестве крупных богачей. В обществе свободного населения вагъышей шел заметный процесс социального расслоения. Фактически из этих, в основном старшинских представителей формировалась новая прослойка феодального типа. Одним из таких возвысившихся вагъышей был субешский житель, о котором писал Дж. Белл — Хасан-бей Диде, начинавший свой экономический подъем с морского пиратства и широким размахом работорговли. Он владел двумя морскими судами, имел многочисленных рабов и так называемых крепостных, благодаря чему имел большой вес в обществе. Таким образом, эта новая

⁵⁰⁶ *Vogt H. P. 203, № 2041.*

⁵⁰⁷ *Там же. С. 114.*

Группа убыхов

прослойка выступала уже в качестве представителей крупных крепостников, рабовладельцев и работорговцев⁵⁰⁸.

По старинным адатам у свободных вагъышвей не было обязанностей перед дворянами, хотя последние постоянно прилагали усилия к тому, чтобы они имели место, используя для этого старинные обычаи (например, обычай трудовой взаимопомощи), которые постепенно перерождались в обязанность только одной стороны, т. е. со стороны вагъышвей. Но последние в силу своих возможностей противостояли этому, и даже в середине

⁵⁰⁸ Лавров Л. И. Указ. соч. С. 20.

XIX столетия еще никем не было отмечено закабаление этих крестьян даже из самых беднейших их слоев.

Высший слой убыхского общества был представлен дворянским сословием, носившим у них название «куаиха» (кəаишə) ⁵⁰⁹. Этот высший слой, выделявшийся знатностью своего происхождения и богатством, согласно Л. И. Лаврову, был представлен на территории Убыхии пятью фамилиями: Аублаа/Облагу, в обществе Саше, Берзек в Верхней Убыхии и Субешхе, Чизымогуа в долине р. Псахе, Дзепш на Вордане и Хамыш на р. Хоста ⁵¹⁰, хотя в действительности их было больше. Чрезвычайно важным представляется описание положения убыхских дворян среди дворянства адыгских народов, приведенное в работе Ф. И. Леонтовича, а писал он об этом следующее: у аристократических племен адыгов «принадлежащие к высшему дворянству именуются князьями» (*курсив автора. — III. И.*), а у демократических, включая «убыхов, называются первостепенными дворянами (т. е. уорками, узденями. — *III. И.*), которые почти равняются в правах своих с князьями» и почитаются выше первостепенных дворян аристократических племен. Что же касается второстепенных и третьестепенных дворян, то «например, в народных собраниях, шапсугские, абедзехские, убыхские и натухайские дворяне сего рода имеют преимущество пред таковыми прочих племен» ⁵¹¹. В то же время убыхские дворяне благодаря своему богатству и численности, пользовались в общественной жизни большим влиянием, чем *оркѣи* абадзехов, шапсугов и натухайцев.

⁵⁰⁹ *Vogt Н. Р.* 34, № 872.

⁵¹⁰ *Лавров Л. И.* Этнографический очерк убыхов. С. 21.

⁵¹¹ *Леонтович Ф. И.* Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып I — Одесса. 1882. С. 119.

**Убыхи. Видимо, представители
привилегированного сословия. (Рис. Дж. Белла)**

Большим влиянием пользовались убыхские дворяне и среди своего народа, особенно представители нескольких самых выдающихся родов куашха. К главнейшим дворянским фамилиям убыхов К. Сталь помимо Берзеков отнес и Зейс (вероятно, Зейшв), а Т. Лапинский указал и фамилию Брак. Был еще ряд привилегированных дворянских фамилий: к числу выделявшихся на территории подвластной убыхам, знатностью своего происхождения и богатством относились несколько фамилий: Аублаа на реке Сочи, Берзеки в Верхней Убыхии, в Субешхе, на р. Сочи и Дагомысе, Чизымогуа на реке Псахе, Дзепш на Вордане, Хамыш на реке Хоста⁵¹², Аткевя в обществе Субешх, Дишан у устья реки Бзыч, хотя в действительности их было заметно больше.

В убыхских материалах Ж. Дюмезиля мы находим упоминание и других, как он пишет «знаменитейших», «княжеских» фамилий, Хундж, Есенч, Циув и Зейшв (к фамилиям Зейшв и Хундж принадлежала жена Айтек Намитока, убыхка по происхождению, турецкая писательница Хайрие Мелек Ханум). Ж. Дюмезиль называет их княжескими хотя таковых в Убыхии не было, а князьями были только Аублаа и Хамыш так как являлись представителями садзского покоренного населения. Еще Т. Лапинский писал, что «...во всей Убыхии нет ни одной княжеской семьи». И Ад. Берже писал, что «убыхи не имеют князей, но зато класс дворян многочислен и силен»⁵¹³.

Интересно, что шапсугские старики, по словам Л. И. Лаврова, среди нескольких убыхских фамилий назвали и «дворянский» род Мершье или Мершьенэ, который в абхазской среде у медовеевцев: в Ахчипсоу, Аибга, Псху, в Цебельде и Дале и др., а также у абазин был княжеским и славился как самый воинственный и неукротимый княжеский род. Самой же прославленной и самой многочисленной была фамилия дворян рода

⁵¹² Лавров Л. И. Указ. Соч. С. 19.

⁵¹³ Берже Ад. Краткий обзор горских племен на Кавказе. — Тифлис. 1858. С. 23.

Берзек или Берзедж, насчитывавшая в 30-х годах, согласно сведениям Дж. Белла, 400 хозяйств, каждое из которых владело семьями крепостных числом от 5 и до 20-ти. Каждый из Берзеков мог выставить в среднем до 150 воинов, а все Берзеки вместе около 3000 вооруженных людей, чем и был обусловлен их высокий военно-политический потенциал. Этим, в конечном итоге определялась их исключительная роль и значение не только в своей стране, но и далеко за ее пределами, по крайней мере, в XIX веке, вплоть до выселения убыхов в Турцию. Из рода Берзеков вышли крупнейшие военные и политические деятели северо-западного Закавказья.

Опираясь на Дж. Белла и на некоторые другие источники, Л. И. Лавров дает довольно подробную характеристику военно-политической деятельности целого ряда виднейших представителей Берзеков, главным образом Хаджи Дагомукко Исмаила Берзека — этого, говоря словами Дж. Белла «Вашингтона черкесов». Н. В., автор статьи «Утверждение наше в Абхазии» говорит о нем, как об особо признанном лидере и не только убыхского народа.

Белл и другие авторы немало пишут и о его неукротимом племяннике Керантухе, возглавившем борьбу за независимость после ухода с политической арены его дяди Хаджи Берзека Дагомукко, а также и о других лидерах этой фамилии: Главная резиденция, вернее «родовое гнездо» Берзеков, самого знатного рода между убыхами, вероятно, находилась в верховьях р. Шахе в Бабуковом ауле, располагавшемся между речками Бсюк и Буший, правыми притоками р. Шахе, где они, судя по рассказам русских офицеров, жили в роскоши, имея мебель и зеркала из-за границы. Как видно, имели они свои земли и за хребтом, о чем говорит название леса на окраине аула Нешукай на реке Мартэ в Абадзехии — Берзедж хъаблэ т. е. «место бывшего поселения рода Берзедж».

Следует отметить, что род Берзеков (Берзек, Берзедж, Барзедж) был представлен не только у убыхов. Он встречался у абхазов-садзов, у шапсугов, у абадзехов и других племен. Создается впечатление, что это осколок какого-то древнего исчезнувшего племени (ср. с названием племени Юго-восточного Причерноморья античного времени — Бизеры).

Впервые в истории эта фамилия была встречена в надписи на надгробном памятнике турецкого изделия. Скопированная этнографом Н. Г. Волковой в Сочинском музее в 1962 г. и изданная Л. И. Лавровым, она гласит: «Берзека Мухаммада-аги умершая дочь Хавва. Душе ее Фатиху! 1207 г.» т. е. от 19, VIII, 1792 г. до 8, VIII, 1793 г. Значит, надпись относится к самому концу XVIII века. В своем примечании Л. И. Лавров пишет: «Эта надпись является самым ранним известием об убыхском роде Барзеков, Берзеков или Бэрзэдж». Вместе с тем надпись является свидетельством того что это было время возможно только начала приобщения этого рода к мусульманству уже в XVIII веке.

3. Об одном «межсословном» обычае (аталычество)

Убыхи бережно хранили много разных старинных обычаев. Об одном из них, после гостеприимства и кровной мести, едва ли не самом главном (как и у соседних племен), здесь следует привести хотя бы несколько кратких сведений. Это аталычество — древний обычай молочного родства, суть которого в последний период его функционирования состоял в том, что княжеский или дворянский ребенок с момента рождения забирался (иногда похищением) в крестьянскую (или другую низшую семью с тем, чтобы, завершив воспитание, вернуть его в отцовский дом, между которым и кормильцами и воспитателями устанавливались с того времени самые тесные взаимоотношения, не уступавшие ни в чем естественному кровному родству.

Материалов по аталычеству много⁵¹⁴, но здесь я ограничусь свидетельствами только трех авторов, двое из которых почти одновременно — около середины XIX в. — сами непосредственно наблюдали его, а третий на стадии все еще вполне живого народного бытования его у убыхов, а также у абхазов и черкесов, так же сохранявших пока многие свои архаические черты.

Вот как об этом пишет Ф. Торнау: «У черкесов [в число которых он здесь включает и убыхов и абхазов], существует давний обычай не воспитывать дома детей знатного происхождения. Вскоре после рождения, мальчика отдают обыкновенно на прокормление и воспитание в чужую семью, до тех пор, пока он не подрастет и не научится владеть оружием. Весьма часто выбирали для этого совершенно другое племя. Принявший ребенка на воспитание, под названием аталык, приобретает все права кровного родства с семейством своего питомца. Этот обычай много способствует к примирению и к сближению между собою разноплеменных горских семей и обществ, а дети научаются говорить на чужих наречиях, что для них бывает весьма полезно при существующем на Кавказе разномыслии. Женщины заботятся с особенною нежностью о своих питомцах, которые тем сильнее привязываются к посторонним кормилицам, чем менее знают своих родных матерей. Горцы убеждены, что вред, причиненный аталыком своему питомцу, навлекает неотвратимое несчастье на его семейство, выпадающее преимущественно на кормилицу».

Дж. Ст. Белл тоже коснулся обычая аталычества. Он о нем писал так: «Аталык не только кормит, одевает и воспитывает доверенного ему мальчика бесплатно, но предоставляет ему коня и оружие, словом, аталык, по-видимому, во всех отношениях заменяет ему отца, пользуясь бóльшим уважением, чем родной

⁵¹⁴ Не потеряла своего значения статья 1935 г., посвященная вопросам возникновения, дальнейшего развития и трансформаций этого института, принадлежащая, крупнейшему кавказоведу Марку Осиповичу Косвену (**Косвен М. О. Аталычество**//СЭ 1935, № 2).

отец. Аталык, ожидая получить вознаграждение, после того как воспитание юноши закончится, полагается и на подвиги и военную добычу своего приемного сына, а также на благодарность, как со стороны самого воспитанника, так и его семьи. Воспитание под руководством аталыка продолжается шесть — восемь лет. Многое зависит от умения отца выбрать аталыка для своего сына. Я не слышал о каких-либо злоупотреблениях или дурных поступках аталыка. Но один дворянин из Адагума обратился ко мне с просьбой помочь ему восстановить голос, который он потерял. Это несчастье, по его словам, случилось с ним из-за бедности его аталыка, так как воспитанник лишен был хорошей одежды. Случается, что и девочек таким же образом отдают на воспитание, но это не представляет явления обычного»⁵¹⁵.

Наблюдатель и участник военных событий последнего года войны француз А. Фонвиль, почти весь последний год войны находился среди сражавшихся причерноморских горцев, в основном среди убыхов. Среди других мест он гостил там и в ауле Вардан, расположенном «на небольшой речке, орошающей долину Вардана», у знатного представителя этого племени Измаил-бея Дзепш. В своих воспоминаниях он рассказывает о большом празднестве в этом ауле, связанном с убыхским вариантом обычая аталычества.

Это редкое свидетельство непосредственно связано с убыхским бытом, в связи с чем приведу его здесь почти полностью, тем более, что и сам автор написал: «причины этого торжества так исключительны и оригинальны, что заслуживают того, чтобы о них сказать несколько слов. По древнему, укоренившемуся в стране обычаю, когда у какого-нибудь начальника рождался сын, то черкес менее благородный, для того чтобы породнить-

⁵¹⁵ **Белл Дж. Ст.** Повествование об одной резиденции в Черкесии / Рукописный перевод Белла **Н. А. Данкевич-Пуциной**, с. 345–347. Архив Абх. института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР, ф. № 164. См. и АБКИЕА с. 469.

ся с отцом новорожденного, похищал этого последнего, и честь воспитания ребенка принимал на себя.

Семейство новорожденного в этих случаях уже и не вспоминало о ребенке до тех пор, пока он не достигал семи или восьмилетнего возраста; тогда, обыкновенно, одетого в роскошный костюм, ребенка возвращали с большою церемониею его отцу. Мальчик, возвратившись домой, садится на лошадь и, сопровождаемый несколькими друзьями, объезжает страну, приглашая всех принять участие в празднестве, которое дается в честь него. Мы тоже были приглашены, не имея сперва никакого понятия об этом обычае, но когда нам объяснили его, тогда мы действительно припомнили, что дня три тому назад к нам в аул являлся особый кортеж, целью посещения которого мы тогда никак еще не могли себе объяснить. Мы видели только, что в аул Измаил-бея приезжали двенадцать всадников в парадных костюмах, и между ними мальчик, одетый в черкесский плащ из ярко-красного сукна, вышитый по всем швам серебром. К немалому удивлению нашему мы заметили на нем саблю, ружье и пистолет, всё чрезвычайно оригинально убранное и тщательно прилаженное к его маленькой фигурке».

На празднестве... присутствовала [помимо взрослых] огромная толпа молодых людей... «Праздник начался тем, что один всадник с зеленым значком в руке скакал, преследуемый сотнею своих товарищей, старавшихся вырвать у него из рук флаг. Всадник кидался во все стороны небольшого плато, на котором и мы находились, и употреблял все возможные уловки, чтобы сохранить у себя трофей. Несмотря, однако, на все увертки и изменения направлений, значок был у него отнят, и похититель, в свою очередь, делался предметом всеобщего преследования. Забава эта продолжалась довольно долго, и мы с особенным интересом следили за скакавшими, которые с необыкновенной ловкостью и грацией управляли на всем скаку своими маленькими, живыми и чрезвычайно красивыми лошадаками... К толпе, исключительно состоявшей вначале из молодежи,

Ростом Инал-Ина с его аталыком Керантухом Берзек

присоединились несколько стариков с седыми бородами, привлеченных всеобщим одушевлением. Во время этой джигитовки всадники время от времени стреляли в воздух, так что в продолжение целого дня слышна была непрерывная пальба»⁵¹⁶. В то же время «местами образовались небольшие кучки мужчин... и видели в каждой из них танцевавших девушек»⁵¹⁷.

Аталычество как сказано, — один из важнейших древних кавказских обычаев, прошедший несколько этапов в своем историческом развитии (см. указанную выше статью М. О. Косвена). На Кавказе возник он, вероятно самостоятельно, и долго сохранялся в основном у коренных народов Западного Кавказа. В своем генезисе он восходит, надо полагать, к матриархальным отношениям, что особенно полно нашло свое отражение в абхазских материалах⁵¹⁸. В классовом обществе институт аталычества подвергся феодальным трансформациям и играл большую роль в общественно-политической жизни страны, содействуя примирению враждующих сторон, усилению одной группировки господствующего сословия в конкурентной борьбе против другой и т. п. Недаром, например, последний владетель Абхазии Михаил был отдан на воспитание по обычаю аталычества пожалуй, самому влиятельнейшему убыхскому дворянскому роду Берзеков, который представлял собой большую военно-политическую силу и влиял на дела не только в самой Убыхии, но и за

⁵¹⁶ Описанное здесь аталычество и связанное с ним народное празднество, в том числе головокружительные скачки, вплоть до мельчайших подробностей находят себе свои аналогии в абхазском старинном, ныне еще не совсем забытом обычае скачек под названием «атарчей», связанном, правда, у них с поминками.

⁵¹⁷ **Фонвиль А.** Последний год войны Черкессии за независимость. 1863–1864 г. — Краснодар. 1927. С. 14.

⁵¹⁸ **Инал-Ипа Ш. Д.** Воспитание ребенка по обычаю аталычества у абхазов//Труды АбНИИЯЛИ Том, XXVI. — Сухуми. 1955. С. 155–204; **Его же.** Социальная сущность аталычества в Абхазии в XIX веке//Труды АбНИИЯЛИ. Том XXVII — Сухуми. 1956. С. 71–125.

ее пределами. К началу XX в. аталычество изжило себя и сошло с социальной и политической сцены края.

Кроме аталычества существовал еще другой род приемного родства, хранить который обычай повелевает так же свято, как и настоящее аталычество. Если два человека согласились составить между собой союз на жизнь и на смерть, то жена или мать одного из них дает другу мужа или сына коснуться губами три раза своей груди, после чего он считается родственником семьи и пользуется покровительством, какое принадлежит действительному питомцу... Хорошо понял значение в крае обычая не только аталычества, но и усыновления такой знаток жизни горцев, каким стал Ф. Ф. Торнау. В целях успешного выполнения опасного поручения от начальства, он сам вынужден был пойти на то, чтобы в 1835 году его усыновил в доме абхазского дворянина Соломона Мканба (с. Анхуа, находившееся в соседстве с Анакопией) житель горного общества Псху абхазец Багры. «Жена Багры, пришедшая погостить в отцовском доме, была налицо, следственно, дело не представляло больших препятствий. С согласия жены, Хатхуа породнил меня с нею описанным способом». Ф. Торнау отметил, что и при этом случае делаются подарки аталыку и, как бы, кормилице. Причем «...несколько кусков бумажной материи, холста, ножницы и иголки, считающиеся в Псху неоценимыми редкостями, да кинжал с золотой насечкой, запечатлели наш союз. Багры, вступив в обязанность аталыка, принадлежал мне вполне. Благодаря его суеверию и привязанности, которую он питал к своей жене, я мог полагаться на него, как на самого себя»⁵¹⁹. Ф. Торнау верно учел, что этот абхазец, назначенный к нему проводником, вступив в обязанность «аталыка», до смерти будет ему верным и никогда, и ни за что ему не изменит.

⁵¹⁹ *Торнау Ф. Ф. Указ.соч. С. 82.*

Глава пятая

ВОЕННЫЙ БЫТ УБЫХОВ

1. Военизированный быт убыхов

Убыхов за их организованность и беспредельную храбрость, за их неутомимость в борьбе, царские генералы считали «самым воинственным племенем Западного Кавказа»⁵²⁰. Во всех военных предприятиях они были «главным ядром, образцовым отрядом, бившимся отчаянно впереди всех, а в отступлении — сзади всех»⁵²¹. «В нашей Кавказской армии убыхи считаются храбрейшими из горских племен, их очень уважают за неустрашимость и непоколебимое мужество», — писал в середине XIX века русский офицер В. Д. Скорятин. «Против убыхов, — продолжает он, повторяя слова старого офицера, прослужившего 10 лет на Кавказе — нельзя делать шуточных экспедиций... с ними шутки плохи. Это львы в драке... Вообще на Кавказе

⁵²⁰ **Филипсон Г. И.** Воспоминания // «Русский архив». — М. 1885. С. 187.

⁵²¹ «Энциклопедический словарь» **Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона**. Т. XXXIV. 67. С. 413.

мне не раз случалось слышать, что убыхов называют рыцарями гор»⁵²².

В отношении этого народа немалый интерес представляет следующее сообщение Н. И. Карлгофа: «Черкесы и убыхи прибрежного края, хотя и движутся общим духом своей народности, но по местоположению, затруднительному для сообщений и по отдаленности между собою обществ, населяющих оконечности края, составляют два почти отдельных союза. Натухайцы соединились со своими единоплеменниками и Шапсугами, обитающими на северном скате Кавказского хребта, а прибрежные Шапсуги составили другой союз с Убыхами. Каждый из этих союзов имеет ввиду одну, главную цель — отстоять против нас свою независимость, но предприятия их по большей части бывают отдельны... Убыхи могут считаться главою второго союза. Воинственное это племя отличается предпочтительно перед другими, враждебными нам племенами, населяющими прибрежный край, упорством в войне, храбростью, отважностью предприятий и единодушием. Другие племена охотно сознают преимущества их над собою и подражают их примеру. По созыву убыхов, стекаются прибрежные шапсуги и с северной покатости хребта — абадзехи, для смелых нападений на наши укрепления, а кроме того они ведут непрерывную малую войну, пользуясь всяким удобным случаем для нанесения нам вреда»⁵²³.

Убыхи объединялись единством политических интересов и с западноабхазскими горскими обществами. Это единство принимало иногда форму военно-политического союза против общих врагов. Так, например, писал Н. В. об абхазских горных обществах ахчипсхувцах и аибговцах: «...эти беспокойные пле-

⁵²² **Скорятин В.** Заметки о Кавказе. Статья вторая//«Отечественные записки», 1862, том 142, № 5.

⁵²³ **Карлгоф Н. И.** Военно-статистическое обозрение Российской империи (Восточного берега Черного моря). Том XVI, часть 10. 1855. С. 24, 25.

мена, ограничивавшие с юго-запада землю убыхов и проживавшие в недоступных горах по рр. Мзымте и Псхоу, на высоте между устьем Сочи и укреплением Св. Духа, а следовательно против форта Навагинского, были главными сотрудниками своих отважных и воинственных соседей во всех их предприятиях на этот злополучный форт», выдержавший за два месяца (март и апрель) 1841 г. «свыше двадцати неприятельских подступов и схваток, доходивших до решительных ночных атак»⁵²⁴. И в августе 1860 года, когда была организована карательная экспедиция против восставшего горного абхазского общества Псху (причем количество наступавшего против них ополчения, состоявшего в основном из милиции абхазских феодалов, доходило до 3-х тысяч человек), к повстанцам на помощь пришли не только садзы, ахчипсувцы и айбговцы, но и убыхи⁵²⁵.

Здесь следует отметить, и то, что почти во всех предприятиях убыхов участвовали с ними и указанные выше горные абхазские племена ахчипсхувцев, айбговцев и других, известных под названием медовеевцев⁵²⁶, не уступавшие им в своей воинственности. Определенные отношения связывали убыхов и с дальскими, и с цебельдинскими абхазами.

Несмотря на то, что убыхи до 1838 года не приходили в непосредственное соприкосновение и столкновение с русскими войсками на своей территории, но, понимая значение продвижения их как с северо-запада, так и с юго-востока со стороны Абхазии, они уже с 1830 года стали оказывать им противодействие в виде помощи соседним народам в их борьбе против наступления вражеских сил России. Уже в августе 1830 г. они

⁵²⁴ **Н. В.** 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе//«Кавказский сборник». Том 13, гл. XI. — Тифлис. 1889. С. 378.

⁵²⁵ **Н. В.** Там же. С. 378. См. и АКАК т. XII, ч. II, с. 861–865.

⁵²⁶ Название Мдавей, сохранилось в фамилии в Турции и в обозначении левого притока р. Цвижепта, рядом с р. Мдзымта. Медовеевцами считались и жители Псху.

были в рядах садзов, упорно штурмовавших возведенное русскими войсками, под командованием генерала Гессе, Гагрское укрепление⁵²⁷.

Несмотря на то, что у убыхов не было постоянного военного войска и военной организации, судя по высказываниям многих авторов, действительно вряд ли можно было встретить у других кавказских народов настолько чётко поставленную организацию подготовки и проведения военных походов, основанных в основном на вековых традициях строжайшей воинской дисциплины и неукоснительного соблюдения военной иерар-

⁵²⁷ **Фадеев А. В.** Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // «Исторический сборник» — Л. 1935. С. 143. В Турции, в местечке Инегель, выходцы из Абхазии, когда видят уставшего измученного человека, спрашивают: «Почему ты такой уставший? Что, держал (т. е. охранял) дорогу в Гаграх?» (Записано в с. Инегель сотрудницей Абгосмузея Дианой Ахба со слов Ахба Ирана и Абхазава Ф. в 1992 г.)

**Портрет причерноморского
горца в старинной экипировке.
(Рис. Г. Г. Гагарина)**

хии во время осуществления ими набегов и участия в войнах. В нижеследующем изложении собраны некоторые материалы о военизированном быте убыхов, об организации и проведении набегов, об их способах и искусстве ведения войны и т. п.

Все убыхи, за исключением малолетних детей и глубоких стариков находились в постоянной боевой готовности. Каждый мужчина убых всегда имел при себе своё оружие, ценившееся очень высоко, впрочем, как и на всём Кавказе, а потеря оружия означала позор. Особо дорожили оружием предков: луками, роскошными колчанами, арбалетами, шлемами, кольчугами, панцирями, щитами и др. Древность оружия, хранящегося в семьях как реликвия, очень ценилась, служа, в то же время, показателем и древности рода. Предметы такого семейного «арсенала» никогда не предназначались ни для продажи, ни для подарков даже самым дорогим гостям. Его надевали в наиболее торжественных случаях, в XIX веке уже в основном зрелые мужи и старики, а по Дж. Лонгворту оно «служило уже скорее для украшения, чем для практического использования»⁵²⁸, но он был не совсем прав.

Барон К. Ф. Сталь тоже писал, что «хотя шишак и кольчуга, лук и колчан теперь на войне не употребляются, но хранятся как святыня, как остаток рыцарских времён...». Цена таких предметов была настолько колоссальной, что купить их практически было невозможно. В настоящее время, — писал К. Ф. Сталь в 1852 г. «все эти рыцарские доспехи» «составляют необходимые статьи» только при плате за кровь убитого князя или дворянина высшего класса⁵²⁹. Однако в убыхской среде, как уже сказано, так же, как и у адыгов все еще можно было встретить людей в

⁵²⁸ *Лонгворт Дж. А. Год среди черкесов //АБКИЕА с. 537. Там же он добавляет, что «в глазах европейца...оно ассоциировало его владельца с давно ушедшими веками».*

⁵²⁹ *Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа //«Кавказский сборник». Т. XXI. 1900. С. 139.*

кольчугах, панцирях, шлемах, с короткими пищалями, секирами, луками, колчанами со стрелами. В таком облачении выходил к людям, упоминавшийся выше убыхский богач Дидже. Но, в основном, это были только зрелые и старые люди, не признававшие огнестрельного оружия, продолжая пользоваться луком со стрелами, попадая в цель за 300–400 шагов. Однако стрелы всё-таки еще употребляли в случаях, когда необходимо было сделать бесшумные выстрелы.

Т. Лапинский оставил нам подробное описание всех видов оружия западнокавказских горцев середины XIX века. Вооружены же были все, так как право свободного пользования оружием было одним из главнейших устоев того сурового военного быта, каким убыхи жили в течение долгих веков. С. Смоленский писал, что даже «каждый бедняк у них помимо ружья был еще вооружен кинжалом и если не двумя, то, по крайней мере, одним пистолетом»⁵³⁰. Самый же бедный люд и рабы, не имея возможности приобрести полноценное оружие, вооружались пиками или длинными палками, конец которых был окован железом.

Воинская слава была настолько почитаема, что девушки при выборе жениха всегда предпочитали «седого удальца юноше богатому и красивому». «Кто не хищничает, — писал К. Ф. Сталь, — тот не уважаем в народе, молодёжь его преследует насмешками, он на старость будет без веса и уважения, женщины его презирают»⁵³¹.

По свидетельствам современников убыхи были красивы, стройны, ловки и крепки⁵³². Дж. Белл во время пребывания в Вордане был поражён большим количеством среди них красивых людей. Он так описал внешность убыхов: «высокий рост, широкая грудь, могучие плечи, узкие бёдра, небольшая нога и

⁵³⁰ **Смоленский С.** Воспоминания кавказца. Бзыбский отряд в 1861 году // «Военный сборник» Т. LX VII (98), № 7–8. С. 176.

⁵³¹ **Там же.** С. 124.

⁵³² **Карлгоф Н. И.** Указ. соч. С. 19.

**Портрет молодого убыха
из книги Дж. Дюмезиля**

пронзительные живые глаза»⁵³³ (нередко отмечал он и красоту женщин).

Увидя убыхов в Вордане описал их внешность и А. Фонвилль: «они были высокого роста, крепкого телосложения, с правильными лицами и с открытым, смелым взглядом; движения их легкие, быстрые и свободные, свидетельствовали о силе и необыкновенной ловкости... Общий вид их был очень хорош, и если бы они носили европейский костюм, то были бы чрезвычайно красивы и статны»⁵³⁴. Т. Лапинский также посвятил их внешности несколько строк: «Абаз, — как называл он горцев Черноморского побережья, — несколько выше среднего роста, стройный и сильный по сложению... Они имеют

большей частью каштановые волосы, прекрасные темно-синие глаза, маленькие стройные ноги, а белокурые или рыжеволосые девушки считаются красавицами»⁵³⁵. Убыхи одевались в удобную лёгкую одежду и, несмотря на то, что были «обвеша-

⁵³³ Белл Дж. //АБКНКА с. 465.

⁵³⁴ Фонвилль А. Последний год войны Черкессии за независимость 1863–1864 г. — Краснодар. 1927. С.10, 12 и 14. И о танцевавших в Вордане девушках А. Фонвилль восторженно писал, что «все девушки были красивой наружности, а некоторые — просто красавицы». Отметил он и необыкновенную грациозность и гибкость их талий, а руки счел «верхом совершенства».

⁵³⁵ Лапинский Т. Глава 3.

Убухка (1929 г.)

ны оружием, но столь лёгким и так ловко накинутым, что оно не препятствовало свободному движению пеших по трудной горной местности», впрочем, как и у всех западнокавказских горцев⁵³⁶.

По Т. Лапинскому, полностью вооружённым мог считаться воин, имеющий очень лёгкое с длинным, узким и слабым прикладом кремневое ружьё (и шомполом к нему), носившееся на ремне за спиной в непромокаемом чехле из козьей или барсучьей шкуры, шерстью наружу

или из войлока, слегка изогнутую шашку или саблю, кинжал и пистолет.

Последний обладал интересным устройством, позволяющим легче пользоваться им левой рукой, чем правой. Из него в сражении стреляли на близком расстоянии лишь после того, как воин обнажал саблю или кинжал, бросаясь в рукопашный бой.

⁵³⁶ К.Ф. Сталь, проведший три года в Причерноморье (1846–1848 гг.), участвуя во всех походах и делах в борьбе с горцами Западного Кавказа, удивлялся присущим им чувствам изящного, проявившегося у них в одежде, оружии, серебряных работах «всё это легко, ловко и вместе с тем прочно, какая драпировка шерстяного чекменя, какая оправа оружия, какая лёгкость и удобство седла! — писал он с восхищением о вооружённом всаднике. — А во время боя! Как ловко управляет он лошадью, какая грация в движениях, как ловко он умеет выхватить винтовку! А во время дождя или сырых туманов, как изящно опахивается своею буркою!» (*Сталь К. Ф. Указ. соч. С. 139*).

Владеть оружием мальчиков приучали с самого раннего возраста. Детям из привилегированных родов или зажиточных семей изготавливали и дарили миниатюрные копии ружей, сабель, кинжалов и ножей. Это было вполне действующее оружие, но исполненное в уменьшенных размерах, соответственно возрасту. В 7–8 лет эти дети были уже превосходными наездниками, а в 9–10 меткими стрелками. Вскоре они начинали принимать участие в скачках и других конных соревнованиях, а в 14–15 лет это были уже практически готовые воины. Как пишет Т. Лапинский некоторые отцы и старшие братья забирали с собой в поход мальчиков и многие из них участвовали даже в сражениях, уже с этих лет приучаясь к военному делу. Большая же их часть определялась вблизи поля сражения для надзора за лошадьми, которые оставлялись им спешившимися всадниками, уходившими для проведения пешего боя⁵³⁷.

**Воспитанник Керантуха
Берзека Ростом Инал-Ипа
в экипировке убыхов.
(Рис. Г. Г. Гагарина)**

⁵³⁷ **Там же.** Горцы Кавказа...
Рукописный фонд. АбНИИ № 164,
с. 165.

Как писал В. Скорятин, у этих «людей отвага, предприимчивость, презрение к опасности всасываются с молоком матери»⁵³⁸.

Убыхская молодёжь большую часть дня проводила также как и абхазская и адыгейская в постоянных тренировках, военных упражнениях, в стрельбе, фехтовании, верховой езде и т. п. Большое значение имели различные состязания, устраивавшиеся во время торжеств: свадеб, при возвращении аталыками воспитанников родителям, религиозных праздников, а также и после завершения похорон и при поминальных церемониях. Целям воспитания молодёжи неустрашимыми и ловкими воинами служили и почти все игры, и даже танцы, также носившие ярко выраженный военный характер. Присутствовавшие на таких играх и танцах европейцы ежеминутно пребывали в страхе, ожидая несчастный случай. Прекрасно описывает такое «страшное» увеселение убыхов А. Фонвилль⁵³⁹: «группа всадников с необыкновенной яростью бросалась на цепь вооружённых палками людей, ограждавших танцующую молодёжь, стараясь пробиться к последним. Эта свалка при невообразимом шуме, сопровождавшемся стрельбой, повторялась много раз — атака следовала за атакой, — лошади вставали на дыбы, но при всём этом, как ни странно, никто из танцевавших не был раздавлен, не было и никакого другого несчастного случая». Подобные танцы-игрища, у адыгейцев, описал и Дж. Белл⁵⁴⁰. Нечто подобное было описано абхазским писателем Михаилом Лакербай и у абхазов.

⁵³⁸ **Скорятин В.** Заметки о Кавказе. Статья вторая // «Отечественные записки». 1862. Том 142, № 5, март и май. с. 303.

⁵³⁹ **Фонвилль А.** Последний год войны Черкессии за независимость 1863–1864 гг. — Краснодар. 1927. С. 15.

⁵⁴⁰ **Белл Дж.** // АБКИЕА с. 481.

2. Военные действия на суше

Нападения и набеги с целью грабежа, совершались убыхами в разных регионах Причерноморья. В то же время совершались, как видно, военные нападения и с целью расширения своей территории. Так, по данным статьи анонимного автора, опубликованной Е. Фелициным, селение Мутыхуа на среднем течении р. Сочи, где в XIX веке проживали представители самого знатного убыхского рода Берзеков, в прошлом принадлежало садзам и лишь в недавнее время было отнято у них убыхами⁵⁴¹. Можно не сомневаться в том, что отнято оно было военным путём, и свое политическое верховенство они распространили не только на общество Саша, вплоть до побережья моря, занимавшее значительный район, но и далее этого места вплоть до Хамыша. Вероятно, все подобное происходило и к северо-западу от этих мест. Генерал Г. И. Филипсон, в конце 1830-х и начале 1840-х гг. находившийся в этих местах, констатировал, о чем уже писалось выше, что: «в настоящее время... следы недавнего завоевания очень заметны в этом участке»⁵⁴² (несомненно, имелась в виду в основном прибрежная часть страны), что удостоверялось, как видно, оставшимися от времени завоевания развалинами завоеванных селений, где происходили бои. Однако, описаний того, каким образом происходили подобные действия, к сожалению не сохранилось. Имеются только рассказы более позднего времени с описанием набегов и нападений.

Как правило, в набегах убыхов принимало участие большое количество людей. Так, в набеге на Абхазию в 1823 г. Сааткери Адагуа-ипа Берзека участвовало свыше 1000 человек; в походе на Гагры в 1840 г. — 2500; в разорении села Отхара в Бзыбской

⁵⁴¹ *Краткое описание страны, лежащей к северу от реки Сочи-п-ста...//«Кубанские областные ведомости». 1884. № 50.*

⁵⁴² **Филипсон Г. И.** Черкесы, казаки и адыге //«Русский вестник» Т. 48. — СПб. 1863. С. 863, 864.

Абхазии под руководством Керантуха Берзека участвовало 2000 человек (убыхов и садзов); в феврале 1852 г. убыхи в количестве 3000 человек вторглись на территорию Абхазии но были разгромлены абхазской милицией под начальством Кац Маана в 12 км от Бамбор; вспомогательный отряд, посланный убыхами в конце Кавказской войны в помощь к абадзехам состоял почти из 5000 человек и т. д.

Впрочем, известны набеги, совершавшиеся и совсем небольшими партиями убыхов, называвшихся «унару», что в переводе означает «доморазрушители» (правильнее, наверное, было бы «доморазорители»). Партия таких унару в 5 или 6 человек, ночью врывается в аул, бревном выбивала двери, резала сонных жителей, забирала в плен людей, грабила имущество «и пока остальные соседи проснутся, — писал К. Сталь, — унару уже исчезли с пленом и добычей»⁵⁴³. Впрочем, насколько это описание соответствует действительности неизвестно, так как подобное явление не упоминается больше никем.

По словам того же Карла Федоровича Сталя, хотя страсть к «хищничеству» у всех черкесов была повсеместной, но особо «ловким и дерзким воровством отличались убыхи». «Перейдя мелкими партиями, по два и по три человека через главный хребет, в самую жестокую зиму, они обворовывают мохошевцев и верхних абадзехов, которые тоже ловки в воровстве. Терпение, настойчивость, смелость, самоотвержение в хищничестве изумительны. Трудно пересказать все трудности, преодолеваемые убыхами». И тут же он с горечью добавляет: «Сколько прекрасных качеств духа человеческого, истраченных на такое низкое назначение»⁵⁴⁴.

Здесь приводятся некоторые описания набегов и искусства ведения войны убыхами. Хотя в источниках нередко убыхи

⁵⁴³ **Сталь К. Ф.** *Этнографический очерк черкесского народа.* — Москва. 1852. С. 96.

⁵⁴⁴ *Там же.* С. 125.

скрываются под общим названием черкесов или адыгов, однако часто эти описания не только в не меньшей, но скорее в большей степени относятся именно к ним. Эти описания можно найти среди архивных документов, в воспоминаниях военных, в замечательной статье первого абхазского этнографа С. Т. Званба, в 1840-х годах работавшего приставом в Джигетии, в превосходной работе подполковника К. Ф. Сталя и др. Все эти материалы использовались затем многими авторами — Н. Дубровиным, Н. Карлгофом, В. Скорятиным, А. Фадеевым и другими.

В то же время убыхи были готовы для отражения нападений и на свои собственные селения, которые, правда, никогда не укрепляли. При опасности их семейства быстро собирались и удалялись в горы, покрытые дремучим лесом, со скарбом и со скотом — главным их богатством. «Впрочем, почувствовав неладное, скот во время войн сам быстро выбегал в открытые им ворота и рассеивался по лесам. В горах население оставалось до окончания военных действий». Если неприятель успевал пройти вглубь их территорий, убыхи разрушали участки дорог, стараясь осложнить отступление врага, и нападали на него сзади. Однако, как считали русские военные, разорение аулов не могло «нанести им решающего вреда» ибо материалы для строительства их домов «находились повсюду»⁵⁴⁵.

Для того, чтобы обезопасить подходы к своим местам проживания, на узких тропинках и дорогах устраивались ямы, завалы из огромных деревьев или «из двойного ряда плетня с набитою в середине землёю» или камнями др. О таких «фортификациях, которые убыхи сооружали во многих местах, несомненно, совместно с садзами и на их территории, писал автор Н. В. (Волконский).

⁵⁴⁵ **Карлгоф Н. И.** Военно-статистическое обозрение Восточного берега Чёрного моря//Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVI. Ч. 10. С. 18.

Убых с лошадыю. (Рис. Дж. Белла)

Вслед за некоторым замирением после событий 1840 года, узнав о восстании в Гурии в 1841 г., убыхи, а за ними и горные абхазские общества — ахчипсхувцы айбга и другие, в том числе и общество цвиджа, только недавно искавшие российское покровительство, вновь «подняли головы» и начали вести подготовку к новому этапу борьбы за независимость. Готовясь начать войну, они решили обезопасить себя, укрепив все дороги, ведущие в их страну со стороны Абхазии и не только в глубине гор, но и со стороны моря: «Самые большие завалы, — писал Н. В., — видны были с моря при устье реки Мызы и на скалистых оконечностях или мысах между этой рекою и рекою Бзугою»⁵⁴⁶. В «последнее же время, вследствие всеобщей агитации, они дружно помогали своим соседям, выставя значительные и довольно хорошо организованные отряды, для противодействия нашим войскам»⁵⁴⁷.

Перед началом подготовки к набегу убыхи избирали предводителя. Предводитель должен был быть одним из самых храбрейших и умнейших людей, прославивший уже себя в военном деле. Опытность его в этом отношении должна была сочетаться с абсолютным доверием к нему со стороны народа. Как пишет С. Званба, «происхождение тут не имеет никакого влияния». Однако, как мы видим по примерам истории убыхов XIX века, как правило, верховенство в военных походах и набегах принадлежало почти всегда представителям дворянских родов, таких как, Берзек, по словам современников, главной семьи убыхов.

Сама подготовка к походу, по описанию С. Званба, начиналась с назначения предводителем места сбора, куда по его зову собирались все желающие участвовать в набеге. Воины каждой

⁵⁴⁶ **Н. В.** 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // «Кавказский сборник». Т. XIV. — Тифлис. 1890. С. 316.

⁵⁴⁷ **Смоленский С.** Воспоминания кавказца. Бзыбский отряд в 1861 году // «Военный сборник» Т. L XL VII (98). 1874. С. 177.

деревни составляли отдельную часть со своим старшиной, которая называлась точно так же, как и у абхазов, отдельным огнем (у абхазов — амцахара) и носила название деревни или околотка. Эти отряды насчитывали от 10 до 100 человек в зависимости от величины поселения.

Предводитель производил подсчёт воинов, как ни странно, очень древним способом, пропуская каждого из них под палкой⁵⁴⁸ или, сосчитав количество камушков, а иногда кукурузных зёрен, присланных от всех частей отряда. Подготовка к походу оканчивалась проверкой и осмотром отряда предводителем, который после этого назначал лучших воинов в арьергард и авангард, отделяя основную часть отряда. На другой день убыхи выступали в поход, следуя попарно, друг за другом, не отделяя пока арьергард и авангард.

В походе запрещалось иметь собственную прислугу: всё необходимое каждый воин, исключая предводителя, должен был нести на себе сам: оружие, лыжи, одежду и съестные припасы, иногда на целый месяц и даже более. Верхняя одежда состояла из полушубка, бурки, башлыка, двух-трёх пар запасной обуви из сыромятной воловьей кожи и войлочных или суконных носков. Запас же провизии включал пшено, копчёное мясо и копченый сыр, масло, перец, соль и кубики из теста, сваренного на меду⁵⁴⁹. Из пшена готовили крутую кашу, называемую абыстой, а суп варили из мяса с пшеном и приправляли стручковым перцем. Этот суп согревал и взбадривал воинов.

По прибытии на место отдыха, дровосеки расчищали от снега площадки, заготавливали дрова. Топоры и лопаты для

⁵⁴⁸ Абхазы и теперь, находясь в горах, так подсчитывают коз и баранов.

⁵⁴⁹ Состав походной пищи почти полностью повторяет абхазский. Что же касается «теста, сваренного на меду», то его варили на подсоленном мёде, затем выкладывали на стол, равняли и подсохшим нарезали на кубики. У абхазов этот продукт назывался ацхаршэы.

такой работы они носили с собой. Если привал назначался для ночёвки, то все сооружали шалаши, расположенные четырёхугольником, и разводили огни. Шалаши оставались, так как служили им во время возвращения домой. Пищу готовили, как их называет С. Званба «кашевары»⁵⁵⁰, к сожалению не приводя их убыхского названия. Они в походе носили с собой котлы. Пищу принимали обязательно вместе по «огням», и для её приготовления каждый из своего запаса провианта отдавал кашевару определённую равную для всех часть. Расходовать продукты самовольно строго запрещалось, а если кто-либо тайком от других съедал какую-либо часть из своего запаса, то это считалось не только позорным, но и предзнаменованием военной неудачи или несчастья⁵⁵¹.

Наутро снова двигались в поход и, лишь подойдя на опасное расстояние к цели похода, от общего главного отряда отделялись авангард и арьергард и двигались на расстоянии от него иногда более чем на полверсты. Затем из авангарда предводитель высылал вперёд трёх-четырёх человек для осмотра местности. Лишь после донесений этих разведчиков,⁵⁵² начинали нападение, которое всегда совершалось за полчаса до рассвета. На месте грабежа убыхи оставались около получаса или чуть более.

Возвращаясь с успешного набега, каждый убых по указанию предводителя давал захваченным врасплох пленным, к которым, не в пример некоторым другим племенам, относились очень гуманно, что-нибудь из своей одежды. По прибытии на сборное место выходил старый седой воин и произносил благодарственную молитву (покровителю военных походов) «за дарованную хорошую добычу», за что этому воину выдавалась

⁵⁵⁰ У абхазов это аху-усы, что означает «приготавливающий пищу».

⁵⁵¹ Званба С. Указ. соч. С. 43, 44.

⁵⁵² Ср. абхазское аҭшыхәцәа — досл. «смотрители», «наблюдатели», т. е. разведчики.

из добычи одна из лучших вещей. Часть добычи отделялась и предусматривалась на поминки убитых воинов и выкуп тех, кто попал в плен.

Приступая затем к дальнейшему ее разделу, предводитель выбирал для себя одного пленного или пленницу, а из всех награбленных предметов по одной хорошей вещи. Остальное делилось уже поровну, исключая кашеваров и дровосеков, между всеми участниками похода, родственники же погибших получали вдвое больше. Для равномерного распределения пленников отряд делили на число пленных, и каждая часть получала по одному человеку, а если пленных не доставало, то их иногда продавали, чтобы вырученные деньги поровну разделить между собой.

Приближаясь к домам и беспрестанно стреляя, убухи пели победоносные песни, сообщая тем самым о своём прибытии. При возвращении же, чтобы не произносить слова «убит» или «взят в плен», которые считались запретными, в таких случаях, убухи оповещали родственников о погибших или попавших в плен особым образом. Кто-либо из близких обращался к родным с вопросом: «вернулся ли такой-то?» и тем всё становилось понятным.

При всем вышеизложенном следует отметить особую и очень ответственную роль руководителей этих походов. Предводитель отряда, которого Н. И. Карлгоф вслед за автором архивного документа называет белатом, т. е. вождём, обладал «расторопностью и сметливостью почти невероятной», благодаря чему даже «в самую темную ночь, когда небо покрыто облаками», партия редко «сбивалась с пути, так как он часто проверял себя компасом». Если же компас разбивался или терялся, то он прикладывал согретую за пазухой руку к четырём сторонам возвышения или кочки и по влажнейшей из них определял север, и направление движения партии бралось им с необыкновенной верностью». В звёздную же ночь ориентирами

были Полярная звезда и Большая и Малая Медведица⁵⁵³. Такими предводителями партий главным образом были представители рода Берзеков, под руководством которых совершались набеги.

У Н. И. Карлгофа приведёно описание хода набегов и на границы с русскими: «впереди едет белат, несколько человек по бокам, остальная партия дробится на небольшие кучки и едет произвольно: вожатый суетится, — то скачет вперёд, прикинув к седлу или поднявшись на стременах, то из-за возвышенности окидывает окрестности привычным глазом; то вдруг палец приложит ко рту, — и вся партия остановилась; укажет наземь, — и все спешатся долой с коней, махнёт к себе, и вихрем скачут, не смея перевести дыхания...» Когда же он видел что-либо, вызывающее сомнение или тревогу, то спешился и полз на ближайшую кочку или возвышение, откуда осматривал окрестности. «Если он замечал людей, то метнув вверх шапку, сам скатывался вниз. Эту хитрость, как пишут, он употребляет для того, чтобы ввести в обман осторожность неприятеля и заставить думать, будто птица слетела»⁵⁵⁴. Если же по дороге необходимо было переплыть реку, то употребляли, по словам Т. Лапинского, надутые козьи бурдюки, значительно облегчавшие переправу.

Когда отряд выступал в ночной поход, порядок следования отрядов изменялся. Боковые патрули съезжались к центру и все старались не отставать, из страха растеряться. Если же из-за тумана партия рассеивалась, то достаточно было искры, высекаемой огнём по кремню, и все вновь собирались вместе. Один лишь предводитель, оторвавшись от отряда на несколько сотен шагов «медленно продвигался вперёд с взведённым курком ружья». Он вслушивался «в малейший шорох, не сводя глаз с ушей своего коня». Движением партии он управлял по условному глухому свисту. Вообще же сигналами во время набегов и других походов служили по уговору звуки, издававшиеся воина-

⁵⁵³ Карлгоф Н. И. Указ. соч. С. 19.

⁵⁵⁴ Там же. С. 19

ми, искусно подражавшими диким животным и птицам — вою шакалов, уханью совы и т. п.

Во время отдыха партия располагалась в лощинах и оврагах, а если окрестности не позволяли скрыть высланного вперёд для разведки «соглядатая», то ему устраивали, как и абхазы, маскировку в виде снопа, который связывали из высокой травы. Под его прикрытием караульный подползал к удобному месту и лежал незамеченным, спрятавшись в траве.

Когда возможно было перевалить через хребет, убыхи совершали, как уже отмечено, нападения на племена и северной покатости хребта — нападали на незащищенные аулы мохошевцев, верхних абадзехов⁵⁵⁵ и абазин. Кажется только темиргоевцы, самые богатые «из всех племён кубанских» имели деревни в большинстве своём укреплённые. «Эти фортификации, — писал И. Бларамберг, — состоят из палисадников или из двойного ряда больших перекрещенных кольев. Внутреннее пространство между этими двумя рядами заполнено землёй, а верхняя часть утыкана рогатками, которые представляют собой непреодолимое препятствие для их врагов туби и убыхов... с которыми темиргоевцам приходится частенько сражаться»⁵⁵⁶.

Руководителями партий, как уже отмечено, зачастую были представители рода Берзеков. По рассказу Н. Дубровина, какого-то Берзека (скорее всего старика Хаджи Берзека) встретил на р. Фарс некий черкесский князь Али-бей, вместе с которым Берзек когда-то ходил в набег⁵⁵⁷. Берзек, собираясь похищничать на Лабе, укрывался в то время в лесу.

Хаджи Берзека встретил на Северном Кавказе в 1835 г. и Ф. Ф. Торнау. По словам современников, «неугомонный» ста-

⁵⁵⁵ Дубровин Н. Указ. соч. С. 172.

⁵⁵⁶ Бларамберг И. Ф. Историческое, топографическое... описание Кавказа. Ч. I. 1836//АБКИЕА 358.

⁵⁵⁷ Дубровин Н. Черкесы (адыге). (Из труда «История войны и владычества русских на Кавказе». 1871.) — Краснодар. 1927. С. 141.

рик со своим отрядом прошёл через хребет «с целью напасть на башилбаевцев», живших на Урупе, а «если представится случай, то и на русские укрепления»⁵⁵⁸, что и делал не раз. Доходя до Кубани, убыхи вторгались в русские пределы то сами, то сгруппировавшись с абадзехами или шапсугами. Еще в 1830 году они по призыву натухайцев и абадзехов участвовали и, без сомнения, руководили нападениями на построенные летом этого года ген. Г. А. Эммануэлем Георгиевско-Афонское и Алексеевское укрепления⁵⁵⁹ и др.

За свою дерзость в набегах убыхи слыли между черкесами людьми необыкновенно храбрыми и энергичными. Славу же свою поддерживали постоянными набегами на разные племена черкесского народа⁵⁶⁰.

Однако согласно Т. Лапинскому убыхи предпринимали и гораздо более дальние военные походы. Так, по его данным они совместно со сванами и даже осетинами совершали набеги на Мегрелию и Грузию⁵⁶¹. Это было возможно только благодаря их дисциплине, организованности и подчинённости одному руководителю, чего не было в среде никаких западно-закавказских племён, исключая абхазов владетельской Абхазии.

Но не всегда набеги сходили для них благополучно. Так, после неудачного летнего похода убыхов на Абхазию в 1823 г. они стали совершать нападения только в зимнее время. Этот поход, окончившийся весьма печально для убыхов, возглавлялся, о чем уже писалось выше, Сааткери Адагуа-ипа Берзеком. Его партия, состоявшая более чем из 1000 человек, при своём продвижении была замечена в горах пастухами. Последние успели до прихода

⁵⁵⁸ *Дзидзария Г. А. Торнау и его кавказские материалы XIX века. — Москва. 1976. С. 48.*

⁵⁵⁹ *Кубанский войсковой архив. Д. 1113, св. 85. (Материал приводится по статье А. В. Фадеева. С. 143.)*

⁵⁶⁰ *Там же.*

⁵⁶¹ *Лапинский Т. В новом издании 1995 г. С. 194.*

отряда оповестить окрестное население. Предупреждённые абхазы дали партии спуститься с гор, а сами заняли со всех сторон горные проходы, отрезав убыхам все пути к отступлению. Партия эта вместе со своим предводителем была полностью уничтожена. С тех пор убыхи стали совершать набеги на Абхазию только в суровое зимнее время, когда в горах никого не было, и никто не мог их выследить.

Однако и в зимнее время походы не всегда бывали успешными, а иногда кончались плачевно. Так, например в 1830-х годах Хаджи Берзек со своей партией пробирался на грабеж в Абхазию. Пройдя страшной дорогой перевалов Пшишегра и Ао-саквашера в верховьях реки Жозквара, где много пропастей и путь верхом совершенно невозможен, «близ горы Арбика отряд был застигнут снежной метелью, и потерял несколько сот человек замерзшими»⁵⁶². Такие походы продолжались и в 40-х годах. Так, в начале 1846 года партия в несколько сот человек, пробравшись к верховью Бзыби и, успев разорить деревню, поспешно отступила, избегнув боя с собравшимися абхазами, но на обратном пути две трети ее погибло от метели. И в начале следующего года убыхи вновь собравшись и сделав безуспешную попытку перейти через перевалы, возвращаясь назад, опять были застигнуты метелью, причинившей им «много вреда»⁵⁶³.

Причины склонности горцев к грабежам искали многие, но их следует видеть не столько в низком плодородии почвы, как считали некоторые, и тем более не в их «неугомонной страсти к приключениям», как писал С. Званба, а в тех, как мы видели, вполне реальных экономических выгодах, которые они извлекали, в особенности военные предводители — из продажи награбленного, прежде всего, пленных, скота и других ценностей.

⁵⁶² Цит. По Дьячкову-Тарасову А. Н. Бзыбская Абхазия // ИКОИР-ГО кн. XVIII С. 50 (со ссылкой на «Воспоминания Филиппсона» в «Русском архиве» 1884. С. 304).

⁵⁶³ Карлгоф. Н. И. Указ. соч. С. 10.

Хорошо осведомлённый в вопросах пленопродавства Т. Лапинский, считал, что «девять десятых, находящихся в Турции рабов, привезены из Убыха». Это показывает, насколько широкий размах приобрела в Убыхии работоторговля⁵⁶⁴ и способы приобретения пленных.

Однако нельзя сбрасывать со счетов то, что предводителями походов в гораздо большей степени руководила жажда славы и известности, признание и завоевание уважения народа, а это чувство было сильнее стремления нажиться. Необходимо учитывать и то, что эти люди рисковали многим, зачастую — жизнью. Ведь предводитель всегда находился впереди отряда и, попав в засаду, первый поражался пулей или шашкой. Рисковали и честью, так как неудачный поход грозил позором, а в некоторых случаях и смертью. В то же время нередко предводитель, если тем более он был из знатной фамилии, всё добытое раздавал в качестве подарков, почти ничего не оставляя себе. Воинская слава и широкая щедрость ценились превыше всего. Таких воспевали в песнях, а это было высшей наградой воина.

В материалах XIX в. можно прочесть не только описания набегов убыхов, но и о способах и искусстве ведения войны. «Они, — пишет один из авторов, — ведут её по образцу всех горских народов». Не имея правильного строя на закрытой и пересечённой местности, используя все её выгоды: действуют врассыпную, преимущественно пешими. У русских заслужили славу «лучшей в горах пехоты»⁵⁶⁵. Скрываясь за деревьями, камнями, кустами и в лощинах, с ловкостью переменяя места, они старались нанести вред своим противникам и ослабить их выстрелами из ружей и винтовок, и тогда только бросались толпами в шашки, когда имели превосходство в силах и надежду на успех.

Как сказано, действуя врассыпную, «они никогда не бывали решительно разбиты, ибо уничтоженная толпа тотчас меня-

⁵⁶⁴ *Лапинский Т. Т. I. — Гамбург. 1863. С. 99 (на нем. яз.)*

⁵⁶⁵ *Н. В. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе//КС 1889. Том 13. — Тифлис. С. 378.*

лась другою, другая третьею, и так далее. Десять или пятнадцать человек, залегши за скалами, в оврагах или кустарниках близ дороги, беспокоили целую колонну, которая могла бы беспрепятственно и без малейшей потери двигаться среди ровного и открытого места». В таких местах русские отряды никогда не видели их, и только сыпавшиеся градом пули выдавали их близкое присутствие. Вдруг с боков и с тыла они вырастали как из-под земли, чтобы нанести неожиданный удар и как только боевые действия переносились на открытое место, они также мгновенно исчезали «точно сквозь землю проваливались». Являясь в большинстве своём хорошими наездниками, иногда часть их действовала и на лошадях, особенно если необходимо было быстро пройти пространство, обстреливаемое артиллерией. Во время сражения, они нередко, ловко управляя своими боевыми конями, смело доскакивали до самых штыков пехоты противника и, на всём скаку, не уменьшая бег, поворачивали лошадь и быстро уносились из вида.

В основном именно убухи смело нападали на укрепления русских. Примером отважности их нападений может служить штурм форта Головинского, предпринятый 28 ноября 1846 года: «Днём, тремя густыми толпами бросились они на лошадях на три фронта укрепления. На каждой лошади было по два всадника, и третий человек пеший бежал подле, держась за стремя. Одна толпа, до тысячи человек, проскакала между блокгаузом и морем, по песчаной полосе в 20 сажень шириною, под картечным огнём трёх орудий. Другая толпа под убийственным картечным огнём девяти орудий подскакала к укреплению, спешила, перешла через два ряда волчьих ям, спустилась в ров, перескочила через палисад и бросилась на бруствер»⁵⁶⁶.

Автор статьи «Утверждение наше в Абхазии» писал, что убухи постоянно тревожили форт Навагинский. Он в течение только марта и апреля 1841 г. выдержал свыше двадцати непри-

⁵⁶⁶ Карлгоф Н. И. Военно-статистическое обозрение Восточного берега Черного моря. 1853.//ЦГВИА ф.ВУА, д. 18514, с. 26.

ятельских подступов и схваток, доходивших до решительных ночных атак, причём «главными сотрудниками своих отважных и воинственных соседей во всех предприятиях на этот злополучный форт» были абхазские горные племена ахчипсоу, айбга и другие, первые из которых, по словам автора, жили в горах «против форта Навагинского»⁵⁶⁷.

3. Борьба на море

В борьбе против российских войск убыхи оказывали сопротивление не только на суше — была задействована и их морская флотилия. Убыхи вели самоотверженную борьбу на морских просторах, зачастую совместно с садзами, а иногда и с шапсугами. В 1830 г., когда русские войска, согласно стратегическому плану графа И. Ф. Паскевича «Абхазская экспедиция» (для соединения сухопутным путем военных укреплений побережья от Анапы до Абхазии), под начальством генерал-майора Гессе начали закладывать Гагринскую крепость, то рядом с садзами, оказавшими яростное сопротивление, были и прибывшие убыхи,⁵⁶⁸ а в начале 1834 г. убыхи и джикеты подплыли на своих галерах и к Пицунде, вероятно, по словам А. Н. Дьячкова-Тарасова, «с намерением вырезать гарнизон укрепления», а заодно и ограбить храм⁵⁶⁹.

Летом того же года, в Абхазии, на Бамборское укрепление, было совершено нападение «абхазских партизан» в соединении, как пишет М. А. Селезнев, с «черкесами», приплывшими

⁵⁶⁷ Там же.

⁵⁶⁸ Об этом свидетельствует и записанная **К. Ковачем** абхазская песня. Константин Ковач. Песни кодорских абхазов. — Сухум. 1930. С. 24–26.

⁵⁶⁹ **Дьячков-Тарасов А. Н.** Гагры и их окрестности //ЗКОИРГО кн. XXIV. — Тифлис. 1904. С. 63, 65; **Селезнев М.** Руководство к познанию Кавказа. Кн. II. — СПб. 1847. С. 196.

туда на своих галерах⁵⁷⁰. Нет сомнения видеть в названных черкесах садзов и убыхов, непосредственных соседей Абхазского княжеского владения.

В 1835 году садзы с убыхами совершили очередное нападение на Гагрское укрепление не только по суше (с трех сторон), но и со стороны моря, откуда 150 человек вступили в бой, высадившись со своих галер⁵⁷¹. Известно, что и раньше те убыхи, которые раньше всех спустились с гор к побережью, «научившись у своих соседей абхазцев, — как писал И. Ф. Бларамберг, — заниматься пиратством», нападали на торговые суда, если тех задерживало в море безветрие, и, взяв на abordаж...», чаще всего «брали верх»⁵⁷². Но там же, автор, в оправдание экипажей крупных судов, добавляет, что убыхи «старались нападать только ночью и внезапно» и лишь в том случае, если их силы значительно превосходили экипаж торгового судна. Задерживать же их на безопасном расстоянии удавалось только выстрелами из пушек⁵⁷³. Имея уже достаточный опыт борьбы на море, убыхи, конечно же, представляли собой опасных противников и на морских просторах, где они мужественно противостояли Черноморскому флоту России. Особенно сложно было сражаться с убыхами в прибрежной полосе, куда не могли подходить крупные корабли.

Для облегчения создавшегося положения из Азовского моря в Черноморье еще в самом начале 1830-х годов, по просьбе главнокомандующего графа Александра Петровича Тормасова были переправлены азовские ладьи с командами донских казаков.

⁵⁷⁰ Там же. С. 216.

⁵⁷¹ Дьячков-Тарасов А. Н. Указ. соч. С. 63, 65.

⁵⁷² Бларамберг И. Ф. Указ. соч. //АБКНКА С. 404. В связи с этим еще раз обращает на себя внимание заимствование из абхазского языка таких слов убыхов как корабль, весло, плавать (плавание в смысле морского).

⁵⁷³ Там же.

Черноморским же казакам, зная их связи с горцами, российское командование не доверяло. Азовские ладьи предназначались для действий вблизи самого побережья и у устьев рек. Однако азовские ладьи оказались не столь маневренными как горские галеры. При этом привлекает внимание распоряжение начальства, полученное азовцами в отношении переделки устройства их ладей, оказавшихся, как сказано, недостаточно пригодными для исполнения возложенных на них обязанностей. Командование рекомендовало конструкции баркасов максимально приблизить к конструкциям черноморских горских судов. Требовалось, чтоб они «легко ходили на гребле и на парусах», «без больших затруднений спускались на воду и вытаскивались на берег», для чего необходимо было сделать их плоскодонными, но с острым килем. Каждое такое судно снабжали затем «чугунным фальконетом»⁵⁷⁴.

С 1837 года, в связи с сооружением на отвоеванной у садзов территории современного Адлера и возведенным там укреплением под названием «Святого Духа», военно-политическое положение Убыхии несколько меняется. Русские военные силы подошедшие теперь почти непосредственно к территории самих убыхов, вызвали в последних крайнее ожесточение. Недаром А. В. Фадеев писал, что если «с самого начала возникновения Черноморской береговой линии царские генералы убедились в том, что «наиболее сильным противником на побережье были убыхи», то теперь они были буквально «ошеломлены...». Отпор, который встретили царские войска на садзской земле, примыкавшей к территории убыхов, был настолько стремителен и решителен, что русскому командованию приходилось постоянно пополнять гарнизоны своих укреплений»⁵⁷⁵.

Таким образом, и на суше, и на море постоянно велась беспощадная борьба. Галеры некоторых убыхских старшин,

⁵⁷⁴ Карлгоф Н. И. Военно-статистическое обозрение... С. 34.

⁵⁷⁵ Фадеев А. В. Указ. соч. С. 144.

имевшие значительную величину, вмещали иногда до 140 человек экипажа и нередко были оснащены артиллерией. Команды их осмеливались нападать даже на военные российские корабли. Несколько таких галер атаковали в 1837 г. люггер «Глубокий», которому удалось спастись только благодаря бегству. А в 1846 году корвет «Пилад» и бриг «Паламед» близ устья Вардане вели безуспешный морской бой с несколькими убыхскими галерами⁵⁷⁶.

Итак, возвращаясь к прерванной теме, следует напомнить о приказе военного командования блокировать все побережье с тем, чтобы прекратить всякие сношения горцев с Турцией и другими областями, с целью создать убыхам и другим горцам невыносимые условия существования и склонить их к покорности. Против судов горцев были созданы две линии крейсерства. Целью как первой, осуществлявшейся царской военной эскадрой еще с 1831 г., но в значительном отдалении от берегов, так и второй прибрежной линии из азовских баркасов, было прекращение работорговли, уничтожение галер и полное пресечение прохода «контрабандных» турецких судов. Однако, контрабандистскими считались все торговые и прочие суда и самих горцев. М. В. Покровский писал, что несмотря ни на что, убыхские старшины, имея собственные морские суда, совершали регулярные торговые рейсы в Турцию, проплывая вдоль Черноморского побережья Кавказа⁵⁷⁷. Суда контрабандистов и, конечно, не только убыхов, ходившие в Турцию и приходившие из нее, доставляли населению жизненно необходимые товары, продовольствие, средства вооружения, а в то же время завозили и иностранных эмиссаров, постоянно подстрекавших горцев к продолжению войны с Россией, подталкивая тем самым неукротимых горцев к трагическому концу.

⁵⁷⁶ *Покровский М. М. Русско-адыгейские торговые связи. — Май-коп. 1957. С. 88.*

⁵⁷⁷ *Там же. С. 12.*

Положение сильно осложнилось после суровой зимы 1839–1840 гг. Неурожай и падеж скота, о чем уже писалось выше, вызвавшие страшный голод, привели к восстанию горцев, разгромивших укрепления Лазаревское, Вильяминовское и Михайловское (а без участия убыхов и Николаевское), располагавшиеся на территории натухайцев и шапсугов. Убыхи, организовавшие и возглавившие его, сумели даже увести к себе часть азовских баркасов, но взять форты, расположенные уже на своей территории, убыхам не удалось, так как у натухайцев и шапсугов по мере отхода от своих земель военный пыл все более и более угасал. Непривыкшие к суровой дисциплине и единому командованию, они постепенно покидали убыхов, возвращаясь к себе. Убыхи оказались почти один на один с превосходящими их во много раз силами противника. Однако, возглавивший восстание далеко не молодой, Хаджи Берзек Дагумоко не оставлял надежды на поворот событий.

Наступил новый этап борьбы и на море. В начале 1841 г. русское командование было обеспокоено известием о действиях Хаджи Берзека по комплектованию военной эскадры, специально предназначавшейся для нападения на ладьи азовских казаков⁵⁷⁸. Стараясь усилить свою флотилию «неугомонный старец» решил увеличить и военный флот. По его поручению, как стало известно в русском стане от лазутчиков, недалеко от форта Навагинского житель левобережья р. Сочи дворянин Омер Чизмаа выстроил три новые галеры (описание их не сохранилось), несомненно, военные⁵⁷⁹. Они предназначались для нападения на азовские ладьи, приходившие в укрепление Навагинское (Сочи) из Головинского (устье рек Субаши и Шахе) и из укрепления «Святого духа» (Адлер).

Все произошедшие события и беспрестанные нападения убыхов привели генерала Н. Р. Анрепа, в марте 1841 г. сменив-

⁵⁷⁸ *Н. В. Утверждение наше в Абхазии. С. 365.*

⁵⁷⁹ *Там же.*

шего Н. Раевского «...к убеждению, что спокойствие на береговой линии не установится до тех пор, пока убухи не будут приведены к полной покорности или на крайний конец, пока им не будет дан внушительный урок»⁵⁸⁰.

В связи с создавшейся ситуацией было усилено блокирование побережья, что создало почти безвыходное положение для тяжело голодающего населения. Военное командование надеялось, что этой мерой оно все-таки вынудит, наконец, убухов покориться. Но надежды эти, как известно, не оправдались, до этого было еще очень далеко. Непримируемая борьба продолжалась.

В ожесточенной схватке противоборствующих сторон, во имя спасения жизней своих соотечественников, убухи решались на самые отчаянные действия, зачастую и на самопожертвование. Автор статьи «Утверждения...» так писал о беспримерном бесстрашии убухо-садзских моряков: «в бурную, неблагоприятную погоду... контрабандные суда, военные и торговые, пользовались случаем... и под говор волн устраивали свои отважные похождения, рискуя, правда, окунуться навсегда в морские хляби», рассчитывая, однако, «и на возможность полной удачи»⁵⁸¹.

Но и азовским казакам, также отличавшимся «отвагою и предприимчивостью», отказать в смелости было нельзя. В их лице убухи имели достойных противников, но, к сожалению, слишком многочисленных. Начались постоянные «отчаянные схватки» экипажей команд черноморских галер с командами азовских казаков, а иногда и с командами крейсеров.

Сохранилось несколько описаний жесточайших морских сражений убухов. Одно из них произошло против укрепления Навагинского в устье р. Сочи-пта еще в 1838 году, когда столкновения трех убухских галер с баркасами казаков, во главе с прославленным сотником Бороховичем, было ужасаю-

⁵⁸⁰ Там же. С. 384.

⁵⁸¹ Там же.

щим. Казакам удалось овладеть одной из убыхских галер, но, что следует отметить, нигде не сказано, сколько ладей было в распоряжении казаков, что говорит об их значительном превосходстве в численном отношении. Какое важное значение придавалось взятию даже одной галеры, говорит награждение Бороховича орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом, что свидетельствует и о чрезвычайной редкости такой удачи.

Другой из боев разыгрался в море между фортами Лазаревским и Головинским. Из четырех горских галер только одной удалось спастись, две были потоплены артиллерийскими снарядами, а с третьей весь экипаж в результате страшного артобстрела был выброшен в море, но тот же «Борохович и его команда не сочли нужным оказать помощь утопавшим на их глазах людям»⁵⁸², что, как видно, произвело неприятное впечатление даже на своих военных. Борохович оправдывался, ссылаясь на то, что команда будто бы была отвлечена уплывавшей последней галерой. Но, даже автор статьи был вынужден признать, «что, в сущности, он просто не хотел оказать услугу своим противникам, что, конечно, немного невеликодушно», но, прибавил он, «по-запорожски»⁵⁸³.

Обращает на себя внимание и случай, когда из-за донесения жителя Сочи, какого-то черкесского дворянина Каблука, произошла очередная трагедия. Недалеко от форта Навагинского для оказания помощи голодавшим убыхам Вардане, грузилось 400 пудов кукурузы. 3 мая убыхское судно перед рассветом должно было тайно выйти в море и направиться в Вардане. Узнав об этом от упомянутого лазутчика, для поимки судна была устроена засада, как на море, так и на суше. Судно было выслежено, и начался более чем двухчасовой жаркий бой между 37-ю убыхами одного судна, под командованием убыхского дворянина Тати Тотластана и командами нескольких крейсеров, ко-

⁵⁸² Там же. С. 385, 386.

⁵⁸³ Н. В. Утверждение наше в Абхазии. С. 386.

личество которых обычно, в литературе не указывалось. И это сражение, в общем-то, как и все остальные, с обеих сторон носило ужасающий по своей жестокости характер. Как пишет автор описания, горцы «жестоко дрались», но выдержать одновременно ружейный и картечный огонь с нескольких судов было невозможно. Превосходящим силам команд крейсеров удалось взять судно на abordаж — теперь бой шел уже на нем самом. Убухи проигрывали сражение, но, не желая попасть в плен, опрометью бросались в море на явную гибель, так как слишком велико было расстояние до берега. Но они «даже из воды продолжали наносить удары шашками». Казаков, пытавшихся взять их в плен живыми и «подававших весла, убухи старались или стянуть в воду или поразить шашкой, но гибли сами». В плен попало всего пять человек и четверо раненых. По этому судну было выпущено 70 артиллерийских снарядов и 600 патронов⁵⁸⁴. Из этих цифр видно насколько неравными были силы противоборствующих сторон. В баркасе оказалось пять тел и среди них тело начальствовавшего Тати Тотластана. Остальные погибли в пучине моря, а среди них и два убухских дворянина, имена которых для русских остались неизвестными.

Отличившийся в этом бою хорунжий Алейников, был произведен в сотники. Захваченная же галера нагружена была не только кукурузой, но и множеством всякого оружия и боевого снаряжения, и притом оказалась азовскою ладьей, взятой убухами в качестве трофея в предыдущем году при нападении на форт Лазарева, о чем командование того времени предпочло не сообщать. Ныне же автор указанной статьи проговорился, что «не всегда сходили благополучно» и крейсерам их опасные экспедиции.

В этой же статье описан и другой, тоже отличающийся своей жестокостью бой двух убухских галер с двумя ладьями казаков, происшедший в августе 1841 года. Казакам удалось нагнать в

⁵⁸⁴ Там же. С. 387, 388, 389.

темноте одну из них и взять ее на abordаж — на галере разгорелась, как всегда, кровопролитная борьба. В этом бою участвовал и прославившийся сотник Алейников. Он первым бросился на галеру с шашкой в руке, но был тут же убит выстрелом, произведенным братом князя Али Ахмета Аублаа, но и его тут же сразила пуля мстителя. Из 50-ти бывших на галере, в плен смогли захватить только девятых, а 9 человек утонули⁵⁸⁵. Таких боев, от описания которых кровь стынет в жилах, конечно же, было множество. Гибло немало и азовских казаков. Перед ними, беспощадными, беспредельно преданными царю, была поставлена задача полного уничтожения всего флота горцев. Большую помощь в этом, к сожалению, оказывали лазутчики, которых оказалось немало и среди самих убыхов (впрочем, это могли быть представители прибрежного побежденного населения, попавшего в зависимость от убыхов после завоевания ими этой территории и тяготившегося их диктатом).

Для истребления горских галер и других судов, казаки действовали «малыми десантами». Так, например, получив «верные сведения» о местонахождении военных галер, и узнав, что охрана там ослаблена, шесть азовских ладей со ста или ста двадцатью казаками тайно скрывались в недалеком расстоянии и отплывали от укрытия «с таким расчетом времени, чтобы выйти на берег и зажечь судно перед рассветом»⁵⁸⁶. Что же касается торговых судов, то в то время, когда их после загрузки спускали из кустов на катках к песчаной полосе побережья, «сбор пассажиров» и сопровождающих их родственников, а также праздных зрителей, обыкновенно служили «верным признаком готовности судна к отходу». Эта толпа горцев выдавала тайну местонахождения судна, выслеживавшим их крейсерам, и суд-

⁵⁸⁵ Там же. С. 388.

⁵⁸⁶ Карлгоф Н. И. Указ. соч. С. 35.

но тут же уничтожалось, как видно вместе с товарами и людьми, о чем уже никто из русских авторов не писал⁵⁸⁷.

В связи с вышеизложенным, вероятно, необходимо привести здесь сохранившиеся сведения и описания морских судов причерноморских горцев. Достаточно подробные описания некоторых их видов были сделаны только в первой половине XIX века. Основываясь на наблюдениях Тэбу де Мариньи (1818, 1823 и 1824 гг.), К. Коха (1836–1838 гг.) и других, галеры причерноморских горцев представляли собой плоскодонные суда, часто без киля. Весла их были очень короткими, прикреплялись к уключинам необыкновенной длины и имели поперечные перекладыны для рук гребцов. К очень тонкому каркасу судна обшивка прикреплялась деревянными гвоздями и нагелями (колышками). Галеры этого типа были снабжены рулем и квадратным парусом, а на передней части, на носу обычно прикреплялась какая-нибудь фигура, изображавшая голову зверя⁵⁸⁸. Как уверяли адыгейцы путешественников Тэбу де Мариньи, а позже и К. Коха, это была козлиная голова⁵⁸⁹.

Суда аборигенов встречались разных размеров и некоторые были достаточно велики, вмещающая обычно до шестидесяти человек, но были и такие, экипаж которых доходил до 140 человек.

Несколько иной вид описан Эдмондом Спенсером. У него это легко построенные узкие длинные, но тоже плоскодонные суда, имевшие недалеко от штурвала разновидность палубы, на которой сидели по три или четыре человека. Носы таких судов также украшались грубо вырезанными головами то ли оленя, то ли козла или барана. Каждое них, писал Спенсер, двигалось с

⁵⁸⁷ Там же.

⁵⁸⁸ См. зарисовку Сухумской бухты видимо с такими судами, сделанную Гамба.

⁵⁸⁹ **Тэбу де Мариньи.** Путешествие в Черкесию в 1818 году. // АБ-КИЕА С. 292; **Кох К.** Путешествие по России и в Кавказские земли // АБКИЕА С. 616.

большой скоростью, управляемое опытными гребцами в количестве от 18 до 24-х человек. Подобные суда моряки выносили с берега к морю на своих плечах⁵⁹⁰.

Эти суда, писал автор другой статьи, «на черноморском жаргоне называются словом «чектерма» и оно вошло во все официальные бумаги»⁵⁹¹. Так называли русские и суда якобы турок, которые явно пользовались горскими (вероятно и лазскими) судами, может быть даже и управлявшиеся зачастую горцами, — например, мы узнаем у Фр. Дюбуа об абхазе, шкипере турецкого судна, разграбленного у Кодорского мыса в 1833 году абхазскими пиратами⁵⁹². Как пишет Н. И. Карлгоф, «такие плоскодонные суда уводили по рекам далеко от берега»⁵⁹³, их прятали в кустах, а когда надо было возвращаться, то эти суда на катках спускали на песчаный берег. На таких галерах убыхи уходили на двадцать-тридцать верст от берега, а если поднимался шторм или они подвергались преследованию, то тут же устремлялись назад и, подплыв к побережью, укрывались в устьях рек. Вытащив свои суда на берег, они прятали их так, что не только захватить, но и заметить их со стороны моря практически было невозможно⁵⁹⁴. Однако существовал и другой способ скрывания судов. В их донной части просверливали отверстие и, наполнившись водой, оно шло ко дну. Когда же необходим был выход в море, то его поднимали на берег, вычерпывали воду, конопатили отверстие и только после этого спускали на море.

В то же время следует учесть зарисовки абхазской галеры, принадлежавшей к одному из разнообразных местных типов

⁵⁹⁰ **Спенсер Эдмонд.** Путешествие в Черкессию. — Майкоп. 1994. С. 17, 18.

⁵⁹¹ **Н. В.** Утверждение наше в Абхазии. С. 386.

⁵⁹² **Дюбуа де Монпере.** Указ. соч. С. 143, 144.

⁵⁹³ **Карлгоф Н. И.** Указ. соч. С. 31, 32.

⁵⁹⁴ **Бларамберг И. Ф.** Указ. соч. С. 404.

суден, сделанные французским консулом в Тифлисе, Ф. Гамба⁵⁹⁵. Она достаточно отличается от описанных выше, но также плоскодонна и высокобортна⁵⁹⁶.

О глубокой древности традиции сооружения на нашем побережье длинных и узких плоскодонных судов с высокими бортами свидетельствует находка, сделанная абхазскими археологами в 1990 году во время раскопок Тамышского поселения (Очамчирский район). В слоях VIII–VII веков до н. э. была обнаружена передняя часть глиняной модели такой, явно длинной плоскодонной лодки с высокими бортами и грубым стилизованным изображением головы животного то ли волка, то ли леопарда. Эта головка венчает клиновидную носовую часть ладьи⁵⁹⁷. Знаменательно, что мною именно в Тамыше были обнаружены следы древней судостроительной верфи и судоходного канала. Зафиксированы также многие названия мелких каналов и мест с сохранившейся топонимикой, связанной с мореходством и кораблестроением⁵⁹⁸. В связи с этой находкой представляет интерес то, что названием леопарда (или же божества собак, носившего то же имя — алышкинтр) нарекли абхазы свои военные суда позднего средневековья, по словам Вахушти

⁵⁹⁵ **Gamba F.** *Voyage dans la Russie meridionale et particulierement dans les provinces situees an-delf du Caucases 1820 jusqu'en 1824. T II. Atlas.* — Paris. 1826.

⁵⁹⁶ О длинных узких плоскодонных судах абхазов, не считая древних, писали и средневековые авторы XII века, начиная с **Евстафия Фессалоникского**.

⁵⁹⁷ **Бжания Д. С., Сангулия Г. А.** Археологические открытия на Тамышском поселении в 1990 году // Тезисы докладов XXXVIII научной сессии, посвященной полевым исследованиям 1990 г. — Сухуми. 1991. С. 23–24.; **Соловьева Ю.** Путешествие в первое тысячелетие до н. э. // Газ. «Советская Абхазия» 1990. 08. № 12.

⁵⁹⁸ **Инал-Ипа Ш. Д.** Абхазы. — 1965. С. 288, 289; **Его же.** Новые данные по истории мореходства в Абхазии. В сб. «Страницы исторической этнографии абхазов». С. 189–211.

Багратиони, вмещавшие до 300 человек экипажа⁵⁹⁹. К сожалению, описание их, если оно и существовало, утрачено, осталась только книжная память об их бытовании и названии, но, в то же время, можно быть уверенным, что эти суда украшались в носовой части головой леопарда, о чем говорит их название. И вполне возможно, что среди моряков попадались уже и убыхи, спускавшиеся с гор и вливавшиеся в старое население побережья — мореходов и судостроителей.

Однако, существовали и другие суда тоже отличавшиеся сложной конструкцией. Так, например, два судна, направлявшиеся в сторону Головинского укрепления, замеченные российскими крейсерами, не были похожи на описанные выше. Одно из них вступило в бой с крейсерами. Как рассказывали русские моряки оно имело две мачты и «было какой-то странной конструкции, но ближе всего подходило к шхуне». Кроме двух парусов у него имелось по десяти вёсел на каждом борту, а с правой стороны висел баркас. На судне находилось «значительное число вооруженных людей» и к тому же были установлены два орудия. Второе судно, как видно, было несколько иным и имело всего одну мачту. Занятые боем с первой шхуной моряки не смогли, как следует его рассмотреть, отметив лишь то, что оба они были одинаковой величины⁶⁰⁰.

Видимо, первая галера было типа тех высоких с длинными носами трехмачтовых судов, которые Христофор Каstellи изобразил на своей карте, относящейся к первой половине XVII века, приложенной к книге Арканджело Ламберти, в гавани, находившейся в Абхазии в районе Очамчиры, где-то между реками Маркула и Мармал⁶⁰¹.

⁵⁹⁹ *Вахушти Багратиони. Описание царства Грузинского (География Грузии). — Тбилиси. 1941. С. 172.*

⁶⁰⁰ *Н. В. Утверждение наше в Абхазии. С. 371, 372.*

⁶⁰¹ *Ламберти Арк. Описание Колхиды... Приложение. Карта.*

К сожалению, осталась неописанной галера (?) («бригантина» по словам писавшего о ней А. Ф. Рукевича) сочинского князя Ахмета Аублаа. Этот отчаянный морской пират, славившийся по всему побережью, владел каким-то замечательным судном. На этой, по словам автора, «чрезвычайно оснащенной бригантине», во главе таких же отчаянных, как и он сам головорезов, князь совершал нападения даже на крымские и турецкие берега. Русские военные суда «долго и упорно» гонявшиеся за ней, «так и не смогли ее захватить»⁶⁰².

Вполне вероятно, что из таких галер и возможно «алышкентров», в свое время состоял и военный флот князя Келешбея, который, по словам барона И. К. Аша, «силой оружия покорил себе Джикетский народ... от монастыря Гагры до селения Мамая» (устье р. Псахе за Сочи). Далее автор пишет: «Имея «некоторое число хорошо вооруженных галер он держал в страхе всех жителей морского берега от Геленджикского залива до Батума [а, значит и шапсугское, и убыхское побережье], находящегося в Турецкой Гурии и которым также управлял, по родственным связям своим с пашою Трапезундским»⁶⁰³.

В связи с последним хочется привести и более ранние события, представляющие большой интерес. Это донесение капитана гр. Н. И. Львова Потанину, посланное 27 февраля 1771 года. Учитывая важность документа, привожу его полностью: «1 числа февраля ввечеру усмотрены были стоящими нашего корпуса у Черного моря пикетами неприятельские суда, в немалом числе, из коих некоторые и к берегу, на короткое время в ночи приставали. На другой день оных судов совсем не видно было. 3-го числа февраля, уведомил царь Соломон, что абазинцы собираются и намерены напасть на наш корпус; и хотя князь

⁶⁰² **Рукевич А. Ф.** Из воспоминаний старого эриванца (1832–1839) // «Исторический вестник». 1914, декабрь, с. 771, 772.

⁶⁰³ **Аш И. К.** Статистический взгляд на Абхазию. Краткие исторические сведения об Абхазии // «Тифлиссские ведомости», 1831, № 24–26)

Дадиян уверял, что от абхазинцев не надлежит опасаться, но по прежним на одного князя подозрениям, неприятельские суда подтверждали более, что неприятели в сикурс в крепости Поти еще притти намерены»⁶⁰⁴.

Вряд ли может быть сомнение в том, что среди судов Келешбея находились и садзские, а среди них могли присутствовать и убыхи, уже приобщавшиеся к морскому делу. Это было время русско-турецкой войны 1768–1774 гг., в которой участвовал имеретинский царь Соломон I. Ему, в то время с помощью русских войск удалось укрепить свое влияние в Мегрелии и Гурии, однако, как видно, последнее вызвало недовольство находившегося под покровительством турецкого султана, князя Келешбея⁶⁰⁵, считавшего себя чуть ли не хозяином всего побережья до Батума включительно.

Итак, горский флот постепенно уничтожался и когда Н. И. Карлгоф писал, что «Азовские казаки показали решительное превосходство свое в море над черкесами и заставили их отказаться от мореплавания», он явно лукавил, совершенно не упоминая численность русских судов с их командами, оснащенных артиллерией с одной и горских с другой стороны. Силы же, конечно, оказались совершенно неравными. Сам автор статьи «Утверждения...» писал, что «с удовольствием видел необыкновенную деятельность азовских ладей», которые встречались вдоль побережья «везде и беспрестанно»⁶⁰⁶, что говорит об их исключительно большой численности.

⁶⁰⁴ *Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии от 1768 по 1777 год / Под ред. А. А. Цагарели. — СПб. 1891. С. 296.*

⁶⁰⁵ *Можно предположить, что флотом командовал князь Келешбей, который хотя и не был еще владетелем, но мог быть главнокомандующим военными и морскими силами княжества при дяде своем, владетеле князе Зурабе.*

⁶⁰⁶ *Н. В. Указ. соч. С. 390.*

Позже Г. И. Филипсон, рассказывая об одном удачном действии, конечно же, азовских казаков против убыхских вооруженных галер, на одной из которых было 40 горцев, в конце пишет: «Это было последнее появление черкесских галер в море. Они были во всех устьях главных речек и сгнили без употребления»⁶⁰⁷. Галеры действительно сгнили не оставив после себя и следа, так же как и о былой грозной славе их владельцев, неустранимых мореходов, пиратов и в то же время искусных кораблестроителей.

Как писал ещё в 1935 г. известный советский историк А. В. Фадеев, в исторической литературе о Кавказской войне почти совсем не отражена была роль убыхов, занимавших в процессе борьбы с царской колониальной экспансией «весьма видное место». Собрав архивные и другие материалы об их борьбе за независимость, он посвятил ей специальную статью⁶⁰⁸.

4. Что такое аррархийская власть?⁶⁰⁹

Что касается военной истории убыхов, то чрезвычайно важный материал содержит некое письмо убыхов, а, как видно и садзов, направлявшееся, к западным державам. В процессе своих разысканий по садзско-убыхским вопросам я наткнулся на этот документ, копия которого под номером 410 хранилась в архиве Абхазского института, сожженного в октябре 1992 г. в оккупированном Сухуме в период грузино-абхазской войны. Нельзя сказать, чтобы этот документ не привлекал к себе внимания

⁶⁰⁷ **Филипсон Г. И.** Воспоминания // «Русский архив». 1883, № 6, с. 310, 311.

⁶⁰⁸ **Фадеев А. В.** Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // «Исторический сборник», № 4. — Л. 1935. С. 135–181.

⁶⁰⁹ **Инал-Ипа Ш. Д.** Комментарий к одному документальному термину // Известия АБНИИЯЛИ. Т. XIV — Тбилиси. 1986. Материал был приложен и к книге «Садзы», однако, так как он не менее, если не более относится к убыхам, то я включаю его и в эту книгу.

исследователей, особенно А. В. Фадеева и Г. А. Дзидзария, но с интересующей меня точки зрения он не стал у них предметом специального изучения. Вопрос касается обращения «черкесского» меджлиса к ведущим странам Европы.

Письмо было написано 5 августа 1861 года и подписано двумя лицами — Зиаш-Барафа-Оглы и Шалсихан-Хоша-Хаджи с приложением двух печатей — Измаила и Хайдер-Гасана. Оригинал его был послан военным министром Д. А. Милютиным в константинопольское русское посольство «для сведения и сообщения». В письме содержатся весьма ценные данные о положении убыхов и их соседей.

Кутаисский генерал-губернатор Н. П. Колюбакин в своем на него «Отзыве» цитирует с комментариями целые выдержки из него, пересказав тем самым почти все содержание письма. Отсылая «Отзыв», он писал: «При сем препровождается в оригинале с переводом письмо, без всякого сомнения, к великобританскому консулу в Сухуме Г. Диксону. Важность этого документа заставляет меня изложить подробно, как он попал в наши руки. Он был отдан в августе месяце прошлого года для передачи в Сухуме Г. Диксону, двумя главными деятелями в земле убых, предводителем военных партий Керентухом-Берзеком и дипломатом Баракай-Ипа Дзиаш, джикетскому жителю Абичу Солихо, женатому на дочери первого из названных убых и служащему нам по временам лазутчиком. Побуждаемый любопытством, Солихо распечатал письмо, а, сломав печать, боялся передать по назначению и сохранил у себя. Когда же, после некоторого времени, убыхи, не получив ответа, спросили Солихо, отдал ли он письмо, сей последний сказал, что отдал, но не самому консулу, которого не застал дома, а его человеку и в подтверждение принес очистительную присягу. Наконец, в июне месяце настоящего года, желая извлечь из этого письма возможную пользу, он вручил его начальнику укрепления в Гаграх подполковнику Стражецу»⁶¹⁰.

⁶¹⁰ Копия с отзыва... л. 32, 128–132.

В письме, адресованном английскому правительству, дается характеристика военно-политической обстановки в крае. В документе сообщается о принятых чрезвычайных мерах по сохранению независимости «черкесов», об учреждении ими своего меджлиса и «восстановлении аррархийской власти», о прекращении пленопродавства, содержится требование отвода войск ген. Евдокимова, а также просьба о заступничестве, о помощи и уважении вольности горцев, вставших на путь мирной жизни, о преобразовании родного края и развитии цивилизации.

Из документа с несомненностью вытекает все более ясное понимание убыхами своего тяжелейшего положения. «Появление войск графа Евдокимова, — говорится в письме, — в двух переходах от убыхской земли подало повод к чрезвычайному собранию меджлиса», которым было отправлено посольство в Константинополь, Париж, Лондон, а также обнародован призыв к священной войне. Генерал Евдокимов «окружил наш край многочисленными войсками, намереваясь уничтожить нас. Неожиданный случай этот заставил меджлис собрать против этого генерала 15 000 самых отборных всадников ... А теперь мы желаем обратиться к Русскому правительству ... просить оставить нашу свободу в том же положении. Дай нам дорогу, отзови войска свои назад...».

Действия евдокимовских войск убедили горцев, что «приближается последний час их независимости», но, как говорится в письме, они «не потеряли ни головы, ни сердца», напротив, они «решились отстаивать самобытность свою не только оружием, но еще и внутренними преобразованиями и энергичным обращением к иностранным державам».

Как пишет А. В. Фадеев, письмо свидетельствует о стремлении горцев апеллировать к международному общественному мнению, разговаривая при этом с правительствами великих держав как равный с равными. Документ «выражает высшую ступень политического сознания», на которую могут подняться представители отсталого, казалось бы, народа «в редких, особых, совершенно исключительных условиях».⁶¹¹

⁶¹¹ **Фадеев А. В.** *Убыхи в освободительном движении...* С.177.

В «Письме», помимо всего прочего, обращает на себя внимание, как мы видели, необычный термин, говорящий о «восстановлении» какой-то «аррархийской власти». (*Подчеркнутой*. — Ш. И.). Этот загадочный термин встречается в документах всего дважды — первый раз в форме «аррахийской» в указанном выше донесении кутаисского генерал-губернатора в связи с положением дел в Убыхии; второй раз — в приложенном к нему самом письме убыхов к английскому консулу в Сухуме в форме «аррархийской».

Обе формы написания — «аррахийская» и «аррархийская» — выполнены так ясно и четко, что никаких затруднений для чтения не вызывают. Из этих двух форм более правильной является, надо полагать, форма первоисточника, то есть то написание, которое представлено в оригинале письма самих убыхов. Из этого оригинала слово «аррархийская» перешло и в указанное военное донесение, где, однако, переписчиком была допущена, вероятно, случайная ошибка. В незнакомом ему термине он пропустил букву «р», вследствие чего слово приобрело вид «аррахийской».

Что же это за слово? Прежде всего, нельзя считать исключенным, что составителем источника при написании слова была допущена ошибка и под «аррархийским» фактически следует подразумевать «архаический», «иерархический», «монархический» или другой какой-нибудь близкий по форме термин. Однако это доказать невозможно. Надо полагать, что речь идет не о какой-то «архаической» или другой какой-то власти, а о вновь учреждаемой, а вернее восстанавливаемой централизованной власти. Вряд ли также имелась в виду некая сложная «иерархия» служебной лестницы с многоступенчатыми переходами от низшего уровня к высшему. В смысле единовластия к содержанию документа как будто больше всего подходит понятие «монархический», но в самом источнике, ни слова не сказано о наследовании власти, без чего трудно представить себе «монархию».

В силу всего этого допустимо и другое предположение — о возможной связи слова с коренными языками края. Никто, с кем

мне приходилось консультироваться, не знает ничего ни о происхождении, ни о значении этого термина. В русских и греческих словарях его нет, слово и не тюркское, вряд ли оно принадлежит и английскому или другому западноевропейскому языку. Следовательно, не мог знать его и автор указанного донесения. Оно могло принадлежать только составителю письма или тем, кто диктовал текст, то есть Хаджи-Керантуху Берзеку Младшему и другим убыхским деятелям. Составителем письма мог быть кто-нибудь из грамотных коренных жителей, например, широко образованный юрист, садзский князь Цамбаев (Цанба) упоминаемый в том же документе⁶¹² или другой человек, который, хорошо зная местные языки (абхазский, убыхский, черкесский), использовал, за неимением другого, свой местный термин «аррархийский» для выражения понятия сильной централизованной военной власти, наделенной чрезвычайными полномочиями.

Если «аррархийский» — местный термин, то какому из трех возможных языков он мог принадлежать и что собой он выражает? По-видимому, черкесский и даже убыхский языки исключаются, так как в этих языках, насколько известно, отсутствует слово, хотя бы отдаленно напоминающее «аррархийский», а, следовательно, и устанавливать на их основе его этимологию очевидно не приходится. Остается, таким образом, абхазский язык, с помощью которого «аррархийский» поддается, как мне представляется, наиболее удовлетворительному объяснению.

По-абхазски ар означает «войско», «армия», арра досл. «армейство» (например, аррацара — «уходить в армию»), хы (ахы) — «голова», «головастый», «предводитель». Исходя из этого, «аррархийский» можно перевести как «предводитель войска»,

⁶¹² Вот что сказано в письме о Цамбаеве: «Весьма кстати имели мы под рукою джикетского князя Цамбаева, служившего некогда в конвое Его Величества, несколько обрусевшего, знающего хорошо верховое судилище и даже проигравшего в нем какую-то тяжбу. Его-то взяли мы в проводники» (Копия с отзыва... л. 27 и 27 об.).

«военачальник», «главнокомандующий» (от абх. ар — «войско», р-хы — «их предводитель»). Сочетание ар рхы — «предводитель войска», «авангард» (досл. «голова войска») — является одним из важнейших элементов абхазской военной терминологии. В убыхском языке также представлено слово ха (ахы) в значении «голова», «руководитель», но убыхи, как и черкесы, не знали слова ар для обозначения войска. Абхазскому «ар» соответствует убыхское «ла» (ала)⁶¹³ и общеадыгское «дза» (за) — армия, войско. Первоначально у всех этих родственных народов войско называлось «ра», «ры», но с течением времени, как утверждает языковед В. А. Чирикба, по закону звуковых соответствий у убыхов начальное «р» сменилось на «л», а у адыгов — на «з».

Как известно, огромное значение в жизни убыхов, как и их соседей, имели война и организация войска, в особенности институт предводительства во время нескончаемых походов, в том числе зимних. В XIX в. предводители убыхских военных отрядов как правило, выбирались из рода Берзек. Одним из наиболее выдающихся его представителей был неукротимый Хаджи-Берзек-Дагумоко (Адагуа-Ипа) Старший, а также, его племянник, упомянутый выше Хаджи Керантух Берзек Младший.

Итак, «аррархийская власть» — это военное единоначалие, централизованная власть, сосредоточенная в руках небольшой группы лиц или скорее одного военного лидера, которую, наряду с другими преобразованиями в общественно-политической жизни края, хотели учредить убыхи и их союзники незадолго до своего трагического конца — «безумства храбрых». Термин «аррархийский» образован от абхазского «ар рхы» — военное командование, предводитель, полководец, главнокомандующий. Если же это так, то выходит, что убыхи или та их часть, которая играла главную роль в указанных событиях, включая составление письма, где впервые встречается наш термин, достаточно хорошо знали абхазский язык.

⁶¹³ *Vogt H. Dictionnaire de la langue Oubyck. — Oslo. 1963. P. 135.*

Для уточнения, предложенного в качестве рабочей гипотезы толкования, термина «аррархийская власть» необходимо дальнейшее изучение источников и литературы, чтобы выяснить некоторые вопросы, остающиеся пока непонятными. Например, почему убыхи, являющиеся основными авторами письма, где встречается это выражение, не использовали свой соответствующий термин? На каком языке было составлено письмо и как в оригинале написано слово, обратившее на себя внимание? Почему, ни русские читатели письма, ни его авторы не комментируют это слово, которое, по всей вероятности, было незнакомо адресату? Как могли рассчитывать составители письма, что читатели поймут их правильно? И, наконец, как понимать «восстановление аррархийской власти»? Не следует ли думать, что это является отражением давнишней (может быть даже со времен Абхазского царства) абхазской традиции сочетания политической, и военной власти в одном лице?

Может быть, в указанном регионе абхазский язык в свое время выполнял отчасти роль некоего общенародного? А, возможно, здесь функционировал местный (убыхо-абхазский) вариант языка, в котором было много абхазской лексики, общепотребительной для двух (абхазской и убыхской) или даже всех трех (абхазской, убыхской и черкесской) этнических групп?

В этих условиях трудно переоценить важность обнаружения в архивах самого письма, что даст возможность дополнительного и более тщательного изучения этого многозначительного письменного памятника.

Ответ Хаджи Керантуха Берзека революционерам 1905 года

Здесь, как представляется, стоит привести большую выдержку из воспоминаний А. Ф. Рукевича, как нельзя более высветившую до конца непостижимое качество убыхов, для которых даже перспектива победы над врагом не могла заставить

нарушить свой кодекс воинской чести, свое кредо «рыцарей гор»:

«Старик Берзеков дожил до глубокой старости. Сыновья его живут в Турции до сих пор и пользуются большим почетом у турок и большим влиянием среди всех племен бывших кавказских горцев. Старший из Берзековых, может быть войдет со временем в историю своим классическим ответом кавказским революционерам, которые в 1905 или 1906 году, в угаре революционного возбуждения, послали депутацию турецкому султану с предложением воспользоваться временным ослаблением России и занять своими войсками Кавказ. Соблазн был велик, но страх перед возможностью воздействия великих держав вынудил султана отказаться от прямого участия. Тем не менее, он просителям указал на Берзекова, который мог бы поднять своих черкесов и хлынуть всею дикою ордою на Кавказ. Берзеков принял депутатов, выслушал их, но затем дал ответ, полный гордого достоинства: «Я не мог любить Россию, я враг ее, могу воевать с нею, но воспользоваться ее временным ослаблением я считаю подлостью...». Впоследствии этот ответ стал известен кавказскому наместнику князю Воронцову, и он написал письмо Берзекову, в котором отметил все рыцарское благородство его ответа. Эти сведения почерпнуты мною из доклада Султан-Гирея «О положении кавказских горцев в Турции», читанном в ноябре 1911 года в «Обществе любителей изучения Кубанской области».⁶¹⁴

⁶¹⁴ **Рукевич А. Ф.** Из воспоминаний старого эриванца. (1832–1939 гг. //Исторический вестник. 1914.

Глава шестая

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО БЫТА

Материалов и сведений об убыхских поселениях и жилищах не вполне достаточно. Известно, однако, что они жили в аулах, которые, как и у других народов⁶¹⁵ группы «абаза»⁶¹⁶, отличались своей нередко очень большой разбросанностью и протяжённостью. Например, в Вардане сельская община Фагуа, один из самых крупных населённых пунктов этой страны, тянулась на 18 вёрст вдоль реки, одно из названий которой было Фагуркуа-дзы,

⁶¹⁵ Да и не только у группы абаза, но и у других народов Западного Кавказа. Так, например, Шарден отмечает, что в Мингрелии «нет ни городов, ни посадов». (Шарден Ж. Путешествие по Закавказью в 1672–1673 гг. — Тифлис. 1902).

⁶¹⁶ Под «группой абаза», некоторые этнографы объединяют убыхов, абазин, садзов, медовеевцев (Ахчипсоу Аибга, Чужгуча, Псху) цецельдинцев, исключая из их числа остальных абхазов, что неверно, так как отмечая общие черты в этнической характеристике представителей группы абаза, исключаются те же черты, присущие и абхазам и тем самым как бы искусственно отторгают их из нее.

в источниках иногда Фагуркадзе (по абх. «река Фагуовых»), теперь род Фагуа известен только в Турции.

Как и на всём этом побережье, поселения представляли собой разбросанные в беспорядке отдельные дворы с жилым домом, хозяйственными постройками, прилегающими к ним приусадебными участками и обработанными полями и садами. Начиная с Ю. Клапрота, отметившего, что «убыхи живут не в деревнях, а группами в три или четыре дома, разбросанных в лесах», многие наблюдали отсутствие у убыхов селений или деревень в том смысле этого слова, в каком мы его понимаем. Они жили рассеянно в лесах по ущельям и в нагорьях небольшими группами домов. Вот, например, что писал А. Фонвиль, лично побывавший у убыхов в 1863–1864 годах: «Мы не встречали в этой стране не только города, но даже ни селения, ни деревушки: оказалось, что ничего подобного и не было там; аулы же, разбросаны по горам, на различных расстояниях один от другого. Все аулы, расположенные в одной долине, составляли общину и обозначались названием долины»⁶¹⁷.

А. В. Верещагин тоже писал о постройках и домах черкесов (так он называл всех причерноморских жителей), оставшихся после махаджирства и поселённых на р. Кудепста. Он говорит о них, как о миниатюрных сооружениях, скорее похожих на шалаши, чем на жильё. «Все вообще постройки у черкесов, — читаем мы у него, — делаются плетнёвые... но работа плетнёвая у черкесов чиста и прозрачна... Постройки кроются или разного рода дранью, или же стеблями кукурузы. Сакли имеют только входную дверь, окон и потолка нет. В одном из углов сакли, сквозь крышу, проходит опрокинутая плетнёвая четырёхугольная воронка, заменяющая собой... трубу; под этой воронкой разводятся огонь и здесь же готовится пища. В смежном с воронкою углу делается нечто вроде низких нар; это место почётное, кунацкое... Склад для кукурузы и вообще для зернового хлеба делает-

⁶¹⁷ Фонвиль А. Указ. соч. С. 22.

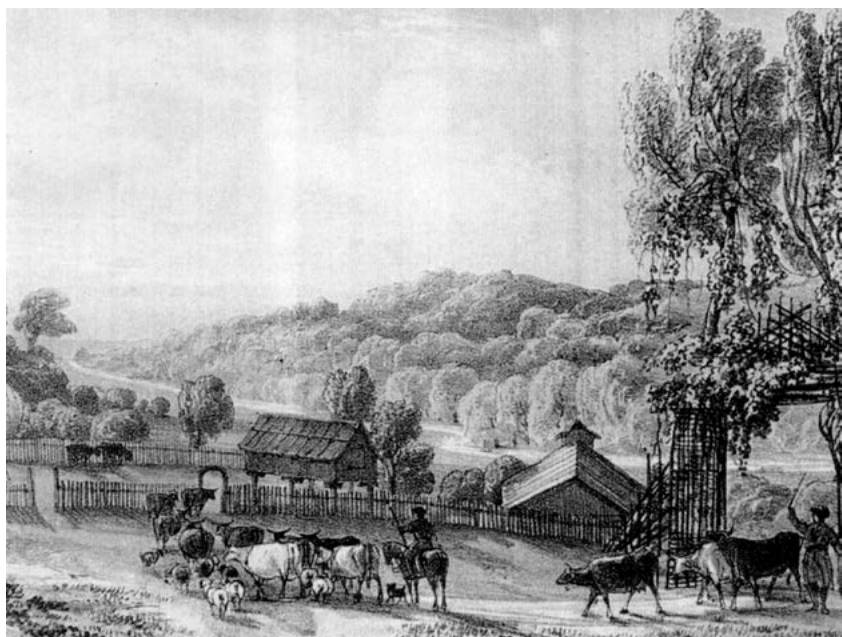
ся в виде небольшой круглой плетнёвой амбарушки, поставленной на столбах вышиной около 2½ аршин от земли; на столбы кладутся каменные широкие плиты, которые препятствуют крысам и мышам попадать в амбарушку»⁶¹⁸.

А. Фонвиль даёт описание одного конкретного аула — аула Измаил-бея Дзепша на Вардане, который «состоял из дюжины низеньких домов, расположенных без всякой симметрии внутри ограды, запертой непроницаемыми заборами. Несколько толстых палисадников разделяли эту ограду на отделения, разделённые между собою таким образом, что для того, чтобы пройти из одного отделения в другое, нужно было эскалировать эти особого рода баррикады. В каждом ауле непосредственно у ворот ограды находилась гостиница», о которой он пишет как о помещении, имевшем земляной пол, стены из глины и с крышей, покрытой «дырвыми планками, сквозь которые можно было считать звёзды на небе»⁶¹⁹. Вся эта система сложного огороженного двора находила свои аналогии и в старом абхазском дворе, который так и назывался: «огороженный двор» (агуара, агуарата), а дорожки между ними — «междуградиями» (агуарабжьара — по абх).

Итак, главными чертами убыхских поселений и жилищ, о которых дают представление источники, были — разбросанность дворов, огораживание частоколом, турлучные дома с плетёными стенами, обмазанными глиной, крышей, покрытой тесом, дранкой или папоротником, навесами перед домом, глиняным полом, очагом с плетёным дымоходом, амбарами на столбах с проложенными плоскими камнями на них от мышей. Все эти черты являются в основном характерными и для остальных народов Северо-Западного Закавказья.

⁶¹⁸ **Верещагин А. В.** Путевые заметки по Черноморскому округу. — Москва. 1874. С. 80.

⁶¹⁹ **Фонвиль А.** Указ. соч. С. 11.

Усадьба в селении Сочи (Рис. Дж.Белла)

Комплекс жилых и хозяйственных построек, образующих убыхскую усадьбу довольно состоятельного хозяина, включал в свой состав основное жилище семьи, брачное помещение молодых (абх. «амхара», черк. «лягуне»), к сожалению, убыхское его название мне неизвестно, как и название «кунацкой», отдельного домика или помещения для приёма гостей. Не известны также убыхские названия хлева, амбара и других более мелких хозяйственных построек. Весь этот комплекс был огорожен частоколом, иногда плетнем, обмазанным глиной. Такое ограждение, по словам Белла, выглядело основательно и красиво⁶²⁰.

⁶²⁰ Белл Дж. Ст. Указ. соч. С. 471.

В традиционной народной архитектуре убыхов, как и у всех абазов вообще, использовались разные строительные материалы, но главным образом дерево, глина и лишь частично камень, железо и др. В литературе сохранились описания нескольких жилищ убыхов.

Карл Кох пишет, что «жилища различны в зависимости от богатства и величины семьи, а также местности. Самые бедные, по его словам, как правило, имели один дом и в его единственном помещении жила также и скотина, которой он владел»⁶²¹. В этом описании, как представляется, следует видеть только самых бедных рабов, одного из самых бедных хозяев, посадивших их на землю.

Убыхские дома часто представляли собой прямоугольные в плане вытянутые в ширину плетёные и, как сказано, обмазанные глиной постройки, крытые камышом или папоротником, а иногда и с тесовой крышей, земляным или глиняным полом. Обычный же небогатый дом по описанию, данному в «Отчёте Комиссии...», «состоял из двух отделений: в одном жило семейство, скученное в одной комнате, в другом, привязывалась любимая лошадь»⁶²². «Коттедж, как и все другие по соседству, покрыт соломенной крышей, опирающейся на стены из крепких столбов, пространства между которыми заполнены плетнем, обмазанным внутри и снаружи глиной, покрытой тонким слоем белой или скорее бледно-зелёной водяной краски», — писал Белл о доме в Субеше. Этот дом состоял «только из одной комнаты — с примыкающим хлевом». В самой же комнате в одном её конце «находится очаг, — писал он, — это круглое, сделанное в полу углубление; над ним помещена полукруглая труба, через

⁶²¹ *Кох К. Путешествие по России и в кавказские земли. Т. I // АБКИЕА с. 593.*

⁶²² *Отчёт Комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Чёрного моря // «Записки Кавказского общества сельского хозяйства». — Тифлис. 1867, № 5–6, с. 46.*

которую выходит дым наружу. С одной стороны этого камина возвышается маленький диван, уютно уложенный подушками»⁶²³. Белл даёт описание дома убыха и в Вардане: «Моя комната имеет в длину около 30 футов и в ширину 12 футов, во всём остальном она однородна той, что я занимал в Субеш... Имеет маленькое, хотя и без стёкол окно [обязательное в абхазских домах и, непременно, со ставней], которое можно закрывать ставней; диван расположен как раз поперёк одной из стен комнаты, в непосредственной близости от очага. Стены над диваном покрыты циновками прекрасной работы. Вокруг комнаты, по её стенам — ряд тесно расположенных деревянных колышков для того, чтобы вешать на них оружие гостей. На диване — одна из самых лучших циновок, и снабжён он подушками, покрытыми тёмного цвета шёлком. Это помещение, несомненно, было гостинным, т. е. кунацкой... Остальная обстановка комнаты заключалась в скамье, поставленной поперёк комнаты, в ближайшем к выходу её конца — для молодых людей и лиц низшего ранга, в то время, как циновка и подушки, разложенные вдоль стены, находящейся напротив двери, очага и окна, предназначались для старейших и лиц знатных»⁶²⁴.

Представление об убыхском доме в горах, даёт описание и И. О. Орехова, сделанное им в 60-е гг., на Убыхской поляне после выселения горцев. Автор предположил, что дом этот, вероятно, принадлежал дворянину. «Строение, покрытое тесом, и с плетёными стенами, обмазанными глиной, состояло из двух комнат: в одной, просторной, вдоль стен были расставлены лавки..., а под лавками, стояло несколько совсем новых крашенных сундуков, окованных железом и обитых медными гвоздиками. В другой, «меньшей комнате, стояла тахта, а к потолку были подвешены полки; окнами служили четырёхугольные отверстия, прикрывавшиеся ставнями. Кровля не только этой сакли,

⁶²³ Белл Дж. Ст. Указ. соч. //АБКННН с. 461.

⁶²⁴ Там же. С. 464.

но и у большинства других в этом посёлке была тесовой и низко спущенной к земле, так что оставался проход, защищавший от дождя»⁶²⁵.

Лишь знать и состоятельные крестьяне имели возможность построить себе дом из досок, но, как правило, одноэтажный. Однако у представителей самых знатных родов можно было встретить и двухэтажные дощатые дома, которые отличались не только своими размерами, но и убранством. По сведению офицера В. Солтана, Берзеки Бабуковского аула, расположенного в горах, «жили с роскошью, имея мебель и зеркала из-за границы»⁶²⁶. Вот жилище Хаджи-Бабуко Берзека в селении его же имени, описанное П. Невским с натуры: «В ряду... хижин возвышается новый, двухэтажный, деревянный дом с тесовою крышей... В верхнем этаже... находились комнаты князя, оклеенные дешёвыми разнокалиберными обоями; в спальней стояла железная широкая кровать с балдахином, увенчанном короной. Комнаты освещались окнами, в которые вставлены были рамы со стёклами. Вокруг верхнего этажа устроена галерея, в нижнем — конюшни и кладовая»⁶²⁷. В данном описании поражает почти полное совпадение с описанием домов абхазской высшей знати — с домом в Лыхны Михаила Шервашидзе или с домом его дяди Гассанбея в местечке Келасур, которые дали Фр. Дюбуа и Ф. Торнау,⁶²⁸ а также и с домом первостепенного дворянина Кац Маана в с. Хуап, описанным С. Смоленским.

⁶²⁵ **Орехов И. О.** По южную сторону Западного Кавказа // *ВС* 1869, № 11, с. 172.

⁶²⁶ **Солтан В.** Военные действия в Кубанской области с 1864 по 1864 год // *КС Т. V*. — Тифлис. 1880. С. 462–463.

⁶²⁷ **Невский П.** Кубанский край в 1864 году // «Кавказ» 1868, № 101.

⁶²⁸ **Дюбуа де Монпере.** Путешествие вокруг Кавказа. — Сухум. 1937. С. 116, 117, 138, 139; Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. — Москва. 1964. С. 8.

Дж. Белл и другие наблюдатели обращали внимание на чистоту полов, по крайней мере, кунацких, где они — как глиняные, так и земляные — по несколько раз в день подметались и поливались водой. Белл, например, пишет и о чистоте постели, которую ему приготовили ко сну в Вардане: «Моя постель, приготовленная на... диване, оказалась... безукоризненной. У меня был мягкий матрац, обшитый по краям бархатом, бархатные подушки, стёганое шёлковое одеяло и... чистые белые простыни»⁶²⁹. Как правило, все западнокавказские горцы имели отдельные постельные принадлежности и бельё, специально предназначавшееся для гостей и никогда не употреблявшееся ими в своём быту. Даже самые бедные всегда имели «чистые и аккуратные постельные принадлежности, которые после оружия составляют важнейшую часть... движимого имущества. Для развешивания же оружия и сёдел как гостей, так и хозяев по стенам были вбиты многочисленные деревянные колышки».

О занятиях убухов, как и других горских народов Северо-Западного Закавказья, высказывались разные мнения, но самую верную характеристику дал им И. Клингген: «...Хотя черкесы и считались все поголовно разбойниками, но разбойничали и воевали главным образом князья и дворяне, а большая часть населения всё же, жила земледелием, скотоводством и ремёслами». Впрочем, об этом гораздо ранее писал и В. Д. Скорятин назвав, со слов многих, знавших убухов не понаслышке, «народом очень промышленным и трудолюбивым»⁶³⁰.

Главными хозяйственными занятиями убухов были, как отметил Н. Клингген, земледелие и скотоводство, затем пчеловодство, плодовое садоводство, виноградарство с виноделием

⁶²⁹ Белл Дж. С. Указ. соч.//АБКИЕА с. 464.

⁶³⁰ Клингген И. Основы хозяйства в Сочинском округе. — СПб. 1897. С. 39; Скорятин В. Д. Заметки о Кавказе//«Отечественные записки». Том 142, 1862, май № 5, с. 306–313.

и охота. Из зерновых культур сеяли, в первую очередь, просо, кукурузу, реже пшеницу и изредка овёс и ячмень.

В целом, хозяйственные занятия Верхней горной Убыхии и Нижней, разнились, находясь в зависимости от географических условий. В Верхней Убыхии было мало пригодных земель для посевов зерновых, поэтому сеять могли только для потребностей семьи, да и этого почти всегда было недостаточно. Выжженную от леса поверхность земли освобождали от пней, камней и затем разрыхляли почву инструментами типа кирок. В основном применялся мотыжный способ обработки, в то время как в долинах и в прибрежной части страны землю обрабатывали зачастую пашенным способом, причём орудием служила плоская, дугообразная соха с короткими, почти перпендикулярно поставленными ручками, какую Белл видел в Дагомысе⁶³¹.

Убыхи, как видно, дорожили каждым участком земли. В. Д. Скорятин отметил, что на побережье «не увидишь ни одного клокa земли, доступного к обработке, который оставался бы в запущении. Горы изрезаны до самых вершин шахматами пашен»⁶³². Как заключил И. О. Орехов, убыхи, видимо, «мастерски пользовались каждым клочком земли». Позже и И. Клинген подчёркивал, что «почти ни одного клочка земли не было некультурного», т. е. некультивированного. И все иностранцы, писавшие об Убыхии, отмечали то же самое. Так, например, Дж. Белл писал, что везде, куда бы он не проезжал, ему встречались многочисленные аулы, располагавшиеся на значительном расстоянии друг от друга и, что все они были «окружены великолепно возделанными полями, которые по качеству обработки нельзя было отличить от лучших полей Англии».

Члены комиссии по исследованию земель Восточного Причерноморья, возглавлявшейся агрономом И. Хатисовым и лесничим А. Растиньянцем, отметили здесь множество «хле-

⁶³¹ Орехов И. О. Указ. соч. № 12, с. 343.

⁶³² Скорятин В. Д. Указ. соч. С. 313.

бородных участков», и что поля эти располагались в самых неприступных местах склонов. Бывшие офицеры сообщали членам комиссии, что многие склоны горцев в прошлом «сверху донизу были покрыты прекрасными полями, и что горцы всегда имели большой запас хлебов»⁶³³. Однако это, видимо, относилось к жителям только Нижней Убыхии.

А. В. Верещагин с интересом отметил, что женщины из «черкесов», поселённых на Кудепсте у с. Лесного, убирали урожай пшеницы серпом, но таким малым, что он был похож скорее на детскую игрушку»⁶³⁴. Собственно такими же, миниатюрными серпами жали и женщины Абхазии. Образцы подобных серпов хранятся в фондах Абхазского госмузея. Перерабатывали зерно в муку, посредством круглых ручных мельниц, тоже женщины.

Широко были развиты виноградарство и виноделие. По словам Фр. Дюбуа, в отличие от своих северо-западных соседей — натухайцев, которые по его свидетельству, «вовсе не занимались виноделием», убыхи умели делать «хорошее вино». «Только начиная со страны, обитаемой убыхами и племенем Сочи, начинается эксплуатация этой отрасли», — писал он⁶³⁵. Вскоре после него об этом свидетельствовал и И. Ф. Бларамберг и многие другие авторы. Говоря об убыхах и садзах, он отметил, что «все они выращивают виноград, особенно убыхи, и выделяют из него хорошее и в больших количествах вино, которое они называют «сана»⁶³⁶. О том же писал и К. Кох: «Убыхи с давних пор готовят прекрасное вино, которое известно по всему Западнему Кавказу под именем «зана». Также и абазин-

⁶³³ *Отчёт комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Чёрного моря, между реками Туапсе и Бзыбью // «Записки кавказского общества сельского хозяйства». — Тифлис. 1867, № 5–6, с. 25.*

⁶³⁴ *Верещагин А. В. Указ. соч. С. 82.*

⁶³⁵ *Дюбуа Фр. Указ. соч. С. 88–90, 145.*

⁶³⁶ *Бларамберг И. Ф. Указ. соч. // АБКИЕА с. 357.*

цы занимаются там и тут его изготовлением. Еще более важны эти ягоды для приготовления упомянутого выше «тушуга» или «густого виноградного сока»⁶³⁷. А. П. Новицкий даже утверждал, что изготовленные убухами вина, нисколько не уступали «в доброте французским»⁶³⁸.

Находясь в Субеше, Белл, отметив, что долина богата и прекрасно обработана, здесь же добавляет о многочисленных деревьях, самые крупные из которых, «обвиты гирляндами громадных виноградных лоз». Его удивляло обилие их во всех долинах убухов. Обратил он внимание и на молодые посадки деревьев для будущих виноградников, которые должны будут стать опорой лозам, высаживавшимся возле них. Он пишет и о прекрасных качествах вин убухов, и о водке, не уступавшей французским напиткам⁶³⁹, о том же мы читаем и у И. Ф. Бларамберга⁶⁴⁰, и Теофил Лапинский нашёл эти вина очень крепкими и вкусом похожими на вина греческих островов. А Н. И. Карлгоф писал, что выделяемое вино убухи «сами употребляют, не следуя запрещению Корана»⁶⁴¹.

Многие авторы писали и о получившем широкое развитие садоводстве убухов, культивировавших многие сорта плодовых. Ещё Генрих-Юлиус Клапрот, отметив убухов и садзов как изготавлиющих «хорошее вино и при том в большом количестве», добавляет, что у них также «много фруктов: яблок, вишен, слив, персиков... орехов и каштанов»⁶⁴². Сажали также груши, айву, дикую хурму, шелковицу, черешню, инжир, гранаты и алычу. В больших количествах употребляли в пищу фундук, гречкий

⁶³⁷ *Кох К. Путешествие по России и в кавказские земли //АБКНЕС с. 618.*

⁶³⁸ *Новицкий Г. В. Географо-статистическое обозрение... № 4.*

⁶³⁹ *Белл Дж. Ст. Указ. соч.//АБКНЕС с. 461.*

⁶⁴⁰ *Бларамберг И. Ф. Указ. соч.//АБКНЕС с. 370.*

⁶⁴¹ *Карлгоф Н. И. Указ. соч. С. 25.*

⁶⁴² *Клапрот Г.-Ю. Указ. соч. С. 244.*

орех и каштаны. Каштаны сушили, а высушенными, растирали в муку для приготовления разных блюд, что ещё недавно широко было распространено и у абхазов. Убыхи, как и соседние абхазы всегда имели посаженные вблизи своих участков деревья каштанов и грецкого ореха. Недаром В. С. Скорятин писал, что аулы убыхов «тонут в зелени садов и рощиц»⁶⁴³ что, впрочем, отмечали и другие авторы. Даже после исхода убыхов и садзов с родины, места их прежних поселений легко узнавались по рощам грецкого ореха и плодовых деревьев. Многие отмечали и превосходный вкус фруктов убыхов. От И. О. Орехова и других авторов известно, что они «производили высокие сорта нежных плодов»⁶⁴⁴. Как пишет Л. И. Лавров, одни фрукты убыхов отличались сочностью и величиной, а другие — продолжительной сохранностью⁶⁴⁵. В последнем случае, возможно, имелось в виду и знаменитое «абхазское зимнее железное яблоко», наверняка культивировавшееся и у них.

Каждое хозяйство имело на своём приусадебном участке огород и бахчу. Выращивали сахарные сорта арбузов и дынь, а также тыкву, о которой Дж. Белл отзывался как об очень питательном продукте, судя по её мучнистости и сладкому вкусу, напоминающему вкус батата⁶⁴⁶. В огородах росли огурцы, два вида капусты, лук, чеснок, красный перец, репа и разная пряная зелень. В большом количестве культивировали несколько превосходных сортов фасоли.

Отгонное скотоводство также составляло одно из главнейших занятий убыхов. Они зачастую владели немалыми стадами

⁶⁴³ **Скорятин В. Д.** Указ. соч. *Статья вторая* //Том 142, № 5, с. 313.

⁶⁴⁴ **Орехов И. О.** Указ. соч. № 12, с. 343.

⁶⁴⁵ **Лавров Л. И.** *Этнографический очерк... С. 13. (Со ссылкой на кн. А. И. Воейкова, Ф. И. Пастернацкого и М. В. Сергеева. Черноморское побережье. — СПб. 1899. С. 147.)*

⁶⁴⁶ **Белл Дж. Ст.** Указ. соч. С. 493.

мелкого и крупного рогатого скота, но особенно развито было, как и у абхазов, козоводство, так как коза была наиболее любимым и самым распространённым, по словам Т. Лапинского, животным убыхов. До полного принятия мусульманства убыхи очень любили свиное мясо и в большом количестве разводили свиней, но по требованию духовных лиц все эти животные были уничтожены. Из домашних птиц держали кур, много гусей, крупных индюков. В восточной же стороне разводили больше буйволов и коров, а в горных местах и ослов.

Особое место в жизни убыхов, как и у всех западно-кавказских народов занимали лошади, к ним относились с особой любовью, да и сами эти животные были необыкновенно привязаны к хозяевам. Г.-Ю. Клапрот утверждал, что в этих краях лошади «обычно того роста, который пригоден для использования в кавалерии... Они легки на ходу, и я не знаю другой породы лошадей, которая была бы более подходящей для езды по крутым склонам и более неутомимой»⁶⁴⁷. И по словам Н. И. Карлгофа лошади убыхов хоть и «малы ростом и не статны, но крепки, быстры, способны для переездов по горной местности и хорошо выезжены»⁶⁴⁸. Как заметил А. Фонвилль, эти «маленькие лошади необыкновенно искусно «умели обходить все встречающиеся на пути препятствия», а при проходе над пропастями «привычные ко всему этому, обходили самые затруднительные места с лёгкостью дикой козы». «Проходя повсюду, они карабкались с необыкновенной лёгкостью по скользким утёсам»; «без всякого затруднения входили и в воду, когда в том случалась необходимость»; ...эти «лошади не были подкованы и именно вследствие этого...никогда не спотыкались и преодолевали все затруднения, которые непременно бы остановили всякую европейскую лошадь». К тому же он назвал их «чрезвычайно красивыми ло-

⁶⁴⁷ *Клапрот Г.-Ю. Указ. соч.//АБКИЕА с. 334.*

⁶⁴⁸ *Карлгоф Н. И. Указ. соч. С. 26.*

шадками»⁶⁴⁹. Дж. Лонгворт тоже утверждал, что вообще ни в одной части Кавказа лошадей не подковывали, ни в горах, ни на побережье. Он же считал отсутствие подков очень тягостным для лошадей: «Неприятно чувствовать и видеть, — писал он, — как лошади хромают по камням» из-за их отсутствия⁶⁵⁰. Но он, как видно, недооценил в этом отношении тысячелетний опыт жителей гор.

Коней холили, лелеяли и старались не перегружать. Сёдла были удобными и лёгкими, не доставляя неудобств ни лошади, ни всаднику. Надо отметить, что для верховой езды употреблялись только жеребцы, так как в этих краях на кобылу садиться мужчинам считалось неприемлемым.

По мнению Н. И. Карлгофа, главная причина того, что у убыхов было сравнительно немного лошадей, была в недостатке пастбищных мест, а их действительно недоставало и для лошадей и для скота. Хотя Т. Лапинский и писал о прекрасных лугах, встречавшихся «не только в равнинах, но также на плоскогорьях самых высоких гор», но их было слишком мало. В Актах Кавказской археографической комиссии указываются пастбищные места только севернее горы Иегош (абх. Агэашә) — на горе Чура. Называют и пастбище Пшакиашхо (по-абх. Пшакишъха, т. е. «гора Пшакуа»), которое было расположено выше к северу от горы Куш и левого притока р. Сочи под тем же названием — Куш. Вместе с тем, представляет интерес наличие «в высокогорье, например, «на главном хребте, в верховьях Туапсе...» «каменных дворов». По объяснению наблюдателей, это были «площадки, обставленные кругом глыбами камней»⁶⁵¹. Нет сомнения, что

⁶⁴⁹ Фонвилль А. Указ. соч. С. 14, 18, 19.

⁶⁵⁰ Лонгворт Дж. А. Год среди черкесов. Том I и II.//АБККЕА с. 557.

⁶⁵¹ Анисимов З. А., Бутыркин В. В., Василевский Ф. В., Гайдук Я. Ф. и др. под ред. вице-губернатора А. А. Березникова. Справочник и путеводитель по Черноморской губернии. — Новороссийск. 1907. С. 446.

перед нами описание *ацангуар*, которые были распространены на местах выпаса скота в зоне альпийский лугов, начиная от реки Ингур, по всей Абхазии и далее до Туапсе, а значит, захватывали и территорию Убыхии.

Так как пастбищ не хватало, многим убыхам приходилось перегонять летом свой скот на северную сторону Кавказского хребта в пределы в основном абадзехов и лишь частично к абазинам-ашхаруа⁶⁵². И те, и другие сами были заинтересованы в таких отношениях. Это устраивало обе стороны, так как обеспечивало абадзехам посредничество убыхов в морской торговле с турками, а убыхам дополнительный доход за выполнение посредничества. В обычное же время после возвращения стад, скот у себя находился на подножном корму, так как стойлового содержания убыхи не практиковали, также как и абхазы. В зиму животные спускались и кормились в низинах, на пастбищах, расположенных в приморских равнинах. Наибольшие и наилучшие пастбищные места находились в нижней части долины реки Сочи и некоторых других рек. Фураж же для животных заготавливали в очень небольших количествах.

Нередко авторы отмечали огромные стада коз и овец, отчасти и крупного рогатого скота. Скот высоко ценили и дорожили им, так как он был одним из главнейших источников богатства, хотя согласно Дж. Беллу у убыхов достояние человека «расценивалось согласно числу рабов, которыми он владел»⁶⁵³, в то время как у соседей шапсугов и натухайцев, богатство исчислялось количеством голов скота. Однако скот высоко ценили, так как он был главным средством обмена. По словам Л. И. Лаврова, скот требовал к себе и определенного уважения. Всадник, встретив

⁶⁵² *Лавров Л. И.* Абазины. С. 18; *Акты, собранные Кавказской археографической комиссией.* Т. X. — Тифлис. 1885. С. 633.

⁶⁵³ *Белл Дж. С.* Указ. соч.//АБКИЕА с. 500.

стадо, обязательно ехал только шагом и при этом должен был произнести: «Да множится стадо!»⁶⁵⁴.

Весьма вероятно, что клеймили не только лошадей, но возможно и крупный рогатый скот. Однако изображений убыхских тамг сохранилось мало. Среди них четыре тамги ветвей Берзевков и по одной у Жаиб, Хундуж (вероятно Хундж), Пшизмаго и Тхас.

Сравнительно хорошо была развита охота как на копытных и хищных животных, так и на птиц, чему способствовало большое количество дичи и птиц в долинах, горах и лесах. Этот промысел помимо дополнения к питанию мясом дичи, играл немалую роль в поставке пушнины и шкур, кожи, шерсти и пуха и не только для домашнего обихода и одежды, но и для обмена и во внешней торговле. Очень мало, как и абхазы, убыхи занимались рыболовством — оно было вроде как бы в загоне, что удивительно при множестве прекрасных пород рыб, наполнявших горные реки и морские воды. Как отметил Г. В. Новицкий, в хозяйстве убыхов рыболовство играло незначительную роль⁶⁵⁵.

Довольно интенсивно убыхи занимались пчеловодством, как пасечным, так и бортничеством. Из гнездовий диких пчёл добывали знаменитый белый, с чрезвычайно малым содержанием воска, так называемый «каменный мёд». Его, не опасаясь, можно было носить с собой кусками, как лакомство вроде леденцов, так как он из-за большой спрессованности, засахаренности и твёрдости, приобретающей в связи с долгим нахождением в оставленных гнездовьях пчел — терял липкость. По словам И. Ф. Бларамберга, убыхи растворяли его в воде и употребляли в виде напитка⁶⁵⁶.

⁶⁵⁴ *Его же*. Указ. соч. (По Лаврову Л. И. Этнографический очерк... С. 23. В этом отношении важен пример абхазов: см. в кн. **Инал-Ипа Ш. Д.** Абхазы. С. 217.

⁶⁵⁵ *Новицкий Г. В.* Указ. соч. № 24.

⁶⁵⁶ *Бларамберг И. Ф.* Указ. соч. С. 357.

Домашним, фактически женским промыслом, было шелководство, которому убыхи, как пишет Г. В. Новицкий, сравнительно недавно научились от соседних абхазов, но шелка производили мало и он удовлетворял потребности только той семьи, где им занимались⁶⁵⁷. Белл же в конце 30-х годов писал, что от «Туапсе и повсюду по направлению к югу шёлк уже производится»⁶⁵⁸, хотя в Абхазии шелководством занимались уже около полутысячелетия, а может быть и значительно больше. Об этом говорит первое сообщение об этом занятии абхазов архиепископа города Султании Иоанна де Галонифонтибуса, посетившего в конце XIV в. страны Черноморского побережья, в том числе и Абхазию (абхазы обладают, — писал он, — ...«прекрасным вином... и искусны в выделке сукна, холста и шелка»)⁶⁵⁹.

Женским занятием было плетение и ткачество. Как видно, женщины интенсивно занимались плетением циновок, которые нередко встречались в их домах, шитьём одежды, изготовлением ковров-паласов и красивых, как можно заключить из рассказа Белла, бархатных подушек и матрацев, украшавшихся каёмками из бархата. Стегались одеяла, покрытые большей частью привозным цветным ситцем, а иногда шёлком и даже атласом⁶⁶⁰.

Широко было развито не только ткачество, но и рукоделие — вышивка, украшение аппликациями ткани и кожи, золотошитьё, плетение галунов из золотых и серебряных нитей. Ими обшивали и украшали не только женскую, но, судя по зарисовкам художников, и мужскую одежду, в основном представителей высшего сословия. Украшались обувь, седельные подушки, попоны, кожаные кошель для хранения трута и кремня, встре-

⁶⁵⁷ Новицкий Г. В. Указ. соч. № 24

⁶⁵⁸ Белл Дж. Ст. Указ. соч. // АБКИЕА с. 477.

⁶⁵⁹ Иоанн де Галонифонтибус. Сведения о народах Кавказа (1404 г) / Перевод З. М. Буниятова. — Баку. 1980. С. 19.

⁶⁶⁰ Белл Дж. Ст. Указ. соч. // АБКИЕА с. 464.

чались художественно исполненные кисеты для табака, чехлы для ружей и многое другое, и все это было делом женских рук.

А в хозяйственной жизни убыхских мужчин важное место занимали работы по дереву. Ими изготовлялась вся домашняя и кухонная утварь, нехитрая мебель для нужд дома: тахты, нары, диваны, большие длинные лавки, скамьи, люльки для маленьких детей, нередко и грубые кровати, столики-подносы для еды, небольшие табуретки, полки (чаще видимо, подвесные) для посуды, кухонная посуда, остовы для сёдел и мн. др. Для строительства домов без пилы выделявали столбы, балки, доски, ставни для окон, двери, тёс, дранку для крыш, а для дворов калитки, ворота, частоколы. Изготавливали и трубочки для патронов — газыри⁶⁶¹. В то же время, занимаясь виноделием, они, несомненно, выдалбливали большие колоды-давилъни из стволов деревьев для помещения ягод винограда (как это делали абхазы). Изготовляли для нужд земледельческого труда деревянные остовы сох, ручки для топоров, мотыг, цалд и др. Так же, как и абхазы, мастерили большие двухколёсные арбы, морские суда и сооружали мосты, причём, все эти работы исполняли без применения каких-либо деталей или гвоздей из железа.

Очень оригинальным, распространенным и у абхазов, был способ прокладки и строительства мостов в местах важных переходов, где обойтись перекинутым через речку бревном было невозможно. Вот описание одного из них, относящееся к 1864 году: «Мост состоял из цельных деревянных стволов, положенных с каждого берега оврага, врытых концами в землю и заклиненных. Деревья сходились над серединой реки и подхватывались снизу подушками, в концы которых были врублены вертикальные стойки. На стойки насажены были длинные тонкие жерди, сделанные из крепкого и гибкого дерева, также

⁶⁶¹ Для газырей использовали большой крепкий песчаный камень — Арнудо-донакс, достигавший 15 футов, называвшийся у горцев «газы», который они очень ценили.. (Старк А. На русской Ривьере. Из дневника охотника. — С.-Петербург. 1913. С. 10.)

утверждённые концами в берегах. От первых брёвен уцелело несколько досок, составлявших вероятно, часть мостовой настилки. Пила здешним горцам, по-видимому, не была известна, и они приготавливали доски, колотые из каштанового или другого хорошо раскалывающегося дерева, по крайней мере, нигде в аулах южного склона не попадался пиленный лес. Мостик этот очень эластичен; на скрепление его не пошло ни кусочка железа, и вся работа, как видно, была произведена топором»⁶⁶². По многим из таких мостов проходили даже лошади.

Как пишет Л. И. Лавров, «настоящим ремеслом, а не домашним промыслом было кузнечное дело, иногда поднимавшееся до положения кустарного производства на продажу»⁶⁶³. Как писал С. Смоленский, изделия убыхов — ружья, пистолеты, шашки «имели высокую цену по своему достоинству и славились на всём Западном Кавказе»⁶⁶⁴. И. Ф. Бларамберг, описывая оружие черкесов, в число которых он включает убыхов, отмечает их равнодушие к «богатому украшению» его: «...их сабли, кинжалы, пистолеты, ружья, сбруя и так далее покрыты украшениями из серебра и золота превосходной работы. Сёдла и ножны шашки украшены галунами»⁶⁶⁵. Почти то же самое мы читаем и у Фр. Дюбуа. Говоря вообще о черкесах, несомненно, включая сюда и убыхов, он посчитал единственным промыслом, который «у них развит довольно высоко, это выделка золотых и серебряных изделий. У них есть очень искусные мастера, особенно по обработке серебра и рисунку на черном серебре; черным серебром они покрывают рукоятки пистолетов, сабель, ножны кинжалов; они также умеют насекать узоры (выделывать дамасскую сталь) на стволах ружей... Они делают прекрасные таба-

⁶⁶² **Орехов И. О.** По южную сторону Западного Кавказа//«Военный сборник» 1869, № 11, с. 175–176.

⁶⁶³ **Лавров Л. И.** Указ. соч. С. 14.

⁶⁶⁴ **Смоленский С.** Воспоминания кавказца//«Военный сборник» 1874, № 9, с. 178.

⁶⁶⁵ **Бларамберг И. Ф.** Указ. соч.//АБКИЕА с. 363.

керки, бляшки к поясам, пряжки, перстни, кубки, чаши и т. п.»⁶⁶⁶. Таким образом, можно заключить, что у убыхов, кроме слесарей, были и опытные ювелиры, отделявавшие с накладками из драгоценных металлов оружие, предназначавшееся или для продажи на сторону, или для приобретения его своими собственными представителями знати и состоятельной частью населения. Можно не сомневаться в том, что эти же мастера изготавливали и ювелирные украшения для женщин.

Об особенностях убыхской одежды писать здесь необходимости, пожалуй, нет, поскольку она, прежде всего, мужской костюм, во всём основном является почти тождественной адыгской и абхазской, как в этом убеждает нас даже поверхностное сравнение соответствующих материалов⁶⁶⁷.

Что касается костюма убыхских женщин, то хочется привести описание его, сделанное в конце войны А. Фонвиллем: «девушки носят голубые платья, которых талия застёгивается на груди серебряными бляхами; затем широкая юбка, спереди открытая и цветные широкие турецкие панталоны, спускающиеся до лодыжек; их руки, покрытые рубашечными рукавами из красного или жёлтого шёлка, проходят в отверстие рукавов платья, а эти последние, разрезанные по всей длине их, болтаются вокруг стана. Платья, панталоны, рубашка — весь костюм украшен самыми причудливыми арабесками из серебра. На головах девушки носят высокие остроконечные шапочки; волосы заплетаются в три косы, из которых одна висит позади, на спине, две же другие выставляются вперёд и спускаются до пояса, сделанного из красного сафьяна и усеянного разными серебряными бляхами и другими украшениями; наконец, ноги обуты в полусапожки разных цветов... Замужние женщины... одеты точно так же, как и девушки, вся разница заключается в боль-

⁶⁶⁶ *Дюбуа Фр.* Указ. соч.//АБКИЕА с. 454.

⁶⁶⁷ *Анчабадзе Ю. Д.* Указ. соч. С. 147, 149, 151.

шой белой вуали, которая прикрывает всю их фигуру, кроме глаз...»⁶⁶⁸, но конечно только после принятия мусульманства.

Определённое место в экономической жизни убыхов занимала и торговля.

Внутренний обмен сводился главным образом между Верхней и Нижней Убыхией. Обменивались как рабами, так и продуктами питания. Так, например, жители Верхней Убыхии были в большой степени заинтересованы в продуктах земледелия, в связи с большой нехваткой годных для сельскохозяйственного производства земель.

Что касается внешних экономических связей внутри Кавказа, то и они, главным образом, сводились к обмену товарами и рабами. Так из Абадзехии шёл наиболее интенсивный поток пленных, обменивавшихся, в основном при посредничестве убыхов, на товары, поставлявшиеся из Турции. Обменивались не только рабами, но и ремесленно-кустарными изделиями, всевозможными продуктами питания (из Абхадзехии в основном шли зерновые). Экономические же связи между Убыхией и приморской Адыгеей и Абхазией, как считает Л. И. Лавров, почти отсутствовали.

Настоящей торговля была только в отношениях с торговцами, приплывавшими из Турции. Это были как сами турки, так лазы и армяне. Некоторые из них имели на побережье даже свои дома и небольшие базы в местах, где было сосредоточено наиболее густое население и, как правило, недалеко от устьев рек (Шахе, Хобзы, Вардан, Псахе и Сочи). Места выбирались и с расчётом того, где удобно было выволакивать на катках из моря сравнительно лёгкие суда и скрывать их, покрыв ветками растений. Иногда продырявив, временно топили их в мелководье, а перед возвращением, поднимали, конопатили дыры, и судно вновь было готово к плаванию⁶⁶⁹.

⁶⁶⁸ Фонвиль А. Указ. соч. С. 14, 15.

⁶⁶⁹ Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Т. II. – Екатеринодар. 1913. С. 321.

После установления российского крейсерства вдоль побережья, вся морская торговля считалась контрабандой и российским командованием с ней велась беспощадная борьба. Но, несмотря на эти меры, торговля продолжалась, причём в ней, в последние десятилетия принимали участие и сами убыхи, уже владевшие собственными судами и совершавшие рейсы к турецкому побережью, главным образом в Трапезунд и Синоп и обратно. К этому вынуждала строгая блокада, устроенная убыхам Россией. Обычно же в Убыхию, как и к адыгейцам и абхазам ввозились соль, грубые полотна, хлопчатобумажные ткани, ситцы, кисея, шёлк, атлас, бархат, сафьян, постельные принадлежности, иглы, медная посуда, сундуки, курительные трубки, табак, сельскохозяйственные орудия, порох, свинец, оружие, железо, медь, монеты и др.

Из Убыхии вывозили мёд, в том числе и «каменный», воск, лес, пушнину: шкурки куниц, лис, диких котов, рысей, оленьи рога и рога диких козлов, шкуры медведей и волков, а также и домашних животных, шерсть, грубое сукно, бурки, лучшие в оформлении кинжалы и шашки, а также излишки кукурузы и др. Однако при всём том, самым главным товаром были люди. Никто не подсчитывал, сколько людей в год уходило в рабство с берегов Убыхии. Наиболее широкий размах эта торговля получила именно здесь. Бесконечные набеги делались главным образом с целью захвата пленных и уже после них скота и других объектов грабежа. Продавались в основном дети, девушки и молодые люди. Наиболее красивых девушек работорговцы продавали в гаремы, менее красивых в служанки, а молодых людей кого в янычары, кого на сельскохозяйственные работы и в пастухи, а кому-то доставалась и самая плачевная участь — их покупали для работы в трапезундских медных рудниках. Работоторговле был полностью положен конец только после окончания Кавказской войны. Однако, как пишет И. Клинген «...только известный процент населения занимался войной, большинство же, путем великого мужества и терпенья, а также благодаря об-

щинным союзам, одолело природу и обратило сплошную пустыню в цветущую земледельческую страну»⁶⁷⁰.

Таким образом, имеющиеся, хотя и ограниченные материалы, часть которых приводится здесь, сравнительно неплохо характеризуют основные черты хозяйственного быта убыхов XIX века. У них мы находим: пашенное земледелие с использованием усовершенствованной сохи и тягловой силы быков и буйволов в Нижней Убыхии и мотыжного земледелия в горах, а также при использовании указанных животных при перевозке грузов на редких, правда, колёсных арбах, выращивание хлебных и других сельскохозяйственных культур (сеяли кукурузу, просо, ячмень, пшеницу). Занимались огородничеством (бобы, лук и чеснок, красный перец, свекла, тыква, сахарные сорта арбузов и дынь, огурцы, репа, фасоль, разная зелень и др.). Занимались и садоводством, и виноградарством (из местных сортов винограда давили вино, изготавливали и водку, которые в отдельных случаях не уступали французским). Скотоводство составляло второе после земледелия хозяйственное занятие, основой которого было всё же, как и у абхазов, козоводство, а затем и овцеводство, несколько реже встречались коровы, лошади. Разводили и других домашних животных и птицу. Занимались убыхи пчеловодством, охотой и лишь частично рыболовством. Немалый опыт был достигнут в области домостроения, мореходства, кузнечества и некоторых других занятий и домашних промыслов и т. д. Всё это говорит о довольно значительном уровне хозяйственного и культурного развития убыхов XIX века.

Но есть и несколько иное мнение. Например, подводя итог той части своего очерка, где говорится об экономике, Л. И. Лавров пишет: «Итак, экономика Убыхии в XIX веке характеризовалась следующими чертами:

- 1) преобладание натурального хозяйства,

⁶⁷⁰ **Клинген И.** Основы хозяйства в Сочинском округе. — С.-Петербург. 1897. С. 66, 67.

- 2) отсталая, простейшая техника,
- 3) значительная роль ряда примитивных форм хозяйства: мотыжное земледелие, бортничество, охота, собирание дикорастущих плодов (груши, кислицы, каштаны, орехи),
- 4) слабое развитие промыслов, из которых лишь кузнечное дело поднялось до положения ремесла на заказ, и не было настоящего кустарного производства, работающего на рынок,
- 5) несмотря на сравнительно развитый обмен, он ограничивался лишь несколькими видами товаров, среди которых (в экспорте) наибольшая роль принадлежала невольницам и невольникам»⁶⁷¹.

В целом эти выводы являются как будто бы правильными, однако не во всём, а кое-где и совсем не согласуются с материалами, в том числе и самого автора. Так, подчеркнём лишний раз, что убыхи успешно занимались не только и не столько мотыжным, сколько плужным земледелием, а это никак не простейшая техника; разводили все важнейшие зерновые культуры и виноград, интенсивно занимались и виноделием; убыхские селения, гласит документ, «тонули в зелени садов»; у них были большие стада коз, овец и коров, табуны лошадей и получило значительное развитие настоящее кузнечное ремесло, в том числе и на заказ; важное значение имели обмен, морская торговля, мореходство на судах местного изготовления и т. д. Да и такие хозяйственные занятия, как, например, охота с огнестрельным оружием, также нельзя отнести к числу таких уж примитивных. Другое дело, что хозяйство убыхов исторически в значительной степени было ориентировано на пленопродавство и на работорговлю с вытекающими отсюда последствиями.

⁶⁷¹ Лавров Л. И. Указ. соч. С. 17.

Глава седьмая

КОЕ-ЧТО О ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ УБЫХОВ

1. О религии

В религиозном отношении Убыхия, как и смежные области, представляла собой страну, где сосуществовали и контактировали между собой три религии — две мировые (христианство и ислам) и местная система язычества. К середине XIX столетия каждая из них находилась в Убыхии на определённой ступени своего исторически обусловленного развития.

Убыхи, принявшие ислам, считались мусульманами суннитского толка, причём эта религия внедрилась в Убыхию лишь к середине XIX века. При этом, «жители общин, расположенных на берегу моря, считались более ревностными мусульманами, нежели обитатели гор»⁶⁷². Что касается 30-х годов XIX в. то у прибрежных сашинцев по Ф. Торнау, «намаз творили правильно в урочные часы и к молитве призывал мулла»⁶⁷³. Среди же

⁶⁷² Лавров Л. И. Указ. соч. С. 21.

⁶⁷³ Торнау Ф. Ф. Указ. соч. С. 50.

горцев, по словам Белла, «многие живут, кажется, безо всякой религии»⁶⁷⁴.

Как считал Т. Лапинский, а об этом писали и другие авторы, те убыхи, которые издавна вели с Турцией широкую торговлю рабами, раньше всех сделали мусульманами с целью заслужить расположение турок, а среди них наиболее «ревностными» мусульманами, по свидетельству Ф. Торнау, стали дворяне Дещен и Берзеки, «между тем как часть народа продолжала поклоняться кресту»⁶⁷⁵. Берзеки, как мусульмане фигурируют уже в 1792–1793 гг., о чём свидетельствует найденная в окрестностях Сочи надгробная плита с турецкой надписью, извещающей о смерти Хаввы, дочери Мухаммад-аги из рода Барзек⁶⁷⁶.

О процветавшем некогда христианстве свидетельствуют развалины храмов и почитание крестов. Дж. Белл, описал поставленные в священных рощах кресты «очень различной формы: иногда поперечная часть расположена по верху другой, вертикальной, в других случаях — значительно ниже, как те, так и другие украшены, в большей или меньшей степени резьбой». Он же привёл и высказывание членов одной семьи, как видно мусульманской, в Джубге, где он гостил, что «поклонение этим крестам было раньше очень распространено, и к ним стекалось множество людей, но в последнее время [то есть в конце 1830-х гг.] культ этот почти прекратился — проявление этих обрядов стали очень редкими, и многие не только не одобряют этот культ, но и высмеивают его». Однако, как он указал выше, так же, как и в остальной Убыхии, положение, по его наблюдениям, до этого пока ещё не дошло, т. е. поклонение крестам еще сохранялось⁶⁷⁷.

⁶⁷⁴ Белл Дж. С. Указ. соч. С. 356.

⁶⁷⁵ Торнау Ф. Ф. Краткий обзор... I, II, 1939 г.

⁶⁷⁶ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа XVIII–XX вв. ч. 2. — Москва. 1968. С. 36.

⁶⁷⁷ Белл Дж. С. Указ. соч.//АБКИЕА с. 469.

Священный дуб с висящей цепью с крестами. (Рис. Дж. Белл)

По совокупности данных можно считать, что к середине XIX века убыхский народ в целом уже воспринял ислам в не меньшей, а может быть, даже и в большей степени, чем некоторые рядом обитавшие этнические группы — садзы, шапсуги и др. Все убыхи — мужчины и женщины — сделались приверженцами учения Магомета, а то, что почти никто из них по существу не имел ясного понятия о содержании Книги («Корана») и её нравственно-философских формул и догматов, не мешало, как видно, дальнейшему, пусть и поверхностному, распространению и укреплению среди массы населения исламской веры. Принятие мусульманства шло негладко и в основном падает на XIX век, особенно, начиная со второй его трети.

А. Фадеев считал, что убыхская феодальная знать не оказалась способной навязать ислам своим соплеменникам и пропаганда его долго не давала значительных результатов до 1840-х годов⁶⁷⁸. Однако не сильно отличалась обстановка в этом отно-

⁶⁷⁸ **Фадеев А.** Убыхи... С. 243.

шении и в 40-х годах, когда на Западном Кавказе появился посланник Шамиля из Дагестана — молодой и энергичный наиб Мухаммед-Эмин.

В 1846 году этот наиб объявился и на территории южного склона Кавказа. Достигнув некоторых успехов в Абадзехии, Мухамед-Эмин планировал провести действия, способствующие распространению его власти и на территории приморской части Адыгеи и в Убыхии. Однако в Убыхии он встретил энергичное сопротивление испугавшегося дворянства и отчасти христианского населения, ввиду чего ему пришлось отсрочить на время распространение в ней магометанства. Даже Т. Лапинский в свое время писал: «часто случалось, что стоило наibu только покинуть мехкеме, как жители уже восставали и прогоняли начальника мехкеме, кадиев и муртазиков; нередко сжигались общественные строения и мечети»⁶⁷⁹.

Во время его появления поклонение крестам носило ещё массовый характер. И моления перед ними, включавшие стёртые черты христианства, продолжались. По-видимому, описания этих молений с возжиганием восковых свечей носили такой же характер у убыхов, как и у других причерноморских племён. В Убыхии, как уже отмечалось, Магомед-Эмин в вопросе принятия мусульманства встретил довольно холодный прием, хотя к середине XVII в., если верить Е. Челеби, прибрежное население было уже на пути к омусульманиванию: «...кяфиров не любят, — писал он, — ради мусульман же жизнь отдадут. Если они примут ислам, из них получатся крепко верующие приверженцы единого бога»⁶⁸⁰. Он заметил, что в с. Атма стояла мечеть, а среди жителей были мусульмане-абаза из Топхане (Стамбул), распространявшие, как видно, здесь новую веру. Иными словами, лишь редкие «племена абаза» были в то время обращены в

⁶⁷⁹ *Лапинский Теофил. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. — Нальчик. 1995. В этом издании с. 221.*

⁶⁸⁰ *Челеби Евлия. Указ. соч. С. 54.*

мусульманство, хотя уже тогда дело, хотя и вяло, но явно шло к тому.

Однако, в описываемый период времени, не только в Шапсу-гии, но и в Убыхии поселян раздражало рвение наиба в деле обращения их в новую веру, его жестокость, так как население к его деятельности относилось или отрицательно или, в лучшем случае, равнодушно, а жители особенно прибрежной полосы «не желали ничего знать о наибе, придерживаясь христианских и языческих обычаев, и одинаково ненавидели магометанство, как из Дагестана, так и из Константинополя»⁶⁸¹.

Отголоски же прежнего христианства, как уже отмечено, выражались в особом почитании крестов, среди которых по Дж. Беллу, были каменные, железные, позолоченные и, украшенные резьбой деревянные, поставленные на землю в священных рощах или подвешенные к особо почитаемому дереву, а в отдельных домах, хранились даже и золотые нательные кресты.

Следы христианства наличествуют и в развалинах церквей прибрежной зоны, среди которых наибольшей сохранностью отличается храм в Лоо. Эта купольная трёхнефная постройка с тремя выступающими на восток апсидами, две из которых полукруглые, а центральная — пятигранная. Храм у трёх входов имел тамбуры (притворы), а внутри, судя по сохранившимся остаткам, храм был восьмистолпным. Этот памятник бывшего христианства, без сомнения, относится к эпохе Абхазского царства и входит в группу церквей, так называемой «абхазской школы» византийской культовой архитектуры⁶⁸². По свидетельству же

⁶⁸¹ **Лапинский Теофил (Тевффик-бей).** Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. /Перевод В. К. Гарданова. — Нальчик. 1995. С. 231, 255.

⁶⁸² Из этой группы сохранились или вернее стали известны храмы: в Алахадзы на Пицундском мысу; Пицундский собор; подобный ему в плане храм Ходжала-бей в 12 км от р. Бзыбь; Бзыбский; Лыхненский; храм в Мсыгхуа (б. Приморское); Анакопийский; Моквский;

Ф. П. Доброхотова и других в 20-ти верстах от Сочи видны были «многочисленные развалины когда-то великолепных храмов». А в г. Хоста, по их словам, на берегу моря, на одной линии с городским парком находились «развалины двух христианских храмов V–VI вв. Кучи глыб серого камня, спаянного цементом — вот грустные остатки былого великолепия». Хостинские старожилы помнили, когда «развалины представляли собою ряд высоких, хорошо сохранившихся стен, и как некоторые обыватели ломали эти стены, пользуясь прекрасным «даровым, при том, строительным материалом». Строившаяся тогда Черноморская железная дорога, как нарочно, прошла по месту развалин и навсегда их покрыла⁶⁸³. А в справочнике 1907 года группа авторов пишет, что остатки христианских храмов на этой территории слабо сохранились, но имеют ясные очертания оснований. Далее они пишут, что лучше уцелели руины, хотя тоже очень пострадали от времени и землетрясений, остатки храма близ устья реки Нижи, в имении графа Шереметьева. «Три стены поднимаются довольно высоко, четвёртая обрушилась; все части храма явственно обозначаются; особенно любопытна алтарная часть, состоящая из трёх, более чем полукруглых выступов, а в стенах ясно видны отверстия окон и следы бывших сводов...»⁶⁸⁴.

Как сказано, «ревностными мусульманами» главным образом стали представители знати, являвшиеся основными рабо-

бывший в прошлом таким же Бедийский и значительных размеров храм, повторяющий Пицундский собор в с. Атангело в Самурзакани, (на побережье Ингура), который видел Дюбуа. К этой же «семье» церквей Абхазии и прибрежной Убыхии относятся и храмы Северного Кавказа — Зеленчукские и Шоанинский на Верхней Кубани. (См. Чачхалия Д.К. Самобытный стиль абхазской архитектуры. Газ. СА. 29.05.1986 г.)

⁶⁸³ *Доброхотов Ф. П. и др. Черноморское побережье Кавказа. — Петроград. 1916. С. 282.*

⁶⁸⁴ *Анисимов З. А., Бутыркин В. В. и др. Справочник и путеводитель по Черноморской губернии. — Новороссийск. 1907. С. 469.*

торговцами и более других общавшиеся с турками, с которыми часто были связаны и родственными узами, имея в гаремах многих вельмож дочерей или сестёр. Несомненно, ислам принимался, и его обряды исполнялись в угоду туркам. Судя по слову «Хаджи», приставлявшемуся к именам некоторых знатных убыхов, часть из них уже в 30-х годах совершила хадж, т. е. побывала в Мекке.

Однако, насколько осознано и широко распространилась новая вера, показывает примечательный пример. Так, Дж. Белл в конце 30-х годов считал, что население побережья делится на равное число исповедующих старую веру и ислам и что другая часть убыхов поклоняется кресту⁶⁸⁵. Он же сообщает, что 10 мая 1838 года в Сочи происходил «большой спор по поводу снятия некоторых старинных крестов, из которых три особенно почитаемы. Один висит на дереве, а два других стоят. Кроме того, есть ещё много других крестов железных и несколько позолоченных...»⁶⁸⁶. Причем в споре на стороне почитателей крестов выступал считавшийся, как будто бы ревностным мусульманином, сам князь Саша — Али Ахмед Аублаа, благодаря вмешательству которого кресты были оставлены.

Насколько осознано и глубоко проникло мусульманство говорит еще один примечательный пример: 2 мая 1839 года на эскадре адмирала Лазарева к устью реки Субаши прибыл отряд русских военных. На другой день обе неприятельские стороны стали готовиться к сражению. К устью реки убыхи собирались целыми толпами и количество их всё более и более возрастало. «До 30-ти начальников разъезжали верхом. На равнине под вековыми деревьями человек 500 стояло на коленях и перед ними мулла в белой чалме, это указывало, что черкесы [убыхи]

⁶⁸⁵ *Белл Дж. С. Указ. соч.//АБКИЕА с. 530. Представляет интерес найденное надгробие Йакуба, сына Абдаллах-аги из Ворданэ, где указан год его смерти 1824 /1825, но, к сожалению, фамилия не названа.*

⁶⁸⁶ *Там же. С. 503.*

решились защищаться до крайности». Русские поняли, по словам Эсадзе, что им «недёшево достанется это «святое место»»⁶⁸⁷. В эпизоде ясно вырисовывается роль муллы, как главного руководителя защиты священной дубовой рощи. Сам он, несомненно, был по происхождению убыхом и поклонялся священным рощам, как видно не менее рьяно, чем Аллаху.

Внедрение ислама, однако, что вытекает из некоторых фактов, шло при сопротивлении населения даже в 1850-х годах. Положение это прекрасно описал Т. Лапинский. Когда русские ушли с побережья в связи с Крымской войной, население Шапсугии и Убыхии, как сказано, всегда относившееся неприязненно к религиозному рвению Мухаммеда-Эмина и его страсти к обращению людей в новую религию, повело себя в отношении наиба весьма решительно. «В самое короткое время была сброшена с таким трудом введённая административная система; здания мехкеме были сожжены, начальники изгнаны, кади и муртазики принуждены были разойтись по домам. Но на этом не остановились эти горные народы, когда русские отступили и пророк Магомет уже являлся лишним, во многих местностях, в особенности в горах, жители сожгли мечети и воздвигли снова старые кресты»⁶⁸⁸. А вице-адмирал Серебряков ещё до крымской войны в записке от 11 декабря 1852 года докладывал, что Мухаммед-Эмин «ниспроверг все кресты», но «впоследствии жители воздвигли их во многих местах и разрушили мечети»⁶⁸⁹.

И всё же ислам постепенно всё более и более укреплял свои позиции, чему способствовала война и ненависть к русским. На смену, говоря словами В. Ф. Миллера, «язычившейся христианской стране шло мусульманство». В частности, полному уничто-

⁶⁸⁷ **Эсадзе Семен.** *Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны.* С. 50.

⁶⁸⁸ **Лапинский Т.** *Указ. соч./ Перевод В. К. Гарданова. — Нальчик. 1995. С. 231.*

⁶⁸⁹ *АКАК Том X, ч. I, с. 235, № 240.*

жению подверглось свиноводство. Однако этой участи избегло, как и в Абхазии, виноделие, и многие убухи продолжали изготавливать и пить вино, несмотря на то, что почти в каждой общине уже имелась мечеть.

В строительстве же центральной или «столичной» молельни для меджлиса, на реке Псахе, вблизи Сочи, как и зданий для суда «великого и свободного собрания» в 1861 г. приняло участие уже всё население Убухии и Садзена (каждая семья должна была доставить по две доски). Большую роль в религиозной и общественной жизни народа стали играть муллы и другие служители культа; чаще совершались паломничества в Мекку для поклонения мусульманским святыням и т. д.

Во многом правильно отмечает Ю. Д. Анчабадзе о положении сложившимся в религиозной жизни населения, «местные культы убухов, садзов, горных абхазов и др. формировались под влиянием особенностей исторического развития региона и представляли собой смесь христианских и исламских напластований при доминировании мощной языческой основы»⁶⁹⁰. Однако, вряд ли можно ставить своего рода знак равенства между положением, сложившимся к середине XIX века с положением к началу 1860-х годов между «христианскими и мусульманскими напластованиями» или же утверждать о «доминировании мощной языческой основы», так как, подойдя ко второй половине XIX века, ислам здесь при всём том, о чём говорилось выше, завоевал уже довольно или сравнительно сильные позиции.

Условия, так сказать, «всеобщей» исламизации не содействовали сохранению «мощной языческой основы», но, тем не менее, народные верования всё ещё продолжали играть, если уж не решающую, то всё же, заметную роль в религиозной жизни местного населения и об их полном угасании к тому времени, конечно же, не может быть и речи. Об этом свидетельствует то, что у убухов по-прежнему функционировали такие, например,

⁶⁹⁰ *Анчабадзе Ю. Д. Указ. соч. С. 161.*

важные и популярные верования и культы, как почитание священных рощ, которые были в каждой долине, (иногда их было и несколько). Под священными деревьями часто были могилы, а на ветвях висели посвящённые божеству предметы, большей частью оружие. Такие рощи встречались и у устьев рек, например, у потока Субаши, у устья реки Шахе. Священная дубовая роща находилась и на горе Батарейка, недалеко от устья р. Сочи. Там, на одном из дубов, висела железная надочажная цепь с тремя крестами и крюками, вероятно для подвешивания кусков мяса жертвенных животных, или, скорее всего, сердца и печени.

Заслуживает внимания и сообщение о встречающихся «в особых рощах» (то есть священных) больших каменных глыбах «часто такой породы, какая не встречается поблизости». Как пишут авторы этого свидетельства, «их принято считать жертвенниками»⁶⁹¹. Почитались и отдельные деревья, отличавшиеся своей огромной величиной (например, известная белолістка на среднем течении р. Сочи, где убыхи в XIX веке проводили свои собрания, в том числе держали последний совет перед выселением). При этом, важным представляется сообщение, переданное стариками известному археологу В. И. Марковину о том, что в горах, на горе Аутль в с. Солох-аул, в местности «Три дуба», в прошлом практиковали «воздушные» захоронения⁶⁹². Возможно с этим был связан и обычай убыхов, о котором пишет И. О. Орехов — хоронить покойников мужчин в неглубоких могилах⁶⁹³. То же самое наблюдается до сих пор и у абхазов — женщин погребают гораздо глубже, чем мужчин⁶⁹⁴. Эта традиция, как видно,

⁶⁹¹ **Анисимов З. А., Бутыркин В. В.** и др. Указ. соч. С. 466.

⁶⁹² **Марковин В. И.** Дольмены Западного Кавказа. — Москва. 1978. С. 228.

⁶⁹³ **Орехов И.** По южную сторону Западного Кавказа//«Военный сборник» 1896, № 12, с. 346.

⁶⁹⁴ **Инал-Ипа Ш. Д.** О дольменной культуре в Абхазии и проблема её этнической принадлежности//**Инал-Ипа Ш. Д.** Страницы исто-

сохранилась с тех пор, когда останки мужчин после долгого пребывания на воздухе не требовали уже глубокого захоронения.

Убыхские языческие верования, культы и обряды были исключительно близки и абхазским, и адыгским. Так общим в древности был культ Ахына — божества рогатого скота. В представлениях его почитателей Ахын был могучим скотоводом, причём ноги его имели раздвоенные копыта [ср. с греческим Паном]⁶⁹⁵. В руках он всегда держал пастуший посох, с помощью которого мог перепрыгивать с горы на гору, как абхазский Абрскил. Ему посвящалась самошествующая черная корова, которая своим поведением и рёвом давала знать, что именно она предназначена в жертву Ахыну. Как пишет Л. Я. Люлье, такие коровы были из стада семейства Трахуахо (в переводе «пастух божий»), у других же авторов такой семьёй считалась садзская фамилия или род, проживавший в Арткуадж (Адлер) — Дзыбе или Цсбе. Священной рощей Ахына считалась роща, находившаяся по одним данным у устья р. Шахе или Субешх, а по другим — в её верховьях, состоявшая из огромных вековых дубовых деревьев, на ветвях которых висели принесённые в жертву и поржавевшие от времени предметы вооружения. Интересно, что у абхазов сохранилась поговорка, связанная с именем Ахына: «У Ахуновцев родился сын (наследник), а люльку раздобыть не могут!».

С культом Ахына, по-видимому, связано и название горы Ахун, а может быть и святилища Ах-ных, находившегося у Адлера (возможно остатком его рощи из прошлого культа и был громадный Адлерский священный дуб — Лияшвных). Согласно преданиям, чёрная корова, якобы, раз в три года сама шла из общества Арт к Шахе. По дороге к ней присоединялись толпы людей и гнали туда же чёрных коз. В роще со сложным ритуалом

рической этнографии абхазов. — Сухуми. 1971. С. 34.

⁶⁹⁵ *Люлье Л. Я. Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкесов//ЗКОИРГО кн. V. — Тифлис. 1862. С. 125.*

(есть разные его описания) корова и все козы приносились в жертву. По Л. Я. Люлье «такие жертвоприношения совершаются и поныне исключительно у горцев, живущих по морскому побережью»⁶⁹⁶. И Дубровин писал: «Божество это не было исключительной принадлежностью одних черкесов (и убыхов), но и значительная часть Абхазии надеялась на его благосклонность, «тем более, что в прежнее время постоянные поклонники и служители Ахына находились в этой последней стране»⁶⁹⁷.

Общим для убыхов и для всех Западно-кавказских народов, а также осетин было и загадочное божество Уашхо, именем которого клялись при особых обстоятельствах⁶⁹⁸.

Абхазы, абазины и убыхи верховного бога называли одним именем Анцва или Нцва (**Анцэа, Нцэа**). Именем бога у убыхов было и Вобьё (*wa-ba*), что может быть звучит и в ритуальной абхазской песне *Дзи-Боу*. Оно также созвучно сванскому божеству неба, молнии и грозы, на что обратил внимание еще акад. Н. Я. Марр⁶⁹⁹.

С адыгами же убыхов объединяли названия бога-кузнеца Тлепша и божества охоты Мезитха (от Мез — лес и Тха — бог т. е. бог леса, хотя в убыхском лес носит другое название — «абна», такое же как и у абхазов), видимо усвоенное убыхами позже.

Возможно, общим с абхазами-садзами у убыхов было поклонение кудепстинскому культовому камню с высеченными в

⁶⁹⁶ Там же.

⁶⁹⁷ Дубровин Н. Черкесы (адыге) — Краснодар. 1927. С. 36–8; см. и Акаба Л. Х. У истоков религии абхазов. — Сухуми. 1979. С. 67–69; Инал-Ипа Ш. Д. Садзы. С. 225.

⁶⁹⁸ Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. — Сухуми. 1976. С. 146–162.

⁶⁹⁹ Марр Н. Я. О религиозных верованиях абхазов // Н. Я. Марр. О языке и истории абхазов. С. 113, 114, 115; Vogt Н. Указ. соч. С. 203.

нём двумя сидениями и жертвенниками в виде выбитых ямок на поверхности самого камня⁷⁰⁰.

Однако сделанный краткий обзор вряд ли даст полную картину — предстоит ещё кропотливая работа для того, чтобы лучше и полнее выяснить характер и степень «смеси» и соотношения между собой названных религий, имевших место в прошлом убыхов.

2. О фольклоре

Убыхи, поголовно выселенные в Турцию, унесли с собой, как и другие кавказские махаджиры, драгоценные памятники своей богатой духовной культуры. Наряду с другими произведениями устного народного творчества, в их фольклоре были широко представлены и нартские сказания, являющиеся общим достоянием осетин и всех народов Северо-Западного Кавказа и Северо-Западного Закавказья.

К великому сожалению, никому не пришлось ни записывать, ни, тем более, изучать эпос в естественном его бытовании на месте исконного жительства убыхов и садзов. В настоящее время мы располагаем лишь незначительным материалом, полученным в основном в результате полевых изысканий отдельных западных авторов — норвежца Г. Фогта и, главным образом, французского учёного Ж. Дюмезиля.

Убыхские нартские сказания, судя по имеющемуся материалу, как правило, являются эквивалентами соответствующих абхазских и адыгских преданий. В частности, у убыхов с абхазами общими являются не только термин «нарт», как и у всех, но и главнейшие нартские герои, которые встречаются и в других национальных версиях эпоса, — Сатания (убыхск.), Сатаней

⁷⁰⁰ **Инал-Ипа Ш. Д.** Кудепстинский культовый камень // В сб. *Инал-Ипа Ш. Д. «Страницы исторической этнографии абхазов. — Сухуми. 1971. С. 159–188.*

(у абхазов), Сасрыква и другие, но и такие эпические персонажи, которые не встречаются или не характерны для других народов — Гунда Прекрасная, Ершхау (убыхск.) и Нарджхьоу (абхазск.), Хважарпыс (абхазск.) и Хуазерпиш (убыхск.)⁷⁰¹. Причём, имена эти почти тождественны между собой, как по своему фонетическому оформлению, такому же, как и у абхазов, так и по содержанию (например, Гунда-Пшдза на обоих языках означает Гунду Прекрасную).

Полное совпадение наблюдается, как отмечено, и в некоторых убыхских и абхазских сюжетах нартских сказаний. Так, например, абхазское сказание о сватовстве героя Нарджхьоу к Гунде почти совершенно тождественно с соответствующим убыхским рассказом об Ерешхау, Хуазерпише и Гунде-Пшдзе, записанном в 1955 году в Турции Ж. Дюмезилем и А. Намитком со слов пятнадцати убыхов одной деревни, которые ещё пользовались своим языком как разговорной речью⁷⁰².

В 1956 году на научном совещании по нартоведению в г. Орджоникидзе В. И. Абаев отметил «три центра (формирования) нартского эпоса: осетинский, адыгский и абхазо-убыхский. Убыхские варианты, — сказал он, — объединяются с абхазскими, но не с адыгскими. И Ж. Дюмезиль опубликовал материалы нартского эпоса, говорящие об общности убыхских сказаний с абхазскими»⁷⁰³.

В то же время сильно искажённым, вернее основательно отличающимся по сравнению не только с известными абхазскими, но и с адыгскими и осетинскими вариантами, представляется записанный тогда же сюжет «Смерть Саусеруко». В связи

⁷⁰¹ **Фогт Г.** Указ. соч. С. 61, 62.

⁷⁰² **Dumézil G. et Namitok A.** *Recits oubykhs I* // *Journal Asiatique* cc XVIII, fasc 1. — Paris, 1955. P. 34–39.

⁷⁰³ См. Отчет Ш. Д. Инал-Ипа об участии в работе по научным вопросам и проблемам нартского эпоса в г. Орджоникидзе в 1956 году. С. 3. (Личный архив автора. Сведение М. К. Хотелашвили—Инал-Ипа).

с этим считаю нужным привести здесь эту оригинальную версию полностью. В нём рассказывается, как один невысокий человек по имени Саусеруко, обладая свойством перевоплощения, принимал попеременно: то облик дикого животного, то башмака, валяющегося на дороге, то мешка и пугал этим живших в те времена Нартов. Впадая же в ярость и окутавшись облаком, он нападал на Нартов и без помехи бил и убивал их, так как те, не видя его, не могли оказать сопротивления. Тогда они обратились за советом к своей матери, носившей имя Сакнеж, как им избавиться от Саусеруко. По ее совету они подняли на вершину горы железное колесо и крикнули, что отпускают его вниз и, если Саусеруко мужчина, то пусть отправит его обратно ударом кулака. Саусеруко справился с этой задачей. Тогда нарты, посоветовавшись вновь с матерью, потребовали от Саусеруко повторить то же самое, но только ударом локтя. И с этой задачей справился герой. Расстроенные нарты пришли к матери и жаловались, недовольные её советами. Убить его им не удалось. Тогда мать посоветовала потребовать от Саусеруко подставить колесу ляжку и её ударом вернуть его им. При этом она сказала, что ляжка Саусеруко без костей, а железное колесо легко разрежет мясо и он умрёт от потери крови. Нарты так и поступили. Саусеруко ударил колесо ляжкой, и оно прорезало ее мясо, и тогда Саусеруко крикнул: «Пусть звери выйдут из леса и отведают моё мясо!». Первым пришёл волк и сталлизывать рану. Когда он собрался уходить, Саусеруко сказал: «Пусть сердце твоё превратится в моё! И все пусть станут относиться к тебе, как относились ко мне, и пусть боятся тебя. А если изменишь себе, пусть твоё сердце превратится в сердце собаки!». Волк ушёл в лес, и подошёл заяц и тоже сталлизывать рану Саусеруко. И услышал он пожелание его: «Как я ускользал от людей, встречая и обманывая их, так и ты ускользай от тех, кто будет преследовать тебя!». Все звери приходили к Саусеруко с жалостью к нему, и никто из них не притронулся к его мясу. Только чёрный орёл стал клевать мясо раны и Саусеруко проклял его: «...когда бу-

дешь высиживать яйца, то первые вылупившиеся два птенца пусть выклюют тебе каждый по глазу!». Напуганный проклятием орёл улетел. «Вот так умер Саусеруко»⁷⁰⁴. В этой легенде Саусеруко постигла та же участь, что и многих героев кавказских сказаний прометеевского круга, однако из положительного героя, под влиянием мировых религий, он был превращён в героя зла и человеконенавистника.

Привлекают внимание и другие легенды прометеевского типа, имевшие место и у убыхов. Одна из них была рассказана П. Невскому ещё до их выселения одним старым убыхом. Однако и эта легенда также подверглась мусульманскому влиянию. В ней Великий Бог заменён Пророком, а земная красавица, одной из гурий райских садов. Сам же герой превращен и здесь в злого духа.

Согласно этому убыхскому варианту, у перевала, ведущего в Убыхию, вблизи г. Фишт, на западной скале узкого прохода хребта есть провал, ведущий в недра горы, где скрыт «волшебный чертог» из золота, бирюзы и драгоценных камней. В нём на роскошном ложе «покоится прелестная окаменелая дева». Посреди же чертога пылает костёр, на котором жарится терзаемый страстью и физическими муками, совративший её злой дух. Он осуждён Пророком на вечное горение «за обольщение и похищение с небес одной из его гурий». Время от времени в горах, потрясая скалы, раздаются страшные жалобные стоны «сладострастного духа». Любопытствующие смелые джигиты, желав-

⁷⁰⁴ «Смерть Саусеруко». Из устного народного творчества убыхов/ Перевод с французского языка записей **Ж. Дюмезиля** осуществил **Г. Орагвелидзе** // Ж-л «Кавказиони». Выпуск первый. 1983. С. 285. (Помимо этого нартского сюжета в том же журнале опубликованы и другие образцы убыхского фольклора переведенные, также как и первый Гиви Орагвелидзе: «Конец истребления стариков», «Айдемир-хан», «Кусекух», «Человек, решивший стать несчастным в молодости», «Женский ум» и «Три совета»).

шие увидеть спящую красавицу, взобравшись на гору и взглянув в страшную бездну, тотчас же превращались в камень⁷⁰⁵.

Тогда же Ж. Дюмезиль и А. Намиток среди рассказов и легенд записали в Турции со слов Тевфика Есенча и другое сказание об «Убухском Прометее»⁷⁰⁶, которое, надо полагать, представляет собой одно из самых западных вариантов знаменитой абхазской легенды об Абрскиле. Это сильно искажённый вариант легенды, где прикованный герой превращен из друга во врага людского рода, пытающегося вырваться из заточения и уничтожить человечество. Великан обращается с просьбой к людям, чтобы они принесли ему кизилловые крючья, посредством которых он смог бы вырваться на свободу, но народ, страшась его, их не приносит — наоборот старается предпринять все меры, препятствующие его освобождению.

Представляет интерес и очень близкий вышеизложенному вариант, записанный абхазским фольклористом Ш. Х. Салакая и в Абхазии в с. Дурипш Гудаутского района⁷⁰⁷.

Из фольклорных записей, не считая нартских сказаний и легенд прометеевского типа, есть ещё и другие сюжеты. Один из них о запретном кладе у древних руин на Сукукхе записан был

⁷⁰⁵ **Невский П.** Закубанский край в 1864 году//Газ. «Кавказ», 1868, № 100. Эта легенда, как видно, в первоначальном своём виде, не претерпев ещё мусульманского воздействия, явно была близка абхазской версии, позже опубликованной Э. Жаннере//**Жаннере Э.** Абхазский Прометей//Газ. «Кавказ», 1903, № 3, с. 6. (См. и Миллер В. Ф. Кавказские предания о великанах, прикованных к горам//**Миллер В. Ф.** В горах Осетии. — Владикавказ. 1898. См. и **Джапуа З. Д.** Абхазский эпос об Абырскыле. (Поэтико-воззренческие аспекты)//Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики. Материалы конференции, посвященной 100-летию К. С. Шакрыл. — Сухум. 2000. С. 103, 106, 121. (Материал включен М.К. Хотелашвили—Инал-Ипа)

⁷⁰⁶ **Dumezil G. et Namitok A.** Recits oubykhs I//Journal Asiatique cc XVIII, fasc 1. — Paris. 1955. P. 30–33.

⁷⁰⁷ **Салакая Ш. Х.** Абхазский народный героический эпос. — Тбилиси. 1966. С. 120, 121.

Дж. С. Беллом. Он пишет, что обнаружил предание, относящееся к руинам древней квадратной крепости в Сукукхе, схожее с тем, которое связано с древним могильником Семеза. Рассказывается, будто какие-то люди пытались откопать сокровища под «главной башней», но были напуганы страшными неземными звуками и вылазкой большого количества змей и т. п.⁷⁰⁸

Предание же о герое Маго известно в нескольких вариантах. В одном из них рассказывается, как в старину, недалеко от современной Головинки появилась огромная змея — Чигибль, поедавшая людей. Жители много терпели от неё, но никто не мог с ней справиться. И вот появился один убух, некий Маго, пообещавший убить змею, «если отдадут ему в вечное владение землю на берегу моря. Народ пообещал. Семь дней точил Маго свою шашку и когда она сделалась такой острой, что в воде перерубала волос, он сел на коня и поехал к логову змеи. В это время змея купалась в море. Воспользовавшись ее отсутствием Маго поджёл копну сена, на которой лежал ее змееныш. Увидев с моря, что горит детёныш, Чигибль бросилась вдогонку за Маго. Последний летел во всю прыть на своей лошади, но всё же, змея его догнала. Увидев, что ему не убежать, Маго стал скакать на лошади вокруг попавшего на пути дерева. Гоняясь за ним, змея окрутилась вокруг дерева. Тогда Маго вынул шашку и зарубил её... Но с неё пошло столько крови, что затопило всё на версту кругом и в этой крови погиб и Маго со своим конём. Уверяют, что до сих пор у Головинки видна могила Маго»⁷⁰⁹ (Маго ср. с абхазской дворянской фамилией Магъ).

Якобы с того времени, что представляет особый интерес, куашъха общины Субешх считали законным своё право взимать ввозную пошлину в виде подарков от всех купцов, приплывавших морем к устью Субешха, оправдывая его будто бы имевшим

⁷⁰⁸ Белл Дж. С. Указ. соч. С. 446.

⁷⁰⁹ Лавров Л. И. Из поездки в Черноморскую Шапсугию летом 1930 года (Этнографо-исторические заметки) // СЭ 1936, № 4–5, с. 134.

когда-то место древним народным постановлением, узаконившим это право за потомками самопожертвователя, — в память о геройском поступке их предка⁷¹⁰.

Удивительные совпадения мы находим и в форме абхазских и убыхских присказок. Вот, например, как кончается убыхская сказка «Красногрудка» в записи Г. Фогта, почти повторяя известные абхазские варианты: «Я сам ходил в деревню Чанча. Там был большой праздник. Я принял в нём участие. Там танцевали и ели. Мы ели, пили, а когда я уходил, мне дали полголовы. Я её взял с собой и ушёл, желая принести тем, кто слушает мою сказку. Но одна злая собака преградила мне дорогу и, так как я не мог пройти, то отдал ей эту полголовы. Я прошёл и возвратился к себе. Вот и сказке конец. Вчера я ушёл, сегодня возвратился»⁷¹¹.

Большую ценность представляют материалы Юлиуса Месароша, записавшему 92 пословицы и поговорки, которые Г. Фогт поместил в своей работе.

Но и самому Г. Фогту удалось записать некоторое количество убыхских поговорок:

1. «То, что выходит из твоего собственного поля (даже плохое), лучше того, что даст тебе твой добрый друг».

Вариант: «Твой добрый друг не сможет дать тебе того же, что принесёт тебе твоё собственное поле (имеется в виду урожай и др.)».

2. «Не убивай того, в ком не ошибаются».

3. «Нет плохих женщин (жён), есть плохие нравы (обычаи)».

4. «Не верь тому, чего не видел собственными глазами и не слышал собственными ушами».

5. «Лампада (в смысле светоч) героя — это его жена».

6. «Если не знаешь, как сказать, послушай того, кто знает (и кто может)».

⁷¹⁰ *Его же. Этнографический очерк убыхов. С. 21.*

⁷¹¹ *Вогт Н. Указ. соч. Р. 37–38.*

7. «Старые друзья и старые дороги тебя не подведут (не обманут)».

8. «Там, где (куда) вошла (прошла) только одна голова, не будет ничего плохого в том, если приподняться, только одной половиной зада»⁷¹².

Интересно было бы сопоставить их с абхазскими и адыгскими поговорками⁷¹³, причем, конечно и с переводом записанных Мессарошем.

Ближайшее родство убыхов с абхазами и причерноморскими адыгейцами проявляется и в такой области, как психологический склад, эстетические вкусы и воззрения. Целый ряд фактов и явлений народного искусства — песни, танцы, музыкальные инструменты — являются у них сходными или даже идентичными.

Так, согласно описанию Дж. Белла, музыкальный инструмент наподобие скрипки убыхов и причерноморских черкесов почти идентичен, также впрочем, как и с абхазской «апхьиар-цой». Почти полностью совпадает ставший широко известным песенный рефрен: «Уарайда-ра, уарада, иауарайда; уарада-ра, иауарайда; уарайдара, иауарайда!»⁷¹⁴.

Хотя Л. И. Лавров и писал, что «до нас не дошло ни одной убыхской песни», мы всё-таки кое-что имеем в этом отноше-

⁷¹² Там же. С. 37–38.

⁷¹³ В одном абхазском героическом сказании, где говорится и об убыхах, повествуется о храбрце пастухе Батакуа из рода Абатаа. Согласно сказанному, родня этого героя попала в беду, но на помощь явился только Батакуа, а не «кичливые, как говорится в предании, юноши Бырзыки, которые ранее обивали порог дома Беслана» — брата Батакуа, тоже славившегося своей храбростью. (По сведению 107-летнего жителя с. Лыхны, известного сказителя Антона Пилия, представители фамилии Абатаа проживали в местности «Хышха» (Хышәҳа) в Садзене, за Гаграми. (Ц. Н. Бжания. Из истории хозяйства и культуры абхазов. — Сухум. 1973. С. 79.)

⁷¹⁴ Фогт Г. Указ. соч. С. 58.

нии. Так, в «Песне больных» (вернее было бы назвать её «Песней раненых»), записанной также Г. Фогтом (вместе с нотами), мы читаем, что в прошлом (когда убыхи воевали в Черкессии и много раненых отвозили домой), у них бытовала песня-игра, «Чапша». Как пишет Г. Фогт, собравшись в доме, где лежал раненый, на ужин резали для угощения какое-нибудь животное, устраивали игры и пели шуточную песню под названием «чапша», в которой многократно повторялся тот же рефрен «Уарайдара»: Бесспорно, это адыгское «чапш» и абхазское «ачаҭшьара» — коротание ночи, шумные веселые ночные бдения у постели раненого, а впоследствии вообще больного с забавными играми, танцами, песнями. Вот эта песня:

Из маленькой деревни отправилось
Много знатных всадников,
Уарайдара, уара, уарайдара!
Моему бедному мужу,
Иауарада,
Я сшила семь пар обуви,
Уарада-ра, уарайдара, иауарада.
Посмотрев на (эту) кучу,
Иауарада,
Он выбрал одну пару,
Уарада-ра, уарайдара, иауарада;
Остальными шестью,
Иауарада,
Накормили нашу старую собаку;
Зайдя в конюшню,
Иауарада,
Я выбрала хорошо упитанную лошадь,
А, возвратившись в дом,
Иауарада,
Я оседлала коня золотым седлом;
Я усадила на него моего бедного мужа,
И я вывела его со двора.

Когда я посмотрела вслед на беднягу,
 Иауарада,
 Прохожие не давали ему
 — Увы! — прямо проехать:
 Если в этом виновата лошадь
 Иауарада,
 Пусть она будет посажена на острый кол;
 Если же в этом виноват мой муж,
 Пусть он будет посажен
 на острие моих ножниц!⁷¹⁵

Обращает на себя внимание название этого обряда — адыг. чапш, чапша, абх. ачапшара (ачап̄шьара). В абхазском слове «ачапшара» *а* — это общий префикс, а *ра* — суффикс отглагольного имени (масдар). В целом же слово означает, «бодрствуя» «сторожить», «стеречь», «уберечь от кого-то»⁷¹⁶. Цель же обычая у всех названных народов состояла в том, чтобы не дать уснуть раненому (позже, вообще тяжелобольному), так как считалось, что ночью больной в большей степени, чем днём, подвержен опасности со стороны злых сил. Верили, что если больной уснёт, то может оказаться в их власти, и уже не проснуться. Поэтому предпринимали все меры к тому, чтобы не дать ему сомкнуть глаз.

Абхазское дчапшьейт (*дчап̄шьейт*) означает — бдеть, бодрствовать, не спать, а ичапшьоит (*ичап̄шьоит*) — они бдят, сторожат, стерегут кого-либо или что-либо.

На связь слова «чапш» с божеством очага абхазов Чап (*Чап*) Чопа, Чоупар впервые обратила внимание абхазский этнограф

⁷¹⁵ **Vogt H.** Указ. соч. С. 56, 57, 58.

⁷¹⁶ **Словарь абхазского языка. Второй том // Составители К. С. Шакрыл, В. Х. Конджария, Л. П. Чкадуа.** — Сухуми 1987. С. 426.

Е. М. Малия в своей важной статье 1972 года⁷¹⁷. По-видимому, следует продолжить исследования в этом направлении.

Что касается музыкального фольклора, то А. Фонвиллю мы обязаны мимоходным его замечанием о том, что мелодии воинственных песен убыхов «весьма мало» гармоничны, но зато чрезвычайно оригинальны⁷¹⁸.

По словам старого абхаза Хозы Ампара из с. Калдахуара, будто бы где-то к середине XIX в. пограничные споры между абхазами и убыхами, которые, по словам К. В. Ковача, жили тогда в местности Экирхан (совр. Лазаревское), переросли в войну. К гагрцам на помощь пришли гудаутские и сукхумские абхазы. Победившие абхазы, возвратившись в свои края, пели песню, которую слышали от пленных убыхов и, вследствие её близости к родным напевам, легко усвоили, однако, как считал К. В. Ковач, мелодическое и гармоническое построение песни больше говорит в пользу ее абхазского происхождения⁷¹⁹. Также, по-видимому, была перенята и песня о Берзеке. В репертуар абхазских народных песен вошла и явно убыхская песня «Белоухий» (Кличка коня). Ее, вместе с нотной записью, опубликовал Вадим Ашуба⁷²⁰. Привожу ее подстрочный перевод:

«Песню старых, древних мужчин (исполняет)
О сыне Керантуха Сааткери ахаца:

⁷¹⁷ **Малия Е.М.** К вопросу о семантике некоторых изображений на предметах быта у абхазов//«Известия» АбНИИЯЛИ. Т. I. — Тбилиси. 1972. С. 137, 138.; см. также **Инал-Ипа Ш. Д.** Вопросы этнокультурной истории абхазов. — Сухуми. 1976. С. 97.

⁷¹⁸ **Фонвилль А.** Указ. соч. С. 23.

⁷¹⁹ **Ковач К. В.** 101 абхазская народная песня. Песня гагрцев. — Сухум. 1929. С. 13 и 41.

⁷²⁰ **Ашуба Вадим.** Абхазские народные песни. Белоухий//Грузинское отделение Музфонда Союза ССР. — Тбилиси. 1986. С. 16–24.

Расскажу Вам ровестники, что (с ним) случилось.

Абхазский припев: Уа рада, уаrado, и т. д.

Сидя на Лымхаше разъезжал (он)

Между Егры (Ингури) и Бзыбью,

Когда услышали, что он проехал,

Кто недолюбливал его,

Сто мужчин подготовившись, заняли его дорогу,

Узнав, где он разъезжает, устроили ему засаду,

Когда он будет возвращаться

Абхазский припев.

Ночью в 12 часов, когда его конь

Несся, наподобие течения реки,

Когда он вступил в то место,

Где находилось сто человек

Абхазский припев

Сто стрелков в его сторону выстрелило,

30 пуль попало в ухо Лымхаша,

Ухо отрубили пулями.

Так сказал Керантуха сын:

«Как я могу уйти без одного уха Лымхаша».

Спрыгнув с Лымхаша стал за ним

И начал стрельбу по врагам.

Абхазский припев

25 человек не смогли уже подняться (уложил их),

Оставшихся 25 человек между Егры и Бзыбью,

Прогнав их, он вернулся.

Герой из героев Керантуха сын Сааткери.

Он ли не герой из героев.

Абхазский припев.

Судя по именам — Керантух и Сааткери, а также и по тому, что его врагами были жители междуречья Ингура и Бзыби, а значит абхазы, песня является убыхской и прославляет набег Сааткери сына Керантуха, совершенный им, как видно, до его

злополучного похода 1823 года, впоследствии она была усвоена абхазами.

Интересное и очень редкое описание убыхской музыки, услышанное им в Вардане, оставил Дж. Белл. «Моё внимание — писал он — было привлечено чем-то вроде музыки, доносившейся из далёкого и затемнённого конца комнаты. Это было пение мальчика лет четырёх; этому пению вторил человек, который держал мальчика между своими коленями. Каковы были слова этой песни, я не знаю, но они взбудоражили всю остальную нашу большую компанию и вызвали взрывы смеха. За этим последовал своеобразный, но очень живой, увлекательный квартет мужских голосов. Временами это напоминало фугу, но мне всё же, никогда не приходилось слышать ничего подобного, в особенности, что касается врывавшегося то и дело в пение аккомпанеента баса. Когда это выступление закончилось, началось другое, значительно более продолжительное и ещё более замечательное... свойственник хозяина запел фальцетом и очень быстрым речитативом, а через каждое мгновение трое или четверо других, сидевших сзади в тени, присоединяли несколько красивых нот тенора или баса — будто вздымающиеся и падающие звуки органа»⁷²¹.

Но в целом музыкальный фольклор убыхов, к сожалению, не стал достоянием науки.

Как представляется общим или весьма сходным являлось танцевальное искусство убыхов, с абхазским и адыгским, прежде всего, это танцы на кончиках пальцев ног и круговой танец, который Белл наблюдал на народном празднестве в обществе Джубга в 30-х годах XIX столетия. А А. Фонвилль в конце войны видел танец убыхских девушек: «Танцовщицы эти, держа в каждой руке по фуляру, с необыкновенной грацией махали платками, изгибаясь всем станом в такт довольно монотонного

⁷²¹ Белл Дж. Указ. соч.//АБКИЕА. С. 465.

напева, исполняемого всеми присутствовавшими. Напев этот, весьма оригинальный, сопровождался битьём в ладони»⁷²².

У убыхов существовали и коллективные танцы девушек с мужчинами. «В таких случаях все брались за руки и вытягивались в одну линию, затем, подпрыгивая и подпевая в такт, они выделявали самые эксцентричные курбеты»⁷²³.

Все народные собрания, празднества, моления проводились, как правило, в священных рощах, под тенью почитавшихся вековых дубов или других священных деревьев⁷²⁴.

К сожалению, так же мало сообщают источники и о других видах искусств. Можно заключить лишь то, что у убыхов была

⁷²² **Фонвиль А.** Указ. соч. С. 14.

⁷²³ **Там же.** С. 15.

⁷²⁴ В трагические дни перед самым выселением, когда убыхи навсегда покидали свои любимые горы, они часто устраивали долгие и полные драматизма собрания в своих священных рощах, в том числе и у своего, а в прошлом садзского кунацкого, как называли его русские, дерева на р. Сочи. Вот что рассказывает А. В. Верецагин о своей прогулке, которую он совершил 27 июля 1870 г. вверх по р. Сочи для осмотра этой знаменитой белолистки (род серебристого тополя): «После шестой переправы глазам моим представилась обширная поляна, полукругом окаймлённая лесистым кряжем гор; на ней одиноко, но величественно стояла белолистка — цель моей поездки. Издали она казалась громадных размеров, свежую и сплошь покрытую листьями. Ствол белолистки, по измерению на высоте 2,5 аршин от земли, оказался в окружности 17 $\frac{3}{4}$ аршина, окружность же ствола у самой земли более 20 аршин». В другом месте автор указывает, что описанная белолистка «приобрела известность как дерево кунацкое и как пункт, где, как рассказывают, черкесы из племени убых, живущих в окрестности Сочи, держали последний совет перед выселением их в Турцию». (**Верецагин А. В.** Путевые заметки по Черноморскому округу. — М., 1874. С. 41, 54.). По словам того же автора, недалеко отсюда, посредине поляны Кбаада (совр. Красная Поляна), где издавна проживало большое абхазское общество губовцев, «стояла одинокая мрачная пихта, довольно уже старая, которая, нет сомнения, была священной у всех горцев». (**Там же.** С. 70.) Прежде там их было две.

развита резьба по дереву, о чём говорят украшения крестов. Женщины занимались ткачеством, ткали и ковры, плели красивые циновки, изготавливали галуны из серебряных и золотых нитей, которыми обшивали одежду из тканей и кожи. Фонвилль пишет, например, что вся одежда девушек была украшена арабесками из серебра. Серебряными вышивками или галунами покрывали и патронташи мужчин, седельные подушки, попоны, кисеты, подушки и многое другое.

Завершая главу, можно еще раз подчеркнуть, что во многих своих чертах убыхская народная культура чрезвычайно схожа с адыгской и абхазской культурами, являясь важной частью культурной общности северо-западных народов Кавказа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Достоверные сведения об убыхах появляются на страницах истории очень поздно. К тому же, как пишет Н. Г. Волкова: «Имя убыхи встречается в письменных источниках крайне редко».

Предположение некоторых учёных, начиная с В. Томашека, А. Дирра, А. Генко и других о том, что этноним убыхи в форме «*брухи*» присутствует в названии реки Брухонта⁷²⁵, упоминаемой в «Перипле» Анонима V в. и указанное Прокопием Кесарийским в VI в. племя брухов, сопоставляется с самоназванием убыхов *пёх*, — остаются хотя и вероятными, но сомнительными гипотезами. Тысячелетием спустя, Эвлия Челеби называет одно из причерноморских племен — вайпи́га, *вайяпи́ха*, вторую часть имени которого А. Генко сопоставляет с тем же *пёх*, а первую половину этнонима — с шапсугской фамилией (у него племенем) *гуа́йе*. Гуа́йе в той же работе Генко отождествляет с древними причерноморскими ахейцами⁷²⁶.

Есть и другие более или менее остроумные догадки и положения, не вполне ещё ставшие, однако, прочным достоянием науки.

Непосредственно имя убыхов мы находим лишь в XVIII веке в русском документе сороковых годов, а затем в описаниях разных, упомянутых выше авторов: французского консула в Крыму Пейсонеля, Гюльденштедта, у гр. Потоцкого, Палласа и др. В XIX в., главным образом, с самого начала тридцатых годов и до середины шестидесятых, об убыхах писали уже многие русские и

⁷²⁵ Ср. и с названием крепости Буколус или Бухлоон (совр. Пахулан) в Южной Абхазии.

⁷²⁶ **Генко А. Н.** О языке убыхов // *Известия Академии Наук СССР. 1928, № 3, с. 231.*

иностранные авторы⁷²⁷. Это было связано зачастую не столько с научными задачами и интересами, сколько с тем обстоятельством, что этот маленький, отважный и свободолюбивый народ в период Кавказской войны играл на Северо-Западном Кавказе выдающуюся роль.

Убыхия — маленькая, причерноморская сильно пересечённая горная страна Северо-Западного Закавказья, где протекает около 25 речек и рек, главными из которых являются Шахе и Сочи. По приблизительным подсчётам, очерченная территория занимала около 1000 кв. км.

Количество населения убыхов к тридцатым годам XIX века по неуточнённым данным сильно колебалось от 10–12 (Сталь) до 29 тысяч, хотя Фадеев считал, что численность убыхов доходила до 40 тысяч человек. Л. И. Лавров же более вероятной назвал цифру в 25 000. Некоторые авторы, к которым отношусь и я, полагают, что их было значительно больше. Так, например, Дюмезиль считал, что численность убыхов доходила до 50 тысяч человек, хотя в разных источниках приводятся противоречивые цифровые данные — от 4 и 6 до свыше 75 тысяч человек.

Географическое положение Убыхии не было неизменным. Собственно убыхи веками обитали в верховьях рек Шахе — Сочи, непосредственно примыкающих к Главному Кавказскому хребту и как видно в среднем течении их междуречья. По-ви-

⁷²⁷ К числу новейших зарубежных убыховедческих публикаций относятся иллюстрированные работы (диссертации) Ульриха Ландманн и Ангелики Ландманн под общим названием «Убыхские деревни в юго-восточной Турции», вышедшие на немецком языке в Гейдельберге в 1981 году и посвящённые разным этнографическим проблемам — одна экологической ситуации, поселениям, формам жилищ и хозяйственных построек, а другая — заключению брака и свадебным обрядам турецких убыхов, однако, в большому сожалению, указанные исследования не нашли отражения в настоящих очерках. Эти материалы вместе с последним вариантом работы автора сгорели во время пожара института. (Примечание М. К. Хотелашвили—Инал-Ипа).

димому, только в период позднейшего средневековья они завладели и частью прибрежных земель: с юго-востока соседнего абхазского племени садзов, например, селением Мытыхуа (на убыхском Мутыхуасуа) на правом берегу р. Сочи. Постепенно распространяя своё политическое верховенство над Садзеном они довели его почти до Хосты. Территория современного города Сочи (собственно Сочи) находилась в политических пределах убыхов. Отчасти такое же положение, надо думать складывалось и на побережье, расположенном северо-западнее. Как уже не раз отмечено, в XIX в. убыхи подразделялись на приморских и горных. Приморские убыхи занимали земли, между реками Шахе или Буу⁷²⁸ на северо-западе и Сочи или Хамыш (Хоста) на юго-востоке. Указанная приморская полоса подразделялась на два основных участка: Вардане на северо-западе и Саше на юго-востоке.

Согласно рассказам турецких убыхов, записанным Г. Фогтом в 1963 году, на своей кавказской родине убыхи занимали горную сторону, в то время как «абзахи» обитали больше на равнине, но, живя рядом друг с другом, имели постоянное общение между собой.

В 1962 г. почтенный житель шапсугского села Агуй Мусса Пшемафович Алляль нарисовал нам следующую картину бывшего расселения племён на северо-западном секторе Кавказа. От Таманского полуострова по берегу моря и выше в горах, доходя примерно до р. Пшад, — говорил он, — жило племя натухадж (натхац), от которого ныне осталось 2–3 аула. Шапсугия занимала большую территорию — от р. Кубани через Главный Кавказский хребет, — выходя широким клином к Чёрному морю, и тянулась по берегу до р. Туапсинки. Это была страна Шапсыг (Шааҭсыҭ). От Туапсинки на юго-восток жили абадзехи

⁷²⁸ Эта речушка, впадающая в Чёрное море, протекает в 4–5 км западнее совр. Лоо и называется Буу (есть там и деревня под тем же названием), второе её название Суэпсе (ср. с названием р. Супса в Аджарии). Называлась она, как видно, ранее и словом Боапста.

(абзах, абзэх). За ними по ущельям отрогов Кавказского хребта обитали убыхи (по-шапсугски «убых»); к западу жили хакучинцы (хакэыщэ), а за хребтом — бесленеевцы (басльани).

Таким образом, убыхи XIX в. населяли верхний бассейн рек Сочи (составляя в то же время лишь относительно небольшую часть населения низовой реки), отчасти правобережье верховий р. Хоста и бассейн р. Бзыч (приток р. Шахе), наиболее густо их селения располагались по р. Шахе и более мелким рекам и речкам, протекавшим как в горной, так и в приморской полосе. Их непосредственными соседями являлись: на юго-востоке — абхазское племя прибрежных джигетов (садзуа) и горные общества ахчипсы (непосредственные соседи убыхов), аибга и чужгуча, известные под общим названием медовеевцев, а на севере и северо-западе — адыгейские племена натухайцев, шапсугов и абадзехов.

Но доходили ли в прошлом земли собственно убыхов до самого побережья? Не контактировали ли некогда на этой узкой приморской полосе (учитывая топонимические данные) абхазские и черкесские племена непосредственно, без убыхского связующего звена?

Трудно безоговорочно решить этот вопрос при нынешнем состоянии его изученности. При всём том следует всё-таки учитывать, что наиболее осведомлённые авторы помещают собственно убыхов в горных ущельях, в некотором удалении от морского берега. Ф. Торнау писал, что основным местом расселения убыхов был бассейн реки Убых (?), растянувшейся на 40 км. Также и барон Розен, лично объездивший северо-западное побережье Кавказа, писал, что «убыхи обитают в горах за рекой Сочею» т. е. к северо-западу. В качестве восточной границы Убыхии у одних авторов фигурирует то р. Сочи, то р. Хоста, а западной — у одних Буу, у других р. Шахе. Но убыхов указывают и в других местах. Так, например, северо-западнее р. Шахе по реке Кодес (Кодеш, Кодош), в 6-ти верстах от форта Головинского в узком ущелье располагался убыхский аул под тем же названием «Кодош», уничтоженный в середине XIX века войсками генерала

Вагнера. Встречались они и в других местах. Так по словам Щербины «в двух местах по верховьям рек Псекупс и Пшиш жило в небольшом количестве особое племя хакучи, отрасль убыхов»⁷²⁹. Объясняется это смешанным этническим составом населения, что практически наблюдается, как правило, во всех приграничных районах. На карте Белла, как сказано, убыхи также помещаются у самого хребта, заходя даже на северный склон, в то время как вся прибрежная полоса занята у него натухайцами, абазами и азрами. Но белловские абазы, жившие у моря, вероятно, представляли собой убыхов, уже несколько отличавшихся от собственно убыхов — жителей гор (вспомним, что значительная часть убыхов, населявших приустья р. Шахе, фигурировала в различных описаниях под именем «субашинских» по названию реки Субаши, протекавшей чуть северо-западнее р. Шахе.). Собственно, горные убыхи, очевидно, имеются в виду и в рассказе, записанном Фогтом со слов турецкого убыха Т. Есенча.

Можно предполагать, что когда-то часть убыхов проживала и на северной стороне Главного хребта. Позднее они могли находиться за хребтом, если не постоянно, то в летние месяцы, так как многие из них из года в год пасли свои стада в стране своих непосредственных соседей — захребетных абадзехов, занимавших бассейны рек Белой и Пшиш (Пшехи).

Сочинский учёный, краевед В. М. Валуйский в своей интересной рукописной работе «Некоторые вопросы топонимики, истории и исторической географии Восточного Причерноморья» придерживается того мнения, что собственно убыхи до XVII–XVIII вв. жили на северных склонах Кавказского хребта (у верховьев рек Белой и Пшехи). И только на рубеже XVII–XVIII вв. значительная часть из них отвоевала у джигетов южные склоны и территорию между реками Шахе и Хоста, хотя далеко

⁷²⁹ К выводу об абхазском происхождении хакучей, подвергшихся сильному черкесскому влиянию, пришёл Н. Альбов, так как хакучи — ближайшие соседи убыхов, сами относили себя по происхождению к одному из абхазских племён.

не все приморские аборигены были вытеснены с этой территории.

Это мнение (о пребывании убыхов на Северном Кавказе до конца XVII века и о последующем завоевании ими территории Большого Сочи, а также об их этнической неоднородности), учитывая и топонимические данные, заслуживает внимания, но научно доказанным считаться, на мой взгляд, пока не может.

Если убыхи действительно пришли из-за гор сравнительно недавно, то почему не оставили там, за хребтом, широких следов своего столь длительного пребывания, например, в топонимике (исключая топоним Мадзмей). Адыги же мыслят убыхов органической частью своей этнической общности, например, бжедуги относили их к группе абдзах, шапсуги — к шапсугам и т. д., что находит своё определённое отражение и в некоторых их современных представлениях. Пока все эти и другие вопросы не получают убедительного разрешения, остаётся продолжать считать убыхов аборигенами Северо-Западного Закавказья.

Во всяком случае, в XIX в. (до 1864 г.) убыхи жили к югу и юго-востоку от хребта. Убыхия подразделялась внутри себя на следующие группы: собственно *убыхи*, занимавшие бассейны между верховьями рр. Сочи и Шахе, *субаши* в нижней части бассейна р. Шахе, *вардане* в урочище Вардане и наконец, *сахе* — в районе современного города Сочи, где, по данным Торнау, убыхи вместе с шапсугами составляли лишь незначительную часть населения в основном садзского. Прибрежное население убыхов черкесы (да и сами горные убыхи) называли *абадзе*, а горных — *убыхами*. Некоторые авторы из-за трудностей этнического и территориального разграничения отдельных близкородственных племён в состав прибрежных убыхов включали, по-видимому, и значительный процент западно-абхазского племени садзов.

В середине XIX века в Сочи проживали в основном абхазы-садзы и в неопределённом (но небольшом) количестве убыхи, абхазы из владетельской Абхазии, адыгейцы (шапсуги), турки и армяне (главным образом торговые эмиссары) и немного

русских (пленные и дезертиры). Иначе говоря, это было уже, в отличие от внутренних районов, полиэтническое население, которое всё-таки, как уже отмечено, в основном состояло из садзов и только потом отчасти из убыхов и адыгейских представителей. Убыхи в результате своей военной активности, в частности, совершая дерзкие переходы даже через хребет, а также и в Абхазию, расширяли пределы своих владений (например, уже указывалось, что с. Мытыхуаса на правом берегу среднего течения р. Сочи, где жили Берзеки, прежде принадлежало садзам), что содействовало созданию разноплеменного состава населения страны. Кроме того, в земле убыхов, по словам полковника Аракина, имелись «целые ущелья, населенные натухайцами» и пр.

Сведений о внутриэтнических (племенных) подразделениях убыхского народа почти нет. Я имею в виду едва ли не единственное в своём роде и не подтвержденное, насколько мне известно, другими источниками сообщение Л. Люлье, что «поныне существует у убыхов одно племя, носящее имя *Алань*», если не считать близкое по названию — «*Арлан*», карты А. И. Менда 1841 г. в междуречье рек Сочи и Мацесты и сообщения Эвлия Челеби о видимо абхазском племени *Арлан*, которое он поместил по соседству с чандами (с юго-востока). Вообще Л. Люлье, вслед за гр. Я. Потоцким, был склонен думать, что убыхи, говорящие «особым языком» и локализуемые на берегу Чёрного моря, могут быть «остатками древних Алан», чему, однако, противоречит, прежде всего, бесспорная принадлежность убыхского языка к совершенно другой — абхазо-адыгской группе кавказских языков. Поэтому и проблему этногенеза убыхов невозможно решать в отрыве от общей проблемы происхождения и этнической истории абхазо-адыгских народов и их групп.

Приведённые в работе слова Н. Альбова, записанные у хакучей шапсугов, что убыхи говорили и на одном из диалектов абхазского языка (абзабзе) и что, следовательно, по языку убыхи являются абхазами, противоречат мнению таких авторов, как Белл, Услар, Люлье и других, писавших об «особом языке» убых-

хов, представлявших собой отдельный народ. Недвусмысленное белловское указание на то, что по берегу Чёрного моря, от Анапы до Мегрелии, живут три народа, говорящие на трёх различных языках: адыге (черкесы) — от р. Кубани до р. Буу (Бу), абазы (убыхи (?)) — между Буу и Хамышем (Хостой) и азра (абхазы) — от Хамыша до границы Мегрелии, подтверждает, на основании данных Белла и других авторов и Услар: «Таким образом, — пишет он, — три языка восточного берега Чёрного моря, названные Беллом: *адыге, абазы и азра* — следует называть: *адыге, убыхи и абхазы*». Но почему убыхи должны были называться абазами при том, что название убыхи сохранялось — непонятно.

Абхазо-абазино-убыхо-адыгские этнокультурные связи, как уже не раз отмечалось, находятся в таком сложном органическом переплетении между собой, что подчас очень трудно определить, где кончается одна и начинается другая из этих групп с её отдельным языком и со своим вариантом горской культуры.

Не совсем понятно, прежде всего, происхождение и значение утвердившегося в литературе этнонима «убых», употребляемого как общее обозначение промежуточной между абхазами и черкесами этнической группы. Так называли её, как мы уже знаем, западные черкесы (*уббых*; но некоторые шапсуги говорят «убых», «убыха»). Существовало, по словам Услара, и другое черкесское их название — «*апчиохы*». Впрочем, как видно, сюда вкралась какая-то ошибка ученого, судя по его же рукописи. Остаётся необъяснённым и одно из самоназваний убыхов «*апёх*» или «*пёх*»⁷³⁰, зафиксированное Усларом.

Подчеркнём ещё раз, что население между натухайцами и шапсугами с одной стороны и джигетами с другой у черкесов

⁷³⁰ Повторим вновь, что одна из горных местностей и перевал в центральной части современной Абхазии, к западу от горы Гуарап в верховьях Кодора, именуется у абхазов Пёх, Пёху, также называются соседние речка и небольшое озерце, а в Южной Абхазии село и местность Пахулан.

было известно под двумя названиями: прибрежных они именовались *абадзе*, а живших в горах — *убыхами*. Это последнее имя, распространившееся и на соседние общества, происходит как видно от местного топонимического названия. Такое утверждение содержится не только у Г. В. Новицкого, но и у других авторов, в частности, в одном вышеуказанном архивном документе, где мы читаем: «Из жителей гор большая часть называется по имени урочищ, ими занимаемых, как, например, *убыхи*, от урочища *Убых*». Под *убыхами*, в узком смысле слова, как уже не раз отмечено, было известно только население верховий бассейнов рек Шахе, Сочи (и, как видно, правобережья верховий реки Хамыш), где одно из урочищ носило, как писал Л. И. Лавров, без ссылки на источник, название «*Убых — дуэхъоа*», т. е. «поляна *Убых*», взятое им с некоторых карт того времени, однако не исполненное на *убыхском* языке. Сами же себя они называли в основном термином «*тәахы*» (по Лаврову, не указавшему свой источник, «*дуюхъы*»); а по материалам Х. Бгажба — «*сшача*»⁷³¹.

Одним словом, перед нами определённые сложности как в отношении названия *убыхов* соседними народами, так и их самоназвания: по Услару черкесы их называли «*уббых*» (или «*апчиохы*»), абхазы в прошлом — *туахы*, по Люлье — прибрежных жителей называли «*абадзе*», а горных «*убыхами*», по Беллу приморских жителей — «*абаза*», а горных — «*убыхами*» и др. Как самоназвания *убыхов* выступают также разные термины: «согласно Услару они называли себя «*апёх*» (или «*пёх*»), а по Ад. Дирру и Г.Фогту — «*твахы*», «*тәахы*» и «*дуюхъы*» — по Л. И. Лаврову, а как видно уже в Турции и «*аубых*» или просто «*убых*», что было зафиксировано Г. Фогтом.

По-видимому, *пёх*, *пёхи* Услара — это искажённая запись слова «*туахы*» «*тәахы*» или «*дуюхәы*» Л. И. Лаврова. И в одном и в другом названии присутствует или *тә* — переднеязычный,

⁷³¹ **Бгажба Х. С.** Некоторые вопросы этнонимии и топонимии Абхазии //Труды АБНИИЯЛИ. Том XXVII. — Сухуми. 1956. С. 301.

лабиализованный смычной глухой абруптив или *да* — тоже переднеязычный, лабиализованный смычной, но звонкий звук.

Современные абхазы не знают, а, видимо, и не знали названия «убых». Почти утерев старое название «*туахы*», сохранившееся лишь в фольклоре и редких семьях, считающих себя выходцами из Убыхии, используют для их обозначения название одного из абхазских племён — садзуа, но так называли, как видно, только приморских убыхов ещё в XIX в., а в позднее время, уже в XX веке использовали фамильные имена двух знатных родов, возможно сохранив название близко соседствовавших с убыхами известных родов старого доубыхского населения прибрежья — *Агухоа* и *Аублаа*.

Такая пестрота объясняется, надо полагать, тем, что наряду с общим названием или самоназванием народа существовали названия и отдельных его частей, которые иногда распространялись на всех убыхов вообще.

Абхазские племена убыхам были известны также под разными именами: «*азиа*», «*зиа*» (сообщение Г. Фогта), «*адзыге*», «*азега*», («*азыгуэ*» ср. с *зиги*), или «*басхыг*» (*басхыа*, как назывались адыгами, по Услару, все абхазы, жившие по северную сторону Главного хребта). Основа «*бас*» в последнем слове, очевидно, представляет собой сохранённый убыхами корень, восходящий к древнему этнониму абхазов (*бас*, *пас*). От «*адзыге*» происходит, по мнению Услара, этноним «*азра*», которым Белл и некоторые другие авторы XIX в. называли абхазов, а Генко считал, что слово «*адзыге*» одного происхождения с черкесским «*азега*». Частица «*аз*» входит и в название абхазов у соседних народов, шапсугов и других — *а-б-аз*, **содержа как будто и убыхскую частицу их названия «б-х» и абхазскую «аз»⁷³²**.

⁷³² В данном случае обращает на себя внимание название и самоназвание народа *лазов*, также содержащее частицу «*аз*» — «*л-аз*», где звонкий сонант «*л*» является боковым звуком.

Убыхский язык с абхазским и адыгскими «составляют одно семейство». Однако, при этом, убыхский, занимает «особое» положение. Самостоятельность убыхского, по Услару «обнаруживается при самом поверхностном даже обзоре грамматических форм его», несмотря на то, что его лексика включает в себя множество слегка лишь переименованных абхазских и адыгских слов, то есть не вызывают сомнения ни родство убыхов с абхазами и адыгами, ни их этническая индивидуальность.

Убыхи и сами не смешивали себя с другими народами. И теперь ещё те немногочисленные их остатки, которые живут в Турции, сохраняют сознание своей особой национальной принадлежности. «Моё племя есть племя убыхское. Мой род принадлежал к Зайшва, и я являюсь Зайшва», — так говорил Г. Фогту в 1963 году в Турции один из лучших знатоков языка, традиций и фольклора убыхов Тевфик Есенч.

Остатки убыхского народа, — писал Ж. Дюмезиль, — рассеялись по империи султана. Не имея связи между собой, эти островки стали быстро утрачивать свой язык, чтобы перейти на черкесский или абхазский, на которых говорили вокруг них. «Таким образом, настоящим чудом является то, что на этом языке бегло и без акцента, с чувством любви к нему говорит маленькая крестьянская академия».

Характернейшей особенностью убыхов является то, что они и у себя «дома», на Кавказе, были трёхязычными, пережитки чего заметны и теперь у живущих в Турции. Но как понимать одинаковое знание убыхами (кроме родного), языков абхазского и черкесского? Является ли это показателем одинаковой близости этих языков к убыхскому или результатом культурного влияния? Если это влияние, то воздействие какого из двух языков было преобладающим? Может быть, не случайными являются свидетельства Ф. Торнау и наблюдательного Дж. Белла, долго жившего среди черкесов и убыхов. Белл подчёркивал знание убыхами прежде абхазского языка, а потом уже и черкесского. Он пишет: «Язык *азра* (т. е. абхазов — *Ш. И.*) все здесь

понимают, а также и язык адыге». Обращает внимание и то, что этот же, очень хорошо информированный автор, называет убыхов термином «абаз» или «абаза», который нередко служил общим обозначением именно абхазоязычных племён, но в то же время включал и убыхов⁷³³.

В связи с этим обратимся вновь к «Новому и полному словарю Российского государства...», отражающему положение, которое существовало на Северо-Западном Кавказе в XVIII в., где мы читаем: «...За сими уездами, кои полуденнозападную часть Абхазии составляют, на северо-запад уезды: Туби, Убух, Шаши и Шапсих, которые с черкесскими уездами Бжана и Гатук-кай граничат. Над сими содержат турки в небольшой к Чёрному морю лежащей крепости Сочук-Кале надзирателя; но ему сии абхазы столь мало повинуются, что прежнюю свою вольность в лесистых и горных своих жилищах почти ещё в целости сохраняют. Язык сих северо-западных уездов от языка, каким говорят в виде упомянутых полуденнозападных, приметно отличен». В этой цитате привлекает внимание то, что убыхи и их соседи названы абхазами, хотя язык их от южноабхазского «приметно отличен».

Г. Филипсон писал, что садзы хотя и говорили «чистым абхазским языком, но имели ещё и особое наречие — «азадзипсуа», не похожее ни на абхазский, ни на адыгейский, на котором украдкой говорила ещё чернь. Сам термин «асадзипсуа», вторая часть которого представляет собой самоназвание абхазов (*аҭсуа*), свидетельствует о том, что садзы были племенем, говорившим не «самостоятельным языком», как думал З. Анчабадзе, а на одном из особых диалектов общеабхазского языка —

⁷³³ Здесь хочется вновь повторить слова Л. Я. Люлье: «Во избежание всякого недоумения следует объяснить, что *Abasintzi* и *Abadzazs*, суть одного и того же; поэтому неосновательно было бы полагать какое-либо различие между названиями Абаза, Абхазинцы и Абхазцы... Слова Абазия (*Abadtze*) и Абхазия (*Abhaze*) есть название одной и той же страны: первое произносимое по-черкесски, а второе — по-грузински». С. 11.

«садзско-абхазском», как переводится и само слово «асаdziпсуа». И если, как утверждал Г. Филипсон, «по всей земле убыхов» чернь знает «асаdziпсуа» (по-видимому, это касалось только Нижней Убыхии), то это может говорить или, как считал З. Анчабадзе, об ассимиляции садзов — жителей побережья спустившимися с гор убыхами и покорившими местное население, или же о том, что сам убыхский язык генетически восходит к одному из ближайших к садзскому абхазских наречий, получившему в этом районе постепенное преобладание, став со временем самостоятельным языком.

Видимо, о том же языке писали Л. Я. Люлье, К. Ф. Сталь, Г. И. Филипсон, Н. М. Альбов, и который именно шапсуги называли *абза-бзы*, а не сами убыхи, как понималось Н. М. Альбовым. Интересное сведение об этом языке записал Л. И. Лавров во время своей экспедиции в Черноморскую Шапсугию. Он услышал от стариков-шапсугов, помнивших, что среди убыхов был распространён какой-то язык *abzabze*, который не был понятен ни черкесам, ни абхазам. Однако, по их словам, он всё же ближе стоял к абхазскому языку, чем к черкесскому⁷³⁴. По-видимому, на этом языке говорили жители приморской полосы.

Вообще же, абхазо-убыхские, как и адыго-убыхские языковые взаимоотношения всё ещё, к сожалению, недостаточно изучены, и делать какие-либо окончательные выводы и заключения по затронутым здесь сюжетам не представляется пока возможным. Перейдём теперь к другим вопросам убыховедения.

Представления некоторых учёных об отсталости и даже примитивности убыхской экономики и прочее далеко не полностью соответствуют действительности. Материалы свидетельствуют, что убыхи довольно успешно занимались пашенным земледелием; сеяли кукурузу, просо, пшеницу, ячмень; изготавливали превосходное вино и водку; их сёла, по словам очевидцев, «тонули в зелени садов», так как убыхи широко занимались

⁷³⁴ *Лавров Л. И. Из поездки в Черноморскую Шапсугию... С. 130.*

плодоводством (если, конечно, это не остатки хозяйствования прежнего, побежденного и ассимилированного населения). Наблюдатели отмечали, что убыхи «мастерски пользовались каждым клочком земли», а отгонное скотоводство составляло второе их главное занятие. Они содержали стада особенно любимых ими коз, впрочем, как и абхазы, а также овец, коров и табуны лошадей. Занимались убыхи и пчеловодством.

Заметное место в хозяйственной жизни занимала торговля, особенно продажа рабов и пленников, причём работорговля была распространена в гораздо больших размерах, чем у всех соседних народностей.

Значительных успехов достигли убыхи в кузнечном ремесле. Они стали, как видно, в последнее столетие или чуть ранее, замечательными мореходами, совершавшими дерзкие морские походы на ближние и дальние расстояния и т. д. Словом, убыхи ничем особенно не уступали другим горцам, а кое в чём и превосходили многих из них (например, в военном деле, кузнечестве, мореходстве, возможно, за счёт ассимилированных садзов, шапсугов.).

Убыхское общество XIX в. можно назвать местным вариантом так называемого «горского феодализма», в котором, пожалуй, «горского» было больше, чем «феодального». Эта форма общественной организации характеризуется своеобразным органическим сочетанием ранних форм феодальных отношений с многочисленными пережитками родоплеменного строя, традициями и обычаями (сельская община, гостеприимство, аталычество, вообще молочное родство, взаимопомощь, кровная месть и др.). В соответствии с этим, основными классами являлись свободные общинники и дворяне, а также крепостные крестьяне и рабы, причём количество последних в процентном отношении было гораздо больше, чем в любой из соседних стран. А это, в свою очередь, было связано, главным образом, с военной активностью убыхов. Не мысля себя иначе, они жили строгой «военно-демократической» жизнью, со всеми вытека-

ющими отсюда социально-экономическими и политическими последствиями, о чём говорилось выше.

Таким образом, к середине XIX в. убыхи ещё не имели установившихся феодальных отношений; феодальная тенденция была завуалирована патриархальными пережитками; княжеского сословия ещё не существовало, а дворянство, по Ф. Торнау, было представлено двумя главными фамилиями: Берзек (в Турции сами убыхи эти фамилии произносили как Барзадз (Barzad') и Доцен (Дишан), хотя «знатнейших» фамилий у убыхов было немало. Следует обратить внимание на отсутствие у Ф. Торнау упоминания среди знати убыхов родов Агухоуа и князей Аублаа (Аблагу/Облагу) и Хамыш, княжескую власть которых признавали только в Саше и, как видно, в среде не убыхов, а садзов. Рабство у убыхов не вышло ещё за пределы домашних форм, а контингент рабов был составлен из захваченных в плен иноплеменников, причём интересовала их не столько эксплуатация рабского труда в своём хозяйстве, сколько продажа рабов — на экспорт. Вместе с тем, в полной мере действовало право сильного — кровная месть, воровство и «хищничество», как говорили русские.

В своё время, размышляя над здешней непростой социально-экономической и этнической ситуацией, я писал о «незавершённости процессов этнической консолидации и своеобразной непрерывности этнических переходов на данном участке Кавказского побережья». Но такая незавершённость не могла продолжаться бесконечно, процессы этнической консолидации продолжались и, хотя они и не достигли своего завершения, но определённо шли в направлении «формирования своеобразной этнокультурной общности», которую Ю. Д. Анчабадзе, Н. Г. Волкова и некоторые другие исследователи вслед за Л. И. Лавровым условно называют «абазской». Завершая свою статью, Л. И. Лавров, об этом единстве правильно отмечает: «В конечном счёте оно отражало объективно сложившееся политическое и культурно-бытовое единство нескольких близкородственных этносов, которое и было закреплено в общем для них этни-

ме» — база, но к сожалению, Л. И. Лавров и его приверженцы не включали в этот этноним абхазов бзыбцев, абжуйцев и самурзаканцев того времени.

Этот процесс, если бы не был окончательно нарушен безжалостным выселением, мог бы, надо полагать, привести к образованию полиэтнического (убыхи, садзы, абадзехи, шапсуги, натухайцы и др.) объединения и даже какой-то формы государственности во главе, вероятно, с убыхской военной партией, причём, учитывая военно-политический вес убыхов, объединение могло бы называться убыхским.

Непростой была и религиозная жизнь убыхов. К середине XIX в. христианство, которое некогда здесь процветало, как и у соседних племён (вспомним, например, замечательный храм в Лоо, а также и близлежащие храмы Садзена, такие, как Цандрипшский и др.), пришло в почти полный упадок, если не считать отдельные пережиточные явления, так или иначе связанные с ним (отголоски почитания крестов, посты и др.). Зато вторая мировая религия — мусульманство, проникшее сюда в основном из Турции, а также и из Северного Кавказа, а возможно и из Крыма, хотя и запоздало, но получило широкое распространение. Однако только к концу первой половины XIX в. Убыхия сделалась одним из исламизированных уголков Кавказа.

Местные же древние языческие верования, несмотря на явное или скрытое давление со стороны мусульманства, по традиции сохраняли ещё во многом свою силу и своё влияние. При этом было много общего с абхазами и черкесами. Убыхи поклонялись, как и абхазы, главному богу абхазов под тем же именем Анцва (*Анцџа*), а известный «двухкресельный» кудепстинский культовый камень являлся, как можно думать, также общим абхазско-убыхским местом почитания общих языческих божеств и покровителей. В то же время, убыхи поклонялись, например, черкесскому богу — покровителю земледелия Созерешу, а с абадзехами совершали даже совместные моления и т. д.

Разными своими видами представлено убыхское народное творчество. Это сказки и предания, в том числе характерные

местные версии великого эпоса о славных героях-богатырях Нартах, о герое Маго, об убыхском герое типа Прометея и т. п. Это оригинальные песни и танцы, музыкальные инструменты, с высоким вкусом украшенные предметы вооружения, художественные произведения женского рукодельного мастерства и многое другое. Кое-что из убыхского устного народного творчества (легенды, сказки и притчи: «Смерть Саусеруко», «Конец истребления стариков», «Айдемир-хан», «Кусэкух», «Человек, решивший стать несчастным в молодости», «Женский ум», «Три совета»), записанные Ж. Дюмезилем у турецких старых убыхов, были переведены Г. Орагвелидзе и опубликованы на русском языке⁷³⁵. Как правило, они имеют созвучия и параллели в соответствующих областях духовной культуры и других народов абхазо-адыгской группы, хотя пока что всё это изучено очень слабо.

Социально-экономическому и культурному развитию убыхов, как и других кавказских горцев, был положен конец долгой и жестокой захватнической войной⁷³⁶ царского самодержавия. В этот период, как известно, произошло завоевание русским царизмом Чечни, горного Дагестана и Западного Кавказа. Освободительную войну кавказских горцев, проходившую под флагом «священной войны против неверных», то есть немусульман (Газават), до 1859 г. возглавлял Шамиль, создавший мусульманско-теократическое государство-имамат. От арабского *имам* — глава мусульманской общины. А в Северо-Запад-

⁷³⁵ **Орагвелидзе Гиви.** Из устного народного творчества убыхов //Ж-л «Кавказиони». — Тбилиси. 1983. Выпуск первый (83). С. 284–293. К сожалению, в предисловии «Об убыхах и их фольклоре» Г. Орагвелидзе допустил досадную ошибку, назвав убыхов народностью Северного Кавказа, в то время, как убыхи были насельниками Северо-Западного Закавказья.

⁷³⁶ Между прочим, жестокость русских офицеров сочеталась, как сказано в одной публикации, с романтическим увлечением «всем черкесским»: папахой, башилыком, черкесской, буркой, оружием и пр.

ном Закавказье на своей истерзанной земле непримиримую вооружённую борьбу против войск могущественной державы в общей сложности около тридцати лет, в основном 1834–1864 гг., вёл героический убыхский народ, защищая свою честь, свободу и независимость. Было пролито море невинной крови, разорены и сожжены сотни аулов, выселены из родины десятки тысяч коренных жителей.

Таким образом, XIX век явился периодом величайшей трагедии убыхов, основные моменты которой — от Адрианопольского трактата, передавшего России права на Кавказское побережье (1829 г.), вновь подтвержденного после окончания Крымской войны трактатом Парижского конгресса, до безрезультатной встречи горской делегации, возглавлявшейся Берзеком Керантухом с Александром II на р. Фарс, окончание Кавказской войны и последовавшее затем выселение горцев в Турцию, что было кратко изложено выше.

Такова была печальная участь этого уникального «могучего», по словам Т. Лапинского «народа чести и безумства храбрых». Место и роль убыхов в исторических судьбах Западного Кавказа всё ещё остается недостаточно выясненной. Их история и культура — их этнокультурные связи и отношения (с шапсугами, натухайцами, западными абхазами, абазинами и особенно с абадзехами), беспримерная самоотверженная борьба за свободу и независимость, их великие замыслы и начинания в области внутренней и внешней политики и попытки создания самостоятельной государственности — все это может явиться предметом не одного монографического исследования, посвященного этому побеждённому, но не покорённому гордому народу.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АБНИИЯЛИ — Абхазский научно-исслед. ин-т языка, литературы и истории им. Д. Гулиа, Сухум (ныне АБИГИ — абхазский ин-т гуманитарных исследований)
- АдНИИЯЛИ — Адыгейский научно-исслед. ин-т языка, литературы и истории
- АБКИЕА — Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974
- АКАК — Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, Тифлис
- ВДИ — Вестник древней истории, Москва
- ВЕ — Вестник Европы, СПб
- ВИ — Вопросы истории, Москва
- ВС — Военный сборник, СПб
- ВУА — Военно-ученый архив, Москва
- ВЯ — Вопросы языкознания, Москва
- ГАКК — Гос. архив Краснодарского края, Краснодар
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения, СПб
- ЗКОИРГО — Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества, Тифлис
- ИАН — Изв. Академии наук, СПб-Москва
- ИКОИРГО — Изв. Кавказского отдела императорского Русского географического общества, Тифлис
- ИС — Исторический сборник
- КК — Кавказский календарь, Тифлис
- КС — Кавказский сборник, Тифлис
- КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
- КЭС — Кавказский этнографический сборник, Москва
- РА — Русский архив

- РВ — Русский вестник, СПб
- СА — Советская археология, Москва
- СИЭ — Советская историческая энциклопедия
- СМИК — Сб. материалов по истории Кабарды, Нальчик
- СМОМПК — Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа, Тифлис
- СЭ — Советская этнография, Москва
- УЗАНИИЯЛИ — Ученые записки Адыгейского научно-исслед. ин-та языка, литературы и истории, Майкоп
- ЦГА АССР — Центральный гос. архив Абхазской АССР /ныне Центральный гос. архив Республики Абхазия/, Сухум
- ЦГВИА — Центральный гос. Военно-исторический архив, Москва /ныне РГВИА — Российский гос. Военно-исторический архив/

Письма Ж. Дюмезиля⁷³⁷ к Ш. Д. Инал-Ипа
(Перевод с французского).

Коллеж де Франс
Кафедра индо-европейской цивилизации

Париж 26.01.1964 г.

Дорогой коллега,

Недомогание, продолжавшееся целый месяц, не позволило мне ответить Вам, как это следовало после того любезного приёма, который Вы и Ваши коллеги оказали мне на коллоквиуме по нартологии.

Во время своего вынужденного отдыха я много работал над похождениями Сасрыквы; работа, опубликованная Вами в 1956 году, в «Нартском эпосе», окрылила меня надеждой, и вот теперь мы располагаем оригинальными текстами! Какую благодарность должна испытывать к Вам наука!

⁷³⁷ Жорж Дюмезиль — крупнейший французский ученый филолог, специалист по индоевропейскому и кавказскому языкознанию (знаток около 30-ти языков), религии, мифологии и эпосу, а также истории культуры. Профессор Университетов Стамбула, Варшавы, Уппсалы и College de France, Действительный член Французской АН.

По совету В. А. Чирикба я включила в книгу «Убыхи» случайно обнаруженные мною в старой папке Ш. Д. с фольклорными материалами 6 ранних писем Дюмезиля.

Очевидно, что это не вся переписка, которая длилась довольно долго. Недостающих писем, к сожалению, мне так и не удалось найти. (Примечание М. К. Хотелашвили–Инал-Ипа).

Мне хочется задать Вам множество вопросов: например, о Хныш и Хмыш, отсутствии в этом сборнике имени Патраз, которое упоминалось Вами в 1956 году. Несколько позднее я пришлю Вам список вопросов, рожденных моим любопытством, но сейчас мне хочется только выразить Вам свою огромную благодарность.

Я пришлю Вам несколько книг, которые могут Вам пригодиться. Тем временем, надеюсь, что это будет скоро — журнал «Азиатик» опубликует новый убыхский текст «Убыхские рассказы».

В Турции, где я работаю ежегодно, я встречал абхазов, владеющих несколькими диалектами, но они не знают, как называется диалект, на котором они говорят, один из этих абхазов продиктовал мне множество интересных текстов, которые были переведены по моему распоряжению на черкесский и убыхский язык «двуязычниками». Раньше у меня было трое «трехязычников», владеющих абхазским, убыхским и черкесским языками, но теперь остался в живых только один, или точнее одна из них. Впрочем, есть и «двуязычница», которая говорит на абхазском и убыхском языке; «двуязычников», владеющих абхазским и черкесским, гораздо больше.

Дорогой коллега, я еще раз хочу выразить Вам свое восхищение Вашей работой по собиранию и толкованию текстов и прошу принять уверения в моей глубокой преданности.

Подпись

Профессор Дюмезиль

Париж, 6 июня 1964 г.

Мой дорогой коллега,

Извините, что я отвечаю с опозданием на Ваше такое дружеское письмо. Я был так загружен работой, желая закончить до

июня рукопись III тома «Документов Анатолии», которая содержала, кроме того, объёмистый список опечаток нового убыхского словаря Ганса Фогта. Сделав это, я послезавтра отправляюсь за сбором материала в Анатолию по последним убыхским звукозаписям.

Наш дорогой коллега Абаяев попросил меня написать несколько страниц о Вашем нартском томе, который Вы опубликовали. Я это сделаю очень охотно в конце августа по возвращении во Францию. Этот том чрезвычайно интересен в смысле эволюции основных легенд и персонажей в нартско-кавказской эпосе. Я хотел бы поместить в томе некоторые из этих примеров. Я надеюсь, что это не будет слишком поздно: 4 или 5 страниц будет достаточно.

Я Вам охотно вышлю то, что у меня есть из абхазского фольклора по Анатолии, но всё это у меня в черновиках, в которых я сам плохо разбираюсь и, кроме того, у меня нет помощника. Лишь в 1965 г. я смогу это обработать. Я не жалею, потому что в этом году в Париже (Ecole des Haute Etude, VI section) открылся курс «Языки и традиции Кавказа», для которого мне дали ассистента – черкеса. Но Вы знаете лучше, чем кто-либо другой, что нужна была бы команда, большая команда. Я Вас очень прошу, пожалуйста, наберитесь немного терпения.

Этим летом, кроме того, я буду у абхазов из вилайета Adarazara. Я Вас прошу принять, мой дорогой коллега, мои сердечные пожелания.

Подпись

Профессор Дюмезиль

College de France
Париж, 23 июня 1966

Дорогой коллега,

Я только что получил и прочитал с восхищением второе издание вашей книги «Абхазы». Благодарю от всего сердца.

В настоящее время я работаю над подготовкой издания текстов на абхазском из Турции, с переводом на убыхский (при помощи билингвов, которые исчезают сегодня), а также на черкесский западный и восточный.

Мы ожидаем, на второй неделе февраля, профессора В.И. Абаева, который будет дважды выступать в College de France. В Париже он встретится с моим лучшим информатором по убыхскому языку Тевфиком Эссенджем, которого я убедил приехать на 2 месяца. Мы будем изучать фонетическую структуру языка в Институте фонетики нашего Университета, который возглавляет в течение нескольких месяцев один из лучших европейских специалистов по фонетике, швед Б. Мальмберг.

Можно с вами проконсультироваться?

[далее приводится транскрипция нескольких фраз из абхазских текстов из Нартского эпоса о Нарте Сасрыкве и других героях] ...

Я был бы благодарен за освещение этих вопросов.

Со всем расположением и благодарностью,

Подпись

Ж. Дюмезиль

Париж 28 декабря 1966 г.

Мой дорогой коллега.

Сегодня я получил с радостью и благодарностью Ваше письмо от 5 декабря и я Вас благодарю за драгоценные разъяснения, которые Вы мне даете относительно отрывка из Приключения... Если в Вашем архиве существуют варианты этой тонкости (или скорее этой техники) убыхского, я буду Вам очень признателен, если Вы мне на это укажете.

Что касается меня, то я лично не думаю, что существует родственная связь между протохеттским и кавказскими языками Северо-Запада, но, безусловно, это всего лишь мое личное

мнение. Зато я продолжаю думать, что эти языки очень отдаленно родственны баскскому.

В этом году я опубликую грамматический эскиз абхазского, услышанного мною в Турции, также как 10 абхазских текстов с их буквальным переводом на убыхский и наполовину (первые пять) на черкесский диалект. Я полагаю, что это сможет помочь сравнительному изучению этих захватывающих языков.

Я с интересом жду Вашу брошюру о Шота Руставели.

Дорогой коллега, прошу Вас принять выражение моего глубокого уважения и мои наилучшие пожелания на 1967 год.

С сердечностью

Подпись

Ж. Дюмезиль

Париж, 10 декабря 1967 г.

Мой дорогой коллега,

Примите мои наилучшие пожелания на 1968 год.

Надеюсь, что Вы получили мои «Анатолийские Документы...» т. V, которые я просил Вам передать более месяца тому назад. Если они до Вас не дошли, сообщите мне. Речь идет об абхазских текстах из Турции с переводом на убыхский и черкесский.

Моя университетская карьера заканчивается через 4 месяца, но я буду продолжать работать так долго, как это позволит мне моя голова, поэтому я буду счастлив, оставаться в постоянной связи с Вами.

С выражением глубокой симпатии....

Подпись

Ж. Дюмезиль

Париж, 15.12.67

Дорогой коллега!

К 6 ноября я подготовил у издателя (А. Maisonneuve) мои «Анатолийские Документы...» т. V (маленькие «моего» абхаза и тексты-трилингвы: абхазо-убыхо-черкесские).

Я вижу теперь, что во Франции, как и за границей, экземпляры не прибыли по назначению, и я занят сбором информации для выражения своего протеста. Будьте любезны, сообщите мне обратной почтой, прибыл ли предназначенный Вам экземпляр до моего приезда. Этим Вы мне окажете большую услугу.

Прошу Вас принять выражение моих к Вам сердечных чувств и мои наилучшие пожелания на 1968 год.

Подпись

Ж. Дюмезиль

В. А. ЧИРИКБА

У Б Ы Х С К И Е Э Т Ю Д Ы

«Убыхские этюды» задуманы как серия очерков, затрагивающих различные аспекты языка, истории и культуры убыхов. Для меня является большой честью опубликовать первые три этюда («Расселение убыхов на Кавказе и в Турции», «Словарь убыхских фамилий» и «Аннотированная библиография литературы об убыхском языке, истории и культуре») как приложение к книге великого абхазского этнолога, профессора Шалвы Денисовича Инал-ипа «Убыхи», подготовленной к печати вдовой ученого, крупным абхазским историком Миррой Константиновной Хотелашвили-Инал-ипа.

Хочу выразить искреннюю благодарность всем тем убыхским, адыгским и абхазским друзьям, которые сделали возможным мою работу в Турции с убыхами: Хандан Озден Демироз (*Handan Özden Demiröz*), Эрол Таймаз (*Erol Taymaz*), Сефер Берзек (*Sefer Berzek*), Сезаи Папба/Бабакуш (*Sezaı Babakuş*), Мерал Чаре (*Meral Çare*), Гюрол Демир (*Gürol Demir*), Седат Уйгун (*Sedat Uygun*), Хамта Айлин Оз (*Hamta Aylin Öz*), Шахика Хапат (*Şahika Napat*), Тургай Карчаа/Чило (*Turgay Çilo*), Ерен Ахба/Озкан (*Eren Özkan*) и многим другим.

Выражаю также благодарность Жаде Джемре Эрджиес (*Jade Cemre Erciyes*) за любезное содействие в сборе, посредством опроса в Интернете, дополнительной информации, касающейся убыхских сел и фамилий в Турции, Инверу Алшундбе за содействие в переводе турецких данных и Александру Александровичу Анквабу за ценные замечания к текстам рукописей статей, большинство из которых были мною учтены.

1. РАССЕЛЕНИЕ УБУХОВ НА КАВКАЗЕ И В ТУРЦИИ

Убыхи на Кавказе

Убыхи являются автохтонами северо-западного черноморского побережья Кавказа. Самоназванием убыхов являлся термин *t^waxǎ* (в адыгейской транскрипции — *туахъы*, в абхазской — *тџаахы*).¹ Свою родину убыхи называли *T^waxǎ-š^wabla* «страна убыхов, Убыхия» (DA III: 39), а свой язык — *t^waxǎ bza* ‘убыхский язык’, либо *šǎ-bza*, букв. ‘наш язык’ (V 195). Кстати, данный убыхский термин сохранился в абхазском фольклоре: *радгьыл Тџаахы дцалон* ‘он путешествовал в их страну Туахы’, *а-тџаахы рырџарџаа* ‘убыхские парни’ (см. Шьякрыл 1989: 161, 163).²

Традиционный хабитат убыхов располагался между близкородственными этнокультурными и языковыми ареалами адыгов (шапсуги и абадзехи) и абхазов (садзы), географически охватывая территорию между реками Шахе и Мацеста. Начиная с небольшой заметки В. Томашека (Tomaschek 1899), ряд авторов идентифицируют убыхов с брухами (*βροῦχοι*), располагавшимися, согласно автору VI века Прокопию Кесарийскому, между абасгами и аланами. Предполагается, что греч. *βροῦχοι* являлось попыткой передать убыхское самоназвание *t^waxǎ*.³ Последний термин, возможно, явился источником и адыг. *wǎbǎx*,

¹ В данной работе я использую знак *j* для маркировки палатализации, *w* для лабиализации, *ʹ* для глоттализации.

² На с. 161 в сборнике К. Шакрыла, по-видимому, вследствие опечатки — с начальным *Tǎ-*.

³ См. Dirr (1918); DA III: I5; А. Кристоль выражает сомнение в возможность фонетического отождествления термина *брухо-* и самоназвания убыхов *t^wax-* (см. Christol 1987: 219), хотя я не считаю эти сомнения вполне оправданными. Весьма сомнительно отождествление Л. Лавровым (2009: 79) термина *брух* с *бракъай* (*бракай*), наименованием одного из подразделений ашхарцев.

откуда русское *убых*. Из русского же идут названия этого народа в других языках, включая абх. *а-убых*.

До трагического исхода убыхского народа в 1864 году в Османскую Турцию под военным давлением царской армии, на черноморском побережье Кавказе были известны следующие убыхские общества: Субаши (Субешх), Хизе (Хобзы), У́рдан, Псахе, Саше (Соча). Деление Убыхии согласно Услару 75 и Н. Дубровину (1871: 88): Вардане и Саше; согласно Ворошилову 66: Убых, Саше, Вардане; согласно анонимному автору «Краткого описания» (с. 85, 90), земля убыхов (*Туахы*) в прибрежной части разделялась на следующие округа: Псаха или Чизма, Вардане (варианты: Дзеша, Убышь-Хрыпшь), Хизе, Субаш, Чимтрипшь,⁴ Цыхрыпшь, Вея или Гоя и Мохупсе.

Известны названия приблизительно 20 убыхских сел на Кавказе. Количество убыхов оценивалось в 25 тыс. человек. (Дубровин 1871: 97), хотя в литературе приводятся и другие цифры: между 40 и 70 тысяч.

Субаш//*Субешх* было, по-видимому, смешанным убыхско-шапсугским поселением в долине реки Шахе, нынешней Матросской Щели и долины реки Чемит. Главное селение этого общества лежало в долине р. Шахе и насчитывало ок. 200 дворов. В 40-е гг. XIX века главенство в общине принадлежало роду Аткевя, а к концу русско-кавказской войны перешло к роду Берзегь. Община *Хизе/Хобзы* располагалась в долине рек Осакай/Осохой, Хожиебс (Якорная Щель), Беранда, Детляшха и Буу. Население, особенно в береговой полосе, было также, по-видимому, смешанным шапсугско-убыхским.⁵ Село *Хизе*, главное в общине, насчитывало более 200 дворов. Старшинство в нем

⁴ Параллельное название: *Дзыбэ-хьабл* «аул (рода) Дзыбэ» (см. Меретуков 1990: 236).

⁵ Согласно Ф. Торнау (1864, ч. 1: 115), смешанными убыхско-шапсугскими селами были *Хизе*, *Вордане*, *Шмиткуадж* и *Зюеш*.

принадлежало роду ДIZE (убых. *Dəz'ə*).⁶ Община *Вардане*, более точно *Уáрдан* (убых. *Wárdən*), насчитывающая более 800 дворов (см. Краткое описание 88), занимало прибрежную полосу от долины р. Буу до Мамайского перевала. Селения располагались на реках Хобзы/а, Лаупе (одноименный аул Лаупе, ок. 200 дворов), Ниже (на р. Уч-дере; то же, что Нышь из Краткого описания 88 ?), Легутай и Дагомыс. В долине р. Дагомыс располагалось село *Фагуркуа/Фагуа* (от убых. фамилии *Fag^w* ?) или Дзеша (от убых. *Zéýсуа* = *Zájs^wа* 'имя знатного рода'), или Убых-рыпшь, которое насчитывало более 800 дворов (Ворошилов 61–62; Краткое описание 87). Община Псахе (другие названия — Чызамыгуа, Чизма или Мамай) располагалась в долине р. Псахе и в междуречье Псахе-Соча, включая долину совр. Хлудовского ручья; оно насчитывало не менее 500 дворов. Селами этого общества были, в частности, Псахэ или Чызамыгуа Ахмет вдоль р. Псахе и Чызамыгуа Мисауст, скорее всего, на левом склоне долины Хлудовского ручья. Назывались они по имени старшин из знатного рода Чызамыгуа (Ворошилов 62). На р. Псахе располагался и убыхский аул Питл (см. Краткое описание 87; у Лаврова 46 неточно: Питлу). Община Саше или Соча состояла из селений по долинам рек Соча//Сочапста, Бзугу, Цанык, доходя до р. Мцы/Мцасты. Согласно Ф. Торнау (1864: ч. 1: 114), это была смешанная убыхско-адыгско-абхазская община под властью княжеской фамилии Облагу/Аубла, насчитывавшая ок. 10 000 чел. Другим крупным селом этого района было Архышна Аху (абх. *Архышьна Ахды* 'Гора Надочажной Цепи'). Выше по долине р. Соча располагались владения рода Берзегов Дагумыкуа (*Dag^wətəq^wе*; в адыгейской транскрипции *Дэгуымыкѳуэ*).

Парадоксально, но достоверная убыхская форма названия местности и реки Убыхии — Саше или Соча — так и не известна. Турецкий путешественник XVII века Эвлия Челеби фиксирует это название в виде этнонима Суча (*Suçа*), ср. *aşîret-i Suça-lar*

⁶ В абхазской транскрипции *Дызыы*, в адыгейской *Дыжѳы*.

‘племя Суча’ (Çelebi 1999: 48, 59), *Vilâyet-i Abaza-i Suçalar* (Çelebi 2007: 53; 2) ‘страна абазов Суча’. Двумя столетиями позже, в первой четверти XIX века, англичанин Дж. Ст. Белл (Bell I: 33; II: 342, 396) передает топоним практически в той же форме, что и Челеби: *Sûtsha* (Суча), замечая, что так его именуют только турки, тогда как черкесы (т. е. адыгейцы) называют это место *Sashe* (Bell I: 52, 446, 447). Действительно, шапсугское название местности — *Шъачэ*, тогда как формы *Suça* в записи Челеби и *Sûtsha* (Суча) в записи Белла более близки фонетически к абх. *Шъачá* ‘Сочи’.⁷ Ф. Торнау (1864, ч. 2: 48) использует для топонима форму *Саша*, а одноименную реку называет *Саше* (ч. 1: 56), *Соча* (ч. 1: 114), *Сочи* (ч. 1: 115) и *Сочипсы* (ч. 2: 50; адыг. *псы* ‘вода, река’).

В своей заметке об убыхском языке П. Услар фиксирует это название в виде *Саишэ* (*Саço*), без указания языка-источника этих форм, попутно помечая, что у турок и у русских *Саше* обыкновенно называется *Соча* (Услар 75). Кстати, в фотокопии приложенных к заметке рукописных записей убыхского языка, содержащих важные дополнения к содержащемуся в ней убыхскому материалу, видно, что Услар помечает буквой *ç* глухой лабиализованный сибилантный спирант, который в напечатанном тексте передан через буквосочетание *ço* или *йço*, ср. в записях Услара *аçó* ‘море’ (= убых. *a-š^wá*), а в напечатанной заметке: *açoe//айюе* (с. 101), с передачей знака *ç* через *ço*. Поэтому типографское *Саço*, если оно основано на рукописном **Саço* (что, конечно, уже невозможно проверить), могло отражать и форму *Saš^wa* или *Sas^wa*.

Единственная, насколько мне известно, достоверная фиксация этого названия на убыхском языке была сделана в ранней

⁷ В бзыпском диалекте абхазского языка топоним звучит *Шъачá*, т. е. с огубленным шипящим (*шэ*) спирантом, несмотря на то, что в ранней абхазской литературе иногда встречаются и варианты с огубленным свистящим (*Съача*), что специалисты полагают не соответствующим реальному произношению (см. БД 290 и сн. 3); указанием на эту ссылку я обязан А.А. Анквабу.

записи Ж. Дюмезиля (LO 123) в форме *S'oc^{wa}* (в абх. транскрипции *Сьоцаа*, в адыгейской *Шъоцуэ*),⁸ с уст информанта Хикмет-бея Чызамыгуа из с. Кыркпынар, который владел убыхским и абхазским языками (его мать была абхазкой). Рассказ, в котором содержится название интересующего нас топонима, Хикмет-бей услышал от своей абхазской жены, совершенно очевидно, на абхазском языке, почему Дюмезиль и предположил его абхазское происхождение. Таким образом, единственная известная нам фиксация данного топонима/гидронима на убыхском языке имеет очевидный абхазский источник. Термин *S'oc^{wa}* не зафиксирован ни в одном другом убыхском тексте и, по всей видимости, в данном конкретном случае усвоен из абхазского языка, правда, в фонетически несколько искаженной форме (если это не старое садзское произношение топонима, до нас не дошедшее — нынешние садзы, как и другие турецкие абхазы, название Сочи не сохранили). Примечательно, что в исправленном Дюмезилем с помощью Тевфика Эсенча переиздании данного текста Хикмет-бея Чызамыгуа (Dumézil 1959: 54), *Сьоцуа* уже не фигурирует. Убыхская форма и этимология топонима (и гидронима) Соча/Сочи, таким образом, остаются неясными.⁹

В горной Убыхии наиболее крупным селом было Мутыхуаса или Мутыхуасуа,¹⁰ вотчина Хаджи Берзека Дегумыкуа, на месте совр. с. Пластунка. В низовьях р. Бзыч (левый приток Шахе) располагалось крупное село, в котором господствовал род Дишан (точнее, Дечен).¹¹ На правом берегу верхнего течения р. Шахе,

⁸ На с. xi Дюмезиль дает его в форме *Sas^{wo}*, отмечая, что оно произносится как *S'oc^{wa}*.

⁹ Абхазские этнологи (см. М. Инал-ипа 2012: 144), связывают название Соча с именем абхазского садзского рода, зафиксированного в Турции в виде *Шэашь-áа*//*Шэашá*//*Шэаши-áа*.

¹⁰ См. последнюю форму в «Кратком описании» (с. 90).

¹¹ Автор «Краткого описания» (с. 89) назвал это аул «один из значительнейших в земле убыхов».

между рр. Бсюк и Буший, располагалось село Бабуков-аул, по имени военного предводителя Хаджи Бабук Берзегга. Между верховьями р. Хобзы и средним течением р. Шахе было большое село Уцуа (Уцкуа), а в верховьях р. Буу располагалось с. Эбжноу. На Убыхской поляне, в верховьях р. Ац, лежало крупное село, условно называемое Убых-аулом (Ворошилов 63–64).

Интересно, что анонимный автор «Краткого описания» дает целый ряд убыхских названий мест или водоемов в абхазском оформлении: Чимит-рыпшь, используя типичный абхазский топоформант *-рыпшь* (ср. русское название этого села — *Чемитоквадже*, с адыг. *кѳуаджэ* «село»), *Убых-рыпшь* (для аула *Зейсуа*), аул *Цых-рыпи*, *Джаб-дзе* (абх. *а-зы* «вода река»), река *Фагуа* или *Фагуркуа-дзе*, *Субаш-дзе* (для *Субаш* или *Шахе*), *Боа-пста* (для *Буу*), *Сочи-пста* (абх. *аѳста* «ущелье реки»). Это обстоятельство указывает на абхазский источник информации русского автора, что он сам и отмечает (Краткое описание 87), а также на хорошее знакомство абхазов, по крайней мере живущих по соседству с убыхами, с топонимией Убыхии, которую они оформляли собственными топоформантами. Кстати, последнее было характерно и для живущих по соседству с убыхами и абхазами шапсугов, судя по наличию параллельных адыгских названий убыхских и абхазских топонимов и гидронимов, ср. напр. у Ф. Торнау (1864, ч. 2: 50, 51) *Арт-куадж* (точнее *Арыд-кѳуадж*), представляющее собой адыгейский вариант абхазского топонима *Арыд-кѳыта* 'село рода Арыд', с адыг. *кѳуадж(э)* 'селение' в постпозиции. Ср. также параллельные формы названий поселений на адыгейский и абхазский манер, как напр. с. *Шмит-куадж* у Ф. Торнау (1864, ч. 1: 115) с адыгейским топоформантом *-кѳуадж*, и название того же села в абхазском оформлении: *Шмит-рипи* (Торнау 1864, ч. 2: 103).

Границей между убыхами и шапсугами традиционно считается река Шахе, хотя шапсуги, по-видимому, жили и на собственно убыхской территории. Что касается этнической грани-

цы между убыхами и абхазами, то таковой в литературе традиционно полагается община Хамыщ, располагавшаяся вдоль долины р. Хоста (Хуаста), где господствовал род Хамыщ.¹²

Однако современные потомки общины Хамыщ (Хоста) в Турции представлены абхазами (садзами), в среде которых, судя по фамилиям, заметна лишь незначительная убыхская инфильтрация (см. Чирикба 2012: 69). Это указывает на то, что реальная этническая граница между убыхами и абхазами пролегала по реке Мца/Мцаста (Мацеста),¹³ на которой располагалось садзское общество Чы́уа, содержащее, по-видимому, определенный убыхский компонент. Потомками жителей этого села, как я полагаю, является садзско-убыхское население с. Богазкёй в центральной части северной Турции, называемого по-абхазски Чы́уаа¹⁴ *ркы́џа* «село (дворян рода) Чы́уа» (см. Чирикба 2012: 73–74). Именно об одноименном селе на Кавказе пишет Ф.

¹² Ср. у Дж. Ст. Бэлла: *“Azras from the Mingrelian frontier to the stream Hamish: Abazas from the Hamish to the Leûp (or Vardan), and Adighes, thence to the Kûban. All three mingled together on their frontiers”* (Bell I: 447, fn) «Абхазы от границы Мегрелии до реки Хамыш; абазы [убыхи] от реки Хамыш до реки Леуп (или Вардан), и адыге, оттуда до реки Кубань. Все три [народа] перемешивались на их границах». Согласно Н. Дубровину (1871: 88), территория убыхов располагалась между реками Зюебзе и Хамишь (или Хоста). По Услару 75, убыхи жили на побережье между реками Хамыш (т. е. Хоста) и Буу.

¹³ У Н. Дубровина (1871: 88): *Мецоста*. Из абхазского *Мца* ‘огонь’, *Мца-стџа* < **Мца-џстџа* ‘ущелье реки Мца (огненная)’ (*а-џстџа* ‘ущелье’; см. БД 256). Этимология названия реки мотивирована реалиями. «Название Мацеста («огненная вода») оправдывает само себя. От соприкосновения с мацестинской водой кожа и слизистая оболочка краснеют, начинается легкое жжение. Запах мацестинских вод и грязей типичен для любых сероводородных источников» (см. <http://www.kristall-sochi.ru/macest.php>).

¹⁴ Не смешивать с убыхской фамилией *Ї’џау* (Чыу), с которой абх. Чыуа, кроме внешнего сходства, этимологически не связана.

Торнау (1864, ч. 2: 47): «От князя Ислам-Бага, принявшего нас в Чужи, мы переехали в селение Чуа, на реке Мце...». Этнические границы убыхского народа между реками Шахе и Мацеста очерчивает в одной из своих работ также Л. Лавров (2009: 35).

Торнау (1864, ч. 1: 114) считал границей между убыхами и садзами реку Соча, и даже жителей общества Саша числом до 10 000 чел. считал абхазами (в его терминологии, «абазинами»), среди которых, согласно его сообщению, жили отчасти также убыхи и черкесы. По его описанию, «Сочи ... отделяет племя абадза, или абазин, от убых, жительства коих начинаются от правого берега сей реки» (см. Торнау 1976: 101).

Языковая ситуация в Убыхии и в Турции

Характеризуя языковую ситуацию в Убыхии в XVII веке, турецкий автор Эвлия Челеби отмечал, что жители провинции Садше, т. е. Убыхии свободно говорят как на черкесском, так и на абхазском языках (см. Çelebi 1999: 59).

Двумя столетиями позже, Дж. Ст. Белл (Bell I: 447) сообщает, что в Убыхии распространены три языка: убыхский, который он называет *абаза*, *азга* (в его транскрипции *Azra*),¹⁵ т. е. абхазский и адыгский. Он писал: «... абазский [т. е. убыхский. — В.Ч.] и абхазский языки. Диалект последнего, как кажется, в целом понимают здесь, а также язык адыгов (или черкесов)».¹⁶ Согласно

¹⁵ *Азгъэ* (*Azyá*) – название абхазов среди убыхов, шапсугов и абадзехов (см. ниже). По Услару 78, убыхи называют все народы, говорящие на абхазских наречиях (т. е. абхазов и абазин), термином *азэуе*.

¹⁶ “...*Abaza [Ubykh] and Azra. The dialect of the latter seems to be generally understood here, as well as that of the Adighes (or Circassian)...*” (Bell I: 447). Белл использует *-r-* в *Azra* для передачи звонкого увулярного спиранта *гъ* (ʁ), близкого к произношению французского *r*.

Беллу, большинство убыхских старейшин – членов Кавказского меджлиса, говорили как на абхазском, так и на адыгейском языках (Bell II: 353)

В письме к проф. Ш.Д. Инал-ипа, датируемым 1964 годом, Ж. Дюмезиль писал: «Сто лет тому назад, после эмиграции, большинство убыхов, которые поселились около Маньяса, были трехязычны и знали абхазский язык лучше, чем шапсугский. В Турции они потеряли связи с абхазскими переселенцами, поселившимися вдали от них, и их дети уже были только двуязычны» (Инал-ипа 1971: 277). В своих «Абхазских этюдах» (1967 г.) Жорж Дюмезиль отмечал, что, хотя в оставшихся (на тот период) последних убыхоязычных анклавах в Хаджы Осман и Хаджы Якуп обычной языковой ситуацией был убыхско-адыгейский билингвизм, такой ситуация была не всегда. Дед Тевфика Эсенча по матери, Ибрагим, который принадлежал к поколению эмигрантов с Кавказа, владел убыхским и абхазским, но не знал адыгейского. Однако общая языковая среда в этих двух селах была под адыгейским влиянием, и достаточно было двух поколений, чтобы позабыть ставший ненужным дополнительный язык (Dumézil 1967: 2).

Следует полагать, что до исхода в 1864 году северо-западные убыхи владели родным, а также шапсугским¹⁷ или (реже) абадзехским диалектом адыгейского языка, тогда как юго-восточные убыхи, помимо родного, владели также абхазским языком. Жители района Сочи, скорее всего, были трехязычными (убыхский, адыгейский, абхазский). В эмиграции большинство убыхов поселилось вдали от абхазов и быстро забыло абхазский язык, хотя и сохранились отдельные островки убыхско-абхазского двуязычия типа села Богазкёй (см. ниже).

Убыхский язык окончательно угас в 1990-х годах XX века. В провинции Мараш он был мертв уже к 1959 г. (см. DA III:

¹⁷ Именно, хакучинским (*хьакIуыцу*) говором шапсугского.

21). Еще ранее он был забыт в провинциях Самсун и Синоп. В 1930-х гг. на нем говорили в провинции Балыкесир (в районе Маньяса) в селах Хаджы Осман и Хаджы Якуп. Тогда же на убыхском еще говорили пожилые люди в районе Измита и озера Сапанджа (см. DA III: 21). В селах Кыркпынар и Курткёй (см. ниже) французский кавказовед Ж. Дюмезиль встречал людей, владевших убыхским, адыгейским и абхазским языками. Носители убыхского языка жили и в с. Машукие.

Долее всего убыхский язык сохранялся в с. Хаджы Осман (иль Балыкесир). Последний полностью компетентный убыхофон, знаменитый Тевфик Эсенч из знатного рода *Зайсуа*, уроженец этого села, скончался 7 октября 1992 года. Тевфик Эсенч был основным информантом выдающегося французского исследователя Жоржа Дюмезиля, а также его ученика Жоржа Шарашидзе и норвежского кавказоведа Ханса Фогта. Были и другие убыхофоны, но все же не столь глубокие знатоки родного языка, каким был Тевфик-бей. В 1974 г. английский кавказовед Джордж Хьюитт работал в с. Хаджи Осман с несколькими пожилыми информантами, хорошо говорившими по-убыхски, а в Стамбуле он работал и с Тевфиком Эсенчем. В 1988 г. с Тевфиком некоторое время работал кабардинский лингвист профессор М.А. Кумахов. С 1986 по 1992 г. с Тевфиком Эсенчем убыхским занималась известный турецкий лингвист Сумру Озсой (*Sumru Özsoy*). 8 декабря 1991 г. мне удалось в течение нескольких часов поработать с Тевфиком Эсенчем в его родном доме в Хаджы Османе и записать с его уст тексты и различные слова. В 1993 г. абхазский писатель Анзор Мукба посетил Хаджы Осман и с уст двух местных жителей – 70-летнего убыха Гужв Саафета и 82-летнего (абадзеха по происхождению) Зыба Джамалеттина перевел на убыхский язык список из 84 абхазских слов, который он опубликовал в 2004 г. (Мықәба 2004: 69-79). Когда в 2009 и в 2010 г. я приехал в Турцию со специальной целью отыскать хотя бы одного полноценного носителя убыхского языка, в убыхских

селах провинций Балыкесир, Дюздже, Сакарья, Самсун и Синоп таковых уже не было.

Ныне большинство убыхов старшего поколения, полностью утратив родной язык, владеют шапсугским, либо (реже) абадзехским диалектом адыгейского. Те же убыхи, кто живут в абхазских или в смешанных убыхско-абхазских селах, владеют абхазским и турецким языками. Молодежь, как правило, владеет лишь турецким языком.

К вопросу об идентичности убыхов

Вопрос идентичности убыхов требует специального рассмотрения на основе тщательного изучения всех сохранившихся источников, в том числе опубликованных убыхских текстов, а также опроса современных убыхов в Турции. У нас имеются некоторые старые данные касательно данной проблематики. Так, в XVII столетии Эвлия Челеби (см. Çelebi 2007: 53), говоря об Убыхии, которую он называет «Страной абазов-садше» (*Vilâyet-i Abaza-i Sadşe*), отмечал, что жители не являются ни черкесами (адыгами), ни «правильными» (т. е. настоящими) абазами (*Ne Çerkez'dır ve ne düürüst Abaza'dır*). И далее, об одном из убыхов: *Sen Abaza değilsin, bizim Sadşe yigitlerindensin* (там же) «Ты не абаз, ты из наших джигитов-садше [джигитов-убыхов]».

Последняя информация требует комментария. Употребляющееся Э. Челеби слово *yigit* «джигит» тюркского происхождения (откуда и рус. *джигит*), которое не следует путать с русск. (XIX в.) *джигет* 'садз', восходящим к грузинскому топониму *žik-et-i* (*джик-ет-и*) 'страна джиков', неверно воспринятому русскими в качестве этнонима. Ср. исходный этнический термин *žik-i* (*джик-и*), которым грузины обобщенно называли западных абхазов (садзов, ахчипсы), убыхов и соседние с ними адыгские племена — шапсугов и, возможно, также абадзехов. Грузинский

термин *žik-i* может быть обязан в качестве источника убых. *ž'əxə* (джихы), с заменой отсутствующего в грузинском глухого велярного спيرانта *χ* на придыхательный велярный смычный *k*.¹⁸

Нет ясности и в значении термина в самом убыхском, так как в разных источниках он подается с различной семантикой, ср. у Ю. Месароша (М 290) *ž'əxə* 'Черкесия' (*Tscherkessenland*), *ž'əxə-bzə* 'черкесский язык (в общем смысле)'.¹⁹ В убыхско-французском словаре Х. Фогта (V 234) *ž'əxə* переводится как 'абхаз', но в тексте (V 63, 62) Фогт переводит *ž'əxə-bzə* как 'абхазский язык', т.е. абадзехский диалект адыгейского. Во время моей встречи с Тевфиком Эсенчем в 1991 г., на мой вопрос об этом термине, Тевфик перевел его как *abzah* 'абзах'. С другой стороны, интересно, что на магнитофонной записи, сделанной Дж. Хьюиттом в 1974 г. в с. Хаджы Осман, можно слышать, как старый убых перевел тур. *Ubih* 'убыхский язык' на убыхский словами *ž'əxə bza* 'язык джихы//джихский язык'. Если это не оговорка (а при разговоре присутствовали и другие старики, которые могли поправить ошибку), то мы можем иметь еще один термин (локальное самоназвание?) для убыхов, что, впрочем, нуждается в дальнейшем уточнении.

По предположению Дж. Хьюитта (устное сообщ.), поскольку Месарош переводил термин *ž'əxə* как «черкесский язык в общем смысле», то может быть и цитируемый здесь информант перевел тур. *Ubih* «убыхский язык» словами «в общем смысле черкесский язык». Кстати, в Турции я зафиксировал убыхское личное мужское имя *ž'əx* – в качестве имени прапрадеда моего информанта

¹⁸ В адыгских заимствованиях в абхазском адыгский велярный *χ* передается как палатализованный придыхательный велярный смычный *q̣*, напр. адыг. *χабзэ* 'обычай, этикет' > абх. *а-қьáбз(а)*.

¹⁹ В черновых набросках П. Услара (вкладка 2) записано убых. *а́зы́хы* 'абазинцы' (т. е. 'абхазы'), но неясно, что следует здесь читать: *а-ž'əxə*, либо *а-зəуá*, т. е. *азəуá//азуá*

Озкана Гогена (*Özkan Gog'én*, 1936 г. рожд.) из с. Караларчифтлиги (иль Балыкесир). Ср. также записанную мною в одном из сел провинции Синоп шапсугскую фамилию *Ž'əxəf*.

Следует добавить, что убыхский термин *ž'əxə*, несмотря на некоторое общее звуковое сходство, не связан с этническим термином *зихи*, которым византийцы (*Zuyoi*) и генуэзцы (*sichi*, *Zychi*, *Zichi*) именовали западных адыгов (см. мнение о такой связи в Лавров 2009а: 79); последний находит очевидное соответствие в абх. *а-зыхəа* (*а-зəх^{wa}*) 'адыг, адыгеец', и относится к древней абхазо-адыгской этнической номенклатуре; ср. сюда же каб. фамилию *Зыхъу* (*Зəх^w*; Коков 1983: 158) и абх. фамилию *Зыхə-ба* (*Зəх^w-ba*), по-видимому, восходящих (через стадию личного имени или прозвища) к тому же этнониму. Нет этимологической связи этих двух терминов (т. е. *ž'əxə* и *зəх^{wa}*), вопреки Л. Лаврову (там же), и с убых.-адыг. *azya* 'абхаз'.

Возвращаясь к вопросу об идентичности убыхов, процитируем заставшего убыхов на Кавказе П. Услара, который писал: «Языки абхазский, убыхский и адыгский составляют одно семейство, но взаимная разница между ними более значительна, чем, например, между русским и португальским. С удивлением прочел я в № 29 газеты «Кавказ» на нынешний год, что убыхи суть адыгского племени. <...> Убыхи в виде народа, особого от адыгов и абхазцев, известны были уже в 1797 г. гр. Потоцкому».²⁰

Н. Дубровин (1871: 88), подчеркивая культурную близость убыхов к адыгам, писал: «По происхождению и языку, убыхи во все не принадлежат к племени адиге; но, по нравам, обычаям, общественному устройству и, наконец, по всеобщему употреблению у них черкесского языка наравне с природным языком, должны быть причислены к группе черкесских племен».

Как справедливо подчеркнул в данной связи профессор М. А. Кумахов (2006: 478, 479), «Убыхи никогда не считали себя ни адыгами, ни абхазами, называя первых *адыга*, вторых *азра*,

²⁰ П. К. Услар. «Этнография Кавказа», II. Чеченский язык. Тифлис, 1888, с. 14.

а себя <...> *туахы*. <...> Следует еще раз отметить главное: а именно: убыхи – самостоятельный народ со своим глубоко самобытным языком, национальной культурой и этнической территорией на Западном Кавказе». В свете этого представление об убыхах как просто об одной из западно-адыгских народностей или субэтносов (см. напр. Хафизова 2010: 53, 121, 122), при всем несомненно значительном адыгском влиянии на этот небольшой народ, не может не рассматриваться иначе как попытка нивелирования сложной картины убыхского этнокультурного и языкового своеобразия.

Говоря о современных убыхах Турции, можно сказать, что убыхское самосознание и идентичность, хотя эксплицитно слабо выраженные, все же не исчезли под влиянием доминирующей адыгской и турецкой этноязыковой среды. Самый знаменитый убых, Тевфик Эсенч, заявлял о себе: *səw^wá səlárpq t^waxálapq* ‘Мое племя есть племя убыхское’ (V 66). Старый абхазоязычный убых Веджъхи Омурхуа из садзско-убыхского села Богазкёй (*Чьйуаа ркьыта*) также подчеркивал: *Харá убúххун!* «Мы убыхи!».

В данной связи хочется привести один эпизод работы в убыхском селе Хаджи Якуп. В тот день я занимался выяснением правил убыхского этикета. Кто-то позвонил, и моя хозяйка стала объяснять по телефону, что у нее гость, который интересуется убыхами. На другом конце линии переспросили: «черкесами?». Моя хозяйка ответила: *Hayır, Çerkes değil, Ubuh!* («Нет, не черкесами, убыхами!»).

Даже этот небольшой факт может служить указанием на то, что в тени обобщающей «черкесской» идентичности в качестве членов западнокавказской семьи народов, куда включаются адыги, абхазы, убыхи и абазины, современные убыхи в Турции все еще могут сохранять собственную идентичность в качестве народа, хотя и родственного, но все же отличного как от адыгов, так и от абхазов. Эта идентичность базируется на наличии собственного этнического термина (ранее *t^waxá*, ныне *ubuh*), на особенностях традиционной культуры, на использовании особых убыхских фамилий, отличных от адыгских и абхазских, на

существовании еще в недавнем прошлом национальной убыхской территории и, не в последнюю очередь, на наличии у убыхов хотя и недавно вымершего, но совершенно самостоятельно-го убыхского языка.

Показателем пробуждающегося самосознания среди молодого поколения убыхов Турции служит, в частности, активность убыхских групп в интернете, ср. такие группы в Фейсбуке, как *Abaza ve Ubih Köylerinin Kuruluş Öyküleri* (“Фонд истории абхазских и убыхских сел”),²¹ *Ubihlar* (“Убыхи”)²², *Wubikh Lahu*²³ и др. Многие убыхские пользователи Фейсбука к своему имени добавляют слово *Ubih*, *Ubih*, или *Wubikh*, чтобы подчеркнуть свое убыхское происхождение, напр. *Oğuz Gezer Ubih*, *Ubih Yalcin Lahoduğ Şahin*, *Ubih Süleyman Çoşkun* и т.д.²⁴

Социальная структура традиционного убыхского общества и ее отголоски в современности

В отличие от абхазов и адыгов, у убыхов не было князей (см. Dumézil, Namitok 1955: 444). Единственным исключением был правитель Соча Али-Ахмет Аубла (Облагу), который считался князем.²⁵ Тем не менее, в убыхском языке имелись такие

²¹ <https://www.facebook.com/groups/656676997703958/?ref=ts&fref=ts>.

²² <https://www.facebook.com/ubых?ref=ts&fref=ts>.

²³ <https://www.facebook.com/wubih55?pnref=lhc>.

²⁴ Кавказские авторы диаспоры используют следующие написания этнонима «убых» по-турецки: *Ubih*, *Ubu*, *Vubuh*, *Vubih*, *Wubih*, *Wubih*. В разговорном турецком языке убыхов и других кавказцев Турции более употребительна форма *Ubu* [(w)ubux^(w)]. Ныне в работах кавказских авторов Турции более принятыми стали формы *Ubih* и *Vubih*.

²⁵ Согласно Лаврову 73, фамилия была абхазской (садзской), тогда как Ф. Торнау (1976: 106) пишет, что по происхождению князь

социальные термины, как *x^lə-g^ləza* ‘султан’ (букв. ‘великий князь’),²⁶ *x^lə* ‘князь, принц’ (родственно абх. *ах*), *хапə-q^wa* представитель высокого по происхождению ранга (букв. ‘сын хана’).²⁷

После князей второй по иерархии класс верхнего слоя уبخского общества составляли дворяне: куашха (*k^wəšxa*),²⁸ что соответствовало адыг. *уэркэ*, абх. *аамстə* ‘дворянин’. К слою куашха принадлежали такие фамилии, как Барзагь, Чызамыгуа, Зайсуа (Лавров 64).

Следующим по иерархии социальным слоем были уагысу (DA III: 24: *waγəs^wə*; в абхазской транскрипции *уаγысəы*, в адыгейской — *уаггышəуы*), «свободные общинники», которые были самой многочисленной группой уبخского общества (Лавров 60); им соответствовали адыг. *лəфэкəуэл*, абх. *анхафы-цкə* (‘чистый крестьянин’).

Низшим социальным слоем были рабы: уبخ. *ag^larə* ‘раб’ (из абх. *агыр-уа* ‘батрак’, ‘прислуга’),²⁹ что соответствовало абх. *а-тəы* и адыг. *пыц-л* ‘раб’. Рабов имели как куашха, так и уагысу (Лавров 63).

Хотя социальная структура традиционного уبخского общества в условиях нынешней Турции, естественно, не сохранилась, все же, как и у их адыгских и абхазских собратьев, старшее поколение уبخов все еще помнит о таких различиях в прошлом. Это заметно, в частности, и по отношению к такой социальной группе, как рабы. Из литературы известно, что в отличие от соседних родственных народов, рабы составляли значительную прослойку уبخского общества (см. Лавров 59). Как выясняется, память об этом жива до сих пор. В связи с этим

Али Ахмет Облагу был «из племени адыга».

²⁶ Н 208.

²⁷ LO 161, DA III: 25.

²⁸ Н 134.

²⁹ См. в Чирикба (1986: 113).

показателен следующий факт. Так, население одного из убыхских сел в Турции составляет несколько дворов дворянской фамилии и потомков их рабов,³⁰ привезенных с Кавказа. Господствующей семьей за потомками рабов не признавались фамильные имена, и даже к детям дворянской семьи эта группа населения обращалась с почтительным прибавлением слова *бей*, которое используется для обращения к социально высокому, либо к старшему по возрасту лицу. Не желая жениться на потомках рабов, большинство членов феодального рода так и не обзавелись собственными семьями.³¹ Описание драматических коллизий между убыхскими феодалами и их (бывшими) рабами после переселения в Турции см. также у Ж. Дюмезиля (DA III: 29).

Убыхские села в Турции

Попав в Турцию, убыхи выбирали для поселения местности, напоминавшие им кавказскую родину. Поскольку Турция тогда была малозаселенной страной, у них была определенная свобода выбора местожительства. Они искали похожие на Кавказ холмистые, поросшие лесом и богатые водой места, предгорья, избегая болотистых низин из-за малярийных комаров. Таким образом, они как бы воссоздавали свою утраченную Родину в Турции, подыскав для новой жизни напоминающие Убыхию рельеф и природные условия, и надолго сохранив традиционный уклад.

Точное количество убыхов в Турции неизвестно. По данным на 1975 г., И. Айдемир, собравший демографическую статистику по убыхским селам, оценивает число убыхов в 9 тысяч 069 чел.

³⁰ Ныне адыгоязычные убыхи используют термин *pš'əl'ə* (пшы-лы) 'раб', букв. 'князя человек'.

³¹ Джемре Эрджиес, устн. сообщ.

(см. А 204). Однако следует отметить, что эти данные относятся к сельскому населению, и их следует коррелировать с фактом переселения, начиная с 1960-х гг., большого числа убыхов, как и других выходцев из Кавказа, в города. Действительно, сравнение демографических данных по убыхским селам на 1923 год в работе Мехмета Фетгерей Шванба (Mehmet Fetgereg Şönu, 1923), на 1973 год в работе Иззета Айдемира (Izzet Aydemir 1973) с нынешними данными, в частности (среди других современных материалов), с результатами моих убыхских экспедиций 2009 и 2010 гг., показывает значительный процесс депопуляции убыхских сел, связанный с массовым исходом сельского населения в города, а также, частично, с эмиграцией в зарубежные страны (в основном, в Германию) в качестве гастарбайтеров. Исходя из этого, ориентировочно общее число убыхов в Турции можно определить в 15 или даже в 20 тысяч человек.

Помимо городов, убыхи проживают во многих провинциях Турции (см. таблицу), в основном, в достаточно малых селах.³² Помимо убыхских сел, носителей фамилий убыхского происхождения можно встретить в целом ряде адыгских и, реже, абхазских сел.

Подобно другим западнокавказским народам, турецкие убыхи характеризовались этнической эндогамией, предпочитая браки внутри своей этнической группы. Как писал Ю. фон Месарош (М 19), отражая ситуацию начала 1930-х гг., «Пока что нет никакой речи о каком-либо антропологическом смешении между убыхами и турками». Обычно заключали брачные союзы с представителями близлежащих сел, реже своего села. Впрочем, браки с адыгами и абхазами, если были населенные ими близлежащие села, были нередкими; с другой стороны, браки с представителями других этнических групп — турками, курдами и др., были весьма немногочисленны. Однако при значитель-

³² Некоторые сведения о жизни современных убыхов в Турции см. в монографии М. Кишмахова (2012: 713-737).

ном численном преобладании в определенных селах других групп (напр., турок, лазов или грузин), смешанные браки и ассимиляция были неизбежными процессами. У турецких убыхов многоженство не было распространено.

Убыхи, как и все северокавказцы, хорошо интегрированы в турецкое общество. Их присутствие в этой стране восходит к османским временам, о чем, в частности, красноречиво свидетельствуют данные XVII века Эвлия Челеби. Некоторые убыхи добились высокого положения при османском дворе. Так, седьмой женой османского султана Абдул-Меджида I и приемной матерью султана Абдул-Хамида II была Рахиме Пиристу Султан (1831–1904), последняя Валиде Султан, родившаяся в 1831 году. Она была дочерью Гоген Гёк Бея из знатного убыхского рода *Gʷagʷan*. В годовалом возрасте, с согласия родителей Рахиме, девочку взяла на воспитание бездетная дочь Абдул-Хамида I, Эсма Султан.³³

Бесстрашные воины, убыхи отчаянно сражались — и погибали — на всех войнах, которые вела во второй половине XIX — начале XX века Османская империя. Имеются сведения, что много их погибло на Балканах, в частности, при битве у Плевны,³⁴ а также на полях Первой мировой войны.

Из среды убыхов вышел целый ряд турецких военачальников, государственных и общественных деятелей. Только из убыхского рода ШхАПлы происходят такие видные деятели, как Осман Ферид Паша (Сочи 1844 — Стамбул 1912), Ахмед-Паша (Сочи 1845 — Стамбул 1914), Мехмет Паша (Сочи 1847 — Бейрут 1936), Исмаил-бей, Казим-Бей (1868–1916), известная журналистка и писательница Зюбейдат ШхАПлы (1909–1979). Из убыхского рода Дыгу (*Dəyʷ*) вышли такие турецкие военные и политические деятели, как Хасан Рефет Паша (Сочи 1793 — Стамбул 1901), Шевкет Паша (1835–1931), деятель партии «Единение и

³³ См. https://ru.wikipedia.org/wiki/Пиристу_Кадын_Эфенди.

³⁴ См. http://wubihlar.tr.gg/Ubihya-_Ubihlarin-Vatani.htm.

прогресс» Асаф Тугай, Дели Фуад Паша (Египет 1835 — Стамбул 1931) и др. (Berzeg 1998: 65–67, 90–98). Убыхами были государственный деятель Турции Шемсеттин Паша (Убыхия 1855 — Стамбул 1917), военный и политический деятель Мехмет Щюкрю Огуз (1881–1953), создатель адыгской азбуки на арабской графической основе, изданной в 1910 г. в Стамбуле Ахмед Джавит Паша (р. в 1840 г. в Сочи), соратник Кемаль-Паши (Ататюрка) генерал Али Саит Паша Акбайтуган из рода Хунджа (1871–1950), журналисты и писатели Ахмет Амча и Кязим Берзег, Акиф Дигун, один из организаторов и руководителей турецкой партии «Единение и прогресс» Хаккы Бехич Баич, писательница Хайрие Мелек (из рода Хунджа, сестра Али Саит Паши Акбайтугана), первый Генеральный секретарь Демократической партии Турции Мухлис Сабахаддин (из рода Быжьнау) и целый ряд других выдающихся личностей убыхского происхождения (см. Berzeg 1995: 9, 10, 21, 53–54, 62, 107, 125–126, 187–188; Berzeg 1990; Aydemir 1973: 166, 168). О плеяде турецких военных и государственных деятелей, происходящих из убыхского рода Берзег см. в работе Кязыма Берзег (Berzeg 1990); см. также Агуажба (2014: 483–522), Кишмахов (2012: 742–764).

Список убыхских сел в Турции

Ниже я даю список убыхских сел в Турции, снабженный, по возможности, краткой информацией демографического и ономастического характера. Этот материал, несомненно, нуждается в дальнейшем уточнении и дополнении. Источниками информации для составления данного списка послужили работы Ю. Месароша (М), Ж. Дюмезиля (DA III и др.), И. Айдемира (Aydemir 1973), Б. Озбека (в Andrews 1989), информация об убыхских селах, содержащаяся в турецкой версии Википедии, в ряде туркоязычных кавказских интернет-сайтов и полученная путем интернет-опроса среди убыхов, а также результаты моей

полевой работы в Турции с 1991 по 2010 гг.

Я везде подаю фамилии в той фонетической форме, в которой они давались мне информантами, со всеми неизбежными фонетическими искажениями исходных форм. Фонетически точные формы большинства фамилий можно найти в моем «Словаре убыхских фамилий» (данное издание).

В данной работе я использую турецкий термин *иль* (*il*) для обозначения провинции, *ильче* (*ilçe*) для обозначения более мелкой административной единицы (субпровинция). Я перевожу турецкий термин *belediye* словом «район» (р-н).

Принятые сокращения: *дв.* — «двор», *нас.* — «население», *с.* — «село»; *абх.* — абхазский, *адyg.* — адыгейский, *лаз.* — лазский, *рус.* — русский, *тур.* — турецкий, *убых.* — убыхский язык.

Иль: **Адана** (Adana).

Ильче: **Джейхан** (Ceyhan).

(1) с. **Чокчапынар** (Çokçapınar//Çokça; А 385).

Нас.: количество убыхов неизвестно.

(2) с. **Дегирменли** или **Шевкие** (Değirmenli или Şevkiye) (А 385).

Иль: **Балыкесир** (Balıkesir).

Ильче: центр (merkez).

(3) с. **Богазкёй**//**Богаз Кёю** (Boğazköy//Boğaz Köyü; М 17, А 388, Ау 216).

Нас.: по данным Ау 216 на 1973 г. — 235 чел., все убыхи; в 2000 г. — 79 человек, среди которых убыхи (ок. 5 чел.), абадзехи, шапсуги (?) и др.

Убыхские фамилии: *Wonʒʲa* (< *Wánʒa*) и др.

Ильче: **Бандырма** (Bandırma).

(4) с. **Эдинджик** (Edincik).

(5) с. **Чинге** (Çinge; А 389). В османское время на этом ме-

сте была ферма султанского дворца, которая была затем отдана убыхам. Для ухода за фермой прибыли татары, которые впоследствии и стали владельцами большинства земель.

Нас.: по данным на 1973 г., из 100 чел. обитателей села, 41 – убыхи (Ау 216); ныне: убыхи (3 семьи), татары и др.

Фамилии: *X^wánžⁱa*.³⁵

Ильче: **Гёнен** (Gönen).

Р-н: **Центр** (Merkez).

(6) с. **Экшидере** (Ekşidere; А 389, Ау 217).

Нас.: по данным на 1973 г. из 261 чел. населения 170 были убыхи (Ау 217).

(7) с. **Караларчифтлиги** (Karalarçiftliği; А 389); в § 37: Karacalarçiftliği, в М 24: Karalar Çiftliği.

Нас.: по данным на 1923 г. (см. § 37), в этом селе насчитывалось 40 дв. «черкесов», 200 чел. (видимо, большинство убыхи). По данным на 1973 г., в селе было 189 жителей, все убыхи (Ау 217). Ныне ок. 20 семей убыхов, есть также адыгейцы.

Фамилии убыхов: *Gogén* (< *G^wagⁱán*; 10 дв.), *Kⁱec[’]ət* (4 дв.), *Šⁱaq^wəmda* (5 дв.),³⁶ *Šⁱhapl^á* (< *Sⁱhaplə*; выехали).

(8) с. **Караагачалан** или **Хамтыкёй** (Karaağaçalan или Hamtıköy).

По-убых.: *Xamtə-kój* «село (рода) Хамта» (*koj* < тур. *köy* ‘село’).

Нас.: ок. 40-50 чел. убыхов.

Фамилии: *Xamtə*, *Kⁱec[’]e* и др.

(9) с. **Чынарлы/Юкары Кечелер** (Çınarlı/Yukarı Keçeler); в § 36 и в М 24: Keçeler. Старое название села – Мехмет Алибей кёй, в честь основателя; другое название – Юкары Кечелер (Верхние Кече). Нынешнее название *Çınarlı* обязано растущим в селе платанам (чинарам; тур. *çınar*).

³⁵ Сообщение Berin Ertürk.

³⁶ Нет уверенности, что здесь *q^w*, а не *q^{’w}*.

Нас.: согласно проведенной в 1904 г. всеобщей переписи населения, из 480 жителей села, 114 родились на Кавказе и переехали сюда в результате Великого Исхода. По данным на 1923 г., в селе было 80 дв. и 400 чел. (§ 36); по данным на 1973 г., в селе было 297 жителей, все убыхи (Ау 217). Ныне убыхов ок. 130 чел. из общего числа ок. 225 чел.; остальные — 6 семей абадзехов (напр., *Тхау*^wəš'), а также абадзехские жены у убыхов и турки. Взрослые убыхи говорят по-адыгейски, дети — только по-турецки.

Фамилии убыхов: *Bay* (3 дв.), *Deč'en* (3 дв.), *Dəu*^w, *Dəpš'íow* (3 дв.), *G^wəž^w* (< *G^wəz^w*; 7 дв.), *ləš*, *Š'awq'o* (4 дв.), *Š'haplə* (9 дв.), *Zek^wa* (1 дв.), а также (в турецкой транскрипции) *Harat*, *Brüç*,³⁷ *Gkasım*, *Açtıuj*, *Mezergu*, *Lheserko*, *Psriç*. Часть населения в 1950–1960-х гг. выехала в города Турции или в Европу.³⁸

(10) с. **Муратлар** (Muratlar), в М 24: Muradlar.

По данным на 1923 г., в селе было 120 дв. и 600 чел. (§ 36). Ныне в убыхском квартале (махалле) села — ок. 30 семей; проживают также абадзехи. В свете этих данных информация И. Айдемира (Ау 217) о том, что все 518 чел. жителей села являются абадзехами, нуждается в корректировке.

Р-н: **Сарыкёй** (Sarıköy).

(11) с. **Армутлу** (Armutlu), по-убых. *Deč'en köy*; другое тур. имя — Сызыкёй (Sızıköy). Село основано представителями рода Дечен.

Нас.: по данным на 1973 г., из 262 жителей села все убыхи (Ау 217); ныне убыхов 30–35 дв., ок. 70 чел.; всего в селе ок. 140 чел., в том числе ок. 5–6 дв. помаков (болгарские турки), 1 двор — ногайцы (*ноуój*).

Фамилии: *Berzek* (3 дв.), *Deč'én* (5 дв.), *Dəpš'íow* (2 дв.), *Gogen* (?), *K'ec'e* (1 дв.), *Hatq*(?)^wáj, *Š'apsáy* (1 дв.), *Š'upako* (1 дв.), *Š'haplá*

³⁷ Ср. абадзехскую фамилию *Брыцу*.

³⁸ См. https://tr.wikipedia.org/wiki/Çınarlı,_Gönen.

(1 дв.), *Təʷəʒʲ* (3 дв.), *Wəʃʰe* (3 дв.), *Xamte//Xamát* (более 10 дв.), *Zabé* (3 дв.).

(12) с. **Дерекёй** или **Кечидере** (Dereköy//Keçidere); в § 37 и М 24: Keçi-deresi; убыхское название: *pšʲaqa kój* (А 389), искаженно от убых. фамилии *Psʷəqʷa*. Турецкое название обязано протекающему по середине села ручью (тур. *dere*). Во избежание путаницы с названием близлежащего села Юрюк-Кечедере, село называют Черкес Кечидере (*Çerkes Keçidere*). Основано убыхами в 1864 г., другая часть их переселилась сюда после 1878 г.³⁹

Нас.: по данным на 1923 г., в селе было 70 дв. и 350 чел. (см. § 36). Ныне убыхов в селе ок. 45 человек, ок. 12 дв.; проживают также абадзехи.

Фамилии: *Bedanəqʷa* (1 дв.; видимо, абадзехская фамилия), *Gogén* (1 дв.), *Gʷəzʷ* (3 дв.), *Pšʲaqa* (< *Psʷəqʷa*; 1 дв.), *Šxabe* (3 дв.), *Šʰaplá* (выехали), *Zékʷo/a* (2 дв.).

Ильче: **Маньяс** (Manyas).

Р-н: **Центр** (merkez).

(13) с. **Бёльгеагач (кёю)** (Bölgeağaç (köyü)). По-видимому, это же село имеется в виду в § 36 под названием *Bolcağaç* и в М 24 под названием *Börölce-Ağaç*.

Нас.: по данным на 1923 г. (см. § 36), в этом этнически смешанном селе насчитывавшем 160 дв., «черкесов» (включая убыхов) проживало 40 дв. (200 чел.). По данным на 1973 г., из 1257 чел. населения села 501 были убыхи (Ау 217); ныне: убыхи (ок. 30 дв.), шапсуги (5–6 дв.).

(14) с. **Чавуш кёю/Чавушкёй** (Çavuş Köyü//Çavuşköy). Село основал некто Самса Чавуш (Samsá Çavuş), который не был «черкесом».

Нас.: по данным на 1923 г. (см. § 37), в этом этнически смешанном селе насчитывавшем ок. 90 дв., «черкесов» (включая убыхов) проживало 20 дв. (100 чел.). По данным на 1973 г., из

³⁹ https://tr.wikipedia.org/wiki/Dereköy,_Gönen.

716 чел. населения села, 175 были убыхи (Ау 218). Ныне ок. 15 дв. убыхов, ранее было ок. 20 дв.; также адыги; всех – ок. 300 чел.

Фамилии: *Вау* (2 дв.; фамилия ворков/дворян; произносят и как *Вәүә*), *Čʹəragʹi* (3 брата и сестра), *Dečʹen* (2–3 дв.), *Gʷəžʹi* (< *Gʷəzʷ*).

(15) с. **Дере//Дерекёй** или **Элексе//Алекси** (*Dereköy//Elekse//Aleksi*) (А 390).

Нас.: по данным на 1973 г., из 313 чел. населения села 117 были убыхи (Ау 218).

(16) с. **Эшен** (*Eşen*); в М 24: *Jeşen*.

Нас.: абадзеи и убыхи (Ау 217). По данным на 1923 г. (см. § 37), в этом этнически смешанном селе, насчитывавшем ок. 60 дв., «черкесов» (включая убыхов) проживало ок. 35 дв. (ок. 175 чел.). По данным на 1973 г., из 453 жителей села, 231 чел. были абадзеи и убыхи (Ау 217).

(17) с. **Хайдар** (*Haydar*).

Нас.: убыхи, адыги. По данным на 1923 г. (см. § 37), в этом этнически смешанном селе, насчитывавшем ок. 120 дв., проживало ок. 90 дв. «черкесов» (ок. 450 чел.), включая убыхов. По данным на 1973 г., из 629 жителей села, 445 были убыхи (Ау 217).

(18) с. **Кулак** (*Kulak*).

Нас.: по данным на 1923 г. (см. § 37), в этом этнически смешанном селе, насчитывавшем 120 дв., проживало ок. 20 дв. (ок. 100 чел.) «черкесов» (включая убыхов). По данным на 1973 г., из 1274 чел. жителей села 71 чел. были убыхи (Ау 218). Ныне в селе убыхов осталось мало.

(19) с. **Соуксу** или **Эскиманьяс** (*Soğuksu//Eskimanyas*).

Нас.: по данным на 1923 г. (см. § 37), в этом этнически смешанном селе, насчитывавшем ок. 60 дв., «черкесов» (включая убыхов) проживало ок. 30 дв. (ок. 150 чел.). По данным на 1973 г., из 450 жителей села 341 чел. были убыхи и шапсуги (Ау 217).

(20) с. **Богазпынар** или **Мюрветлер** (*Boğazpınar//Mürvetler*); в § 36 и в М 24: *Mürüvvetler*. Убыхское название села: **Чызамыгу хабле** (*Čʹəzaməyʷ hable*).

Нас.: по данным на 1923 г. (см. § 36), из 120 дв. этого этнически смешанного села, «черкесов» (включая убыхов) было 50 дв. (250 чел.). По данным на 1973 г. из 1122 чел. жителей села 231 чел. были убыхи и шапсуги (Ау 218).

Убыхские фамилии: *Č'azamáɣ^w*, *T'aq'o* и др.

(21) с. **Тепеджик** или **Дюмбе** (Terescik/Dümbe); в § 36, 37: Dümbe; по мнению моих информантов, Дюмбе соответствует названию **Домбай** на Кавказе. Убыхское название села: *Dəwəmbá-qas'a* (Dumézil, Esenç 1981: 24).⁴⁰ Село основано в 1865 г. Разделено на убыхский квартал (*ubih mahallesi*) и абадзехский квартал (*abzah mahallesi*), либо квартал *Цыгуаныкуа* (*səɣ^wanəq^wa mahalle/suɣan(əq^wo) mahalle*).

Нас.: по данным на 1923 г. (см. § 36) из 90 дв. этого этнически смешанного села, 50 дв. и 250 жителей были «черкесы» (включая убыхов). По данным Иззета Айдемира на 1973 г., из 667 чел. жителей села 395 чел. были убыхи и шапсуги (Ау 218), хотя здесь нужна корректировка: в селе представлены не шапсуги, а абадзехи. В 2012 г. всех жителей было 303 чел. Из них ок. 30 чел. (10 дв.) убыхов, 15 дв. абадзехов и др.

Убыхские фамилии: *Xabát* (2 дв.), *Xarátq^wo* (1 дв.), *K'ec'e* (2 дв.), *Lówq^wa* (в тюркизированной форме: *Looko*; 1 дв.), *X^wənž'ja* (1 дв.), *Zéjš^wa* (< *Zájs^wa*; 3 дв.).

(22) с. **Еникёй** (Yeniköy).

Нас.: по данным на 1923 г. из общего числа 70 дв. этого этнически смешанного села, «черкесов» (очевидно, включая убыхов) было 30 дв., 150 чел. (см. § 36). По данным на 1973 г., из 817 чел. жителей села, 320 чел. были убыхи (Ау 218). Ныне в селе ок. 80 дворов, из них ок. 30 дв. убыхов.

Фамилии: *Berzék* (ок. 16 дв.), *Özdén* (ок. 10 дв.), *Bəž'nów* (?).

Ильче: **Маньяс** (Manyas).

(23) с. **Дарыджа** (Darıca), по убыхски *Darž'ja* (Dumézil, Esenç 1981: 15).

⁴⁰ См. также вариант *Dünbe Hable* в <http://archive.is/8Pyoj#selection-155.0-449.5>.

Нас.: по данным на 1923 г. (см. § 37), из 80 дв. этого этнически смешанного села ок. 30 дв. и 150 чел. были «черкесы» (включая убыхов). По данным на 1973 г. из 854 чел. населения села 210 были убыхи (Ау 218). Ныне убыхов осталось очень мало, оставшиеся сильно туркизированы. Проживает также один кабардинец.

(24) с. **Дегирменбогазы/Дерменбогаз** (Değirmenboğazı//Dermenboğaz), по-убыхски *Wárda:n-qasⁱ* (см. Dumézil, Esenç 1981: 15; убых. *qasⁱ* ‘село’).

Жители села — потомки переселенцев из одноименного убыхского села *Uárdan* (в русской передаче *Вардане*) в исторической Убыхии близ Сочи.

Нас.: по данным на 1923 г. в селе было 50 дв. и 250 чел. (§ 36). По данным на 1973 г. из 294 чел. населения села все были убыхи (Ау 218). Ныне: убыхи и адыги; также грузины (7–8 дв.), юрюки (этнографическая группа турок; 7–8 дв.), мухаджире (переселенцы из Балкан; ок. 10 дв.); всего ок. 40 семей, ок. 160 чел.

По рассказам моих информантов, ранее двое сельчан говорили по-убыхски.

Фамилии: *Šⁱxapla*//*Šⁱxapla* (6–7 дв.), *Čⁱarágⁱ*, ранее также *Zájs^{wa}*.

(25) с. **Хаджы Осман (кёю)/Хаджыосман** (Hacı Osman Köyü//Hacıosman), по-убых. *Hažⁱə Wosman qasⁱə* ‘село Хаджы Османа’ (Dumézil 1960: 70), либо *X^wənžⁱa hable* ‘село Хунджа’. Село основано Хаджы Османом из рода Чыу (*Čⁱ’əw*). Другое убыхское название: *Lak^wás^{wa}*, которое местные жители переводили мне с убыхского как «танцующий белый заяц» (?).⁴¹ Согласно Ж. Дю-

⁴¹ Ср. информацию о данном селе в турецкой версии Википедии: «Köyün Ubihça adı, *Lakaşhüe* (ya da *Lek’uāşe*) yani “yürüyen beyaz tavşan”dır” ([https://tr.wikipedia.org/wiki/Нациосман, Manyas](https://tr.wikipedia.org/wiki/Нациосман,_Manyas)) “Убыхское название села, *Lakaşhüe* (или *Lek’uāşe*) примерно означает ‘гуляющий белый заяц’; на другом сайте следующий вариант объяснения названия села Хаджыосман на убыхском: *lakhoşa* — büyük beyaz tavşan ‘Лакоша — большой белый заяц’ (<https://eksisozluk.com/ubihca--368971>); ср. убых. *la* ‘заяц’, *s^{wa}* ‘белый’.

мезилию (DA III: 25, 29), название *Lak^wás^wa* перенесено с названия долины на Кавказе, в которой доминировал род Хунджа и его вассалы.

Нас.: по данным на 1923 г., в селе было 50 дв. и 250 чел. (§ 36). В словаре Х. Фогта (V 64), содержащем данные на 1963 г., число дворов в селе — 60, число жителей — ок. 300. По данным на 1973 г. из 237 чел. населения села все были убыхи (Ay 218). Ныне, по моим данным (на 2009 г.), в селе проживает 117 жителей в более чем 30 дворах.

Село разделяется на абадзехский квартал (*Abzáx mahallesì*), квартал рода Хунджа (*X^wánž^la mahallesì*), убыхский квартал (*Ubuḥ mahallesì*), верхний квартал (*Yukarı mahallesì*).

Фамилии: *Abede* (2 дв.), *Zába* (5 дв. — абадзехи), *Č^larág^j* (1 дв.), *Č^law* (5 дв.), *Guž^j* (< *G^wəz^w*; 2 дв.), *Meš^lós^j* (3 дв.), *Pil^lás^j* (6 дв.), *Š^lxaplá* (выехали), *Txako* или *Taxo* (1 дв.), *X^wánž^la* (4 дв.). Кроме того, еще одна абадзехская семья (чьи старики говорили и по-убыхски, и по-абадзехски), и 3 дв. турок, не владеющих адыгским языком.

Генеалогии некоторых информантов.

Zába (тур. *Sonuk*) *Š^lemsettín* (1934 г.р.); отец — *Fuát*, дед *Ahmét* (прибыл с Кавказа в Турцию), прадед *Hasán* (жил на Кавказе); мать: *Š^laadijé Mel^lgóč^j* (из племени абзах), ее отец — *Zekerije*. Отец Шемсеттина, Фуат, был одним из информантов Джорджа Хьюитта в 1970-х гг. Хотя он был абадзехом (абзах), он владел убыхским языком.

Č^larəg^j Ali (1959 г.р.); отец — *Muhettín*, дед — *Ali*; мать: *Fatma Seven*, турчанка из Маньяса. Дед Али, Али Чавуш (*Č^larəg^j Ali Çavuş*) был главным информантом Месароша в 1930-х гг. Отец Али, по сообщению Ж. Дюмезиля (DA III: 35), также владел убыхским.

Родом из этого села был Али Саит паша или Али Саит Акбайтуган (*Ali Sâit paşa*, *Ali Sâit Akbaytuğan*), османский и турецкий военный деятель, генерал и политик из знатного рода Хунджа. В кафе в этом селе висит фотография Саид-паши в генеральской форме рядом с Ататюрком. О нем Ж. Дюмезиль (DA III: 30) сделал следующую ремарку: “*Ali Sâit paşa*, que Mustafa Kemal appréciait...”.

Уроженцем села был последний полностью компетентный носитель убыхского языка и главный информант Ж. Дюмезиля, Х. Фогта и Ж. Шарашидзе, Тевфик Эсенч (Tevfik Esenç; 1904–1992).

(26) с. **Хаджы Якуп кёю**//**Хаджыякуп** (Hacı Yakup Köyü//Насіуакүп).

Нас.: по данным на 1923 г. в селе убыхов было 60 дв. и 300 чел. (§ 37). По данным на 1973 г. убыхов было 227 чел. (Ау 218). В 2012 г. было более 20 дворов убыхов (55 чел.). Кроме того, 2 двора адыгейцев племени *hatkóĵ*, которые переехали из Адапазары. Имеется также 1 двор «фамилии» (или прозвища ?) *kaşıkcı*, букв. «продавец ложек».

Фамилии: *Až'ě* (2–3 дв.), *Berkók* [*Barhúk*] (1 дв.), *Č'əw* (согласно одному информанту, все *Č'əw* уехали в Стамбул, по сведениям других, еще есть 2–3 дв.), *Deč'än* (4–5 дв.), *G^wəž'j* (*G^wəz^w*; 1 дв.), *K'ec'e* (2 дв.), *Q^wóž'je* (< *K^wəž'á*; 3 дв.), *Vónž'ie*//*Wänž'ä* (< *Wánža*; 3 дв.), *X^wənž'ia* (5–6 дв.).

Основал село прибывший из Убыхии Чыу Якуп (*Č'əw Jak^wəp*); имя его сына было Хаккы (*Hakki*), внука — Джемиль (*Cemil*). Младший брат Якупа по имени Мухаджир был ребенком, когда их родители переехали в Турцию. В селе сохранились заброшенные дома Якупа и Мухаджира. В с. Дарыджа мне сообщили, что в с. Хаджы Якуп хорошо знал убыхский язык *Aziz Wenž'j* (*Wänž'ä*), который умер в 1970-х гг.; о нем упоминает Ж. Дюмезиль (DA III: 35) как о молодом человеке, говорившем на правильном убыхском языке.

(27) с. **Ышыклар** (*Işıklar*).

Нас.: по данным на 1923 г. из ок. 60 дв. этого этнически смешанного села «черкесов» (включая убыхов) было 15 дв. и 75 чел. (§ 37). По данным на 1973 г. из 317 чел. населения села 161 были убыхи (Ау 218). Ныне смешанное убыхско-адыгейское село (см. А 390), ок. 30–40 дв. (Кишмахов 2012: 734).

Фамилии: *G^wəž'j* (< *G^wəz^w*; 1 дв.), *Š'ixaplə* (1 дв.) и др.

Р-н: **Белде** (Belde).

(28) с. **Кызыл-кёй** (Kızıl-köy).

Нас.: очень мало убыхов.

Фамилии: *Berzek* и др.

Ильче: **Маньяс** (Manyas).

Р-н: **Шевкетие** (Şevketiye).

(29) с. **Дура** (Dura); в § 37: Durak.

Нас.: по данным на 1973 г. из 684 чел. населения села 331 были убыхи (Ау 218); ныне осталось ок. 5 дворов «черкесов».

(30) с. **Салур** (Salur); в § 37: Sallur, в М 24: Salır.

Нас.: по данным на 1923 г. из ок. 280 дв. этого этнически смешанного села «черкесов» (включая убыхов) было 30 дв. и ок. 150 чел. (§ 37). По данным на 1973 г. из 2118 чел. населения села 238 были убыхи (Ау 218). Ныне 5–6 дв. убыхов и адыгейцев (А 390).

(31) с. **Сюлейманлы** (Süleymanlı).

Нас.: по данным на 1923 г. из ок. 100 дв. этого этнически смешанного села «черкесов» (включая убыхов) было 35 дв. и 175 чел. (§ 37). По данным на 1973 г. из 897 чел. населения села 557 были убыхи (Ау 218). В селе два квартала, «черкесский» (убыхский?) и турецкий (см. А 390).

Иль: **Дюздже** (Düzce).

Ильче: центр (merkez).

(32) с. **Узунмуштафа** (Uzunmustafa), черкесское название (в турецкой транскрипции) — Tuğuj habl (Ау 236), т. е. адыг. *Тыгъуужъ хъабл*.

Абадзехи, убыхи. И. Айдемир (Ау 236) упоминает в числе жителей лишь 484 абадзехов, что нуждается в корректировке.

(33) с. **Бесланбей** или **Акынлар** (Beslanbey//Akınlar). Старое убыхское название — *Bigi-hable*.

Нас.: по состоянию на 1973 г. из 187 чел. обитателей села было 10 убыхских дворов (Ау 235); ныне: ок. 12 дв. убыхов, ок.

50 чел. Кроме того, 4 семьи абадзехов, приехавшие из пров. Бингёль. Старшее поколение владеет шапсугским или абадзехским диалектами адыгейского.

Убыхские фамилии: *Big* (2 дв.), *Dowbá* (2 дв.), *K'es'e* (уехали в Дюздже), *Š'əmət'* (1 дв.) и др.

(34) с. **Чакырлар** (Çakırlar), черкесское название: *Nažeq^wa-hable*.⁴²

Нас.: 5 дворов убыхов, также адыгейцы (8 дв.), кабардинцы (2 дв.) и др.

Фамилии убыхов: *Š'əmət'* (5 дв.); адыгейские: *Хор'aš'əž'* (5 дв., шапсуги), *Baté* (3 дв.) и др.

(35) с. **Эсенкёй** или **Мергич** (Esenköy//Mergiç) (A 393); согласно И. Айдемиру (Ay 236), убыхское название — *Dij habl*, более точно: *Dəz'ə habl*, по имени главной фамилии.

Нас.: по данным на 1973 г. 142 убыха (Ay 236).

(36) с. **Хатип кёю** (Hatip Köyü).

Нас.: 4–5 дворов убыхи, остальные шапсуги. Старшее поколение владеет шапсугским.

Фамилии убыхов: *Xamt'á* и др.

(37) с. **Киремитоджагы** или **Хюсейинбей** (Kiremitocağı//Hüseyinbey) (A 393); по Ay 236: черкесское название — Геджи хабль (*Geci habl*).

Нас.: согласно данным на 1973 г., из 295 жителей — большинство убыхи (Ay 236).

Неясно, является ли это село тем убыхским селом *Keremitlik*, о котором сообщает Ж. Дюмезиль (DA III: 36); по его информации, по крайней мере, к 1960-м годам убыхский язык в селе был уже забыт.

(38) с. **Кутлу//Амджахасанбей//Амчы хабле** (Kutlu//Amcahasanbey//Amçı hable) (A 393); в Ay 235: *Amcahasan bey/Hamcıhabl*. Село основано Хасанбеем по фамилии Амчы (Amçı Hasan Bey). В селе доныне живут потомки основателя села. Ны-

⁴² Ср. название абадзехского аула *Нежуко-Хабль* в Дубровин (1871: 86).

нешняя форма названия села — *Amcahasanbey*, возможно, по ассоциации с тур. *атса* «дядя» (читается «дядя Хасанбей»). Другое адыгейское название села — *Убых хьабле* (*Ubih Hable*).

Переехавшие сюда позже турки из причерноморских провинций назвали село и его обитателей *Ubuk* (искаженное *убых*). Название не так давно было изменено на турецкий лад — Кутлукёй («Благословенное село»);⁴³

По данным на 1973 г. жителей — 143 чел., все убыхи (Ау 235). На время основания села, помимо убыхских семей, было также некоторое количество абхазских. Фамильное имя основателя села — абхазское: *Амчы́, Ём(ы)ч-ба*, что может указывать на смешанный (убыхско-абхазский) состав села на Кавказе.

(39) с. **Пашаорманы/Паша Орманы** или **Ибрахимбей** (Paşaormanı/Paşa ormanı //İbrahimbey) (А 393, Ау 236). В одном из кавказских изданий Турции дается как *Muncurlu Paşaormanı*.

Старое адыгейское название села — Чеса-хьабле (*Çesahable*), вариант: *Ubih hable* ('убыхское село');⁴⁴ по И. Айдемиру (Ау 236), *Çise habl*. Старое турецкое название — Кестане кёю (*Kestane köyü*), т. е. 'Каштановое село'.⁴⁵

Нас.: по данным на 1973 г. убыхского населения села было 160 чел. (Ау 236).

Фамилии убыхов (в турецкой транскрипции): *Beşeğa* (2 дв.), остальные, по-видимому, не убыхи.⁴⁶

(40) с. **Сарайери** или **Шапсыг** (Sarayıeri//Şapsığ) (А 393). Адыгейское название села — *КъоукЪэ-хьаблэ* (в тур. транскрипции *Kovk'ehable/Qoukvehable*), согласно И. Айдемиру (Ау 236) — *Xkivkohabl*. Название по имени основателя села Ислама по фамилии *КъокЪы* (*Kovk'ı İslam*), откуда и название села *КъокЪэ хьабле* (*Kovk'ehable, КъоукЪэ-хьаблэ*).

⁴³ См. https://tr.wikipedia.org/wiki/Kutlu,_Düzce.

⁴⁴ Ubih Yilmaz, устн. сообщ.

⁴⁵ См. https://tr.wikipedia.org/wiki/Paşaormanı,_Düzce.

⁴⁶ Ubih Yilmaz, устн. сообщ.

Село основали в 1864 г. убыхи и шапсуги, что может отражать смешанный убыхско-шапсугский характер исходного села на Кавказе. Первыми прибыли ок. 9 семей в пункт Акчашехир (ныне город Акчакоджа). Они привезли с собой горсти земли, саженцы огородных трав и фруктов с Родины. Сначала поселились в местности Мелен (адыг. *Мэлэн кІэи* 'долина реки Мелен'), но из-за затоплений поднялись на более возвышенную и покрытую лесами местность, которую стали благоустраивать. Первым поселился Коуки Ислам (*КъоукІыи Ислам*) и три семьи из его рода, две семьи Хапый (*Хъапый*), семья Абрег (*Абрэгъ*), семья Ныбе (*Ныбэ*) и семья Натхо (*Натхъуэ*). В 1878 г. из Румели (из Балкан) переселились и другие черкесы, которым сельчане дали землю. Прибывшие позже фамилии: Гырбы (*Гъырбы*), Ацумызь (*Ацумыжъ*), Чачыху (*КІакІыхъу*), Огул (*УэгъуылІ*), Тлише (*Лпыщэ*), Хамтыу (*Хъамтыу*), Бате (*Батэ*), Тлиф (*Лпыф*), Хайдеч (*ХъайдэчІ*), Бежимкуэ (*Бэкъымкъуэ*), Мамхыг (*Мамхыгъ*), а также одна абхазская (*азгъэ*) семья. В основном все, по-видимому, были шапсугами и убыхами, кроме *Бэкъымкъуэ*, *Гъырбы* и *Лпыщэ*, которые были абадзехами.

Разговорным языком села ранее был шапсугский диалект адыгейского, которым ныне владеют лишь люди старшего и среднего возраста, тогда как молодежь говорит в основном на турецком. Кроме «черкесов», в село переселились турки из черноморской провинции Орду (т. н. *ордулу*) и курды. В соседнем селе была площадь, которую называли площадью для молений; там стоял столетний дуб, который называли священным деревом.⁴⁷

Нас.: по данным на 1973 г., убыхского населения было 234 чел. (Ау 236).

Иль: **Бурса** (Bursa).

Ильче: **Караджабей** (Karacabey).

(41) город **Караджабей** (А 395).

⁴⁷ См. https://tr.wikipedia.org/wiki/Sarayyeri,_Düzce.

Иль: **Хопа** (Нора).

Р-н: Центр (merkez).

(42) один квартал в городе — убыхский (BS).

Иль: **Коджаели** / **Измит** (Kocaeli / Izmit).

Ильче: **Картепе** (Kartepe).

(43) с. **Машукие** (Maşukiye) (M 17, A 403); убыхское название — *Woçbe Hable*// *Wač'əbə-habl* (LO 141)//*Wač'əba-habl* (Dumézil 1959: 57).

Основателем села был Муратбей из рода Уачыба; ср. у Ж. Дюмезиля (DA III: 22): «le fondateur — Murat-bey, de la famille *Wač'əba*»; в турецкой транскрипции: *Öçbe Murat Bey*. По Дюмезилю (там же), второе название села — Бююк Дербент (Büyüik Derbent).

По данным И. Айдемира (Ay 230), на период 1973 г. в селе было 156 убыхов и адыгов. Ныне в этом большом селе проживает ок. 5000 человек, из них ок. 100 семей убыхов, ок. 10 семей абхазов и, согласно A 403, также шапсуги. Абхазы прибыли в село позже убыхов, в основном по причине брачных связей. Живут здесь также прибывшие позже картвелы-лазы (тур. *mohti laz-lar* 'лазы-мохти')⁴⁸ и причерноморские турки.

Старшее поколение убыхов владеет адыгейским языком (шапсугский диалект, а также «мамхыгъ», форма темиргоевского диалекта адыгейского). В 1960-х гг. Ж. Дюмезиль в этом селе зафиксировал наличие четырех последних убыхофонов (DA III: 22).

Убыхские фамилии: *Berzek* (2 дв.; приехали из Бандырмы), *Č'əf* (2 дв.), *Fəg^w* (2 дв.), *Xamáta*//*Xamt'a* (4-5 дв.), *Oč'aš'e* (3-4 дв.), *Pš'ak-lar* (1 дв.), *Š'əpələ* (1 дв.), *Woč'əba* (ок. 20 дв.).

Село знаменито тем, что из него в османское время вышло много пашей убыхского происхождения. Оно располагается недалеко от Стамбула, и многие убыхи, получив высшее образова-

⁴⁸ Вариант — *komoxti*; наименование лазов, основанное на лаз. (ko-) *moxti* 'иди сюда!'.

ние, стали преподавателями, врачами, сделали хорошие карьеры в Османской Турции (BS). Первой женщиной — главой муниципалитета в Турции (в Измите) была уроженца села Лейла Атакан (*Leyla Atakan*) из убыхского рода Пилохе (*Pilohe*). Отцом ее был Хасан Атакан паша, известный деятель периода войны за независимость Турции (*Kurtuluş savaşı*), также уроженец данного села, мать — абхазка из рода *Калзбы*.⁴⁹

(44) с. **Аджису** (Acisu).

Нас.: убыхи (3 дв.), также абхазы, адыги, турки, лазы.

(45) с. **Узунтарла (кёю)** (Uzuntarla köyü); убых. название, записанное Ж. Дюмезилем: *Наҭетаҭо-һабл* (LO 141), в моей записи: *Наҭ'атаҭ^{wa}-һабл* (информанты указывают, что это абадзехское название).

Нас.: по данным Ж. Дюмезиля: убыхи, шапсуги, абадзехи, кабардинцы, грузины (LO 141). По моим данным: убыхи, адыгейцы (абадзехи, мамхеги = *мамхыгз*), кабардинцы-бесленеевцы, также лазы, курды, болгарские турки (мухаджиры). Из ок. 600 жителей, ок. 150 семей «черкесов».

Фамилии убыхов: *Berzék'* (3 дв., известны также как *Daq'o*, по имени их деда); *y^wəč'ež'əje* (2 дв.), *Jebž'ón* (7 дв.), *Jezək'ko* (2 дв.), *Š'hapli* (выехали), *Voč'je* (5 дв.), *Xamat* (?).

По сведению Ж. Дюмезиля, относящемуся к началу 1930-х годов (LO xiii), некоторые сельчане понимают убыхский, но говорят на нем плохо. По сообщению моих информантов, ныне все старшее поколение убыхов владеет адыгейским (абадзехским диалектом ?). Молодежь тоже в большей или меньшей степени владеет адыгейским языком. Как сообщают, последний человек, знавший в селе убыхский — Цуле (*C^wəle*) Эсма, умершая ок. 50 лет назад (запись 2010 г.).

(46) с. **Кетендже//Кетенджилер кёю** (Ketence//Ketenciler köyü), по-адыгейски *Наҭетаҭä-һабл* (LO 141).

Нас.: 6–7 дворов убыхов; также адыгейцы (шапсуги, абадзехи, темиргоевцы). Всего ок. 140 дв., ок. 500 чел.

⁴⁹ См. https://tr.wikipedia.org/wiki/Maşukiye,_Kocaeli; Агуажба (2014: 505).

Убыхские фамилии: *K^waš*, (в турецкой транскрипции) *Rıfatiko* и др.

Иль: **Кахраманмараш** (Kahramanmaraş).

Ильче: **Андырын** (Andırın).

Р-н: **Чокак** (Çokak).

(47) с. **Акифие** (Akifiye).

Нас.: убыхи, шапсуги, абадзехи, кабардинцы (А 405).

Фамилии: *Berzeg^j* (ветвь *Babuk*), *Mezihok* (4 дв.) и др.

Ильче: **Гёксун** (Göksun).

Р-н: Центр (merkez).

(48) с. **Бююкчамурлу** (Büyükçamurlu).

Нас.: убыхи, шапсуги, абадзехи (А 405). В зимний сезон население составляет ок. 20 дворов, в летний сезон из городов в свои старые дома приезжают еще ок. 130 семей.

Фамилии: *Berzeg^j* (ветвь *Babuk*), *Dəy^w*, *Deč'en*, а также (в турецкой транскрипции) *Ajuk*, *Mezihok* (5 дв.), *Meçodz*, *Şhaniko*, *Koçako*, *Thatse*.

Иль: **Орду** (Ordu).

Ильче: **Унье** (Ünye).

(49) с. **Дёшемедиби** (Döşemedibi köyü) (SB).

Нас.: ок. 15–20 дв.

Фамили: *G^waž^j* и др.

Убыхский забыт, некоторые сельчане говорят на адыгейском (по данным BS).

Иль: **Сакарья** (Sakarya).

Ильче: **Адапазары** (Adapazarı).

Р-н: центр (merkez).

(50) с. **Ахмедие** (Ahmediye), по-убыхски *Dižü-habl* (LO 141), то есть, очевидно, *Dəz^jə-habl*.

По сведениям Ж. Дюмезиля (LO xiii), уже к началу 1930-х годов убыхский язык в селе был утрачен. Ныне, возможно, большинство жителей — лазы.⁵⁰

Ильче: **Акйазы** (Akyazı).

(51) с. **Салихли//Салихие** (Salihli//Salihkiye); «черкесское» название (в турецкой транскрипции): *Diğî Hable*, т. е. *Dəy^w hable*. Названо по имени основателя села, Салих-бея из рода Дыгу (*Dəy^w*). Родственники данной фамилии проживают в селах провинций Самсун и Мараш (ильче Göksun).

Нас.: убыхи, также шапсуги, в целом ок. 20-25 дв.; также переселившиеся сюда с начала 1960-х гг. «лазы» и юрюки.

Убыхские фамилии: *Dəy^w* (12 дв.), *Pahho* (?) (2 дв.). Фамилии шапсугов: *Natx^{wo}* (2 дв.), *Xantuw* (2 дв.) и др.⁵¹

Ильче: **Гейве** (Geyve).

(52) с. **Богазкёй** (Boğazköy); прежнее название: *Şahanbey köyü* ('село Шаханбей'), по-абх. *Чы́уаа ркы́џа* 'село (рода) Чыу'. Село основано ок. 1864 г. садзским князем Шаханбеем Чыу, который прибыл с несколькими десятками других абхазских и убыхских семей.⁵² Село расположено в гористой местности, ввиду бытовавшей ранее угрозы малярии в низменных болотистых районах района Сакарьи.

Нас.: ок. 25 дв., ок. 50 чел. Население — смешанное убыхско-садзское. Позже в селе поселились также грузины (с 1890-х гг.) и лазы, в 1950-х гг. поселились турки-ордулу, а в 1970-х гг. — причерноморские турки (т. н. «лазы») из Самсуна и Трабзона.

⁵⁰ Selale Yilal (Стамбул), устн.сообщ.

⁵¹ См. https://tr.wikipedia.org/wiki/Salihkiye,_Akyazi. (ресурс использован 23.05.2015, 14:06).

⁵² По альтернативной версии информанта Ведата Акалцба из с. Богазкёй, село было основано его дедом по матери Хитом Омурхуа (*Хьыт́ Омұрхәа*).

Пожилые убыхи говорят по-садзски, родной язык давно утрачен. Местные жители уже плохо владеют и абхазским. Самый старый человек, с которым я беседовал, был убых Веджыхи Омурхуа (Омұрхәа), который хорошо говорил на садзском диалекте. Он сообщил, что только его дед и бабка знали убыхский, и общались на нем между собой, если нужно было что-то скрыть от детей. Согласно ему, здешние убыхи являются потомками выходцев из места в Убыхии называемого Бытха (Бьтхәа).

Фамилии обабахизившихся убыхов: *Ажәдахәа*, *Гәымыла-а//а-Гәымылба*, *Ёрымхәа(а)*, *Омұрхәа//Аймырхәа* (3 дв.), *Тлап-сыхәа(а)*, *Уасцәа*, *Уазбыхәа*.

Ильче: **Хендек** (Hendek).

(53) с. **Чайырбашы** (Çayırbaşı).⁵³

Нас.: убыхи и абхазы.

Ильче: **Сапанджа** (Sapanca).

Р-н: Центр (merkez).

(54) с. **Акчай** (Akçay), убых. название: *Txožⁱ hable*.

Село было основано Мехмет-Али Тхожем (*Mehmet-Ali Txožⁱ*), дедом моего информанта Ресмие Тхожь (*Resmiye Txožⁱ-px^wә*), которая родилась в 1912 г. в с. Акчай и на момент моего интервью (осенью 2001 г.) жила в с. Кыркпынар. Имя ее отца было Тахсин Келеметтин (*Tahsin Kelemettin*), а матери — Фериде Чохуа (*Ferida Čⁱox^wә*). Последняя родилась в Бандырме, имя ее отца было Фыжь (*Fəžⁱ*), а фамилия матери — Цуле (*C^wälé*, произносится [C^wulé]).

Нас.: ныне из 756 жителей села (данные 2007 г.) убыхи составляют весьма малое число; проживают также лазы и грузины (А 408).

Прежние убыхские фамилии в с. Акчай: *C^wälé*, *Dečⁱen*, *Kⁱec^e*, *Txožⁱ* и др.

⁵³ См. https://tr.wikipedia.org/wiki/Çayırbaşı_Hendek. (песуьс использован 31.05.2015, 07:50).

(55) с. **Кыркпынар**, старое название **Кыркпынар Шадие** (Kırkpınar Şadiye). Считается, что село было названо губернатором провинции по имени первой родившейся в селе убыхских переселенцев девочки, названной Шадие. В после-османское время часть «Шадие» из названия села была убрана. Основал поселение ок. 1864 г. Мысауст (в тур. транскрипции *Musavest*) Чызамыгуа и его сородичи, на что указывает и убыхское название села: *Čʼəzaməwʷa habl(e)* ‘село Чызамыгуа’.⁵⁴ Место для села было выбрано Мысаустом из-за его схожести с Сочи — сочетание горного пейзажа и водного пространства — крупного озера Сапанджа. Село состоит из трех кварталов (махалле): *Hasan Paşa mahallesi, Soğuksu mahallesi, Tepebaşı mahallesi*.⁵⁵

Первоначально в селе поселилось 10, в основном, убыхских семей, среди которых была также абхазская семья Дбар (см. ниже). По данным Ж. Дюмезиля (ЛО 141), относящимся к началу 1930-х гг., кроме убыхов, в селе проживало также небольшое количество абхазов и абадзехов. Кроме того, с северо-востока Турции сюда переехали картвелы-лазы, турки из причерноморских провинций и грузины-мусульмане (аджарцы). Все это существенно повлияло на демографический состав села, превратив убыхов в незначительное меньшинство. Ныне жителями являются убыхи, лазы, грузины и турки, общем числом более 6 тысяч человек.

По информации жителя села Хасана Чызамыгуа, женатого на грузинке, селу 115 лет. Перед тем, как поселиться здесь, убыхи жили вначале где-то в другом месте в гористой местности, опасаясь болот и связанной с ними угрозы малярии. На момент интервью (2001 г.) в селе было только 6 чисто убыхских семей

⁵⁴ Ж. Шарашидзе (Charachidzé 1990-91: 227) отмечал, что убыхи не использовали в названиях сел слова *habl(e)*, которое является адыгейским оформлением названий сел.

⁵⁵ https://tr.wikipedia.org/wiki/Kırkpınar,_Sapanca.

(«настоящих черкесов»). Большинство же жителей сейчас — картвелы-лазы (*komoxti*) и грузины-мусульмане, которые переселились в это красивое место с северо-востока Турции. По сообщению Ж. Дюмезиля (DA III: 24), лазы в этом селе говорят на хопском диалекте.

Проживает также один абхаз по имени Фахри Урал из (бзыпского) рода Дбар, 1929 г. р., чья мать и жена — грузинки. Его отец Хабрак (*Habraq'*) попал в Турцию в возрасте 9 лет. На Кавказе семья Дбаров проживала рядом с убыхским родом Чызамыгуа, вместе с которыми они и переселились в Турцию.

Одним из последних носителей убыхского языка в селе был Хикмет-бей Чызамыгуа, который был квалдрингвом и знал, помимо убыхского и турецкого, также абхазский (его мать и жена были абхазами) и адыгейский (LO xiii); он умер в начале 1960 гг. (DA III: 21).

Убыхские фамилии: *Berzeg^j* (выехали), *Č'əzaməɣ^wa*, *Q^wəs^w*, *Š'xaplə*.

(56) с. **Курткёй**//**Курт кёю** (Kurtköy//Kurt köyü).

Нас.: убыхи, абхазы, абадзехи, лазы (А 408).

Село представляет собой продолжение с. Янык (см.). Между лазами и убыхами и другими «черкесами» из с. Янык установились брачные связи. Одним из последних убыхофонов в данном селе был, по сообщению Ж. Дюмезиля (DA III: 21-22) Hüseyin Hunca (*X^wənž^ja*), который владел также абхазским и адыгейским.

(57) с. **Янык (кёй)** (старое имя **Янык Шаркие кёю**) (Yanık (köy)//Yanık Şarkıye köyü) (А 408), убыхское название: *X^wənž^ja hable*; вариант: *Mustafa-bey X^wənž^ja hable*.⁵⁶ Согласно Ж. Дюмезилю (DA III: 266), село было основано Решитом Хунджа (Reşit Hunca, убых. *Reš'át X^wənž^ja*). По другой информации, основателем села был Хунджа Мустафа-бей (*Hunca Mustafa Bey*),⁵⁷ что подтверждается и названием села, приведенным выше. На с. 22

⁵⁶ Информация *Susran X^wənž^ja*.

⁵⁷ См. <http://www.nisanyanmap.com/?y=&t=Sapanca&u=1&ua=0>.

своей книги Дюмезиль уточняет, что село было основано совместно представителями рода *X^wənz̃ʲa* и *Wəz^wda*.

Согласно уроженцу села Сусрану Хунджа (*Susrán X^wənz̃ʲa*, 1976 г.р., с. Янык; интервью 2010 г.), переехавшие в 1864 г. в Турцию предки жителей данного села вначале (в 1864 г.) поселились во Фракии (европейская часть Турции), но из-за малярии через год, в 1865 г., вынуждены были переехать в данное место, где основали нынешнее село Янык, которое своим зеленым ландшафтом и наличием воды напоминало Кавказ.

Название районов села: *Yanin mahallesi*, *Lak'ós̃ʲa mahallesi*. Следует отметить, что название квартала *Lak'ós̃ʲa* (< *Lak^wás^wa*) совпадает с убыхским названием села Хаджыосман (см. выше), что может указывать на то, что население обоих сел представляет собой переселенцев из одноименного села в Убыхии, находившегося под главенством рода *X^wənz̃ʲa*.

По данным Ж. Дюмезиля, одним из последних убыхофонов в этом селе был Ильяс, который умер в 1955 г. (DA III: 21). По сведениям А. Мукба, последним, или одним из последних, кто знал убыхский в этом селе, был *Kadır K'ec'e*, с которым гость из Абхазии общался в 1988 г.⁵⁸

Нас.: ок. 90 семей «черкесов», включая ок. 6 семей абхазов и 2 семьи кабардинцев, приехавших из Ёзгата; всех – ок. 600 человек, среди них много новых поселенцев извне, в том числе (ко) мохти-лазы. У убыхов много абхазских жен из близлежащих сел.

Убыхские фамилии: *C^wále* (в туркизированной форме [č'úle]; 3 дв.), *Dəṭ^w* (4 дв.), *G^wəž̃ʲ* (3 дв.), *Jebž̃ʲán* (2 дв.), *K'ec'e* (в туркизированной форме [kéze]; 7 дв.), *L'ák'a* (4 дв.), *Š'ába* (6–8 дв.), *Š'áma* (2–3 дв.), *Š'haplə* (5 дв.), *Wóč'əba* (не остались), *X^wənz̃ʲa* (9 дв.; из них 3 семьи переехали в Германию), *Žude* (< *Z^wədá*; 5 дв.). Кроме того, 2 абхазских рода, чьи предки переехали в Турцию вместе с убыхами в 1864 г.: (в туркизированной форме) *Gežóha* (5 дв.) и *Dox^wəx^w* (1 дв.).

⁵⁸ См. Мукба 2012: 261.

(58) **Махмудие** (Mahmudiye).

Село основал Имам Ахмет-бей из рода Шхаплы (*Shapli İmam Ahmet Bey*), прибывший с 10 семьями убыхов из района Сочи в 1864 г. по фирману (указу) Падишаха Османской Империи султана Абдул Азиз Хана. Ахмет-бей был первым старостой (мухтаром) этого села, откуда и его прозвище Мухтар Ахмет (*Muhtar Ahmet*). Место села было выбрано переселенцами в виду того, что пейзаж очень напоминал сочинский. С 1893 г. в село переехали также грузины-мусульмане, а с 1980-х гг. появилось много новых поселенцев с разных районов Турции.⁵⁹ Общее число жителей в 2000 г. было 623 чел. Количество убыхов и фамилии неизвестны. Ныне большинство жителей, по-видимому, грузины.⁶⁰

Иль: **Самсун** (Samsun).

Первые убыхские переселенцы в Самсуне, как и адыги, вначале высадились в Бафре, но ввиду нездорового климата и болотистой местности последней заболели малярией и погибли в большом количестве. Выжили только те, кто сумел поселиться на холмах и возвышенных местах (сообщено BS).

Ильче: **Кавак** (Kavak).

(59) с. **Бюкджегиз**//**Бюкджувез** (Bükceğiz//Bukcuvez).

Основано убыхами в 1867 г.⁶¹

Нас.: по данным на 1973 г., 107 жителей, все убыхи (Ay 229); ныне 15 дв., ок. 100 чел., также 1 дв. шапсугов (фам. *Mezəx-q^{wa}*, по имени прапрадеда, *Mezəx*, приехавшего с Кавказа).

Фамилии убыхов: *Berzeg^j* (3 дв.), *Dəpş'ów* (1 дв.), *Laku//Lahu//*

⁵⁹ https://tr.wikipedia.org/wiki/Mahmudiye,_Sapanca.

⁶⁰ См. <http://www.nisanyanmap.com/?y=&t=Sapanca&u=1&ua=0>.

⁶¹ http://tr.wikipedia.org/wiki/Bükceğiz,_Kavak.

Laho (6 дв.),⁶² *Mezdóy^w* (3 дв.), *Xasbolát* (1 дв.), *Š'apsáy* (1 дв.). Кроме того, несколько турецких дворов (в том числе 1 двор очеркесившихся турок).

Разговорным языком является, помимо турецкого, шапсугский диалект адыгейского. Информанты не помнят, чтобы в селе кто-либо знал убыхский язык.

(60) с. **Карapyнap**//**Караджaпынap** (Karapınar//Karacasarpınar), старое название Teknesik.

Нас.: по данным на 1973 г. убыхов 181 чел. (Ay 229). Ныне ок. 20 дв., ранее было 40 дв. (по другим данным — 70 дв.), но многие уехали.

Фамилии убыхов: *Berzegⁱ*, *Dəy^w* (3 дв.), *Dəşjów* (3 дв.), *Txáx^wa*// (в турцизированной форме) *Txaxó* (5 дв.). Кроме того, несколько дв. абадзехов фамилий *Bedanáq^w(a)* и *K^wəračⁱ*.

Помимо турецкого, старшее поколение говорит на шапсугском диалекте. Информанты не помнят, чтобы в селе кто-либо говорил по-убыхски.

(61) с. **Чаталтепе**// старое название **Чакаллы Мухаджир-лери** (Çataltepe // Çakallı Muhacirleri).

Нас.: по данным на 1973 г., убыхов 120 чел. (Ay 229).

(62) с. **Гермиян** (Germiyan).

Нас.: убыхи, абадзехи. У Айдемира (Ay 229) указано как абадзехское село. В 2000 г. население составляло 55 чел. Сохраняется национальная кухня. На странице турецкой версии сайта Википедия, посвященной этому селу, среди элементов национальной кухни упомянуты *haluj* (адыг. *хьалыжѳу* ‘пирог с сыром’) и его синоним *hambal*,⁶³ что явно соответствует абх. *a-ḡamnáł* ‘вареная лепешка’.

⁶² Судя по генеалогической линии информанта *Yavuz Sarak* (*Laho*) (1943 г.рожд.), его фамилия *Laho* может происходить от личного имени прапрадеда: *Yavuz* < *λ'əxakamulah* < *Şakir* < *İdris* < *Láho* < *Kenán*.

⁶³ http://tr.wikipedia.org/wiki/Germiyan,_Kavak.

(63) с. **Капыхаят** (Karıhayat).

Нас.: по данным на 1973 г. убыхов 72 чел. (Ау 229); ср. 66 чел. в 2000 г. В селе остались две убыхские фамилии в составе 5 дворов (в турецкой транскрипции): *Gogen, Gecce*.

(64) с. **Карлы** (Karlı); старое название: *Karlıkavallı*.

Село основано в 1864 г., основателями были Пытаж (*Pıtaj*) и Хромой Хасан (*Topal Hasan*) из рода Уге (*Uge*). Село разделено на 4 квартала: *Wəbáx hable, Maxoš hable, Ace hable, Koč'áxe hable*. Как сообщает информант *Ahmet Təy"а* (1934 г. рожд.), даже в 1864 г. приехавшие в это место убыхи уже не знали убыхского языка и говорили по-адыгейски.

Нас.: по данным на 1973 г. 213 убыхов (Ау 229). Ныне ок. 100 дв. убыхов (по другим данным — 50 дв.) и ок. 35 дв. адыгейцев-махошевцев (*maxoš*), которые переехали в село ок. 14 лет назад (запись 2010 г.). Также 1 дв. лазов и 40 дв. турок (позднейшие поселенцы).

Убыхские фамилии: *Ace* ([Аце]; некоторые произносят *Assá*, на турецкий манер, где нет согласного *ц*; 10–15 дв.), *Beri* (4 дв.), *Berzegⁱ*, *Dəy"e* [*Duy"e*; другие произносят как *Təy"а*] (5 дв.), *Dəpš'ów, l'əfə* (5 дв.), *T"əbe* [произносят так же как *çüre* или *č"əpé*] (ок. 30 дв.), *Woč"e* (6 дв.) и др. Представители рода Дыпшоу переселились сюда из с. Татлыджак (ильче Ладик, иль Самсун), представители рода Берзег — из с. Топтепе.⁶⁴

(65) с. **Doruk köyü/Енитоптепе**, старое название **Топтепемухаджирлери** (Yenitöptepe//Töptepemuhacırleri) (А 411).

Нас.: по данным на 1973 г., 392 убыхов и абадзехов (Ау 230). Ныне ок. 20 дв., ок. 100 чел.

Убыхский язык замещен шапсугским диалектом адыгейского и турецким языком. Лишь деда и бабки моих информантов, которым на момент интервью (в 1994 г.) было 65–75 лет, владели убыхским. Старики утверждают, что убыхи прибыли в

⁶⁴ https://tr.wikipedia.org/wiki/Karlı_Kavak.

село 130 лет назад, т. е. в 1864 г. Сообщение Айдемира (см. выше) о наличии абадзехов нуждается в корректировке.

Нас.: ок. 15 дв. убыхов.

Фамилии убыхов: *G^wog'én*, *K'ec'e*, *Trəx^w* (5–6 дв.; во время второго интервью в 2010 г. информанты произносили фамилию на турецкий манер *Turúx* или *Turk^wa// Turk^wo*), *Wəsqo* (4–5 дв.).

(66) с. **Сыралы** (Sıralı). Старое название села — Сырах (*Sırah*).⁶⁵

Нас.: по данным на 1973 г., 170 убыхов и абадзехов (Ау 229), ср. 64 чел. в 2000 г.

Убыхские фамилии (в турецкой транскрипции): *Batko*.

(67) с. **Топтепе** (Toptepe).

Фамилии: *Берзегь* и др. Разговорный язык старшего поколения — адыгейский язык.

Ильче: **Алачам** (Alaçam).

(68) с. **Сарылык (кёю)** (Sarılık (köyü)).

Ранее убыхское село с 1 кварталом абадзехов.

Нас.: ок. 3 дв.; остальные (ок. 27 дв.) адыгейцы (абадзехи или махоши). Общее число жителей в 2000 г. было 102 чел.

Убыхские фамилии: *dəy^w*, *y^wək'ja* (связано с названием поселения *y^wək'ja hable*), *berzég^j*. Абадзехские фамилии: *baɣ*, *λ'əş^je* и др.

(69) с. **Зейтинкёй** (Zeytinköy).

Нас.: убыхи и адыгейцы-махоши (А 409).

(70) Ильче: **19 Мая** (19 Mayıs//Ondokuzmayıs), старое название: Engiz, ранее было убыхским селом.

Фамилии (в турецкой транскрипции): *Big*, *Dıcı* (= *Dəz'ə* ?). Ранее проживали также *Pşohk* (*Ps^wəq^wa* ?; известны и как *Badijç*) и *Habrak*, впоследствии переселившиеся в Бафру. Всего при основании было ок. 26 семей. В квартале Верхний Енгиз (*Yukarı Engiz mahallesi*) живет убыхская семья *Dıcı* (= *Dəz'ə* ?).⁶⁶

⁶⁵ https://tr.wikipedia.org/wiki/Sıralı,_Kavak.

⁶⁶ Сообщено İrfan Badur из Турции.

Ильче: **Терме** (Terme).

Название и количество сел неизвестно.⁶⁷

Ильче: **Асарджик** (Asarcık).

(71) **Сакызлы** (Sakızlı).

Возможно наличие убухского населения.

Ильче: **Везиркёprü** (Vezirköprü)

(72) с. **Бакла** (Bakla).

(73) с. **Ярбашы** (Yarbaşı).

Население: убухи, шапсуги, абадзехи, бесленеевцы.⁶⁸

Иль: **Синоп** (Sinop).

Ильче: **Аянджык** (Ayancık).

(74) с. **Аянджык Касабасы** (Ayancık Kasabası).

Нас.: убухи, абадзехи, шапсуги, абхазы (А 413).

(75) с. **Бююкдюз** (Büyükdüz).

Нас.: убухи, абадзехи, шапсуги, бжедуги (А 413); 40 чел.
в 2007 г.

Убухские фамилии: *Fag^w* (выехали).

(76) с. **Омердюз** (Ömerdüz).⁶⁹

Основано ок. 1864 г. убухами и шапсугами. Ныне в селе «черкесов» осталось немного.

Ильче: **Каралы** (Karalı).

(77) с. **Кумазкёй** (Kumazköy). Поселение представляет собой квартал в селе Demirciköyü. Предки жителей переселились в Турцию в 1864 г.; вначале поселились в другом месте, но из-за малярии перебрались в нынешнее место.

⁶⁷ См. <https://tr.wikipedia.org/wiki/Ubıhlar>.

⁶⁸ См. https://tr.wikipedia.org/wiki/Yarbaşı,_Vezirköprü.

⁶⁹ <http://ubuh.tr.gg/UBIH-K-Oe-YLER%26%23304%3BM%26%23304%3BZ.htm>.

Нас.: 15 дв.

Фамилии: *Voš'e//Voč'i* (< *Woč'i'e*; 10 дв.), *Žiuda* (< *Z^wada*; 3 дв.) и 2 другие семьи.

Старшее поколение говорит на шапсугском (или абадзехском ?) и турецком. Село уникально тем, что здесь имеют место браки между однофамильцами.

(78) с. **Авданкёю** (Avdanköyü).

Фамилии: *Bugaa* (1 дв.; выехали), *Dəpš'ów* (5 дв.; выехали), *Voš'i* (7 дв.; выехали), *Žiude* (< *Z^wada*; 2 дв.; 14 дв. выехали).

Ильче: **Тюркели** (Türkeli).

(79) с. **Гёкчеалан** (Gökçealan), старое название Ciple.

Основано переселенцами с Кавказа в 1870 г. «Черкесы» проживают также в махалле Таваджа (*Tavaca mahallesî*).⁷⁰

Иль: **Токат** (Tokat).

Ильче: **Турхал** (Turhal).

(80) с. **Кызкайасы** (Kızkayası).⁷¹

До переселения сюда убыхов в селе жили курды. Ныне население села немногочисленное, состоит из «черкесов» и курдов. В нем три квартала (махалле): «Нижнее Кызкайасы» (*Aşağı Kızkayası*), «Верхнее Кызкайасы» (*Yukarı Kızkayası*) и «квартал Занту» (*Zantu mahallesî*).⁷² Первое поселение было в нижнем квартале, в котором ок. 1864 поселилось 50 семей переселенцев из Кавказа. Ввиду малярии, многие умерли, и оставшиеся поднялись на более возвышенную и здоровую местность, основав верхний квартал. Ныне в верхнем и нижнем кварталах живут абадзехи, убыхи и кумыки. По сообщению Джихана Аслана (*Cihan Aslan*), убыхи известны как «абадзехские убыхи» (*Abzah Ubıhları*) и, хотя

⁷⁰ http://tr.wikipedia.org/wiki/Gökçealan,_Türkeli.

⁷¹ <http://ubuh.tr.gg/UBIH-K-Oe-YLER%26%23304%3BM%26%23304%3BZ.htm>.

⁷² https://tr.wikipedia.org/wiki/Kızkayası,_Turhal.

пользуются абадзехским диалектом, употребляют некоторые убыхские слова. Например, в их речи *dada* ‘отец’, вместо абадзехского *йат*.

Фамилии (в турецкой транскрипции): *Şuobit/Şobit/Şubut*, *Gosi* (*G^wəz^w?*) и др.

Иль: **Ялова** (Yalova).

Ильче: центр (Merkez).

(81) с. **Солуджак//Согуджак** (Solucak//Soğucak; см. М 17).

ТАБЛИЦА УБЫХСКИХ СЕЛ В ТУРЦИИ

Иль (il)	Ильче (ilçe)	Квартал (mahalle)	Село (köy)
Adana (Адана)	Seyhan (Джейхан)		Çokçarınar//Çokça Değirmenli// Şevkiye
Balıkesir (Балыкесир)	Центр (merkez)		Boğazköy//Boğaz Köyü
	Bandırma (Бандырма)	Edincik	Çinge
	Gönen (Гёнен)	центр (merkez)	Ekşidere Karalarçiftliği Karaağaçalan// Hamtıköy Çınarlı//Yukarı Keçeler Muratlar
		Sarıköy	Armutlu//Sızıköy Dereköy//Keçidere
	Manyas (Манйас)	центр (merkez)	Bölgeağaç Çavuş Köyü//Ça- vuşköy Derekoy//Elekse// Aleksi Eşen, Haydar, Kulak Soğuksu//Eski- manyas Boğazpınar//Mür- vetler Tepecik//Dümbe Yeniköy

	Manyas		Darıca Değirmenboğazı // Dermenboğaz Hacı Osman Köyü // Hacıosman Hacı Yakup Köyü // Hacıyakup, Işıklar
		Belde	Kızıl-köy
		Şevketiye	Dura, Salur, Süleymanlı
Düzce (Дюзд-же)	центр (merkez)		Uzunmustafa Beslanbey//Akınlar Çakırlar Esenköy//Mergiç Hatip Köyü Kiremitocağı// Hüseinbey Kutlu// Amcahasanbey Paşaormanı// Ibrahimbey Sarayyeri//Şapsığ
Bursa (Бурса)	Karacabey (Караджабей)	центр (merkez)	город Karacabey
Нора (Хопа)		центр (merkez)	пригород
Kocaeli (= Izmit) (Коджаели/ Измит)	Kartepe (Картепе)		Maşukiye, Acisu, Uzuntarla köyü Ketence//Ketenci- ler köyü
Kahramanmaraş (Кахраман- мараш)	Andırın (Андырын)	Çokak	Akifiye

	Göksun (Гёксун)	центр (merkez)	Büyükçamurlu
Ordu (Орду)	Ünye (Юнье)		Döşemedibi köyü
Sakarya (Са- карья)	Adapazarı (Адапазары)	центр (merkez)	Ahmediye
	Akyazı (Акйазы)		Salihli//Salihie
	Geyve (Гейве)		Boğazköy
	Hendek (Хендек)		Çayırbaşı
	Sarımsaklı (Сапанджа)	центр (merkez)	Akçay, Kırkpınar, Yanık, Kurtköy//Kurt köyü Mahmudiye (?)
Samsun (Самсун)	Alaçam (Алачам)		Sarılık köyü, Zeytinköy
	Asarcık (Асарджик)		Sakızlı (?)
	Kavak (Кавак)		Bükceğiz// Bukcuvez, Karapınar// Karacapınar, Çataltepe // Çakallı Muhacirleri, Germiyan, Kapıhayat, Karlı, Doruk köyü// Yenitöpe, Sıralı Töpe

	Vezirköprü (Везиркёprü)		Bakla, Yarbaşı
	19 Mayıs // Ondokuzmayıs (Ондокузмаис)		город
	Terme (Терме)		?
Sinop (Синоп)	Ayancık (Айанджик)		Ayancık Kasabası, Büyükdüz, Ömerdüz
	Karalı (Каралы)		Kumazköy, Avdanköyü
	Türkeli (Тюркели)		Gökçealan
Tokat (Токат)	Turhal (Турхал)		Kızkayası
Yalova (Ялова)	центр (Merkez)		Solucak//Soğucak

2. СЛОВАРЬ УБУХСКИХ ФАМИЛИЙ

Введение

Собрание воедино всех известных в литературе, а также сохраненных в среде убыхов в Турции убыхских фамильных имен, снабженных ссылками на источники и комментариями, предпринимается впервые. При отсутствии древних письменных памятников убыхского языка, ономастика представляет очевидный исторический интерес, т. к. может содержать старые формы, утраченные современным языком. Кроме того, интересен анализ антропонимического репертуара убыхов с точки зрения сравнения с аналогичными инвентарями родственных народов.

Источников для словаря убыхских фамилий несколько. Во-первых, это различные исторические документы (преимущественно русские), в том числе архивные, в которых упоминаются те или иные фамилии. Во-вторых, это фамилии, содержащиеся в опубликованных убыхских текстах и словарях. Третьим источником послужили результаты моей полевой работы в Турции за период 1991–2010 гг., особенно двух «убыхских экспедиций», предпринятых в 2009 и 2010 гг.

Целый ряд убыхских фамилий содержится в книге Юлиуса фон Месароша (М). Список имен и фамилий приведен в убыхско-французском словаре Ханса Фогта (V 235–236). Отдельные сведения об убыхских фамилиях рассеяны по многочисленным трудам Жоржа Дюмезиля. Определенный убыхский антропонимический материал можно почерпнуть из труда турецкого убыхского историка Сефера Берзег (Berzeg 59–63), в котором анализируются семейные тамги ряда убыхских фамилий. Немало убыхских антропонимов, содержащихся в русских документах и публикациях исторического характера, приведено в монографии Л. Лаврова 1937 года «Убухи», опубликованной в

2009 г. Обильный антропонимический материал собран в недавней книге М. Кишмахова «Убыхи» (2012), однако он нуждается в дальнейшем анализе: ряд приведенных автором фамилий вряд ли можно считать убыхскими; кроме того, не указываются источники цитируемых фамилий. Убыхские ономастические материалы содержатся и в монографии Ш. Д. Инал-ипа «Убыхи» (данное издание).

Помимо Турции, на Западном Кавказе сохранилось несколько фамильных родов, которые происходят из Убыхии. Таковым, например, является фамильное имя *Чэрен*, представители которого проживают в Лазаровском районе Большого Сочи. В Адыгее таковой, по-видимому, является фамилия *Бэрзэдж* (< *Бэрзэг*), в русифицированной форме *Берзегов*. В Абхазии аналогичные убыхским являются такие фамилии, как *Ебжьнóу*, *Хамы́т*, *Ч(ы)ры́г* (*Чрыг-ба*).

Оформление убыхских фамильных имен в сочетании с личными именами и патронимами

Как и у других родственных абхазо-адыгских народов, традиционной для убыхов являлась двухчленная именная структура, состоящая, как правило, из фамилии и постпозитивного личного имени (фамилия+имя). Примеры:

Şhaplı Mahomet (Berzeg 64), *Tuğa Fuad* (Berzeg 65, 92), *Merč'ján Šéyə* (RO I: 30), *G^wəz^w Fehim* (BK 1981: 17), *K^jamč^já Selim* (BK 1981: 17), *Wánža K'arəməš^w* (BK 1981: 21), *Wánža Aziz* (BK 1981: 26), *X^wánž'a Şefket* (BK 1981: 26), *Zeûz Tosnakûl* (Bell II: 3), *Aubla-Akhmet* (Tatlok 1959: 104).

Эта модель была отмечена уже английским автором первой половины XIX века Дж. Ст. Беллом: “*When one is specifically mentioned, the Circassians generally prefix the name of his fraternity to his own name*” «Когда имеют в виду какого-то определенного

человека, черкесы обычно приставляют родовое имя этого человека перед его именем» (Bell I: 436, сн.).

Вариацией данного типа является трехчленная структура, состоящая из препозитивного фамильного имени и двух или более личных имен (фамилия+имя+имя(+имя)):

Şhaplı Osman Ferid (Berzeg 67), *Berzeg Mehmet Zeki* (Berzeg 93), *Şhaplı Hamza Osman Erkan* (Berzeg 70).

Структура с препозицией личного имени (имя(+имя)+фамилия) обычна при подаче убыхского антропонимического материала в работах русских авторов. Примеры:

Али Ахмет Облагу (Торнау 1976: 106), *Джембулат Берзек*, *Омар Чиземогуа*, *Хассан-бей Дидже*, *Биарслан Берзек* (Лавров 45, 65, 72, 79, 111).

У Дж.Ст. Белла зафиксирована трехчленная структура в составе «фамилия + патроним (‘сын X’) + имя»: *Barzek Alkhaz-okû Beislam*; *Zeûs Hûssein-okû Osman* (Bell II: 88, 378). Те же элементы представлены у Л. Лаврова в виде «имя + патроним + фамилия», что, по-видимому, обязано соответствующей русской модели: *Осман Хуссейноко Дзепи* (Лавров 64), *Биарслан Алхасоко Берзек* (Лавров 111), *Эльбуз Хапешуко Берзек* (Лавров 72).⁷³ Эта структура осложнялась префиксацией слова «хаджи», которым отмечались лица, совершившие паломничество (хадж) в Мекку: *Хаджи-Алим-Гирей-Бабуко Берзек* (Лавров 72), *Хаджи-Керендук-Догомуко Берзек* (Лавров 68).

Другие представленные у Лаврова модели — двучленная структуры «патроним + имя», или трехчленная структуры «патроним + имя + фамилия»: *Шеулехуко-Эдик*, *Шеуеюко-Мату*, *Шеулехуко-Амщук Берзек* (Лавров 72).

⁷³ Элемент -ко в этих патронимах представляет собой убых. *q^{wa}* ‘сын’.

Некоторые убыхские имена, патронимы и фамилии попали в русские источники через абхазское посредство, что объясняет присутствие в них абхазского патронимического элемента *-иңа* 'его сын' и абхазских вариантов убыхских имен, ср. *Исмаил-бей Баракай-иңа* (Лавров 64), *Саат-Гирей Адагуа-иңа Берзек* (Лавров 104). *Адагуа-иңа* представляет собой абхазский вариант убыхского патронима *Dag^wətə-q^wa* (*q^wa* 'сын').

Убыхские патронимы, в зависимости от пола обладателя, образованы по модели «имя отца + аффикс *-а-* + *q^wa* 'сын'» (для мужчин) и «имя отца + *-а-* + *рх^{ја}* 'дочь'» (для женщин), напр. *Təwfək^ј-á-q^wa* 'сын Тевфика' (Dumézil, Esenç 1973: 33), *Mezál'a:q^wa* [*< Mezál'a +a-q^wa*] *Sefer* (Dumézil, Esenç 1973: 33; ВК 1981: 17).

Наличествующий в этих моделях элемент *-а-* являет собой пережиточно сохранявшийся в убыхском аффикс поссесивности (его нормальным вариантом является *уа-*). Помимо патронимических образований, он встречается в послелогах (ср. *a-janəz^ј-na a-la:qə* «АРТ-великан-мн.ч. их-к = по направлению к великанам») и в названиях дней недели, ср. *á-t'q^wa-[a-]tə^wa* «вторник», букв. «ее[недели]-втор-[ой]-день»; *á-š'x-a* «пятница», букв. «ее[недели]-пят-ый [день]» (см. Dumézil 1974: 28). В абхазском этому убыхскому аффиксу соответствует поссесивный аффикс 3 л. ед. ч. класса нечеловека *а-* (напр. *а-хы* 'его (нечел.) голова').

Патронимическими суффиксами оформляются и фамильные имена по моделям (а) «фамилия/род X + *a* + *q^wa* 'сын'» или (б) «фамилия/род X + *a* + *рх^{ја}* 'дочь'». ⁷⁴

⁷⁴ В речи современных убыхов, утративших родной язык, мужской патронимический суффикс в составе фамилий произносится в виде *-ах^w* (*< a-q^wa* 'его сын'), а женский – в виде *-арх*, иногда даже *-ар* (*< á-рх^{ја}* 'его дочь'). Иногда используется «женский» суффикс *-рх^w*, восходящий к адыг. *рх^wə* 'дочь', напр. *Хамт'-á-рх^w* «женщина из рода Хамта».

(а) *Xʲət'a:-q^{wa} Ibrahim* 'Ибрагим (из рода) Хьыта' (БК 1981: 15), *Čʲərgʲáx^w* < **Čʲərgʲj-á+q^{wa}* (Ч) 'мужчина из рода Чыргъ'. Ср. также формы без инфикса -a-: *Dowbá-q^w* (Ч) 'мужчина из рода Доубы́', *Ace-qó* (< *Ace-q^{wa}*) (Ч).

(б) *T^wəba:pxʲa⁷⁵ Habibe* (БК 1981: 23), *Zájs^{wa}-pxʲa* (Dumézil, Esenç 1978: 93), *Dečʲen-a+px* (Ч), *Gez-apx* (Ч), *Wonžʲ-apx Nazmiye* (Ч), *Čʲərgʲj-áp* 'женщина из рода Чыр(ы)гъ' (Ч)⁷⁶, *X^wažʲj-áp* (Ч), *Dowb-áp* (Ч) 'женщина из рода Доубы́'.

Для замужних женщин могут добавлять тур. *hanım* 'моя госпожа': *Dəžʲj-á+px-hanım Makbulye* (Ч) 'госпожа Макбулье из рода Дызы'.

Наконец, имеется и следующая модель презентации фамильного имени: «фамилия + -*na:nkʲa(-n)* 'из них' + патроним + имя». Примеры:

Čʲəw-na:nkʲan Mezál'a:q^{wa} Sefer (БК 1981: 17) 'Сефер, сын Мезытля, из рода Чыу', *X^wənžʲj-á-na:nkʲa Žʲemilʲ* (БК 1981: 18) 'Джемиль из рода Хунджа', *Kʲamčʲjə-na:nkʲan Selim ɣap'c'anə⁷⁷* (БК 1981: 23) 'по имени Селим из рода Кямчы', *Čʲəw-na:nkʲan Alqás ɣap'c'anə* (БК 1981: 24) 'по имени Алхас из рода Чыу', *Dəɣ^wə-na:nkʲan Zakarija ɣap'c'anə* (БК 1981: 26) 'по имени Закария из рода Дыгуы', *Čʲəw-na:nkʲan Mezál'aq'agʲə⁷⁸* (БК 1981: 27) 'называемый Мезитл из рода Чыу'.

⁷⁵ *T^wəba:pxʲa* = *T^wəba-a+pxʲa*.

⁷⁶ Родом из Чавушкёя, вышла замуж в с. Хаджи Якуп, ум. в 1960-х гг.; имя записано мной в с. Хаджи Якуп в июне 2009 г.

⁷⁷ Убых. *ɣa-p'c'a-nə* 'его-имя-будучи', т.е. 'по имени'.

⁷⁸ Убых. *a-q'a-gʲjə* 'говоря'.

СЛОВАРЬ

Для подачи убыхских фамильных имен и другого языкового материала используется специализированная латинская лингвистическая транскрипция. Параллельно, для удобства использования убыхского материала абхазами и адыгами, убыхские фамилии приводятся также в абхазской и адыгейской кириллической транскрипциях. Приводятся параллели убыхским фамилиям из фамилий родственных народов. Ряд словарных статей снабжен справочной информацией лингвистического, исторического или демографического характера. Собранный в данном словаре материал, несомненно, нуждается в дальнейшем уточнении и анализе.

В научной транскрипции На абхазском алфавите На адыгейском алфавите

Abadá (V 235), A: *bedé* (M 181), Абеде Абэдэ
Abede (Ч)

Проживают в с. Хаджыосман (ильче Маньяс, иль Балыкесир). Согласно Ю. Месарошу (M 181), «имя абхазского рода» (*Name eines Abkhasen-Geschlechtes*). То же у X. Фогта (V 235): “*abadá, famille abkhaze*”. Ср. абхазскую садзскую фамилию *Абды-ба//Абыд-ба*, мн.ч. *Абд-аá*.

Ablaguo/Oblagu/Aubla (Лавров 45) Аблагэо Аблагуо
Aubla (Tatlok 1959: 104), *Oblaa*
(Пахомов 1953: 253)

Облагу, Аблагуо, Аубла — правящий в селении Соча княжеский род (Лавров 45). По Ф. Торнау, «селение Сочипсы, или Облагу-куадж было расположено по обеим сторонам р. Сочи, на довольно обширной долине, близ устья ее; в

нем считают до 450 семейств, частью абазин,⁷⁹ частью убых и небольшого числа турок, соединенных под названием саше» (Торнау 1976: 106). Владения Али-Ахмета Аблагуо расстились между устьями рек Мица (Мацеста), Сочи и Псаха и состояли из 700 дворов (Лавров 73). Согласно Лаврову (там же), фамилия была абхазской (садзской), тогда как Ф. Торнау (1976: 106) пишет, что по происхождению князь Али Ахмет Облагу был «из племени адыга». Д. Чачхалия (2012: 176) связывает фамилию князя с абх. абжуйской крестьянской фамилией Ауыблаа, встречающейся в Турции. Ср. так же мегр. фамилию Убилава (?). Мне не удалось обнаружить следов этой фамилии ни в убыхских текстах или словарях, ни в памяти моих информантов-убыхов, что может свидетельствовать о ее малочисленности в Убыхии.

Abreg^j (Berzeg 59)

Абрегь

Абрэгь

Согласно Berzeg 59, убыхская фамилия в регионе Маньяс. Согласно Фогту (V 235), *Abrag^j* – муж. имя. Ср. также адыгейскую и кабардинскую фамилии *Абрэгь* (*Абрэдж*), абх. мужское имя *Абра́гь*, из *абра́гь* ‘абрек’.

Ace (Ч)

Аце

Ацэ

Представители фамилии проживают в с. Карлы (ильче Кавак, иль Самсун); некоторые произносят *Assá*, на турецкий манер (в турецком языке нет согласного ц).

Açmuj (Ачмуж) = *Ацумыжъ*

Фамилия зафиксирована в с. Чынарлы (ильче Гёнен, иль Балыкесир) в тур. транскрипции (см. https://tr.wikipedia.org/wiki/Çınarlı,_Gönen). По-видимому, идентична шапсугской фамилии *Ацумыжъ*.

Adex (Краткое описание 90)

Дворянская фамилия, владевшая аулом Цыхрыпшь (Крат-

⁷⁹ Ф. Торнау называл термином ‘абазины’ и абхазов, и северокавказских абазин. В данном случае имеются в виду абхазы-садзы.

кое описание 90). Быть может, сочетание абх. определенно-го артикля *a-* и убых. фамилии *Dəy^w* (см. ниже) ? Ср. также фамилию *Deghe* в (Bell I: 438).

Aleşes (Ч)

Алешес

Алэшэс

Amçi (Ч)

Фамилия в основе названия села Амджахасанбей//Амчы хабле (иль Дюздже); село основано Хасанбеем по фамилии Амчы (Amçi Hasan Bey). По-видимому, абх. фамилия *Амчы́*, *Ам(ы)ч-ба*. Другое название села — *Убы́х хьабле*, т. е. «Убыхский квартал/село».

Atkevia (?)

Аткевя – убыхский знатный род общества Субаш в низовьях р. Шахе (Краткое описание 89). Точная убыхская форма неясна

Ajuk (Ч)

Представители фамилии проживают в с. Бююкчамурлу (иль Кахраманмараш). Точная фонетическая форма неясна.

Až'á (V 235), *Až'é* (Ч)

Ацъá

Аджé

Представители фамилии проживают в с. Хаджыякуп (ильче Маньяс, иль Балыкесир).

Bay (M 227; DA III: 258; Ч)

Баг

Багъ

Произносят и как *Bəyə*. Проживают в сс. Чынарлы, Чавушкёй (иль Балыкесир). По Ю. Месарошу (M 227), аристократический титул и фамилия, которая относилась к социальной категории куашха (*k^wáŋxa*); см. Dumézil, Esenç (1978: 92). У Фогта (V 235) *Va:u*, что Дюмезиль (DA III: 258) исправляет на *Bay*. Месарош связывал это имя с лак. *bâg*, авар. *beg* ‘бек’, однако последние из тюркских языков, т.е. довольно поздние, тогда как убыхское фамильное имя может быть достаточно древнего происхождения: ср. у Псевдо-Арриана (5 в. н.э.) укрепление *Бага* к северу от р. Ахеунт (Шахе) (Ворошилов 26), которое могло быть названо по имени местно-

го рода или племени. Фамилия встречается также у адыгейцев (темирг. *Багъ*, абадз. *Бэгъ*), кабардинцев (*Багъы*), абхазов (*Баг-ба*) и абазин (*Багъ*). Ср. также абхазский (бзыпский) патроним *Баг иџаџа* ‘сыновья Бага’ (БД 240), мужское имя *Баг* (Шьынкџаба 1959: 137).

Batko (Ч)

Представители фамилии проживают в с. Сыралы (ильче Кавак, или Самсун). Точная фонетическая форма фамилии неясна.

Bedanóq^{wa} (Ч)

Беданых’эа⁸⁰

Беданыкъуэ

Проживают в с. Дерекёй/Кечидере (иль Балыкесир). Адыгская по происхождению фамилия, ср. каб. *Быданокъуэ* (Кокков 137), абадз. *Беданыкъуэ*.

Beri (Ч)

Бери

Бери

Представители фамилии проживают в с. Карлы (ильче Кавак, иль Самсун).

Berkok (Ч)

Беркоқ

Беркок

Варант: *Barhúk*. Представители фамилии проживают в с. Хаджыякуп (ильче Маньяс, иль Балыкесир).

Barzáğ^j (V 235), *Be:rzég* (M 227),

Барзэгъ

Бэрзэгъ

Berzég^j//Berzék^j (Ч)

Один из самых знатных родов у убыхов, относившийся к социальной категории *куашха*. Берзеги были куашхами в долине р. Шахе, возглавляли верхних убыхов и общество Субешх. В конце 1830-х гг. род состоял из 400 дворов (Лавров 65–66, 72). Известно четыре ответвления Берзегов: Эмин, Дегу, Бабук и Канбулат (Хафизова 76). Берзеки фигурируют в книге Дж.С. Белла (Bell 1840); так, в ней упоминаются Беислам Барзек, сын Алхаса (*Barzek Alkhaz-okû Beislam*; Bell II: 88, 359), а также Хаджи Дагумокуа Барзек (*Barzek Hadji Dakhûm-*

⁸⁰ Я использую буквосочетание *х’э* для передачи глухого лабиализованного увулярного смычного, сохранившегося в абазинском (*х’эв*), а в абхазском перешедшего в спيرانт *хэ*.

okû; Bell II: 344, 428), которого Белл назвал «черкесским Вашингтоном» (там же, с. 346). Кроме убыхов, фамилия Берзег известна также среди абадзехов (*Бэрзэдж*), хатукаевцев (*Бэрзадж*) и бжедугов. В абхазском фольклоре этот убыхский клан известен как *Бырзыкь*//*Барзыкь* (Шьынқэба 1959: 148), или *а-Бырзыкь* (Шьакрыл 1989: 167). Ср. также абаз. *Барзыкь* (вторая фамилия Муковых, аул Гумлоукыт; Ионов 276). В Турции представители рода Берзегь проживают в таких селах, как Сыралы, Сарылык, Карлы, Топтепе, Бюкджегиз, Карапынар (иль Самсун, ильче Кавак), Бююкчамурлу, Акифие (иль Кахраманмараш), Армутлу, Еникёй, Кызыл-кёй (иль Балыкесир), Машукие, Узунтарла (иль Коджаели), Кыркпынар (ильче Сапанджа, иль Сакарья). В абхазском (племя ахчыпсоу) селе Бычки или Ешиляйла (*Viçkı — Yeşilyayla*) в Турции (иль *Düzce*, ильче *Gümüşova*) проживают две семьи Берзегов из клана Емин; они называют себя *Йемын-иңа* ('сын Йемына') и считают себя абхазами (*аңсуа*).⁸¹

Beşeğa (Ч)

Убыхская (?) фамилия в с. Пашаорманы//Ибрахимбей (иль Дюздже). Точная фонетическая форма фамилии неясна.

Big (Ч)

Биг

Биг

Фонетически точная убыхская форма фамилии неясна. Представители ее проживают в с. Бесланбей//Акынлар, по-убыхски – *Bigi-hable* (иль Дюздже), в городе Ондокуз-маис (иль Самсун). Ср. абх. фамилию *а-Быг-ба*.

Biláš^j (Ч)

Билáшь

Билáшь

В турецком передается как *Pilaz*. Ср. у Фогта (V 235) мужское имя *Bláš^j*, исправленное Дюмезилем (DA III: 258) на *Bláş^j*. Возможно, исходно имя, ставшее впоследствии фамилией. См. в DA III: 34: *Ali Bilaş*, сын Рашита (*Raşıit*) из рода *Hat'a*. См. ниже *Piláš^j*.

Baż'nów (Ч)

Быжньóу

Быжньóу

⁸¹ Сообщение Anıl Hraça из Турции.

Проживают в с. Еникёй (ильче Маньяс, иль Балыкесир). Ср. с. *Эбжноу* в верховьях р. Буу близ Сочи (Краткое описание 88; Лавров 46), а также абх. фамилию *Быжьнóу*//*Быжьнóуа* // *Ебжьнóу*//*Ейбжьнóу*.

Brüç

Фамилия зафиксирована в с. Чынарлы (ильче Гёнен, иль Балыкесир) в тур. транскрипции (https://tr.wikipedia.org/wiki/Çınarlı,_Gönen). По-видимому, аналогична абадзехской фамилии *Брыцу*.

Bugaa (Ч)

Бугаа

Бугаа

Представители фамилии проживали в с. Авданкёю (*Avdanköyü*; ильче Каралы, иль Синоп).

C^we:q^wá (M 345), **C^waq^wá** (V 235)

Цəах'əа

Цуэкъуэ

C^wə:lé (M 344), **C^wəlá** (V 235),

Цəыла́

Цуылé

C^wále (Ч)

Представители фамилии проживают в сс. Узунтарла (иль Коджаели), Акчай, Янык (ильче Сапанджа, иль Сакарья), а также среди абхазизированных убыхов в с. Бычкыдере (иль Сакарья) в форме *á-Цəлахəа* (< *C^wəla-q^wа*). Быть может, это фамильное имя (*Цəлахəа*) отображено автором “Краткого описания” (с. 90) в виде *Чезлаха*.

C'əba (V 235)

Цыба

Цыбэ

Согласно Х. Фогту (V 235), со ссылкой на Dumézil, Namitok (1955: 40), абхазская фамилия.

Č'ėren (Лавров 204, Ч)

Чэрен

Чэрен

Представители данной фамилии проживают в иле Балыкесир, а на Кавказе в Лазоревском районе города Сочи.

Č'əf (Ч)

Чыф

Чыф

Представители фамилии проживают в с. Машукие (иль Коджаели).

Č'əmat(')

Реконструируется на основе формы *Ачимит* в Кратком описании 90; последняя представляет собой абхазское оформление (с абх. определенным артиклем *а*-; информация по-

лучена анонимным автором от абхазов) убыхской фамилии: *a-Ĉ'amat*('). То же, что *Ĝ'amát'* (см. ниже).

Ĉ'arágⁱ (V 235; DA III: 34; Ч), Чыры́гъ Чыры́гъ
Ĉ'ə:rág (M 286)

Проживают в сс. Чавушкёй, Хаджыосман, Дегирменбогазы (ильче Маньяс, иль Балыкесир). В турецкой транскрипции *Çiriğ/Çırık*. Представители этого знатного (см. Bell II: 261) рода упоминаются Дж.Ст. Беллом: Чурук-оку Тугуз (*Tshûrûk-okû Tûgûz*), «один из наиболее могущественных героев» (Bell I: 134, 145, 191). Чырыгъ Али Чавуш (*Ĉ'arágⁱ Alí Çavuş*) из с. Хаджы Осман в 1930-х гг. был главным информантом венгерского ученого Ю. Месароша, автора убыхской грамматики и словаря. Абхазская (бзыпская) фамилия Ч(ы)рыг-ба очевидно связана с данной убыхской фамилией, однако не вполне ясно, прибыли ли Чырыгба из Убыхии,⁸² либо, напротив, из Абхазии они попали в Убыхию. Дело в том, что если бы фамилия пришла из Убыхии, то, в соответствии с убыхским произношением, в абхазском она тоже звучала бы *Чырыгъ, т. е. с мягким гъ (в убыхском твердый г отсутствует). Однако в абхазском мы имеем твердый г, что заставляет думать скорее об обратном направлении миграции данной фамилии — из Абхазии в Убыхию.

⁸² Согласно датируемой 1868 годом записке А. Пахомова (опубл. в 1953 г.), Чирикба сначала «вышли из Кабарды в Сочи, где были подвластными черкесского князя Облаа; родственники их, подвластные этого князя, вместе с ним вышли в Турцию. Из Сочи в Абхазию первые Чирикба вышли в то время, когда в Сухуме был пашею Гечь Аслан-бей, родом джигет, а владетельный абхазский дом был в изгнании в Турции. Первые Чирикба пришли под покровительство этого паши и были им поселены в селении Яштуха...» (Пахомов 1953: 253). Высылка князей Манучара Чачба и его братьев Ширвана и Зураба в Стамбул имела место в 1750-е годы, что позволяет приблизительно датировать время предполагаемого прибытия фамилии Чиригба (Чырыг-ба) в Абхазию.

Č'əzamatə^wa (EO 55; V 235; Чыз//зáмыгəа Чы(д)зэмыгъуэ
DA III: 17; Ч), Č'əzə́tə^wa (M 286),
Č'əzám^wa (V 67, 235),), Č'əzamatə^wa
(DA III: 22), Č'əzamatə^w (Berzeg 60; Ч)

По Л. Лаврову (7, 21, 65), знатный род, проживавший в долине р. Псахе. Представитель этой фамилии, *Tshizmago Omar*, упоминается в книге Белла (Bell II: 388, 390). По Месарошу (M 286), фамилия переводится как *Pferde-Kiefer* «лошадиная челюсть». В Турции встречается в селах Хаджыосман, Богазпынар//Мюрветлер (иль Балыкесир, ильче Маньяс), Кыркпынар (иль Сакарья, ильче Сапанджа).

Č'ox^wa (Ч) Чохəа Чохъуэ
Фамилия зафиксирована в ильче Бандырма (иль Балыкесир).

Č'əw (V 235; DA III: 17; Ч), Чыу КЫу
Č'iw (M 268)
Проживают в сс. Хаджыосман, Хаджыякуп (ильче Маньяс, иль Балыкесир). Фамилия, ранее подвластная Хунджа. Не относилась к числу аристократических, однако была знатной среди социального слоя вагысу (*waγəs^wə*), что является убыхским соответствием адыг. *лэфэкъуэлI* 'свободный общинник' (см. DA III: 24).

Daq'o (Ч) Дақо Дакъо
Фамилия зафиксирована в с. Узунтарла (иль Коджаели) как патроним одной из ветвей фамилии Берзегь. См. *T'aq'o*.

Deč'én (LO 155; Berzeg 60; Ч), Дачəн Дэчəн
De:č'én (M 277), *Dač'án* (V 235)

По Лаврову 63, одно из возглавляемых этой знатной фамилией селений было по среднему течению р. Шахе. Проживают в сс. Армутлу, Чынарлы, Чавушкёй, Хаджыякуп (иль Балыкесир), Бююкчамурлу (иль Кахраманмараш), Акчай (ильче Сапанджа, иль Сакарья).

Deg^wətaq^we (Ч) Дагəмых'əа Дагуымыкъуэ

Дәү^w//Дәү^wе (Ч)⁸³ Дығә//Дығәа Дыгъу//Дыгъуэ
 Проживают в сс. Чынарлы (ильче Гёнен, иль Балыкесир),
 Бююкчамурлу (иль Кахраманмараш), Салихли (ильче Акйа-
 зы, иль Сакарья), Янык (ильче Сапанджа, иль Сакарья),
 Карапынар, Карлы, Сарылык (иль Самсун, ильче Кавак).
 В с. Карлы некоторые произносят фамилию как *Тәү^wа*.
 Ср. каб. фамилию *Дыгъу* (Коков 146), адыг. *Тыгъу*.

Дәү^wәне (Berzeg 60), Дығәын(а) Дыгъуын(э)
Дәү^wән (БК 1981: 26)
Дәпšⁱów (Ч), *Dә:pšⁱŭwā* Дыпшьюу Дыпщюу
 (М 274), *Dәpšⁱéw* (Berzeg 61)
 Представители фамилии проживают в селах Карлы, Кара-
 пынар, Бюкджегиз, Чарыклыбашы (иль Самсун, ильче Ка-
 вак), а также в селах илей Синоп и Балыкесир (ильче Гёнен
 и Маньяс).

Дәžⁱđ (V 235), *Dә:žⁱđ* (М 274), Дыžы́ Дыжъы́
Dažⁱ (Ч), *Dizaa* (Краткое описание 89)
 Крупнейшая фамилия среди социального слоя вагысу (сво-
 бодных общинников) (Лавров 61; у него представлена в
 форме *Дижә//Дыжэ*). Ср. также *Dissi* у Дж.Ст. Белла (Bell II:
 199). По данным *Краткого описания*, Дизаа (-аа – абх. суф.
 мн.ч.) была наиболее уважаемой фамилией в обществе Хизе
 (Хобзы). Среди этой фамилии могли быть и куашха, т.е. дво-
 ряне. Эта фамилия выводила свое происхождение из Тур-
 ции, откуда в конце 17 в. переселился в Убыхию один из ее
 предков (Лавров 61). Форма фамилии в моей записи (и у
 Лаврова) отражает поздний переход *zⁱ* в *žⁱ*. В Турции пред-
 ставители фамилии проживают в с. Эсенкёй//Мергич (иль
 Дюздже), возможно также в с. Ахмедие (иль Сакарья, ильче
 Адапазары), в городе Ондокузмаис (иль Самсун).

Dowbá (Ч) Доубы́ Доубы́

⁸³ Видимо, сюда же *Тууа* (Berzeg 90), *Туза* (Кишмахов 712).

Представители фамилии проживают в с. Бесланбей//Акын-лар (иль Дюздже).

Ėrəmx^wa (Ч)

Ёрымхәә

Ёрымхъуэ

Фамилия зафиксирована в с. Богазкёй (иль Сакаръя) с мужским патронимическим элементом -х^wa (< q^wa) 'сын'.

Fəg^w (Ч), *Fag^w* (Ч), *Faug^w*

Фыгә//Фагә

Фыгу//Фагу

(Berzeg 61)

Представители фамилии проживают в селах ильче Маньяс (иль Балыкесир), в сс. Машукие (иль Коджаели), Бююкдюз (ильче Аянджык, иль Синоп). Ср. аул *Фагуа* в Убыхии (Краткое описание 87), а также абх. (бзып.) мужское имя *Фагә* (БД 408).

Gecce (Ч), т. е. Геджде.

Проживают в Капыхаят (ильче Кавак, иль Самсун). Точная фонетическая форма фамилии неясна.

Gkasım

Фамилия зафиксирована в с. Чынарлы (ильче Гёнен, иль Балыкесир) в тур. транскрипции (https://tr.wikipedia.org/wiki/Çınarlı,_Gönen). Убыхское (или абадзехское) звучание неясно (*Qasəm* ?). Ср., быть может, название убыхского племени *Кесыме* в Кратком описании 90 (?).

G^wag^ján (V 235, DA III: 266),

Гәагъән

Гуэгъән

Go:jgén (M 369, V 235),

Gog^jén, *G^wog^jén* (Ч)

В DA III: 258: *G^wag^wán*, но это опечатка, см. верную форму этой фамилии на с. 266 той же книги; форма со вторым палатализованным велярным подтверждается и моими записями. Ср. также *G^wag^wən* (LO 154, EO 59), также, без сомнения, описка вместо *G^wag^ján*. Проживают в сс. Караларчифтлиги (ильче Гёнен, иль Балыкесир), Армутлу, Дерекёй// Кечидере (иль Балыкесир), Капыхаят, Дорук кёу//Енитоптепе (ильче Кавак, иль Самсун).

G^wəməl (Ч)

Гәымыл

Гуымыл

Эта, по утверждению информантов, убыхская фамилия за-

фиксирована в абхазских (садзских) сс. Богазкёй и Доганчай (иль Сакарья) в абхазизированной форме *Гәымыл-аа//а-Гәымыл-ба*.

G^wəz^w (М 369; V 235; Гәызә (> Гәыжә//Гәыжъ) Гуыжъу
ВК 1981: 17)

G^wəž^w//G^wəž^j (Ч) (> Гуыжужу//Гуыжъ)

См. также *Guz* у Белла (Bell I: 313). В речи нынешних убыхов (говорящих на адыгейском, либо только на турецком) исходный *z^w* в данном фамильном имени произносится *ž^w*, либо *ž^j*. Проживают в сс. Чынарлы, Дерекёй/Кечидере, Чавушкёй, Хаджыякуп, Ышыклар (иль Балыкесир), Дёшемедиби (иль Ордун), Янык (ильче Сапанджа, иль Сакарья).

y^wəč^čež^jəje (Ч) Гәыҭежъыйе Гъуычҭежъыйе

Представители фамилии проживают в с. Узунтарла (иль Коджаели).

y^wək^j’a (Ч) Гәыкьа ГъуыкІъэ

Представители фамилии проживают в с. Сарылык (ильче Кавак, иль Самсун). По сообщению информантов, имя связано с названием поселения *y^wək^j’a hable*. Означает по-адыгски ‘кузнец’. Ср. каб. и шапс. фамилию *ГъукІэ* (Коков 142), абаз. *ГъыкІъа* (Ионова 287).

Hatq(‘?)^wáj (Ч), *Хомха* (Лавров 73) Хатқәа́й Хьаткъуэ́й

Представители фамилии проживают в с. Армутлу (иль Балыкесир). Ср. имя или фамилию *Hatukwoi* в (Bell I: 119), а также каб. фамилию *Хьэтыкзуей*; в основе фамилии название адыгейского племени хатукаевцев.

Jebž^ján (LO 154; Ч) Ёабжъын Ёэбжъын

Представители фамилии проживают в с. Узунтарла (иль Коджаели), Янык (ильче Сапанджа, иль Сакарья).

Jezək^jko (Ч)

Представители фамилии проживают в с. Узунтарла (иль Коджаели). Точная фонетическая форма фамилии неясна.

Koblák^w (Ч)⁸⁴

Қоблықә

Коблықу

Фамилия зафиксирована в с. Хаджыосман (ильче Маньяс, иль Балыкесир). Ср. абх. (бзып.) мужское имя *Қаблых'ә*. Сюда ли шапс. фамилия *Кобл* ? Ср. также название села *Koble-hable*, записанное от одного убыхского информанта.

K'ec'əm (Ч)

Қьецым

КьецІым

Проживают в с. Караларчифтлиги (ильче Гёнен, иль Балыкесир).

K'ec'é (Ч),⁸⁵ *K'ac'á*

Қьатцá//Қьатцá

КІьэцІэ//КьэцІэ

(DA III: 258)

Проживают в сс. Караагачалан//Хамтыкёй, Армутлу, Тепеджик//Дюмбе, Хаджыякуп (иль Балыкесир), Бесланбей//Акынлар (иль Дюздже), Акчай, Янык (ильче Сапанджа, иль Сакарья), Дорук кёю//Енитоптепе (ильче Кавак, иль Самсун).

K'amč'já (BK 1981: 17)

Қьамчы

КІьамкІы

K'waz'já (DA III: 258)

Кәазьá

КІуадзьá

Я использую в абхазском *зъ* и в адыгейском *дзъ* для передачи дентальной звонкой палатализованной (свистяще-шипящей) аффрикаты, имеющейся в убыхском и в бзыпском диалекте абхазского. У Х. Фогта (V 235) это фамильное имя записано в виде *K'waz'já*, что Ж. Дюмезиль исправляет на *K'waz'já*. Исходным является абхазское (бзыпское) фамильное имя *Кәазь-ба*. Ср. в одном из убыхских текстов: *Azua K'wazbá Asxaqəp səuəq'wə* “Я сын абхаза Куадзба Асхака” (см. DA III: 39). В с. Хаджы Осман я записал фонетически искаженную форму той же фамилии в виде *K'óž'ba*, а в селе Хаджы Якуп — *Q'wóž'e*, где запись начального согласного могла быть ошибкой моего восприятия (вместо *K'w-*). Сре-

⁸⁴ Произносится *Koblúk^w*.

⁸⁵ Форма этого фамильного имени записана в LO 155 и в словаре Х. Фогта (V 235) неверно как *K'ac'á*, см. (DA III: 258). В моих записях этой фамилии глоттализация начального смычного отсутствует.

ди убыхов встречались и другие абхазские фамилии, напр. *G^wəmbá* (М 368; V 235).

Koçako

Фамилия зафиксирована в турцизированной форме в с. Бююкчамурлу (иль Кахраманмараш). Точная убыхская (или адыгская) форма неясна.

***K^waš* (Ч)**

Қәаш

Куэш

Представители фамилии проживают в с. Кетендже (иль Коджаели). Ср. абаздехскую фамилию *KIyaиш* (?).

***L'ák'a* (Ч)**

Записано в турцизированной форме, убыхский фонетический прототип неясен. Представители фамилии проживают в с. Янык (ильче Сапанджа, иль Сакарья).

Laŷ^wá* (V 235), *Le:ŷ^wá

Лағәә

Лагъуа

(М 304)

По Тевфику Эсенчу (V 235), «абазская» фамилия.

***Laku//Lahu//Láho* (Ч)**

Представители фамилии проживают в с. Бюкджегиз (ильче Кавак, иль Самсун). Точная фонетическая форма фамилии неясна.

***Lówq^wa* (Ч)**

Лóух'әа

Лóукъуэ

Проживают в с. Тепеджик//Дюмбе (иль Балыкесир). Ср. каб. фамилию *Локъуэ* (Коков 175). Если часть *-q^wa* означает 'сын', то не исключена также связь с абазинской дворянской фамилией *Лау*; ср. также абх. (бзып.) мужское имя *Лоу* (БД 407).

***Lheserko* (Лъэцэрыкџо ?)**

Фамилия зафиксирована в с. Чынарлы (ильче Гёнен, иль Балыкесир) (см. https://tr.wikipedia.org/wiki/Çınarlı,_Gönen). Точное убыхское (или адыгейское) произношение фамилии неясно. Написание начальных букв *Lh* указывает на латеральный спираント (λ = лъ). Ср., возможно, адыгейскую фамилию *Лъэцэрыкџо* (?).

***лаš* (Ч)**

Тлыш

Лъыш

Проживают в с. Чынарлы (ильче Гёнен, иль Балыкесир).

λ'əfə (Ч)

Тлыфы

Лпыфы

Представители фамилии проживают в с. Карлы (иль Самсун, ильче Кавак).

Magû (Bell II: 333), *Магу*
(Кишмахов 712)

Магə

Maɣy

По Дж. Ст. Беллу (Bell II: 333), аристократическая фамилия *Maɣy* в Субеше (A noble family *Magû* at *Sûbesh*). Ср. каб. фамилию *Магуэ* (Коков 178).

Marč'án (DA I: 71; V 235),
Me:rc'án (M 244),
Marč'án (DA III: 258)

Марчán

Марчán

Ср. тж. *Merc'án* в RO I: 30. Из абхазского княжеского фамильного имени *Маршьán* (ср. DA III: 42: *Märš'an*, “bonne famille” abkhaz ‘хорошая абхазская фамилия’); в M 244 ошибочно: из черкесского, в V 235 ошибочно: из абадзехского. Абхазский источник имеет и каб. фамилия *Мэршэн* (Коков 181; из *Мэрчэн*), также *Мэршан*, *Мерчан*. Ср. также ащхарскую фамилию *Марчан* (Ионова 347).

Meçodz (Ч)

Фамилия зафиксирована в с. Бююкчамурлу (иль Кахраман-мараш). Точное убыхское (или адыгейское) произношение фамилии неясно.

Meš'əš'i (Ч)

Машьышь

Мэщыщ

Проживают в с. Хаджыосман (ильче Маньяс, иль Балыкесир) в количестве трех дворов. По-видимому, потомки упоминаемого Ж. Дюмезилем (DA III: 33) сельчанина по имени Мащыщ (*Maš'əš'i*). Мужское имя (*Meš'əš'i*) также зафиксировано мною в этом селе.

Mezergu

Фамилия зафиксирована в с. Чынарлы (ильче Гёнен, иль Балыкесир) в тур. транскрипции (см. https://tr.wikipedia.org/wiki/Çınarlı,_Gönen). Точное убыхское (или адыгейское) произношение фамилии неясно.

Mezdóɣ^w (Ч)

Мездóгə

Мэздогъу

Представители фамилии проживают в с. Бюкджегиз (ильче Кавак, иль Самсун).

Mezihok (Ч)

Представители фамилии проживают в с. Акифие, Бююкчамурлу (иль Кахраманмараш). Точное убыхское (или адыгское) произношение фамилии неясно. Ср. шапсугскую фамилию *Mezax-q^{wa}* в убыхском селе Бюкджегиз (иль Самсун).

Oč'aš'e (Ч)

Очашья

Очащэ

Представители фамилии проживают в с. Машукие (иль Коджаели). Точное убыхское (или адыгское) произношение фамилии неясно.

Omúr-x^a//á-Jmər-x^{wa} (Ч)

Омұрхәа

Омұрхъуэ

Фамилия представлена в абхазо-убыхском с. Богазкёй (иль Сакарья). По-видимому, основана на личном имени восточного происхождения (*Ömür*, букв. «жизнь») с добавлением убыхского патронимического элемента *-x^{wa} < q^{wa}* 'сын'. Артикль *a-* в *á-Jmər-x^{wa}* — абхазский. Ср. также абхазскую (абжюйскую) фамилию *Емырхә-ба*, по-видимому, имеющую то же происхождение.

Özdén (Ч)

Оздён

Оздён

Проживают в с. Еникёй (ильче Маньяс, иль Балыкесир). Ср. абхазскую (из Ахчипсы) фамилию *Уазд́ан*, адыг. *Узден*, каб. *Уздэн*, абаз. (тап.) *Узден*. Из карачаевско-балкарского *özden* 'вольный, свободный' (состояние на Кавказе).

Pax^w (V 236)

Цахә

Пэхъу

Ср. также *Pox* (LO 155), *Pekhu* (Berzeg 62), *Pahho* (в с. Салихли, иль Сакарья; Ч). Ср., возможно, адыгейское муж. имя *Пэхъу*.

Pil'áš^j (Ч)

Цильáшь

Пилáщ

Проживают в с. Хаджыосман (ильче Маньяс, иль Балыкесир). Вариант фамилии *Biláš^j* (см.).

Pilohe (Ч)

Пилохе

Пилохъэ

Фамилия зафиксирована в с. Машукие в турцизированной форме, убыхский прототип неясен.

Psriç

Фамилия зафиксирована в с. Чынарлы (ильче Гёнен, иль Балыкесир) в тур. транскрипции (см. https://tr.wikipedia.org/wiki/Çınarlı,_Gönen). Убыхское (или адыгейское) произношение фамилии неясно.

Ps^wəq^wa (DA III: 21) Цсəых'əа Пш̄г̄уык̄б̄уэ
Записано мной также в фонетически видоизмененной форме *Pšⁱaqá//Pšⁱak(a)//Pšohk*, а также с турецким суф. мн.ч.: *Pšⁱak-lar*. Представители фамилии проживают в с. Машукие (иль Коджаели), проживали в городе Ондокузмаис (иль Самсун). По сообщению информантов, другой вариант этой фамилии – *Badijç* (?).

Q^wə́s^w (Ч) Кəысə К̄уыш̄г̄у
Зафиксирована в с. Кыркпынар (ильче Сапанджа, иль Сакарья).

Rıfatıko (Ч)
Фамилия зафиксирована в турцизированной форме в с. Кетендже (иль Коджаели). Фонетический облик вызывает сомнение: в убыхском языке начальный *p*- встречается лишь в заимствованиях.

Sapə (Ч) Сапы Сапы
Фамилия зафиксирована в с. Узунтарла (*Uzuntarla*) близ Измита. Ср., возможно, адыг. и каб. фамилию *Саный*.

Se:nč'ér (M 313), Санч'ар Сэнч'эр
Sanč'ár (V 236)

S'ag'as'a (Dumézil 1962: 105) Сьаг'асьа Ш̄г̄эг̄эш̄г̄э
Видимо, из адыг. ш̄г̄эд̄жаш̄г̄ (из *ш̄г̄эг̄аиш̄г̄*) «громадный». Отсюда же и абх. (бзыпское) мужское имя *Сьаг'асьа* (БД 408).

S'xapłə́ (DA III: 258), Сьхац̄т̄лы́ Ш̄х̄хапл̄гы́
S'xáplə̀: (M 309), *S'xapłə́*

(LO 155; DA I: 33; V 236; DA III: 17)

Из ад. *ш̄х̄хапл̄гы́* «рыжая (пл̄гы́) голова (ш̄х̄хэ)»; такое же объяснение в М 309 ('Rot-Kopf', из абадзехского) и в ВК 1981: 16 ('tête rouge, blonde'). У моих информантов представлено в фонетически видоизмененной форме *š'xapłə́//š'xapłə́*. Как отмечает Ж. Дюмезиль (ВК 1981: 16), в черкесском это имя, а в убыхском — фамилия. Исторически эта фамилия была зависима от рода Зайсуа (DA III: 17). В Турции проживают в сс. Кыркпынар, Янык (иль Сакарья), Караларчифтлиги, Чынарлы, Армутлу, Дерекёй//Кечидере, Дегирменбогазы,

Хаджысман, Ышыклар (иль Балыкесир), Машукие, Узунтар-ла (иль Коджаели), Кыркпынар, Янык (ильче Сапанджа, иль Сакарья). Из этой фамилии происходит османский военный деятель времен Балканских войн Нешет Паша (*Neşet Paşa*).

<i>S^wk^wáč'a</i> (DA III: 258) ⁸⁶	Сәкә́ча	Шъуку́чэ
<i>S^wk^wáša</i> (DA III: 258) ⁸⁷	Сәкә́ша	Шъуку́шэ
<i>Šac^w</i> (V 236), ⁸⁸ <i>Šec^w</i> (M 323)	Шацə	Шацу
<i>Šxabe</i> (Ч), <i>Šhabe</i> (Berzeg 62)	Шхаба	Шхъабэ

Представители фамилии проживают в селах илей Балыкесир (с. Дерекёй// Кечидере) и Дюздже. Видимо, эта же фамилия фигурирует у автора «Краткого описания» (с. 90) в виде *Асхаба*, с абх. определенным артиклем *а-*.

Šxaniko

Фамилия зафиксирована в турцизированной форме в с. Бююкчамурлу (иль Кахраманмараш). Точная убыхская (или адыгская) форма неясна. Ср. абх. (бзып.) мужское имя *Шьх'аны́кəа* (букв. 'ходок по горам').

<i>Š'ába</i> (Ч)	Шъаба	Шабэ
------------------	-------	------

Ввиду влияния турецкой фонетики (смягчение шипящих спирантов и аффрикат), исходной могла быть и форма *Šába*. Представители фамилии проживают в с. Янык (ильче Сапанджа, иль Сакарья).

Š'áma (Ч)

Представители фамилии проживают в с. Янык (ильче Сапанджа, иль Сакарья). Фонетически точная убыхская форма неясна.

<i>Š'apsáŷ</i> (Ч)	Шапсы́ҭ	Шапсы́гъ
--------------------	---------	----------

⁸⁶ Согласно Ж. Дюмезилю (там же), запись *Sk^wa:č'á* (V 236) неточна; то же и к *Sk^wā:č'jé* (M 314).

⁸⁷ Форму *Ck^waša* (V 235) Дюмезиль (DA III: 258) считал ошибочной. То же относится к *S^wk^wáš'ε:* (M 338), *S^wk^wás'ja* (V 236).

⁸⁸ Зафиксированную Месарошем (M 322) форму *Šec'j* Тевфик Эсенч считает ошибочной записью той же фамилии.

Проживают в сс. Армутлу (иль Балыкесир), Бюкджегиз (ильче Кавак, иль Самсун). Записано мной со вторичным (под влиянием турецкого или шапсугского приношения) смягчением начального спиранта (*š'apsáɣ*). Ср. убых. *šapsáɣ* 'шапсуг'. Ср. также каб. фамилию *Шапсыгъ* (Коков 214). В обоих языках фамилия основана на названии адыгейского племени шапсугов.

š'aq^wəmda (Ч)⁸⁹ Шъах'əымда Шакъуымда
Проживают в с. Караларчифтлиги (ильче Гёнен, иль Балыкесир).

š'e:š'íxá (М 329), Шъашъхы́ Щэщхы́
š'as'íxá (V 236)

š'awq'o Шъауко Щаукьо
Проживают в с. Чынарлы (ильче Гёнен, иль Балыкесир).

š'amát' (Ч) Шъымы́т Щымы́тI
Представители фамилии проживают в сс. Бесланбей//Акынлар, Чакырлар (иль Дюздже). См. фамильное имя *Shemitt* в Bell (II: 40). На имени этого рода базируется название села в нынешнем Лазаревском районе Сочи: русск. *Чемитокваджэ* (< *ЧымытI-къуаджэ*, с адыг. *къуаджэ* 'село'; у Дж.Ст. Белла передано как *Shemit-whatsh* (Bell II: 347), *Шмит-куадж* в Торнау (1864, ч. 1: 115). Абх. вариант: *Чымыт-рыцшы//Ш(ь)мыт-рыцшы*.⁹⁰ К. Меретуков (1990: 236) дает форму названия этого села в виде *Цурмытыкъуадж*, откуда, по его мнению, Чемитокваджэ. В основе названия, по автору, «родовая фамилия Цурмыт». Однако ранние записи данного ойконима, сделанные Дж. Ст. Беллом, Ф. Торнау и анонимным автором «Краткого описания», не содержат указания на лабиализа-

⁸⁹ Неясно, *q^w*, или *q'^w*.

⁹⁰ См. *Чимтрипшы* в Кратком описании 85 и *Шмитрипи* в Торнау (1864, ч. 2: 103).

цию начального сибиллянта, а также на присутствие сонорного *p* в начальном слоге. Убыхские данные, записанные мною в Турции, также не подтверждают наличие в начальном слоге лабиализованной аффрикаты и сонорного *p*, что можно судить по приведенному выше фамильному имени (*Č'amát'*, *Š'amát'*), связь которого с рассматриваемым ойконом очевидна. В убыхском в начальном слоге мы имеем либо *š'ə-*, либо *чы-* (представительница данной фамилии произносила ее как *Чымы́mI*, ср. также фамилию *А-чимит* у автора «Краткого описания», с. 90). Кстати, перебой *ч ~ ц* характерен для соседних убыхскому говорам шапсугского диалекта (см. Керашева 1957: 33–34), что может объяснять сходный перебой в анлауте данной фамилии. Наконец, и финальный согласный расходится с той формой, которую использует Меретуков: в моих записях этой фамилии конечный согласный представлен глоттализированным *mI*, тогда как в форме предлагаемой Меретуковым имеем придыхательный *m*.

Şuobit/Şobit//Şubut (Ч)

Проживают в с. Авданкёю (ильче Каралы, иль Синоп). Точная фонетическая форма фамилии неясна.

Š'upako

Шьупақо

Щупако

Проживают в с. Армутлу (иль Балыкесир). Точная фонетическая форма фамилии неясна.

Təy^wəž^j (Ч)

Тыгәыжъ

Тыгъуыжъ

Зафиксирована в с. Армутлу. Исходная форма — *Təy^wəž^j*, из адыг. *тыгъужъ* (*təy^wəž^j*) 'волк' (букв. 'старый вор').

Thatse (Тхаце)

Фамилия зафиксирована в с. Бююкчамурлу (иль Кахраманмараш). Точная убыхская (или адыгская) форма неясна.

Tlapsəx^wa (Ч)

Тлапсыхәа

Тлапсыхъуэ

Фамилия зафиксирована в садзско-убыхском с. Богазкёй (иль Сакаръя). Начальный *тл-* указывает на латеральный спирант (*λ*) в исходной форме (**lapsə-q^wa* ?). Ср. абх. (бзып.)

имя *Ғлаңсы́йкәа* (БД 239), адыг. фамилию *Лъэпщыкӕу*, каб. *Лъэпщокӕуэ*.

Tráx^w (Ч) Трыхә Трыхъу
Представители фамилии проживают в с. Доруккёю//Ени-топтепе (ильче Кавак, иль Самсун). В этом селе я записал такие варианты фамилии, как *Turúx* или *Turk^wa*// *Turk^wo*.

Txas (Berzeg 62) Тхас Тхас
Txáx^wa (Ч; Кишмахов 712) Тхáhәә Тхbáhъуэ
Проживают в с. Хаджыосман (ильче Маньяс, иль Балыкесир), Карапынар (ильче Кавак, иль Самсун). Записано мной также в более искаженных формах *Txako*//*Txahó*//*Taxo*. По-видимому, из адыг. *тхъа-кӕуэ* ‘божий сын’.

Txož^j (Ч; Кишмахов 712), *Tx^wež* Тхәәж Тхъуэж
(DA III: 266)
Представители фамилии проживают в с. Акчай (ильче Сапанджа, иль Сакаръя). Согласно Ж. Дюмезилю (DA III: 266), *Tx^wež* является адыгейской аристократической (*уэркӕ*) фамилией, однако мой информант идентифицировала свой род как убыхский.

Txəy^wan (BK 1981: 27) Тхыгәан Тхыгъуан
T^wə:bé (M 208), *T^wəbá*//*T^wába* Тəybá//Тəyíба Туybé//Туyíбэ
(V 236), *T^wəbe* [çüpe] (Ч)

Ср. также *T^wüba* (RO I: 41), *T^wəba* (BK 1981: 23). Согласно Dumézil, Namitok (1955: 41), *T^wüba* являлась абхазской фамилией, укоренившейся в стране убыхов и ставшая подданной рода Хунджа. Ныне в Абхазии такая фамилия отсутствует. Форма *C^wə:bé* (M 343) расценена Эсенчем (V 235) как ошибочно записанное *T^wəbá* (так же в DA III: 258). Я также записал форму этого фамильного имени в с. Карлы (иль Самсун) в виде çüre (*č^wəré*, *č^jiure*), и это также может быть искаженным произношением исходного *T^wəbá*. С. Берзег (Berzeg 60) регистрирует эту фамилию в виде *Č^jiure* (ЧIупэ), однако глоттализация, по-видимому, ошибочна. Предста-

вители фамилии проживают в с. Карлы (иль Самсун, ильче Кавак).

Tʷəl'áqʷa (DA III: 258), *Tʷəl'eqʷa*: Тə́ытлáх'əа ТуылIáкъяу (М 208), *Tʷəl'aqʷa* (V 236),

По Ж. Дюмезилю (DA III: 258), переводится с убыхского как «племя (*λ'áqʷa*) отца (*tʷə*)».

T'aq'o (Ч) Тако Тиакъ*о

Проживают в с. Богазпынар//Мюрветлер (иль Балыкесир, ильче Маньяс). Ср. патроним одной из ветвей фамилии Берзегь *Daq'o* в с. Узунтарла (иль Коджаели).

Wá:č'ǎba (М 199), *Wač'ǎba* Уачы́ба//Уочы́ба Уэчы́бэ//Уочы́бэ (V 236, DA III: 22), *Woč'ba*//*Wóč'ǎba* (Ч)

Представители фамилии проживают в с. Машукие (иль Коджаели), ранее также проживали в с. Янык (иль Сакарья).

Wánžɛ: (М 200), *Wánža* (DA III: 35; Уáнца Уáнджэ ВК 1981: 20)

Представители фамилии проживают в сс. Богазкёй, Хаджыякуп (иль Балыкесир). Я записал эту фамилию с мягким *žⁱ*, под влиянием турецкого произношения: *Wonžⁱa*//*Vónžⁱe*//*Wónžⁱe*//*Wenžⁱ* (Ч). Ср. также форму *Vože*, зафиксированную мной в с. Узунтарла (Uzuntarla) близ Измита. У Фогта *Wánžⁱa* (V 236), что исправлено Дюмезилем на *Wánža*. Есть ли связь с абх. (бзып.) фамилией *Ванцъашь* ?

Wasc'a (Ч) Уаста УасцIə

Фамилия зафиксирована в абхазских сс. Богазкёй и Калайык (иль Сакарья) в абхазизированной форме *Уасц́аа*.

Wasʷtəqʷa (LO 172; EO 65; Уасə́тых'əа Уэш́утыкъяуэ V 236)

Абадзехское фамильное имя (см. LO 172).

Wazbəxʷa (Ч) Уазбыхəа Уазбыхъяуэ

Фонетически упрощенный (спирантизированный) патронимический суффикс -*xʷa* восходит к *qʷa* “сын”. Фамилия зафиксирована в садзско-убыхском с. Богазкей (иль Сакарья).

Wočʹe (Ч)

Уоча

УокIэ

Представители фамилии проживают в сс. Узунтарла (иль Коджаели), Карлы (ильче Кавак, иль Самсун), Кумазкёй, Авданкёю (ильче Каралы, иль Синоп). В моих записях также *Vočʹe*, *Vošʹe*, *Vože*, *Vošʹ*, *Vočʹ*.

Wəsqo (Ч)

Представители фамилии проживают в с. Доруккёю//Ени-топтепе (ильче Кавак, иль Самсун). Конечный элемент (*qo*), по-видимому, *qʷa* ‘сын’.

Wəšʹx (М 196, 398; V 236; Ч),

Уышх(а)

Уышх(э)

Wəšʹxe (Ч)

Проживают в с. Армутлу (иль Балыкесир).

Wəzʷda (DA III: 22)

Уызэда

Уыжъуда

Согласно Ж. Дюмезилю (там же), социальный статус фамилии был несколько ниже аристократического (куашха) и соответствовал статусу адыг. *лѣкѣулѣщ* (*leqʷelešʹ*).

Xabát (Ч)

Хабáт

Хъабóт

Проживают в с. Тепеджик или Дюмбе (ильче Маньяс, иль Балыкесир).

Ха:mátʹa (М 384),

Хамы́та//Хáмыта

Хъамы́тIэ//Хъáмытэ

Xáməta (V 236)

У Фогта (V 236) числится как (мужское) имя, что, видимо, ошибочно. Фиксируется у Дж.Ст. Белла как *Khamti* (Bell I: 20, 67). Ср. также записанные мной такие формы этой фамилии, как *Xamte*//*Xamát*//*Xamtʹ*//*Xamátʹ*//*Namát*//*Namátʹ*//*Namáta*. Проживают в сс. Караагачалан или Хамтыкёй (ильче Гёнен, иль Балыкесир), в Армутлу (иль Балыкесир), Хатипкёю (иль Дюздже), Машукие, Узунтарла (иль Коджаели). Ср. абхазскую фамилию *Хамыт* (с. Калдахуара), по-видимому, убыхского происхождения.

Xarat

Харат

Хъэрэт

Фамилия зафиксирована в с. Чынарлы (ильче Гёнен, иль Балыкесир) в тур. транскрипции: *Narat* (https://tr.wikipedia.org/wiki/Çınarlı_Gönen). Ср. адыг. муж. имя *Хъаратэ*; см. также след. фамилию.

Xarátq'ʷo (Ч) Харáткəо Хьэрáткьуэ
 Фамилия зафиксирована в с. Тепеджик//Дюмбе (иль Балы-
 кесир). Ср. каб. фамилию *ХэрэтокІуэ* (Коков 207), абаз. (тап.)
XIapato/ыкѣва (Ионова 390).

Xasbolát (Ч)
 Представители фамилии проживают в с. Бюкджегиз (ильче
 Кавак, иль Самсун).

X'ət'a (BK 1981: 15) Хьыта ХььытІэ
 Фамилия фиксируется и в форме *Həjt'a* (M 23), *Hət'a* (DA III:
 34), *Xət'e* (Ч); последнее записано мной в с. Хаджыосман.

Xʷažj (Ч) Хəажь Хьуажь
 Ср. каб. фамилию *Хьуажь* (Коков 210), абадз. *Хьуажь*.

Xʷánž'a (DA I: 33; Хəынџа Хьуынџэ
xúnž'e: (M 385), V 236; DA III: 21; Ч)
 Зафиксировано у Белла (Bell II: 114) как клан *Khûnsh*. Пред-
 ставители фамилии проживают в сс. Хаджыосман, Хаджы-
 якуп, Хайдаркёю, Тепеджик//Дюмбе (ильче Маньяс, иль Ба-
 лыкесир), Чинге (ильче Бандырма, иль Балыкесир), Янык,
 Курткёй (ильче Сапанджа, иль Сакарья). Из этой фамилии
 происходит первая черкесская писательница Турции Хай-
 рие Мелек Хундж (*Hayriye Melek Hunc*), а также ее брат, герой
 войны за независимость Турции, соратник Ататюрка ар-
 мейский генерал Али Саит Акбайтуган (*Ali Sâit Akbaytuğan*).⁹¹
 Фамилия относилась к числу аристократических, соответ-
 ствует в социальной иерархии адыг. *уэркџ* (DA III: 22) и абх.
аамыџа.

Zájsʷa (DA I: 33; Зəйсəа Зэйшьуэ
 V 66, 236), *Zéjsʷe*: (M 315),
Zéjsʷa (Ч)⁹²

Представители этого рода проживают в сс. Хаджыосман, Те-
 педжик//Дюмбе (ильче Маньяс, иль Балыкесир). Фамилия

⁹¹ См. Berzeg 61.

⁹² В речи моих информантов исходный *sʷ* перешел в *šʷ*.

относилась к аристократическому слою убыхского общества (DA III: 21), ее представители возглавляли общину Вардане (Лавров 32). У Белла фамилия зафиксирована в виде *Zepsh* (Bell I: 242, 316; II: 240), *Zúsh* (Bell II: 3) и *Zeûz* (Bell II: 3, 378, 385). В литературе встречается и в форме Зефш, Дзепш, Дзеуш, Дзиаша, Зефш, Дзейш (Лавров 64), Дзеша. Иногда ее путают с абхазской княжеской фамилией *Žaŋiŋi-ŋa*, однако сходство между ними чисто внешнее, и фамилии этимологически не связаны.

Zē:k^wá (M 317), *Zájk^wa* Зэкәа//Зáйкәа ЗекIуá//ЗáйкIуа
(DA III: 258), *Zék^wa/o* (Ч)

Проживают в сс. Чынарлы, Дерекёй//Кечидере (иль Балыкесир). По Дюмезилу (DA III: 258), форма *Zájk^wa* в V 236 ошибочна. Ср. каб. фамилию *ЗекIуэ* (Коков 157).

Zabé (Ч) Зыбá Зыбó

Проживают в с. Армутлу (иль Балыкесир). Ср. абх. (бзып.) фамилию *Зы́ба*, каб., адыг. *Дзыбэ*, ащхар. *Дзыба*. Проживающие в с. Хаджыосман (ильче Маньяс, иль Балыкесир) пять дворов фамилии *Zaba* являются убыхизированными абадзехами.

Z^jə (Berzeg 61) Зъы Жъы
Z^wdε (M 340), *Z^wədá* (V 236), Зәда//Зәы́дá Жъудэ//Жъуы́дэ
Z^wda//Z^wəda (DA III: 266)

В речи моих утративших родной язык информантов: *Ž^jude*, *Ž^juda*, *Juž^jdé*, где исходный *z^w* перешел в *ž^ji* или в *už^j*. В садзско-убыхском с. Богазкёй (иль Сакарья) фамилия зафиксирована в форме, снабженной убыхским мужским патронимическим элементом *-x^wa* (< *q^wa*) ‘сын’ и абхазским определенно-родовым артиклем *a-*: *áŽ^wdax^wa* (< *á-Z^wda-x^wa*). Проживают также в сс. Янык (иль Сакарья), Кумазкёй, Авданкёю (ильче Каралы, иль Синоп). Ср. также адыгейскую (махошевскую) фамилию *Жъудэ*.⁹³

⁹³ См. <http://adyghe.ru/menu/2013-09-22-07-57-40/makhoshevskie>.

Сокращения.

БД	Бгажба 1964.
Ворошилов	Ворошилов 2006.
Ионова	Ионова 2006.
Кишмахов	Кишмахов 2012.
Коков	Коков 1983.
Лавров	Лавров 2009.
Услар	Услар 1887.
Хафизова	Хафизова 2010.
Ч	Чирикба (полевые записи в Турции 1991–2010 гг.)
А	Andrews 1989.
Ау	Aydemir 1973a.
ВАН	Bibliothèque archéologique et historique de l'Institut Français d'Archéologie d'Istanbul
Bell I, II	Bell 1840.
Berzeg	Berzeg 1998.
БК	Bedi Kartlisa, revue de kartvélogie. Études géorgiennes et caucasiennes. Paris.
БК 1981	Dumézil, Esenç 1981.
BS	Берзер, Сефер Фуат (Berzeg, Sefer Fuat), из знатного убыхского рода, по профес- сии адвокат, род. в 1943 г. в ильче Кавак (Kavak), иль Самсун (Samsun); его отец был из убыхского села Сыралы (Sıralı). Со- брал богатую библиотеку и архив, касаю- щийся абхазо-адыгов Турции; редактор журнала «Kafkasya»; автор целого ряда книг, посвященных жизни кавказской диспоры. Говорит на шапсугском диалек- те адыгейского и турецком.

DA I	Dumézil 1960.
DA III	Dumézil 1965.
EO	Dumézil 1959.
JA	Journal Asiatique. Paris.
LO	Dumézil 1931.
M	Mészáros 1934.
RO I	Dumézil, Namitok 1955.
§	Şöenu 1923.
V	Vogt 1963.
абадз.	абадзехский диалект.
абаз.	абазинский.
абх.	абхазский.
АРТ	артикуль.
ашхар.	ашхарский диалект.
бзып.	бзыпский диалект.
каб.	кабардинский.
мн.ч.	множественное число.
суф.	суффикс.
тап.	тапантский диалект.
темирг.	темиргоевский диалект.
тур.	турецкий.
шапс.	шапсугский диалект.

Литература.

- Агуажба Р.Х. 2014. *Из истории кавказской диаспоры: абхазы, убыхы...* (Историко-литературное эссе). Сухум.
- Бгажба Х.С. 1964. *Бзыбский диалект абхазского языка (исследования и тексты)*. Тбилиси: Издательство АН Грузинской ССР.
- Ворошилов В.И. 2006. *История убыхов. Очерки по истории и этнографии Большого Сочи с древнейших времен до середины XIX века.* — Русское географическое общество. Сочинское отделение. Майкоп: ОАО «Афиша».
- Дубровин Н.Ф. 1871. *История войны и владычества русских на Кавказе. Том I. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Книга I. Кавказ.* Санктпетербург.
- Инал-ипа Ш.Д. 1971. *Страницы исторической этнографии абхазов. (Материалы и исследования)*. Сухуми: Алашара.
- Ионова С.Х. 2006. *Абазинские фамилии и имена.* Черкесск.
- Керашева З.И. 1957. *Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка.* Майкоп: Адыгейское книжное издательство.
- Кишмахов М. Х.-Б. 2012. *Проблемы этнической истории и культуры убыхов.* Сухум, Карачаевск.
- Коков Дж.Н. 1983. *Из адыгской (черкесской) ономастики.* Нальчик: Эльбрус.
- Краткое описание страны, лежащей к северу от реки Сочи-пста до вновь возведенного на Туапсе укрепления. // Агуажба Р.Х., Ачугба Т.А. (сост.). 2005. *Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.)*. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа, с. 84–91.⁹⁴
- Кумахов М.А. 2006. *Убыхи.* // *Адыгская (Черкесская) энциклопедия.* Москва: Фонд им. Б.Х. Акбашева, с. 473–531.

⁹⁴ Оригинальное издание: газ. «Кубанские областные ведомости», 1884 г. № 50, 1885 г. № 1.

- Лавров Л.И. 1978. *Историко-этнографические очерки Кавказа*. Ленинград: Наука.
- Лавров Л.И. 2009. *Убыхи. Историко-этнографическая монография*. — «Кунсткамера — Архив» III. Санкт-Петербург: Наука, 237 с.
- Лавров Л.И. 2009а. *Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев*. Нальчик.
- Меретуков К.Х. 1990. *Адыгейский топонимический словарь*. Москва: Прометей.
- Мукба А.К. 2012. Убыхи Хаджи-Османа. // Д.К. Чачхалиа (ред.). *Джигетский сборник. Вып. 1. Вопросы этнокультурной истории Западной Абхазии или Джигетии*. Москва: Аква-Абаза, с. 261–263.
- Мықәба А.К. 2004. Хаңы-Осман — аубыхцәа рқыта. // Анзор Мықәба. *Ҳхы ҳзаир... Ақәа*, с. 69–79.
- Пахомов А. Записка об имущественных правах князя Георгия Шервашидзе. // antelava i., dzidzaria g. *masalebi apxazetis samtavros ist'oriisatvis*. tbilisi: Архивное управление МВД Грузинской ССР, 1953.
- Торнау Ф. 1864. *Воспоминания кавказского офицера. 1835 год. Часть первая*. Москва: Катков и К^о.
- Торнау Ф. 1864. *Воспоминания кавказского офицера 1835, 36, 37 и 38 года. Часть вторая*. Москва: Катков и К^о.
- Торнау Ф. 1976. Описание восточной части берега Черного моря от р. Бзыби до р. Саше 25 ноября 1835 г., Тифлис. // Дзидзария Г.А. *Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века*. Москва: Наука, 1976, с. 99–109.
- Услар П.К. 1887. О языке убыхов // Услар П.К. *Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык*. Тифлис: Издание Управления Кавказского Учебного Округа, с. 75–102.
- Хафизова М.Г. 2010. *Убыхи. Ушедшие во имя свободы*. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых.

- Хотелашвили-Инал-ипа М.К. 2012. К истории рода Сочинских князей Аублаа. Краткий очерк. // Д.К. Чачхалиа (ред.). *Джигетский сборник. Вып. 1. Вопросы этнокультурной истории Западной Абхазии или Джигетии*. Москва: Аква-Абаза, с. 143–159.
- Чачхалиа Д.К. 2012. О владельцах Сочи — князьях Аубла. // Д.К. Чачхалиа (ред.). *Джигетский сборник. Вып. 1. Вопросы этнокультурной истории Западной Абхазии или Джигетии*. Москва: Аква-Абаза, с. 175–176.
- Чирикба В.А. 1986. Абхазские лексические заимствования в убыхском языке. // *Проблемы лексики и грамматики языков народов Карачаево-Черкесии: Сборник научных трудов*. Черкесск, с. 112–124.
- Чирикба В.А. 2012. Расселение абхазов и абазин в Турции. // Д.К. Чачхалиа (ред.). *Джигетский сборник. Вып. 1. Вопросы этнокультурной истории Западной Абхазии или Джигетии*. Москва: Аква-Абаза, с. 21–95.
- Чирикба В.А. 2015. Ранние фиксации абхазского языка. 1. Записи Дж.Ст. Белла. (в печати).
- Шьынқәба Б.В. 1959. *Аңсуа жәлар рпоезиа. Еиқәуишәеит Б.В. Шьынқәба*. Ақәа: Қырттәылытәи анаукақәа ракадемия ашәкәтыжьырта.
- Шьақрыл К.С. 1989. *Итәамбазо жәлар рзыкь. Жәлар рҭәңыцтә хәамтәқуа*. Ианитҭеит, аус адиулеит, еиқуишәеит К.С. Шьақрыл. III-тәи атом. Ақәа: Алашара.
- Andrews P.A. (ed.). 1989. *Ethnic Groups in the Republic of Turkey*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- Aydemir, İ. 1973. Türk Tarihinde Önemli Rol Oynayan Çerkes Devlet Adamları. // *Kafkasya. Kültürel Dergi*. Yıl 10, Sayı 39–42, cilt 10. Ankara: İdeal Matbası, p. 166–169.
- Aydemir, İ. 1973a. Türkiye Çerkesleri. // *Kafkasya. Kültürel Dergi*. Yıl 10, Sayı 39–42, cilt 10. Ankara: İdeal Matbası, p. 215–237.

- Bell, J. S. 1840. *Journal of a residence in Circassia during the years 1837, 1838, and 1839*. In two volumes. Vol I. London: Edward Moxon.
- Bell, J. S. 1840. *Journal of a residence in Circassia during the years 1837, 1838, and 1839*. In two volumes. Vol II. London: Edward Moxon.
- Berzeg, K. 1990. *Kafkasya'da ve Osmanlı Hizmetinde Berzeg Ailesi'nden Tanınmış kişiler*. Ankara: Şafak Matbaacılık.
- Berzeg, S. 1990. *Türkiye Kurtuluş Savaşı'nda Çerkes Göçmenleri. II*. İstanbul: Nart Yayıncılık.
- Berzeg, S. 1995. *Kafkas Diaporasında Edebiyatçılar ve Yazarlar Sözlüğü*. Samsun.
- Berzeg, S. 1998. *Soçi'nin sürgündeki sahipleri çerkes-vubıhlar*. Ankara.
- Charachidzé, G. 1990-91. Emprunts lexicaux en Oubykh (À propos du dernier livre de A.K. Şagirov). // *Revue des études géorgiennes et caucasiennes*. Paris, vol. 6-7, p. 217-235.
- Christol, A. 1987. V. Notes de lecture. Scythica. // *Revue des études géorgiennes et caucasiennes. Hommage à Georges Dumézil*. No. 3, p. 215-225.
- Çelebi, E. 1999. *Evliya Çelebi b. Derviş Mehemed Zilli. Seyahatnamesi. II. Kitap*. Topkapı Sarayı Kütüphanesi Bağdat 304 Numaralı Yazmasının Transkripsiyonu — Dizini. Hazırlayanlar: Zekeriya Kurşun, Seyit Ali Kahraman, Yücel Dağlı. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları.
- Çelebi, E. 2007. *Evliya Çelebi b. Derviş Mehemed Zilli. Seyahatnamesi. X. Kitap*. İstanbul Üniversitesi Kütüphanesi Türkçe Yazmalar 5973, Süleymaniye Kütüphanesi Pertev Paşa 462, Süleymaniye Kütüphanesi Hacı Beşir Ağa 452, Numaralı Yazmaların Mukayeseli Transkripsiyonu — Dizini. Hazırlayanlar: Seyit Ali Kahraman, Yücel Dağlı, Robert Dankoff. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları.
- Çelik, C., Köseoğlu, M. 2011. *Canik Sancağına Bağlı Kavak Kazası'na 19. Yüzyılda Vubih Göçleri*. — Samsun Sempozyumu 2011. Опубликовано в: http://cerkesarastirmalari.org/pdf/kavak_kazasına_vubih_gocleri.pdf.
- Çelik, C., Köseoğlu, M. 2013. *Kavaklı Vubıhlar*. Опубликовано в: <http://www.kadef.org.tr/sayfa.asp?sayfaid=2583>.

- Dirr, A. 1918. Über den Namen "Ubychen". // *Orientalistische Studien. Fritz Hommel zum sechzigsten Geburtstag am 31. Juli 1914 gewidmet von Freunden, Kollegen und Schülern. Zweiter Band.* Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, p. 313–315.
- Dumézil, G. 1931. *La langues des Oubykhs.* — Collection Linguistique publiée par La Société de Linguistique de Paris. T. XXXV, Paris: Librairie Ancienne Honoré Champion.
- Dumézil, G. 1959. *Études Oubykhs.* — BAH, t. VII. Paris: Adrien Maisonneuve.
- Dumézil, G. 1960. Documents Anatoliens sur les Langues et les Traditions du Caucase I. — BAH, t. IX. Paris: Adrien Maisonneuve.
- Dumézil, G. 1962. *Documents Anatoliens sur les Langues et les Traditions du Caucase. II. Textes Oubykhs.* — Université de Paris. Travaux et Mémoires de l'Institut d'Ethnologie. T. LXV, Paris: Institut d'Ethnologie.
- Dumézil, G. 1965. *Documents Anatoliens sur les Langues et les Traditions du Caucase III. Nouvelles Etudes Oubykh. 1. Notes pour un centenaire. 2. Texts. 3. Révision du Dictionnaire de H. Vogt.* Publié avec le concours du Centre Nationale de la Recherche Scientifique. — Université de Paris. Travaux et Mémoires de l'Institut d'Ethnologie, t. LXXI, Paris: Institut d'Ethnologie.
- Dumézil, G. 1974. Notes d'étymologie et de vocabulaire sur les langues caucasique du Nord-Ouest (8-10). // JA 262, fasc. 1/2, p. 19-29.
- Dumézil, G. et Esenç, T. 1973. Notes d'étymologie et de vocabulaire sur les langues caucasique du Nord-Ouest (4-6). // BK XXXI, p. 24-35.
- Dumézil, G. et Esenç, T. 1978. Textes Oubykhs. // *Studia Caucasica* 4. Lisse: The Peter de Ridder Press, p. 17-103.
- Dumézil, G. et Esenç, T. 1981. Petit chroniques des villages oubykhs. // BK XXXIX, p. 15-29.
- Dumézil, G. et Namitok, A. 1955. *Récits Oubykh, I.* // JA CCXLIII, 1, p. 1-47.

- Dumézil, G., Namitok, A. 1955. *Récits Oubykh*, II. // *Journal Asiatique*, t. CCXLIII, 4, p. 439-457.
- Mézsáros J. [Gyula] von. 1934. *Die Päkhy-Sprache*. — The Oriental Institute of the University of Chicago. *Studies in Ancient Oriental Civilisations*, no. 9. Chicago, Illinois: The University of Chicago Press.
- Şöenu, M. F. 1923. *Çerkes Sorunu Hakkında Türk Kamuoyu ve TBMM'ne Sunu*. Istanbul. [Репринт в серии:] *Muhaceretteki Tarihimizden Belgeler*. 1. Ankara: Nartları Sesi Yayınları (без даты).
- Tatlok T. 1959. The Ubykhs. // *Caucasian Review* 7, München, p. 100–109.
- Tomaschek, W. 1899. Brukhoi. // *Paulys Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. Unter Mitwirkung zahlreicher Fachgenossen herausgegeben von Georg Wissowa*. Dritter Band. Stuttgart: J.B. Metzlersche Buchhandlung, col. 898–899.
- Vogt, H. 1963. *Dictionnaire de la langue oubykh. Avec introduction phonologique, index français-oubykh, textes oubykhs*. Oslo: Universitetsforlaget, Instituttet for Sammenlignende Kulturforskning, Série B: Skrifter, LII.

3. АННОТИРОВАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ОБ УБЫХСКОМ ЯЗЫКЕ, ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ

ANNOTATED BIBLIOGRAPHY OF LITERATURE ON THE UBYKH LANGUAGE, HISTORY AND CULTURE

СОКРАЩЕНИЯ. ABBREVIATIONS

BAH	Bibliothèque archéologique et historique de l'Institut Français d'Archéologie d'Istanbul.
BK	Bedi Kartlisa, revue de kartvélologie. Études géorgiennes et caucasiennes. Paris.
BSLP	Bulletin de la Société de Linguistique de Paris, Paris.
JA	Journal Asiatique. Paris.
Ms.	Manuscript. Рукопись.
OLZ	Orientalische Literaturzeitung: Zeitschrift für die Wissenschaft vom ganzen Orient und seinen Beziehungen zu den angrenzenden Kulturkreisen. Berlin.
REGC	Revue des études géorgiennes et caucasiennes, Paris.
ZDMG	Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.
АКД	автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата наук.
АН	Академия наук.
ЕИКЯ	Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, Тбилиси, Грузия.

ИКЯ	Иберийско-кавказское языкознание, Тбилиси, Грузия.
КБГУ	Кабардино-Балкарский госуниверситет им. Х.М. Бербекова, Нальчик.
КЧГПУ	Карачаево-Черкесский государственный педагогический университет, Карачаевск.
КЧГУ	Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева.
НИИ	Научно-исследовательский институт.
англ.	английский
газ.	газета
груз.	грузинский
ж.	журнал
рец.	рецензия
русск.	русский
убых.	убыхский

I. УБЫХСКИЙ ЯЗЫК. THE UBYKH LANGUAGE

Абдоков, Ауэз Исмаилович.

Abdokov, Auéz.

1973 *Фонетические и лексические параллели абхазско-адыгских языков.* Нальчик.

1974 *Фонетические и лексические соответствия абхазско-адыгских языков.* АКД. Нальчик, 19 с.

1976 *К вопросу о генетическом родстве абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков.* Нальчик: Эльбрус, 147 с.

1981 *Введение в сравнительно-историческую морфологию абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков.* Нальчик: Кабардино-Балкарский Государственный университет, 96 с.

1983 *О звуковых и словарных соответствиях северокавказских языков.* Нальчик: Эльбрус, 199 с.

1999 *Генетическое родство западнокавказских и восточнокавказских языков.* — Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. 10.02.09. Кавказские языки. Нальчик: Кабардино-Балкарский госуниверситет им. Х. М. Бербекова, 31 с.

1999 *Генетическое родство западнокавказских и восточнокавказских языков.* Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Нальчик, 418 с.

~ Рукопись/Ms.

Балкаров, Борис Хазешевиц.

Balkarov, Boris.

1978 Об одном числительном в убыхском языке. // *Арнольду Степановичу Чикобава (Сборник посвященный 80-летию со дня рождения).* Тбилиси: Мецниереба, с. 200–203.

1979 *Введение в абхазо-адыгское языкознание.* Нальчик: Кабардино-Балкарский Государственный Университет, 146 с.

1984 Выражение синтаксической связи в убыхском языке. // *ЕИКЯ XI*. Тбилиси, с. 76–79.

~ С груз. и англ. резюме. With Georgian and English summary.

Басария, Симон.

Basariya Simon.

1909 Вымершие народы. Убыхи и садзуа. // газ. *Кавказский край*, 27.09.

~ Доказывает, ссылаясь на близость лексики, что убыхи — народ абхазского племени давно от абхазов отделившееся.

~ The author aims to prove that Ubykhs are an Abkhaz tribe long ago separated from the Abkhazians.

Ворошилов, Владимир Иванович.

Vorošilov, Vladimir.

2005 *Топонимы российского Черноморья*. Сочи-Майкоп, 2005, 264 с.

Габуня, Зинаида, Сакиева Римма.

Gabunia, Zinaida, Sakieva, Rimma.

1996 *Язык Убыхов*. — Труды (АМАН) Адыгской (Черкесской) Международной Академии Наук. Серия: Филология. Нальчик, 108 с.

~ Русский перевод убыхской грамматики А. Дирра (Dirr 1928: 17–108) с предисловием З. Габуня (с. 1–9) и Р. Сакиевой («Предисловие к переводу работы А. Дирра “Die Sprache der Ubykhen”, с. 10–16).

~ The translation into Russian of Dirr (1928: 17-108).

Генко, Анатолий Несторович.

Genko, Anatoly.

1927 О языке убыхов. // *Известия Академии наук СССР*, отделение гуманитарных наук, серия VII, №. 3, Ленинград, с. 227–242.

Джанашиа, Русудан Симоновна.

Dzhanashia, Rusudan.

1978 ubixuri ricxviti saxelebis *zaŷ⁰a* nac'ilak'is c'armomavlobisatvis // ИКЯ XX, p. 188–190.

~ «К истории частицы *zaŷ⁰a* убыхских имен числительных». На груз. с русск. резюме.

~ In Georgian with Russian summary.

1980 [рец. на:] Georges Dumézil, *Le Verbe oubykh. Etudes descriptives et comparatives*. Paris, 1975. // ИКЯ VII, с. 314–318.

1981 О выражении родительного падежа собственных имен убыхского языка. // *Падежный состав и система склонения в иберийско-кавказских языках. IX региональная научная сессия. Тезисы докладов*. Махачкала, с. 20–21.

1983 О превербах в убыхском языке. // Н.Т. Табулова, Р.Х. Темирова (ред.). *Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках*. Черкесск, с. 50–52.

1988 К истории некоторых лабиализованных гласных в убыхском языке. // *9th International Colloquium of Caucasian Studies. 15–19 June 1998. In Commemoration of A.S. Chikobava Centenary. Abstracts of Reports*. Republic of Dagestan, Makhachkala, p. 27–28.

2015 *ubixuri ena*. Tbilisi.

~ «УБЫХСКИЙ ЯЗЫК».

Дыбо, Владимир Антонович.

Dybo, Vladimir.

1977 Западнокавказская акцентная система и проблема ее происхождения. // *Ностратические языки и ностратическое языкознание. Тезисы докладов*. Москва, с. 41–45.

~ Тональная гипотеза происхождения западнокавказской акцентной системы. Анализ системы убыхского ударения.

~ Tonal hypothesis of the origin of West Caucasian accent system.
Analysis of Ubykh stress system.

1989 Типология и реконструкция парадигматических акцентных систем. // *Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод*. Москва: Наука, с. 7–45.

~ Тональная гипотеза происхождения западнокавказской акцентной системы. Анализ системы убыхского ударения (с. 40–41).

~ Tonal hypothesis of the origin of West Caucasian accent system.
Analysis of Ubykh stress system (p. 40–41).

Кишмахов, Магомет Хаджи-Бекирович.

Kiřmaxov, Magomet.

2003 О происхождении антропонима Кишмахов/Кишмария // *Вестник КЧГПУ*, № 10. Карачаевск : КЧГПУ, с. 54–56.

Климов, Георгий Андреевич.

Klimov, Georgij.

1959 Новое в изучении убыхского языка. // *Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа*. Т. XX, Сухуми, с. 241–244.

1967 Абхазско-адыгские этимологии. I (исконный фонд). // *Этимология 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам*. Москва: Наука, с. 296–306.

Кумахов, Мухадин Абубекирович.

Kumaxov, Muxadin.

1964 О комбинаторных вариантах эргатива в адыгейском, кабардинском и убыхском языках // *Эргативная конструкция предложения в языках различных типов*. Тезисы докладов. Москва.

- 1967 Убыхский язык. // *Языки народов СССР. Том IV. Иберийско-кавказские языки*. Москва: Наука, с. 689–704.
- 1967 К проблеме эргатива в адыгейском, кабардинском и убыхском языках. // *Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. (Исследования и материалы)*. Ленинград: Наука, с. 168–173.
- 1971 О синтаксических особенностях убыхского языка. // *Тезисы докладов конференции*. Нальчик.
- 1973 Адыго-убыхские языковые контакты. // *Тезисы докладов V региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. (Проблемы языковых контактов на Кавказе)*. Орджоникидзе
- 1976 Теория генеалогического древа и вопросы дифференциации западнокавказских языков. // *Вопросы языкознания* 3, с. 47–57.
- 1978 Об одном типе сложных слов в адыгейском, кабардинском и убыхском языках. // *Арнольду Степановичу Чикобава (Сборник посвященный 80-летию со дня рождения)*. Тбилиси: Мецниереба, с. 193–199.
- 1981 Убыхское склонение в сравнении с адыгским. // *Падежный состав и система склонения в иберийско-кавказских языках. IX региональная научная сессия. Тезисы докладов*. Махачкала, с. 18–19.
- 1981 Абхазско-адыгские языки. // *Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Современное состояние и проблемы*. Москва: Наука, с. 285–297.
- 1986 Морфонологическое выражение числа в убыхском языке и его относительная хронология. // *Одиннадцатая региональная научная сессия по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков. Вопросы фонологии и морфонологии. Тезисы докладов 25–27 июня 1986 года*. Нальчик, с. 28–29.
- 1988 Причастие в убыхском языке. // *Отглагольные образования в иберийско-кавказских языках. Тезисы докладов XII региональной научной сессии по изучению системы и истории*

- иберийско-кавказских языков (21–23 сентября 1988 г.). Черкесск-Карачаевск, с. 22–23.
- 1990 Об одной группе адыгско-убыхских связанных основ. // XII региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Тезисы докладов. Майкоп.
- 1998 Каузатив в убыхском языке и его относительная хронология. // 9th International Colloquium of Caucasian Studies. 15–19 June 1998. In Commemoration of A.S. Chikobava Centenary. Abstracts of Reports. Republic of Dagestan, Makhachkala, p. 23.
- 1999 Убыхский язык. // Языки мира. Кавказские языки. Москва: Academia, с. 146–155.
- 2006 Убыхский язык. // Адыгская (черкесская) энциклопедия. Москва: Фонд им. Б.Х. Акбашева, с. 497–504.

Кумахова, Зара Юсуфовна.

Kumachova, Zara.

- 1965 Убыхско-адыгский лексический фонд. // Тезисы докладов на научной сессии по сравнительному изучению иберийско-кавказских языков Северного Кавказа (14–17 июня 1965). Махачкала, с. 37–38.
- 1966 К изучению лексики убыхского языка (Убыхско-немецкий словарь А. Дирра). // Ученые записки Адыгейского НИИ языка, литературы и истории. Том V. Языкознание. Краснодар-Майкоп, с. 219–227.
- 1967 Эргативная конструкция в убыхском языке. // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. (Исследования и материалы). Ленинград: Наука, с. 180–183.

Ломтатидзе, Кетеван Виссарионовна.

Lomtaticidze, Ketevan.

- 1974 ubixur enaši kartvelur enatagan šesuli leksik'uri masalis sak'itxisatvis. К вопросу о картвельских лексических заимствованиях в убыхском языке. // ИКЯ XIX, p. 93–99.

~ На груз. с русск. резюме. In Georgian with Russian summary.

1983 К вопросу о диалектных разновидностях в убыхском языке.

// Десятая региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Проблема лексического состава диалектов и разработка диалектных словарей. 12–13 сентября 1983 г. Тезисы докладов. Грозный, с. 4–5.

1987 К вопросу о диалектных разновидностях в убыхском языке.

// Проблема лексического состава диалектов и разработка словарей иберийско-кавказских языков. Материалы X региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, с. 6–10.

Мықәба, Анзор Кәакә-ипа.

Mykuba, Anzor.

2004 *Ххы хзааир...* Ақәа: Алашара.

~ «Если осилим себя». Глава «Хаджи Осман — деревня убыхов»

(Хацъы Осман — Аубыхцәа рқыта) на с. 69–79 — о встречах автора с убыхами Турции в 1988 г. и 1993 г.; с. 79 — список из 84 абхазских слов с переводом на убыхский язык с уст 70-летнего Гужв Саафета и 82-летнего. Зыба Джамалеттина в с. Хаджи Осман, запись 1993 года.

~ «If We Overcome Ourselves». Chapter “Hacı Osman — the Village

of the Ubykhs” (Хацъы Осман — Аубыхцәа рқыта) on p. 69–79 — about author’s meetings in Turkey with Ubykhs in 1988 and 1993. On p. 79 — a list of 84 Abkhaz words translated into Ubykh from 70 y. o. Guzhw Saafet and 82 y. o. Dzyba Camalettin from Hacı Osman köyü, recorded by Mykuba in 1993.

Немировский Михаил Яковлевич.**Nemirovskij, Mikhail.**

- 1930 Адольф Дирр и кавказская лингвистика. Adolf Dirr und die kaukasische Sprachwissenschaft. // *Научное общество этнографии, языка и литературы при Горском педагогическом институте*. Владикавказ: Растдзинад, 17 с.
- 1947 Из истории изучения убыхского языка. // *Ученые Записки Ростовского на Дону Государственного Университета им. В. М. Молотова*, т. V, вып. 2. Ростов.
- 1949 [реп. на:] Mészáros, Julius von. Die Päkhy-Sprache. Chicago, 1934. // *Языки Северного Кавказа и Дагестана*, т. 2. Москва-Ленинград, с. 320–324.

Рогава, Георгий Виссарионович.**Rogava, Georgij.**

- 1942 Абхазско-убыхско-адыгейский суффикс *privativum* ga в мергельском. // *Сообщения АН Грузинской ССР*. Тбилиси, т. 3, № 6.
- 1978 ubixuridan šetvisebuli erti zmnuri pudzi zanurši. // *ЕИКЯ V*. Тбилиси, с. 126–128.
- ~ «Убыхская глагольная основа в занском языке». С. 128: русск. и англ. резюме.
- ~ «An Ubykh verbal stem in the Zan language». P. 128: Russian and English summary.
- 1980 Следы наличия суффикса динамичности *wə* в лабиализованных корневых морфемах убыхского языка // *ЕИКЯ VII*. Тбилиси, 107–114.

Старостин, Сергей Анатольевич.**Starostin, Sergei.**

- 1978 Реконструкция праабхазоадыгской системы согласных. // *Конференция “Проблемы реконструкции”. Тезисы докладов*. Москва, с. 96–101.

2007 Реконструкция праабхазоадыгской системы согласных. // С.А. Старостин. *Труды по языкознанию*. Москва: Языки славянских культур, с. 44–49.

2007 Проблема генетического родства и классификации кавказских языков с точки зрения базисной лексики. // С. А. Старостин. *Труды по языкознанию*. Москва: Языки славянских культур, с. 529–546.

Таов, Хазеша Талиевич, Унатлоков, Вячеслав Хаутиевич.

Taov, Hazeša, Unatlov, Viacheslav.

2001 Кабардино-убыхские языковые связи. // Пазов, С. У. (ред.). *Региональное каказоведение и тюркология: традиции и современность. Материалы второй межвузовской научной конференции*. Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный педагогический университет, с. 245–246.

Тау Хъазешэ Т., Ульбаш Альбина В.

Tau, Hazeša, Ulbaš, Albina.

2005 *Убыххэмрэ убыхыбзэмрэ*. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр Къэрал Университет, 45 с.

~ Убыхи и убыхский язык (на кабардинском языке).

~ The Ubykhs and the Ubykh language (in the Kabardian language).

Трубецкой, Николай Сергеевич.

Trubetzkoy, Nikolaj.

1987 Латеральные согласные в северокавказских языках. // Н.С. Трубецкой. *Избранные труды по филологии*. Москва: Прогресс, с. 233–246.

~ Перевод Trubetzkoy 1922.

1987 Севернокавказские словарные сопоставления. // Н.С. Трубецкой. *Избранные труды по филологии*. Москва: Прогресс, с. 271–282.

~ Перевод Trubetzkoy 1930.

Услар, Петр Карлович.

Uslar, Petr.

1868 О лингвистических трудах Г. Каменева. // газ. «Кавказ», № 113.

~ Об убыхском языке и его родстве с абхазским и адыгским. Перепечатано в Агуажба, Ачугба (2005: 384–388).

~ On Ubykh and its relationship with Abkhaz and Circassian. Reprinted in Aguaz̑ba, Ačugba (2005: 384–388).

1887 О языке убыхов. // Услар, П.К. *Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский Язык*. Тифлис, с. 75–102.

2002 О языке убыхов. // Услар, П.К. *Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский Язык*. Тифлис, с. 75–102. Сухум.

Репринт издания 1887 г. Подготовил Ш. К. Арстаа.

Халбад, Тарас Хусрабович.

Xalbad, Taras.

1975 *Выражение категорий определенности и неопределенности в абхазо-адыгских языках*. Тбилиси: Мецниереба, 161 с.

Чачхалиа, Денис Киршалович.

Čačxalia, Denis.

2012 Историческая топонимика Большого Сочи середины XIX в. (фамильно-родовая номенклатура). // Д.К. Чачхалиа (ред.). *Джигетский сборник. Вып. 1. Вопросы этнокультурной истории Западной Абхазии или Джигетии*. Москва: Аква-Абаза, с. 192–207.

Черняев, П.Н.

Cherniaev P.N.

1928 Как изучал П.К. Услар язык убыхов. // *Записки Северокавказского краевого горского научно-исследовательского института*. Т. I. Ростов-на-Дону, с. 223–225.

Чирикба, Вячеслав Андреевич.

Chirikba, Viacheslav.

1985 Некоторые вопросы абхазо-убыхских звукосоответствий. // *Языки Азии и Африки (Фонетика. Лексикология. Грамматика). Сборник статей*. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, с. 223–245.

1985 К проблеме синхронного анализа свистяще-шипящих согласных в абхазо-адыгских языках. // *Вопросы адыгейского языкознания*. Майкоп. Вып. 5, с. 95–117.

1986 Абхазские лексические заимствования в убыхском языке. // *Проблемы лексики и грамматики языков народов Карачаево-Черкесии: Сборник научных трудов*. Черкесск, с. 112–124.

1986 Система свистяще-шипящих согласных в абхазо-адыгских языках. АҚД. АН СССР. Институт языкознания. Москва, 17 с.

Шагиров, Амин Кабцуевич.

Şagirov, Amin.

1965 К выявлению генетически общих элементов лексики абхазо-адыгских языков. // *Этимология. Принципы реконструкции и методика исследования*. Москва: Наука, с. 323–333.

1969 Вопросы сравнительно-исторического изучению лексики абхазо-адыгских языков. // *Материалы первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков*. Махачкала, с. 59–67.

1971 Материалы и исследования для сравнительного словаря абхазо-адыгских языков. // *Ученые записки Адыгейского НИИ языка, литературы и истории*. Вып. 12, Майкоп, с. 67–91.

1977 *Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков*. А — Н. Москва: Наука, т. I, 289 с.

- 1977 *Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. II – I.* Москва: Наука, т. II, 224 с.
- 1982 *Материальные и структурные общности лексики абхазо-адыгских языков.* Отв. ред. Абаев В.И. — АН СССР. Институт языкознания. Москва: Наука, 164 с.
- 1985 О тюркизмах в абхазо-адыгских языках. // *Этимология 1982.* Москва: Наука, с. 159–164.
- 1989 *Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков.* Москва: Наука, 191 с.
- 1994 Об убыхах и убыхском языке. // *Вестник Кабардино-Балкарского Государственного Университета*, Сер. гум. Наук, Вып. 1, Кн. II, с. 63–64.

Шакирбай, Георгий Захарович.

Šakirbaj, Georgij.

- 1978 *Абхазские топонимы Большого Сочи.* Сухуми: Алашара, 51 с.

Шакрыл, Константин Семенович.

Šakryl, Konstantin.

- 1968 *Некоторые лексические и звуковые соответствия в абхазско-адыгских языках.* Сухуми: Алашара, 105 с.
- 1971 *Очерки по абхазско-адыгским языкам.* Сухуми: Алашара, 291 с.

Adelman, Fred.

Аделман, Фред.

- 1966 [рец. на:] *George Dumézil. Documents Anatoliens sur les Langues et les Traditions du Caucase III. Nouvelles Etudes Oubykh: 1. Notes pour un centenaire 2. Texts 3. Révision du Dictionnaire de H. Vogt. (Travaux et Mémoires de l'Institut d'Ethnologie, LXXI.) Paris: Musée de l'Homme, 1965, 269 pp., 6 plates. 60F (paper). // American Anthropologist, New Series, Vol. 68, No. 6 (Dec., 1966). — Blackwell Publishing on behalf of American Anthropological Association, pp. 1533–1535.*

Allen, William Sydney.

Аллен, Уильям Сидней.

1964 *Dictionnaire de la langue oubykh, avec introduction phonologique, index français- oubykh, textes oubykhs*. Par Hans Vogt. (Institutet for Sammenlignende Kulturforskning: Serie B, Skrifter; no. 52) Pp. 265. Oslo: Universitetsforlaget, 1963. // *Language, Linguistic Society of America*. Washington, Vol. 40, No. 3 (Jul. — Sep., 1964), p. 500–502.

Alparslan, Orhan, Dumézil, Georges.

Алпарслан, Орхан, Дюмезиль, Жорж.

1964 *Le parler Besney (tcherkesse oriental) de Zennun köyü* (Çorum, Turquie). II. Textes folkloriques. // *JA*, t. CCLII, fasc. 3, p. 327–364.

~ Убыхский перевод бесленеевских текстов с комментариями.

~ Ubykh translation of Besleney texts with comments.

1966 *L'hôte enjoué*. Texte Bes(le)ney de Zennun köyü. // *Studia Caucasica* 2. The Hague: Mouton & Co., p. 1-8.

~ с. 7-8 — убыхский перевод бесленеевского текста с комментариями.

~ p. 7-8 — the Ubykh translation of the Besleney text with comments.

Benedictsen, Åge Meyer.

Бенедиктсен, Аге Майер.

1898 Рукописные записи слов и коротких текстов, сделанные в 1898 г. среди убыхских эмигрантов региона Сапанджа и использованные А. Дирром и Ю. Месарошем (см. Dumézil, Namitok 1954).

~ Судьба материалов А. Бенедиктсена неизвестна.

~ The fate of A. Benedictsen's materials is unknown.

Benvéniste, Emile.**Бенвенист, Эмиль.**

1959 [рец. на:] Georges Dumézil, *Contes et légendes des Oubykhs*. Paris, 1957. // *BSLP* 54, p. 269-270.

Bleichsteiner, Robert.**Бляйхштайнер, Роберт.**

1934 Die kaukasische Sparchproben in Evliya Çelebi's Seyahatname. // *Caucasica. Zeitschrift für die erforschung der Sprachen und Kulturen des Kaukasus und Armeniens* II, p. 84-126.

~ с. 109–110 — список убыхских слов, переданных Э. Челеби в арабской графике; с. 111–116 — анализ убыхского материала (“2. Die Sprache der Satscha-Abazen”); с. 125–126 — дополнительное примечание («Anhang»), содержащее комментарий к статье Генко (1927).

~ p. 109–110 — list of Çelebi's Ubykh notations in Arabic script; p. 111–116 — analysis of the Ubykh material (“2. Die Sprache der Satscha-Abazen”); p. 125–126 — additional note (“Anhang”) commenting on Genko's 1927 article.

1936 [рец. на:] Julius von Mészáros. Die Päkhy-Sprache. (= The Oriental Institute of the University of Chicago. Studies in Ancient Oriental Civilisations, No. 9) Chicago, University Press, 1934. 8°. // *Archív Orientální*, VIII, no. 3, Prag, p. 399-400.

Boratav, Pertev Naili.**Боратав, Пертев Наили.**

1967 [рец. на:] Georges Dumézil, *Documents anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase*. Paris, Institut d'Ethnologie, 1965, 269 p., pl. (Travaux et mémoires de l'Institut d'Ethnologie, LXXI). // *L'Homme* VII, Juillet-Septembre, numéro 3, p. 116–119.

Bork, Ferdinand.

1934 [Рец. на:] Mész ros, Julius von. Die Päkhy-Sprache. Chicago, 1934. // *Deutsche Literaturzeitung für Kritik der Internationalen Wissenschaft*. Berlin.

Bossong, Georg.**Боссонг, Георг.**

1982 Actance ergative et transitivité. Le cas du système verbal de l'oubykh. // *Lingua*, vol. 56, North Holland Publishing Company, Amsterdam, p. 201–234.

Bouda, Karl.**Бода, Карл.**

1959 [рец. на:] Georges Dumézil, *Etudes Oubykhs*. Paris, 1959. // *ZDMG* 109, p. 438–439.

1960 Etymologies oubykhs. // *JA CCXLVIII, fasc. 2*, p. 199–202.

1963 [рец. на:] Georges Dumézil, *Documents anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase, I*. Paris, 1960. // *ZDMG* 113, p. 308–310.

1963 [рец. на:] Georges Dumézil, *Documents anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase, II : Textes oubykhs*. Paris, 1962. // *ZDMG* 113, p. 680–681.

1967 [рец. на:] Georges Dumézil, *Documents anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase, III: Nouvelles études oubykhs*. Paris, Institut d'Ethnologie, 1965, 269 p. // *ZDMG* 117, p. 421–422.

Catford, John Cunnison.**Кэтфорд, Джон Каннисон.**

1997 Some Questions of N.W. Caucasian Phonetics and Phonology. // A. Sumru Özsoy (ed.). *Proceedings of the Conference on Northwest Caucasian Linguistics, 10–12 October 1994. Studia Caucasologica III. Novus forlag — Oslo, Institutet for sammenlignende kulturforskning*, p. 99–113.

~ C. 110–111: “5. Labialized sibilants in Ubykh: two or three?”.

Charachidzé, Georges.

Шарашидзе, Жорж.

- 1965 [реп. на:] Georges Dumézil, *Document anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase. III. Nouvelles études oubykhs.* — Paris, Institut d'Ethnologie, 1965. // *BK* 23–24, p. 191–194.
- 1987 George Dumézil (1898–1988). // *REGC* 3, p. ix–xv.
- 1988 Dernières récits oubykh de Haci Osman köyü avec version abkhaze. // *REGC* 4, p. 1–19.
- 1989 Oubykh. // B. George Hewitt (ed.). *The Indigenous Languages of the Caucasus. Volume 2. The North West Caucasian languages.* Delmar, New York: Caravan Books, p. 359–459.
- 1989 Une légende arménien en oubykh (avec version abkhaze). // *REGC* 5, p. 33–50.
- 1990–91 Emprunts lexicaux en Oubykh (À propos du dernier livre de A.K. Šagirov). // *REGC* 6–7, p. 217–235.
- 1992–93 Mots oubykhs retrouvés 2. Le complexe viscéral en caucasique du Nord-Ouest: *c⁰ag'əc⁰āba* 'viscères', *c⁰a* 'foie', *c⁰āba* 'poumon(s)'. // *REGC* 8–9, p. 37–46.

Charachidzé, Georges, Esenç, Tevfik.**Шарашидзе, Жорж, Эсенч, Тевфик.**

- 1990–91 Nouveaux récits oubykhs. // *REGC* 6–7, p. 1–22.
- 1990–91 Mots oubykhs retrouvés. // *REGC* 6–7, p. 23–46.
- 1992–93 1. Textes. Histoire de Pambat le Nogaï en abkhaze et en oubykh. Deux fabliaux en abkhaze et en oubykh. // *REGC* 8–9, p. 1–35.
- 1997 Le dernier dictionnaire de la langue oubykh. // A. Sumru Özsoy (ed.). *Proceedings of the Conference on Northwest Caucasian Linguistics, 10–12 October 1994. Studia Caucasologica III. Novus forlag* – Oslo, Instituttet for sammenlignende kulturforskning, p. 11–19.

Chirikba, Viacheslav A.**Чирикба, Вячеслав.**

1996 *Common West Caucasian. The Reconstruction of its Phonological System and Parts of Its Lexicon and Morphology*. Leiden: CNWS Publications, 452 pp.

~ Реконструкция фонологической системы, части лексикона и морфологии абхазо-адыгского праязыка. См. также Чирикба В. А. выше.

Colarusso, John.**Коларуссо, Джон.**

1979 Phonemic Contrasts and Distinctive Features: Caucasian Examples. // *The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels. Including Papers from the Conference on Non-Slavic Languages of the USSR*. Chicago: Chicago Linguistic Society, p. 305–321.

1988 *The Northwest Caucasian Languages: A Phonological Survey*. New York: Garland, 480 p.

1989 Proto-Northwest Caucasian (or How to Crack a Very Hard Nut). // Howard Aronson (ed.). *The Non-Slavic Languages of the USSR, Linguistic Studies*. Chicago: The Chicago Linguistic Society, p. 20–55.

1992 How many consonants does Ubykh have? // George Hewitt (ed.). *Caucasian Perspectives*. LINCOM EUROPA. Unterschleissheim/München, p. 145–156.

1998 The Revival of Ubykh. // 9th *International Colloquium of Caucasian Studies*. 15–19 June 1998. In *Commemoration of A. S. Chikobava Centenary. Abstracts of Reports*. Republic of Dagestan, Makhachkala, p. 51–53.

Christol, Alain.**Кристоль, Ален.**

1987 V. Notes de Lecture. Scythica. // *REGC 3, Hommage à George Dumézil*, p. 215-225.

~ Убыхский материал в “1.2. “Scythique” = casucasique?” (с. 215–217), “2.1. *Broŭkhoi*” (с. 218–219; отвергает связь между терминами *Brouchoi* и убых. *T^waxə*), «3. Les nom des Oubykhs» (с. 222–223; предлагает связь греческого термина *Toretoi* с убых. *T^waxə*).

~ Ubykh material in “1.2. “Scythique” = casucasique?” (p. 215–217), “2.1. *Broŭkhoi*” (p. 218–219; rejects the connection between the terms *Brouchoi* and *T^waxə*), “3. Les nom des Oubykhs” (p. 222–223; proposes the connection of the Greek term *Toretoi* with *T^waxə*).

2008 22. Scythica 1–3 (AC 21). // Alain Christol. *Des mots et des mythes. (Études linguistiques)*. Publications des Universités de Rouen et du Havre, p. 325–338.

~ Репринт Christol 1987 с дополнениями. Reprint Christol 1987 with additions.

Cocco, Vincenzo.**Кокко, Винченцо.**

1935 [Рец. на:] G. Dumézil, Introduction à la grammaire comparée des langues caucasiennes du Nord, Paris (Champion), 1933, in-8, pp. XVI–152 (Bibl. de l’Institut français de Leningrad, T. XIV). // *Aevum*, Milano, 9:1/2 (1935: genn./magg.) p. 201–206.

Coutau-Bégarie, Hervé.**Куто-Бегари, Эрве.**

1998 *Oeuvre de Georges Dumézil, Catalogue raisonné, suivi de textes de Georges Dumézil*. Paris: Economica, 210 pp.

Çelebi, Evliya.**Челеби, Эвлия.**

1999 *Evliya Çelebi b. Derviş Mehmed Zilli. Seyahatnamesi. II. Kitap.*

Топкапи Сарayı Kütüphanesi Bağdat 304 Numaralı Yazmasının Transkripsiyonu — Dizini. Hazırlayanlar: Zekeriya Kurşun, Seyit Ali Kahraman, Yücel Dağlı. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları.

- ~ Список убыхских слов (названных автором *Садша-Абаза*) на арабском алфавите.
- ~ List of Ubykh words (called by the author *Sadsha-Abaza*) in the Arabic script.

Dankoff, Robert.**Данкофф, Роберт.**

1991 An Evliya Çelebi Glossary: Unusual, Dialectal and Foreign Words in the Seyahat-name. // *Şinasi Tekin and Gönül Alpay Tekin (eds.) Sources of Oriental Languages and Literatures*. — The Department of Near Eastern Languages & Civilizations. Harvard University. Cambridge, Mass.

- ~ Убыхские глоссы из книг Э. Челеби. Ubykh glosses from Çelebi's books.

2008 *Evliyâ Çelebi Seyahatnâmesi Okuma Sözlüğü*. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları.

- ~ Турецкий перевод книги 1991 г.; с. 271–272 — убыхские глоссы из книг Э. Челеби.
- ~ Turkish translation of 1991 book.; p. 271–272 — Ubykh glosses from Çelebi's books.

D.C.

1961 [рец. на:] George Dumézil. — Documents Anatoliens sur les Langues et les Traditions du Caucase (I). — Paris (Publications

de la Bibliothèque archéologique et historique de l'Institut Français d'Archéologie d'Istanbul), 1960, 115 p. // *L'Année sociologique*, ser. 3 (1961), Paris, p. 551-552.

Deeters, Gerhard.

Деетерс, Герхард.

1935 [рец. на:] Dumézil, Georges. *Introduction a la grammaire comparée des langues caucasiennes du Nord*. 1933. // *OLZ* Nr. 8/9, p. 536-541.

1936 [рец. на:] Mészáros, Julius von. *Die Päkhy-Sprache*. Chicago, 1934. // *OLZ* 4, col. 245-251.

1963 *Die Kaukasische Sprachen*. // *Handbuch der Orientalistik*. — *Siebenter Band. Armenisch und Kaukasische Sprachen*. Herausgegeben von B. Spuler unter Mitarbeit von H. Franke, J. Gonda, H. Hammitzsch, H. Kees, J.E. van Lohuizen-de Leeuw und F. Vos. Erste Abteilung. Der nahe und der mittlere Osten. Herausgegeben von B. Spuler. Leiden/Köln: E.J. Brill, p. 1-79.

Dirr, Adolf.

Дирр, Адольф.

1916 Die Stellung des Ubychischen in den nordwestkaukasischen Sprachen. // *Aufsätze zur Kultur- und Sprachgeschichte, vornehmlich des Orients*. Ernst Kuhn, zum 70. Geburtstage am 7. Februar 1916, gewidmet von Freunden und Schülern. München: Breslau, Verlag von M. & H. Marcus, p. 413-419.

1918 Über den Namen "Ubychen". // *Orientalistische Studien*. Fritz Hommel zum sechzigsten Geburtstag am 31. Juli 1914 gewidmet von Freunden, Kollegen und Schülern. Zweiter Band. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung, p. 313-315.

1927 Die Sprache der Ubychen. Grammatische Skizze, Texte, ubyichisches Glossar nebst deutschem Index. // *Caucasica. Zeitschrift für die Erforschung der Sprachen und Kulturen des Kaukasus*. Vol. IV. Leipzig: Asia Major, p. 64-144.

- ~ Убыхская грамматика — с. 68–109, 4 текста с немецким переводом — с. 110–124, убыхско-немецкий словарь — с. 125–144.
- ~ Ubykh grammar — p. 68–109, 4 texts with German translation — p. 110–124, Ubykh-German dictionary — p. 125–144.

1928 *Die Sprache der Ubychen. Grammatische Skizze, Texte, ulychisches Glossar nebst deutschem Index (Fortsetzung und Schluß). // Caucasica. Zeitschrift für die Erforschung der Sprachen und Kulturen des Kaukasus. Vol. V, Leipzig: Asia Major, p. 1–54.*

- ~ Убыхско-немецкий словарь — с. 1–37, немецко-убыхский указатель — p. 38–54.
- ~ Ubykh-German dictionary — p. 1–37, German-Ubykh index — p. 38–54.

1928 *Die Sprache der Ubychen. Grammatische Skizze texte, ulychisches Glossar nebst deutschem Index von Adolf Dirr. Sonderdruck aus Caucasica, Fasc. 4 und 5. Leipzig: Im Verlag Der Asia Maior, 134 s.*
 1928 *Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen. Leipzig: Verlag der Asia Major, XI+381 p.*

- ~ C. 38–56: “Die Nord-West-Sprachen. Das Abchasische, Ulychische und Tscherkessische.”

Dumézil, Georges.

Дюмезиль Жорж.

1931 *La langues des Oubykhs.* — Collection Linguistique publiée par La Société de Linguistique de Paris. T. XXXV, Paris: Librairie Ancienne Honoré Champion, XVI+216 p.

- ~ Предисловие (с. xi–xvi); Грамматика (Фонетика: с. 1–13; Имя: с. 40; Местоимения: с. 40–41; Числительные: с. 41–43; Глагол: с. 44–107; Неизменяемые слова: с. 108–110; Тексты с переводами и комментариями: с. 111–188; Примечания к

словам: с. 189–214); Тексты на с. 112–188 переизданы с поправками в Dumézil (1959: 52–69) и с дополнительными поправками в Dumézil (1960: 71–77).

~ Preface (p. xi-xvi); Grammaire (Phonétique: p. 1–13; Les nom: p. 40; Ponom: p. 40–41; Noms de nombre: p. 41–43; Les verbs: p. 44–107; Mots invariables: p. 108–110; Textes traduits et commentés: p. 111–188; Notes de vocabulaire: p. 189–214); Texts on p. 112–188 were reedited with corrections in Dumézil (1959: 52–69), with additional corrections in Dumézil (1960: 71–77).

~ Рец. (Review): Meillet (1932: 169–172).

1932 *Études comparatives sur les langues caucasiennes du nord-ouest (morphologie)*. Paris: Adrien Maisonneuve, 262 pp.

~ Предисловие (с. 7–9), Библиография (с. 11–22), Транскрипция (с. 23–27), Выражение определенности-неопределенности (с. 29–40), Имя (с. 41–103), Местоимения и местоименные элементы (с. 105–121), Числительные (с. 123–132), Глагол (133–257).

~ Preface (p. 7–9), Bibliographie (p. 11–22), Transcription (p. 23–27), Expression du défini et de l’indéfini (p. 29–40), Les noms: désinences et suffixes casuels, postpositions (p. 41–82), Les noms: pluriel ; comparatifs et superlatifs ; composition et dérivation (p. 83–103), Pronoms et éléments pronominaux (p. 105–121), Noms de nombres (p. 123–132), Thèmes verbaux (p. 133–151), Indice personnels dans le verbe (p. 153–172), Suffixes des temps expression du pluriel et de la négation ; conjugaison causative ; particules (p. 173–207), Suffixes d’aspects (p. 109–221), Participes-гérondifs ; coordination ; infinitifs (p. 223–236), Expressions interrogatives et relatives ; postpositions a valeur de conjonctions ; formes composées avec de auxiliaires ; formes indéfinies (p. 237–257).

~ Рец. (Reviews): Meillet (1932: 169–172), Troubetskoy (1934: 629–630), Uhlenbeck (1933: 68–69).

1933 *Introduction à la grammaire comparée des langues caucasiennes du Nord*. — Bibliothèque de l'Institut Français de Léninegrad. Tome XIV. Paris : Librairie Ancienne Honoré Champion, 152 p.

~ Рец. (Reviews): Deeters (1935: 537–539), Meillet (1933: 164–166), Troubetskoy (1934: 631–634).

1933 *Recherches comparatives sur le verbe caucasien. I. Les suffixes de temps dans les langues caucasiennes. II. Les éléments préradicaux du verbe autres que les préverbes et les indices de personnes ou de classes*. — Bibliothèque de l'Institut Français de Léninegrad. Tome XV. Paris : Librairie Ancienne Honoré Champion, 95 p.

~ Рец (Reviews): Meillet (1934: 160–161), Troubetskoy (1934: 634–635).

1937 Morphologie comparée et phonétique comparée. A propos des langues caucasiennes du nord. // *BSLP* 38, fasc. 1 (No. 112), p. 122–138.

1937 [Рец. на:] *Caucasica*, hrsg. V. G. Deeters, fasc. 11, 1934 (Verlag Asia Major, Leipzig), 138 pp. in 8°. // *BSLP* XX, p. 144–147.

~ С. 144 — комментарии к убыхским материалам Э. Челеби.

~ P. 144 — comments on the Ubykh materials of E. Çelebi.

1940 Notes sur le verbe du tcherkesse occidental. // *Revue des Études Islamiques*. Publiée avec la collaboration de l'Institut des Études Islamiques de l'Université de Paris, et de l'Institut Français de Damas. Année 1940. Cahiers I–II. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, p. 75–81.

- ~ Сравнительный анализ некоторых элементов адыгской и убыхской глагольной системы.
- ~ The comparative analysis of some elements of the Adyghe and Ubykh verbal systems.

1941 Quelques termes religieux des langues caucasiennes du Nord-Ouest. // *Revue de l'histoire des religions*. Paris, Vol. CXXIII, p. 63–70.

- ~ С. 63–65: “Бог” на убыхском. Р. 63–65: “Dieu” en oubykh.

1942 Légendes sur les Nartes. Nouveaux textes relatifs au héros Sosryko. // *Revue de l'histoire des religions*. Paris, Vol. CXXV, p. 97–128.

1952 Langues caucasiennes. // A. Meillet, M. Cohen (eds.), *Les langues du Monde par un groupe de linguistes sous la direction de A. Meillet et Marcel Cohen, nouvelle édition*. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, Librairie Champion dépositaire, p. 227–254.

1955 Les gutturales de l'oubykh. // *BSLP* 51, fasc. 1, p. 176–180.

1957 *Contes et Légendes des Oubykhs*. — Université de Paris. Travaux et Mémoires de l'Institut d'Ethnologie. T. LX, Paris: Institut d'Ethnologie, XIII+105 p.

- ~ Введение (с. vii-xiii), тексты (с. 1–103).
- ~ Introduction (p. vii-xiii), texts (p. 1–103).

1958 Le vocalisme de l'oubykh. // *BSLP* LIII, p. 198–203.

1959 Récits Oubykh, III. // *JA* CCXLVII, 2, p. 149–170.

1959 *Études Oubykhs*. — ВАН, t. VII, Paris: Adrien Maisonneuve, 76 p. in-4o.

- ~ Предисловие (с. 9), Грамматический эскиз (с. 11–25), Тексты (с. 27–50), Ревизия текстов в La langue des Oubykhs (1931),

- с. 112–188 и в A. Dirr, *Caucasica*, IV (1927), с. 110–124 (с. 51–76).
- ~ Préface: p. 9; I. Esquisse grammatical: p. 11–25; II. Textes de Haci Osman köy (1955, 1957): p. 27–50; III. Revision des textes de La langue des Oubykhs (1931), pp. 112–188 et de A. Dirr, *Caucasica*, IV (1927), p. 110–124 (p. 51–76).
- 1959 Trois Récits Oubykh. // *Anthropos* 54, Fribourg (Suisse), p. 99–128.
- 1960 *Documents Anatoliens sur les Langues et les Traditions du Caucase I*. — ВАН, т. IX, Paris: Adrien Maisonneuve, 115 p. in-4o.
- ~ Убыхские тексты (с. 13–55), ревизия ранее опубликованных текстов (с. 57–78), ревизия пословиц, опубликованных в Mészàros (1934) — с. 79–90.
- ~ Ubykh texts – p. 13–55; revision of the texts published before — p. 57–78; revision of the proverbs published in Mészàros (1934) — p. 79–90.
- 1960 Récits Oubykh, IV. Textes sur *Sawsəraq⁰a*. // *JA* CCXLVIII, fasc. 4, p. 431–462.
- ~ C. 561–562: “Corrections à Récits Oubykh, II et III”.
- 1961 L’Arménien et le prince tcherkesse, récit oubykh. // *Handès Amsorya. Monatsschrift für armenische Philologie*. Herausgegeben und redigiert von der Mechitharisten-Kongregation in Wien unter Mitwirkung von Armenisten. Wien, vol. 75, col. 855–868.
- 1961 Récits Oubykh, V. // *JA* CCXLIX, 3, p. 269–296.
- ~ 3 убыхских текста с частичными переводами на темиргоевский диалект адыгейского и на кабардинский; с. 296: “Notes de correction (novembre 1961)”.
- ~ 3 Ubykh texts with partial Temirgoy Adyghe and Kabardian translations; p. 296: “Notes de correction (novembre 1961)”.

1961 La jeune fille intelligente, récit oubykh. // *Transactions of the Philological Society*, Oxford: Basil Blackwell, p. 56–67.

1961 Chah-Meymun. Texte oubykh, traduit et commenté. // *Orientalia Suecana*. Edenda curaverunt Gustav Karlsson et Nils Simonsson. Vol. 10. Uppsala, p. 41–80.

1962 *Documents Anatoliens sur les Langues et les Traditions du Caucase. II. Textes Oubykhs*. — Université de Paris. Travaux et Mémoires de l'Institut d'Ethnologie. T. LXV, Paris: Institut d'Ethnologie, XIII+105 p.

~ Введение (с. xi-xii), Кавказские рассказы (с. 3–43), Кавказские рассказы Кубе Щабана (с. 47–58), Местная хроника (с. 97–99), Рассказы (с. 111–153), Турецкие истории (с. 157–181), Ревизия убыхских публикаций (с. 185–196).

~ Introduction (p. xi-xii), Recits caucasien (p. 3–43), Recits caucasien de *K'ube Š'aban* (p. 47–58), Chronique locale (p. 97–99), Contes (p. 111–153), Histories turques (p. 157–181), Révision de publications oubykhs (p. 185–196).

1962 La malignité des femmes, deux variantes oubykhs. // *ZDMG* 112, Neue Folge, 37, p. 94–105.

1963 Récits Oubykh, VI. // *JA CCLI*, 1, p. 1–19.

~ Убыхский текст, комментарии с черкесским переводом, французский перевод, исправления к “Trois récits Oubykh” (*Anthropos* 54, 1959).

~ An Ubykh text, notes with Circassian translation, the French translation, Erratum to “Trois récits Oubykh” (*Anthropos* 54, 1959).

1963 Caucasique du Nord-Ouest et parlers scythiques. // *Annali de l'Istituto Orientale di Napoli (Sezione linguistica)* 5, p. 5–18

- ~ Анализ некоторых западнокавказских (включая убыхских) слов с точки зрения их предполагаемой связи с иранскими словами.
- ~ Analysis of some West Caucasian (including Ubykh) words with regard to their supposed relationship to Iranian.

1965 *Documents Anatoliens sur les Langues et les Traditions du Caucase III. Nouvelles Etudes Oubykh. 1. Notes pour un centenaire. 2. Texts. 3. Révision du Dictionnaire de H. Vogt.* Publié avec le concours du Centre Nationale de la Recherche Scientifique. — Université de Paris. Travaux et Mémoires de l'Institut d'Ethnologie, t. LXXI, Paris: Institut d'Ethnologie, 269 pp., VI plates.

- ~ Записки к столетию (с. 15-36); убыхские тексты (с. 39-196); исправления к Hans Vogt. Dictionnaire de la langue Oubykh (Oslo, 1963) — с. 199-259; Новые исправления ранее изданных убыхских текстов.
- ~ 1. Notes pour un centenaire — p. 15-36; Oubykh texts (with notes and French and sometimes also Circassian translation) — p. 39-196; revision of the Dictionnaire de la langue Oubykh de Hans Vogt (Oslo, 1963) — p. 199-259; Nouvelle révision, avec Tevfik Esenç (1963, 1964), des textes publiés dans des revues depuis 1960 — p. 261-265 (Récits Oubykhs III, *JA* CCXLVII, 1959, p. 149-170; Récits Oubykhs IV, *JA* CCXLVIII, 1960, p. 431-461; Récits Oubykhs V, *JA* CCXLIX, 1961, p. 269-296; Récits Oubykhs VI, *JA* CCLI, 1963, p. 1-19; «La jeune fille intelligente», in *Trans. of the Philol. Society*, 1961, p. 56-67; «La malignité des femmes», in *ZDMG* 112 = N.F. 37, 1962, p. 94-105; «Chah Meymun», in *Orientalia Suecana* X, 1961 [1962], p. 41-80; Nouvelles des Oubykhs — p. 265-269.

1967 *Documents anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase, V. Études Abkhaz.* — БАН, XXI. Paris, 200 p.

- ~ Грамматический очерк абхазского языка; 10 абхазских текстов с убыхским переводом; на с. 197–200 — приложение, содержащее исправления к Documents Anatoliens... II и III.
- ~ A grammatical sketch of Abkhaz; 10 Abkhaz texts with Ubykh translations; p. 197–200: Appendice. Révision de Documents Anatoliens... II et III.

- ~ 10 абхазских текстов с убыхским переводом; на с. 197–200 — приложение, содержащее исправления к Documents Anatoliens... II и III.
- ~ 10 Abkhaz texts with Ubykh translations; p. 197–200: Appendice. Révision de Documents Anatoliens... II et III.

- 1969 Analyse de mots oubykhs. // Word. — Journal of the International Linguistic Association 25. Linguistic Studies Presented to André Martinet On the Occasion of his Sixtieth Birthday. Ed. By Alphonse Juilland, p. 104–113.
- 1971 Basque et caucasiques du Nord-Ouest, examen de rapprochement lexicaux récemment proposés. // JA 259, p. 139–161.

- ~ Этимологический анализ некоторых западнокавказских (включая убыхских) слов с точки зрения их предполагаемого родства с баскским.
- ~ Etymological analysis of some West Caucasian (including Oubykh) words with regard to their supposed relationship to Basque.

- 1972 Notes d'étymologie et de vocabulaire sur les langues caucasique du Nord-Ouest (1–3). // JA 260, 1, p. 7–14.

- ~ 1. Убых. за. 2. Убых. q'a- «рука». 3. Три убыхских детерминанта. Исправление ошибок в более ранних публикациях.
- ~ 1. Oubykh за. 2. Oub. q'a- «bras, main». 3. Trois déterminants oubykhs. Also contains : Erratum à «Basque et CNO», JA 259, 1971, p. 139–161; Erratum à «Analyse de mots oubykhs», Word 25, 1969, p. 104–113.

1972 Errata et addenda à Bedi Kartlisa XXVIII, p. 24–52, «Structure des racines verbales de l'oubykh». // *BK* 29-30, p. 61–62.

1974 Notes d'étymologie et de vocabulaire sur les langues caucasique du Nord-Ouest (8–10). // *JA* 262, fasc. 1/2, p. 19–29.

~ 8. Проблемы убыхского *ma* (*ma*, *ma*). I. Сложные слова производные от убых. *ma* «яблоко». II. Сложные слова производные от убых. *ma*. — «где». III. «Локоть», «колени», «пятка» по-убыхски. 9. Фарингализованное *ɥ* в убыхском. 10. Названия дней недели в западнокавказских языках.

~ 8. Problèmes oubykhs de *ma* (*ma*, *ma*). I. Composés d'oub. *ma* «pomme». II. Composés d'oub. *ma*.- «où». III. «Coude», «genou», «talon» en oubykh. 9. Le *v* pharyngalisé de l'oubykh. 10. Les noms des jours de la semaine dans les langues CNO.

1975 Analyse et comparaison en linguistique Caucasique (Notes d'étymologie et de vocabulaire sur les langues Caucasique du Nord-Ouest, 7). // *Mélanges linguistiques offerts à Emile Benvenist*. – Collection linguistique publiée par la Société de Linguistique de Paris, no. LXX. Dépositaire Peeters/Louvain, p. 141–149.

~ Этимология нескольких убыхских слов. Etymology of several Ubykh words.

1975 en collaboration avec Tefvik Esenç. *Le verbe oubykh. Etudes descriptives et comparatives*. Paris: Imprimerie Nationale et Librairie C. Klincksieck, 215 p.

~ В сотрудничестве с Тевфиком Эсенчем. Введение (с. 4–24), Структура корня (с. 25–50), Уточняющие аффиксы (с. 51–70), Личные показатели (стр. 71–83), Типы спряжения (с. 85–102), Местные и детерминанты превербы (с. 103–130), Направительные превербы (с. 131–138), Цитатная части-

ца (с. 139–144), Суффиксы времени и аспекта (с. 144–159), Выражения множественности (с. 161–162), Отрицательные формы (с. 162–169), Каузативы (с. 171–179), Причастия и деепричастия (с. 181–198), Вопросительные формы (с. 199–203), Фразовый синтаксис (с. 205–211), Формы с вспомогательными глаголами (с. 213–215).

- ~ Introduction (p. 4–24), Structure de racines (p. 25–50), Affixes spéciafiants (p. 51–70), Indice personnels (p. 71–83), Classes de conjugaisons (p. 85–102), Préverbes locaux et déterminants (p. 103–130), Préverbes de direction (p. 131–138), Particules de rapport (p. 139–144), Suffixes de temps et de modes (p. 144–159), Expressions du pluriel (p. 161–162), Formes négatives (p. 162–169), Causatifs (p. 171–179), Participes et Gérondifs (p. 181–198), Interrogation (p. 199–203), Syntax de phrase (p. 205–211), Formes avec auxiliaires (p. 213–215).

1975 M. Georges Dumézil a la parole pour un hommage. // *Académie des Inscriptions & Belles-lettres. Comptes rendus de séances de l'année 1975, juillet-octobre. Séance du 10 octobre 1975.* Publication trimestrielle. Volume 119, Numéro 3. Paris: Éditions Klincksieck, p. 415–416.

- ~ Презентация Ж. Дюмезилем Академии своей книги (*Le verbe oubykh*, 1975) и рассказ о предмете своего исследования — убыхах, их языке и исследовании глагольной системы как части сравнительной грамматики западнокавказских языков.
- ~ G. Dumézil presents to the Academy his book (*Le verbe oubykh*, 1975) and talks about the subject of his research — the Ubykhs, their language and the verbal system as part of the comparative grammar of the North-West Caucasian languages.

1976 Compléments et corrections au Verbe Oubykh (1975), 1. // *BK XXXIV*, p. 9–15.

- ~ Публикация последних параграфов главы IV («Личные показатели») из книги “Le Verbe Oubykh”, которые не попали в издание: «Рефлексив», «Взаимность»; некоторые исправления к упомянутой книге.
- ~ Publication of the last paragraphs of the Chapter IV (“Indices personnelles”) of “Le Verbe Oubykh”, which fell out of the publication: “Réfléchi”, “Réciprocité”; some corrections to the mentioned book.

1978 L'Oubykh d'Evliya Çelebi. // JA 266, p. 57–66.

- ~ Анализ убыхского языкового материала, записанного в XVII веке турецким путешественником Эвлия Челеби.
- ~ The analysis of the Ubykh linguistic material as recorded in the XVIIth century by the Turkish traveller Evliya Çelebi.

1978 Notes d'étymologie et de vocabulaire sur les langues caucasique du Nord-Ouest. 18. «sortir» et «appartenir». // BK XXXVI, p. 9–16.

1979 Notes d'étymologie et de vocabulaire sur les langues caucasiques du Nord-Ouest. 19. Le pluriel en *aw* de préfixes possessifs. // Арнольду Степановичу Чикобава (Сборник посвященный 80-летию со дня рождения). Тбилиси: Мецниереба, с. 186–189.

1982 Notes d'étymologie et de vocabulaire sur les langues caucasique du Nord-Ouest (21). // BK 40, p. 9–18.

- ~ 21. Убыхский корень $y/ya/y^ja$, черкесский $*y(e)$.
- ~ 21. La racine oubykh $y/ya/y^ja$, tcherkesse $*y(e)$.

Dumézil, Georges et Esenç, Tefik.

Дюмезиль Жорж, Эсенч Тевфик.

1971 Structure des racines verbales de l'oubykh. // BK XXVIII, p. 24–52.

1972 Affixes verbaux de l'oubykh. // BK XXIX-XXX, p. 42–62.

- ~ I. Продуктивные аффиксы (1 *fa*, 2 *ay*, 3 *la*, 4 *g'a*, 5 *c⁰*); II–IX. Не-продуктивные или окаменелые аффиксы (II *ž'*, III *č'a*, IV *ža*, V *č'a*, VI *t'⁰*, VII *t⁰* ~ *χα*, VIII *da*, IX *γ⁰a*); X–XI Черкесские аффиксы в убыхском (*λ'a*, **x*); XII Комбинации аффиксов. С. 60–62: «Исправления и дополнения к *Bedi Kartlisa*, XXVIII, с. 24–52; Структура глагольных корней в убыхском».
- ~ I. Affixes productifs (1 *fa*, 2 *ay*, 3 *la*, 4 *g'a*, 5 *c⁰*); II–IX. Affixes non productifs ou fossilisés (II *ž'*, III *č'a*, IV *ža*, V *č'a*, VI *t'⁰*, VII *t⁰* ~ *χα*, VIII *da*, IX *γ⁰a*); X–XI Affixes tcherkesses en oubykh (*λ'a*, **x*); XII Combinaisons d'affixes. P. 60–62 : “Errata et addenda à *Bedi Kartlisa*, XXVIII, p. 24-52; Structure des racines verbales de l'oubykh”.

1973 Notes d'étymologie et de vocabulaire sur les langues caucasique du Nord-Ouest (4–6). // *BK XXXI*, p. 24–35.

- ~ 4. Копула идентификации в убыхском -*ža*. 5. Убыхские субстантивы и прилагательные с начальным гласным (*a*-). 6. Убыхские звукоподражания. С. 35: Поправки к статье «Notes, 1-3», *JA* 260, 1972, с. 7–14.
- ~ 4. La copule d'identification oubykh -*ža*. 5. Substantifs et adjectifs oubykh à initiale vocalique (*a*-). 6. Onomatopées oubykh. P. 35: “Erratum à “Notes, 1–3”, *JA* 260, 1972, p. 7-14”.

1974 Notes d'étymologie et de vocabulaire sur les langues caucasique du Nord-Ouest 11. Emprunts de l'oubykh au tcherkesse. // *BK XXXII*, p. 37–47.

1975 Trois textes Oubykh. // *BK XXXIII*, p. 41–48.

- ~ 3 убыхских текста с примечаниями и переводами.
- ~ 3 Ubykh texts with notes and translations.

1976 Notes d'étymologie et de vocabulaire sur les langues caucasique du Nord-Ouest, 12–14. // *БК XXXIV*, p. 16–23.

- ~ 12. Следы в убыхском наречных образований на *ta*, главным образом использующихся в абазинском. 13. Сложные слова в убыхском с тремя различными элементами *q'a*, означающими «руку», «место», «слово». 14. Определение двух корней, которые используются только в качестве второго элемента композитов: $-y^j$ «быть сильным», $-x$ «падать».
- ~ 12. Traces en oubykh d'une formation adverbiale en *ta* largement utilisée dans le seul abaza. 13. Composés oubykh de trois éléments *q'a* distincts, signifiant «maine», «lieu», «parole». 14. Détermination de deux racines fissiles qui ne subsistent que comme second élément de composés: $-y^j$ «être vif», $-x$ «tomber».

1977 Les noms de nombres de l'oubykh. Notes descriptives et comparatives. // *БК XXXV*, p. 9–20.

- ~ Анализ убыхских числительных с точки зрения соответствий в черкесском и абхазском.
- ~ Analysis of Ubykh numerals with regard to the correspondences in Circassian and Abkhaz.

1977 Notes d'étymologie et de vocabulaire sur les langues caucasique du Nord-Ouest (13–15) [15–17]. // *БК XXXV*, p. 21–27.

~ Должно быть № 15–17!

- 13. Убыхские корни типа «согласный + *a* + *r*». 14. Разрешение одной сложности «Словаря» Фогта, № 602–603. 15. Интерпретация $*w$, который, в комбинации с предыдущим $*e$, произвел о настоящего времени глаголов процесса в восточно-черкесском (кабардинский, бесленеевский).

~ Must be nos. 15-17!

13. Recensement des racines oubykh du type «consonne + *a* + *r*». 14. Solution d'une difficulté du *Dictionnaire* de Vogt, nos 602-603.
15. Interprétation du **w* qui, combiné avec un **e* le précédant, a produit le *o* du présent des verbes de procès en tcherkesse oriental (kabarde, besleney).

1978 Textes Oubykhs. // *Studia Caucasica* 4. Lisse: *The Peter de Ridder Press*, p. 17–103.

~ 14 убыхских текстов с комментариями и французским переводом.

~ 14 Ubykh texts with notes and French translation.

1979 Petits épopées tcherkesses en Oubykh. // *BK XXXVII*, p. 15–32.

~ 2 убыхских и 2 черкесских текста с заметками и переводами.

~ 2 Ubykh and 2 Circassian texts with notes and translations.

1981 Petit chroniques des villages oubykhs. // *BK XXXIX*, p. 15–29.

1985 Proverbes tcherkesses en oubykh. // *REGC* 1, pp. 1–8.

1987 Cahiers George Dumézil I. 1. Histoires de Nasreddin Hoca en oubykh. // *REGC* 3, p. 1–9.

~ Текст записи Ж. Дюмезиля, просмотренный, переведенный и аннотированный Жоржем Шарашидзе.

~ Texte revisé, traduit et annoté par Georges Charachidzé.

1988 L'oubykh d'Evliya Çelebi: complements. // Mohammad Ali Jazayeri, Werner Winter (eds). *Languages and Cultures. Studies in Honor of Edgar C. Polomé*. — Trends in Linguistics. Studies and Monographs 36. Berlin, New York, Amsterdam: Mouton de Gruyter, p. 157–160.

Dumézil, Georges, Esenç, Tefik, Charachidzé, Georges.

Дюмезиль, Жорж, Эсенч, Тевфик, Шарашидзе, Жорж.

- Trois cents histoires de Nasrettin Hoca en oubykh. Ms/рукопись ?

- Dictionnaire de la langue oubykh. Paris. Ms/рукопись?

Dumézil, Georges, Namitok, Aytek.

Дюмезиль, Жорж, Намиток, Айтек.

1938 Racines oubykhs et tcherkesses à *u*- préfixé. // *BSLP* 39, fasc. 1 (no. 115), p. 67–87.

~ С. 77–87: комментарии Ж. Дюмезиля к его работе «Morphologie comparée dr phonetique comparée» (*BSLP* 38, с. 122–138).

~ Р. 77–87: Dumézil's comments to his paper "Morphologie comparée et phonetique comparée" (*BSLP* 38, p. 122–138).

1954 Le système des sons de l'oubykh. // *BSLP* 50, fasc. 1, p. 162–189.

~ Тексты на с. 173–189 были впоследствии отредактированы с поправками в Dumézil (1960: 71–77).

~ Texts on p. 173–189 were then re-edited with corrections in Dumézil (1960: 71–77).

1955 Récits Oubykh, I. // *JA* CCXLIII, 1, p. 1–47.

1955 Récits Oubykh, II. // *JA* CCXLIII, 4, p. 439–457.

~ Текст на с. 450 «Брачное испытание» был впоследствии переиздан с поправками в Dumézil (1960: 88).

~ The text on p. 450 "Examen Prénuptial" was later reprinted with corrections in Dumézil (1960: 88).

Fell, Brian.

Фелл, Брайан.

2010 *Valence Adjusting Mechanisms in Ubykh*. Ms/рукопись.

2012 *Applicatives and Incorporation in Ubykh*. // *SKY (Suomen kiel-*

itieteellinen yhdistys) Journal of Linguistics, vol. 25, Helsinki, p. 61–92.

2012 *Case and Agreement in Ubykh*. MA thesis, University of Chicago. Ms/рукопись.

-- A Dictionary of Ubykh. Ms/Рукопись.

Fenwick, Rohan.

Фенуик, Рохан.

2011 *A Grammar of Ubykh*. — LINCOM Studies in Caucasian Linguistics. Muenchen, 219 p.

-- *Ubykh-English Dictionary*. Vols. I, II. Ms/Рукопись.

Friedrich, Johannes.

Фридрих, Йоханнес.

1934 Angebliche moderne Reste altkleinasiatischer Sprachen. // *ZDMG, Neue Folge*. Band 13 (Band 88). Leipzig: Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, p. 289–301.

~ Критика идеи Месароша о связи между убыхским и хаттским в “Die Päkhy-Sprache” (1934).

~ Critique of Mészáros’s idea of connection between Ubykh and Hattic in “Die Päkhy-Sprache” (1934).

Gippert, Jost.

Гипперт, Йост.

1992 The Caucasian language material in Evliya Çelebi’s “Travel book”. A Revision. // George Hewitt (ed.) *Caucasian Perspectives*. LINCOM EUROPA. Unterschleissheim/ München, p. 8–62.

~ С. 22–28 — ревизия убыхского языкового материала, записанного в XVII веке турецким путешественником Эвлия Челеби.

~ P. 22–28 — revision of the Ubykh language material as recorded in the 17th century by the Turkish traveller Evliya Çelebi.

Hammer-Purgstall, Joseph, von.

Хаммер-Пургсталь, Йозеф, фон.

1846–1850 *Narrative of Travels in Europe, Asia and Africa in the Seventeenth Century by Evliya Effendi*. Translated from the Turkish by The Ritter Joseph von Hammer. Printed for the Oriental Translations Fund of Great Britain and Ireland. London: Parbury, Allen & Co., vol. I, II.

~ Убыхский языковой материал, записанный в XVII веке турецким путешественником Эвлия Челеби.

~ Ubykh language material as recorded in the XVIIth century by the Turkish traveller Evliya Çelebi.

Hewitt, Brian George.

Хьюитт, Брайан Джордж.

1986 The labialised sibilants of Ubykh (North West Caucasian). // *REGC* 2, p. 21–30.

2004 *Introduction to the Study of the Languages of the Caucasus*. Muenchen: Lincom Europa, 346 p.

2005 North West Caucasian. // *Lingua. An International Review of General Linguistics* 115. Elsevier, p. 91–145.

Jedlička, Jaromír.

Йедличка, Яромир.

1962 [рец. на:] Georges Dumézil, Documents anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase, I. Paris, 1960. // *Archív Orientální*, 30, Prag, p. 683–684.

1998 Ubıhlarla İlgili Önemli İki Yayın. // *Kafkasya Yazıları* 3. İstanbul.

~ Турецкий перевод рецензии 1962 г. Й. Йедлички.

~ Turkish translation of 1962 review by J. Jedlička.

Lafon, René.

Лафон Рене.

1960 [рец. на:] Georges Dumézil, *Études Oubykhs*. Paris, 1959. // JA 248, p. 277–386.

1963 [рец. на:] Georges Dumézil, *Documents anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase*, I. Bibliothèque archéologique et historique de l'Institut français d'Archéologie d'Istanbul, IX; dépositaire : Librairie Adrien Maisonneuve, Paris, 1960; 115 p. II : *Textes oubykhs*, publiés avec la concours du C.N.R.S., Paris, Institut d'Ethnologie, 1962; 196 pages. // JA CCLI, 3–4, p. 386–392.

1965 [рец. на:] Georges Dumézil, *Document anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase. III. Nouvelles études oubykhs*. — Paris, Institut d'Éthnologie, 1965; 269 pages + 6 planches photographiques. // JA CCLIII, fasc. 3–4, p. 450–454.

1966 Notes de phonétique comparée des langues caucasiques du Nord-Ouest. // BK XXI–XXII (No. 50–51), p. 19–29.

Lang, David Marshall.

Ланг, Дэвид Маршалл.

1964 [рец. на:] Georges Dumézil (ed. and tr.): *Documents anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase. II. Textes oubykhs*. (Université de Paris. Travaux et Mémoires de l'Institut d'Ethnologie, LXV.) xii, 196 pp. plate. Paris: Institut d'Ethnologie, 1962. Fr. 30. // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*, 27, No. 1, p. 226–227.

1965 [рец. на:] Georges Dumézil, *Document anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase. III. Nouvelles études oubykhs*. — Paris, Institut d'Éthnologie, 1965. // BK XXIII–XXIV, p. 194.

Lehmann-Haupt, Carl Ferdinand Friedrich.**Лееман-Хаупт, Карл Фердинанд Фридрих.**

1935 Von aussterbenden vorderasiatischen Sprachen. // *Analecta Orientalia. Commentationes Scientifcae de rebus orientis antiqui. Cura pontificii instituti biblici editae. 12. Miscellanea orientalia dedicata Antonio Deimel. Annos LXX complenti. Roma: Pontificio Istituto Biblico, p. 207–224.*

~ Краткая история изучения убыхского языка.

~ A short history of Ubykh studies.

Lemaréchal, Alain.**Лемарешаль, Ален.**

1998 *Études de Morphologie EnF(x,...)*. – Bibliothèque de L'Information Grammaticale. Louvan: Peeters.

~ С. 14–36 — анализ убыхской глагольной морфологии.

~ Р. 14–36 — Chapter “De forms verbales avec plusieurs “marques Ø” de 3ème pers.: le cas des langues CNO”; analysis of the Ubykh verbal morphology.

Leroy, Christine.**Леруа, Кристин.**

1969 Description articulatoire de quelques sons de l'oubykh (Résultats préliminaires), 15 pp.

~ Рукопись, см. Leroy, Paris 1974, с. 258 и сн.8.

~ Ms.; cf. Leroy, Paris 1974, p. 258 and fn.8.

Leroy, Christine, Paris, Catherine.**Леруа Кристин, Пари Катерин.**

1974 Étude articulatoire de quelques sons de l'oubykh d'après film aux rayons X. // *BSLP* 69, fasc. 1, p. 255–286.

Lucassen, Wim.**Люкассен, Вим.**

- 1984 The classification of labialized sibilants in Northwest Caucasian. // *Folia Slavica* 7, Nos. 1 and 2. *Papers from the third conference on the non-Slavic languages of the USSR*. University of Chicago, March 23–25, 1983. Chicago: University of Chicago, pp. 227–232.
- 1992 Labial-initial complexes in NWC (II). // *Nartskij epos i kavkazskoe jazykoznanie. Societas Caucasologica Europaea, IV Colloquium. Adyge Respublik*, 23–25.VI. 1992. Maykop, p. 301–314.
- 1992 Reflexes of salient Proto-North-West-Caucasian labial-initial complexes. // George Hewitt (ed.). *Caucasian Perspectives*. Lincom Europa. Unterschleissheim/München, p. 157–171.
- 1997 Ubykh's Position in Northwest Caucasian. // A. Sumru Özsoy (ed.). *Proceedings of the Conference on Northwest Caucasian Linguistics, 10–12 October 1994. Studia Caucasologica III. Novus forlag* — Oslo, Institutet for sammenlignende kulturforskning, p. 89–98.

Meillet, Antoine.**Мейе, Антуан.**

- 1932 [рец. на:] G. Dumézil. *La langue des Oubykhs*. Paris, Champion, 1931, in-8, XVI-216 p. (Collection linguistique, XXXV). *Etudes comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest* (morphologie). Paris (Adrien Maisonneuve), 1932, in-8, 262 p. // *BSLP* XXXIII, p. 169–172.
- 1933 [рец. на:] G. Dumézil. *Introduction à la grammaire comparée des langues caucasiennes du Nord*. Paris (Champion), 1933, in-8, XVI–152 p. (Bibl. de l'Institut français de Léningrad, T. XIV). // *BSLP* XXXIV, p. 164–166.
- 1934 [рец. на:] G. Dumézil. *Recherches comparatives sur le verbe caucasien; vol. I : Les Suffixes de temps dans les langues caucasiennes*, vol. II : *Les Eléments préradicaux du verbe autres que les préverbes et les indices de personnes ou de classes*. Paris, 1933. // *BSLP* XXXV, 160–161.

Mészáros, Julius [Gyula] von.

Месарош, Юлиус [Дьюла] фон.

1934 *Die Päkhy-Sprache*. — The Oriental Institute of the University of Chicago. Studies in Ancient Oriental Civilisations, No. 9. Chicago, Illinois: The University of Chicago Press, 402 p.

- ~ Транскрипция 45 убыхских слов, записанных в Bell II 1840 (с. 447) — с. 12–13; убыхская грамматика — с. 34–147; поговорки — с. 148–156; убыхско-немецкий словарь — с. 157–402.
- ~ Transcription of 45 Ubykh words recorded by Bell II 1840 (p. 447) — p. 12–13; grammar — p. 34–147; proverbs — p. 148–156; Ubykh-German dictionary — p. 157–402.

Modern Survivals of Hittite Speech. // The Oriental Institute of the University of Chicago. In Commemoration of the Dedication of the Oriental Institute Building, December fifth, 1931. Third Edition of the Handbook. Chicago, Illinois: University of Chicago Press.

- ~ Убыхский язык, «открытый» Месарошом в Турции, как реликт хеттской речи.
- ~ Ubykh “discovered” by J. von Mészáros in Turkey as the survivor of Hittite speech.

Nikolayev, Sergei, Starostin, Sergei.

Николаев Сергей, Старостин Сергей.

1994 *A North Caucasian Etymological Dictionary*. Moscow: Asterisk Publishers, 1406 p.

- ~ Словарь северокавказского праязыка на основе сравнения абхазо-адыгских и нахско-дагестанских языков.
- ~ Dictionary of the North Caucasian proto-language based on the comparison of Abkhazo-Adyghean and Nakh-Daghestanian languages.

Özsoy, Sumru.**Озсой, Сумру.**

- 1989 Ubıh'ın Dil Yapısı. // *Kuzey Kafkasya Kültür Dergisi*. No. 71. İstanbul, p. 13–14.
- 1992 Relativization in Oubykh. // *Catherine Paris (ed.). Caucasologie et mythologie comparée. Actes du Colloque International du CNRS. IVe Colloque de Caucasologie (Sèvres, 27–29 juin 1988)*. Paris: Peeters, p. 289–299.
- 1992 Esenç Hayatını Ubıhça'ya Adamıştı. // *Nartın Sesi (Gazetesi)*, — *Ubıh Kültürünün Tılsımlı Dünyasındaki Son Nefes de Durdu*. Sayı: 3, Kasım. İstanbul, p. 2.
- 1998 Ubıhça'da Yapısal Engeller. // *Doğan Aksan Armağanı*. Ankara: Ankara Üniversitesi Basımevi, p. 135–144.

~ «Структурные барьеры в убыхском».

~ «Structural barriers in Ubykh».

2006 статья в: *Nart dergisi*, 50, sayı 2. Ankara, p. 44.

Paris, Catharine.**Пари, Катарин.**

- 1969 Indices personnels intraverbaux et syntaxe de la phrase minimale dans les langues du Caucase du Nord-Ouest. // *BSLP* 64, fasc. 1, p. 104–183.
- 1976 [рец. на:] G. Dumézil, avec la collaboration de T. Esenç, *Le verbe oubykh, études descriptives et comparatives*, Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, nouvelle série, t. I, Paris, Klincksieck, 1975, 215 pp. // *BK XXXIV*, p. 353–357.
- 1976 [рец. на:] G. Dumézil, avec la collaboration de T. Esenç, *Le verbe oubykh, études descriptives et comparatives*, Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, nouvelle série, t. I, Paris, Klincksieck, 1975, 215 pp. // *BSLP* 71/2, p. 298–302.

Provasi, Elio.**Провази, Элио.**

1978 L'oubykh d'Evliya Çelebi. // *JA* 266, p. 57-66.

1984 Encore sur l'oubykh d'Evliyā Çelebi. // *Annali (dell') Istituto Universitario Orientale (di) Napoli* 44, p. 307–317.

Ranke, Kurt.**Ранке, Курт.**

1958 (Рец. на:) Dumézil, Georges, Contes et légendes des Oubykhs. Paris, Institut d'Ethnologie, 1957. 103 S. (Université de Paris, Travaux et Mémoires de l'Institut d'Ethnologie LX). // *Fabula*, 2 : 1/2, p. 192–193.

šengelia, važa, janašia rusudan.**Shengelia, Vazha, Janashia, Rusudan.****Шенгелия Важа, Джанашия Русудан.**

2010 jorj diumezili — iberiul-k'avk'asiur enata didi mk'vlevari. // *ИКЯ XXXVIII*, с. 188–192.

~ Резюме на английском: Georges Dumézil — Great Researcher of the Iberian-Caucasian Languages [Жорж Дюмезиль — великий исследователь иберийско-кавказских языков] (с. 192).

Schröder, Dominik.**Шрёдер, Доминик.**

1958 [рец. на:] Dumézil Georges. *Contes et légendes des Oubykhs*. (Travaux et Mémoires de l'Institut d'Ethnologie, 60). XIII + 105 pp. in 4°. Paris 1957. Prix: 800 fr. // *Anthropos : Internationale Zeitschrift für Völker- und Sprachenkunde* 53. Fribourg: Anthropos-Institut, p. 656.

Smeets, Rieks.**Смеетс, Рикс.**

1988 On Ubykh Circassian. // *Studia Caucasologica I. Proceedings of the Third Caucasian Colloquium, Oslo, July 1986*. Edited by Fridrik

Thordarson. Oslo: The Institute for Comparative Research in Human Culture, Norwegian University Press, p. 275–297.

- ~ Анализ адыгейского диалекта, на котором говорят убыхи.
- ~ The analysis of the Adyghe dialect spoken by Ubykhs.

1997 Suffixal Marking of Plural in Ubykh Verb Forms. // A. Sumru Özsoy (ed.). *Proceedings of the Conference on Northwest Caucasian Linguistics, 10–12 October 1994. Studia Caucasologica III. Novus forlag* — Oslo, Instituttet for sammenlignende kulturforskning, p. 37–62.

Spencer, Robert F.

Спенсер, Роберт Ф.

1964 [Рец. на:] Documents anatoliens sur les Langues et les Traditions du Caucase. II. Textes Oubykhs. By George Dumézil. (Paris: Institut d'Ethnologie, 1962. «Travaux et Mémoires de l'Institut d'Ethnologie LXV.» Pp. 196. \$6.00.) // *The Journal of American Folklore*, Vol. 77, No. 304 (Apr. — Jun., 1964). American Folklore Society, pp. 170–171.

Starostin, Sergei.

Старостин, Сергей Анатольевич.

- 1997 A Review of V. A. Chirikba's "Common West Caucasian". // *Mother Tongue. Journal of the Association for the Study of Language in Prehistory* III. December 1997, p. 185–243.
- 1999 The problem of genetic relationship and classification of Caucasian languages: basic vocabulary. // H. van den Berg (ed.). *Studies in Caucasian Linguistics. Selected papers of the Eight Caucasian Colloquium*. Leiden: Research School of Asian, African and Amerindian Studies (CNWS), p. 79–94.
- 2007 A Review of V. A. Chirikba's "Common West Caucasian". // C.A. Старостин. *Труды по языкознанию*. Москва: Языки славянских культур, с. 682–744.

~ Репринт из Starostin 1997.

Tirado, Rafael Gusman.

Тирадо, Рафаэль Гусман.

1998 "Ubych Study" of G. Dumézil and the Problems of Monovocalism by E. Benveniste. // *9th International Colloquium of Caucasian Studies. 15–19 June 1998. In Commemoration of A.S. Chikobava Centenary. Abstracts of Reports.* Republic of Dagestan, Makhachkala, p. 28-30.

Tomaschek, Wilhelm.

Томашек, Вильгельм.

1899 Bruchoi. // *Paulys Real-Eycyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft.* Neue Bearbeitung. Unter Mitwirkung Zahlreicher Fachgenossen. Herausgegeben von Georg Wissowa. Dritter Band. Barbarus — Claudius. Stuttgart: J.B. Metzlersche Buchhandlung, S. 898–899.

~ Предположение о связи этнического термина *Bruchoi* с самоназванием убыхов *t^waxə*.

~ The proposal of connection of the ethnic term *Bruchoi* with Ubykh self-designation *t^waxə*.

Troubetskoy/Trubetzkoy, Nikolai.

Трубецкой, Николай.

1922 Les consonnes latérales des langues caucasiennes septentrionales. // *BSLP* 23, fasc. 3 (no. 72), p. 184-204.

1930 Nordkaukasische Wortgleichungen. // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes.* Bd. XXXVII, heft 1–2. Wien, p. 76–92.

1934 [рец. на:] 1. Dumézil, Georges : *Études comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest (Morphologie).* Paris: Adrien Maisonneuve 1932. (262 S.) 4°. 80 Fr. 2. — *Recherches comparatives sur le verbe caucasien. I : Les suffixes de temps dans les langues caucasiennes. II : Les éléments préradicaux du verbe autres que*

les préverbes et les indices de personnes ou de classes. Paris: H. Champion 1933. (VII, 93 S.) gr. 8°. = Bibliothèque de l'Institut Français de Léningrad, tome XV. // *OLZ* 37, No. 10. Leipzig: Verlag der J.C. Hinrichs'schen Buchhandlung, p. 629–635.

Uhlenbeck, Christianus Cornelius.

Уленбек, Христианус Корнелиус.

1933 [рец. на:] Dumézil, Georges. *Etudes comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest (Morphologie)*. Paris, 1932. // *Museum maanblad voor Philologie en Geschiedenis*, december. Leiden, p. 68–69.

Vogt, Hans.

Фогт Ханс.

1959 På jakt etter et ukjent språk. // *Samtiden. Tidsskrift for Politikk, Litteratur og Samfunnssprsmål. Redigert av Jac.S. Worm-Müller. Åtteogsekstiende Årgang*. Oslo: Forlagt av H. Aschehoug & Co. (W. Nygaard), p. 424–434.

~ Краткая история изучения убыхского языка от Услара до Дю-мезиля; см. английский перевод в Vogt 1988.

~ A short history of the study of Ubykh from Uslar upto Dumézil; cf. the English translation in Vogt 1988.

1960 [рец. на:] G. Dumézil. *Études Oubykhs* (BAH, v. VII), Paris: Maisonneuve, 1959. // *BSLP* 55, fasc. 1, p. 240–245.

1962 [рец. на:] G. Dumézil. *Documents anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase, I*. Paris: Adrien Maisonneuve, 1959. // *BSLP* 54, p. 155–158.

1963 *Dictionnaire de la langue oubykh. Avec introduction phonologique, index français- oubykh, textes oubykhs*. Oslo: Universitetsforlaget, Instituttet for Sammenlignende Kulturforskning, Série B: Skrifter, LII, 265 p.

~ Фонологическое введение — с. 13–36; убыхские тексты с комментариями и французским переводом — с. 37–74 (поговорки и пословицы — с. 73–74); убыхско-французский словарь — с. 77–234; указатель личных имен — с. 235–236; указатель некавказских элементов в убыхском — с. 237–241; французско-убыхский указатель к словарю — с. 243–256; список главных информантов — с. 257–258; библиография — с. 261–262; дополнения и исправления — с. 263–264.

~ Phonological introduction — p. 13–36; texts with notes and French translation — p. 37–74 (proverbs and sayings — p. 73–74); Ubykh-French dictionary — p. 77–234; index of personal names — p. 235–236; index of the non-Caucasian elements in Ubykh — p. 237–241; French-Ubykh index to the dictionary — p. 243–256; list of principal informants — p. 257–258; bibliography — p. 261–262; addenda et corrigenda — p. 263–264.

1969 [рец. на:] Georges Dumézil, *Document anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase. III. Nouvelles études oubykhs*. — Paris, Institut d'Ethnologie, 1965. // BSLP 64, p. 116–120.

1988 In search of an unknown language. // *Studia Caucasologica II. Hans Vogt. Linguistique caucasienne et arménienne. Edited by Even Hovdhaugen and Fridrik Thordarson*. Oslo: Norwegian University Press: The Institute for Comparative Research in Human Culture, p. 449–457

~ Английский перевод статьи Vogt (1959).

~ The English translation of Vogt (1959).

1998 Bilinmeyen bir dilin araştırılması. // Berzeg (1998: 37–43).

~ Турецкий перевод статьи Vogt (1988). The Turkish translation of Vogt (1988).

Yalman, Nur.

Йалман, Нур.

1966 [рец. на:] Dumézil, Georges. Document anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase. 3, Nouvelles études oubykhs. (Trav. Mem. Inst. Ethnol., Paris, 71) 269 pp., plates. Paris : Institut d'Ethnologie, 1965. NF. 60// *Man. New Series*, Vol. 1, No. 4 (Dec., 1966). — Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland, p. 583–584.

II. ЭТНОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ. ETHNOLOGY AND HISTORY.

Агуажба, Руслан Хаджаратович.

Aguažba, Ruslan.

2012 Убыхи и абхазы: традиция и культура. Историко-литературное эссе. // Д.К. Чачхалиа (ред.). *Джигетский сборник. Вып. 1. Вопросы этнокультурной истории Западной Абхазии или Джигетии*. Москва: Аква-Абаза, с. 239–257.

2014 *Из истории кавказской диаспоры: абхазы, убыхы... (Историко-литературное эссе)*. Сухум.

~ Об убыхах: с. 464–551. On Ubykhs: p. 464–551.

Агуажба, Руслан Хаджаратович, Ачугба Темур Алиевич (сост.).

Aguažba, Ruslan, Ačugba, Temur.

2005 *Абхазия и абхазы в Российской периодике (XIX – нач. XX вв.)*. Книга I. Составители Агуажба, Р.Х., Ачугба, Т.А. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа, 650 с.

[Аноним].

[Anonymous].

1884 Краткое описание страны, лежащей к северу от реки Сочи-Псты до вновь возведенного на Туапсе укрепления. // «Кубанские областные ведомости», № 50.

1885 Краткое описание страны, лежащей к северу от реки Сочи-Псты до вновь возведенного на Туапсе укрепления. // «Кубанские областные ведомости», № 1.

~ Перепечатано в Агуажба, Ачугба (2005: 84–91). Описание поселений в Убыхии.

~ Reprinted in Aguažba, Ačugba (2005: 84–91). Description of settlements in Ubykhia.

Анчабадзе, Юрий Дмитриевич.

Ančabadze, Jurij.

1984 Абаза (К этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа). // *Кавказский этнографический сборник VIII*. – Академия наук СССР. Москва: Наука, с. 141–166.

~ Попытка постулировать этнокультурную общность «абаза», включающую прибрежных убыхов, садзов и горных абхазов.

~ An attempt to postulate the ethno-cultural community “Abaza”, including coastal Ubykhs, Sadzians and mountain Abkhazians.

Берже, Адольф Петрович.

Berže, Adol’f.

1901 Краткий обзор горских племен на Кавказе. // *Кавказский календарь на 1858 год*. Тифлис.

Берзег, Сефер.

Berzeg, Sefer.

1998 Лидеры Кавказского освободительного движения. Хаджи Дегумоко Берзег. 1766–1846. // Berzeg (1998: 51–58).

- ~ Русский перевод статьи Berzeg (1998b). Russian translation of Berzeg (1998b).

Бэрзэдж, Убых (сост.).

Berzedj, Ubykh (ed.).

2013 Материалы для истории покорения Западного Кавказа. Нальчик: ООО «Тетраграф», 414 с.

- ~ В сборнике след. статьи: С. Смоленский. Воспоминания кавказца. Десантное дело у Псахе (19 июля 1862 года). И. Дроздов. Обзор военных действий на западном Кавказе (с 1848-го по 1856 год). И. Дроздов. Последняя борьба с горцами на западном Кавказе. С. Духовский. Даховской отряд на южном склоне Кавказских гор в 1864 году. К. Гейнс. Пешехский отряд (с октября 1862-го по ноябрь 1864 года). В. Солтан. Военные действия в Кубанской области (с 1861-го по 1864 год).

Волкова, Наталья Георгиевна.

Volkova, Natal'a.

1973 *Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа*. Москва, 208 с.

- ~ С. 51–63: «Абазинские и убыхские этнонимы»; с. 69–70: «Этнографические свидетельства».
- ~ P. 51–63: «Abaza and Ubykh ethnonyms»; p. 69–70: «Ethnographic evidence».

1974 *Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII–начале XIX века*. Москва: Наука, 275 с.

- ~ Глава «Абазины и убыхи»: с. 65–80. Chapter “Abazas and Ubykhs”: p. 65–80.

Ворошилов, Владимир Иванович.

Vorošilov, Vladimir.

2006 *История убыхов. Очерки по истории и этнографии Большого Сочи с древнейших времен до середины XIX века.* — Русское географическое общество. Сочинское отделение. Майкоп: ОАО «Афиша», 371 с.

~ Введение (с. 6–13). I. Краткий очерк древней и средневековой истории Большого Сочи (с. 14–44). II. Этнографические очерки Большого Сочи первой половины XIX века (с. 45–158). III. Очерки истории Большого Сочи периода Кавказской фойны (с. 159–349). Библиография (с. 350–360), 44 иллюстраций.

Гордон, Кирилл Аркадьевич.

Gordon, Kirill.

2005 *Старый Сочи конца XIX – начала XX веков (воспоминания очевидца).* Второе издание, исправленное и дополненное. Сочи: ЗАО «Дория», 163 с.

~ С. 15–34 — покорение региона Сочи русскими и начальный этап колонизации.

Джанашиа, Русудан Симоновна.

Džanašia, Rusudan.

1995 *Убыхский фольклор. Фольклор народов Кавказа.* // ж. «Кавказский дом», Тбилиси.

Дзидзария, Георгий Алексеевич.

Dzidzarija, Georgij.

1975 *Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия.* Сухуми: Алашара.

1976 *Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы XIX века.* Москва: Наука, 130 с.

1982 *Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия.*

Второе, дополненное издание. Сухуми: Алашара, 530 с.

2006 Абхазо-убыхский союз в освободительной борьбе на Западном Кавказе в первой половине XIX века. // Дзидзария, Г. А. *Труды. III. Из неопубликованного наследия.* Сухум, с. 105–141.

Дубровин, Николай Федорович.

Dubrovin, Nikolaj.

1871 *История войны и владычества русских на Кавказе. Том I. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Книга I. Кавказ.* Санктпетербург.

~ Черкесы и убыхи: с. 63–259. Circassian and Ubykhs: p. 63–259.

1927 *Черкесы (адыге).* — Материалы черкесского народа. Вып. I. Краснодар.

Званбай [Званба], Соломон.

Zvanba(j), Solomon.

1852 Зимние походы убыхов на Абхазию. // Газ. «Кавказ», № 33.

1955 Зимние походы убыхов на Абхазию. // С. Т. Званба. *Этнографические этюды. Под редакцией и с предисловием Г. А. Дзидзария.* Сухуми: Абхазское государственное издательство, с. 43–54.

1982 Зимние походы убыхов на Абхазию. // С. Званба. *Абхазские этнографические этюды.* Составитель, автор биографо-библиографического очерка и ответственный редактор член-корреспондент АН ГССР, профессор Г. А. Дзидзария. Сухуми: Алашара, с. 15–24.

2005 Зимние походы убыхов на Абхазию. // Агуажба, Ачугба (2005: 115–124).

Из корреспонденции газ. «Кавказ». // «Кавказ», отд. «Известия с Кавказа», 1852, № 19.

- ~ Неудачная попытка большого отряда убыхов напасть на Абхазию. Перепечатано в Агуажба, Ачугба (2005: 115).
- ~ An unsuccessful attempt of a large detachment of Ubykhs to attack Abkhazia. Reprinted in Aguažba, Ačugba (2005: 115).

Инал-ипа, Мирра Константиновна.

Inal-ipa, Mirra.

2012 К истории рода сочинских князей Аублаа. // Д. К. Чачхалиа (ред.). *Джигетский сборник. Вып. 1. Вопросы этнокультурной истории Западной Абхазии или Джигетии*. Москва: Аква-Абаза, с. 143–159.

Инал-ипа, Шалва Денисович.

Inal-ipa, Šalva.

- 1965 Локализация племени убыхов и его некоторые этнические особенности. // *Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР (Тезисы докладов)*. Баку, с. 200–201.
- 1971 Убыхи и их этнокультурные связи с абхазами. // *Ш. Д. Инал-ипа. Страницы исторической этнографии абхазов*. Сухуми: Алашара, с. 257–310.
- 1995 *Садзы. Историко-этнографические очерки*. — Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXVIII. Народы Кавказа. Книга 2. Москва: Российская Академия Наук, 286 с.
- 2012 Убыхи и их этнокультурные связи с абхазами. // Д.К. Чачхалиа (ред.). *Джигетский сборник. Вып. 1. Вопросы этнокультурной истории Западной Абхазии или Джигетии*. Москва: Аква-Абаза, с. 294–336.

~ Репринт статьи Инал-ипа (1971).

2014 Садзы. Историко-этнографические очерки. Издание второе. Сухум, 375 с.

Кишмахов, Магомет Хаджи-Бекирович.

Kišmaĥov, Maġomet.

1999 Род из священной долины убыхов: историко-культурный очерк о роде Кишмаховых-Кишмария. Черкесск: Карачаево-Черкесское государственное республиканское книжное издательство, 464 с.

2002 К вопросу о происхождении и роли рода Берзек в истории убыхов XIX века. // Вестник КЧГПУ, № 9. Карачаевск : КЧГПУ, с. 55–65.

2004 Убыхский род Берзек и его абхазо-адыгские родословные ветви. АҚД. Нальчик, 30 с.

2004 К проблеме этногенеза убыхов // Ж. «Человек и Вселенная», № 3 (36), Санкт-Петербург.

2004 Некоторые черты культуры убыхов // Вестник КЧГУ, № 13. Карачаевск : КЧГУ, с. 11–28.

2012 Проблемы этнической истории и культуры убыхов. Сухум: АБИГИ АН Абхазии, Карачаевск: КЧГУ, 829 с.

Корреспонденция из газ. «Кавказ». // «Кавказ» 98, 1850.

~ Краткое описание Убыхии. Перепечатано в Агуажба, Ачугба (2005: 114).

~ A short description of Ubykhia. Reprinted in Aguažba, Ačugba (2005: 114).

Корреспонденция из газ. «Кавказ». // «Кавказ» 71, 1852.

~ Краткое описание боя русских войск с убыхами в земле садзов. Перепечатано в Агуажба, Ачугба (2005: 149–150).

~ A brief description of the battle of Russian troops with Ubykhs in the land of the Sadzians. Reprinted in Aguažba, Ačugba (2005: 149–150).

Кумахов, Мухадин Абубекирович.

Kumachov, Muxadin.

2006 Убыхи. // *Адыгская (Черкесская) энциклопедия*. Москва: Фонд им. Б.Х. Акбашева, с. 473–531.

Лавров, Леонид Иванович.

Lavrov, Leonid.

1968 Этнографический очерк убыхов. // *Ученые записки Адыгейского НИИ языка, литературы и истории VIII*. Этнография. Майкоп, с. 5–24.

2009 Убыхи. *Историко-этнографическая монография*. Санкт-Петербург: Наука, 237 с.

~ С предисловиями Е.А. Резвана («Убыхи» Л.И. Лаврова: 1936–1950–2009), с. 5–11 (на русск. и англ. яз.) и Ю.М. Ботякова (Монография Л. И. Лаврова «Убыхи». К 73-летию создания), (на русск. и англ. яз.), с. 12–28.

Мукба, Анзор Кокович.

Mukba, Anzor.

2004 Хацъы-Осман — аубыхцэа рқыта. // Анзор Мықэба. *Ххы хзааир...* Акэа: Алашара, ад. 69–79.

2012 Убыхи Хаджи-Османа. // Д.К. Чачхалиа (ред.). *Джигетский сборник. Вып. 1. Вопросы этнокультурной истории Западной Абхазии или Джигетии*. Москва: Аква-Абаза, с. 261–263.

Невский П.

Nevskij, P.

1868 Закубанский край в 1864 г. (Путевые воспоминания). // газ. «Кавказ», № 97.

1868 Закубанский край в 1864 г. (Путевые воспоминания). // газ. «Кавказ», № 101.

- ~ Характеристика убыхов и описание Убыхии незадолго после исхода убыхов. Перепечатано в Агуажба, Ачугба (2005: 370–384).
- ~ Description of Ubykhs and Ubykhia shortly after the exodus. Reprinted in Aguažba, Ačugba (2005: 370–384).

Половинкина, Тамара Васильевна.

Polovinkina, Tamara.

2001 *Черкесия — боль моя. Исторический очерк (древнейшее время — начало XX в.).* Издание второе, дополненное. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 224 с.

- ~ Глава «Убыхи» — с. 199–204. Chapter “Ubykhians” — p. 199–204.

2004 *Аборигены кавказского Причерноморья. Культура жизнеобеспечения.* Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 74 с.

- ~ Очерк о традиционном хозяйстве причерноморских адыгов, убыхов и абхазов-садзов (называемых автором “абазинами”).
- ~ Essay on the traditional economy of the Black Sea coast Circassians, Ubykhs and Sadz Abkhazians (called by the author “Abazins”).

Россиев, Павел.

Rossiev, Pavel

1913 У Черного моря (К истории покорения Кавказа в 1838 году).
// газ. «Новое слово», № 8.

- ~ Эпизоды истории покорения убыхов. Перепечатано в Агуажба, Ачугба (2005: 91–102).
- ~ Episodes in the history of the conquest of the Ubykhs. Reprinted in Aguažba, Ačugba (2005: 91–102).

Сандецкий, Г.

Sandeckij, G.

1875 О путях, ведущих из Абхазии на северный склон Кавказских гор. // газ. «Кавказ», № 141.

~ О нападениях убыхов на Абхазию. Перепечатано в Агуажба, Ачугба (2005: 500–504).

~ About Ubykh attacks on Abkhazia. Reprinted in Aguažba, Ačugba (2005: 500–504).

Торнау, Федор Федорович.

Tornau, Feodor.

1864 Воспоминания кавказского офицера. // *Русский вестник*, № 9–12.

1864 *Воспоминания кавказского офицера. 1835 год. Часть первая.* Москва: Катков и К°, 116 с.

1864 *Воспоминания кавказского офицера 1835, 36, 37 и 38 года. Часть вторая.* Москва: Катков и К°, 173 с.

1976 Описание восточной части берега Черного моря от р. Бзыби до р. Саше 25 ноября 1835 г., Тифлис. // Дзидзария Г. А. Ф. Ф. *Торнау и его кавказские материалы XIX века.* Москва: Наука, 1976, с. 99–109.

Фадеев, Анатолий Всеволодович.

Fadeev, Anatolij.

1935 Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе. // *Исторический сборник 4.* Москва–Ленинград, с. 142–144.

Фелицин, Евгений Дмитриевич.

Felicyn, Evgenij.

1891 Документы к истории завоевания восточного берега Черного моря. // *Кубанские областные ведомости*, № 5–9.

Хафизова, Марина Гидовна.

Hafizova, Marina.

- 2005 Убыхи в Кавказской войне. Основные этапы освободительной борьбы // *Россия: социальная ситуация и межнациональные отношения в регионах. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Пенза, с. 63–65.
- 2005 Убыхи в конце XVIII – первой половине XIX в. (Некоторые аспекты самоорганизации этноса) // *Вестник КБГУ. Серия Гуманитарные науки*. Вып. 10. Нальчик: КБГУ, с. 21–25.
- 2006 О некоторых особенностях убыхского махаджирства // *Перспектива–2006: Материалы Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых*. В 3 т. Т. 2. Нальчик: КБГУ, с. 107–110.
- 2006 Проблемы социально-политической самоорганизации этноса: убыхи в первой половине XIX в. // *Сборник научных трудов молодых ученых*. Нальчик: КБГУ, с. 118–121.
- 2007 Убыхи в освободительном движении на Северо-Западном Кавказе в 20–60-е годы XIX века. Нальчик: КБГУ. АКД, 23 с.
- 2007 Убыхи в Кавказской войне 1817–1864 гг. // *Военно-исторический журнал*. Москва: Издание Министерства обороны Российской Федерации. Июнь, № 6, с. 31–33.
- 2007 Этносоциальная организация и политическая история убыхов в источниках и историографии // *Известия Алтайского государственного университета*. Барнаул, № 4/1, с. 140–145.
- 2007 Убыхи в этносоциальном и политическом пространстве Северо-Западного Кавказа: анализ источников и историографии // *Известия Кабардино-Балкарского научного центра Российской Академии Наук*. Нальчик, № 1(17), с. 83–91.
- 2007 Убыхский род Берзек в Кавказской войне // *Материалы международного конгресса студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспектива 2007»*. Нальчик, т. 1, с. 75–76.
- 2010 Убыхи: ушедшие во имя свободы. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 160 с.

Хашба, Арсений Константинович.

Hašba, Arsenij.

1972 Программа работы у убыхов в Турции. // А. К. Хашба. *Избранные работы*. Сухуми: Алашара, с. 126–129.

~ Отчет о нерелизованной поездке к убыхам в Турцию в 1927 г.

~ The account of the unrealised trip to Ubykhs in Turkey in 1927.

Хварцкия, Игорь.

Xvarckija, Igor'.

1994 *Абхазские сказки и легенды*. Москва.

~ С. 193–204: «Из устного народного творчества убыхов».

~ P. 193–204: «From Ubykh folklore.»

Чачхалиа, Денис Киршалович.

Čačxalia, Denis.

2012 О владельцах Сочи — князьях Аубла. // Д.К. Чачхалиа (ред.). *Джигетский сборник. Вып. 1. Вопросы этнокультурной истории Западной Абхазии или Джигетии*. Москва: Аква-Абаза, с. 175–176.

Эсадзе, Семен.

Esadze, Semen.

1912 Материалы к истории покорения Западного Кавказа и Черноморского побережья. // *Кавказский сборник издаваемый с Высочайшего соизволения в бытность его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича Главнокомандующим Кавказскою армиею*. Под редакцией подполковника Эсадзе. Томъ XXXII. Часть II. Тифлисъ, Типографія Штаба Кавказскаго военного округа. 1912, 320 с.

1914 *Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье*. Составил начальник Военно-Исторического Отдела полковник Семен Эсадзе. Тифлис.

Andrews, P.A. (ed.).**Эндрус, П.А.**

1989 *Ethnic Groups in the Republic of Turkey*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.

~ Информация об абхазо-адыгских и, в частности, убыхских селах в Турции (с. 167–171, 203–204, 247, 385–413, 582).

~ Information on the Abkhazo-Adyghean, in particular, Ubykh villages in Turkey (p. 167–171, 203–204, 247, 385–413, 582).

Aydemir, İzzet.**Айдемир, Иззет.**

1973 Türkiye Çerkesleri. // *Kafkasya. Kültürel Dergi*. Yıl 10, Sayı 39 – 42, cilt 10. Ankara: İdeal Matbası, p. 215–237.

1973 Türk Tarihinde Önemli Rol Oynayan Çerkes Devlet Adamları. // *Kafkasya. Kültürel Dergi*. Yıl 10, Sayı 39–42, cilt 10. Ankara: İdeal Matbaası, p. 166–169.

Bell, James Stanislaus.**Белл, Джеймс Станислаус.**

1840 *Journal of a Residence in Circassia during the Years 1837, 1838 and 1839*. In two volumes. Vol. I. London: Edward Moxon, 453 p.

1840 *Journal of a Residence in Circassia during the Years 1837, 1838 and 1839*. In two volumes. Vol. II. London: Edward Moxon, 488 p.

~ В «Приложении» № XIV на стр. 482 — «Образцы трех языков черкесского побережья» — публикация сравнительного словарика из 45 убыхских, адыгейских и абхазских слов; убыхский язык назван автором Abaza, адыгейский — Adigh, а абхазский — Azra.

~ In “Appendix” No. XIV “Specimens of the Three Languages of the Circassian Coast” on p. 482 — publication of 45 Ubykh words presented as “Abaza” (together with Circassian, called Adighe and Abkhazian, called Azra).

1841 *Journal d'une résidence en Circassie pendant les années 1837, 1838 et 1839*. Traduit d'Anglaise, augmenté d'une introduction historique et géographique et de notes tirées d'ouvrages récentes et non traduits par Louis Vivien, membre de la Société de Géographie. Tome premier, Paris, Chez Arthus Bertrand, Libraire, 1841, 374 p.; Tome seconde, 1841, 368 p.

~ Французский перевод книги Белла. В Приложении (с. 353–354): «Vocabulaires des trois idiomes parlés sur la côte Circassienne».

1841 *Tagebuch seines Aufenthaltes in Cirkassien während der Jahre 1837, 1838 und 1839*. Pforzheim: Dennig, Finck.

~ Немецкий перевод книги Белла.

1844 *Dagbog under et Ophold i Circassien i Aarene 1837, 1838 og 1839*. Overs. af Engelsk ved L. Moltke. 2 Bd. København.

~ Датский перевод книги Белла.

1998 *Çerkesya'dan savaş mektupları: 1837–1839*. İstanbul: Kafkas Vakfı.

~ Турецкий перевод книги Белла.

Berzeg, Kâzım.

Берзег, Кязым.

1988 Vubih-Ciget'lerin "Son Sesleri" İle Yitirilen Tarih Belgesi. Vubihların da Dahil Olduğu Çerkeslerin Yayılışı. // *Tarih ve Toplum* 59, p. 34–40.

1990 1829 *Edirne Muahedesinden Sonra Osmanlı Devletinin Çerkes Politikası... Kafkasya'da ve Osmanlı Hizmetinde Berzeg Ailesi'nden Tanınmış Kişiler*. Ankara: Şafak Matbaacılık.

Berzeg, Sefer E.**Берзег, Сефер Е.**

1990. *Türkiye Kurtuluş Savaşı'nda Çerkes Göçmenleri. II.* İstanbul: Nart Yayıncılık.
- 1995 *Kafkas Diasporasında Edebiyatçılar ve Yazarlar Sözlüğü.* Samsun.
- 1998 *Soçi'nin sürgündeki sahipleri. Çerkes – Vubıhlar.* Ankara, 125 p.
- 1998 *Soçi'nin sürgündeki yaşayan sahipleri Vubıhlar.* // Berzeg (1998: 5–11).
- 1998 *Kafkasya Bağımsızlık savaşının liderlerinden Hacı Degumoko Berzeg (1766–1846).* // Berzeg 1998: 44–50.
- 1998 *Vubıh ailelerinin damgaları.* // Berzeg (1998: 59–63).
- 1998 *Vubıh 'ların Şhaplı (Шхьапль) Ailesinden Birkaç Portre.* // Berzeg (1998: 64–75).
- 1998 *Vubıhların Tuğa (Тугъа) Ailesinden Birkaç Portre.* // Berzeg (1998: 90–98).
- 1998 *Çerkes — Vubıh'lar ve Vubıh Ülkesi (Soçi Yöresi) Hakkında Bibliyografya.* // Berzeg (1998: 116–125).
- 2013 *Çerkes — Vubıh'lar. Soçi'nin İnsanları (Portretler). Kafkasya'nın işgalinin 150'nci yılında Soçi'nin sürgündeki sahiplerinden bir kesit 1864–2014.* — *Kafkasya-Soçi Yöresi Araştırmaları: 2.* Ankara: Kuban Matbaacılık Yayıncılık, 631 p.

Çelebi, Evliya.**Челеби, Эвлия.**

- 2007 *Evliya Çelebi b. Derviş Mehemed Zilli. Seyahatnamesi. X. Kitap.* İstanbul Üniversitesi Kütüphanesi Türkçe Yazmalar 5973, Süleymaniye Kütüphanesi Pertev Paşa 462, Süleymaniye Kütüphanesi Hacı Beşir Ağa 452, Numaralı Yazmaların Mukayeseli Transkripsiyonu — Dizini. Hazırlayanlar: Seyit Ali Kahraman, Yücel Dağlı, Robert Dankoff. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları.

~ Некоторые сведения об убыхах и Убыхии.

~ Some information concerning Ubykhs and Ubykhia.

Çelik, C., Köseoğlu, M.

Челик Дж., Кёсеоглу М.

2011 *Canik Sancağına Bağlı Kavak Kazası'na 19. Yüzyılda Vubih Göçleri*. — Samsun Sempozyumu 2011. Опубликовано в: http://cerkesarastirmalari.org/pdf/kavak_kazasina_vubih_gocleri.pdf.

2013 *Kavaklı Vubihlar*. Опубликовано в: <http://www.kadef.org.tr/sayfa.asp?sayfaid=2583>. 19.01.2013

Cherkasov, Aleksandr A., Menkovsky, Vyacheslav I., Ivantsov, Vladimir G., Ryabtsev, Aleksandr A., Molchanova, Violetta S., Natolochnaya, Olga V.

Черкасов Александр А., Менковский Вячеслав И., Иванцов Владимир Г., Рябцев Александр А., Молчанова Виолетта С., Натолочная Ольга В.

2014 The “Nobility” and “Commoners” in Ubykh Society: The Reasons behind the Social Conflict. // *Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences*, vol. 8, no. 3, p. 64-72.

~ С груз. рез. (с. 71–72). Авторы – сотрудники Сочинского государственного университета, Белорусского государственного университета (Минск) и АНО «Международный Сетевой Центр Фундаментальных и Прикладных Исследований» (Сочи).

~ With Georgian Summary (p. 71–72). Sochi State University (Sochi, Russia); Belarus State University (Minsk, Belarus); International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi, Russia.

Erkan (Şhaplı), Aydın O.

Эркан (Шхаплы), Айдын О.

1987 *Ubıhlar (Çerkeslerin Bir Boyu)*. // *Kuzey Kafkasya* 64–65. İstanbul, p. 27.

1998 *Ubıhlar*. // *Çerkes Dünyası — Черкесский мир — Circassian World* 2.

Fidarok, Alhas.

Фидарок, Алхас.

1992 Şaplı Bereketiko Osman Ferid Paşa. // *Kafkasya Gerçeği* 7, Ocak. Samsun.

Güsar, Vasfi.

Гюсар, Васфи.

1958 Büyükləri Hatırlayalım, Hacı Giranduk Berzeg. // *Yeni Kafkas* 8. İstanbul.

İnal-ıpa, Şalva D.

Инал-ипа, Шалва Д.

1998 Soçi Yöresinin Halkı Vubıhlar ve Sadz'lar. // Berzeg (1998: 76–89).

~ Турецкий перевод из кн. Ш. Д. Инал-ипа. Садзы. Москва, с. 113–137.

~ Turkish translation from Ş. D. Inal-ıpa, Sadzy. Moskva, 1995, p. 113–137.

Kaybımız, Acı.

Кайбымыз, Аджы.

1957 Şamil Şaplı. // *Yeni Kafkasya* 2. İstanbul.

Küçük, Serhat.

2013 Vubıhlar ve Vubıhça. // *Tarih Kültür ve Sanat Araştırmaları Dergisi. Journal of History Culture and Art Research*. Vol. 2, No. 4, November. Karabuk University, p. 91–114.

Kuşhan, Jale.

Кушхан, Жале.

1995 Yenik Bir Dil : Ubıhca. Потерянный убыхский язык. // *İpekyolu (Türkçe-Rusça Aylık Siyası Dergi* 13, Ocak. İstanbul, p. 98–101.

Landmann, Angelika.**Ландманн, Ангелика.**

1981 *Akifiye-Büyükçamurlu. Ubychen-Dörfer in der Südost-Türkei; Untersuchungen zu Partnerwahl und Hochzeitsbrauchtum.* — Ethnographie der Tscherkessen, 2. Heidelberg: Esprint Verlag, 145 p.

Landmann, Ulrich.**Ландманн, Ульрих.**

1981 *Akifiye-Büyükçamurlu. Ubychen-Dörfer in der Südost-Türkei (Ökosituation, Einwohnerschaft, Siedlungsbild und Gebäudeformen).* — Ethnographie der Tscherkessen, 1. Heidelberg: Esprint Verlag, 244 p.

Lavrov, L.İ.**Лавров Л.И.**

1992 *Vubikhlar Hakkında Etnografik Bir Araştırma // Kafkasya Gerçeği Dergisi.* Samsun, sayı 8, p. 46-59.

~ Турецкий перевод Лавров 1968. Turkish translation of Лавров 1968.

Şarlı, İnal.**Шаплы, Инал.**

1953 *Tanınımış Simalar, Berzeg Giranduk.* // *Kafkas Dergisi* 2. İstanbul.

Şöenu, M. F.

1923 *Çerkes Sorunu Hakkında Türk Kamuoyu ve TBMM'ne Sunu.* İstanbul. [Репринт в серии:] *Muhaceretteki Tarihimizden Belgeler.* 1. Ankara: Nartları Sesi Yayınları (без даты).

Tatlok, T. [Traho, Ramazan].

Татлок Т. [Трахо, Рамазан].

1959 The Ubykhs. // *Caucasian Review* 7, München, p. 100–109.

1998 The Ubykhs. // Berzeg (1998: 12–24).

~ Репринт Tatlok (1959). Reprint of Tatlok (1959).

1998 Vubıhlar. // Berzeg (1998: 25–36).

~ Турецкий перевод Tatlok (1959). Turkish translation of Tatlok (1959).

Tugan, Abreg.

Туған, Абрек.

1990 “Son Ubıh” Masalı ve Hacı Giranduk Berzek Gerçeği. // *Kafkasya Gerçeği* 2. Samsun, p. 14–18.

Turan, M. Aydın.

Туран, М. Айдын.

1989 Vubıhların Trajedisi, Gökkubeye Salınan “Son Sesler”. // *Kuzey Kafkasya* 71–72–73. İstanbul.

Vernau.

Вернау.

1908 Die Ubychen. // *Meyers Grosse Konversations-Lexikon*, 6. Auflz. Leipzig-Wien, p. 75–76.

III. БЕЛЛЕТРИСТИКА. FICTION

Галкин Юрий.

Galkin, Yuri.

- Трагедия Пёхов 1860 г. // <http://www.yugalkin.ru/tag/ubyihi>.

~ Поэма. А поем.

Джибладзе, Георгий Николаевич.

Џьиблазе, Георги.

Djibladze, Georgy.

1987 *«Ацынџаарах», мамзаргы Аублаакуа родиссеи. Ақырт-шәахьтә еитеигеит Руслан Қапба. Ақәа: Алашара, 100 с. Тираж 1000.*

~ *«Последний из ушедших» или Одиссея убыхов.* Перевод с груз. Р. Капба. Вступительная статья С. Зухба (на абхазском). Сухуми: Алашара.

~ *“The Last of the Departed” or Ubykhs’ Odysseus.* Translation from Georgian by R. Kapba. Introductory article by S. Zukhba (in Abkhaz). Suxumi: Alašara.

Зантария, Даур Бадзович.

Zantaria, Daur.

2013 Чу Иакуц иуахта. // Даур Зантария. *Аизга. Ажәинраалақәа, ажәабжьқәа, ажәабжьоуқәа.* Ақәа: Апхәынтшәкәтыжьырта, с. 307–343.

2013 Судьба Чу-Якуба. // Даур Зантария. *Собрание. Стихотворения, рассказы, повести, роман, публицистика, из дневников.* Сухум: Абгосиздат, с. 332–357.

Коршунов, Владимир.

Koršunov, Vladimir.

2012 Легенда о Бытхе. // <http://www.stihi.ru/2012/08/30/8820>.

~ Поэма. А роем.

Цаликов (Цалыккаты), Ахмед Темболатович.

Calikov (Tsalıkkatı), Ahmed.

1913 Последний из убыхов. Кавказская быль. // Ж. *«Кавказские курорты».* Еженедельный иллюстрированный литературно-общественный журнал. (Кавказ и его курорты). Пятигорск (Терская область), № 18.

~ “The last of the Ubykhs. A Caucasian true story”.

1914 Последний из убыхов. Кавказская быль. // Ахмед Т. Цаликов. *В горах Кавказа. Быль, очерки и легенды*. Москва: Восток.

1994 Последний из убыхов. Кавказская быль. // ж. «Эхо Кавказа. Журнал Ассоциации Народов Кавказа» 1(4), Москва, с. 28–29.

1994 Последний из убыхов. Кавказская быль // *Абхазские сказки и легенды*. Состав. И. Хварцкия. Москва: Дик-Дик, с. 250–254.

1996 Последний из убыхов. // Газ. *Растзинад* (Владикавказ), 14 февраля.

~ Осетинский перевод рассказа А. Цаликова.

~ Ossetian translation of A. Tsalikov’s story.

1998 Vubihlar’in Sonuncusu. // Berzeg (1998: 109–112).

~ Турецкий перевод Цаликов (1913). Turkish translation of Цаликов (1913).

1998 Последний из убыхов. // Berzeg (1998: 113–115).

Шьынқэба, Баграт Уасил-ица.

Šinkuba, Bagrat.

1974 *Ацынцэарах*. Ақуа: Алашара.

1976 *Последний из ушедших*. Перевод К. Симонова и Я. Козловского. Москва: Советский писатель, 320 с.

~ Русский перевод романа Б. Шинкуба (1974). Russian translation of B. Šinkuba (1974).

1978 *Последний из ушедших*. Перевод К. Симонова и Я. Козловского. Москва: Советский писатель, 320 с.

1979 *Ацынцэарах. Атоурыхтэ роман х-шәкәыкны*. // Шьынқэба, Баграт. *Ифымтақәа реизга*. Ахпатәи атом. Ақәа: Алашара, с. 5–429.

- 1979 *Последний из ушедших*. Перевод К. Симонова и Я. Козловского. — Библиотека «Дружбы народов». Москва: Известия, 350 с.
- 1982 *Последний из ушедших*. Перевод К. Симонова и Я. Козловского. Москва.
- 1989 *Ацынҕаарах* (Аҕоурыхтэ роман х-шэккыкны) // *Шьынқәба, Баҕрат. Иҕымтақҕа реизга*. Ахцатэи атом. Апроза. Ақәа: Алашара, с. 5–403.
- 2012 *Последний из ушедших*. Перевод К. Симонова и Я. Козловского. Сухум: Абгосиздат, 392 с. Тираж 1500.

Burnside, John.**Бёрнсайд, Джон.**

- 2002 'The Last Man to Speak Ubykh' // *Letters. London Review of Books*, Vol. 24, No. 16, 22 August, p. 20.
- См.<http://www.lrb.co.uk/v24/n16/john-burnside/the-last-man-to-speak-ubykh>.

~ Поэма «Последний человек, говорящий на убыхском».

Schinkuba, Bagrat.**Шинкуба, Баҕрат.**

- 1981 *Im Zeichen des Halbmonds. Historischer Roman*. Berlin: Rütten & Loening, 392 p.

~ Немецкий перевод романа Б. Шинкуба (1974).

~ German translation of B. Šinkuba's novel (1974).

Shinkuba, Bagrat.**Шинкуба, Баҕрат.**

- 1986 *The Last of the Departed*. Translated into English by Paula Garb. Moscow: Raduga Publishers, 325 p.

~ Английский перевод романа Б. Шинкуба (1974). English translation of Šinkuba (1974).

2000 *Son Ubıh. Tarihi Anı Roman*. Çeviri: Hande Canlı. İstanbul: Tümzamanlaryayıncılık, 363 p.

~ Турецкий перевод романа Б. Шинкуба (1974). Turkish translation of *Şinkuba* (1974).

Şinkuba, Bagrat.

Шинкуба, Баграт.

1990 *Son Ubıh*. Abhazca'an çeviren, Hayri Ersoy (Suktar); redaksiyon ve düzenleme, Yalçın Karadaş. İstanbul: Nart Yayıncılık Organizasyon. – Çeviri dizisi, 2.

~ Турецкий перевод романа Б. Шинкуба (1974). Turkish translation of *Şinkuba* (1974).

šinkuba, bagrat'.

Шинкуба, Баграт.

1981 *uk'anask'neli ubixi. romani*. targmna: tamar čidžavadze. tbilisi: merani.

~ Грузинский перевод романа Б. Шинкуба (1974). Georgian translation of *Šinkuba* (1974).

1987 *uk'anask'neli ubixi. romani*. targmna: tamar čidžavadze. tbilisi: merani, 303 c.

**IV. УБЫХИ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ.
UBYKHS IN MEDIA**

Гуажба, Руслан.

Guazhba, Ruslan.

1998 Убыхи: наша общая судьба. // Газ. *Абазашта*. Черкесс, № 7.

1998 Убыхи: наша общая судьба. // Газ. *Республика Абхазия*. Сухум, № 878.

1998 Убыхи: наша общая судьба. // Газ. *Республика Абхазия*. Сухум, № 969.

Касумов, А.Х.

Kasumov, A.X.

1994 Трагическая судьба убыхов. // Газ. *Советская молодежь*, № 69.

Мукба, Анзор Кокович.

Mukba, Anzor.

1994 Убыхи Хаджи-Османа. // Газ. *Республика Абхазия*. Сухум, 13–15.

1994 Убыхи Хаджи-Османа. // Газ. *Хасэ*, 27 апреля, № 5 (28), с. 5.

Осман, Айдын.

Osman, Aydin.

1998 Убыхи. // Газ. *Черкесский мир*, № 2, с. 28–31.

Хамыт, Сергей.

Khamyt, Sergei.

1990 Трагедия убыхов. // Газ. *«Абхазский университет»*, 13 апреля.

1999 Трагедия убыхов. // Сергей Хамыт. *Аубых итрагедиа*. Ақәа, с. 105–108.

Чирикба, Вячеслав.

Chirikba, Viacheslav.

2010. Убыхский народ практически сгорел в борьбе за свободу.

Беседа Инны Хаджимба с доктором филологических наук, лингвистом-кавказоведом Вячеславом Чирикба. // *«Абаза»*. Общественный, литературно-художественный, научно-популярный журнал Всемирного абхазо-абазинского (Абаза) конгресса, № 2(13), 30.09. 2010, с. 56–59.

2012 Убыхский народ практически сгорел в борьбе за свободу. // Ж. *«Абаза»*. Юбилейный выпуск. С. 203–206.

Altan, Mehmet.

2009 Küsme ve ölme: Yoksa dilin kaybolur... // Газ. *Star Gazetesi*, 1 Mart.

Batur, Enis.

2009. Kayıp bir dilin peşinde. // *NTV Tarih Dergisi*, sayı:3, Nisan 2009, p. 68–69.

Çurey, Ali.**Чурей Али.**

1993 Son Ubıh. // Газ. *Yeni Kafkasya (Gazetesi)* 14–15, Kasım. İstanbul, p. 5.

~ «Последний убых». “The Last Ubykh”.

Dahlburg, John-Thor.**Далбург Жон-Тор.**

1984 Linguists race against time to capture a doomed language. // *The Providence Sunday Journal*, July 1, p. A-11.

~ О Ж. Дюмезиле, Т. Эсенче, убыхском языке.

~ On G. Dumézil, T. Esenç, the Ubykh language.

Edgü, Ferit.**Эдгю, Ферит.**

1983 Ubuhceyi Kurtaran Adam: George Dumézil. // Газ./Newspaper “*Milliet*”, 22 Ocak [January].

Eremektar, Uygör.**Эремектар, Уйгөр.**

1987 Georges Dumezil’in Ölümü. // Ж. *Kafdağı, Kuzey Kafkasya Kültür Derneği Aylık Kültür Sanat ve Haber Dergisi*, Yıl 1, Sayı, 1 Şubat.

Ersöz, C.**Эрсөз, Дж.**

1988 ‘Sinema Günlerimdeki “Son Sesler” belgeselinin öyküsü. Hafızası yorgun Kafkas kabilesi. // Газ. *Cumhuriyet*, 10 Nisan, p. 11.

~ О документальном фильме “Последние голоса”, рассказывающем об убыхах и их исчезающем языке.

Esenç'in Yaşamından Sayfalar. Ubıh Kültürünün Tılsımlı Dünyasvndaki Son Nefes de Durdu. // Газ. *Nartın Sesi (Gazetesi)*, Sayı: 3, Kasım. İstanbul, 1992, p. 2.

Gilbert, Laurence.

Жильбер, Лоранс.

1984 De Nostradamus au Dictionnaire Oubykh: L'univers de George Dumézil. // Газ. *Le Point* 600, 19 Mars, p. 147–154.

Nasıl Tanınıyordu. // Газ. *Nartın Sesi (Gazetesi)*, – Ubıh Kültürünün Tılsımlı Dünyasvndaki Son Nefes de Durdu. Sayı: 3, Kasım. İstanbul, 1992, p. 2.

Olender, Maurice.

Оландер, Морис.

1983 Les festins secrets de George Dumézil. // Газ. *Le Nouvel Observateur*, Paris, 14–20 janvier.

~ Интервью с Ж. Дюмезилем. Interview with G. Dumézil.

Son Vubıh Tevfik Esenç'i Anıyoruz. // Газ. *Yeni Kafkasya (Gazetesi)* 13, Eylül. İstanbul, 1992, p. 5.

Şule, Arasan.

Шуле, Арасан.

1988 Yokolan Bir Dil : Ubuhça. Ubuhların Son Sesi. // Ж. *Nokta* 27, Şubat, p. 62–63.

Taş, Yusuf.

Таш, Юсуф.

1992 Tevfik Esenç'in Ardınan – Hacıosman Köyünden Geliyorum. // Газ. *Nartın Sesi (Gazetesi)* 3, Kasım. İstanbul, p. 2.

Ubıhça'nın Özellikleri. // Газ. *Nartın Sesi (Gazetesi)*, – Ubıh Kültürünün Tılsımlı Dünyasvndaki Son Nefes de Durdu. Sayı: 3, Kasım. İstanbul, 1992, p. 2.

Fransız dil sihirbazı öldü. // Газ. “Milliet», 15 октября 1986 г.

~ «Умер французский волшебник языка». Сообщение о смерти Жоржа Дюмезиля.

~ “The French Language Wizard Died”. Information of the death of George Dumézil.

<http://gazetearsivi.milliyet.com.tr/Arsiv/1986/10/15>

**V. ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ ПО УБУХСКОМУ ЯЗЫКУ.
INTERNET RESOURCES ON THE UBYKH LANGUAGE.**

Open Language Archives Community (OLAC) resources in and about the Ubykh language: <http://www.language-archives.org/language/uby>

Langues et civilisations à tradition orale (LACITO), Paris. France:
http://lacito.vjf.cnrs.fr/pangloss/tools/list_rsc_en.php?lg=Ubykh&aff=Ubykh
<http://lacito.vjf.cnrs.fr/archivage/languages/Ubykh.htm>

The University of California, Los Angeles (UCLA) Phonetics Lab Archive. Ubykh: <http://archive.phonetics.ucla.edu/Language/UBY/uby.html>

Ш. Д. ИНАЛ-ИПА
УБЫХИ

Историко-этнографические очерки

В. А. ЧИРИКБА
УБЫХСКИЕ ЭТЮДЫ

Дизайн-макет С. Садзба